УРАЛЬСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

№ 9

УрО РАН

В областную публичную библиотеку
г. Екатеринбурга [illegible] 29.04.2010 г.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
■
Институт истории и археологии

УРАЛЬСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

№ 9

Проблемы экономической истории России:
региональное измерение

Издательство «Академкнига»
Екатеринбург
2003

ББК 63.3(2Р36)
У 68
УДК 947(470.5)

У68 **Уральский исторический вестник.** № 9. Проблемы экономической истории России: региональное измерение. — Екатеринбург: «Академкнига», 2003. — 376 с.

ISSN 1728-9718

Выпуск посвящен региональным аспектам экономической истории. В статьях рассмотрены технико-технологические, социально-демографические, институционально-управленческие факторы экономического развития регионов. В центре внимания — экономическая история Урала, в частности, развитие горнометаллургической промышленности края. В журнале опубликованы новые документы по истории предпринимательства. Издание рассчитано на историков, экономистов, металлургов, демографов, социологов, искусствоведов.

ISSN 1728-9718

ПРЕДСТАВЛЯЮ НОМЕР

Очередной выпуск Уральского исторического вестника, подготовленный историками академических и вузовских учреждений Екатеринбурга, Москвы, Тулы, Нижнего Тагила, Сургута, зарубежными специалистами-русистами из университетов США и Германии, посвящен региональным аспектам экономического развития.

Процессы экономического развития имеют не только временное, но и пространственное измерение. Они приобретают удивительное своеобразие и неповторимость в зависимости от времени и места. Пространственные условия обусловливают возможности и ограничения процессов экономического развития, навязывают ему определенную пространственную форму. Данное обстоятельство объясняет актуальность обращения к региональным измерениям экономического развития.

В статье В.В. Алексеева ставится проблема актуализации регионального исторического опыта, использования его в современных проектах социально-экономического развития территорий. Автором дан комплексный анализ исторического наследия Ханты-мансийского автономного округа (Югры); акцент сделан на исследование механизмов обеспечения устойчивого развития; экономического и социального прогресса; организации межэтнических отношений. На основе изучения индустриального освоения Севера автор предостерегает против опасности диспропорционального развития технико-экономических и социальных аспектов.

С.А. Нефедовым проанализирована информация о динамике барщины и оброков для различных категорий крестьян, о размерах крестьянских наделов, об урожайности и производственных возможностях крестьянского хозяйства, позволяющая судить об уровне жизни крестьян в XVII веке.

Центральное место в издании заняли проблемы экономического развития Урала, в частности, уральской горнометаллургической промышленности, отметившей в 2001 г. 300-летний юбилей. В статье Д.В. Гаврилова проанализированы главные тенденции развития горнозаводской промышленности Урала в период экономического подъема 1890-х гг. в контексте модернизационного подхода. Основное внимание уделено технологическому прогрессу, изменениям в структуре и финансово-экономической организации горнозаводских хозяйств. В статьях В.А. Ляпина и А.В. Жука освещаются технико-экономические аспекты истории военного производства на Урале. Е.Ю. Рукосуев проанализировал изменения в динамике производства и ассортименте выпускаемой продукции уральских металлургических заводов в связи со строительством Транссибирской магистрали, выявил влияние опыта строительства железных дорог на Урале на сооружение Транссибирской магистрали.

Интересный материал представлен в статье В.П. Микитюка, попытавшегося на примере Никольского чугуноплавильного и чугунолитейного завода рассмотреть проблему функционирования мелких металлургических предприятий, созданных на рубеже XIX–XX вв. в условиях концентрации производства, свой-

ственной для уральской металлургической промышленности. Автор проанализировал опыт представителей торгового капитала по созданию горнозаводских предприятий.

Вопросы формирования производственной культуры и трансляции технологий рассматриваются в статьях Н.С. Корепанова и И.Н. Юркина. В статье В.А. Манина проанализирован процесс регламентации платы заводовладельцев за использование государственных угодий на протяжении XVIII в. в контексте промышленной политики правительства, выявлено влияние на данный процесс казенных и частных интересов.

Е.Г. Неклюдов на основе применения микроисторического подхода проанализировал историю взаимоотношений между владельцами Сысертских заводов, наследниками А.Ф. Турчанинова, в конце XVIII – первой половине XIX в. В центре внимания — конфликт между владельцами за контроль над заводскими доходами, в который, помимо ближайших родственников, были втянуты государственные органы разного уровня. Автором выявлены основные этапы, формы и последствия данного конфликта для системы управления и динамики производства.

Существенное внимание в журнале уделено социальным аспектам развития уральской горнозаводской промышленности. Американские исследователи Х. Хадсон-мл., Б. Дехарт, Д. Гриффитс проанализировали эволюцию политики Российского государства по обеспечению рабочей силой горнометаллургических предприятий в XVII — первой половине XIX в., выявили основные источники формирования рабочей силы, правовое регулирование принудительного труда на заводах, положение трудящихся. В статье С.В. Голиковой на основе методологии Т. Шанина предпринята попытка описать домохозяйство горнозаводских жителей как особую организационно-хозяйственную форму «неформальной»/«эксполярной» экономики внутри окружной системы. М.А. Фельдман рассмотрел вопросы численности и состава рабочих черной металлургии Урала в 1913—1940 гг., показал взаимосвязь процессов модернизации и изменений количественных и качественных характеристик рабочих отрасли.

Источниковедческие и историографические проблемы истории уральской горной промышленности нашли отражение в работах Е.С. Тулисова и В.В. Запария.

Проблемам внешнеэкономических связей регионов Урала в 1920—1930-е гг. посвящена статья В.П. Тимошенко. Автор выявил влияние на развитие региональной внешней торговли как настроений в верхах власти, так и интересов непосредственных производителей.

В статье Л.В. Сапоговской проанализировано развитие производства и обращения золота в Российской Федерации в политически и экономически сложный период 90-х гг. XX в. Автором делаются выводы о неустойчивости наметившейся в рубежные годы XX—XXI вв. тенденции выхода российской золотодобывающей промышленности из кризиса, ее неэффективной «встроенности» в систему хозяйствования, отсутствии на современном этапе государственной политики, ориентированной на реализацию государственных и национальных интересов в сфере золота.

Социально-демографическим аспектам развития Урала в 20—30-е гг. XX в., тесно связанным с хозяйственно-экономическими, посвящены статьи Г.Е. Корнилова, О.В. Павловой и Л.Н. Мазур.

Существенное место на страницах журнала получили проблемы использования принудительного труда в СССР. Л.И. Бородкин и С. Эртц исследовали роль Норильлага в экономике ГУЛАГа и в промышленности цветных металлов СССР, реконструировали динамику численности, смертности, общей и профессиональной структуры заключенных. В статье Н.В. Суржиковой рассмотрена проблема трудового использования иностранных военнопленных Второй мировой войны на Среднем Урале, выявлены основные сферы применения труда пленных — строительство, добывающая и металлургическая промышленность, предприятия топливно-энергетического комплекса и лесозаготовки, а также экономика НКВД–МВД. Автор пришел к выводу, что вопреки бытующему сегодня мнению пленные никогда не составляли основы трудовых ресурсов Среднего Урала.

В рубрике «Публикации» помещены ценные источники по истории предпринимательства и горного производства на Урале. Теоретические проблемы экономического развития обсуждаются в разделе «В помощь преподавателю вуза и школы». В рубрике «Научная жизнь» помещены рецензии на книги по экономической истории.

Главный редактор
академик РАН В.В. Алексеев

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

В.В. Алексеев

ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ЮГРЫ КАК РЕСУРС СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

В последнее время на фоне глобальных экономических проблем России в отдельных регионах наметилась тенденция возвращения в разработке планов социально-экономического развития, что в рыночной экономике представляет непростую задачу. Для более успешной реализации этой тенденции, необходимо обратиться к изучению исторического опыта предшествующего развития, чтобы снова не оказаться в плену старых представлений.

Рассмотрим данную проблему на примере Ханты-мансийского автономного округа (Югры), который находится на севере евразийского материка и обладает уникальными природными ресурсами, обеспечивающими мощный индустриальный комплекс мирового значения. Его не омывает теплое течение Гольфстрима, а столица даже не связана железнодорожной колеей с внешним миром. Это относительно замкнутый анклав, не имеющий выходов к океану, а, следовательно, и к центрам мировой торговли и культуры. Перед ним стоит задача выживания в неестественных для Крайнего севера рыночных условиях. Главными проблемами являются: обеспечение стабильного развития; пути экономического и социального прогресса; межэтнические отношения. Посмотрим, какую роль в их решении может сыграть историческое наследие Югры.

Древность

Древнюю историю Северо-Западной Сибири следует рассматривать в сочетании глобальных и региональных явлений. В этногенезе края в разных долях приняли участие представители двух больших рас (монголоидной и европеоидной) и трех языковых семей (уральской, алтайской и индоевропейской). Таким образом, праистория Обь-Иртышья оказывается не затерянным медвежьим углом, а перекрестком значительных этно-культурогенетических процессов. Для иллюстрации современной значимости древней и средневековой истории как актуального наследия можно ограничиться характеристикой двух феноменов: (1) устойчивости культуры в условиях таежной зоны Западной Сибири, (2) опыта межэтнического взаимодействия в процессе освоения Обь-Иртышья.

Феномен устойчивого развития

В современной зарубежной и отечественной гуманитарной науке принцип устойчивого развития служит основным критерием для любого социально ори-

ентированного проекта. Зачастую поиски моделей устойчивого развития северных территорий ведутся на Западе. Между тем, северные территории России и населяющие их народы обладают собственным историческом ресурсом подобного опыта. Изучение праисторических моделей устойчивого развития имеет особое значение для современности, если речь идет о той же территории и тех же естественно-географических условиях.

Археологические источники по северу Западной Сибири свидетельствуют о плотном заселении юго-западной части региона с середины VII тыс. до н.э. Высокий уровень домостроительства, разнообразие типов построек и микропластинчатой индустрии показывает, что у населения западносибирского Севера уже в этот период сложился необходимый механизм культурной адаптации к окружающей природной среде. Кроме того, примечательно, что основной поток первопоселенцев края шел с запада, из-за Урала, из сходных в экологическом отношении лесных районов Восточной Европы.

В дальнейшем заселенность края существенно возрастает. При этом, несмотря на обновление технологий, стратегия освоения региона остается прежней, и субъектами этого освоения являются те же группы прауральцев, предков самодийцев и угров. В подобных случаях нередко заходит речь о консерватизме и застойности традиций. Так долгое время оценивали и историю Обь-Иртышских культур. Однако последние археологические открытия вносят в эти представления существенные коррективы. Например, в бассейне р. Казым (Белоярский район ХМАО) обнаружено древнейшее в северной Евразии неолитическое городище Амня I. Этот памятник уникален, поскольку укрепленные поселения в других районах Северо-Западной Сибири известны лишь с нач. I тыс. до н. э.

Одним из ярких памятников эпохи бронзы в Западной Сибири является городище Малый Атлым I, расположенное на окраине одноименного посёлка (Октябрьский район ХМАО). Древние атлымцы освоили металлургическое производство, создали самобытное декоративно-прикладное искусство, известное по орнаменту на керамике. Наиболее примечательно явление, ставшее следствием высокого развития таежных культур: в начале I тыс. до н. э. фиксируется экспансия атлымского населения на юг, в лесостепь, бывшей в ту пору зоной влияния развитых скотоводческих и земледельческих культур.

В эпоху раннего средневековья Западносибирская тайга была представлена устойчиво развивавшейся Обь-Иртышской культурно-исторической общностью. Примечательно, что Евразийская степь в это время характеризовалась крайней политической нестабильностью и высокой миграционной динамикой. За вторую половину I тыс. н. э. в бурлящей войнами и переселениями степях Сибири и Урала сменилось не менее шести политических образований: 1-й и 2-й Тюркские, Уйгурский каганаты, объединения кыргызов, кимаков, киданей.

Феномен устойчивости культурных традиций в таежной зоне Западной Сибири обусловлен системой экологической и социальной адаптации, гармонично соотнесенной с географической и популяционной средой. Адаптационная модель соответствовала стабильной и разнообразной экосистеме тайги, на основе которой развивался комплексный тип экономики. В тайге человек имел возмож-

ность встроиться в ценозные цепи на множестве различных уровней. Более того, он приобрел умение встраиваться в них на многих уровнях одновременно, чем и обеспечил, с одной стороны, постоянство потребления биоресурсов, с другой, их сохранность и воспроизводство. Кроме того, тайга представляла собой естественный щит от кочевников степей и тундры.

Обь-Иртышскую модель устойчивого развития можно охарактеризовать следующими основными признаками: (1) комплексное и сбалансированное освоение биоресурсов с элементами природовосстанавливающих технологий (например, сезонная регламентация промыслов, создание сакрализованных территорий-заказников); (2) автохтонность и ориентация адаптационной модели на региональные ресурсы и самообеспечение; (3) отработанность механизмов внешних контактов и защиты социокультурной среды от иноземной агрессии и зависимости. Все эти критерии, несмотря на их древность, вполне соотносимы с современными нуждами и перспективами развития округа, и в этом смысле новейшие концептуалисты могут позаимствовать много ценного в опыте тысячелетней давности, а современные менеджеры найти союзников в лице коренных жителей — хранителей древних традиций.

Опыт межэтнического взаимодействия

Имея целью показать прежде всего позитивный опыт истории, мы, вместе с тем, не можем обойтись без сопоставительного анализа различных, в том числе деструктивных, тенденций, особенно при взгляде на столь сложную проблему, как межэтнические контакты. При всей своей устойчивости адаптационная модель коренных жителей края испытала в разные периоды мощное инокультурное воздействие. Таежное Обь-Иртышье — не остров, а территория, со всех сторон окруженная различными природными и этнокультурными средами. Если до предела схематизировать картину поздней (средневековой) фазы этногенеза таежного Обь-Иртышья, то в ней обозначатся четыре (по сторонам света) окружающих этнокультурных ареала: самодийский север, эвенкийско-кетский восток, тюркский юг и финно-славянский запад. При всей сложности, иногда драматичности, взаимоотношений с севером и востоком, наиболее значимыми были западный и южный источники миграций и влияний. Эти направления преобладали, как уже отмечалось, с глубокой древности, а в средние века на южной и западной границах Обь-Иртышского мира сложились мощные государственные образования.

Несколько слов о северном и восточном направлениях взаимодействия. Контакты таежных жителей с северными оленеводами-ненцами, как можно судить по фольклорным и письменным источникам, носили многоплановый характер, включая торговлю, военные столкновения, брачные и соседские связи. Несмотря на вспыхивавшую подчас вражду, угорско-самодийские взаимоотношения имели вид устоявшегося и сбалансированного диалога (тем более что самодийские группы лесных ненцев и селькупов населяли и таежную зону). Специализация хантов и манси на рыболовстве и охоте вполне органично сочеталась со специализацией самодийцев на оленеводстве, и оба этнических сооб-

щества уживались на смежных территориях: угры осваивали прежде всего долины крупных рек и нижнее течение их притоков, самодийцы господствовали на водоразделах и открытых безлесных пространствах. В этом соотношении развивались торговля и межкультурные заимствования. В менее интенсивной форме те же процессы характерны для восточного направления, где западносибирские угры и самодийцы вступали в контакты с подвижными охотниками-оленеводами эвенками. В целом северное и восточное направления можно охарактеризовать как ареалы долговременного и сбалансированного межэтнического взаимодействия.

Южное и западное направления выглядели заметно импульсивнее в связи с неустойчивостью военно-политического климата и жестким взаимным противоборством политических сил в степях Евразии и Восточной Европе. По хронологии и характеру влияния можно различить два основных периода и типа внешнего воздействия: (1) новгородско-булгарский и (2) ордынско-московский. Оба в этническом отношении представляют собой комбинацию тюркских и славянских традиций, однако механизм и последствия их воздействия на население Обь-Иртышья выглядят неодинаково.

В эпоху развитого средневековья возрастает доля участия таежных территорий в международной торговле. С упадком Великого шелкового пути в VIII–IX вв. валютой на европейских рынках вместо шелка становится мех ценных пушных зверей — соболя, бобра, чернобурых лисиц. Возникают новые торговые магистрали — Балто-Каспийский (Волжский) и Балто-Черноморский пути. На них вырастают крупные торговые, культурные и политические центры, соответственно Великий Булгар и Великий Новгород. Именно с ними связаны первые письменные известия о Югре и ее вовлечение в международную торговлю.

Несмотря на то, что Югра числилась среди даннических областей Новгорода, известий о том, что эта зависимость побуждала туземцев к миграциям и бегству, нет. Югра по-прежнему располагалась в Северном Приуралье, а самоеды в XI–XV вв. даже расширили свои миграции в западном направлении, что не в последнюю очередь было вызвано торговым притяжением Русского Севера. Примечательно, что ни Новгород, ни Булгар не пытались в буквальном смысле завоевать территорию югры и покорить местных жителей, оставаясь главным образом торговыми партнерами.

В отличие от новгородской «торговой» колонизации, московская была основана на военно-административной экспансии, и ее результатом стал значительный отток коренных жителей за Урал и вглубь Сибири, а также интенсивное миграционное движение внутри региона, приведшее к исчезновению одних этнических сообществ (в том числе летописной югры) и появлении новых: вогулов, остяков, позднее северных групп манси, селькупов, восточных ненцев. Силовой стиль управления включал военное давление и христианизацию, с одной стороны, создание зависимой местной элиты и тактику налоговых льгот, с другой. Подобный тип взаимоотношений не отличался стабильностью, изобиловал открытыми и скрытыми проявлениями протеста туземцев, находился в тесной зависимости от персональных склонностей, иногда капризов, администраторов и не способствовал развитию местной экономики.

Сопоставление новгородского и московского типов колонизации приведено не для расстановки положительных или отрицательных оценок. В данном случае примечателен эффект восприятия или отторжения местными жителями двух вариантов внешнего воздействия. Вариант торговой колонизации вызвал встречное позитивное действие со стороны коренных жителей, вариант административно-военной колонизации — сопротивление и противостояние. В дальнейшей истории Западной Сибири эти две традиции взаимоотношений местного и пришлого населения в разных пропорциях продолжали развиваться. Пожалуй, в оптимальной для российского управления форме они проявились в «Уставе об управлении инородцами» М. М. Сперанского 1822 г. и последующей административной практике. И в наши дни актуальна проблема выбора ключевых критериев диалога между властью и жителями округа, между коренным и пришлым населением. В этом отношении инструментарий действий новгородцев и москвичей, а также запечатленные в истории последствия этих действий, представляют обширный спектр характеристик и явлений, более точно отражающий реалии Сибири, чем иные зарубежные, австралийские или скандинавские, образцы.

В целом, исторический опыт освоения Югры русскими свидетельствует, что это была важная фаза развития ее производительных сил, которая способствовала заселению края и накоплению капиталов для последующего освоения. В отличие от многих других осваиваемых территорий мира, где коренное население сгонялось со своих земель и в значительной степени уничтожалось, сибирские аборигены как главные поставщики пушнины сохранялись и выполняли важную функцию по освоению районов с экстремальными природно-климатическими условиями.

Отличительным признаком начальных этапов российской колонизации Югры был ее относительно сбалансированный характер. Русские поселения здесь (Березов, Пелым, Сургут) развивались как комплексные административно-хозяйственные и культурные центры. Наряду с административной и производственной создавалась надежная бытовая инфраструктура, которая на уровне требований того времени обеспечивала необходимые условия жизнедеятельности: заселение, обживание, хозяйствовенное освоение суровых пространств Севера. Это оказывало благоприятное воздействие на социальную обстановку, устойчивость которой в свою очередь создавала хорошие предпосылки для экономического и культурного роста, что стоило бы учитывать при освоении нефтяного Приобья [1].

Современность

Основополагающим фактом в новейшей истории Югры стало открытие на ее территории нефтяных и газовых месторождений мировой значимости, чему предшествовали почти 300 лет упорных поисков, редких находок, больших надежд и горьких разочарований. На пути к цели русскими землепроходцами, промышленными людьми, горными инженерами и рабочими преодолевались не только тысячи километров глухой тайги и непроходимых болот, но и дебри противоречивых концепций, столкновение научных школ, государственных, ве-

домственных и частных интересов, обманчивых иллюзий и упорный скептицизм.

Приведем некоторые из многочисленных примеров, для того, чтобы глубже осмыслить мировую значимость открытия новой нефтегазовой провинции. Вскоре после присоединения Сибири к русскому государству (последняя четверть XVI в.) о выходах в бассейне Оби битумных сланцев — спутников нефти — писал сосланный в Тобольск хорватский общественный деятель Юрий Крижанич. «Каменное масло» на берегах Иртыша обнаружило посольство Ивана Унковского, направленное Петром Великим в 1722 г. в Джунгарию. Позже сибирское «каменное масло» описал великий русский ученый М.В. Ломоносов.

В первой четверти XVIII в. крупную экспедицию в Сибирь совершил немецкий исследователь Д.Г. Мессершмидт. В ее составе работал пленный шведский капитан Ф. Табберт, который, вернувшись на родину, опубликовал в 1730 г. под фамилией Ф. Иоганна фон Страленберга книгу «Северная и Восточная часть Европы и Азии». В ней указывалось: «По реке Иртыш между соленым озером Ялишево и Семью Палатами находится битуминозный материал, который загорается, если его подержать на свету». Более того, он утверждал: «Нефть так же имеется в Сибири в Уральских горах».

Любопытно, что знаменитый французский писатель-фантаст Жюль Верн в конце XIX в. в малоизвестном в России романе «Михаил Строгов», как бы предвосхищая грандиозную нефтяную будущность Сибири, писал: «Почва Центральной Азии, как губка, напитана углеводородными соединениями... Источники нефти бьют ключом, тысячами на поверхности земли».

С начала XX в. развернулся своеобразный нефтяной референдум о возможной нефтеносности Запада Сибири, особенно после неожиданного заявления академика И.М. Губкина (1932 г.). Истина рождалась в ожесточенных спорах представителей различных школ нефтяников, пока так же неожиданно на территории Югры были обнаружены промышленные запасы нефти и газа (50—60-е гг.) [2].

Остановимся подробней на двух животрепещущих сюжетах современной Югры: проблемах индустриального освоения Севера и опыте его социального развития.

Некоторые проблемы индустриального развития Севера

Наиболее эффективные из найденных месторождений Сибирской нефти располагались на территории Югры. Среди них мировая жемчужина — Самотлор. Темпы нефтедобычи росли стремительно. Уже через 13 лет после начала промышленной разработки был добыт первый миллиард тонн нефти, что является не только российским, но и мировым рекордом. К концу века из югорских недр извлечено более 7 млрд. т. нефти. Сегодня здесь добывается около 60 % российской нефти. Югорская нефть, с одной стороны, сыграла спасительную роль для слабо эффективной экономики СССР последних лет его существования, а с другой стороны, способствовала эрозии этой экономики, заведшей страну в тупик зависимости от экспорта энергоносителей. Позитив заключается

в том, что продажа нефти за рубеж обеспечивала большую часть валютных поступлений для страны, давая возможность закупать за границей высокие технологии и удовлетворять элементарные потребности населения, прежде всего в продуктах питания. Только за 1974—1984 гг. за нефтепродукты, главным образом сибирского происхождения, было получено 176 млрд. долларов.

А негатив выразился в том, что СССР, рассчитывая на импорт дефицитной продукции, не принимал должных усилий по развитию своего производства, что привело к стагнации технического прогресса и пренебрежению нуждами сельского хозяйства. Как только США добились резкого снижения мировых цен на нефть, так Советский Союз оказался в очень сложном положении, что, в конечном счете привело к его гибели и нынешним трудностям России. Произошло примерно то, что случилось с Испанией после великих географических открытий, когда некогда могущественная держава, уповая на приток дешевых колониальных товаров, перестала развивать свое производство и оказалась в аутсайдерах Европы, уступив пальму первенства Британии, ставшей «мастерской мира».

Этот исторический урок должен быть усвоен не только новой Россией, но и Югрой, в частности. Рано или поздно фонтаны «черного золота» иссякнут и что тогда будет с ее населением, городами, всей гигантской северной инфраструктурой. Задумываясь над этим, группа ученых из Уральского и Сибирского отделений РАН предлагает расширить сферу развития производительных сил Югры за счет использования всей совокупности ее природных ресурсов, не ограничиваясь добычей углеводородов. Актуальной задачей ближайшего времени является развертывание дополнительных поисково-разведочных работ в Приполярном Урале в целях подготовки промышленных запасов. Как показывают исследования Института экономики УрО РАН с позиций экономической эффективности наиболее обоснованными направлениями разработки минерально-сырьевой базы на первом этапе освоения являются месторождения бурых углей Сосьвинского бассейна, рассыпного и коренного золота, бетонитовых глин и железных (скарно-магнетитовых) руд в Харасюрском рудном поле Березовского административного района. Эти месторождения находятся в радиусе 220—400 км от ближайших железных дорог Ивдель—Обь и Полуночное—Ивдель—Серов [3].

Не стоит забывать и о другой крайности развития производительных сил региона — попытках затопления поймы Оби в результате создания на ней каскада гидроэлектростанций, которые активно дебатировались в 50—60-х гг. Водохранилище самой крупной из них, Нижне-Обской ГЭС, должно было затопить свыше 100 тыс. кв. км низменности. При реализации проектов строительства всех станций каскада общая территория зон затопления могла составить величину, близкую к акватории Балтийского моря. На месте бескрайних болот Обь-Иртышского междуречья проектировщикам виделось громадное внутреннее море, воды которого предполагалось направить через Тургайские ворота в засушливые районы Казахстана и на хлопковые плантации среднеазиатских республик. В результате напряженной и упорной борьбы мнений удалось принять правильное решение. Проектирование гидроэлектростанций было приостановлено, а затем снято с повестки дня, что обеспечило успешную разведку

и последующую эксплуатацию нефтяных и газовых месторождений. Казалось бы, это дела давно минувших дней. Однако, совсем недавно к забытой идее вернулась группа политиков во главе с мэром г. Москвы Ю.М. Лужковым, которая, шельмуя противников стародавнего проекта, настаивает на необходимости переброски вод Оби в те же самые южные районы. Думается, что позитивный исторический опыт решения данного вопроса позволит избежать непоправимой ошибки и в наши дни, по крайней мере, найти приемлемое решение в новой ситуации.

Исходя из прошлого опыта, не может не беспокоить также ведомственная разобщенность в освоении региона. Если в годы Советской власти индустриальные сатрапии, отражая интересы центральных министерств, не считались с его нуждами, то теперь вертикально-интегрированные нефтяные компании проявляют нечто подобное. Проблема заключается в том, чтобы нивелировать такие устремления путем координирующей роли администрации Ханты-Мансийского автономного округа, что представляется вполне реальным в нынешних условиях.

Из опыта социального развития

Советская социальная политика, реализованная в практике крупных строек базировалась на двух незыблемых принципах. Сущность первого определялась фразой «сначала» и «потом», то есть утверждалось, что объектом первоочередного строительства являются промышленные предприятия, а сооружения социальной инфраструктуры должны возводиться после их завершения. Другой принцип основывался на психологическом стереотипе, прочно утвердившемся в 50—60-е годы. Суть его заключалась в признании бытовой неустроенности своеобразным проявлением «романтики будней», «спутником героизма». Поэтому отсутствие элементарных объектов социального обеспечения рассматривалось неотъемлемым атрибутом «новостроек».

Эти элементы социальной политики были присущи и освоению Средней Оби, особенно на начальном этапе. За основу создания нефтегазодобывающего комплекса был взят принцип одновременного создания отраслей специализации, производственной и социальной инфраструктуры, строительства городов. Специфические условия Севера: малоосвоенность, отдаленность от промышленных центров, отсутствие транспортных магистралей круглогодичного действия, затрудняли реализацию предложенного варианта освоения. Поэтому с первых шагов в теории и на практике с переменным успехом шла борьба двух мнений: основательно обживать Север или ограничиваться временными поселениями, вахтовым методом.

Поучительным, дающим серьезную информацию к размышлению, является сопоставление отечественного опыта освоения Севера Западной Сибири и зарубежного Севера. Мировая практика к середине 60-х годов имела интересный опыт освоения северных территорий Канады и Аляски. Схожесть природно-климатических и географических факторов дает возможность провести параллели, сравнить как характер, так и конечные результаты процессов освоения малообжитых районов.

По утверждению исследователей зарубежного Севера, в процессе его освоения следует выделять два этапа — 30—40 и 60—80-е годы. Освоение севера Канады в 30-40-е годы привело к созданию так называемых «городов-компаний», где компания-владелец практически всего поселка ограничивалась созданием минимальных удобств для проживания работающего персонала. В 60-е годы начинается новый этап, связанный с созданием «образцовых городов». При планировке и застройке новых городов использовались последние достижения градостроительства, позволяющие создать максимальные удобства для проживающего населения. Более того, социальная инфраструктура во всех районах освоения создавалась значительно раньше самих промышленных объектов, а уровень ее услуг был не ниже, а зачастую выше, чем в городах освоенной части страны. Высокий уровень социальной инфраструктуры, комфорта, современный облик новых городов — все это позволяло их отнести к категории «образцовых».

В чем же причины столь разительного контраста 2-х этапов в процессе освоения зарубежного Севера? Изменение модели освоения было во многом обусловлено развертыванием научно-технической революции. Максимальное использование достижений научно-технического прогресса позволяло увеличить мощности производства при снижении численности работающих и тем самым достигнуть оптимальных размеров центров освоения. Для таких производственных центров характерна численность населения около 1-2 тыс., редко свыше 5 тыс. человек. В то же время для них было характерно высокое соотношение выпуска продукции к численности населения. Изменение условий не повлияло на сам характер освоения, оно по-прежнему носило очаговый характер, но архитекторы могли позволить «роскошь»: применять самые последние достижения в области градостроительства с учетом специфических условий Севера.

Градостроительная практика на севере Западной Сибири принципиально отличалась от зарубежной. В отличие от нее, где положительным считался сам факт проектирования и застройки необжитой территории, что давало возможность архитекторам использовать новые неординарные градостроительные решения, в условиях Западной Сибири применить их было достаточно сложно. Преградой на этом пути было два обстоятельства: во-первых, отсутствие достаточно обоснованной градостроительной концепции (в связи с неопределенностью геологических прогнозов и недостаточной геологической изученностью самой территории на начальном этапе), во-вторых, недостаток времени на подготовку проектной документации, которая бы учитывала специфику природно-климатических условий Севера. Последнее считалось «роскошью». Это приводило к тому, что при подготовке генеральных планов новых городов использовались проекты районов Поволжья, Татарии и Башкирии.

К началу формирования нефтегазодобывающего комплекса Западной Сибири был накоплен и отечественный опыт строительства городов на малообжитой территории, который мог быть использован при застройке северных городов. Это пример строительства Братска и Ангарска. Если «уроки Братска» продемонстрировали, как не следовало строить, то иной пример показывал опыт сооружения Ангарска. Ангарск застраивался по генеральному плану целыми

микрорайонами с умелым использованием рельефа местности. Жители Ангарска не знали ни землянок, ни бараков. Строительство осуществлялось комплексно: школы, детские дошкольные учреждения, предприятия сферы обслуживания сооружались одновременно с жилыми домами. Город был хорошо распланирован, жилая часть от промышленных районов была отделена лесопарками. Это позволило стать Ангарску одним из наиболее благоустроенных городов Сибири. К сожалению, при строительстве городов Югры не был использован ни отрицательный опыт Братска, ни положительный — Ангарска.

В результате в районах нового промышленного освоения обеспеченность жильем на начало 1986 г. составляла в среднем 82%, магазинами — 86,6, предприятиями общественного питания — 44%. Наиболее уязвимым местом во вновь осваиваемых районах было бытовое обслуживание и жилищно-коммунальное хозяйство. Услугами службы быта население было обеспечено на 30-40% от нормы. Дефицит по водоснабжению новых городских поселений достигал 50%. Во многих городах Севера отсутствовали водоочистка и канализационные сооружения. В целом обеспеченность объектами социально-бытового назначения северных городов в середине 80-х годов была в 1,5-2 раза ниже, чем в европейских районах страны.

Следовательно, к середине 80-х годов сложилось явное противоречие между темпами промышленного и социального развития районов освоения . Причины сложившейся ситуации были многообразны. Они заложены прежде всего в самой стратегии освоения, которая несмотря на декларации о комплексном развитии региона и первоочередном строительстве объектов социального назначения, повторила негативный опыт строек 50-60-х годов. Характерной чертой подобного опыта являлось первоочередное строительство промышленных объектов. Социальная инфраструктура изначально формировалась в усеченном виде: сначала строилось жилье, а значительно позднее сооружались объекты жизнеобеспечения. Следствием этой политики был «остаточный» принцип финансирования социальной сферы. В социальную инфраструктуру Западно-Сибирского нефтегазового комплекса за двадцатилетний период было вложено 6 млрд. рублей, что в среднем составляло 12—13% от общей суммы капиталовложений и было почти вдвое ниже, чем по РСФСР. При этом доля капиталовложений в промышленное производство достигала почти 90%.

Отставание социальной инфраструктуры от потребностей населения обернулось огромными миграционными процессами, в которых за период с 1964 по 1989 гг. участвовало 15 млн. человек. По оценкам экономистов в результате высоких миграционных процессов в регионе народнохозяйственные потери за 15 лет составили 114 млрд. руб. [4]. Таким образом, если промышленный потенциал Западной Сибири обеспечивал как внутренние потребности страны, так и экспортные поставки, то социальная сфера существенно отставала от потребностей населения. Поэтому одной из самых серьезных проблем нефтегазодобывающих районов к середине 80-х годов стало противоречие между значимостью региона в экономике страны и недопустимо низким уровнем обеспечения его населения социальной системой жизнедеятельности. К сожалению, нефть и газ, принесшие славу югорской земле, не превратили ее в оазис богатства и проце-

тания. Рыночные реалии наших дней заставляют в корне пересмотреть неудачи советского опыта социального развития.

Возможно, какие-то положения этой статьи покажутся слишком очевидными, или наоборот спорными. Не претендуя на особую оригинальность и бесспорность, автор тем не менее убежден в том, что из опыта освоения Севера необходимо извлекать уроки, чтобы не повторять трагических ошибок прошлого и оптимизировать движение в будущее.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Рассмотрено на материалах Института истории и археологии УрО РАН.
2. См. подробнее: Алексеев В.В., Ламин В.А. Прометеи сибирской нефти. Свердловск, 1989.
3. См. подробнее: Проблемные регионы ресурсного типа: экономическая интеграция европейского Северо-Востока и Сибири. Новосибирск, 2002.
4. См.: подробнее: Гаврилова Н.Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1964—1985 гг.) Тюмень, 2002.

THE HISTORICAL HERITAGE OF YUGRA AS THE RESOURCE OF SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

The author of the article pays attention to the problem of studying of historical experience with the purpose of it's use in modern projects of social and economic development of territories. It is given the complex analysis of historical heritage of the Khanty-Mansijsk Autonomous Okrug (Yugra). The accent is made on research of mechanisms of maintenance of steady development; economic and social progress; organization of interethnic relations. Studying industrial development of the North the author warns against a danger of disproportional development of technical-economic and social aspects.

V.V. Alexejev

С. А. Нефедов

УРОВЕНЬ ЖИЗНИ В РОССИИ XVII ВЕКА

В настоящее время в российской историографии преобладает мнение, что XVII столетие было тяжелым временем для крестьянства, что это было время разрухи, усугублявшейся тяжким крепостническим гнетом. В обоснование этого мнения обычно указывают на большое число разоренных крестьян, бобылей, на малые размеры крестьянской запашки, на восстания, которые вызывались усилением эксплуатации [1]. Однако до сих пор не проводилось конкретного анализа, который бы, опираясь на статистический материал, дал характеристику уровня жизни XVII века в сравнении с другими эпохами.

С точки зрения экономической теории, XVII столетие было периодом восстановления после демографической катастрофы времен Великой Смуты, и процессы, протекавшие в этот период, очевидно, следует рассматривать как последствия этой катастрофы. Подобные катастрофы происходили и других странах, и их последствия были предметом изучения историков и экономистов; в частности, большое внимание уделялось экономическому анализу последствий европейской демографической катастрофы середины XIV века. Основополагающие работы в этом направлении принадлежат В. Абелю и М. Постану, которые показали, что уменьшение численности населения привело к нехватке рабочей силы и появлению свободных земель. В соответствии с доказанным Д. Рикардо законом заработной платы это повлекло за собой *рост реальной заработной платы, уменьшение земельной ренты и повышение уровня жизни* крестьян и наемных работников [2].

Очевидно, что общеэкономические законы должны действовать не только в Европе, но и в России, и одинаковые причины должны вызывать одинаковые следствия. Таким образом, исходя из общей теории следует предполагать, что уровень жизни в России XVII века должен быть относительно высоким. Целью данной работы является проверка этого предположения на материале, предоставляемом конкретными исследованиями.

Мы начнем с анализа уровня земельной ренты, которая обычно выступала в форме барщины, оброка или их комбинации. Вопрос о размерах барщины в XVI-XVIII веках подробно исследован в работах Н. А. Горской, Е. И. Колычевой, Л. В. Милова, Ю. А. Тихонова и ряда других авторов [3]. Используя приводимые в этих работах данные, можно составить график эволюции барщины на протяжении этих столетий (рис. 1).

Сопоставление данных для различных периодов показывает, что в целом для XVII века барщинные нормы были примерно в 1,5 раза ниже, чем в первой половине XVI века и в 3-4 раза ниже, чем в во времена расцвета крепостничества в XVIII веке. В целом это согласуется с экономической теорией, утверждающей, что уровень ренты в XVII веке должен быть ниже, чем в другие столетия. Однако на протяжении XVII века барщина не оставалась

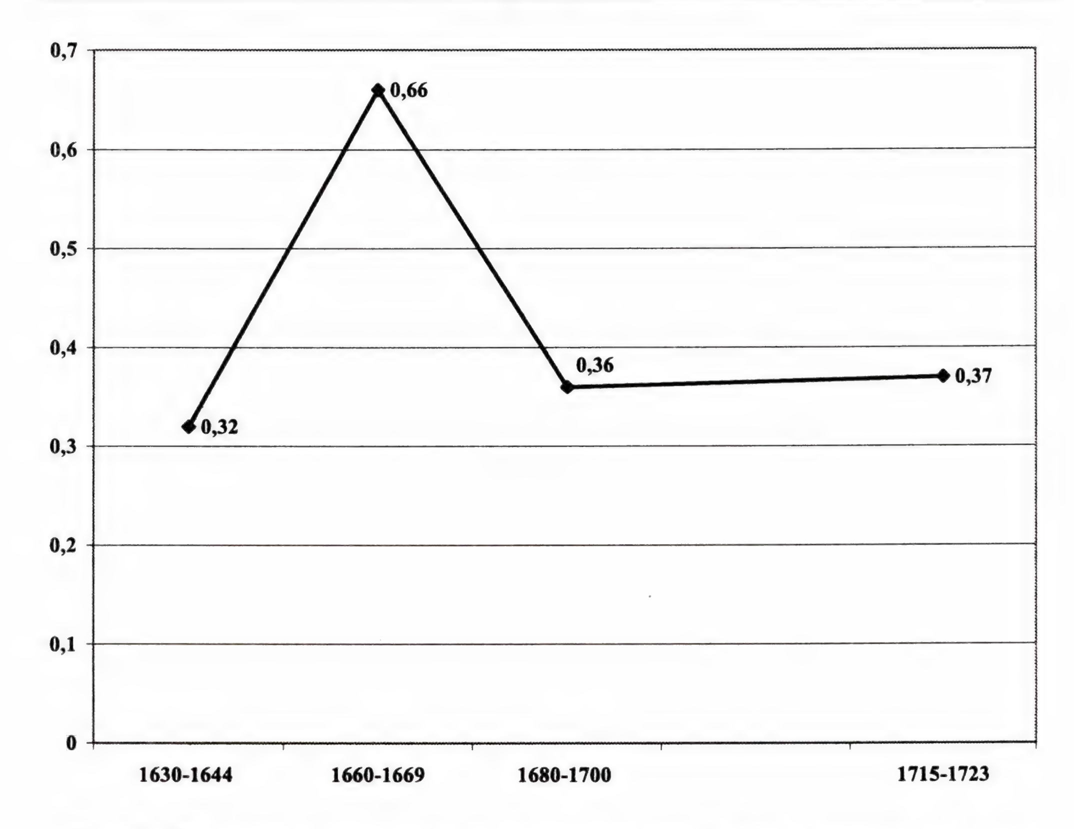

Рис. 1. Барщина в поместных и вотчинных хозяйствах в расчете на душу населения (в десятинах в одном поле) [4]

одинаковой, как показывает график на рис.1, в 1660-х годах имело место значительное, более чем двойное увеличение барщинных норм. Ю. А. Тихонов объяснял это увеличение барщины закрепощением крестьянства по Уложению 1649 года [5]. Такое объяснение кажется вполне естественным, но почему же тогда впоследствии, в 1680-х годах, барщинные нормы уменьшились и практически вернулись к низкому уровню первой половины столетия? Что это? Последствие крестьянской войны, которая, в свою очередь, была ответом на рост барщины?

Для объяснения эволюции барщины естественно привлечь данные об динамике оброка в соответствующий период. Эволюцию оброка проследить труднее, чем эволюцию барщины, в силу его многообразного характера. Случаев, когда можно подсчитать стоимость оброка в деньгах или в зерне, в литературе приводится сравнительно немного. Кроме того, чтобы установить реальную тяжесть оброка, нужно учесть уровень цен на зерно — нужно посчитать, сколько хлеба должен продать крестьянин, чтобы заплатить оброк. Мы пересчитали денежные величины оброка в пуды «хлеба», исходя из того, что юфть «хлеба» (четверть ржи плюс четверть овса) до 1680 года весила 10 пудов, а после 1680 года — 13,4 пуда.

Табл. 1.

Оброки в XVII веке (в пересчете на пуды хлеба) [6]. В некоторых случаях населенность двора неизвестна, тогда в соответствии с усредненной оценкой Ю.А. Тихонова [7], она принимается за 4,8 человека для 1620-1648 годах и 6,6 человека для 1649-1679 годов. Такие цифры выделены курсивом

Год	Район	Цена юфти (денег)	Оброк на двор (денег)	Оброк на душу (денег)	**Душевой оброк (пудов)**
1540	Новгородские пятины				**8-12**
1626	Владимирский у. 5 деревень.	140	200	*42*	***3,0***
1626	Галицкий у. 5 деревень.	140	272	*57*	***3,7***
1626	Галицкий у. 4 деревни.	140	200	*42*	***3,0***
1634	Галицкий у. 14 деревень.	260	400	*83*	***3,2***
1630–40	Коломенский у. 3 деревни.	260	166	30	**1,2**
1667	Тверской у. д. Пешки и др.	350	300	68	**1,9**
1667	Рязанский у. С. Киструс и др.	350	500	63	**1,8**
1679	Ржевский у. С. Обобурово	180	300	52	**2,8**
1682	Арзамасский у. Дер. Котиха, Кавакса.	120	200	23	**2,6**
кон. XVIII в.	Тверская губ.				**11,7**

Данные таблицы 1 подтверждают предположение о том, что величина оброка в XVII веке была намного меньше, чем в предыдущее и последующее столетие. Однако, если перейти к рассмотрению динамики оброка на протяжении XVII века, то можно заметить, что данные об оброках, как ни странно, указывают на тенденцию прямо противоположную эволюции барщины. В то время как барщина в 1660-х годах возрастает, оброк уменьшается, а позже, когда барщина уменьшается, оброк увеличивается. Может возникнуть впечатление, что это случайность, обусловленная малым числом данных, но сведения об оброках на церковных землях указывают на ту же тенденцию (табл. 2).

Само по себе уменьшение оброка в 1660-х годах легко объяснимо: дело в том, что в денежном исчислении душевой оброк, собственно, и не изменился — резко возросла цена на хлеб, и поэтому, чтобы заплатить прежний оборок крестьянину нужно было продать меньше хлеба. К 1680 году цена упала — и оброк, оставшись примерно тем же в деньгах, в хлебном исчислении увеличился до уровня первой половины столетия. Таким образом, можно утверждать, что денежный оброк в XVII веке оставался примерно постоянным, а причина изменения его реальной стоимости заключалась в изменении хлебных цен. Почему же менялись цены? И не могло ли их изменение повлиять не только на динамику оброка, но и на динамику барщины?

Как известно, в начале второй польской войны, в 1654 году, правительство в целях оплаты военных расходов прибегло к выпуску медной монеты с номи-

Табл. 2.

Оброки на церковных землях в XVII веке [8]

Год	Район	Цена юфти (денег)	Оброк на двор (денег)	Оброк на душу (денег)	**Душевой оброк (пудов)**
1620-30	Юрьев-Польский у. Тальшинская в.	140	100	*21*	***1,5***
1639	Псковский у. Завелицкая засада (оброк хлебом).				**3,7**
1644	Вологодский у. С. Оларевский Ключ.	160	200	*42*	***2,6***
1664	Бежецкий у. С. Алабузино	350	332	*49*	***1,4***
1660-е	Зубцовский у. С. Фаустова Гора	350	278	*42*	***1,2***
1670	Рязанский у. С. Высоково	350	200	*30*	***0,9***
1683-99	Кашинский у.	120	300	34	**3,8**
1680-е	Псковский у. Завелицкая засада	120	277	32	**3,6**
1690-е	Центральные районы. Оценка Н.А. Горской	180	300-440	44-65	**3,2-4,8**

нальным курсом. За пять лет (1656-1661) этой монеты было выпущено на колоссальную сумму в 20 млн. рублей — и естественно, началась инфляция. Обычная цена четверти ржи в Вологде составляла около 90 денег; к осени 1661 года цена выросла до 2,5 рублей (500 денег), в январе 1663 года четверть ржи стоила 24 рубля (!). Уже с 1660 года крестьяне во многих районах отказывались продавать хлеб на медь. Хлебная торговля была полностью парализована; 1654-1656 годах в Великом Устюге продавалось в среднем 4 тыс. четвертей ржи — в 1661 году было продано 20 четвертей! Дворяне в войсках уже не могли купить хлеб, как прежде, на деньги, которые им платило правительство, они были вынуждены брать в поход запасы своего хлеба, а чтобы получать этот хлеб, нужно было увеличивать крестьянскую барщину. Сам царь Алексей Михайлович завел в подмосковных деревнях крупное барщинное хозяйство, чтобы обеспечивать хлебом своих стремянных стрельцов. Росла барщина и в старинных дворцовых хозяйствах, например, в селе Черкизово Коломенского уезда она к 1662 году увеличилась более чем вдвое; имеются данные о таком же увеличении барщины в ряде помещичьих сел. Характерно, что упомянутых случаях увеличение барщины не привело к уменьшению других повинностей [9].

Таким образом, резкое увеличение барщины было обусловлено экономической необходимостью, прекращением хлебной торговли. Однако это увеличение стало возможным лишь в условиях прикрепления крестьян, когда им трудно было ответить на рост эксплуатации уходом из поместья. В 1663 году правительство отменило медные деньги и в обращение снова поступила устойчивая серебряная валюта. Торговля хлебом возобновилась, но цены не вернулись к прежнему, довоенному, уровню; в течение 1660-х годов они оставались на уровне, вдвое превосходящем довоенный. Причиной этого повышения цен была нехватка хлеба на рынке. Крестьяне вели натуральное хозяйство и вывозили зерно на продажу лишь для того, чтобы заплатить оброк или государственные налоги. До 1662 года основной налог, «стрелецкий хлеб», собирался с государ-

ственных («черных») крестьян деньгами, но с 1662 года его брали хлебом, что привело к резкому сокращению поставки зерна на рынок и к повышению цен. Как отмечалось выше, в начале войны в Устюге продавалось по 4 тысячи четвертей в год, а в 1663-1668 годах — только по одной тысяче четвертей. Естественно, что в условиях высоких хлебных цен помещики продолжали развивать барщинное хозяйство. В 1668-1672 годах власти собирали налоги иногда хлебом, иногда деньгами, а с 1673 года окончательно вернулись к сбору деньгами. С этого времени поставка хлеба на рынок увеличилась, в 1673-1677 годах в Устюге продавалось в среднем 3 тысячи четвертей, цены стали быстро падать и к 1680 году снизились до уровня 1640-х годов. После 1680 года падение цен продолжалось, по-видимому, вследствие поступления на рынки центральных районов большого количества зерна из осваиваемых южных областей [10]. Когда цены упали в три раза, рентабельность барщинного хозяйства резко снизилась — поэтому многие помещики сократили запашку и стали покупать хлеб на рынке.

Таково, по нашему мнению, экономическое объяснение динамики барщины в XVII веке. Эти соображения могут оказаться полезными и при изучении причин восстания Степана Разина. Рост барщины, естественно, вызвал протест крестьян, ярко проявившийся в восстании 1670-71 годов. Однако уменьшение барщины, по-видимому, не было следствием восстания — это было следствие падения цен на хлеб.

Какова бы ни была динамика барщины и оброка в XVII веке, в целом объем этих повинностей был намного меньшим, чем в другие столетия. Однако, имелись и другие платежи помещикам, которые необходимо учесть при оценке расходов крестьянского двора. Речь идет о платежах за аренду земли сверх тяглого надела. Чтобы уменьшить государственные налоги, крестьяне с согласия землевладельцев занижали отмечаемую в переписях величину «тягла», а остальную землю арендовали. Ставка арендной платы в 1620-1680-х годах обычно не превышала 40 денег за десятину [11]. Если глава семьи арендовал 4 десятины в двух полях, то в пересчете на хлеб по ценам первой половины XVII века он платил в среднем 7-8 пудов зерна, примерно 1,5 пуда на душу. Таким образом, в целом оброчный крестьянин платил землевладельцу примерно 3-5 пудов с души, в 2-3 раза меньше, чем в середине XVI или в конце XVIII веков.

Рассмотрим теперь объем государственных налогов — сколько крестьянину приходилось платить в казну? Как известно, в начале 1630-х годов правительство Михаила Федоровича ввело новую окладную единицу, «живущая четверть», которая заменила прежнюю реальную четверть пашни. В «живущую четверть» на поместных и вотчинных землях в большинстве случаев клали 8 крестьянских и 4 бобыльских двора (но иногда больше). В сохе считалось 800 «живущих четвертей», то есть минимально 9600 дворов. В таблице 3 показаны размеры основных налогов, которые платили крестьяне на поместных и вотчинных землях.

В отличие от поместных земель, в «живущую четверть» на монастырских землях клали 6 крестьянских и 3 бобыльских двора. Поскольку в монастырской сохе было 600 четвертей, то налоги на монастырских землях были пример-

Табл. 3.

Основные налоги поместных и вотчинных крестьян [12]. В сохе условно принимается 10 тысяч дворов

годы	стрелецкий хлеб (юфтей с сохи)	пудов на двор	ямские деньги (руб. с сохи)	денег на двор	цена юфти (денег)	пудов на двор	всего (пудов на двор)	населенность двора	**пудов на душу**
1551-1553									**2,9**
1631-32	100	0,1	534	11	160	0,67	0,8	4,8	**0,16**
1639-40	100	0,1	726	15	260	0,56	0,7	4,8	**0,14**
1640-45	700	0,7	784	16	200	0,78	1,5	4,8	**0,31**
1646-53	700	0,7	784	16	200	0,78	1,5	4,8	**0,31**
1654-62	700	0,7	784	16	257	0,61	1,3	6,6	**0,20**
1663-72	1400	1,4	784	16	350	0,45	1,8	6,6	**0,28**
1672-79	2800	2,8	784	16	220	0,71	3,5	6,6	**0,53**
1680-88		3		20	120	2,23	5,2	7,5	**0,70**
1688-96		5		20	180	1,49	6,5	7,5	**0,87**
1723-25									**2,3**

но в 2,3 выше, чем на поместных. Хуже всего было положение крестьян на черных землях; в сохе здесь считалось не 10 тысяч, а 500-1000 четвертей. Земли центральных уездов были розданы в поместья, и основные массивы черных земель располагались на Севере и в Вятской области. На черных землях стрелецкий хлеб выплачивался деньгами и до начала Смоленской война вятские крестьяне платили примерно 260 денег [13]; по официальным расценкам это составляло около 20 пудов хлеба со двора, или примерно 4 пуда с души. Это в 10-20 раз больше, чем налоги поместных крестьян, но при этом, нужно, конечно, учесть, что черные крестьяне не платили оброков помещикам.

В 1679 году была проведена налоговая реформа, означавшая переход к подворному обложению и резкий рост налогов. К концу столетия налоги достигли 0,9 пуда хлеба на душу и возросли в 3 раза по сравнению с довоенным временем. Однако это были далеко не те налоги, которые собирали при Иване Грозном и Петре I: после введения подушной подати в 1723 году налог составлял 2,3 пуда с души.

Таким образом, уровень податей и повинностей был очень низким, в несколько раз более низким, чем в другие эпохи. Нужно добавить, что в 20-х годах XVI века в отдельных районах едва ли не половину населения составляли крестьяне-«бобыли», которые формально не имели земли и не несли тягла. Это были отнюдь не разорившиеся крестьяне, а скорее поселенцы на льготе; они распахивали перелог и осваивали «пашню, лесом поросшую», земли заброшенные в период кризиса [14]. В челобитных, поданных царю в начале 1630-х годов помещики писали, что их крестьяне сидят на «льготе», и не платят оброков — наоборот, помещики «подмогают» крестьянам из своих средств [15]. Такие случаи, по-видимому, действительно имели место — ведь в условиях

острой нехватки рабочей силы землевладельцы были вынуждены переманивать друг у друга крестьян и давать им большие льготы. Например, в селе Пушкино под Москвой крестьяне свыше 40 лет владели церковными землями безоброчно, льготно, и лишь в 1680-х годах стали выплачивать за них оброк [16].

Однако для суждения об уровне жизни крестьян необходимо также знание средних размеров крестьянской запашки. Этот важный вопрос остается почти не изученным [17]. После демографической катастрофы население резко уменьшилось и, в принципе, земли было более чем достаточно; крестьянин мог выбирать лучшие участки и пахать столько, сколько желает. Нет никаких оснований полагать, что в XVII веке крестьяне пахали меньше, чем в XVI или в XVIII веках. В XVI веке на новгородчине средний двор в 5-6 человек распахивал 10-12 десятин [18]; то есть примерно по 2 десятины на душу. В конце XVIII века в некоторых районах уже не хватало земли и в центральных уездах на душу приходилось 1,5-2 десятины пашни, на западе и на юге — до 2,5 десятин [19]. Относительно XVII века известен случай, когда в 1660 году власти Кирилло-Белозерского монастыря попытались установить реальную величину крестьянской запашки. Обмер проводился монастырской администрацией с участием самих крестьян, которые, конечно, не допустили бы включения в перепись земель, лежащих «в пусте». Крестьяне так и не дали довести проверку до конца, но результаты по 503 дворам показали, что средний надел равнялся 11 десятинам [20]. Эта величина соответствует расчетам С. А. Короленко (1890-е годы) который утверждал, что средняя семья в 6 человек могла обработать 10,5 десятин, то есть 1,75 десятины на душу [21]. При урожайности XVII века [22] такой душевой надел давал в среднем 24 пуда хлеба в год; после вычета 3-5 пудов оброка и аренды у крестьянина оставалось на потребление 19-22 пуда — намного больше обычной душевой нормы в 15 пудов. К этому надо добавить, что был еще доход от скота, от рыбных ловель, от лесных угодий.

Таким образом, имеются основания полагать, что крестьяне XVII века жили довольно зажиточно. Это подтверждается имеющимися статистическими сведениями по отдельным районам. На Смоленщине (с. Андреевское) в конце столетия средний крестьянский двор имел 12 десятин запашки [23]. В Старорусском уезде в 1660-х годах на двор приходилось более 15 десятин пашни, 2-3 лошади, 4-5 коров [24]. В вотчинах Псково-Печерского монастыря в 1639 году средний двор при населенности 5-6 человек имел 3-4 лошади, 4 коровы [25]. Эти данные согласуются с впечатлением западных путешественников; Олеарий пишет о «громадном изобилии хлеба и пастбищ», о больших пространствах свободных плодородных земель, о том, что в России редко приходится слышать о дороговизне [26].

В литературе, однако, высказывались и другие мнения по поводу уровня жизни крестьян. Так Л. Г. Дубинская утверждала, что средняя запашка крестьян Мещерского края составляла лишь 3,2 десятины на двор, и опираясь на эти данные, пришла к выводу, что «в среднем крестьянское хозяйство могло прокормить только половину семьи» [27]. Тем не менее, крестьяне как то выживали — очевидно, за счет не учтенного в подсчетах Л. Г. Дубинской

вненадельного землепользования. Дело в том, что даже очень крупный и сильный землевладелец подчас не мог выявить скрытую пашню и заставить крестьян платить за нее. Обмер земель производила обычно сама община, и о том, как крестьяне меряли землю, можно судить по эпизоду с обмером наделов в Солодчинском монастыре. При проверке в 1690 году оказалась, что мерная веревка была намного длиннее положенной, а площадь, которую крестьяне выдавали за десятину, составляла почти три десятины [28]. Кроме того, пашню на перелоге учесть было практически невозможно, сегодня она была в одном месте, на следующий год — в другом, и ее размеры постоянно менялись.

Высокий уровень жизни крестьян нашел отражение в высокой оплате сельских наемных работников. Запросы поденщиков в 1630-х годах были столь велики, что монахи Иосифо-Волоколамского монастыря не могли подрядить крестьян для обработки своей пашни. «Люди стали огурливы, в слободу посылаем для жнецов нанять, и нихто из нойму не идет, не страшатся никово», — жаловались монахи [29]. Не шли работные люди и на Тульские заводы — так что правительству пришлось обязать крестьян соседних деревень поставлять подсобных рабочих в порядке отработки повинности [30]. В таблице 4 приведены некоторые данные о об оплате сельских и городских работников.

Как видно из этой таблицы, в течение XVII века поденная плата работников, за исключением периода повышения цен в 1660-х годах, оставалась на уровне 8-12 кг зерна в день. Это был достаточно высокий уровень, примерно соответствующий европейскому уровню конца XV-начала XVI веков, времени, когда Европа начинала восстановление после опустошительных войн и чумных эпидемий [32]. В 1674 году пуд говядины стоил 56 денег [33] и чернорабочий на дневную плату в 15 денег мог купить примерно 4 кг мяса — притом, что 1674 год — это было далеко не лучшее для страны время.

Однако, делая вывод об общем достаточно высоком уровне жизни в России XVII века, нельзя не принять во внимание существовавших в то время региональных различий. Наш анализ уровня жизни относится, в основном, к центральным районам страны — именно к этим районам относятся данные об оброках, барщине и ценах. Однако помимо Центра, существовали и другие регионы со своей особой судьбой — Юг, Сибирь, Север. Северная часть страны, Поморье, была меньше затронута бедствиями Смуты, чем центральные области. Часть жителей Замосковья бежала от Смуты на Двину и на Вятку, поэтому население отдельных районов Севера в это время на только не уменьшилось, но и возросло. В 1620-х годах новые деревни, починки, составляли почти половину вятских деревень; в Устьянских волостях на Двине в 1646 году запашка была втрое больше, чем до катастрофы 1569-1572 годов. В годы после Смуты площадь пашни на Севере была больше, чем в разоренном Замосковье; Север на некоторое время стал опорным краем Руси [34].

Как отмечалось выше, Север был краем государственного землевладения, и здесь существовали особые условия налогообложения. В XVII веке налоги распределялись крайне неравномерно, основная масса населения — поместные и вотчинные крестьяне — платила очень немного, и основная тяжесть податей

Табл. 4.

Поденная плата рабочих в XVII веке [31].

Годы	Район	Выполняемые работы	Плата в деньгах	Цена юфти (денег)	Плата в кг хлеба
1640	Подмосковье	расчистка леса	12	200	9,6
1641	Подмосковье	Жатва	8	200	6,4
1642	Подмосковье	Молотьба	11	200	8,8
1640-е	Подмосковье	Косцы	20	200	16,0
1640-е	Москва	Чернорабочие	11	200	8,8
1647	Тульские заводы	Чернорабочий	10	200	8,0
сер. XVII в.	Москва	Каменщик	12	200	9,6
сер. XVII в.	Москва	Портной	10	200	8,0
сер. XVII в.	Москва	Плотник	10	200	8,0
1666-70	Подмосковье	Косцы	12	350	**5,5**
1666-70	Подмосковье	расчистка леса	14	350	**6,4**
1669	Измайлово	чернорабочие на строительстве	15	350	**6,9**
1677	Подмосковье	расчистка прудов	10	220	**7,3**
1690	Тульские заводы	Чернорабочие	10	180	11,9
1690-е	Москва	Чернорабочие	10	180	11,9
1698-99	Подмосковье	Косцы	13	180	15,5
кон. XVII в.	Москва	Портной	10	180	11,9
кон. XVII в.	Москва	Каменщик	8	180	9,5
кон. XVII в.	Москва	Плотник	10	180	11,9

падала на города и «черные» уезды Севера, на Поморье и Вятку. Надо сказать, что до 1660-х годов Вятка была вполне благополучной областью; здесь были тучные земли и крестьяне не испытывали земельной тесноты. Население Вятки за 1620-1663 увеличилось более чем вдвое, но крестьяне вполне обеспечивали себя хлебом и в больших количествах вывозили зерно на Север [35]. В 1663-1668 годах вятские крестьяне платили около 10 пудов хлеба со двора [36] или примерно 2 пуда с души, и, за исключением последнего года, платили без недоимок. Однако дальнейшие события показали, что происходит, если размеры налогов превосходят допустимый предел. В 1668/69 году правительство предписало вятчанам платить вместо хлеба деньгами, и в результате этой коммутации на двор пришлось 2 рубля налога, а на душу — примерно 40 копеек; по вятским ценам это эквивалентно 4 пудам хлеба [37]. Многие крестьяне не могли заплатить такой налог и начались «большие непомерные правежи». Крестьянский ответ на «правежи» был всегда одинаков — вятчане толпами побежали на Урал и в Сибирь. Перепись 1672 года показала, что население уменьшилось на одну пятую; тем не менее власти упорствовали и после кратковременного снижения налогов вновь стали требовать их в полном

объеме. Так как крестьяне для уплаты налогов выбросили на рынок большое количество зерна, то цены стали снижаться; в 1674/75 году они упали вдвое. Платежи с двора в этот год составляли 2 рубля 70 копеек, это было эквивалентно 54 пудам хлеба, более 10 пудов с души! С помощью «больших непомерных правежей» власти смогли собрать лишь половину этого налога. Недоимки копились из года в год, правежи становились все более жестокими, у крестьян отбирали последнее — в конечном счете, в на рубеже 70-80-х годов разразился страшный трехлетний голод. Население разбегалось, «последние вятчаня, покиня свои дворы и деревни, бредут врозь», — говорилось в крестьянской челобитной [38].

В 60-70-х годах непомерные налоги разорили не только Вятку, та же наблюдается картина во всех «черных» уездах Севера. Однако, в отличие от Вятки, на Двине ощущалось действие еще одного негативного фактора — перенаселения. Как отмечалась выше, бедствия Смутного времени вытеснили часть населения из центральных районов на Север и в 20-е годы здесь наблюдался относительно высокий уровень распашки (принимая во внимание неблагоприятные условия этого региона). Имеющиеся данные по отдельным «черным» уездам показывают, что в период с 20-х до 60-х годов запашка не возросла — в то время как население увеличилось по крайней мере в полтора раза. Соответственно, отмечается уменьшение пашни на душу населения [39]. Многие хозяйства имели мизерные наделы, недостаточные для прокормления крестьянской семьи, поэтому — в отличие от центральных областей — на Севере довольно часто упоминаются голодные годы. В 1643-44 годах голод опустошил Кевроло-Мезенский уезд; в результате голодной смертности и бегства население уезда сократилось наполовину. Страдающие от голода бедняки закладывали свою землю посадским людям или зажиточным крестьянам, при этом писали в закладных суммы, намного превышающие действительную ссуду; чаще всего они не могли выкупить такие заклады и становились арендаторами-половниками на своей земле. «Посадские земские старосты... у нашей братии, у скудных крестьян покупили себе лучшие деревни и начали быть во многих волостях владельцами, — говорится в челобитной устюжских крестьян. — А как стали владеть деревнями, и они всякими притеснениями подати с себя сметали на нас, худых крестьянишек, и мы от их изгони оскудели и обнищали и последние деревнишки им иззакладывали на малые сроки, а в закладные писали от скудости двойные и тройные цены и они такими большими закладными с приписными деньгами деревнями нашими завладели и многих крестьян у себя в полове (в половниках) удержали, а иных и в полове у себя не держат, и они от таких их налог врознь разбрелись безввестно...» [40] Ростовщичеством и скупкой земли занимались и монастыри; Троицко-Гледенский монастырь близ Устюга имел в 1620-х годах 30 дворов половников, а около 1680 года — 113 дворов. Растет социальное расслоение деревни; в источниках упоминаются крестьяне, имевшие по 50, 60 десятин земли и обрабатывавшие эту землю с помощью десятка половников. Половничество получило массовое распространение: судя по описи земель Устюжского уезда, приобретенных по разного рода купчим, практически во всех хозяйствах были половники. Обезземеливание

бедноты приняло такие размеры, что массы крестьян стали требовать введения уравнительных переделов [41].

А. И. Копанев полагает, что именно социальное расслоение было главной причиной запустения многих поморских деревень [42] — однако непосредственный толчок к развитию кризиса был дан увеличением налогов во время войны с Польшей. Рост налогов привел к тому, что многие крестьяне не могли заплатить подати, и спасаясь от «правежей» бежали в Сибирь; эти недоимки раскладывались на оставшихся. Северяне жаловались в Москву, что «тех денег сполна не выплачивают за пустотою, потому что у них многие тягла запустели и взять тех денег не на ком, и достальные посадские и уездные люди от непомерного правежа бегут в Сибирские разные города» [43]. В конце концов, бегство тяглого населения вызывало цепную реакцию неплатежей; к 1671 году поступления по Устюжской «четверти» упали в более чем в три раза. На вологодчине разразился страшный голод — цена четверти ржи достигала 2 рублей 70 копеек. Крестьяне толпами уходили из северных областей; в 1646 году в Устюжском уезде насчитывалось 9,5 тысяч дворов, а в 1670 — 7 тысяч, но эти цифры не отражают реальной убыли: ведь до начала 60-х годов население возрастало и достигло, возможно, 11-12 тысяч дворов. Население продолжало уменьшаться и дальше; в 1679-86 произошла катастрофа в Тотемском уезде: число жителей здесь сократилось на 40%; пятую часть оставшихся составляли нищие [44]. Эти данные показывают, что в Приморье кризис был более разрушительным, чем на Вятке.

История разорения северных уездов до некоторой степени напоминает историю разорения России при Иване Грозном: война вызывает рост налогов, но эти налоги еще терпимы, когда они взимаются натурой. Коммутация налогов приводит к выбросу хлеба на рынок и падению хлебных цен, которое еще более увеличивает налоги. Кризис достигает особой остроты в перенаселенных областях, где положение было тяжелым и раньше — теперь же оно становится невыносимым. С помощью «больших непомерных правежей» у крестьян отнимают последний хлеб, начинается голод, который вместе с правежами приводит к гибели одних крестьян и к бегству других.

Эта мрачная картина, конечно, была не типична для всей страны. Север был особой областью, развивавшейся в иных условиях, нежели Центр. Другой особой областью был Юг. В 1642-48 годах в уездах, расположенных вдоль Белгородской черты, большинство крестьян было отписано на государя и зачислено во вновь созданные драгунские полки. Крестьяне были освобождены от податей, они жили в своих деревнях, пахали землю, и раз в неделю проходили военное обучение. Казна обеспечивала драгун оружием, мушкетами и шпагами, и они должны были нести на «черте» сторожевую службу. Белгородчина превратилась в край свободных военных поселенцев, зажиточных фермеров. Здесь было мало помещиков, а те что были, имели один-два крестьянских двора и мало отличались от рядовых драгун. Крестьянин здесь мог стать дворянином: случалось, что власти «верстали» «справных» драгун в дети боярские. Нехватка солдат заставляла зачислять в полки всех желающих, даже беглецов из центральных районов — поэтому сюда держали путь многие беглые. Белгородчина

была изобильным краем: урожайность ржи на юге была в 2-3 раза выше, чем в центральных районах, и запасы хлеба в хозяйствах служилых людей в среднем (по 45 известным описям) составляли около 500 пудов (на год человеку хватало 15 пудов). В 1639-42 годах власти предлагали платить за работу на жатве 7-10 денег в день, что в пересчете на зерно составляет 14-20 кг. Это была чрезвычайно щедрая плата, в 2-3 раза больше, чем платили в Подмосковье — однако зажиточные крестьяне юга не желали работать и за эту плату. Если бы не постоянные войны и татарские набеги, то многие могли бы позавидовать жизни поселенцев Юга [45].

В этом кратком очерке мы не имеем возможности коснуться всех региональных различий в уровне жизни русских людей в XVII веке. В конечном счете, несмотря на все различия, общую картину жизни определяли центральные области. И вывод, который можно сделать из приведенных материалов, по нашему мнению, сводится к тому, что жизнь в XVII веке была не так плоха, как это представлялось раньше. Прикрепление крестьян к земле еще не успело оказать своего негативного воздействия и нормы повинностей оставались невысокими. Главная причина этого относительного благополучия видится в том, что после демографической катастрофы времен Смуты в стране было много свободных земель, а так же в том, что начали осваиваться благодатные земли Юга. Изобилие зерна привело к падению цен в конце столетия и побудило помещиков сокращать нормы барщины. Помещикам было просто некуда девать свое зерно, ведь вывоз был запрещен и Россия еще не имела портов на Балтике. Позднее, когда Петр I «прорубит окно в Европу», ситуация резко изменится к худшему — а пока крестьяне могли жить спокойно.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. например: Воробьев В. М., Дегтярев А. Я. Русское феодальное землевладение от «Смутного времени» до кануна петровских реформ. Л., 1986. С. 174.
2. W. Abel. Bevцlkerungsgang und Landwirtschaft im ausgehenden Mittelalter im Lichte der Preis- und Lohnbewegung //Schmollers Jahrbьcher. 1934; Bd. 58; Idem. Agrarkrisen und Agrarkonjunktur in Mitteleuropa vom 13. bis zum 19. Jahrhundert. Berlin, 1935; Postan M. Same economic evidence of declining population in the later middle ages // The Economic History Review. Ser. 2. 1950. Vol. 2, № 3; Postan M. M. Essays on medieval agriculture and general problems of medieval economy. Cambridge, 1973.
3. Колычева Е. И. Аграрный строй России XVI века. М., 1987; Горская Н. А. Монастырские крестьяне Центральной России в XVII веке. М., 1977; Тихонов Ю. А. Помещичьи крестьяне в России. М., 1974; Милов Л. В. Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию. М., 1965.
4. Пер. пол. XVI в.: Колычева Е. И. Указ. соч. С. 39, во дворе считается 5 душ; 1630-1644: Тихонов Ю. А. Указ. соч. С. 127-128. Табл. 12. № 4, 7-11; 1660-1669: Там же. С. 185. Табл. 32. № 1-3. С.188. Табл. 33. № 1-17; 1680-1700: Там же. С. 251. Табл 48. № 1-31, кроме № 15,16,22,26, эти номера исключены, так как слишком низкая норма барщины подразумевает присутствие оброка;

1715-1723: Там же. С. 243.Табл. 47. № 2-19; Конец XVIII века: Милов Л. В. Указ. соч. С. 269. Табл. 51.

5. Тихонов Ю. А. Указ. соч. С. 202.
6. Подсчитано по: Тихонов Ю. А. Указ. соч. С. 135. Табл. 13. № 9-13. С. 198. Табл. 34. № 6, 9, С. 271. Табл. 49. № 1.; Новосельский А. А. Вотчинник и его хозяйство в XVII веке. М.-Л. 1929. С. 30, 160. Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Север. Псков. Общие итоги развития Северо-Запада. Л. 1978. С. 178. Табл. 60; Ковальченко И. Д. Руское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967. С. 293. Табл. 60. Цены: 1620-1630 гг: Веселовский С. Сошное письмо. Т. I. М., 1915. С. 174; 1630-1700: Тихонов Ю. А. Указ. соч. С.112;
7. Тихонов Ю. А. Указ. соч. С. 98.
8. Горская Н. А. Указ. соч. С. 249,261,289, 312, 399; Масленникова Н. Н. Псковские крестьяне конца XV-XVII веков. Дисс. на соиск. учен. степ. докт. ист. н. Л., 1984. Приложение. С.120. Табл. 84; Прокофьева Л. С. Вотчинное хозяйство в XVII веке. М.-Л., 1959. С. 124.
9. Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А. Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII век). М., 1960. С. 165, 642; Базилевич К. В. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 году. М., 1936. С. 26, 39-40, 42; Тихонов Ю. А. Указ. соч. С. 205-207; Заозерский А. И. Царская вотчина XVII века. М., 1937. С. 287.
10. Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А. Указ. соч. С. 165, 642; Важинский В. М. Хлебная торговля на юге Московского государства во второй половине XVII века//Ученые записки Московского областного педагогического ин-та. Т. CXXVII. 1963. С. 9; Мацук М. А. Фискальная политика русского правительства и черносошное крестьянство Восточного Поморья и Приуралья в XVII веке. Сывтывкар, 1998. С. 130-140.
11. История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой октябрьской социалистической революции. Т. 2. М., 1990. С. 356.
12. Веселовский С. Указ. соч. С. 160, 174-181. Цены для пересчета ямских денег на хлеб см.: Там же. С. 174; Тихонов Ю. А. Указ. соч. С.112. Населенность двора: Там же. С. 98; Водарский Я. Е. Население России в конце XVII-начале XVIII века. М., 1977. С. 112. Табл. 22. Величина для 1551-1553 гг рассчитана по: Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Л., 1974 (далее - АИЗСР). С. 23-27, табл. 5, 8, 9. С. 194, табл. 157.
13. Мацук М. А. Указ. соч. С. 553.
14. История крестьянства СССР... С. 367.
15. Веселовский С. Указ. соч. Т.II. С. 493.
16. Сахаров А. Н. Русская деревня XVII в. М., 1966. С. 129.
17. История крестьянства СССР... С. 364.
18. АИСЗР. С. 157.
19. Милов Л. В. Указ. соч. С. 269. Табл. 51.
20. Дмитриева З. В. Земельные наделы монастырских крестьян Белозерского уезда в XVI-XVII вв// Вопросы истории сельского хозяйства и крестьянства Европейского Севера, верхнего Поволжья и Приуралья до Великой Октябрьской социалистической революции. Киров, 1979. С. 60-61.

21. Цит. по: Шапиро А. Л. Русское крестьянство перед закрепощением. (XIV-XVI века). Л., 1987 С. 58.
22. Сам-3,3 для ржи и сам-3,1 для овса. См.: Индова Е. И. Урожаи в Центральной России за 150 лет (Вторая половина XVII-XVIII в.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1965. М., 1970. С. 145.
23. Кондратенков А. Л. Монастырские и церковные крестьяне Смоленского края вXVII-XVIIIвеках//Землевладение и повинности феодально-зависимых крестьян Нечерноземной полосы (XVI-первая половина XIX в.). Смоленск, 1982. С. 41.
24. Аграрная история Северо-Запада России XVII века. Л., 1989. С. 126,134.
25. История крестьянства Северо-Запада России. СПб., 1994. С. 117.
26. Олеарий А. Описание путешествия в Московию// Россия XV-XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986.С. 329.
27. Дубинская Л. Г. Социально-экономическое положение крестьян во второй половине XVII века(по материалам Мещерского края). Дисс... канд. ист. н. М., 1967. С. 152.
28. Горская Н. А. Указ. соч. С. 81-82.
29. Цит. по: Горская Н. А. Указ. соч. С. 293.
30. Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век. М., 1955. С. 90.
31. Довнар-Запольский М. В. Торговля и промышленность Москвы. XVI-XVII. М., 1910. С. 75; Сахаров А. Н. Указ. соч. С. 92, 101, 108; Заозерский А. Указ. соч. С.177; Бакланов Н. Б. , Мавродин В. В., Смирнов И. И. Тульские и каширские заводы в XVII веке. М.-Л., 1934. С. 100,103; Панкратова А. М. Формирование пролетариата в России. М., 1963. С. 178, 181; Цены: Тихонов Ю. А. Указ. соч. С.112.
32. Abel W. Crises agraires en Europe (XII[e] —XX[e] siecle). P., 1973. P. 189-192.
33. Курц Б. Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915. С. 111.
34. Колесников П. Л. Северная деревня в XV-первой половине XIX века. Вологда, 1989. С. 155-157.
35. Копанев А. И. Крестьянство Руссого Севера в XVI в. Л., 1978. С. 121,178-179; Мацук М. А. Указ. соч. С. 552. Табл. 29.
36. Стрелецкая подать 350 юфтей с сохи (в сохе было около 500 дворов) и четвертной налог 4800 четвертей с 10800 дворов. См.: Мацук М. А. Указ. соч. С. 110, 134, 475, 555.
37. Стрелецкая подать 350 юфтей с сохи была переведена на деньги из расчета 2 рубля за юфть; но действительная цена юфти на Вятке была 1 рубль, поэтому для того, чтобы заплатить эту подать, нужно было продать 700 юфтей — 1,4 юфти на двор. Считая другие налоги, на двор приходилось 2 рубля платежей. См.: Мацук М. А. Указ. соч. С. 112, 151, 555.
38. Цит. по: Мацук М. А. Указ. соч. С. 113. См. также: Мацук М. А. Указ. соч. С. 112, 153, 555.
39. Копанев А. И. Указ. соч. С. 77; Колесников П. Л. Указ. соч. С. 159-161, 275-276. По оценке П. Л. Колесникова, в 1620-х годах население Севера составляло 0,7 млн., а в 1678 году — около 1 млн.
40. Цит. по: Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 7. М., 1991. С. 104.

41. Копанев А. И. Указ. соч. С. 168-174; Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А. Указ. соч. С. 604-605; Мацук М. А. Указ. соч. С. 410; Огризко З. А. Из истории крестьянства на севере феодальной России XVII в. М., 1968. С. 15.
42. Копанев А. И. Указ. соч. С. 100.
43. Цит. по: Милюков П. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформы Петра Великого. СПб., 1905. С. 62.
44. Суворов Н. О ценах на разные жизненные припасы в г. Вологде в XVII и XVIII столетиях. Б. М. 1863. С.12; Милюков П. Указ. соч. С. 60; Колесников П. Л. Указ. соч. С. 267; Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А. Указ. соч. С. 606.
45. Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV-XVII вв. М., 1954. С. 139-140, 157; История крестьянства России с древнейших времен до 1917 г. Т. 3. М., 1993. С. 128; Важинский В. Н. Сельское хозяйство в черноземном центре России в XVII веке. Воронеж, 1983. С. 19, 30, 54. Цены см.: Важинский В. М. Хлебная торговля на юге Московского государства во второй половине XVII века // Ученые записки Московского областного педагогического ин-та. Т. CXXVII. 1963. С. 28. Прим. 79

STANDARD OF LIVING IN RUSSIA OF THE XVII CENTURY

The article is devoted to the analysis of available in the literature data on a standard of living of peasants in the XVII century. The report of the data on dynamics of corvee and quitrents for various categories of peasants is given, these data are compared to the information on the sizes of peasants allotments, about productivity and productive potentialities of country economy. The level of real wages of hired workers is studied also.

S.A. Nefedov

Х. Хадсон-мл., Б. Дехарт, Д. Гриффитс

ПРОЛЕТАРИИ ПО УКАЗУ: ИСТОРИЯ ПРИПИСНЫХ КРЕСТЬЯН В РОССИИ (1630—1861 гг.)

В недрах Уральских гор, приблизительно в 1600 км к востоку от Москвы, были скрыты огромные залежи железной руды. Их широкомасштабная разработка могла бы обеспечить русское государство столь необходимым для ранне-индустриальной экономики сырьем. В свою очередь, железоделательная промышленность способствовала бы росту военного могущества России, что было так важно в начале XVIII в., времени, когда война была основным занятием честолюбивых правителей. Поэтому при Петре I, чье почти что 30-летнее царствование (1689-1725) лишь на один год было избавлено от битв, у России возник интерес к богатствам уральских недр.

Для создания на Урале промышленности требовался импульс, который могло дать только государство. Как бы то ни было, правительство Московии, никогда не стеснявшееся использовать силу, было готово ее применить и здесь. Класс предпринимателей, например, можно было создать моментально, принудительно отправив на Урал опытных государственных чиновников и преуспевающих купцов. При этом средства найти было нетрудно: вечно задавленный русский крестьянин, из которого государство выжимало все соки, чтобы обеспечить себя всем необходимым, мог быть использован и здесь — и возможно еще более активно. Поэтому государство само могло построить металлургические заводы или предоставить для этого займы и субсидии частным предпринимателям. И казна, и частники могли импортировать передовую технологию и ее носителей из Центральной Европы. В итоге государство и, в частности, армия, смогли бы обеспечить рынок сбыта готовой продукции и лишь дефицит рабочей силы, казалось, стал для Петра I единственным препятствием, мешавшим создать процветающую металлургию.

Урал находился далеко от основных мест проживания людей, крайне необходимых для такой человекоемкой отрасли экономики, как металлургия. Местные народы Урала, башкиры и калмыки, вели кочевой образ жизни и не могли стоять у раскаленных и грязных печных топок. Очевидно, что все попытки затащить их на завод с помощью заработной платы или угрозы физической расправы провалились. Так как в России, в отличие от Англии, не было движения огораживателей земли, рабочие руки привлечь сюда было невозможно, поскольку русские люди были привязаны к местам своего жительства крепостным правом и правительственными указами [1]. Петр I пришел к выводу, что основную массу металлургов, как мастеровых, так и работных людей, придется направлять на Урал принудительно. Но что дало использование принудительного труда? Удалось ли с помощью него достичь тех результатов, на которые рассчитывало государство? Если они все же имелись, то какова была их социальная и экономическая цена? Эти вопросы постоянно задавались в дорефор-

менной России. И лишь один вопрос русское правительство не задало себе сразу же (его часто забывают поставить и западные историки): несут ли сами заводы ответственность за то, что, по существу, придало неповторимость истории рабочего класса в России?

На раннем этапе проблему квалифицированного труда почти всегда решали одним способом. Андрей Виниус и другие предприниматели-иностранцы, типа Петра Марселиса и Андрея Бутенанта, нанятые русским правительством после 1630 г. для превращения кустарных заводов в современную металлургическую промышленность, использовали мастеровых из Европы [2]. Русское правительство почти никогда не возражало против этого, но требовало, чтобы иноземцы обучали русских навыкам металлургии. Тем самым решалась проблема рабочей силы и закладывались основы будущей металлургии России.

Конечно, мастеровые составляли крайне малочисленную часть людей, занятых в XVII в. в металлургии. Железоделательным и медеплавильным заводам требовалось много рабочих рук для рубки леса, углежжения, добычи руды, ее перевозки на предприятие, и, наконец, вывоза готовой продукции [3]. Правительство почти не помогало горнозаводчикам выписывать мастеровых за границей, однако активно содействовало привлечению отечественных чернорабочих. Казна разрешила привлекать свободных (государственных) крестьян для сезонных работ на новых горных заводах. Эти полурабочие, переданные казенным или частным предприятиям, получили название «приписных крестьян» и стали частью завода. Все взрослые мужчины были обязаны отрабатывать на предприятии 2-4 недели (хотя на практике этот срок был гораздо больше), взамен чего заводчики оплачивали их обязанности (тягло) государству; только за работу, выполненную сверх этих обязанностей, им платили деньгами. Размер этой зарплаты («плакатная работа»), был меньше, чем у вольнонаемных. Переход приписных от своего дома до завода, иногда на расстояние до 600 км, не оплачивался. Наконец, приписные крестьяне чтобы содержать себя, свои семьи и других работников, продолжали в свободное от заводских дел время заниматься землепашеством.

Необходимая в силу неразвитости рынка рабочей силы приписка быстро решила часть проблем, связанных с набором рабочей силой. У каждого заводчика XVII в. были приписные крестьяне. Эта традиция пригодилась после начала в 1700 г. войны со Швецией, когда царь был вынужден перенести металлургическую промышленность из легкодоступного северо-запада страны в более безопасные Уральские горы. На всех 28 металлургических заводах Урала приписка стала основной формой набора чернорабочих. Она началась в декабре 1702 г. — январе 1703 г. с отправки на заводы государственных крестьян Аятской и Краснопольской слобод, а также деревень Покровского монастыря. Около 2500 крестьян навсегда приписали к Невьянскому железоделательному заводу, крупнейшему из 12 металлургических предприятий ведущего русского заводчика Никиты Демидовича Демидова и его сына Акинфия [4]. Прецедент был создан. Уже к 1719 г., согласно данным первой ревизии, 31000 душ мужского пола были приписаны к металлургическим заводам, из них почти 30000 числились на Урале [5].

Введение Петром института приписки обеспечило уральские металлургические заводы постоянным источником вспомогательной рабочей силы, но как и воинская повинность, эта мера не сумела удовлетворить постоянно растущие запросы предприятий. Проблему пытались решать разными путями. Так, например, отлавливали и отправляли на заводы нищих, уличных мальчишек, проституток и т.п., где они должны были приносить пользу для государства [6]. Но этого было явно недостаточно. Тогда государство дало право покупать крепостных не только дворянам. Ранее Петр I разрешил Никите Демидову, в то время еще незнатному человеку, купить крестьян для своего Невьянского завода [7]. Указом от 18 января 1721 г. всем заводчикам неблагородного происхождения было разрешено покупать целые деревни для своих предприятий, что привело к возникновению категории «купленных крестьян» (с 1797 г. — «посессионные крестьяне»). Будучи постоянно приписанными к тому или иному предприятию, посессионные крестьяне или, точнее, «заводские крепостные», не могли быть освобождены или проданы отдельно от предприятия или переданы другому заводу [8]. Они не подлежали рекрутскому набору: работая на заводах, поставлявших государству вооружение, эти люди как бы уже служили в армии. Таким образом, крестьяне поставляли чернорабочих, о чем мечтали заводовладельцы, а в дальнейшем и работных людей.

Дефицит последних тоже был проблемой. Иностранцы, особенно немцы, больше не могли удовлетворять потребности быстро развивающейся российской металлургии. Кроме того, их труд был очень дорог. Для выхода из сложившейся ситуации нужно было что-то делать. Передавая казенный Невьянский завод Никите Демидову, Петр I разрешил ему взять с собой на Урал 20 лучших вольнонаемных тульских кузнецов, а также дал Демидову польских и шведских военнопленных, в том числе несколько опытных мастеров [9]. Кроме того, Демидовы рассчитывали на своих единоверцев-раскольников, которые могли помочь им получить тульских и олонецких (это центры старообрядчества) мастеровых [10]. Раскольникам было выгодно работать на окраине страны, куда не дотягиваются длинные руки государства. Металлургия была для казны важнее и она сквозь пальцы смотрела на это обстоятельство.

Несмотря на все это, опытных работников на Урале по прежнему было мало и их труд был дорог. Тогда государство вновь прибегло к внеэкономическому принуждению. Здесь оно нашло для себя невольного сообщника в лице помещиков, поскольку в первой четверти XVIII в. беглые крепостные составляли большинство рабочей силы на крепостной мануфактуре. Усиление помещичьей эксплуатации привело к массовому бегству крепостных из земледельческого центра России на окраины, в первую очередь на Урал, где эти «пришлые люди» попадали на вновь построенные металлургические предприятия, и нередко обучались заводскому ремеслу у местных мастеровых. Учитывая острую нехватку рабочей силы, государство позволило беглым (а с точки зрения тогдашних правовых норм — преступникам) остаться на заводах. Указ от 18 июля 1721 г., разрешивший заводовладельцам (как дворянам, так и не имеющим этого статуса) оставлять у себя беглых крепостных работников, получивших заводскую профессию, свидетельствовал о намерении правительства и дальше

ограничивать права дворянства; прежним хозяевам крепостных за это выплачивалась компенсация [11].

При Петре государство решало проблему рабочей силы в металлургии фактически тремя способами: припиской государственных крестьян к казенным и частным горным заводам; разрешением недворянам покупать для своих предприятий крепостные деревни; предоставлением заводчикам права оставлять у себя получивших заводскую профессию беглых крепостных. Использование в совокупности всех эти мер дало положительный эффект. В 1725 г., когда ушли из жизни оба основателя уральской металлургической промышленности, Петр I и Никита Демидов, заводы последнего выплавили 6646 т чугуна, а казенные предприятия — всего лишь 3915 т [12]. Впервые в своей новой истории Россия смогла обеспечить себя железом, что позволило ей, таким образом, создать свою оружейную промышленность и постепенно стать крупнейшим экспортером этого металла.

Приписные крестьяне, однако, имели свой взгляд на заводской труд. Уже в 1720-е гг. они начали сопротивляться принудительному труду, требуя уравнять свою зарплату с вольнонаемными работниками. Желая остаться землепашцами, они стремились нанять для заводских работ кого-то со стороны. Но при их зарплате это было сделать не просто: приписным платили по 24 коп. за заготовку 1 сажени (7 куб. футов) леса, а за подмену им приходилось выкладывать из своего кармана за тот же объем работ 50 коп. За жжение одного и того же объема угля приписным платили только 2/3 от зарплаты вольнонаемного работника [13]. И только когда зарплата приписных сравнялась с зарплатой вольнонаемных, они смогли позволить себе нанимать подмену и спокойно заниматься своим домашним хозяйством [14].

Протесты приписных крестьян вынудили одного из «птенцов гнезда Петрова», В.Н.Татищева, попытаться отменить принудительный заводской труд. Татищев стал начальником Горных дел канцелярии в конце 1720 г., как раз к концу Северной войны. Он считал, что принудительный труд малоэффективен, и как полномочный представитель царя, попытался провести в этой сфере реформы. Татищев полагал, что для строительства горных заводов и вспомогательных занятий следует привлекать вольнонаемных переселенцев, в основном беглых крепостных, поскольку такой работник «нигде себе хлеба не может получить и рад за невеликое пропитание работать, отчего заводы вскоре с малым убытком придтить в состояние могут» [15]. Допуская, что набор обученных мастерству людей из-за их дефицита мог быть осуществлен и путем внеэкономического принуждения, Татищев, очевидно, был против использования принудительного труда приписных и купленных крестьян на вспомогательных работах.

Мнение Татищева о легкости перехода от принудительного к вольнонаемному труду оказалось ошибочным. Он был глубоко потрясен, когда понял, что найти столько жаждущих работы крестьян ему не удастся [16]. Беглые, осевшие на Урале, предпочитали селиться вокруг заводских стен, заниматься земледелием, и не горели желанием войти в заводские ворота. На какое-то время избавившись от контроля чиновников и, следовательно, не платя никаких налогов,

работая только на себя, они неплохо жили и так. Не имея специальных инструкций на этот счет, Татищев решил, что только экономическое принуждение, т.е. обязанность крестьян платить оброк, вынудит их работать за плату. Эти планы испугали уральских заводчиков, полагавших, что они решат все свои проблемы лишь путем принуждения тех же самых крестьян к временному труду; проекты Татищева поставили под угрозу могущество Демидовых, считавших себя хозяевами Урала. Подключив свои связи в Санкт-Петербурге, последние добились в 1722 г. отзыва царского посланника. Теперь Демидовы вновь могли поступать по своему усмотрению.

В 1734 г. Татищев вновь оказался на Урале. На сей раз он получил от императрицы Анны Иоанновны (1730-1740) строгие «инструкции», которые в вопросе о найме рабочей силы противоречили его представлениям начала 1720-х гг. На всем протяжении российской истории войны, или их угроза делали невозможным ослабление насилия; послепетровский период в этом отношении не был исключением. С учетом того, что не за горами были борьба за польское наследство и с Оттоманской Портой, казна едва ли хотела проводить эксперименты в сфере труда. Уравнивание заработной платы приписных крестьян с вольнонаемными работниками ликвидировало бы рынок свободной рабочей силы. В инструкциях Татищеву подчеркивалось, что вольнонаемные должны привлекаться только к квалифицированным работам, а чернорабочие — набираться только из приписных [17]. Чтобы запретить наем беглых крестьян, среди которых Татищев ранее надеялся получить работных людей и чернорабочих, Кабинет определил, что нанимать на заводы можно только крестьян с «помещиковыми и управительскими» паспортами, а беглых, обосновавшихся на заводах или поблизости от них, следует с завода удалить [18]. Кабинет требовал, чтобы «в заплате с мастерами правильно поступали, и лишнею передачею (т.е. переплатой. — *Авт.*) мастеров друг от друга, також и беглых крестьян не приманивали и не держали» и запретил платить вольнонаемным работникам больше, чем приписным крестьянам. Признавая все же необходимость использования в ряде случаев приписных, Татищев был категорически против ограничения найма беглых. Политика, основанная на принуждении, предупреждал он императрицу, не только не будет способствовать строительству новых горных заводов, но и приведет к упадку уже существующих [19].

Несмотря на данные ему инструкции, Татищев продолжал придерживаться своих прежних взглядов, борясь за создание материальных и социальных предпосылок более широкого применения на заводах вольнонаемной рабочей силы. С этой целью он созвал в 1734 г. в Екатеринбурге совещание горнопромышленников, чтобы принять новый Горный устав, призванный регулировать отношения между заводовладельцами и работниками, определить единые размеры зарплаты и улучшить условия труда, заложив таким образом основу для расширения вольного найма [20]. Татищев также пытался открывать школы для детей мастеровых и требовал от заводчиков оплачивать людям вынужденный простой заводов или время болезни [21].

Предложения Татищева по улучшению условий работы могли снизить доходы заводовладельцев, которые повсеместно практиковали принудительный

труд. До этого постоянно ссорившиеся друг с другом, они сумели объединиться против Татищева. Демидовых поддержали промышленники Строгановы, и в конечном счете Татищев был переведен на Южный Урал усмирять бушевавшее там восстание [22].

Таким образом, государство предпочитало решать проблему рабочей силы в металлургии методами, применявшимися при Петре. Еще до отправки Татищева на Южный Урал оно расширило использование принудительного труда в металлургии. В 1734 г. правительство сформулировало основные принципы приписки, таким образом превратив отдельные явления в постоянную практику. Всякому владельцу горного завода разрешалось иметь на 1 домну 100-150 дворов приписных государственных крестьян, а на каждый молот — по 30 дворов; для выплавки 18 т меди полагалось иметь 50 дворов (200 душ мужского пола) [23]. Менее чем через 2 года, 7 января 1736 г. всем работным людям вместе с семьями было предписано постоянно проживать в местах своей работы [24]. Одним росчерком пера большинство вольнонаемных работников лишились свободы [25]. Стремясь обеспечить металлургическую промышленность работными людьми, правительство Анны Иоанновны создало новую социальную категорию «вечноотданных». Оно полагало, что избавившись теперь от соблазна более высокой заработной платы, которую получали вольнонаемные работники, приписные крестьяне станут теперь заводскими рабочими. В противном случае их самовольный уход отныне приравнивался к побегу крепостных, за что грозило суровое наказание [26].

Множество челобитных, поданных приписными, их длительное сопротивление, переросшее в восстание, охватившее большую часть Урала, свидетельствовали, что надежды правительства не оправдались. Таким образом, если создание мощной металлургической промышленности, основанной на принудительном труде, было вызвано войной, или угрозой ее возникновения, то рабочие волнения в середине XVIII в. вынудили государство пересмотреть свою трудовую политику. Чтобы погасить волнения, правительство начало исподволь собирать информацию об условиях работы на Урале. Изучив ее, оно сначала приняло меры по улучшению условий труда, затем частично, а позже и полностью освободило приписных крестьян. Все это прекратило приписку, улучшило условия труда, и, наконец, позволило большинству крестьян заниматься своим домашним хозяйством. Но только всеобщее освобождение 19 февраля 1861 г. позволило всем приписным уйти с заводов, предоставив предприятия рынку свободного труда.

Как уже отмечалось, правительство не прислушивалось к требованиям крестьян. В 1740-е гг. постоянные жалобы и отдельные забастовки привели к осознанию заводчиками и правительством того факта, что ситуация на Урале далека от нормальной [27]. В то время опасности ни для металлургической промышленности, ни для государства не было, но в 1750-е гг. и в начале 1760-х гг. отдельные волнения переросли в крупномасштабное восстание [28]. К тому же Россия опять оказалась вовлечена в международный конфликт, на сей раз с сильнейшей Пруссией. Не усмирив Урал, нельзя было победить в Семилетней войне. Не сумев тогда подавить восстание силой, российские власти вынуждены были пересмотреть свою тогдашнюю трудовую политику.

Поскольку приписные крестьяне были движущей силой заводских восстаний, правительство Елизаветы Петровны (1741-1761) пришло к выводу, что дальнейшее использование приписки лишь усугубит ситуацию, и поэтому после 1760 г. оно прекратило отдачу государственных крестьян на металлургические предприятия. Преемники Елизаветы Петр III (1762) и Екатерина II (1762-1796) продолжили этот курс. Хотя никаких законов насчет приписки издано не было, сенатский указ от 15 сентября 1763 г. запретил приписку крестьян Исетской провинции на екатеринбургские рудники [29]. Этот запрет создал общенациональный прецедент, который оставался в силе на протяжении всего 34-летнего царствования Екатерины. Ее намерению ограничить масштабы приписного труда на горных заводах предшествовало 29 марта 1762 г. решение Петра III отменить указ от 18 января 1721 г., предоставлявший недворянам право покупки крепостных («купленные крестьяне») для своих заводов [30]. Теперь купцы, построившие металлургические предприятия, должны были укомплектовывать их вольнонаемными работниками [31]. Для заводовладельцев же благородного происхождения (но не тех, кто получил дворянство в знак признания своих заслуг) никаких ограничений по прежнему не было.

Пересмотр правительством в 1760-1763 гг. двух из трех базовых составляющих его трудовой политики не смог усмирить непокорных рабочих, т.к. ни прекращение приписки, ни запрет покупки крепостных для предприятий, что привело к изменению статуса людей, делали их независимыми от уральских заводов. Вступив на престол в июне 1762 г., Екатерина II насчитала на Урале 49000 восставших приписных крестьян (в России численность этой категории населения была 142517) [32]. Многие из них трудились на казенных предприятиях, которые были отданы или проданы высокопоставленным сановникам: Шуваловым, Воронцовым, Чернышевым, Ягужинским и др. Рабочих не обрадовал возврат заводов государству: они требовали освободить их от промышленного труда. Работая на заводе, они могли добыть оружие, которое подняли бы против правительства, тем самым поставив под угрозу функционирование предприятий, без которых страна не смогла бы вести войны. Екатерина отвергла требования восставших, опасаясь что в противном случае это приведет к дефициту рабочей силы и остановке производства. Но она, тем нем менее, направила на Урал князя А.А.Вяземского, снабдив его секретными инструкциями.

Если ранее трудовую политику империи определяли военные соображения, то теперь на первое место вышло постоянно нарастающее сопротивление заводских работников. Поэтому требовалось не только усмирить работников, но и тщательно выяснить причины их восстания [33]. Екатерина поручила Вяземскому сообщить, как идет на Урале замена приписных крестьян вольнонаемными работниками и разобраться, «не лучше ли работы горные производить за плату вольную и наемными работниками» [34]. Имея на руках инструкции и царский манифест, призывавший бунтовщиков вернуться к работе, Вяземский в конце декабря 1762 г. прибыл в Казань. В течение 11 месяцев он с помощью ружей и пушек усмирил Урал, чего не удавалось сделать целых 3 года.

Приписные крестьяне воспользовались миссией Вяземского, чтобы вручить ему свои челобитные. Использование Вяземским пушек не отбило у крестьян

тягу к свободе. Удовлетворение их требований способствовало бы сохранению у них землепашества [35]. Крестьяне пытались растолковать царскому вельможе, что сезонный характер приписки разрушает сельскую экономику, поскольку в период полевых работ в деревнях остаются лишь женщины, дети, калеки и старики. Люди также жаловались на злоупотребления заводчиков и приказчиков, низкие зарплаты и большую продолжительность заводских работ, удаленность заводов, за переход к которым ничего не платили, круговую поруку на работе и принудительное закрепление на заводе вечноотданных. Так или иначе, все они воспринимали приписку как угрозу своему традиционному существованию.

Из жалоб, рассмотренных Вяземским, наибольшее значение имели те, что подали приписные крестьяне Камского горного завода, поскольку именно они легли в основу подготовленных князем для императрицы предложений. 9 апреля 1763 г. Екатерина на основе предложений Вяземского издала указ, несколько улучшивший положение полурабочих [36]. Признав тяжелое положение приписных крестьян, она ограничила их пребывание на заводе 3 месяцами. Заводовладельцам и приказчикам было запрещено заставлять людей трудиться сверх этих сроков и предписывалось платить приписным крестьянам столько, сколько им было нужно для внесения подушной подати. Рабочим разрешили выбирать лиц, которые будут следить за выполнением работ, выдавать заработную плату и сообщать о злоупотреблениях местным властям. В свою очередь, императрица потребовала, чтобы приписные выполняли положенную им работу в полном объеме. Так как эти решения ставили под угрозу слишком многое — выпуск вооружения и экспорт железа, то приняв их, Екатерина II не стала рисковать еще больше и не пошла на освобождение приписных.

17 марта 1764 г., менее чем через год после обнародования упомянутого указа, Вяземский представил ей свое итоговое заключение. Полагая, что причиной волнений были тяжелые условия труда на частных горных заводах и увеличение в 1761 г. подати, он, тем не менее, предложил лишь отдельные косметические меры [37]. Самым радикальным из них было предложение перевести приписных крестьян партикулярных заводов на казенные предприятия. Кроме того, Вяземский предлагал уравнять их зарплату с вольнонаемными работниками и оплачивать сезонный переход крестьян на заводы, если он составлял свыше 200 км. Наконец, он внес предложения по регламентации труда и его организации, очерченные указом Екатерины. Как и Екатерина, Вяземский полагал, что улучшение положения приписных поможет им привыкнуть к новому образу жизни.

Вяземский был против освобождения приписных. Он советовал императрице восстановить действие указа 1721 г., разрешавшего купцам покупать крепостных для своих заводов, очевидно полагая, что заводчики теперь смогут обойтись и без приписки. Если бы давние просьбы приписных крестьян оплачивать их труд наравне с вольнонаемными работниками (так, чтобы они, в свою очередь, могли нанимать себе замену) были бы реализованы сразу и без злоупотреблений, это на время ослабило бы напряженность на Урале. Но Екатерина не решилась сделать это. Она не стала распространять на всю промышленность действие указа от 9 апреля и одобрила лишь часть рекомендаций Вяземского

[38]. Не удивительно, что приписные крестьяне оказались разочарованы и стали готовится к новому, еще более крупному бунту. Условия для Пугачевщины были созданы.

Когда в сентябре 1773 г. донской казак Емельян Пугачев поднял восстание, к нему присоединились приписные крестьяне. Манифест самозванца к приписным крестьянам Авзяно-Петровского горного завода свидетельствует, что он гораздо лучше, чем Екатерина или Вяземский, понял психологию приписных [39]. Пугачев призвал их поддержать истинного императора и дать ему бомбы и мортиры, а взамен даровал заводских крестьян «крестом и бородою, рекою и землею, травами и морями, и денежным жалованьем, и хлебом, и провиантом, и свинцом, и порохом, и всякою вольностию» [40]. Приписные восприняли слова «всякою вольностию» как освобождение, в то время как фраза «рекою и землею» должно быть, покорила сердца тех, кто тосковал по своей деревне и статусу государственного крестьянина. На всем Южном Урале приписные крестьяне или присоединялись к повстанцам или уходили к себе домой. В апогее пугачевского восстания (февраль 1774 г.) 64 из 129 уральских заводов, с более чем 40000 приписных крестьян перешли на сторону самозванца [41]. Но в том же 1774 г. армия Пугачева была разбита войсками, только что вернувшимися с русско-турецкой войны.

Восстание Пугачева нанесло огромный ущерб металлургии Урала. Общая сумма убытков от разрушения и простоя заводов оценивается в 5536193 руб. [42] Однако предприятия удалось быстро восстановить, и заводы вскоре вновь начали работать в полную силу. Восстание повлияло на судьбу приписных крестьян, открыто выразивших свое отношение к принудительному труду. Главный следователь правительства Екатерины II на Урале капитан С.И.Маврин сообщал, что приписные крестьяне, которых он считал ведущей силой восстания, снабжали самозванца оружием. Капитан объяснял это тем, что заводчики угнетали своих приписных, вынуждая крестьян преодолевать длинные расстояния до заводов, не разрешали им заниматься землепашеством и продавали им продукты по завышенным ценам. Маврин считал, что для предотвращения в будущем подобных волнений необходимо принять решительные меры [43].

Вслед за Вяземским, он повторял ошибочные выводы о привыкании приписных к заводскому труду. Екатерина писала Г.А.Потемкину, что Маврин «об заводских крестьян что говорит, то все весьма основательно, и думаю, что с сими иного делать нечего, как купить заводы и, когда будут казенные, тогда мужиков облехчить» [44]. Она не пошла дальше, но в целях ликвидации наиболее отрицательных сторон приписки (без освобождения при этом людей) издала 19 мая 1779 г. манифест об общих правилах использования приписных крестьян на казенных и партикулярных предприятиях [45]. Будучи гораздо более прогрессивным, чем все прежние законы Российского государства, этот указ тем не менее всего лишь определял перечень работ приписных крестьян, включавший заготовку леса, углежжение и вывоз древесного угля, перевозку руды и песка, строительство и ремонт плотин. Манифест существенно увеличил их заработную плату и вновь подтвердил право крестьян платить 1 руб. подушной подати из 2 руб. 70 коп. деньгами (остальные 1

руб. 70 коп. вносились отработкой). Екатерина надеялась, что все эти меры успокоят крестьян.

Если ранее императрица подтвердила решение прекратить использование на горных заводах принудительной рабочей силы, то теперь она попыталась облегчить ее положение. Сделать еще один шаг и отменить крепостное право было уже выше ее сил. С ее точки зрения манифест, направленный на недопущение будущих беспорядков и обеспечение нормальной работы промышленности, был вынужденной уступкой. По мнению же рабочих, этих отдельных послаблений было недостаточно.

Хотя этот манифест не мог рассчитывать на долгую жизнь, на некоторое время он все же сумел предотвратить крупные волнения приписных [46], поскольку в совокупности его положения сократили крестьянам время заводских работ, позволив им больше заниматься землепашеством. Несмотря на отказ от освобождения крестьян, в последние 17 лет царствования Екатерины на Урале не было никаких волнений. В эти два десятилетия материальное положение приписных крестьян никогда еще не было таким хорошим. Законодательство создало стабильность, в условиях которой железоделательные и медеплавильные заводы России могли работать нормально.

Но волнения приписных крестьян не ушли в прошлое. Забастовки в начале XIX в. в конечном счете вынудили власти провести новую реформу. Ряд членов правительства Павла I, особенно главный директор Берг-коллегии М.Ф.Соймонов, были убеждены, что практика приписки подрывает металлургию. Возражая консерваторам, Соймонов считал, что освобождение большинства подневольных работников принесет только пользу, поскольку труд, основанный на экономическом принуждении, а не на кнуте, будет более эффективным.

Если, с одной стороны, волнения рабочих подталкивали правительство к ликвидации системы приписки, то с другой военные потребности страны вынуждали ее сохранять. России вновь угрожало нашествие, но уже не Карла XII Шведского, а Наполеона Бонапарта, и правительство не хотело полностью отказываться от услуг приписных. Встав перед выбором: или устранить причины волнений приписных крестьян или сохранить военное производство, русское правительство остановилось на втором варианте. Часть бывших приписных крестьян превратили в «непременных работников», отныне обязанных трудиться весь день на заводе. Соймонов полагал, что 58 непременных заменят 1000 приписных [47].

Хотя по предложению Соймонова Павел I указом от 9 ноября 1800 г. ввел институт «непременных работников», это встретило такое сопротивление при дворе, что реализацию закона пришлось отложить. Вместе с проблемой волнений приписных крестьян продолжал решаться вопрос об освобождении полурабочих, поскольку предложения, выдвинутые при Павле, легли в основу реформы, предпринятой императором Александром I. В 1802 г. на Урал были командированы И.Ф.Герман и А.Ф.Дерябин. Им поручалось предложить нечто лучшее, чем замена приписных крестьян непременными работниками, и реализовать указ Павла. Опираясь на данные отчетного доклада этих чиновников император ввел в 1806 г. на уральских горных заводах военные порядки, а 15

марта 1807 г. отменил приписку [48]. Хотя этот указ реализовывал рекомендации Соймонова, следует обратить внимание на два момента. Во-первых, немедленному освобождению от приписки подлежали только приписные казенных горных заводов, а на частных предприятиях оно откладывалось до 1 мая 1813 г. Во-вторых, указ распространялся только на приписных крестьян уральских заводов. Конечно, большинство приписных работало на Урале, но их было немало и на олонецких, алтайских, луганских и нерчинских рудниках и горных заводах. Они почти не бунтовали и это дорого им обошлось. Считается, что указ 1807 г. освободил приблизительно 217115 приписных крестьян Пермской, Тобольской, Вятской, Казанской и Оренбургской губерний. Однако то же самое законодательство сохранило для приблизительно 17850 непременных работников связь с уральской металлургией. Они, однако, не стали «вечно отданными» на предприятия: им нужно было отработать на заводе 30 лет, а их детям — 40. Как только представители этой недавно созданной категории работников становились немощными, заводы выбрасывали их за борт.

Освободив большинство приписных крестьян, Александр дал понять, что он хочет пойти дальше Екатерины II. В то же время, этот акт демонстрировал намерение государства надолго сохранить свою прерогативу поставки работников для металлургической промышленности. Управление горных округов, как и прежде, не верило, что свободный рынок может поставить для металлургии необходимое количество рабочей силы. Сам термин «непременные работники» свидетельствует об уверенности государства в том, что рудники и заводы не смогут существовать без них. С этой точки зрения указ 1807 г. не следует рассматривать в качестве провозвестника освобождения от принудительного труда. Частые восстания приписных крестьян в тех областях, которые не затронуло законодательство, свидетельствовали, что освобождение, дарованное им Александром I, лишь частично сняло проблему волнений. Крупные волнения прокатились в первой трети XIX столетия по Олонецку и Алтаю [49]. Полагая, что полное освобождение — это не выход из ситуации, государство не распространило действие указа 1807 г. за пределы Урала. Оно опасалось, что свободный рынок не сможет дать необходимого количества рабочей силы, и поэтому заставило олонецких и алтайских приписных крестьян, а также их посессионных собратьев дожидаться всеобщего освобождения, которое произошло только в феврале 1861 г. [50]

Здание, столь кропотливо возводившееся русскими царями более двух столетий, рухнуло с началом в 1853 г. Крымской войны. Подавленный военными неудачами России, император Николай I умер в 1855 г., поручив своему сыну Александру II воссоздать былую мощь империи. Надеясь переломить ход войны, новый император сначала выступал за ее продолжение. Однако в январе 1856 г. на вопрос царя о дальнейших перспективах вооруженного конфликта российский военный министр генерал Н.О.Сухозанет твердо заявил, что финансовые, военные и промышленные ресурсы Западной Европы превосходят российские. Александру II было прямо сказано, что продолжение военных действий ставит под угрозу само существование государства. Стало ясно, что принудительный труд себя изжил. Методы, которые показали свою эффективность в

XVII-XVIII вв., в середине XIX в. были уже анахронизмом. В свое время военные нужды вызвали появление на металлургических предприятиях принудительного труда, и они же теперь привели к его упразднению. Взаимосвязь между войной и переменами в России была в 1856 г. достаточно условна. Военное поражение России могло бы привести к радикальным изменениям, равно как и военная победа способствовала бы сохранению сложившегося ранее устройства. Проигрыш в войне выявил отрицательные стороны использования непременных работников, тем самым подчеркнув свою тесную связь с принудительным трудом в металлургии, порождавшим консерватизм технологии, низкую производительность труда русского рабочего по сравнению с его западным собратом и постоянные волнения на горных заводах, в дальнейшем сказавшиеся на промышленном производстве. Возрождая идеи В.Н.Татищева, Александр II признал, что на смену принудительному труду теперь должен прийти экономический стимул.

Освобождение последних остатков крепостных крестьян горных заводов стало неизбежным после того, как Александр II 30 марта 1856 г. заявил о своем намерении полностью отменить крепостное право. Поскольку предполагалось освободить свыше 20 млн помещичьих крепостных, это затронуло бы и более чем 590000 «горнозаводских крестьян». В итоге они получили личную свободу и небольшие земельные участки. Государство наконец-то покончило с петровским наследием в этом вопросе.

Единственной причиной отказа от принудительного труда в промышленности в историографии обычно считают проявленную государством мудрость, поскольку труд из-под палки якобы поставил под угрозу дальнейшее существование страны [51]. При этом роль волнений приписных крестьян в столь некорректном примере «революции сверху» часто преуменьшают, если вообще не игнорируют. Но история приписки, изложенная в данной статье, требует переосмысления проблем этой революции, поскольку приписные крестьяне горных заводов сами способствовали ускорению реформы. 100 лет они сопротивлялись попыткам правительства изменить их образ жизни, 100 лет они бросали работу, восставали и гибли, чтобы отстоять свое право быть землепашцами. Когда в 1807 и 1813 гг. большинство их освободили от принудительного труда на горных заводах, это стало в значительной степени заслугой самих приписных. Как писал Карл Маркс, «иногда в истории человечества орудие возмездия создает не пострадавший, а его обидчик» [52]. История принудительного труда в русской металлургической промышленности и борьба с ним приписных крестьян полностью подтверждают эти слова.

Авторизованный перевод с английского канд. ист. наук И.В.Кучумова по: Hugh D. Hudson, Jr., Bruce J. Dehart, David M. Griffiths. Proletarians by Fiat: The Compulsory Ural Metallurgical Work Force, 1630-1861 // International Labor and Working-Class History. 1995. № 48. P.94-111.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. О разнице между западным и восточноевропейским сельским опытом и его значениями для капиталистического развития см.: *Anderson P.* Lineages of the Absolutist State. London, 1974 (особенно С.195-235).
2. *Amburger E.* Die Familie Marselis: Studien zur russischen Wirtschaftsgeschichte (опубликовано в качестве: Osteuropastudien der Hochschulen des Landes Hessen, Reihe 1). 1957. S.104; *Панкратова А.М.* Формирование пролетариата в России. М., 1963. С.219, 223; *Grau C.* Russisch-sachsische Beziehungen auf dem Gebiet des Berg- and Huttenwesen in der erste Halfte des 18. Jh. // Jahrbuch fur Geschichte der UdSSR und der volksdemokratischen Lander Europas. 1960. Bd. 4. S.302-30.
3. В их обязанности также входило строительство и ремонт плотин и заводов, защита предприятий от восставших туземцев и охрана караванов на торговых путях. Об обязанностях приписных крестьян см.: *Семевский В.И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1903. Т.II. С.306.
4. *Спасский Г.И.* Жизнеописание Акинфия Никитича Демидова. СПб., 1833. С.79-83. *Hudson Jr. H.* Free Enterprise and the State in Eighteenth-Century Russia: The Demidov Metallurgical Empire // Canadian Slavonic Papers. 1984. Vol. 26. No. 2-3. P.185-186.
5. *Семевский В.И.* Указ. соч. С.304-305.
6. Такие указы, относящиеся к различным отраслям промышленности см.: Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т.V. № 3313 (26 февраля 1719 г.), Т.VI. № 3808 (26 июля 1721 г.), № 4006 (11 мая 1722 г.)
7. *Спасский Г.И.* Указ. соч. С.71. Б.Б.Кафенгауз ошибочно считает, что Демидов в то время не имел права покупать крестьян: *Кафенгауз Б.Б.* История хозяйства Демидовых в XVIII-XIX вв: Опыт исследования по истории уральской металлургии. М.; Л., 1949. Т.I. С. 95.
8. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т.VI. № 3711. Фактически, после решения Берг- и Мануфактур-коллегии, переводы рабочих с одного завода на другой были разрешены.
9. *Огарков В.В.* Демидовы, основатели горного дела в России. СПб., 1891. С.27.
10. *Зеньковский С.А.* Старообрядцы — технократы горного дела Урала // Записки Русской академической группы в США.. 1976. Т.10. С.154-57. Старообрядчество, вызванное расколом русской церкви в XVII в., было, в частности, попыткой низов сохранить свою культуру от иностранного религиозного и светского проникновения. О роли староверов в русской металлургии см.: *Hudson Jr. H.* The Rise of the Demidov Family and the Russian Iron Industry in the Eighteenth Century. Newtonville (Mass.), 1986. P.72-78. В 1753 г. государством было учтено 36842 старообрядцев (лишь малая часть этой категории населения), 4165 из них работали на невьянских заводах Демидова, возможно, потому, что там они почти не боялись переписи.
11. Полное собрание законов Российской империи. Т. VI. № 4055.
12. *Кафенгауз Б.Б.* Указ. соч. С.189, 195.
13. *Соколовский И.В.* К вопросу о состоянии промышленности в России в конце XVII и первой половине XVIII столетия // Ученые записки Казанского университета. Казань, 1890. Кн. 3. С.46-50.

14. Тарифы для приписных работников по указу от 20 января 1724 г. были следующими: летом — 10 коп. в день для крестьян с лошадьми и 5 коп. — для безлошадных; зимой — 6 коп. в день для крестьян с лошадьми и 4 коп. — для безлошадных (Полное собрание законов Российской империи. Т.VII. № 4425).
15. Цит. по: *Кривоногов И.Я.* Наемный труд горнозаводской промышленности Урала в XVIII веке. Свердловск, 1959. С.127.
16. *Бестужев-Рюмин Б.К.* Василий Никитич Татищев: администратор и историк начала XVIII века (1686-1750 гг.) // Древняя и новая Россия. 1871. № 1. С.13.
17. Указ от 23 марта 1734 г.: Полное собрание законов Российской империи. Т.IX. № 6559.
18. Там же.
19. *Бак И.С.* Эконмические воззрения В.Н.Татищева // Исторические записки. 1955. Т.55. С.376.
20. См: *Горловский М.А., Павленко Н.И.* Материалы совещания уральских промышленников, 1734-1736 гг. // Исторический архив. 1953. Т.9. С.5-155.
21. *Павленко Н.И.* «Наказ шихтмейстеру» В.Н.Татищева // Исторический архив. 1951. Т.VI. С.199-244.
22. Полное собрание законов Российской империи. Т. IX. №№ 6849 (23 декабря 1735 г.), 6939 (15 апреля 1736 г.); *Попов Н.* В.Н.Татищев и его время. М., 1861. С.181-92.
23. Полное собрание законов Российской империи. Т. IX. № 6559, пункт 9.
24. Там же. № 6858. Чтобы удовлетворить жалобы помещиков на заводчиков, удерживавших их крестьян, государство приказало промышленникам выплатить компенсацию беглым мастеровым, а остальных возвратить их законным хозяевам.
25. См.: *Павленко Н.И.* К вопросу о рынке рабочей силы для металлургических мануфактур в 20-40-х годах XVIII века // Вопросы истории. 1952. № 3; Он же. Zum Problem der Struktur der russischen Manufaktur im 17.-19. Jh. // Jahrbuch fur Geschichte der sozialistischen Ldnder Europas. 1969. Bd. XIII. № 2.
26. См.: *Zelnik R.* The Peasant and the Factory // The Peasant in Nineteenth-Century Russia. Stanford, 1968. P.165-66.
27. См. важные документы: Волнения работных людей и приписных крестьян на металлургических заводах России в первой половине XVIII в. М., 1975. Т.I-II.
28. О волнениях на Урале в 1750-1760-е гг. см.: *Орлов А.С.* Волнения на Урале в середине XVIII века. М., 1979; *Мавродин В.В.* Классовая борьба и общественно-политическая мысль в России в XVIII в. (1725-1773). Л., 1964. Ч. I. С.47-64.
29. Н.И.Павленко утверждает, что это заявление означало конец приписки к рудникам и мануфактурам: *Павленко Н.И.* Наемный труд в металлургической промышленности России во второй половине XVIII в // Вопросы истории. 1958. № 9. С.43. Данное законодательство, к сожалению, не включено в «Полное собрание законов Российской империи».
30. Полное собрание законов Российской империи. Т.XV. № 11490.
31. Через 4 месяца после издания указа Петра его преемница Екатерина II подтвердила его 8 августа 1762 г.: Полное собрание законов Российской империи. Т.XVI. №1638. Исключение было сделано для отдельных иностранных предпринимателей. В 1798 г. Павел I восстановил право недворян покупать крепостные деревни для нужд заводов, но этим воспользовались, кажется, немногие.

32. Эта цифру назвала сама Екатерина девятью годами позже: Сборник императорского Русского исторического общества. Т.10. С.380. Если эта цифра верна, то в таком случае примерно 35 % приписных крестьян участвовали в восстании в период его наивысшего подъема.
33. Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 7. С.188-196.
34. Там же. С.192 (ошибочно обозначена как 182).
35. Много челобитных опубликовано в кн.: *Орлов А.С.* Указ. соч. С.192-263.
36. Полное собрание законов Российской империи. Т. XVI. № 11790. Хотя указ касался только прикамских крестьян, императрица предполагала распространить его действие на всю металлургическую промышленность.
37. Об итоговом докладе Вяземского см.: *Орлов А.С.* Указ. соч. С.158-60. Увеличение налогов, которое предлагал князь, было сделано 12 октября 1761 г. Этот закон, однако, не включен в «Полное собрание законов Российской империи».
38. В итоге (в 1767 г.), правительство применило указ от 9 апреля 1763 г. ко всем казенным заводам. Он также применялся при волнениях на частных заводах: *Portal R.* L'Oural au XVIIIe siecle: etude d'histoire economique et sociale. Paris, 1950. P.319; *Семевский В.И.* Указ. соч. Т. II. С. 405-08; Madariaga Isabel de. Russia in the Age of Catherine the Great. New Haven, 1981. P. 124-125. Также примечательным является то обстоятельство, что 27 мая 1769 г. Екатерина издала указ, который повышал жалованье приписным крестьянам и вводил оплату их переходов из деревень на заводы: Полное собрание законов Российской империи. Т.XVIII. № 13303. Хотя повышение заработной платы и оплата переходов на большие расстояния должны были улучшить условия существования приписных крестьян, в действительности они сказались мало, поскольку за год до этого (в 1768 г.) возрос размер подати: Там же. № 13194.
39. О роли отдельных предприятий в восстании под предводительством Е.И.Пугачева см.: *Пруссак А.В.* Заводы, работавшие на Пугачева // Исторические записки. 1940. Т. 8.
40. Документы ставки Е.И.Пугачева, повстанческих властей и учреждений. М. 1975. С.30-31.
41. *Андрущенко А.И.* Крестьянская война 1773-1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. М., 1969. С.237-38.
42. *Павленко Н.И.* История металлургии в России XVIII века. М., 1962. С.475 и сл.
43. *Alexander J.* Autocratic Politics in a National Crisis: The Imperial Russian Government and Pugachev's Revolt, 1773-1775. Bloomington, 1969. P.145.
44. Ibid.
45. Полное собрание законов Российской империи. Т.XX. № 14878.
46. См.: Сборник императорского Русского исторического общества. Т. XXVII. С.174.
47. *Кривоногов В.Я.* Указ. соч. С.110-111; *Гольденберг Л.А.* Михаил Федорович Соймонов (1730-1804). М., 1973. С.140. Эта цифра была установлена в 1807 г. для частных заводов; каждый казенный завод должен был определять ее сам: Полное собрание законов Российской империи. Т.XXIX. № 22498. Указом от 15 марта 1807 г. «непременные работники» юридически и социально были уравнены с вечноотданными: Положение для непременных работников при горных заводах //Там же.

48. Полное собрание законов Российской империи. Т. XXVI. № 19641.
49. Там же. Т. XXIX. № 22498.
50. О волнениях начала XIX в. см.: *Тальский О.С.* Положение и классовая борьба углепоставщиков металлургической промышленности России в феодальном периоде // Вопросы истории СССР и методики преподавания истории в средней школе. Барнаул, 1972. О судьбе олонецких приписных крестьян и решении государства распространить на них законодательство 1807 г., см.: Полное собрание законов Российской империи. Т.III. № 1916. Всеобщее освобождение было дано Манифестом 19 февраля 1861 г.: Там же. Т.XXXVI. № 36650. Об освобождении приписных крестьян частных заводов см.: Дополнительные правила о приписных к частным горным заводам людях ведомства Министерства финансов // Там же. № 36667. Освобождение несвободных работников на казенных заводах произошло 1 мая 1861 г. (это законодательство отсутствует в «Полном собрании законов Российской империи»).
51. См., в частности: The Politics of Autocracy: Letters of Alexander II to Prince A.I.Bariatinskii, 1857-1864. Paris, 1966. P.21-30.
52. См.: *Mintz S.* Caribbean Transformation. Chicago, 1974. P.150-151.

PROLETARIANS UNDER the DECREE: HISTORY of ASCRIBED PEASANTS IN RUSSIA (1630-1861)

The article is devoted to evolution of a policy of the Russian state on maintenance a with labour mining and smelting enterprises in the XVII — to the first half of the XIX cc. The basic sources of formation of a labour force, legal regulation of the forced labour at plants, position of work people are analysed. The pripisnye peasants occupied mainly at auxiliary works in the specified period are in the centre of attention. The resistance of these peasants to factory working off it is considered by authors as one of the main reasons of a cancellation of the system of the forced labour.

H.D. Hudson, Jr., B. Dehart, D. Griffits

Н.С. Корепанов

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ НА УРАЛЬСКИХ КАЗЕННЫХ ЗАВОДАХ В 20–40-е гг. XVIII в. (ДОМЕННЫЙ МАСТЕР МАКСИМ ОРЛОВСКИЙ)*

Проблема формирования индустриальной культуры России принадлежит к числу ключевых для отечественной исторической науки. При этом наиболее актуальным в прикладном плане остается вопрос об усвоении иностранного технического и управленческого опыта, а в философско-социологическом — увязывание данной проблемы с разработкой общей теории модернизации.

В этой связи, как нам кажется, упор в проблемном изучении взаимодействия и взаимовлияния российской и западной индустриальных культур должен быть перенесен с вопросов заимствования в область информационного усвоения и творческого развития. Это, в частности, предполагает трансформацию технического и технологического опыта в специфических национальных или региональных условиях.

Формирование индустриальной культуры, всегда напрямую зависящее от технологии производства железа, в России началось в первой половине XVIII в., в эпоху вполне сложившегося кричного передела (доменная плавка+расковка криц). Собственно расковка криц боевыми и колотушечными молотами в главный экспортный товар — полосовое и «баутовое» (прутковое) железо прославила Россию, а техническими особенностями серьезно отличалась от европейского опыта (видимо, серьезнее, чем доменная плавка). Однако с начала форсированного строительства казенных заводов на Урале в 20—30-е гг. XVIII века в этой отрасли работали пятеро иноземцев из числа прибывших в команде В.И. Геннина (Иоганн Дейхман, Андрюс Кас, Петр Михайлов, Лоренц Пожаров, Йохем Рамфельт) — почти все на ключевых должностях старших молотовых мастеров; во главе смежных отраслей стояли жестяной мастер Иоганн Ваплер, стальной Петр Дейхман, проволочный Томас Миллер. При доменном же деле работал единственный формальный иноземец — поляк Максим Андреевич Орловский. (А в смежной отрасли — фурмовой и пушечный мастер Иоганн Дейхман-старший).

О жизни и роде занятий М.А. Орловского до поступления на заводскую службу по документам использованного нами источника судить невозможно. В описях служителей и работников ведомства Канцелярии Главного правления заводов за 1744 и 1745 гг. указаны возраст его (соответственно 56 и 57 лет, т.е. 1688 год рождения), происхождение («польской породы, из шляхетства»), время и место начала заводской службы (1716 г., Олонецкие заводы). Не подлежит сомнению его православное вероисповедание. При следовании на

* Статья подготовлена при содействии Российского гуманитарного научного фонда (грант № 01-01-00409а)

Урал в команде Геннина в 1722 г. Орловский именовался как «доменный ученик из школьников Петровского завода» и «(доменный) ученик за подмастерья» [1]. Очевидно, он окончил учрежденную Генниным школу Петровского завода, где учились известные впоследствии организаторы горного дела на Урале Н.Г. Клеопин и К.А. Гордеев (а на тот момент — личные порученцы генерала).

В 1724 г. Геннин составил на их имя подробную инструкцию по всем заводским производствам, многие положения которой вошли впоследствии в его капитальный труд. Пункт о доменном деле он предварил словами: «И надлежит так, например, как добрая мать водится с детьми своими, так и с ними, домнами (поступать). А домна подобна источнику или ключу: ежели добрая «вода» из нее не течет, то всех фабрик и мануфактур худой плод родится». Особое значение чугуноплавильного производства подразумевало и особый статус доменных мастеров, сравнимый разве что со статусом мастеров плотинных: оклады и влияние их были сравнимы с управительскими, техническими знаниями (не говоря уж о практических навыках) они нередко превосходили управителей, в подчинении их были сотни работников и т.п. Принципы и техника доменного производства того периода детально описаны Генниным [2].

Доменному мастерству Орловский обучался у Федора Ивановича Казанцева (Федора Казанца), известного своей постройкой в 1716—1717 гг. первой на Урале домны европейского типа (круглое сечение, узкий колошник). Позднее вступление на заводскую службу Орловского, видимо, нельзя считать чем-то необычным и вполне соответствовало ситуации с мастерами на Олонце. Тот же Казанцев начинал службу в морском ведомстве — при Петербургском адмиралтействе, в 1712 г. с должности подштурмана был направлен на Олонец в толмачи к английским доменным мастерам, перенял их искусство, а после их смерти сам был определен в доменные мастера [3]. Командирование его на Невьянский завод в 1716 г. произошло по личному распоряжению Геннина, и в олонецкой команде 1722 г. он был единственным доменным мастером — свидетельство высокой оценки генералом его квалификации.

Согласно С.Г. Струмилину, учителя Казанцева — изначально пушечные мастера — сами, вероятно, обучились доменному делу уже на Олонце, ибо собственно английские домны вплоть до 30-х гг. XVIII в. возводились с квадратным сечением. Первые же домны уральских казенных заводов начала века если и не являли собой подобие, то испытали сильное влияние подмосковных домен, которые, в свою очередь, строились по голландским образцам 30-х гг. XVII в. [4]. Домны же «олонецкой пропорции» — несомненный шаг вперед от подмосковных — были тем не менее, по нашим оценочным расчетам, вдвое или даже втрое меньших размеров и емкости, чем принятые на Урале с приездом Геннина. Вероятнее всего, олонецкие доменщики восприняли и самостоятельно развивали шведскую школу (по С.Г. Струмилину, суточный выход чугуна из «старых» шведских домен — 43 пуда, из новых — более 130 [5].

Итак, Орловский изначально придерживался европейской (вероятно, видоизмененной шведской) традиции строительства и обслуживания домен.

На момент прибытия на Урал команды Геннина ситуация с доменными мастерами на казенных заводах была такова. На Каменском заводе обслуживал домну мастер Яков Фадеевич Аистов (в документах и в исторической литературе известен, в основном, как Яков Фадеев). Он входил в группу мастеров, направленных в 1698 г. с подмосковного Павловского завода к заводскому строительству на Нейве и Каменке. В 1726 г. он писал об этом: «В прошлом 7206 году по указу Его ИВ прислан я с Москвы в Сибирь с прочими мастерами доменным мастером. И со оного году по сей настоящий 726 год был доменным мастером безотлучно и беспорочно» [6]. Аистов находился в родстве с плотинным мастером Е.Я. Неклюдовым, строившим Каменскую и Уктусскую плотины: сыновья его заводской комиссар Федор Неклюдов и молотовой мастер Тихон Неклюдов называли Аистова дядей. В той же группе прибыл доменный подмастерье Борис Семенович Беляев (Борис Семенов). По его словам: «В прошлом 7206 году прислан я с Москвы в Сибирь с прочими мастерами доменными и подмастерьями на Каменские заводы. И быв на Каменских заводах лет с 17 подмастерьем, получал жалованье... А в 1717 году взят я со оного завода в Уктусские заводы и определен к доменной печи вместо мастера Сергея Фадеева мастером» [7]. Квалификация Аистова и Беляева в 1720-е гг. оценивалась как средняя или даже ниже средней.

На Алапаевском заводе службу нес престарелый доменный мастер Иван Федоров (или Иван Федоров сын?), который в 1720-е гг. уже практически отошел от дел и привлекался, главным образом, к надзору за добычей доменного, горнового и трубного камня на горе Точильной в Алапаевском дистрикте Екатеринбургского ведомства. Простаивавшую алапаевскую домну осенью 1723 г. запускал под надзором Клеопина демидовский доменный мастер Невьянского завода Алексей Яковлев [8].

Как известно, на протяжении всего XVIII века Точильногорская каменоломня оставалась основным поставщиком сырья для доменного строительства казенных и частных заводов Урала (а до открытия в 1737 г. по р. Чусовой горы Чирковой — вообще единственным). Командирование на г. Точильную зимой 1722—1723 гг. было, похоже, первым поручением Орловскому, ради которого он получил чин «молодшего мастера» (подмастерья) [9]. О причине той поездки можно судить по доношению Геннина в Берг-коллегию от 17 декабря 1722 г. относительно состояния дел на Уктусском заводе: «Домны сделаны не такою пропорциею, чтоб из них пушки лить. А исправить ныне до будущей весны невозможно, понеже доменного и горнового камня и прочего к тому надобного при заводе заготовленного нет» [10]. В феврале 1723 г. Ф.И. Казанцев, негласно теперь считавшийся ведущим доменным мастером казны, был отправлен на Каменский завод для налаживания пушечного литья; ему же полагалось сложить две новые домны — одну по чертежу Геннина, другую по «олонецкой пропорции» [11]. Таким образом, во время строительства Екатеринбургского завода Орловский получил шанс выдвинуться при доменном деле на главную роль. 22 апреля при распределении ответственных мастеров по участкам строительства Геннин назвал его имя первым: «К строению домен, к свирельне и к фурмовой (фабрике. — *Н.К.*) определяется Орловский, да с

ним 2 человека из школьников, да плотников 40 человек, для заложения (доменного. — *Н.К.*) фундамента каменщиков 4 человека, работников для возки глины 10 человек» [12].

Первая из двух екатеринбургских домен была пущена («задымлена») в августе 1724 г., и Орловский оставался на штатной должности доменного мастера (первоначально «за мастера») Екатеринбургского завода вплоть до решения о переносе доменного производства на Верх-Исетский завод в 1736 г.

По данным Ф.Е. Неклюдова, производительность первой екатеринбургской домны в 1724 г. была следующей: в колошу засыпалось 29 пудов руды, 1 1/2 мерных короба угля (объем 1,5 х 1 х 1 аршин, вес около 20 пудов), 1/3 пуда извести; в сутки проходило по 18 колош (525 пудов руды, 27 коробов угля, 6 пудов извести); в сутки выплавлялось, в зависимости от качества руды, по 280 и 310 пудов чугуна. (Как вариант: 21 пуд руды, 1 короб угля, 1 пуд 20 фунтов извести; в сутки по 22—23 колоши с выплавкой до 230 пудов чугуна). Важным учетным параметром производительности были «выпуски» готового металла. На соответствующий запрос Геннина Неклюдов отвечал: мягкого чугуна — по одному выпуску в сутки, среднего — три выпуска в двое суток, жесткого (идущего на отливку наковален для молотовых станов) — два выпуска в сутки [13].

В том же 1724 г. произошло поворотное в судьбе Орловского и в раскладе казенных доменных мастеров событие. Касалось оно, естественно, переоценки ролей Орловского и Казанцева.

Еще в октябре 1723 г. Клеопин констатировал некоторую напряженность в отношениях Казанцева с доменщиками на Каменке, возможно, из-за неприятия последними технологической новизны: «Ныне велел я сыпать несколько другой руды, которая, сказывают, будет жидить чугун. И приказал (т.е. вручил. — *Н.К.*) домну здешнему прежнему мастеру (Я.Ф. Аистову. — *Н.К.*), который мне сказал, что я не чаюсь сделать чугун жиже. Он же, мастер, говорил мне: когда б-де был доменный горн складен по-нашему, то б-де сделал я в сутки по 2 и по 3 выпуска, и чугун бы был весьма мягок. Я спросил: чем разнился горн Казанцева с вашим? И он сказал: Казанцева-де фурма близко к заду, для того-де у него чугун черствеет, и работать-де в том горну тяжелее... А у Казанцева что чугун плох, в том есть не без причины, для того что засыпки (работники у засыпки шихты. — *Н.К.*) прежние. И я мню, что могут ему пакость делать и думают то: когда-де прикажут особливо работать, тогда-де мы себя покажем, что у нас чугун будет лучше» [14].

В ноябре 1724 г. тот же Клеопин сообщил в Екатеринбург о крайне низкой производительности каменской домны — не более 60 пудов чугуна в сутки. По оценке отправленного разбираться Орловского, причиной тому было устаревшее устройство мехового вала. (Меха со всеми принадлежностями были изготовлены в Екатеринбурге саксонскими контрактерами братьями Фридрихом и Иоганном Кейзерами.) Слишком часто установленные на колесном валу «пальцы», или «кулаки» (зубья для приведения в действие, в данном случае, горновых мехов), не позволяли мехам выдохнуть в полную силу. «Негодность в том, что меха поставлены были на 6 пальцах по старому манеру, и на тех

пальцах в мехах духу было не полностью, что палец от пальца в расстоянии были часто, и от того в ходу мехам подъему было не против пропорции. И для того в горну жару было мало и сухо, и сыпи (шихты. — *Н.К.*) прибавить было невозможно, и в работе работникам было трудно, и колош в сутки проходило немного. А как он (Орловский. — *Н.К.*) с совета переменил деревянные пальцы и поставил токмо 4 чугунных, и с того времени в мехах стало ходу больше, и подыматься стали кверху до брусков (т.е. на полную высоту ящика. — *Н.К.*) как надлежит в добром ходу. И в горну жару стало быть больше, и колош стало выходить больше — по 18, и по 19, и по 20 в сутки, и сыпи прибавлено, и сыплется в колошу руды по 23 1/4 пуда и больше, и в горну стало быть мягко и сочно, и во время работы стало быть свободнее, и чугун копится скорее прежнего и выпущается видом хорош и чист, и к сверлению и обрезыванию у пушек стал быть мягче» [15].

Дошло до вычета из жалованья Казанцева в пользу Орловского, а там и до заочного конфликта меж ними.

Казанцев утверждал, что все дело в непросеянном и мелком березовом угле, после приезда Орловского замененного на хороший сосновый. «А что Орловский пальцы у вала мехового 6 вынял, а поставил 4 чугунные, которые отсель (из Екатеринбурга. — *Н.К.*) присланы, токмо сие учинил с совета с ним, Казанцевым, понеже вал был старый, и оные чугунные пальцы переставливать и дыры вновь долбить он, Казанцев, один не посмел, чтоб вал не переломился». Орловский спустя три с лишним года уже прямо нападал на бывшего учителя: «Худоба была от недознания доменного мастера Казанцева, понеже были меха поставлены не по препорции и на подножках высоко — на 3-х пальцах каждый мех. И за тем оные не доходили от того до верху на четверть, и вал был тонок, и от того духу давали мало, и в горну худо и не сочно, и выпуски выпускались на третьи сутки. И оный Орловский пальцы переменил, а приделал токмо по 2 пальца к каждому меху» [16].

Итак, исходя из конкретных условий, Орловский сделал шаг вперед и от «олонецкой» (видоизмененной шведской), и от саксонской традиции. При том, что сам Казанцев считался новатором в сравнении с традиционалистом Аистовым. Впрочем, последний вскоре продвинулся благодаря поддержке племянника (Ф.Е. Неклюдова), получив от того приказ достроить каменскую домну по чертежу Геннина. По уверениям Казанцева: «Которую домну оный мастер и делал, в ней труба сделана была по олонецкой препорции — плотна и хороша, но токмо (надо) было сделать один горн, а трубы ломать не надлежало» [17]. В сентябре 1725 г. из выстроенной Аистовым домны в сутки выходило в среднем по 129 пудов чугуна [18].

Распоряжением Неклюдова в августе 1725 г. Казанцев был переведен на Уктусский завод (на место командированного на гору Точильную мастера Беляева), затем определен к надзору за строительством Верхне-Уктусской плотины, с марта 1726 г. находился при Екатеринбургском и Уктусском заводах — в подчинении Орловского. В марте 1728 г. по его просьбе и по распоряжению Геннина он был отправлен в распоряжение Адмиралтейства, т.е. фактически к отставке [19].

Аистов продолжал службу на Каменке, в 1729—1730 гг. привлекался к строительству домны Иргинского завода Осокиных, в 1732 г. в группе заводских специалистов — фактически за ненадобностью на Урале — был отправлен на р. Ангару к строительству завода Камчатской экспедиции, в 1734 г. в составе той же группы переведен в район Якутска. После решения обходиться на Тамгинском заводе сыродутными печками Аистов вернулся в Екатеринбург и вскоре вышел в отставку [20].

На Алапаихе с середины 1720-х гг. доменные дела вели подмастерья — в разные годы не менее четырех. Беляева после штрафа за низкое качество чугуна в 1725 г. почти не тревожили по служебным делам, и на Уктусе начали выдвигаться перспективные подмастерья Антон Васильевич Немешаев (1695 года рождения, из крестьян Арамильской слободы, с конца 1710-х гг. ученик Беляева, с 1722 г. подмастерье) и Галактион Егорович Воронин (1692 года рождения, из крестьян Катайского острога, с 1712 доменный работник, с 1722 подмастерье фурмовой, с 1724 г. — доменный). Оба пришли в доменное дело по желанию, оба с 1725 г. считались учениками Орловского. Сам же Максим Андреевич в том году получил чин доменного мастера — фактически в ущерб Казанцеву.

К этому году относится пробная переплавка в Екатеринбурге негодных молотовых наковален. Операция проводилась впервые, хотя распорядился о ней еще В.Н. Татищев. По описанию Орловского можно судить о ее технологических особенностях: «Июня 5 дня пущал чрез две доменные печи две наковальны боевые чугунные негодные. Из оных доменных из полуденной (южной. — *Н.К.*) печи наковальна в переплавку в чугун дошла в горн чрез 9 колош и растопилась; а из другой северной печи дошла в горн чрез 4 колоши и не растопилась, для того что после оной наковальны оборвало жаром *застойный* около трубы *товар*, т.е. *жуки*, и завалило теми жуками над фурмою, и мехам дух отняло. И за ветхостию оной домны наковальну и жуков жаром в переплавку в чугун не распустило. К тому ж оная печь состояла в ходу немалое время, и горн весьма выгорел, и передние темпельные каменья также все выгорели. И оная печь для вышепоказанных резонов остановлена» [21].

Здесь отметим особенность тогдашнего доменного производства: домны действовали до прогорания горна — на казенных заводах по 3—4 года, у Демидовых по 1—2 года. (Впрочем, на практике, особенно у Демидовых, домну часто «задували» из-за банальной необеспеченности углем или рудой). Обыкновенно же на заводе стояли две домны — одна запасная. После прогорания горн полностью перекладывали, а последующий пуск, или «задымку», домны доверяли лишь опытным мастерам. Отсюда столь трепетное отношение доменщиков и заводских управителей к Точильногорской каменоломне. Как правило, добычей и обделкой горнового камня командовали сами доменные мастера и подмастерья. Непосредственно на каменоломне заготавливали следующие виды сырья: брусья доменные и горновые (6 видов), клинья трубные, приставы горновые, камни чельные (идущие на «чело», или «устье», т.е. фурменную нишу), камни темпельные (на темпель, или порог в выпускном отверстии), лещади (плиты на собственно лещадь, или горновой под) [22]. Лично

Орловский за время службы на Урале выезжал на гору Точильную не менее пяти раз, а на Чирковую дважды.

Сами же доменщики осуществляли контроль за смесью, а иногда и непосредственно за добычей руд. Обыкновенно в шихте смешивали руду с разных рудников (от 2-х до 4-х) и разного качества («добрую», среднюю и плохую). Чисто эмпирически этим достигалось легирование чугуна, обогащение его полезными элементами.

Так, в апреле 1729 г. после снижения прошлогодней суточной производительности екатеринбургских домен с 270—320 до 230—245 пудов Орловский высказывался: «Оное того ради, что руда была лучше. А ныне из Решетских и Шиловских рудников руда выбирается и плода против прежнего дает мене. Да и того ради руда плоше, что добывали ее крестьяне неумеющие и искать к лучшему не разумели. А напредь сего добывали руду подрядчики, которые в подряде бывали лет по 5-и и по 6-и. Того ради чтоб повелено было определить крестьян прежних, понеже они год от года будут в добыче руды рассматривать и силу в руде будут признавать более... А у приему руды при заводе буду смотреть я. Токмо б повелено было определить для прииску руд прежних приисчиков — Родиона да Федора Бабиных, понеже они (к тому) заобыкновенны». Сам же Максим Андреевич высказывал вполне квалифицированный совет берг-гауэру (рудному разборщику): «Хотя оный к добыче железной руды порох и буры требует, но оное к тому не надлежит. Но надлежит сливные большие каменья окопать и (руду) жечь в ямах пожогом, которую после обжогу можно добыть пространно» [23].

Кстати, в том же году Немешаев объявил железное месторождение при Уктусском заводе, а в 1731 г. вообще заменил на штатной должности рудознатца Р. Бабина и четыре года профессионально занимался рудным сыском [24].

В сентябре 1729 г. с Олонца по вызову Геннина прибыла группа мастеровых, и среди них доменные подмастерья Борис Масленников и Василий Ларионов, вскоре же произведенные в мастера. Масленников заменил на Уктусе Казанцева, а при командированиях Орловского замещал и его.

Несмотря на сохранявшуюся общую ориентацию на «олонецкую» школу, тот же Масленников неоднократно подвергался критике Геннина и даже был однажды временно разжалован в подмастерья. В другой раз, в ноябре 1731 г., Геннин отмечал: «Уведомился я, что в Уктусском заводе чугун из домны выходит весьма сыр и жесток, и в горну не доваривают от недознания и неискусства доменного мастера. И сделать из такого твердого чугуна мягкого железа невозможно. Того ради послать доменного мастера Максима Орловского — поправить и привесть в доброе состояние». Основным технологическим средством повышения качества чугуна генерал считал смешивание как руд, так и вторичного сырья (чугуннойломи и наковален) — к твердому добавляя по десятой части мягкого. Отныне за плавку руд без смеси мастерам грозил штраф. В Екатеринбурге надлежало также устроить контрольный кричный горн для выбора оптимальных смесей. Впоследствии Орловский часто опробовал в нем руды из новооткрытых казенных и частных месторождений. А к организа-

ционным мерам добавилось тогда и нечто новое: «Также надлежит по заводам управителям как доменному, так и другим мастерствам обучаться, ибо управители по заводам определены и живут давно, а никакого в заводском деле искусства за леностию своею не обучились» [25].

К тому времени Орловский уже имел фактический статус ведущего казенного доменщика, и любая сколько-нибудь заметная операция в отрасли не обходилась без него.

В 1731 г. он запустил алапаевскую домну, а в следующем году побывал на Алапаихе еще дважды — «для показания в смесе руд, и в вождении домны, и в плавке мягкого чугуна» подмастерьям В. Ларионову и Сидору Еремееву. (Надо полагать, «твердый» чугун, идущий на наковальни, шипы и «подщипники», получался сам собою.) Суточная производительность домны Алапаевского завода утвердилась тогда в 270—285 пудов [26]. В том же 1732 г. запустил домну каменскую, частично переложенную Ворониным (тот со следующего года был назначен доменным мастером Каменского завода).

В Екатеринбурге же в ходе намечаемой частичной реконструкции завода Геннин опять начал с Максима Андреевича: «На домне наверху, где засыпается руда и уголь, у мазанки стены вывалились, и дыры пробиты; также и труба одна над домною проломлена; а у мосту балясы выломаны, и кровля крыта не плотно; и ворота изломаны; и что внутри от пожару было вымазано — оное все обвалилось; внизу у домны около фундаментального бруса землею и дрязгом завалено отчего оный брус может скоро сгнить; перекладные брусья и прочие доски, которые имеются над самым жаром, не вымазаны и от того могут скоро загореться... А чтоб фундаментальный брус всегда виден был и мог бы сух быть, надлежит подле оного учинить небольшой ровик, и воду пропустить из того. И того всего у домны смотреть доменному мастеру Орловскому» [27].

Но главное, в 1732 году под техническим руководством Орловского начался монтаж новых казенных домен — на Полевском и строящемся Сысертском заводах. На Полевой определил места обеим домнам по личному указу Геннина, причем опять подчеркивалась приверженность «олонецкому манеру»: «Под фундамент рвы выкопать, и набивать сваи, и набутить бутом, и стены класть так, как на Олонце кладены были домны — снутри класть камень с глиною, а близ наружи и с наружья с известью» [28]. На Сысерти поставил на место Масленникова: «Заложил там один доменный горн и поставил кружило (деревянный каркас. — *Н.К.*), по которому доменную трубу класть, такою препорциею, как к Вашему превосходительству (Геннину. — *Н.К.*) от меня в чертеже показано. А поставленное до меня кружило подмастерья Масленникова выломал» [29].

Вообще, ежегодно теперь Орловский выезжал на 2—3 завода, а во время строительства и перекладки горнов совершал поездки с одного на другой чуть не каждую неделю. На нем же, кстати, держался контроль за стандартизацией угольных коробов. Среди учеников его в этот период выдвинулись Никифор Васильевич Котугин (1710 года рождения, сын уктусского угольного мастера) и Петр Яковлев, дворянского происхождения выпускник Московской матема-

тической и навигацкой школы, впоследствии горный офицер, служивший в Сибири [30].

К строительству частных домен Орловский выезжал лишь дважды: в 1732 г. на Шайтанский завод Н.Н. Демидова и в 1733 г. на Кирсинский завод Вяземских. В последнем случае, по отзыву Григория Вяземского, имело место обращение к архаике кричного горна: «При заводе нашем устроил в маленькой домне горн, из которого в сутки выходит чугуна по 50 пуд. А настоящей домне между дождевыми погоды построилось фундамент и бут наготово, а кирпичом складено в высоту пол-третья аршина, и за морозом дело в октябре остановилось. А чугунные припасы к настоящей домне все при себе отлил» [31]. Отливка чугунных принадлежностей велась именно из малой домны; обыкновенно же для этих целей использовался вкопанный в землю деревянный чан при доменном горне вышиной в 6 аршин, диаметром поверху в 3 1/2, внизу в 3 аршина. Со второй половины 30-х годов его заменили железные бочки.

В целом, привлечение казенных мастеров и подмастерьев к строительству частных домен случалось довольно редко и касалось лишь небольших заводов (Воронин на Иргинском заводе в 1731 г., Масленников на Билимбаевском заводе Строгановых в 1733 г.). В 1735 г. Орловский выезжал также на Иргину к «задымке» домны ради выполнения заказа для Оренбургской экспедиции.

Ради той же цели в апреле 1735 г. Орловский пытался усовершенствовать пушечное литье на Каменском заводе. Судя по всему, с пушками Орловский познакомился еще на Олонце. Об этом косвенно свидетельствует его совместная с олонецкими молотовыми мастерами Рамфельтом и Евсеем Ошаниным «сказка», записанная в июле 1729 г. на Уктусе: «Тот чугун очень тверд и не чист, для того что в домну с рудою мало извести сыпано, и грязь из чугуна без извести не разделяло. И из оного чугуна хотя и впредь пушки лить тою ж плавкою, то в пробе стоять никогда не будут, ибо и на Олонецких заводах такою ж плавкою пушки множество рывало. А он, Орловский, может к литью пушек чугун установить против оного гораздо мягче, и в пробе пушек стоять будут. Только чтоб в засыпку уголь был самый добрый — крупный, а не мелкий» [32].

Теперь осмотр начался с состава топлива: в колошу сыпалось полкороба нового соснового угля и четверть короба старого березового, хотя по его прошлогоднему установлению должно было сыпаться 3/4 короба угля березового (вместо прежнего полного). По словам каменского мастера Воронина, нынешний состав топлива установил Масленников: «И к тому есть не без траты, что колош из того соснового угля проходило много, и *приходил в горн товар на товар* (смысл не ясен. — *Н.К.*). И Масленников желал, чтоб колош выходило больше, и от того может быть, что чугун не пропревал и выпущался с сырью, для того что сосновый уголь не так жар имеет силен, как березовый. И пушки выходили с раковины, и рвало.»

Орловский утвердил новый состав: 3/4 короба угля соснового, 1/4 березового. «А руды по рассмотрению от меньшей препорции и до большей, как напредь сего сыпалось при доменном мастере Казанцеве к пушечному литью.» Из отлитых на пробу 14 пушек-басов наихудшим качеством — «все с раковины

и негодны» — обладали изготовленные из «малых сыпей», т.е. с наименьшей пропорцией руды в колоше.

При сверлении пушечных стволов Орловский высказал претензии к фурмовому мастеру Панкрату Евтифееву (именно он, кстати, отливал пушки для экспедиции Беринга): «Делал сердечники очень тонки, и в стенах против чертежа больше, будто (бы) избегая раковин.» Также ошибкой мастера Орловский считал использование на пушечные фурмы и сердечники местной глины: «Сказывал бывший фурмовой подмастерье Козьма Медведев, что-де напредь сего при мастере Дейхмане деланы были (фурмы) из глины, которая привозилась из деревни Грязнухи, и в чернилы кладена глина золотуха, чтоб выходили пушки чисты». После успешной пробы «золотухи» и «грязнушкинской» («вышли 3 пушки с верху и в калибере гладки, и с пробы устояли») Орловский распорядился использовать впредь только эти два вида глин.

Лишь после этого Орловский дал оценку самой домне: «У доменной печи горн весьма ныне выгорел, и чельные каменья все выгорели ж. И ежели оную печь впредь содержать к пушечному литью, будет не без траты, для того что как надлежит подлинную сыпь содержать — того не примет. А на чугун и к литью прочих припасов содержать можно». А уже спустя год местные кузнец и отставной доменный подмастерье сделали заключение, что именно в домне, а не в глине корень бед: «В то время доменная печь стала быть плоха, и труба прогорела, из которой камень и кирпич на стороны за бока вывалились, и теми полыми местами глина и песок сыпались в горн, и от того при выпусках как в пушки, так и в мортиры чугун пенился и являлся ноздреват, чего до остановки оной печи мастером и познать было невозможно». Орловский даже получил нарекание екатеринбургской администрации за наветы против Евтифеева [33].

В 1735 г. строительство казенных домен продолжилось на Верх-Исетском заводе — теперь как мера по разгрузке производственных площадей Екатеринбургского завода, где чугуноплавильное производство предполагалось полностью свернуть. 14 июня у закладки двух верх-исетских домен присутствовали все три екатеринбургских командира — Татищев, советник А.Ф. Хрущев, бергмейстер Н.Г. Клеопин. Монтажом командовал Орловский (на строительной площадке находился с 28 мая), в помощь ему определили доменных учеников Н. Котугина (вызван с Сысерти) и Никифора Захаровича Потеряева (1710 года рождения, из уктусских жителей, с Котугиным учился в одном классе Екатеринбургской арифметической школы). 21 июля Орловский дал некоторое техническое пояснение по монтажу: «В доменный горн всегда из белого клинчатого кирпича опускается кладкою на 3 аршина. А когда же оного нет, то по нужде можно и из красного кирпича. Токмо выше надлежит поднять каменьем, а кирпича сверху разве только на аршин, для того что ежели оного красного ниже пустить, то оный от жару разгорает(ся) и течет. Да хотя и так сделать, то толико как складено бывает из белого кирпичу, так долговременно доменный горн стоять не будет.» (Дописано: «Труба, а не горн стоять столько не будет» [34].)

Драматизм ситуации заключался в том, что в разгар закладки верх-исетских домен Орловский был вынужден отлучиться: «Велено мне ехать на Полев-

ской завод и готовую доменную печь пустить в ход. И по осмотру моему, тамо доменная печь, труба и горн складены уже близ году, а колодезя спускного из ларя на меховое колесо, также вала и колеса, и под меха и очепы (меховые рычаги. — *Н.К.*) станов и поныне ничего не сделано. Да и ларь спускной из плотины надлежит переделать и поднять кверху против плотинных запоров». Далее мастер пространно высказывался обо всем плотинном устройстве завода. В ту поездку ему пришлось наспех закладывать запасную полевскую домну. Вмешательство же его в плотинные дела привело к вызову знаменитого демидовского плотинного уставщика (старшего мастера) Леонтия Злобина и серьезному столкновению двух самолюбий. По многим свидетельствам, каждый был ведущим спецом в своем деле. В декабре Злобин обвинил Орловского в порче полевской домны от собственной низкой квалификации (плавка домной медного шлака, использование в плавку железной руды, неразбитой рудобойным молотом и др.). В Екатеринбурге решено было разобраться с обвинениями, но, главным образом, чтобы успокоить Злобина [35].

Зимой 1735—1736 гг. Орловский занят был на Каменке [36]. Несмотря на частые отлучки, основным делом Орловского в 1735—1736 гг. оставалось строительство верх-исетских домен. Теперь он числился в штате Верх-Исетского завода, а в 1737 г. его утвердили в должности уставщика (т.е. мастера, имевшего квалификацию и полномочия на строительство фабрики). Впрочем, его и раньше на всех уровнях, хоть и неофициально, называли главным или старшим доменным мастером.

О квалификации же его и об авторитете среди казенных доменщиков можно судить по их собственным отзывам. Мастер Алапаевского завода Сидор Еремеев: «Домна весьма разгорела, и оную по прежней мере починивать или перекладывать в ту ж меру, что ныне (запасная) пущена в ход, чтоб справиться с мастером Орловским» [37]. Мастер Воронин: «Велено класть новую доменную трубу, а он без старшего доменного мастера Максима Орловского зачать и класть опасен» [38]. Назначенный в 1735 г. мастер Уктусского завода Немешаев: «Велено здешнюю доменную печь починить. А без показания главного доменного мастера Максима Орловского трубу и горн класть опасен». В последнем случае, при осмотре уктусских домен 22 ноября 1737 г., Максим Андреевич составил одну из своих «сказок», которые в своей совокупности и составляют его духовное наследие ведущего доменщика-практика XVIII века.

Итак: «Доменные сараи (или иначе «палатки». — *Н.К.*), которые наверху доменного корпуса, и фундаментальные брусья все изгнили. И в которые столбы забраны стены бревнами, шипы також изгнили... Также и доменный мост весь изгнил, который уже и разломан. Корпус доменный, который складен из кирпича, в котором выкладываются трубы и горны, у оного корпуса задняя стена отсела, и кирпича вывалилось немалое число. И (от) сводов у нижней домны поверху над мехами також стена отсела, и выпучило близ на пол-аршина, и в тех сводах и в других над выпуском связи железные исперервало.

И ежели той домне быть впредь в действии, то без перекладки задней стены и сводов пробыть невозможно, для того что на оном корпусе имеются

сараи, и выкладены над колошами трубы, над которыми чугунные столбы и связи немалою тягостию, отчего опасно, чтоб в доменном вождении не учинилось остановки...

Да ко оной же домне для спуску воды имеются прежние лари — весьма все изгнили уже, и конопать не держится... А имеется до первой домны, которая от плотины, вышеписанного ларя в длину 40 сажен. Также и колесница, где колесо ходит, и над мехами кровли все надлежит перестроить, для того что все огнило и развалилось. И ежели пропустить воду прежним доменным ларем, который засыпан соком (шлаком. — *Н.К.*) и землею, то вознадобится прокопать земли чрез плотину в длину 15, в ширину 2, вглубь 2 сажени. А ларя всего от запоров плотины до первой домны (если) построить вновь, то будет 24 сажени. Да крылья (выносные стенки. — *Н.К.*) от ларевого запору отвесть надлежит в пруд на 2 сажени.

И вышеписанное строение ежели повелено будет перестроить, то надлежит строению быть в летнее время. А ныне зимним временем токмо разломать деревянное и очистить под строение место» [39].

Однако уктусская домна была уже вчерашним днем, а 1737 год стал едва ли не основным в карьере доменного мастера. Орловский начал строить домны Кушвинского завода.

В июне 1735 г. именно Орловскому выпала честь опробовать в малом кричном горне в Екатеринбурге первую доставленную с горы Благодать руду. А теперь, в августе 1737 г., с унтер-шихтмейстером Алексеем Андреяновым и плотинным мастером Иваном Мелентьевым Максим Андреевич наметил кольями места четырем домнам, рудобойному и сокотолчейному молотам, фурмовой и промывальной фабрикам. Он же по своей должности составлял смету и рассчитывал количество потребных работников. Он вступил тогда в самый серьезный за службу конфликт, ибо закладывал домны не по утвержденному в Главном правлении чертежу механика Никиты Бахорева, но по своему разумению.

Он так это объяснял: «По приезде сюда тайный советник г-н Татищев, быв здесь, изволил приказывать, чтоб домны построить таким же манером, как и на Олонце». А чертеж Бахорева, по его словам, составлен был не по олонецкому, а по нижне-тагильскому образцу: «Токмо на оном (Нижне-Тагильском) заводе пропущена из ларя вода подземельными трубами, и к каждой домне построены особливые (ларевые) колодцы, и валы поставлены, как и на прочих заводах». Бахорев же предполагал протянуть к горновым мехам не закрытые трубы, а обычные открытые лари (34 сажени до первых двух домен, далее от ларевого колодца еще 19 сажен к двум другим), что грозило бы промерзанием зимой и частым засорением в теплый сезон. Кроме того, Бахорев намечал ни на одном заводе не виданную конструкцию с креплением колесных валов не перед мехами, а под ними. Орловскому же не нравилось, что в случае поломки пальцы на валах заменить будет весьма не просто, и что не продумана система отвода воды из-под колес. Взамен Орловский предлагал использовать несколько более сложную ларевую конфигурацию (за счет ларевых колодцев), изменить расположение второй пары домен, а оба упомянутых молота разместить не в доменной, а в особой фабрике [40].

В сентябре после консультаций с заводским управителем Леонтием Бекетовым и с Мелентьевым, в Главном правлении (А.Ф. Хрущев, К.А. Гордеев, И.Н. Юдин) согласились с мнением и с чертежом Орловского. В ноябре, однако, получен был ордер Татищева из Самары: «Что Орловский показывает, якобы на Кушвинском заводе по чертежу механика Бахорева домен строить невозможно — оное неправда, ибо таковые домны на Демидовых Невьянском и Нижне-Тагильском заводах без всякого препятствия действуют... Что же он показывает, якобы тайный советник ему те домны строить приказывал против (т.е. согласно. — *Н.К.*) образца олонецкого — то он солгал» [41].

Татищев всегда ревностно относился ко всем, обучавшимся в Швеции — как к тому же Бахореву. Но тяжкое обвинение его не имело для Орловского последствий, вероятно потому, что собственно инженерных соображений там не содержалось.

Более квалифицированной критике подверг мастера Клеопин, в отличие от Татищева, действительно, разбиравшийся в доменном деле и представлявший себе олонецкие образцы. В марте 1738 г. он побывал на Кушве: «Домны изготовлены к заложению по мнению Орловского весьма противо надлежащего в строении оных порядка и со многим излишеством ларевого строения, ибо он по примеру олонецких так делать намерен. Но там оные по нужде таким порядком построены, чтоб за маловыходным чугуном способнее выливать из трех и из четырех вдруг в одну большую пушку или тому подобную тягость. Здесь же одна против олонецких четырех едва ли не удовольствует... В ходу ныне здесь одна домна. Из оной выход чугуна не доволен, ибо на каждые сутки меньше 200 пудов выходит. Доменный мастер Немешаев объявляет: доменный-де горн ныне поразгорел и за тем довольной сыпи не вмещает. К тому ж как доменный уставщик Орловский сию домну в ход пущал, и за неполадкою в горну тогда пустить не мог, отчего принужден (был) выдуть (остановить пуск. — *Н.К.*). Однако ж не перекладывая, пущен в ход, и поныне в ходу» [42].

Здесь впервые меж доменной трубой и стеной доменного корпуса набивали землю, а кровлю доменного корпуса как и на Верх-Исетском заводе крыли железными досками. Прежде лишь обмазывали дерево смесью белой глина, песка и коровьей шерсти.

Когда Клеопин распоряжался на Кушве, Орловский сопровождал главного межевщика И.Н. Юдина на Каменском заводе, опять по делам артиллерийского производства. Разъезды доменного уставщика по заводам все более напоминали должностные действия члена Главного правления или, по крайней мере, полномочного эксперта. Его консультации приобретали силу определений, а сам он к работе мог даже не приступать. В частности, в этой поездке он лишь резюмировал: «У доменной печи сверху на полтора аршина вниз бок разгорел, и камень вывалился, понеже оная домна как в ход пущена была мною (с 26 января 1736 г.), и от потопления вешней большой воды остановлена (28 апреля), и в действии не была (по 23 августа). И от того на выдымке (пуске. — *Н.К.*) в горну камень от сырости рвало... От разгорания доменной печи чугун пропревать не будет и ноздреват, и против прежних сыпей сыпи содержать не

может, а к сверлению и точке в пушках и мортирах будет тверд. И от того пушки и мортиры явятся с раковинами» [43].

На Кушве Орловский работал весь теплый сезон 1738 г., и повторно был туда направлен весной 1739 г. после лечения в Екатеринбургском госпитале. Теперь остро вставал вопрос о второй паре домен — ни на одном заводе более двух печей никогда не строилось. Орловский, заменивший умершего Мелентьева плотинный уставщик Ларион Грамотчиков и плотинный подмастерье склонялись, однако, к их дострройке [44].

Мнение казенных мастеров, высказанное в июле 1739 г., фактически адресовано было новым хозяевам: 3 марта издан был Берг-регламент и во исполнение его гора Благодать и Гороблагодатские заводы отошли главе горного ведомства К.А. фон Шембергу. В мае поверенные Шемберга с командой из 52 саксонских мастеров и специалистов прибыли на Урал. После распределения по заводам на Кушве остались среди прочих двое доменных мастеров Иоганн Андреас и Христиан Мартины. Здесь же начал уральскую службу меховой мастер Иоганн Георг Мартин, впоследствии прославившийся как единственный плотинный мастер-иноземец. (В Екатеринбург, кстати, был направлен бергтауэр — полный тезка доменщика И.А. Мартина). При саксонцах кушвинских домен не прибавилось, что и констатировал Клеопин в августе 1742 г., после восстановления статус-кво: «Домна № 1 действует уже третий год, другая № 2 со всем в готовности, прочие две домны в особливом корпусе — почти третья часть их кирпичом складена, кои всемерно надлежит разобрать, и нужды в них никакой нет. Чугун ныне самый спелый плавят, надлежало б для спорины посырее делать» [45]. Четырех домен на Кушве так и не появилось.

После возвращения Гороблагодатских заводов в казну на Кушве работал доменный мастер Василий Еремеев, брат упоминавшегося алапаевского доменщика. Орловский же с молотовым мастером Е. Ошаниным и мельничным Иваном Савостьяновым входил тогда в комиссию по оценке стоимости принимаемых заводов.

Надо сказать, что после кушвинского строительства Орловский почти совсем отошел от практической деятельности мастера-доменщика. Формально он оставался в штате Верх-Исетского завода, продолжал готовить доменных учеников (в тот период Иван Аверкиев, Иван Бродовников, Федор Кузнецов). По его рекомендации строить домны Ирбинского завода в Красноярском уезде отправились обученные им мастер Котугин и подмастерье Денис Калугин. Фактически же верх-исетские домны обслуживали подмастерья Василий Федотов (ученик Орловского) и Денис Иванов (в 1719—1729 гг. работал на Олонце, на Урал прибыл в группе с Масленниковым и Ларионовым как доменный работник). Сам Орловский все более склонялся к чисто административным делам и консультациям. Еще в 1740 г. он вошел в комиссию по освидетельствованию домен частных заводов. В апреле 1746 г. при выпуске воды из молотового ларя Верх-Исетского завода М. Орловский был найден утонувшим [46].

Подводя итоги, необходимо отметить следующее:

1. За четверть века в доменном деле на уральских казенных заводах сложилась школа Орловского. Всего он подготовил около полутора десятка уче-

ников; все практиковавшие доменные мастера и подмастерья казенных заводов, не исключая Масленникова, либо обучались у Орловского, либо испытали его определяющее влияние.

2. В чугуноплавильном производстве до эпохи пудлингования на всех уральских заводах не было фигуры масштабнее Орловского. (После его смерти и отставки в 1747 г. А. Немешаева толкачом отрасли на казенных заводах стал Н.В. Котугин, личность неординарная, но, конечно, не сравнимая с учителем.) Орловский и его школа явились венцом технологической эпохи кричного передела.

3. Мастерство Орловского сложилось на основе «олонецкой» школы доменщиков, вероятно, приспособленной к местным условиям шведской («старой» или «новой», по терминологии Струмилина) традиции. Развитие мастерства Орловского и формирование его школы в 20—30-е гг. XVIII в. явились качественным развитием «олонецкой» традиции в уральских условиях, трансформацией ее в нечто новое.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 14. Л. 7, 193 об.
2. Геннин В.И. Описание уральских и сибирских заводов. М., 1937. С. 139—175.
3. ГАСО. Ф. 24. Оп.1. Д. 170. Л. 165.
4. Струмилин С.Г. История черной металлургии в СССР. М., 1967. С. 122, 126.
5. Там же. С. 123.
6. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 160. Л. 190.
7. Там же. Д. 93. Л. 548.
8. Там же. Д. 19. Л. 84 об.; Д. 31. Л. 59об.
9. Там же. Д. 14. Л. 193 об.
10. Там же. Д. 23 «а». Л. 18.
11. Там же. Д. 160. Л. 162, 201.
12. Там же. Д. 26. Л. 627.
13. Там же. Д. 28. Л. 19, 20.
14. Там же. Д. 27. Л. 340 об.
15. Там же. Д. 160. Л. 171 об.—172.
16. Там же. Л. 175, 175 об.
17. Там же. Л. 201.
18. Там же. Л. 203 об.
19. Там же. Л. 162, 182.
20. Тамгинский завод и Камчатская экспедиция. Сб. д-тов под ред. Н.С. Корепанова. Екатеринбург, 1999. С. 24, 26—28, 31—37.
21. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 525. Л. 122—122 об.
22. Там же. Д. 634. Л. 13.
23. Там же. Д. 217. Л. 166, 167.

24. Там же. Д. 220. Л. 488; Д. 303. Л. 111.
25. Там же. Д. 303. Л. 76—78.
26. Там же. Д. 305. Л. 31; Д. 351. Л. 31—36.
27. Там же. Д. 706. Л. 333.
28. Там же. Д. 354. Л. 118.
29. Там же. Д. 383. Л. 55.
30. Корепанов Н.С. Никифор Клеопин. Екатеринбург, 2000. С. 67—75; Он же. Первая геологическая экспедиция на Камчатку, Курильские и командорские острова, 1753—1755 гг. // III Татищевские чтения. Екатеринбург, 2000. С. 48—51.
31. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 425. Л. 1119.
32. Там же. Д. 206. Л. 99.
33. Там же. Д. 582. Л. 143—164.
34. Там же. Д. 514. Л. 71.
35. Там же. Д. 383. Л. 53—96.
36. Там же. Д. 514. Л. 399—401.
37. Там же. Д. 586. Л. 67—67 об.
38. Там же. Д. 629. Л. 137.
39. Там же. Д. 637. Л. 85—87.
40. Там же. Д. 639. Л. 565—566.
41. Там же. Д. 714. Л. 1.
42. Там же. Д. 703. Л. 336, 348.
43. Там же. Д. 708. Л. 29.
44. Там же. Д. 778. Л. 458.
45. Там же. Д. 911. Л. 3.
46. Там же. Ф. 34. Оп. 1. Д. 77. Л. 370.

FORMATION OF PROFESSIONAL CULTURE AT THE URALS STATE PLANTS IN 20-40 YEARS OF THE XVIII CENTURY (A BLAST-FURNACE MASTER MAXIM ORLOVSKII)

The article is based on archival materials of the documental group of the Urals Mining Board and it contains the biography of an outstanding blast-furnace master Maxim Orlovskii, who worked at the Urals state plants in 20-40 years of the XVIII century. The author proves, that Orlovskii has acquired the Swedish blast-furnace technology accepted on the Olonetskii state plants (North-West of Russia), and he has improved it in the Urals. The data on a collision of the professional points of view of blast-furnace masters and formation of the special Orlovskii school are given.

N.S. Korepanov

В.А. Манин

ФОРМЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ ЗА ПОЛЬЗОВАНИЕ ЗЕМЛЕЙ ГОРНОЗАВОДСКИМИ ПРЕДПРИЯТИЯМИ НА УРАЛЕ В XVIII в.

Одним из научно значимых и недостаточно изученных следует считать вопрос о регламентации отношений, складывавшихся между заводчиками и землевладельцами по поводу регулирования землепользования. Наиболее остро интересы сторон сталкивались в ходе решения проблем, связанных с оплатой за угодья.

Вопросы о порядке и размерах оплаты за землю достаточно сложны, так как земля на Урале принадлежала нескольким категориям земельных собственников. Наиболее крупным из них было государство, которому принадлежал не только весь массив «государевых порожних земель», но и, *де-юре*, все земли крестьянских слобод и коренных народов. Нельзя забывать и об обширных владениях Строгановых, переданных им по жалованным грамотам начиная со времен Ивана Грозного. Рассмотрим попытки становления платы за земли, принадлежавшие государству.

Начало уральскому горному землевладению положили первые пожалования Демидову. Передавая землю Демидовым, Петр I не оговорил вопрос платы за нее. Это было сделано для быстрейшего подъема столь необходимой для страны уральской металлургии. Но это же являлось нарушением традиций предыдущего века. За эксплуатацию рудных богатств и лесных угодий, расположенных на государственной земле, предприниматель обязан был в XVII в. расплачиваться с казной двояким способом: поставкой изделий по указным ценам и уплатой оброка. Если в отношении указных цен правительство пунктуально требовало от предпринимателя выполнения своих обязательств, то от уплаты оброка промышленники находили способы уклоняться [1].

Это упущение для государственной пользы заметил фискал Косов, подавший донос о непорядочной отдаче Никите Демидову Невьянского завода без оброка (платежа за землю). Хотя по указу от 2 ноября 1700 г. был предусмотрен платеж, но Н. Демидов отвечал, что и другие промышленники ничего не платили, а по данной ему привилегии от 3 декабря 1713 г. о платеже какого-либо оброка ничего не сказано [2]. Предложение Косова не имело последствий. Только Берг-Привилегия в 1719 г. внесла серьезные изменения в налоговые обязательства промышленника перед государством. Ею был изменен принцип обложения. Вместо указной цены Берг-Привилегия ввела новое налоговое обязательство — уплату 1/10 «прибытка» [3].

Еще одной особенностью введенных Берг-Привилегией налоговых обязательств промышленников была их унификация. Если раньше размер налога, выражавшийся в форме указных цен, устанавливался для каждого промышленника в отдельности, то теперь они должны были платить равную для всех десятину. Десятинное обложение не являлось изобретением Берг-Привилегии,

оно складывалось исподволь и было известно в XVII в. и тем более в начале XVIII в.

В XVIII в. первыми промышленниками, обложенными десятинным налогом, были Д. Воронов и И. Патрушев, получившие в 1703 г. грамоту с разрешением построить железоделательный завод в Козельском уезде. По истечении шестилетнего безоброчного и беспошлинного владения заводом грамота обязывала «из железа платить в в. г. казну десятой пуд и с продажи пошлину по торговому уставу по 10-й деньге с рубля в приказ Рудных дел». Однако при введении этого налога Берг-Коллегия столкнулась с открытым недовольством среди русских промышленников. Некоторые из них сообщили в коллегию о своем намерении закрыть заводы, если будет введен натуральный налог в форме десятого пуда с готовой продукции. Н. Демидов, например, в апреле 1722 г. писал в Берг-Коллегию, что он «десятую долю от прибыли платить готов, а ежели брать повелено будет десятую долю от истинной, и за тем... заводов содержать будет невозможно». Он также заявил, что «ежели со оного заводу десятой пуд иметь будут, то он от того будет разорен, и ежели о том десятом пуде сроку не дастся, и чтоб оной завод и припасы взять на государя» [4].

Поэтому Берг-Коллегия, вопреки существовавшей русской традиции взимания десятины от фактически добываемого металла или минерала, обязала предпринимателей уплачивать налог по западноевропейскому образцу: «яко ж во иных государствах обыкновенно» от прибыли. Однако, это заимствование было очень быстро отвергнуто. Уже на первом этапе сбор предварительных сведений о себестоимости и продажной цене выпускаемых изделий дал довольно пеструю и противоречивую картину.

Еще более сложен был вопрос о получаемой заводчиками прибыли, так как даже на одном предприятии «железо ставилось» не в одну цену. Кроме того, как известно, не только размер, но и сам факт наличия прибыли предприниматель прикрывал строгой завесой тайны. Поэтому Берг-Коллегия после изучения имевшихся в ее распоряжении статистических данных пришла к выводу о необходимости изменения принципа налогового обложения, установленного Берг-Привилегией. 5 февраля 1723 г. Берг-Коллегия разослала по губерниям указ об изменении обложения частных промышленников. Вместо индивидуального подхода к каждому предпринимателю и взимания 1/10 прибыли указ Берг-Коллегии устанавливал более упрощенное основание для обложения: количество выплавленного чугуна. Все промышленники-металлурги были разбиты на четыре группы: владельцы вододействующих заводов Европейской России обязаны были платить по 1 коп., а владельцы ручных горнов — по 1 деньге с пуда. Для предпринимателей Урала был установлен повышенный налог: «Для того, что в Сибирской губернии перед Московскою и другими губерниями как лесом на дрова и на угодье и протчими угодьями и водами довольнее и земли пространнее». Заводчики вододействующих предприятий Урала и Сибири должны были платить 2 коп., а с ручных домен — 2 деньги с пуда чугуна.

Сенат утвердил предложенный Берг-Коллегией и уже фактически действовавший принцип налогового обложения промышленников, с той существенной

разницей, что еще более его упростил: отменил повышенный налог для предпринимателей Сибири, установив «брать в казну во всех губерниях со всех равно с наличного чугуна по копейке, а с ручных домен по деньге с пуда на заводах, где которые обретаются» [5].

Но в Берг-Привилегии при установлении платы за землю для частных землевладельцев и общего налога в пользу государства не учитывались различия между заводами, построенными на собственных и государственных землях, не была оговорена плата за использование государственной земли на нужды металлургических предприятий.

К этому времени относится недатированный проект анонимного автора о порядке сбора десятины с промышленников. Автор проекта отвергал установленное Берг-Привилегией взимание с промышленников 1/10 прибыли. Такая организация сбора десятины представлялась прожектеру убыточной для казны, так как требовала от нее дополнительных расходов на содержание правительственных агентов, надзирающих за работой частных предприятий, и громоздкого учетного аппарата в составе Берг-Коллегии, обязанного «каждогодне оные приходы и расходы считать». Автор проекта считал необходимым взыскивать с предпринимателей налог натурой, дифференцируя его размер в зависимости от места нахождения предприятия и характера организованного на нем производства: для сибирских заводов должен быть один налог, для заводов Центрального района — другой; для чугунолитейных и металлообрабатывающих предприятий также устанавливался разный размер налога. Прожектер обосновывал свое предложение льготными условиями, в которые правительство поставило уральских предпринимателей: «В Сибири, — утверждал он, — не токмо промышленникам рудные места без меры, но и под заводы и другие промышленнику потребные строения земель дается со излишеством, леса рубят без найму, якобы сущие свои, сенные покосы и протчие угодьи в приписных к заводам слободах в вольном употреблении промышленников». Поэтому для промышленников Центрального района устанавливался пониженный налог, так как производственные затраты у них были значительно выше. Учитывая, что в Центральном районе «земли под строение сверх указной меры надлежит нанимать, дрова из чужих угодей купить ценою повольною», с промышленника предложено было взыскивать 1/10 продукции, если завод стоял на государственной земле, и 1/20 — если на частной. Все это относилось только к владельцам вододействующих предприятий. Что касается крестьянской промышленности и тульских оружейников, то все владельцы ручных горнов, по мнению прожектера, должны были быть освобождены от всякого обложения [6].

Следующее предложение об установлении платы за пользование государственными угодьями содержится в памятной записке В.Н. Татищева («Напамятование, что для лутчаго размножения заводов потребно Берг-Коллегии определить указом»), лично врученной им Петру I в сентябре 1724 г. Эта записка являлась как бы продолжением более широкого проекта, представленного Татищевым и заслушанного в Сенате в присутствии Петра I 13 февраля 1724 г. [7]. По-видимому, данная записка, в отличие от предыдущего проекта, не была передана из Кабинета ни в Сенат, ни в Берг-Коллегию. Во всяком

случае, в делах этих учреждений не удалось найти следов ее рассмотрения. Татищев, правда, пытался впоследствии обратить на нее внимание правительства Екатерины I, но безуспешно. Копия ее была обнаружена среди бумаг Татищева, относящихся к 30-м годам XVIII в., т. е. к тому времени, когда он вновь был руководителем металлургической промышленности Урала и Сибири.

В записке намечена более широкая, чем в проекте, программа передачи казенных металлургических заводов в частные руки. «Все государственные заводы, построенные и места рудныя к строению годныя, не взирая на уповаемые от оных казенныя прибытки, раздать в компании охотникам, кто о которых наперед просить будет», — писал Татищев [8]. Отдавая казенные предприятия в кампанию частным владельцам, Татищев считал целесообразным отвести «им к строению места и леса, где и колико пристойно». Однако он отмечал, что таким компаниям не следует отдавать «великого пространства земель, а хотя леса и дрова дадутся, однако и оным другим оставлять свободно» [9].

В документе Татищев коснулся и вопроса регламентации платы за землю. В отличие от существующего законодательства и практики Татищев предлагал ввести дифференцированный налог с владельцев железных заводов. Татищев предлагал увеличить налог тем, кто построил заводы на государственных или наемных землях, но за руды и дрова платят особо. Еще выше, по его мнению, должен был быть налог с тех, «кто еще к тому же использует отводные, лежащие на государственной земле руды. Еще больше, соответственно, платят те заводовладельцы, которым к тому же отведены сенные покосы и пашни» [10]. То есть размер налога ставился в зависимость от степени обеспечения промышленников казенными землями, рудой, лесами, сенными покосами и пашнями. Можно согласиться с точкой зрения, высказанной по этому поводу А.И. Юхтом, что смысл этого предложения состоял в том, чтобы увеличить доходы казны и поставить промышленников из дворян, в случаях, если они построят заводы в своих вотчинах, в более привилегированное положение по сравнению с заводчиками-купцами, в массе своей не располагавшими собственными землями [11]. Однако, не следует забывать, что сильнее всего этот налог бил по Демидовым, с которыми Татищев был в то время в ссоре. Отметим, что хотя это предложение и не было тогда осуществлено, оно получило развитие в «Инструкции» Татищеву, полученной при его вторичном назначении управляющим уральскими заводами. Наряду со статьями, направленными на исправление ошибок Геннина, и предложениями о передаче казенных мануфактур в частные руки, в статье 19 содержалось требование о взыскании поземельного налога с частных заводовладельцев. В инструкции Татищеву указывалось, что хотя и Сибирские заводы платят в качестве десятины по копейке с пуда чугуна, однако плата за пользование государственной землей не установлена. В инструкции это квалифицировалось в качестве ошибки и объяснялось тем, что в Сибири тогда был только один Демидов, а других заводчиков там не было. Хотя, как считала Берг-Коллегия, по Берг-Привилегии с него должны были брать тридцать вторую долю, — как помещики должны брать за место, где завод построен и за земли и

угодия к нему с владельцев заводов деньгами. Предполагалось что если промышленник захочет заплатить налог припасами, то принимать их следовало: «на пристанях по валовой тамошней продажной цене медь чистую в слитках или железо полосное» [12]. Таким образом, государственные земли пытались приравнять к помещичьим, в чем явно видна тенденция, берущая начало с предложения Татищева 1724 года. Теперь Татищеву самому предлагалось установить такой налог на заводах Сибирской и Казанской губерний. Последний после приезда на Урал в составленном им проекте «Заводского устава» попытался установить новые, более высокие ставки налога.

Сравнивая налоговые обязательства уральских горнопромышленников с налоговыми обязательствами предпринимателей Богемии и Саксонии, Татищев писал в «Заводском уставе», что «в Российском государстве для размножения заводов... земли, леса и прочие угодья отводятся к заводам с довольством; начальники содержатся на нашем жалованье..., школы и богадельни со всем принадлежащим содержаны из казны...». Так как за руду, лес, землю, на содержание горной администрации, школ и богаделен «везде особливые доходы в казну положены», то «Заводский устав» намечал их ввести и в России: «с медных, железных, свинцовых и прочих метальных заводов брать десятину не от прибыли, но от числа сделаного в готовности... пять пуд со ста, за отведенные леса — 2 пуда со ста, на богадельню и школу — 1 пуд со ста, вотчиннику, на чьей земле руда копается, — один со ста; на чьей земле завод построен, — один со ста». Таким образом, общая сумма всех налогов равнялась 10 пудам с каждых 100 пудов. Из них четыре пуда шло владельцу земли, которым на большей части территории Урала выступало государство. Уральские промышленники, созванные Татищевым на совещание, где им было зачитано содержание «Заводского устава», отрицательно отнеслись к увеличению налога, так как одна лишь замена попудного обложения натуральным 5%-ным сбором увеличивала размер налога для владельцев железоделательных заводов на 25% и для владельцев медеплавильных заводов на 62,5%. Кроме этого, ознакомленные с проектом приказчики и промышленники считали «весьма великим» налог в пользу владельца леса, земли под заводское строение и рудники, а также на школы и богадельни [13].

Протест предпринимателей против повышения налога возымел действие, и проект заводского устава Татищева не был утвержден, а положение о налоге на землю в пользу государства не вошло в горный устав и даже не обсуждалось на совещании заводовладельцев, хотя вопросы платы за угодья частным собственникам земли занимали при обсуждении большое место [14]. Мы объясняем это положение не только сопротивлением уральских промышленников, но и тем, что придворные, готовившиеся сами к приватизации наиболее выгодных предприятий, были не заинтересованы в дополнительных налогах с них. Таким образом, плата за государственную землю не нашла отражения не только в проекте горного устава, но и в новом налоге на Демидовых, когда единицей обложения становился не пуд выплавленного чугуна, а доменная печь. Не касался вопроса платы за государственную землю и Берг-Регламент, хотя в нем плата частным владельцам была уточнена [15].

Новый этап попыток государства ввести плату за землю связан с проектом прокурора Берг-Коллегии Суворова в 1744—1745 годах.

Вскоре после сочинения Берг-Регламента в 1744 году прокурор Суворов представил в Берг-Коллегию доношение от 11 мая, в котором писал, что по Берг-Привилегии горнопромышленник, построивший заводы на чужих землях, обязан платить владетелю земли, каковая плата по Берг-Регламенту заменена двухпроцентными деньгами, независимо от уплаты за пользование местом для строения и для получения дров. «А понеже, — читаем далее в предложении прокурора, — многим заводчикам как под железные, так и прочии минеральные заводы отведены места из государственных земель и угодья, и те заводчики лесов и дрова употребляют на свои заводы из государственных угодей и по силе вышеписанных, Берг-Привиллегии и Берг-Регламента, как за те земли, которая под заводы отведены, так и за употребляемые на те заводы лес и дрова в казну ничего ее платят даже и доныне. Того ради, Берг-Коллегия чрез сие предлагает, дабы соблаговолено было по силе Берг-Привилегии и Берг-Регламента за те отведенная под заводы места определенный платеж как за прошлые годы взыскать, так и на предбудущую взыскивать, и какую цену на употребленныя на те заводы лес и дрова по пропорции каждого заводу положа и о сбор того платежа в казну подлежащее разсмотрение и определенные учинить, дабы в казну Ея И.В. принадлежащие доходы упущены не были». Справедливое по существу требование прокурора Суворова вызвало в Берг-Коллегии после сделанного Сенатом напоминания следующий «покорный ответ» от 4 апреля 1745 г.: платеж, о котором говорится в Берг-Привелегии, относится только к партикулярным помещикам, а чтобы за государственные земли и леса брать, того не установлено. В Берг-Регламенте брать за те государственные земли и леса государственные и по чему брать — того не изображено и особливых указов не имеется; а Берг-Коллегия взыскивать собою не может, тем более что содержатели имеют особые привилегированные давние грамоты и указы и с них за те заводская земли и угодья никогда не бралось. На этот покорный ответ последовал указ Сената от 16 мая 1745 г., где объяснялось, что если Берг-Коллегия не могла своей властью взыскивать деньги за отведенные государственная земли, то во всяком случаи должна была доложить о том Сенату. Сенат оставлял без штрафования и заводчиков и Берг-Коллегию, но предписывал собирать налог за государственные земли и дрова [16]. Однако, Берг-Коллегия так и не смогла выяснить, на чьих землях точно построены заводы.

Дело, поднятое прокурором Суворовым, окончилось тем, что было принято решение о невзыскании с заводчиков двухпроцентных денег ни за прошлое, ни впредь, ибо Берг-Коллегия настояла на своем мнении, что двухпроцентный сбор установлен Берг-Регламентом лишь в пользу частных помещиков, а казна должна довольствоваться десятиной, которая к тому же идет на содержание служителей Берг-Коллегии [17]. Однако, окончательное решение по этому вопросу Сенатом принято не было. Так, в указе 1753 г. Сенат, рассуждая о выгодности постройки «партикулярных» металлургических заводов на южном Урале, упоминал, кроме обычной десятины в пользу казны, и двухпроцентный

платеж, который должна была получить казна за эти земли [18]. Эта мысль о платеже за казенные земли была подтверждена в договоре между казной и заводчиками М.С. Мясниковым и Я.С. Петровым от 16 марта 1759 г. о постройке металлургического завода на р. Сим в Оренбургской губернии [19]. Давая позволение на постройку завода, Берг-Коллегия рекомендовала поступать по Вальдмейстерской инструкции и по пункту 7 Берг-Привилегии: «Со владельцами договариваться добровольно, а ежели казенные (земли и леса), то за оные платить в казну по 2%» [20]. Несмотря на то, что промышленники вплоть до 60-х годов XVIII в. не платили за пользование государственными землями, неразрешенность этого вопроса и угроза выплаты данного налога вместе со штрафом постоянно висели над ними. Так, например, 18 августа 1765 г. Берг-Коллегия по просьбе предпринимателей обратилась в горную комиссию с просьбой о невзыскании следующих в силу Берг-Привилегий и Берг-Регламента $^{1}/_{32}$ или 2 % соответственно за казенные земли и леса, отведенные под частные заводы. По поручению Сената комиссия рассмотрела эту проблему, но, как и ранее, прямой ссылки в Берг-Привилегии и Берг-Регламенте на выплату налога за пользование казенными землями не нашла. Это решение было закреплено в указе Сената от 10 мая 1767 г. «О невзыскании с горных заводчиков за отведенные к их заводам государственные земли и леса двупроцентных денег в казну» [21]. На время эта проблема, казалось, была разрешена.

Изменение взгляда законодателя на проблему оплаты за государственные земли связано с продворянской политикой Екатерины II. Государство усиливало не только монопольные права дворянства на их земельную собственность, но и права государства как крупнейшего собственника земли.

Политику генерального межевания, начатая в правление Екатерины II и оконченная уже в XIX в., положила инструкции Межевым губернским канцеляриям от 25 мая 1766 года. В XXIII главе («О землях, принадлежащих заводам и фабрикам») рассматривался прецедент принадлежности государству земель, на которых располагались частные предприятия. По инструкции, владельцу частного завода отводилось столько земли, сколько содержатели будут требовать, но заводовладелец обязан был эту землю выкупить. «Тем, которые по отводам земель построились, за одинакую, которые же без отвода и отдачи, таким — за тройную цену, назначенную в публикованном продажным землям реэстре» [22]. Если заводовладелец мог подтвердить, что в свое время он получил землю на законном подтвержденном документами основании, то он мог выкупить землю по цене, определенной в земельном реестре. Если же государственные земли были заняты под предприятия без государственного отвода, то заводовладелец должен был платить тройную цену против тех, кто получил землю на законном основании. При этом под завод отводилось только место под заводское строение и рудники. Те леса, которыми предприятие пользовалось для заводских нужд, даже если к этому времени деревья были вырублены, инструкция четко указывала частным владельцам не отдавать [23]. Продолжением этой политики были два правительственных указа 1782 г. Первый из них — Манифест 28 июня 1782 г. «О распространении прав собственности вла-

дельцев на все произведения земли, на поверхности и в недрах ее содержащихся», отменял принцип горной свободы, введенный петровской Берг-Привилегией, и передавал права на недра земли ее земельным собственникам. Посторонние лица могли вести горнорудные разработки и строительство заводов на владельческих землях только с разрешения владельца и только на основе заключенного с ним договора. Берг-Коллегия уже не выступала, как ранее, посредником между частным владельцем и заводчиком. Манифест пунктами 13 и 14 сообщал о прекращении практики раздачи казенных земель и лесов под нужды партикулярных заводов [24].

Тесно связан с первым документом именной указ, данный Сенату от 22 сентября того же года «О распространении права собственности владельцев на леса, в дачах их растущих» [25].

Эти два документа послужили не только основанием для будущего разделения негосударственных предприятий на посессионные и вотчинные, но и стали основой для введения платы за пользование государственными землями. Вопрос о вознаграждении казны за пользование ее землями с горнозаводских предприятий снова поднимается в указе на имя генерал-губернатора князя Вяземского. В этом указе утверждалось, что до Манифеста 1782 г. оснований для введения налога за пользование казенными землями на нужды частных предприятий не было, а сейчас Манифест такие основания предоставлял [26]. Но выполнить сразу требования указа князю Вяземскому не удалось в силу неразмежеванности казенных земель. Нужные сведения казенные палаты смогли предоставить только к 1794 г. Указ 23 июня 1794 г. постановил взыскивать с чугуноплавильных заводов с владельческих вместо прежде платимых 4 коп. еще 2 коп. с пуда, а с посессионных, то есть использовавших государственные земли, дополнительно к 4 коп. — еще 4 коп. с пуда. Также была увеличена плата и с медеплавильных заводов: с владельческих, кроме платимой десятины, — еще по 5 коп. со 100 пудов, а с посессионных — по 10 коп. со 100 пудов [27]. Таким образом, мы здесь видим плату за пользование государственными землями, хотя взимание налога еще несовершенно, так как не учитывает размер посессии: то ли 250 десятин под предприятие, то ли десятки квадратных верст различных угодий [28]. Тем не менее, начало регламентации платы за пользование землей было положено, и дальнейшие изменения касались уже методики сбора налога и его размера, но ни самого принципа.

Таким образом, мы можем сделать выводы о том, что, несмотря на многочисленные проекты введения дополнительного налога на заводчиков за пользование государственной землей, окончательное решение по этому вопросу в первой половине XVIII в. принято не было, так как правительство, считаясь с мнением заводовладельцев, отказывалось от своих сиюминутных налоговых выгод в пользу длительного интереса по развитию отечественной промышленности. Только во второй половине XVIII в., когда уральская промышленность фактически уже исчерпала естественные ресурсы для своего роста и стабилизировалась, законодатель пошел на введение налога в пользу государства за пользование казенными землями. Но этот налог был достаточно невысоким и вводился постепенно. Кроме того, мы видим, что неразмежеванность земель

создавала дополнительные трудности по определению конкретного собственника, и только в результате генерального межевания казна смогла утвердить свои вотчинные земельные права.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Крепостная мануфактура в России. Л., 1930. Ч. I. С. 260—262.
2. Герман И. Историческое начертание горного производства Российской империи. Екатеринбург, 1810. С. 18.
3. ПСЗ, т. V, № 3464.
4. РГАДА, ф. Берг-Коллегии, кн. 627, л. 198; Павленко Н.И. Развитие металлургической промышленности в России в первой половине XVIII в. М., 1953. С. 409.
5. Указ Сената от 16 января 1724 г. (РГАДА, ф. Сената, кн. 651, л. 357; Павленко Н.И. Развитие металлургической промышленности... С. 409).
6. Павленко Н.И. Развитие металлургической промышленности... С. 407—408.
7. Юхт А.И. Юхт А.И. Государственная деятельность В.Н. Татищева. М., 1986. С. 138; РИО. Т. XI. СПб., 1873. С. 529—534.
8. Надо отметить, что в целом проект отвечал общей линии правительства в это время. Идея передачи казенных заводов частным предпринимателям была провозглашена в Регламенте Мануфактур-Коллегии в 1723 г. См.: Юхт А.И. Государственная деятельность... С.146.
9. РГАДА, ф. Берг-Коллегии, оп. 1, кн. 12, л.128 об.
10. Там же. Л.129 об.
11. Юхт А.И. Государственная деятельность... С. 149.
12. РГАДА, ф.271, кн. 12, лл. 589—598.
13. Павленко Н.И. Развитие металлургической промышленности... С. 417—418.
14. РГАДА, ф. 271, д. 707, лл. 113—120.
15. ПСЗ, т. X, №7766.
16. РГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 22, лл. 74—76.
17. Удинцев В. Посессионное право. Киев, 1896. С. 161—163.
18. ПСЗ, т. XIII, № 10141.
19. Павленко Н.И. История металлургии в России XVIII в. Заводы и заводовладельцы. М., 1962. С. 290.
20. Удинцев В. Посессионное право. С. 163.
21. Там же.
22. ПСЗ, т. XVII, № 12659, гл. XXIII, п. 9.
23. Там же. П.3.
24. Там же, т. XXI, № 15447.
25. Там же, № 15518.
26. Удинцев В. Посессионное право. С. 164.
27. ПСЗ, т. XXIII, № 17225.
28. Удинцев В. Посессионное право. С. 165.

TO THE QUESTION ON PAYMENT AND TAXATION FOR LAND TENURE BY THE MINING ENTERPRISES IN THE URALS IN THE XVIII CENTURY

The process of regulation of payment of plant owners for use state land in the context of the industrial policy of the government during the XVIII century is analised in this article. Influence on the given process of state and private interests is revealed.

V.A. Manin

И.Н. Юркин

ЧУГУННОЕ ЛИТЬЕ БАТАШЕВСКИХ ЗАВОДОВ ДЛЯ ПЕТЕРБУРГСКОГО ДОМА Н.А. ДЕМИДОВА

Художественное, в частности, архитектурное литье из чугуна — особая область литейного производства, продукция которого, являясь артефактом сферы индустриального наследия, одновременно с полным правом принадлежит и художественной культуре. Обращаясь к истории развития художественного литья, ценные для себя исследовательские аспекты обнаруживают в ней и историк промышленности, и искусствовед. Попадая в проблемные поля разных наук, один и тот же сюжет обращается к исследователю разными гранями, помогает ответить на различные, на первый взгляд, далекие друг от друга вопросы.

Обсуждаемая ниже история заказа Н.А. Демидовым декоративного архитектурного литья на заводах А.Р. Баташева восстанавливаемая по материалам (переписке), выявленным в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в фонде 1267 «Демидовы» [1]. Ранее они уже частично нами рассматривались. При этом основное внимание было обращено на два аспекта: во-первых, на характер отношений между представителями в свое время очень заметных частных промышленных хозяйств [2], во-вторых, на содержание и уровень технических знаний участвовавших в диалоге заводчиков [3]. На данном материале можно продуктивно обсуждать и многие другие вопросы, связанные, например, с территориальным размещением и организацией производства, его технической стороной, обеспечением кадрами, отношениями заказчик-покупатель — традиционными темами истории социально-экономической и индустриальной. Ниже остановимся на одном вопросе именно этого ряда — займемся установлением того, на каких конкретно баташевских заводах в рассматриваемое время было налажено производство художественного литья.

Вместе с тем, хотя исходным пунктом воссоздаваемого из эпистолярных диалогов сюжета является заказ партии оригинальных художественных отливок, о литье как таковом узнать из привлеченной переписки удается немного — в том числе и потому, что упоминаемых в документах отливок в нашем распоряжении нет. Полагаем однако, что приводимые данные, весьма интересные по меньшей мере в перечисленных контекстах, в перспективе (когда, вероятно, будут обнаружены отливы подходящего времени и происхождения) смогут сыграть важную роль и при их (изделий) атрибуции. Мы, во всяком случае, пытаемся определить петербургский дом, для строительства которого предназначались упоминаемые в письмах колонны, консоли и «рожи» — надеемся, это поможет обнаружению и идентификации самих изделий.

Заводы Баташевых — один из сравнительно малоизвестных центров художественного литья из чугуна в России XVIII — начала XIX вв. Благодаря усилиям искусствоведов, в отечественных музейных собраниях в последние годы выявлены все возрастающие в числе образцы чугунной скульптуры, изготовленные баташевскими мастерами. Исследователями отмечается их относительная редкость, своеобразие, наличие, наряду с тиражированной продукцией, «уникальных образцов, которые заслуживают самого пристального внимания» [4]. Изучение баташевских отливов, выяснение их места в истории отечественной художественной промышленности, по-видимому, только еще начинается — важные находки и открытия, можно ожидать, еще предстоят.

Баташевы — старинный тульский род, несколько поколений которого тесно связаны с Тульской оружейной слободой. На протяжении XVII — начала XVIII вв. они не раз (в 1696, 1720 и в др. гг.) избирались ее старостами [5]. Фактически в слободе не существовало ни одной сколько-нибудь заметной, сопряженной с ответственностью, казенной выборной службы, среди исполнителей которой не было бы Баташевых.

Превращение оружейника Ивана Тимофеевича Баташева (умер не ранее 1734 г.) во владеющего вододействующим металлургическим заводом предпринимателя-промышленника детально не исследовано. Интересен упоминаемый в документах факт его работы в 1713 г. на казенных Липских металлургических заводах, где Баташев выступал в роли своего рода «инструктора», а также комплектовал штат прошедшей (мастера) или продолжавшей (ученики) профессиональное обучение рабочей силой — выступал, таким образом, отчасти и организатором производства [6].

К постройке своего первого вододействующего завода на р. Тулице Баташев приступил в 1716 г. и уже в 1717 закончил ее. За Тульским последовал Грязненский (Медынский) завод: в 1728 г. на нем было пущено молотовое производство, в 1730 — домна. Дело Ивана Тимофеевича продолжили его сыновья, из которых наибольших успехов добился младший Родион (1711 — около 1756 г.). Особенно успешно их хозяйство развивалось во второй половине XVIII в. при представителях третьего поколения Баташевых-металлозаводчиков Андрее (около1730 — 1799 г.) и Иване (около 1733 — 1821 г.) Родионовичах. На протяжении XVIII в. Баташевы этой линии рода владели 18 заводами, из которых 14 построили сами. Они явились основателями Приок-

ского горнометаллургического района, включавшего территории пяти губерний. После Демидовых это, пожалуй, наиболее известный род металлургов-мануфактуристов тульского происхождения [7].

Используемые в данной статье архивные материалы — упомянутая переписка А.Р. Баташева и Н.А. Демидова — относятся к 1759—1760 годам — периоду, когда промышленное хозяйство Баташевых находились в совместном владении братьев Андрея и Ивана. Середина — вторая половина 1750-х годов была для них непростым временем. В августе 1754 г. их промышленное хозяйство испытало тяжелейший, едва не оказавшийся для него смертельным удар: сенатский указ запретил эксплуатацию металлургических заводов, расположенных от Москвы на расстоянии менее 200 верст. В закрытую для металлургии зону попали все три принадлежавших в то время Баташевым завода: Тульский, Грязненский и Изверский. На некоторое время — до 1762 г. — им удалось задержать закрытие завода на Тулице (благодаря заказу Тульского оружейного завода, перехваченному у Мосоловых, чей завод пострадал от пожара [8]), прочие же предприятия были закрыты, что принесло их владельцам убыток в 31,4 тыс. руб. Но уже на следующий после указа год Баташевы начинают строительство нового завода (теперь на свободной от запрета территории — в Касимовском уезде, на р. Унже, близ с. Ермолина) и вскоре, в октябре 1755 г., пускают его. Вслед за Унженским 15 декабря 1759 г. была пущена домна Гусевского завода, построенного во Владимирском уезде, на р. Гусь, близ д. Веркутец (Веркуц). Оба завода имели по одной домне и мощное молотовое производство: на первом было 10, на втором — 11 молотов [9].

В результате к началу 1760 г. братья Баташевы оказались владельцами промышленного хозяйства, в значительной степени преодолевшего трудности середины 50-х гг. Оно состояло из трех действующих заводов: Тульского, Унженского и Гусевского.

Еще при жизни основателя этой промышленной династии Баташевы были связаны с другим родом из среды тульских казенных кузнецов — Демидовыми, бывшими, к тому же, их соседями в Оружейной слободе Тулы. По некоторым сведениям, И.Т. Баташев начинал карьеру приказчиком Никиты Антюфеева (Демидова) (1656—1725). Последний даже помог Баташеву приобрести землю на Тулице (двумя верстами выше демидовского завода), на которой позднее был поставлен его (Баташева) первый вододействущий завод [10].

Одним из участников обсуждаемой ниже переписки выступает известный уральский заводчик Никита Акинфиевич Демидов (1724—1789). В конце 50-х гг. XVIII в. он был владельцем шести металлургических предприятий на Урале: доставшихся ему при разделе с братьями Прокофием и Григорием в составе Нижнетагильской части заводов Нижне-Тагильского, Черноисточинского, Выйского, Висимо-Шайтанского, двух Лайских, а также Сулемской пристани. В составе того же наследства он получил 5441 душу м.п. крепостных [11]. Из сыновей Акинфия именно он в наибольшей степени сохранил интерес к промышленному предпринимательству и благодаря интенсивной переписке с заводской конторой отчасти компенсировал издержки наметившегося уже в этом поколении Демидовых территориального отдаления заводчика от его

хозяйства. Инструкции (ордера) Н.А. Демидова подробны, он нередко касается в них вопросов техники и организации производства, напоминая этим своего отца. Младший из Акинфиевичей с явным удовольствием входит в технические тонкости, предлагает усовершенствования, изобретает. Мы подробно останавливаемся на этих его занятиях на страницах находящейся в печати нашей книги «Демидовы — ученые и инженеры». Интерес Н.А. Демидова к технике прекрасно иллюстрирует и выступающий в качестве источниковой базы этой статьи комплекс эпистолярных текстов.

С учетом сказанного далеко не случайным представляется тот факт, что доставшиеся от отца заводы, в отличие от старшего брата Прокофия, он не только не растерял, но и приумножил, построив три новых: молотовые Нижне-Салдинский (пущен в 1760 г.) и Висимо-Уткинский (1771), а также Верхне-Салдинский доменный и молотовый (1778) [12].

Н.А. Демидов, как и его братья, был владельцем нескольких домов в разных городах России, в том числе в обеих столицах. С историей одного из них (петербургского) и связана привлекаемая переписка, охватывающая период с декабря 1759 г. по март 1760 г. Основное содержание принадлежащей Демидову ее части можно свести к тому, что он торопит Баташева с исполнением заказанных на заводе последнего разнообразных литых изделий для этого дома («решетки, боковой с рожею кансоли, двух столбиков» [13] и прочее — цитируем один из перечней) и дает технические указания по их изготовлению. Не станем пересказывать эти тексты, частично уже изложенные в указанных выше наших публикациях.

Содержащийся в них материал интересен, в частности, новой информацией о ранних страницах истории художественного литья на баташевских заводах, в частности, о его центрах.

Наиболее ранние из выявленных к настоящему времени в музейных собраниях образцов художественного металла (литья), происходящих с заводов Баташевых, относятся к рубежу XVIII и XIX веков. Это скульптурные произведения из чугуна, происходящие с двух заводов — Гусевского и Сынтульского [14]. Наш материал относится к существенно более ранней эпохе — рубежу 50—60-х гг. XVIII в. На каком из принадлежавших Баташевым в то время трех заводов выполнялся заказ Демидова?

Завод Гусевский, судя по дате пуска — самый конец 1759 г. — скорее всего отпадает: работы, о которых говорится в переписке, начинаться на нем не могли. Да и продолжались здесь едва ли. В начале 1760 года предприятие только еще становилось на ноги, обустраивалось. Между тем, художественно литье, тем более, в значительном объеме, — технология, требующая не только высокой квалификации мастеров, но и хорошо налаженного производства. Более вероятно, что упоминаемые в переписке работы проводились на каком-то другом принадлежавшем Баташевым заводе — на Тульском или Унженском.

Сведения об изготовлении на Тульском заводе Баташевых архитектурного литья имеются. В частности, сохранилась документация, связанная с организацией изготовления на этом заводе в 1751 г. украшений для строившегося в Киеве по проекту архитектора Растрелли Андреевского собора. В Тулу для

надзора за этими работами был специально командирован батальона ведомства Канцелярии от строений капитан Иван Жданов. С ним «для поправления тамо деревянных маделей, по коим отливаютца в Киев чугунныя арнаменты», отправлялись резчики Иван Михайлов и Филипп Яковлев [15]. До этого — во второй половине 30-х гг. — отлитые здесь же архитектурные орнаменты (16 видов) были использованы в курляндских дворцах Э.И. Бирона, проектировавшихся тем же Растрелли [16].

Предположить, что демидовский заказ 1759 года выполнялся именно на Тульском заводе, на первый взгляд позволяет письмо Демидова приказчику С. Хотеву от 10 января 1760 г., в котором автор сообщает, что «разные модели для чугуннова литья» посланы им к А.Р. Баташеву «ис Петербурга в Тулу» [17].

Но состояние Тульского завода Баташевых в конце 50-х гг. отличалось от того, каким оно было в начале десятилетия. Все более старевший в техническом отношении, как и все прочие заводы района испытывавший усиливавшиеся трудности с обеспечением углем, он доживал свой век. И посылка Демидовым своих моделей в Тулу свидетельствует, строго говоря, только о его предположениях относительно места изготовления заказанных изделий — не более. Намерения заводовладельца с предположениями заказчика в данном случае не совпали. Реальную ситуацию узнаем от еще одного демидовского корреспондента, туленина Антона Постухова [18], в письме от 23 сентября 1759 г. сообщившего Демидову, что он «у Баташева сево ж дня был; Андрея на заводе в Туле нет, а брат ево, Иван Радионович, объевил, что чугунное литье ево милости на новом заводе». О том, что имеется в виду один и тот же заказ, делаем вывод из последующих рассуждений Постухова о том, как «лутче и дешевле» готовые изделия «вазить до Питербурга» [19]. Судя по всему, подразумевается, что исполняется он на Унженском заводе. В пользу отождествления завода, названного в письме «новым», именно с Унженским говорит, во-первых, хронология (до пуска Гусевского завода без малого три месяца), во-вторых — касимовский адрес на посвященных этому заказу письмах Баташева Демидову, относящихся к зиме 1759—1760 гг. Обратим внимание и на такую деталь: Баташев сообщает, что не имея возможности найти «в здешних местах» возчиков для доставки изделий в Петербург или Тверь, написал демидовскому приказчику в Тулу, предлагая набрать их там и прислать к нему [20]. Совершенно очевидно, что «здешние места» — никак не тульские; не является Тульским, следовательно, и завод, с которого нужно везти отливки.

Заметим, что контекст цитированного выше постуховского письма позволяет заключить, что посещение им Баташева было предпринято по просьбе Демидова. Характер сообщаемых Постуховым сведений, если именно они и были запрошены Демидовым, косвенно подтверждает предположение, что последний первоначально не знал ни местонахождения заводчика, ни завода, где решено было отливать заказанные им предметы.

Итак, местом выполнения демидовского заказа был, по всей видимости, Унженский завод Баташевых в Касимовском уезде.

Завод был новым, поэтому технические традиции, необходимые для изготовления художественного литья, окончательно тут, вероятно, еще не сложились. Заводовладелец и не скрывает этого. В своем письме от 11 декабря 1759 г., говоря о трудностях, возникших при отливке заказанной Демидовым трубы, он замечает: «мы собственных таких мастеров не имеим, а принуждены мы дорогою ценою из нарышкиных наймать». Итак, в 1759—1760 гг. своих специалистов для исполнения подобного заказа на заводе еще не было, приглашались мастера со стороны — в частности, с железных заводов в Каширском и Тульском уездах, принадлежавших Нарышкиным с 1690 года. Вместе с тем, здесь, похоже, не в новинку было изготовление даже скульптуры из чугуна: в том же письме Баташев предлагает Демидову в случае необходимости «тако ж и статуи вылить» [21].

Упоминаний в литературе о сохранившихся образцах чугунной скульптуры производства Унженского завода нам обнаружить не удалось.

Извлекаемые из переписки сведения об архитектурном литье баташевских заводов начала 1760-х гг. достаточно интересны, чтобы предпринять усилия по поиску образцов этих отливов. Тем более, что о назначении их заказчик высказывается неоднократно и однозначно: они нужны для его петербургского дома [22].

Вступив 1 мая 1758 г. во владение своей долей наследства, Н.А. Демидов стал владельцем восьми домов: каменного в Петербурге, на Васильевском острове, и семи деревянных в городах Твери, Ярославле, Нижнем Новгороде, Казани, Тобольске, Таре и Екатеринбурге [23]. Но это — только те дома, которые отошли к нему из отцовского имения. Ко времени завершения раздела ему было 33 года, он давно уже жил самостоятельным человеком. Можно полагать, приобретал и создавал недвижимость.

По литературе известны минимум два дома, принадлежавшие Н.А. Демидову в Петербурге. Первый, доставшийся от отца и к настоящему времени снесенный, находился на Стрелке Васильевского острова, левее современного Пушкинского дома и правее Биржи. Второе здание — в 7 окон на высоких подвалах с каменным цокольным этажем и верхним деревянным, стояло на левом берегу Мойки против Новой Голландии недалеко от Крюкова канала. Демидов купил его у Ф.В. Гарднера в 1755 г. С мая 1782 г. его снимал А.И. Мусин-Пушкин, сменивший жившего здесь голландского посланника. В декабре того же года дом был куплен Г.А. Потемкиным. Большая часть усадьбы была снесена в 1913 г. До настоящего времени из построек этого комплекса, относящихся ко времени, когда им владели Демидовы, сохранился только выходящий на Мойку одноэтажный каменный флигель в 6 окон, позднее надстроенный до 3 этажей и включенный в состав позднейшего здания (правая часть ныне существующего строения на набережной р. Мойки, 104 [24]).

Никаких сведений о здании, для которого предназначался архитектурный художественный металл, изготавливавшийся на баташевских заводах, в письмах нет. Демидов лишь пишет, что ему «будущим летом крайне то литье в петербургском доме ... надобно», а позже уточняет, что желал бы получить все изделия не позднее июня, «ибо, если к тому времени не поспеют, то отделкою

мой дом еще продолжитца не менее года» [25]. Из сказанного следует только то, что на лето и, вероятно, осень 1760 г. Демидовым были намечены отделочные работы (включавшие установку чугунных отливок) в каком-то из его петербургских домов. Не ясно даже, велись ли эти работы уже в 1759 г. или в это время дело не продвинулось дальше проектирования и изготовления моделей для предусмотренных проектом чугунных отливок.

Не исключено, впрочем, что с работами 1759(?)—1760 гг. как-то связаны заказы, упоминаемые в трехлетней давности переписке Н.А. Демидова с находившемся в Туле его дядей С.И. Пальцовым. Сохранившиеся документы свидетельствуют о тесных связях Демидова с Тулой вообще и тульскими металлистами, в частности. Из Тулы в Петербург, к Демидову, снова и снова отправляются разнообразные материалы (включая строительные) и готовые изделия: оконные петли, винты, замки и т.д. Демидов просит «справитца, не имеетца ль при доме нашем печных медных затворак, дверных и оконнишных задвишек деланых и медных замков», и прислать в Петербург образцы. А 15 января 1757 г. посылает заказ, разместить который предлагает на Тульском заводе Баташева: здесь нужно «вылить чугунных вьюшек 30 со всем прибором» [26]. Итак, в Петербурге Демидовым ведутся какие-то строительные работы, но какие именно — не ясно.

Для которого же из петербургских домов Демидова предназначались баташевские отливы 1760 года? Сведений об использовании чугуна в оформлении фасадов дома на стрелке Васильевского острова в нашем распоряжении нет. Неоднозначна и ситуация с домом на Мойке. Верхний его этаж с 8 жилыми покоями был при Демидове деревянным, каменным был только нижний, с 4 покоями [27]. Таким образом, собственно на фасадах этого дома места для размещения украшений из металла было немного. Остаются терраса, ограждения ведущих на нее лестниц, легкая ограда по краю крыши и прочие «мелочи». Плюс, разумеется, ограда, окружавшая участок (дом стоял в глубине его). В выявленной нами переписке упомянуты колонны, их базы и капители, резные крылечные столбики, боковые консоли «с рожею», решетки, вазы, труба — изделия, далеко не все из которых представляется возможным разместить в постройке, какой мы ее себе представляем. Но, интересный штрих: говоря об этом доме, современник (Я. Штелин) упоминает, что в нем был устроен «портик из чугуна между обеими въездами во двор со стороны улицы» [28]. Это описание не вполне совпадает с изображением дома на плане Сент-Илера (1770-е гг.): на рисунке видим два портика с въездом между ними [29]. Но как бы ни выглядело это чугунное сооружение в действительности, в существовании его в демидовской усадьбе 60-х гг. XVIII в. сомневаться не приходится. Это обстоятельство несколько расширяет возможности «привязки» заказанных у Баташева изделий к демидовскому дому на Мойке. И все-таки, об идеальном соответствии номенклатуры баташевских отливов возможностям их размещения в доме описанной архитектуры, говорить в настоящее время не приходится.

Итак, вопрос об адресе постройки, для которой предназначались отлитые у Баташева чугунные украшения, остается открытым. Весьма вероятно, однако,

что тщательное изучение строительной истории петербургских домов Н.А. Демидова позволит на него ответить.

В заключение отметим, что обсуждавшаяся переписка Демидова и Баташева представляет интерес и в других отношениях. Она, например, содержит богатый материал для характеристики уровня технических знаний заводчиков — фактора, немаловажного для истории частного промышленного предпринимательства вообще и биографии конкретных промышленных хозяйств, в частности [30]. Перед нами интересное свидетельство деловых и личных связей между двумя крупными российскими предпринимателями, людьми, оставившими след в российской истории, отчетливо различимый и сегодня.

Изложенные нами факты и следующие из них заключения следует, вероятно, учесть и при реконструкции реальной картины переноса технологий в процессе промышленного развития отдельных регионов страны. Вопросы специализации, текущей и ретроспективной оценки технических возможностей и перспектив промышленных районов в этот период еще требуют и изучения, и комплексного осмысления. К середине XVIII в. Урал прошел долгий путь промышленного развития, создал значительные производственные мощности, накопил большой опыт. Но в первой половине века он — в первую очередь источник металла (железа, меди), а также чугунного и медного литья технического и бытового назначения плюс продукции военного назначения. Еще раз убеждаемся в этом на примере Н.А. Демидова, получившего лучшие отцовские заводы, непрерывно и с увлечением занимающегося их совершенствованием, но отливать изделия «про свой обиход» вынужденного не у себя и не у братьев, а на баташевских заводах в центре Европейской России. Таким образом, некоторым особо тонким и сложным технологиям быть перенесенными на уральские металлозаводы еще предстояло. На заводах же старого металлургического центра, тесно связанных между собой преемственностью технического опыта, они сохранялись и находили, как видим, спрос даже в весьма престижной среде.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Письма А.Р. Баташева представляют собой писарские беловики с собственноручными подписями заводчика, Н.А. Демидова — черновые отпуски с авторской правкой.
2. Юркин И.Н. Демидовы в Туле: Из истории становления и развития промышленной династии. М.; Тула: Рарус, 1998. 327 с.
3. Он же. Штрихи к портрету русского предпринимателя XVIII в. (из истории династии Демидовых) // Вопросы истории естествознания и техники. 1996. № 2. С.38—47.
4. Карпова Е.В. Скульптура заводов Баташевых в петербургских музеях (в печати).
5. Юркин И.Н. Старосты Кузнецкой слободы г.Тулы в XVII — начале XVIII вв. // Из истории металлургии и металлообработки в Тульском крае. Тула, 1994. С. 45, 48—50.

6. Он же. Металлопромышленник на казенной мануфактуре (к вопросу о трансляции технического и организационного опыта в промышленности первой четверти XVIII века) // Бартеневские чтения. Тезисы докладов и сообщений. Липецк, 24—25 ноября 1999 года. Липецк: Липецкий гос. пед. унив-т, 2000. С. 77—81.
7. Павленко Н.И. История металлургии в России в XVIII веке: Заводы и заводовладельцы. М., 1962. С. 118, 127.
8. См. указ Оружейной канцелярии от 15 декабря 1754 г. В ф. 55 (Тульская провинциальная канцелярия) Государственного архива Тульской области он оказался искусственно разделенными на два дела: начало его составило д. 1629 по оп. 2, продолжение — д. 1625 по той же описи.
9. Павленко Н.И. История металлургии в России... С. 121—123.
10. Там же. С. 117.
11. Кафенгауз Б.Б. История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв.: Опыт исследования по истории уральской металлургии. Т.1. М.; Л., 1949. С. 240.
12. Павленко Н.И. История металлургии в России... С. 93.
13. РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 90. Л. 65.
14. Карпова Е.В. Скульптура заводов Баташевых.
15. ГАТО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 935. Л. 1.
16. Ланцманис И. Резиденции Эрнста Иоганна Бирона в Курляндии // Эрнст Иоганн Бирон. 1690—1990. Выставка в Рундальском дворце: Каталог. Рундале, 1992. С. 70,78; Либиетис Д. Изделия Тульских заводов в строительстве дворцов Э.И.Бирона в Курляндии (в печати).
17. РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 90. Л. 61 об.
18. Юркин И.Н. Демидовы в Туле. С. 178—183.
19. РГАДА. Ф.1267. Оп.1. Д. 44. Л. 5.
20. Там же. Д. 12. Л. 1—1 об.
21. Там же. Л.1а-1а об.
22. Строго говоря, речь должна идти не только о петербургском доме. В письме от 20 января 1760 г. Демидов, отдавая распоряжение об отправке с завода готовой продукции, просит направить большую часть изготовленного (колонны, базы, капители и вазы) в Петербург, чугунные же столбики — в Москву (см. РГАДА, ф. 1267, оп. 1, д. 90, л. 73). Так что какая-то часть заказа, хотя и явно меньшая, предназначалась, вероятно, для другого, скорее всего московского, дома Демидова. Отметим, что в феврале 1757 г. он просил Пальцова послать в его московский дом из Куракина (одного из демидовских сел Тульского края) 12 плотников, «которые из них полутче», с комплектом инструментов у каждого: топором, долотом, «поскобелем» «и еще что принадлежит к их плотницкой работе» (см. РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 88. Л. 14).
23. Кафенгауз Б.Б. История хозяйства Демидовых. С. 238, 241.
24. Краснова Е.И. Три адреса А.И. Мусина-Пушкина в Петербурге // Петербургские чтения (к юбилею города). Тезисы докладов конференции. СПб., 1992. С. 69—70. Дополнительные сведения об этой демидовской усадьбе содержатся в статье того же автора «Алексей Иванович Мусин-Пушкин в Петербурге», включенной в находящийся в производстве сборник материалов конференции, посвященной 250-летию со дня рождения А.И. Мусина-Пушкина (Рыбинск, 1994). См. также: Краснова Е.И. Алексей Иванович Мусин-Пушкин в Петер-

бурге // Невский архив. Историко-краеведческий сборник. IV. СПб.: Изд-во Чернышева, 1999. С. 195—209.

25. РГАДА. Ф.1267. Оп. 1. Д. 90. Л. 64 об., 65. Именно спешка (наряду, вероятно, с достаточно высокой репутацией «фирмы» Баташевых) и определила решение Демидова заказать литые украшения именно у них. Причем, если посылка на Урал моделей лишь затягивала и удорожала работу, то оперативная связь с литейщиками, необходимая для решения текущих вопросов, становилась при «уральском» варианте размещения заказа просто невозможной.

26. Там же. Д. 88. Л. 8 об., 9.

27. Краснова Е.И. Алексей Иванович Мусин-Пушкин...

28. Записки Якоба Штелина об изящных искуствах в России. М., 1990. Т. 1. С. 165. Автор выражает признательность Е.И. Красновой, поделившейся с автором сведениями о наличии металла в демидовских постройках Петербурга.

29. Не их ли имел в виду Демидов, говоря в одном из писем о посылке «моделей для крылец»?

30. См., например, Черкасова А.С. «...Чтоб железо делать самым добрым мастерством». Из деловой переписки Акинфия Никитича Демидова // Демидовский временник. Кн. I. Екатеринбург: Демидовский институт, 1994. С. 10—29; Юркин И.Н. Штрихи к портрету...

CAST-IRON MOULDING OF BATASHEV'S PLANTS FOR PETERSBURG HOUSE OF N.A.DEMIDOV

The history of manufacturing at A.R.Batashev's enterprises of the cast-iron art moulding ordered N.A.Demidov for the house in St. Petersburg is considered on a material of correspondence concerning 1759-1760 of two known Russian industrialists of the XVIII century. It is established, that work was carried out with attraction of masters Naryshkin's enterprises at the belonging to Batashev Unjgenskom plan. The discussed plot is placed in the context of the problem of translation of technologies during industrial development of territories, in particular, the Urals region.

I.N. Jurkin

Е.С. Тулисов

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ УРАЛЬСКОГО ГОРНОГО УПРАВЛЕНИЯ И ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА ГОРНОЗАВОДСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ (конец XVIII — начало XIX вв.)*

Процессы обеспечения управления тесно связаны с организацией соответствующих коммуникативных схем, осуществляемых через организационно-распорядительные документы, возникающие в ходе функционирования административной системы, и сложившихся схем документооборота. Организация делопроизводства в учреждениях Уральского горного управления в рассматриваемый период во многом была обусловлена особенностями структурного устройства и распределением функциональной нагрузки внутри административной системы [1]. Классификация документов, обеспечивающих процесс принятия управленческих решений в системе горнозаводской администрации на Урале, позволяет утверждать, что виды организационно-распорядительных документов довольно репрезентативны для всех государственных учреждений того времени. С этой точки зрения все архивные документы можно классифицировать в соответствии с иерархическим статусом учреждения, инициирующего документ. От руководителя центрального органа управления начальник региональной горнозаводской администрации получал предписания и отправлял представления. От вышестоящего должностного лица чиновники получали ордера. Равные между собой должностные лица обменивались отношениями (руководители уральского горного ведомства осуществляли переписку отношениями с гражданскими губернаторами и другими горными начальниками). Взаимодействие Горного начальника и горнозаводской администрации строились через предложения (начальник — администрация) и представления (администрация — начальник). От вышестоящих учреждений поступали указы, а в ответ направляли рапорты. В адрес Уральского горного управления направляли рапорты все заводские конторы, заводское казначейство, горные роты, заводская полиция, лаборатория, заводская аптека, волостные правления, должностные лица горнозаводского ведомства. Равные по статусу учреждения обменивались сообщениями. Горные чиновники направляли в региональный отраслевой орган управления доношения, которые, как правило, касались производственных вопросов, и прошения (документы личного характера).

Документооборот в органах уральской горнозаводской администрации осуществлялся по вертикали, в строго централизованном порядке, с соблюдением субординационного положения. Так в начале XIX века отдельные структурные подразделения Екатеринбургского горного начальства не могли вести переписку между собой, а обязаны были направлять всю документацию вверх по вертика-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ. Грант 01-01-00409а.

ли — либо в соответствующий департамент, либо горному начальнику. Например, от ревизионного стола направлялись доклады, выписки, справки и представления. Чиновники, состоящие в ведомстве ЕГН, в зависимости от характера документа, направляли в начальство доношения и прошения. Доношения, как правило, касались производственных вопросов, а прошения — личных.

Регистрация документов осуществлялась отдельно в каждом департаменте в специальных регистрах. В регистре входящих дел отмечались номер дела в порядке поступления к рассмотрению, дата регистрации, наименование, краткое содержание и дата составления документа, а также отметка о дальнейшем продвижении дела. В настольном регистре, кроме того, содержалась информация об ответственном за производство дела повытчике, ходе рассмотрения вопроса и дата принятия определенного решения. Регистр исходящих дел содержал следующие данные: порядковый номер, дата составления документа, краткое содержание, чьей подписью был скреплен документ и отметка о получении рапортов на посланные указы.

С помощью этих регистров можно судить об объеме документооборота ЕГН за весь период его деятельности. Динамика общего объема документооборота представлена ниже [2].

Причем 40,4% общего документооборота составляла доля 1 Департамента ЕГН; 38,6% — 2 Департамента ЕГН; 11,1% — Екатеринбургской монетной экспедиции; 9,1% — Канцелярии Горного начальника; 0,7% — Ревизионного стола и 0,1% Горного Суда. Процент нерешенных дел в различных структурных подразделениях колебался от 0,5% до 6,8%, но в большинстве случаев не превышал 1,5%. Доля входящей и исходящей документации приблизительно одинакова и в большинстве случаев не превышает соотношения 45% к 55%.

Вообще, как видно из графика, объем делопроизводства возрастал год от года. Поэтому 30 января 1804 г. Главный начальник Екатеринбургского горного начальства И.Ф. Герман внес предложение во 2 Департамент ЕГН, в котором говорилось, что «... для сокращения письмоводства и ради успешности в течении дел, при здешнем начальстве заведена небольшая типография, которая и действие свое приняла...» [3].

Возвращаясь к анализу классификации архивных документов уральского горного управления, можно сказать следующее. Весь комплекс документальных материалов по истории уральской горнозаводской администрации можно разделить на две группы: нормативные источники и делопроизводственная документация, отложившаяся в ходе работы сети органов управления. В состав первой группы следует отнести различные нормативные акты (указы императора; указы высших и центральных органов государственного управления; документы регионально-отраслевого органа управления, касающиеся учреждения, реорганизации, перемещения и ликвидации основных элементов административной системы; положения, инструкции и штаты учреждений). Основной массив архивных документов этой категории сосредоточен в фонде № 24 «Уральское горное управление» Государственного архива Свердловской области. Здесь имеются указы Сената и Берг-коллегии за 1796-1806 гг., направленные в адрес уральской горной администрации и на имя Главного начальника (Оп. 1. Д. 2997, 3004, 3114; Оп. 12. Д. 95-97, 99-106, 118, 121). Кроме того, есть множество материалов о структурных изменениях системы уральской горнозаводской администрации (Оп. 1. Д. 2582, 2629, 2631, 2633, 2635, 2786, 2982, 2999, 3252; Оп. 2. Д. 1261, 1427, 1483, 1957; Оп. 3. Д. 225, 226). Анализ этих документов позволяет в полной мере изучить структуру управленческой системы, а также способ и методы управления промышленностью, а также оптимальность выбранных форм.

Анализ второй группы архивных материалов, отражающей повседневную жизнь местных органов управления горнозаводского ведомства представляется не менее важным. Все источники этой группы можно разделить на несколько категорий. Здесь имеются однородные по своему составу массивы документов, к которым можно отнести протоколы заседаний регионального органа управления [4], а также протоколы и журналы его структурных подразделений [5] и подведомственных учреждений [6] за 1797-1806 гг. Особенностью протоколов является то, что их информативная нагрузка очень велика. Помимо распорядительно-исполнительной деятельности, здесь могут описываться самые различные проблемы, которые обсуждались в ходе заседаний руководства учреждения (сведения о выплате жалования чиновникам, о составе структурных подразделений Уральского горного управления и т.д.). Журналы заседаний содержат еще более детальные сведения о времени присутствия руководства горнозаводской администрации и других аспектов административной деятельности. Рассматриваемые вопросы регистрировались в виде журнальной записки. Соответствующая запись имела данные о номере рассматриваемого документа, краткое содержание вопроса и принятое решение. Кроме того, рядом имелись графы о дате подписания определения и дате исполнения, что существенно облегчало осуществление контроля за исполнением документа. Вопросы, как правило, рассматривались по степени важности. Кроме этого, в журнале записывались рассуждения и особые мнения членов присутствия, распоряжения Главного начальника, различные справки, выписки и т.д. Ежедневные журнальные записи подписывались членами присутствия, секретарем и протоколистом в строгом субардинативном порядке. В конце каждого заседания в журнале делалась

отметка о количестве подписанных протоколов и исходящих документов. Здесь же указывались причины отсутствия членов присутствия. Кроме того, здесь имеются расписки повытчиков и столоначальников в получении копий с соответствующего пункта журнальной записи. Отмеченные обстоятельства обуславливают возможный повтор в протоколах и в журналах информации, содержащейся в нормативной группе источников. Это вызывает определенные сложности в работе исследователя. С другой стороны, это же обстоятельство обеспечивает сохранность нормативных источников.

Другая категория архивных материалов содержит в себе документы, касающиеся кадровых вопросов. В фонде «Уральского горного управления» имеются отдельные дела о должностных перестановках, о повышении званий чиновников, об изменении окладного жалования и т.д. Некоторые особенности имеют материалы следственных дел, где документы группируются по классификационному признаку [7]. Особый интерес представляют формулярные и послужные списки административного персонала учреждений горнозаводского ведомства за 1797-1806 гг. [8] Составление списков чиновников и приказных служителей государственных учреждений происходило по специально утвержденным формам. Списки содержали сведения о возрасте, сословной принадлежности, вероисповедании, имеющейся недвижимости, полученном образовании, продвижении по карьерной лестнице, участии в военных походах и сражениях, наградах, наказаниях и штрафах и семейном положении. Здесь имелась краткая характеристика, из которой следовало: аттестуется ли чиновник в следующее звание [9]. Послужные списки составлялись отдельно для 1) классных чиновников; 2) горных чиновников; 3) статских чиновников; 4) военных монетной и горной инвалидных рот; 5) унтер-шихтмейстеров; 6) канцелярских служителей; 7) медицинских и аптекарских чиновников. Многие исследователи отмечают большую степень достоверности этих документов. Помимо этого, однородность представленных материалов облегчает их обработку. Основные признаки имеются в самом документе.

Еще одну группу архивных документов представляли материалы финансовой и производственной отчетности [10]. Сюда следует отнести первичную отчетность, поступающих в виде рапортов с приложением ведомостей от всех заводских контор. На основании этих документов в учреждениях зонального и регионального уровней составлялись сводные ведомости и отчеты для направления в вышестоящие инстанции. Эти документы позволяют получить сведения о производительности предприятий, на основании чего в определенной степени можно судить об эффективности деятельности управленческого персонала. Ежегодные общие краткие отчеты по казенным заводам содержали сводные ведомости: 1) ведомость о приходе и расходе заводских капиталов; 2) счет выделанных металлов с указанием прихода и расхода; 3) ведомость об отправленных в караванах металлах и денежной казне, где содержались сведения о продукции, о заводе-изготовителе, о месте назначения, о сопровождающем, объем груза, о результате доставки со ссылкой на номер квитанции или другого документа о приеме продукции; 4) ведомость об отправке денег в Пермскую казенную палату; 5) сличение отчетов Заводского казначейства с заводами об

отпуске и приеме денег, припасов и прочего. Кроме общих кратких отчетов в 1802-1806 гг. составлялись Отчеты Главного начальника Екатеринбургского горного начальства о управлении его по всем вверенным ему частям. Они содержали краткий отчет за год, куда включались ведомости: 1) об обороте капиталов; 2) о выделанных металлах; 3) об отправке металлов; 4) краткий перечень остаточных капиталов, металлов, материалов, припасов и прочего имущества. Отчет состоял из нескольких разделов: 1. Сравнение выплавки и выделки металлов против прежних лет по казенным и партикулярным заводам; 2. Поправление старых и заведение новых строений по заводам; 3. Обмежевание лесов; 4. Заводские школы; 5. Сочинение народных таблиц; 6. Производство письменных дел; 7. Обревизование заводских книг, счетов, документов и других ведомостей; 8. Открытие новых рудников. Далее под литерой «А» размещалась генеральная ведомость за год, куда включались подробные ведомости: 1) о приходе, расходе и остатке денег, припасов и долгов; 2) о приходе, расходе и остатке металлов; 3) исчисление казенной прибыли от выделанных металлов при казенных и партикулярных заводах; 4) генеральный перечень об остаточном имуществе. После этого под литерой «В» в отчете помещалась ведомость об остаточных материалах и припасах. Под литерой «С» включалась ведомость об остаточных металлах. Под литерой «D» была записка о выплавке и выделке металлов при всех казенных и партикулярных заводах и монетном дворе. Под литерой «Е» — Выписка о мероприятиях по строительству и ремонту заводского оборудования, которое производилось в соответствии с положениями Горного Совета по каждому заводу. Под литерой «F» помещались различные статистические и демографические данные по заводам ведомства Екатеринбургского горного начальства, известные под названием «народные таблицы»: 1. Таблица, показывающая число жителей и какого звания; 2. Таблица, показывающая число бракосочетавшихся; 3. Таблица, показывающая число новорожденных; 4. Таблица, показывающая число умерших и в каких летах умерли; 5. Таблица, показывающая сколько людей умерло; 6. Таблица, показывающая сколько людей в каких летах в каждой болезни умерло; 7. Таблица, показывающая сколько считается где лесов, домов и прочего; 8. Таблица, показывающая физические примечания (природные наблюдения); 9. Таблица, показывающая сколько посеяно и снято хлеба и прочего; 10. Таблица, показывающая сколько остатком поступило разных родов хлеба и прочего; 11. Таблица, показывающая сколько считается наличного рогатого скота, лошадей и прочего; 12. Таблица сравнительная о числе бракосочетавшихся, новорожденных и умерших. «Народные таблицы», составление которых было инициировано начальником Екатеринбургского горного начальства И.Ф. Германом, положили начало становлению статистики на Урале.

В начале XIX в. началось постепенное реформирование системы управления российской горнозаводской промышленностью. В ходе мероприятий по реструктуризации институциональной управленческой системы была создана сеть горных начальств, которые подчинялись непосредственно центральному отраслевому органу управления — Берг-коллегии [11]. Екатеринбургское горное начальство (ЕГН), функционировавшее с 26 марта 1802 г. по март 1807 г., стало крупней-

шим регионально-отраслевым государственным учреждением в России. Специфика статуса этого учреждения заключалась еще и в том, что горнозаводское производство явилось системообразующим фактором в процессе формирования и функционирования первого промышленного региона России. Доминанта регионального развития накладывала свой отпечаток на распределение полномочий и функций между учреждениями различных административных систем, действовавших в регионе. В данном контексте исследование организации делопроизводства в ЕГН, как наиболее репрезентативном региональном органе управления горнозаводской промышленностью, является чрезвычайно важным.

Вообще, организация делопроизводства в учреждениях уральской горной администрации во многом была обусловлена особенностями структурного устройства и распределением функциональной нагрузки [12]. Делопроизводство в каждом из двух департаментов начальства должно было осуществляться раздельно по повытьям или столам. Во главе каждого стола стоял столоначальник. В его подчинении работали 4-5 человек. Отдельное делопроизводство осуществлялось под руководством протоколистов, регистраторов и архивариусов каждого департамента.

При 1 Департаменте учреждалась регистратура во главе с регистратором, и три стола — разрядный, заводской и горный и казенный денежный, которые возглавлялись столоначальниками [13]. Чиновники разрядного стола занимались вопросами выдачи жалованья, кадровых перестановок, повышения в звании, исполнения судебных решений и пр. Функции заводского и горного стола заключались в заготовке для заводов провианта и материалов, транспортировке выпущенной продукции, учете вновь открытых рудников и разработке действующих, отводе казенных лесов на дрова и строительство. Казенный денежный стол занимался учетом и выдачей ассигнуемых на содержание заводов денежных средств, взысканием долгов и недоимок, раскладкой приписных крестьян в заводские работы.

Документационное обеспечение деятельности 2 Департамента осуществляли протоколист со штатом приказных служителей, регистратор, который также вел все бухгалтерские и разрядные дела 2 Департамента, и три стола. Первый Казенный стол занимался выдачей и приемом шнуровых книг, приемом и направлением на пробу руд с новых рудников, выдачей разрешений на строительство новых заводских объектов. Второй стол назывался Следственным и учреждался для решения срочных дел, остановка в которых могла сказаться на заводском производстве. В Судном столе рассматривались иски о порубке леса, о незаконном владении и другие вопросы, не имеющих уголовного характера.

При горном начальстве также существовал ревизионный счетный стол, где проводилась проверка финансовой и другой заводской отчетности. Поэтому штат этого структурного подразделения был самым многочисленным. Здесь работали 4 губернских регистратора и 5 канцеляристов. Делопроизводство заводского казначейства осуществлялось 2 канцеляристами. Для ведения дел в канцелярии Главного начальника назначались два канцеляриста и подканцелярист.

Всего, в составе обоих департаментов ЕГН в соответствии с предложением горного начальника от 28 апреля 1802 г. должно было состоять 66 канцеляр-

ских служителей, в том числе по счетным делам — 1 столоначальник, 2 ревизора; для остальных структурных подразделений — 6 повытчиков или столоначальников, 12 канцеляристов, 23 подканцеляриста, 22 копииста, 1 переплетчик, 4 сторожа [14]. Однако на практике старались соблюдать только численный состав, а принадлежность к заявленным в штатах рангам канцелярских служителей не соблюдалась. Главным условием комплектования штатов канцелярских служителей являлось соблюдение установленных лимитов на выплату общего фонда оплаты труда. Поэтому канцелярским служителям предписывалось производить «по трудам и искусству» [15].

Подводя некоторые итоги, можно сказать, что организация документационного обеспечения управления горнозаводской промышленностью Урала в период перехода от коллежской системы делопроизводства к министерской наиболее ярко отражала формы организации делопроизводства в крупнейших государственных учреждениях России в начале XIX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Тулисов Е.С. История управления горнозаводской промышленностью Урала на рубеже XVIII и XIX веков. Екатеринбург, 1999. С. 125.
2. Данные получены из отчетов Горного начальника (ГАСО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 226. Л. 21 об.; Там же. Д. 227. Л. 57 об.; Там же. Оп. 2. Д. 1919. Л. 10; Там же. Оп. 4. Д. 1. Л. 9 об).
3. ГАСО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 227. Л. 11.
4. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 841-843, 845-869, 871-881, 883-887, 889-961, 963-983.
5. Там же. Оп. 2. Д. 1252-58, 1283-93, 1314-25, 1349-63, 1385-97; Там же. Оп. 12. Д. 835, 870, 882, 888, 2095.
6. Там же. Оп. 2. Д. 4530, 4618, 4750, 5131, 5226; Там же. Оп. 12. Д. 834, 836-840.
7. Там же. Оп. 1. Д. 2641, 2956; Там же. Оп. 2. Д. 789.
8. Там же. Оп. 12. Д. 1804-1821, 2412.
9. Тулисов Е.С. Указ. соч. С. 19.
10. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2648, 2737, 2742, 2779, 2846, 2891, 2978; Там же. Оп. 2. Д. 1874, 1877, 1882, 1893, 1899, 1910, 1919-1920; Там же. Оп. 4. Д. 1.
11. Подробнее об этом см.: Тулисов Е.С. Реформа горного управления в 1802-1806 гг. // Третьи Татищевские чтения. Екатеринбург, 2000. С. 111-116.
12. Тулисов Е.С. История управления... С. 125.
13. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2999. Л. 31.
14. Там же. Оп. 12. Д. 890. Л. 40 об.
15. Там же. Л. 41.

ARCHIVAL SOURCES ON THE HISTORY OF THE URALS MINING MANAGEMENT AND ORGANIZATION OF PAPER WORK OF MINING ADMINISTRATION
(the end of the XVIII — the beginning of the XIX cc.)

Classification of archival sources about the history of the Urals mining management of the period of transition from collegiate to ministerial system of paper work is offered in the article. Changes in the organization of paper work during administrative transformations on the boundary XVIII — XIX cc. are analysed.

E.S. Tulisov

В.А. Ляпин

ВОЕННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ УРАЛА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. (ТЕХНИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАЗВИТИЯ)

Казенные горные, оружейные, пороховые, судостроительные заводы играли совершенно особую роль в экономике страны, т.к. учреждались и поддерживались, по словам крупного русского статистика К.И. Арсеньева, «не для прибыли, а для безопасности государства» [1]. Горнозаводская промышленность Урала, создаваемая в начале XVIII в. прежде всего для удовлетворения нужд армии и флота, к началу XIX в. превратилась в поставщика сугубо мирной продукции. Манифест 21 мая 1779 г., предписывающий, «чтобы отныне артиллерия и воинские снаряды отливаемы были на казенных заводах» [2], освободил частных заводчиков от поставок военной продукции в мирное время. Попытка привлечь частные заводы к выполнению военных заказов в 1811—1812 гг. оказалась в целом неудачной (из 167533 пудов снарядов смогли отлить 126500 пудов) [3] и более не возобновлялась.

В рассматриваемый нами период казенные горные заводы Урала выпускали почти все виды военной продукции того времени. Чугунные крепостные и береговые орудия производились на Каменском, Нижне-Исетском, Верхне-Туринском и Нижне-Баранчинском заводах. Чугунные артиллерийские снаряды, кроме упомянутых, производили Баранчинский, Кушвинский, Саткинский, Кусинский и Златоустовские заводы. В 1807 г. на Урале был основан третий в стране оружейный завод — Ижевский, а в 1815 г. — фабрика холодного оружия в Златоусте. Таким образом, военная промышленность Урала была представлена десятью предприятиями горного ведомства (Златоустовская оружейная фабрика рассматривалась как отдельное предприятие и

находилась под управлением особого директора), расположенными на территории Гороблагодатского, Екатеринбургского и Златоустовского горных округов и оружейным заводом, в 1809 г. переданным в ведение военного министерства. Кроме того, казенные заводы Урала поставляли медь для производства полевых артиллерийских орудий в Петербургский, Брянский и Киевские арсеналы, железо для оковки зарядных ящиков и лафетов в Киевский и Казанский арсеналы, чугун для отливки морских орудий на Луганский литейный завод, ствольное железо и медь на Тульский и Сестрорецкий оружейные заводы, разные сорта железа на судостроительные заводы в Петербург и Николаев.

Отечественная война 1812 г. заставила военное министерство обратить внимание на инженерную оборону страны. Была разработана большая программа строительства новых и реконструкции старых крепостей. Требовалось много новых крепостных и береговых орудий. Между тем, их производство на Верхне-Туринском и Каменском заводах было остановлено в конце 1810-х годов из-за высокого процента брака. Причина его на Верхне-Туринском заводе крылась в невозможности получения чугуна достаточной жидкости из тугоплавкого гороблагодатского железняка, в результате чего металл получался крупнозернистым и орудия разрывались при пробе. На Каменском заводе была слабая энергетическая база, оборудование его было в плохом состоянии [4].

В 1834 г. в результате проведенных на Верхне-Туринском заводе опытов путем уменьшения доли тугоплавких руд удалось получить отличный пушечный чугун. Отлитая из него в 1835 г. пушка выдержала 1950 усиленных выстрелов [5]. Таким образом, в середине 30-х годов в Гороблагодатском округе была создана металлургическая база для артиллерийского производства. Возобновилась отливка орудий на Каменском заводе.

Техническая база Каменского и Верхне-Туринского заводов не изменилась с 1812 г. На первом к середине 30-х годов действовала одна домна из двух, которая могла работать безостановочно лишь 12 месяцев вместо положенных 16—17. Суточная выплавка чугуна составляла 300 пудов, что было недостаточно для отливки крупнокалиберных орудий. Из 8 станков для обработки пушечных стволов работало только 2 [6]. О Верхне-Туринском заводе, где имелось 4 домны и 8 станков, начальник Гороблагодатских заводов сообщал в министерство финансов, что «производство сего завода находится в самом худом состоянии» [7]. Потребовалась реконструкция предприятий.

В 1840 г. на Верхне-Туринском заводе был сооружен новый литейный чан, в котором помещались сразу две опоки. Устройство его позволяло отливать тяжелые орудия, которые раньше на заводе не производились [8]. В 1843 г. на Каменском заводе были установлены два новых сверлильных станка, приводившихся в движение металлическим водяным колесом. Его размеры (9 аршин в диаметре) позволяли обеспечить необходимое количество оборотов на станках даже при сильном маловодье [9]. В 1846 г. на Верхне-Туринском заводе построили железную дорогу для транспортировки отлитых орудий от литейного чана в сверлильный цех. Подобная дорога была построена и на Каменском заводе в 1852 г. Ее введение повышало производительность труда

в 6 раз [10]. В 1852 г. на Каменском заводе начали работать первые две паровые машины мощностью по 8 л.с. [11]. В 1852 г. на Нижне-Исетском заводе, где обрабатывалась часть каменских орудий, построили 2 новых цеха на 3 и 7 станков [12]. В 1853 г. на Каменском заводе устанавливаются 11 новых сверлильных станков и станок для полировки канала ствола, паровая машина, приводившая в движение (при недостатке воды) весь станочный парк завода. Эта машина мощностью 60 л.с. работала на каменном угле из дач Каменского завода. Для этой же цели была установлена и водяная турбина мощностью 25 л.с. [13]. Станочный парк уральских артиллерийских заводов увеличился с 20 станков в 1834 г. до 44 в 1853 г., т.е. более чем в 2 раза [14].

Новшества проникали и в технологию. С 1845 г. на Каменском заводе начались опыты по отливке орудий без обточки поверхности ствола. Время производства орудия сократилось на 15 суток, а стоимость снизилась на 20%. К 1850 г. отливка орудий по новой технологии была доведена до степени валового производства [15].

Однако, несмотря на реконструкцию, в 1834—1852 гг. уральские заводы смогли изготовить лишь 47,5% требовавшихся по нарядам военного министерства орудий (1542 шт.), дав 18% чугунных орудий, произведенных в стране [16]. Производительность их была ниже производительности Александровского пушечного завода Олонецкого округа (соответственно 91 и 420 орудий в год) [17].

К началу Крымской войны в крепостях, для вооружения которых работали уральские заводы, недоставало 1589 орудий. Казенная горнозаводская промышленность оказалась неспособной перевооружить крепости новыми типами орудий, в частности бомбовыми пушками, принесшими русскому флоту победу при Синопе. Так, в Севастополе из 887 штатных орудий имелось 610, из которых бомбовых — 28 [18].

Гораздо большее значение, чем артиллерийское, имело на Урале производство боеприпасов. Однако заводы, их производившие, находились в плохом состоянии. Практически единственной операцией, на которой применялись примитивные вододействующие механизмы, была очистка и полировка снарядов.

В 1822 г. унтершихтмейстер Пономарев изобрел и построил на Саткинском заводе машину для формовки снарядов, а для лучшей очистки картечи — специальное приспособление [19]. Была усовершенствована и технология производства боеприпасов. В 1828 г. на Нижне-Исетском заводе внедрили усовершенствованный способ отливки снарядов, разработанный управляющим Олонецкими заводами Армстронгом, причем уральские мастеровые внесли ряд усовершенствований. Так в одной опоке они отливали сразу две гранаты [20]. В 1827 г. на Кушвинском заводе благодаря «особому попечению употребляемых на сей счет людей» были усовершенствованы формовка, отливка и очистка картечи, «отчего стало приготовляться оной почти вдвое больше» [21]. В том же году управитель Нижне-Исетского завода Подоксенов изобрел новый способ отковки гранат вододействующим молотом с углублением в нем, соответствующим калибру снаряда. Благодаря новому способу гранаты «доводились до совершенства, какого достигнуть ни полировкою, ни ручною пиловкою невозможно», повысилась производительность труда, а стоимость продукции снизилась вдвое [22].

Однако отдельные улучшения не меняли общего характера производства, остававшегося мануфактурным. В 1811—1852 гг. уральские заводы давали 40—50% снарядов, производившихся в стране [23]. Выполнение годовых нарядов на снаряды растягивались обычно на 3—4 года и более. Крайне велик был брак, достигавший 60—80%. В итоге к началу Крымской войны в сухопутной артиллерии недоставало свыше миллиона шт. снарядов [24].

В начале XIX в., в связи с войнами с наполеоновской Францией, возросла потребность в стрелковом оружии. Чтобы максимально увеличить его выпуск, правительство решило освободить оружейные заводы от изготовления холодного оружия, построив для этого специальную фабрику на одном из уральских заводов, который снабдил бы новое производство сырьем. Фабрика была построена в Златоусте. К 1820 г. ее производство было доведено до проектных размеров (30 тыс. шт. в год) [25]. С 1835 г. фабрика стала единственным производителем холодного оружия в стране.

В Златоусте было впервые налажено производство булатной и литой стали. В 1830 г. выдающемуся русскому металлургу П.П. Аносову, руководившему работой фабрики, удалось получить литую сталь и впервые применить ее для производства холодного оружия. Для вытягивания стали в полосы-заготовки он применил прокатку вместо проковки под молотом. Клинки из литой стали превосходили по качеству аналогичные из употреблявшейся ранее рафинированной стали. Брак снизился, а стоимость пуда аносовской стали была в 6 раз ниже английской. Аносов был убежден, что «из литой стали можно приготовлять недорого панцыри для тяжелой кавалерии, которые будут удовлетворять назначению более, нежели железные» [26].

Результатом научной деятельности П.П. Аносова было создание отечественного булата. Опыты над ним ученый начал еще в 1828 г. В 1831 г. он впервые в мире применил микроскоп для исследования структуры металла. В результате упорных научно обоснованных поисков в 1833 г. Аносову удалось получить первый булат, ничем не отличавшийся от древних восточных сортов. Златоустовское оружие было лучшим в мире, далеко превосходя по качеству зарубежные образцы.

В производство холодного оружия внедрялась новая техника и технология. В 1828 г. вместо дорогостоящего английского точильного камня стали применять корунд, залежи которого были найдены Аносовым неподалеку от Златоуста. В 1846 г. на фабрике был установлен молот для проковки стали его конструкции. При производстве кирас впервые была применена штамповка. Аносов изобрел машинку для оплетки ручек сабель, значительно повысившую производительность труда на этой трудоемкой операции. В 1852 г. с Екатеринбургской механической фабрики были получены пресс с ножницами, токарный и сверлильный станки. В 1837 г. благодаря настоятельным требованиям Аносова было построено новое здание оружейной фабрики, отличавшееся прекрасной планировкой [27]. Оно и сейчас украшает город.

К концу рассматриваемого периода на оружейной фабрике насчитывалось 54 горна, 6 печей для отливки эфесов, 2 печи для нагревания кирас, 11 молотов, 20 точил. Полировальный цех фабрики на 62 рабочих места можно

считать большим не только в масштабах России, но и в сравнении с английскими предприятиями [28].

Однако производство холодного оружия оставалось механизированным крайне незначительно. Практически все операции от изготовления заготовок до точки и полировки производились вручную. Не способствовала механизации и специфика производства, во многом зависевшего от опыта оружейника, его интуиции и глазомера. За 1820—1839 гг. фабрика изготовила около 0,5 млн. шт. различного холодного оружия — сабель, шашек, палашей, саперных ножей, тесаков [29]. В 1840 г. ей был дан крупный наряд на изготовление 60 тыс. саперных ножей нового образца и 20 тыс. штыков сроком на 5 лет, в связи с чем производство других видов оружия было прекращено. В 1845 г. фабрика была занята изготовлением 19 тыс. медных касок для кавалерии, а в 1846—1860 гг. — 49 тыс. кирас. Другой военной продукции в эти годы не производилось [30].

Среднегодовой выпуск холодного оружия составлял 16 тыс. шт., в то время как фабрика могла производить до 45 тыс. шт. оружия в год [31]. Производство занижалось в связи с трудностями финансирования, которые возникали в первую очередь из-за высокой себестоимости оружия, главной причиной чего являлись высокие расходы на содержание работавших на фабрике иностранных мастеров. К началу Крымской войны русская армия не была обеспечена холодным оружием. Сабель, палашей и шашек в наличии имелось немногим более 50%, тесаков — всего 21% [32].

Процесс изготовления стрелкового оружия оставался преимущественно ручным. Оружейные заводы нуждались в реконструкции, на них отмечался недостаток в машинах хорошего устройства [33].

В 1827 г. на Тульском заводе для Ижевского было изготовлено 8 станков системы работавшего в Туле английского механика Джонса, что позволило уменьшить потребность в импортных английских точилах, так как раньше стволы обрабатывались на них. Директор артиллерийского департамента Игнатьев высоко оценивал станки Джонса: «От устройства сих машин дело оружия идет единообразнее и вернее, нежели от ручных работ» [34].

В 30-х годах количество машин на Ижевском заводе значительно возрастает. В 1833 г. из Тулы было получено 5 станков для обработки деталей замка. В 1831—1833 гг. оборудовали новый цех с 16 станками [35]. В 1838 г. главный механик Ижевского завода Ф. Плате построил 4 машины собственной конструкции для обработки ружейных лож. За образец Плате взял машину механика Тульского завода П.Д. Захаво. Эта машина могла приводится в действие как вручную, так и водой, не требовала фундамента и обрабатывала сразу две ложи разных размеров. На обработку одной ложи на машине требовалось 45 мин., вручную же ее изготовляли за 2 дня [36]. К своему изобретению Плате придумал два приспособления — «для разделки в ложе для всех ружейных частей мест» и «для выделки в ложе желоба под шомпол». Это позволило поднять производительность труда до 30 тыс. ложей в год [37].

В 1835—1837 гг. механик В. Лучинин построил 3 машины для прокатки ствольных пластин; ранее они обрабатывались под молотами. Производительность труда выросла на 70% [38].

В 1836 г. мастеровой М. Колмогоров, «имея склонность к художеству», изобрел приспособления: для обточки казенников ружей, для сверления отверстий в казенниках и для сверления отверстий в валиках замочных взводных колесиков. Все эти операции ранее выполнялись вручную. Приспособления Колмогорова позволили полностью удовлетворить потребности завода в названных деталях. Эти изобретения были внедрены на Тульском и Сестрорецком заводах [39].

В 1838 г. Ф. Плате построил стволотокарный станок, позволявший обрабатывать сразу два ствола. Производительность труда увеличилась вдвое (20—24 ствола в день вместо 12 на старом станке). К 1850 г. было установлено еще 4 таких станка, кроме того, станок для фрезерования («шарошения») штыковых трубок [40].

В 1839 г. были построены 2 станка для сверления штыковых трубок (третий установили в 1846 г.), станок для обточки винтов (ранее эта операция производилась с помощью напильника), пресс системы Джонса. Чертежи станка для обточки винтов были отправлены в Тулу и Сестрорецк [41]. В 1842 г. Ф. Плате изобрел и построил полировальный («лицевальный») станок, на котором обрабатывались сразу два ствола. Подобный станок имелся только на Ижевском заводе. Плате предполагал установить еще 8 таких станков, но на это не было средств [42]. В 1844 г. был построен вододействующий станок для обточки замочных шурупов. Ранее эта операция производилась на ручных косоворотных станках. Производительность труда выросла в 3 раза. В 1846 г. был установлен еще один такой станок [43]. В 1844 г. установили стволотокарный станок с водяным охлаждением и автоматической подачей резца, опередивший аналогичные зарубежные образцы [44]. В 1846 г. вместо старой деревянной шустовальной машины (на ней каналу ствола придавали зеркальный блеск), действовавшей с 1811 г., построили новую металлическую на 32 шуста. Благодаря ей, брак на этой сложной операции уменьшился с 50 до 20% [45]. В 1846 г. работавший на Ижевском заводе мастер Ф.И. Баумгартен изобрел два приспособления для обработки деталей оружейного замка. Комиссия, рассматривавшая изобретения, заключила, что работа благодаря им идет «легче, успешнее и чище, чем под коловоротом» [46]. В 1848 г. Плате изготовил станок для обработки спусковой скобы, полностью обеспечивший потребность завода в этой детали. В 1850 г. был установлен станок для сверления отверстий в замках на 4 сверла, заменивший 3 старых станка, действовавших с 1830 г. [47].

Все станки Ижевского завода были отечественного производства. Первый импортный станок (английский) установили в 1851 г., но и далее предпочитали ограничиваться покупкой за границей «только тех машин, кои должны служить образцами, а остальные приготовлять на Екатеринбургской механической фабрике» [48]. Это можно рассматривать как крупный успех отечественного машиностроения.

За 1811—1851 гг. станочный парк завода вырос в 8 раз (с 16 до 128 шт.). Производство ружей за этот период увеличилось почти в 12 раз [49]. Ижевский оружейный завод входил в число самых крупных и наиболее модер-

низированных предприятий страны, но среди русских оружейных заводов был наименее технически оснащенным. Один станок приходился на 40 рабочих, в то время как на Сестрорецком заводе — на 35, на Тульском — на 20 [50]. С конца 20-х годов падает выработка на один станок. Причинами этого являлись хроническая недогрузка производственных мощностей из-за маловодья в заводском пруду; стремление заводского начальства вести производство, по словам одного из деятелей военного министерства, «не механическим, а более ручным способом, самым невыгодным для всякого фабричного труда» [51].

Острой проблемой с самого основания Ижевского оружейного завода было обеспечение ее сырьем, в первую очередь ствольным железом. Для изготовления стволов использовалось кричное железо, производившееся на Ижевском железоковательном заводе из чугуна главным образом Гороблагодатских заводов. Оно, выдерживая обычную для кричного железа пробу, часто оказывалось негодным для нужд оружейного производства. Это вело к возрастанию брака оружия. Специально организованный «Комитет по изысканию лучших способов выделки железа и стали» отметил, что «в иностранных государствах для оружейного дела приготовляется железо особым способом» [52].

В 1837 г. на Воткинском заводе была пущена первая пудлинговая печь. На следующий год пудлинговое железо испытывается для изготовления ружейных стволов. Опыты показали, что оно дает гораздо меньше брака, чем кричное (соответственно 30 и 60% заваренных стволов) [53]. Пудлинговое железо утверждается императором к «делу оружия» [54].

В 1839 г. Ижевский железоковательный завод был упразднен. Однако железо, поставлявшееся на оружейный завод горными заводами Гороблагодатского округа, оказалось совершенно негодным для производства оружия. Брак составлял 60—65%. Говоря о причинах низкого качества железа, член ученого комитета корпуса горных инженеров Рашет отмечал: «недоброкачественность наших чугунов, выплавляемых почти постоянно при неправильном ходе домен, постоянно будет служить препятствием и выделке железа тех качеств, какими должен обладать оружейный металл» [55].

Однако в 30-х гг. опытное пудлингование на Воткинском заводе еще не было завершено. Угар железа в воткинских пудлинговых печах был больше, чем при кричном производстве. Пудлинговое железо обходилось почти в 2 раза дороже кричного [56].

В 1843 г. внимание военного министерства привлек получивший к тому времени широкое распространение в Европе франко-бельгийский малокричный, или контуазский, способ получения железа. Производительность контуазского горна была почти в 2 раза выше старого большекричного. При использовании контуазского железа снижался брак стволов. Сторонником введения этого способа был командир Ижевского завода генерал Нератов, которого привлекала дешевизна металла (1 руб. 50 коп. за пуд против 2 руб. 34 коп. кричного и 4 руб. 20 коп. пудлингового) [57]. В 1846 г. утверждается новая инструкция, которая запрещала использовать при заварке стволов пудлинговое железо «без особого разрешения высшего начальства» [58]. Было решено испытывать далее как контуазское, так и пудлинговое железо. Между тем, в России имелся

превосходный металл, вполне годный для производства стрелкового оружия — аносовская литая сталь, далеко превосходившая по качеству все виды железа. Аносов успешно применил ее для производства холодного оружия. Однако литая сталь производилась лишь в Златоусте и в очень ограниченных размерах.

В 1847 г. попробовали применить для производства оружия рафинированную сталь, т.е. сталь, сваренную под молотом из нескольких кусков уклада («сырой стали»), полученного путем выделения из чугуна углерода. До 1851 г. казенные горные заводы поставили в Тулу и Сестрорецк всего 2121 пуд рафинированной стали, а Ижевский завод совсем не получил ее. Качество стали было очень низким, брак достигал 60%. Причиной этого являлось низкое качество уклада и плохое устройство водяных молотов. Инспектор оружейных заводов генерал Вессель констатировал, что «в настоящее время горные заводы не могут доставлять сталь в таком количестве, как это требуется для наших оружейных заводов» [59]. Как самостоятельная отрасль производство ствольной стали развилось в России лишь в начале 70-х гг. XIX в. [60].

За 1807—1852 гг. Ижевский оружейный завод произвел 921195 шт. огнестрельного и 91983 шт. холодного (производилось до 1835 г.) оружия, или 36% произведенного в стране [61]. Однако в рассматриваемый период Ижевский завод оставался мануфактурным предприятием, основанным на ручном труде. Машины здесь строились, как правило, в единичных экземплярах, их внедрение затруднялось слабой энергетической базой завода, дешевизной подневольного труда. Ежегодное недовыполнение наряда составляло в среднем 10% по огнестрельному и 20% по холодному оружию [62].

Большой проблемой, стоявшей перед военной промышленностью Урала, было обеспечение топливом. Курени в большинстве случаев находились за 15—30 верст от заводов [63]. Особенно бедна лесом была дача Каменского завода. К середине XIX в. в ней лесом была занята лишь треть площади, курени находились в 50—100 верстах от завода [64]. В условиях недостатка древесного топлива и потребления лесов в конце 40-х гг. на казенных заводах Урала проводится серия опытов по совершенствованию углежжения. Внедряется так называемый тирольский способ, который давал большее количество угля хорошего качества. Внедрение распиловки леса улучшило заготовку древесины [65]. В 30—40-х гг. на Верхне-Туринском, Кушвинском, Ижевском заводах производятся опыты по использованию в качестве топлива дров [66]. Однако интенсификация производственных процессов в заготовке топлива началась на казенных заводах лишь в 50-е гг. XIX в. с последующим развитием в пореформенные десятилетия [67].

Крайне затрудняло военное производство скудость энергетической базы уральских заводов. Они не могли расширить свое производство за счет увеличения количества машин более того числа, которое позволял установить потолок энергии, обеспечивающийся плотиной. Осуществить это можно было только за счет отказа от полного цикла работ на каждом из заводов в отдельности. Так, обработку части каменских орудий производили на Нижне-Исетском заводе, а туринских — на Верхне-Баранчинском. Такой разрыв производственного цикла вызывал дополнительные транспортные расходы. Главной причиной

недостатка воды в заводских прудах были не погодные условия, а плохое состояние гидротехнических сооружений. В отчете «О положении частных и казенных горных заводов хребта Уральского» за 1836 г. читаем: «Большая часть заводов страдает от недостатка воды, что должно приписать исключительно дурному устройству прудов и плотин, беспрестанной растрате воды от дурного устройства ларей, водяных колес, меховых цилиндров, воздуходувных труб» [68].

Проблемой являлась и транспортировка военной продукции. Доставка орудий, боеприпасов и холодного оружия к месту назначения осуществлялась за счет горного ведомства, стрелкового оружия — за счет военного. Зимой на санях военная продукция доставлялась на казенные пристани: Екатеринбургского округа — на Уткинскую, Гороблагодатского — на Ослянскую на р. Чусовой, Златоустовского — на Саткинскую на р. Ай, Ижевского оружейного завода — на Гольянскую на р. Каме.

Караван судов отправлялся обычно весной, в апреле-мае. Часто осенью приходилось отправлять дополнительный караван, так как весенний не мог забрать все грузы и часть их оставалась на пристанях. Орудия и боеприпасы отправлялись на оружейные склады в Петербург, Калугу, Дубовку (под Царицыным). Доставка их из складов в крепости, арсеналы и артиллерийские парки осуществлялась уже за счет военного ведомства. За его счет орудия и боеприпасы доставлялись сухим путем (чаще всего на наемных подводах) в Омск и Оренбург. Холодное орудие доставлялось водным путем в Московский, Петербургский и Тифлисский арсеналы, а также сухим путем в Оренбург. Стрелковое оружие отправлялось в Петербургский, Московский, Смоленский, Брянский, Киевский, Херсонский, Тифлисский и Астраханский арсеналы, а оттуда — в войска.

Путь по рекам был трудным. Часть судов тонула, разбившись о прибрежные скалы, а подъем тяжелых грузов со дна быстрой реки был крайне затруднителен. Впрочем, благодаря «необыкновенно низкой цене на рабочий труд, если при сплаве по р. Чусовой орудие и погибало, то убыток, который от сего несла казна, был для нее еще не так чувствителен» [69].

Не меньшую трудность представляла доставка военных грузов на пристани. Так, Гороблагодатские заводы от Ослянской пристани отделяло около 100 верст бездорожья. Настоящим бедствием для возчиков была ранняя оттепель — подводы вязли в грязи. Неудивительно, что стоимость доставки орудия на пристань составляла примерно треть стоимости доставки его с пристани до места назначения по воде [70]. Доставка партии снарядов с Екатеринбургских заводов в Брестскую крепость увеличивала стоимость снарядов в 2 раза [71].

Политика царского правительства, вытекавшая из всей системы крепостничества, консервировала на казенных заводах отсталую технику и технологию, препятствовала внедрению новых средств и методов производства.

В 1817 г. был отклонен новый метод отливки артиллерийских снарядов «яко неудобоисполнительный при нынешнем состоянии заводов» [72]. В 1827 г. горный начальник Гороблагодатских заводов «не находил особой надобности» в новом способе отковки гранат, повышавшем производительность труда в 2

раза [73]. В 1841 г. начальство Ижевского оружейного завода решило, что «завод не встретит надобности в паровом действии», хотя в это время на заводе из 58 водяных колес 22 были «к дальнейшему употреблению ненадежны», а 16 — «вовсе негодны» [74].

Казенные заводы находились под мелочной опекой военного и горного ведомств. В оружейном производстве «изменения в ходе работ и введении новых приспособлений должны быть разрешаемы высшим начальством на основании представления инспектора оружейных заводов» [75]. Главное, что требовалось от заводской администрации, — это всемерная экономия казенных средств. Директор артиллерийского департамента считал машины «бесполезными и даже вредными», ибо они «могут завлечь казну в большие издержки» [76]. Обязанное обеспечивать работой всех прикрепленных мастеровых, заводское начальство не стремилось к введению машин, которые высвобождали рабочие руки, предпочитая использовать ручной труд. Директор артиллерийского департамента сообщал, что на Ижевском заводе ввели штамповку только потому, что «поступивших во множестве рекрут не было возможности с желаемой поспешностью обучить мастерствам, чтобы они могли отделывать ружейные замки ручною работою» [77]. Чиновники не видели принципиальной разницы между машинным и ручным трудом. Так, по мнению одного из членов оружейного комитета, «вопрос превращается часто в денежный, т.е. что будет выгоднее содержать: 200 рабочих или 30 машин» [78].

В течение всей первой половины XIX в. военная промышленность, функционировавшая вне рынка, базировалась на принудительном труде. Генезис капиталистических отношений здесь был особенно затруднен. К концу 40-х — началу 50-х годов система государственного хозяйства и, в частности, ее составная часть — военная промышленность Урала исчерпала возможности своего развития и переживала кризис, что явилось одной из главных причин поражения России в Крымской войне. Как отмечает М.Я. Геллер, «Крымская война внезапно обнаружила — в столкновении с Западом — поразительную отсталость России [79]. Мы согласны с утверждением автора за исключением одного слова — «внезапно».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Арсеньев К.И. Начертание статистики Российского государства. СПб., 1819. Ч. 2. С. 252.
2. ПСЗ. Т. 20. № 14878.
3. Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 37. Оп. 9. Д. 156. Л. 14, 178 об.
4. Там же. Д. 157. Л. 461; Д. 18. Л. 1.; Д. 696. Л. 19.
5. Там же. Д. 696. Л. 2.; Д. 823. Л. 61.
6. Там же. Д. 699. Л. 17—27, 168.
7. Государственный архив Свердловской области (далее ГАСО). Ф. 25. Оп. 1. Д. 3000. Л. 80.

8. См.: Мевиус. О приготовлении чугунных орудий в Верхне-Туринском заводе // Горный журнал. 1845. Ч. 1. Кн. 1. С. 114.
9. См.: Он же. Путевые замечания по некоторым казенным и частным заводам Уральским // Горный журнал. 1843. Ч. 3. С. 221—222.
10. ГАСО. Ф. 627. Оп. 1. Д. 657. Л. 19 об.
11. Там же. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1021. Л. 191 об.
12. Там же. Ф. 28. Оп. 1. Д. 883. Л. 119.
13. Там же. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1021. Л. 290, 298.
14. Подсчитано по: ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1021. Л. 290, 298; Ф. 28. Оп. 1. Д. 811. Л. 15; Д. 883. Л. 32 об, 119; Ф. 627. Оп. 1. Д. 536. Л. 1—23; Мевиус. Путевые замечания... С. 217—218, 221—222.
15. ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1021. Л. 24, 101, 290—291; Оп. 2. Д. 3182. Л. 46, 93.
16. Подсчитано по: РГИА. Ф. 37. Оп. 9. Д. 690. Л. 112, 222—224, 227, 323, 341, 620; Д. 823. Л. 73 об., 74—74 об., 79—79 об.; Д. 691. Л. 12, 26 об., 34—35, 39 об., 167—168 об, 236, 237, 263, 278—280, 289—289 об.; ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 3457. Л. 22—67, 122—137, 357—404, 483; Ф. 25. Оп. 2. Д. 3182. Л. 343. Оп. 2. Д. 8957. Л. 9—10; Ф. 27. Оп. 1. Д. 536. Л. 2—128; Ф. 627. Оп. 1. Д. 484. Л. 3, 8, 12—12 об., 19—20, 117; Д. 636. Л. 122—123; Д. 730. Л. 6—7; Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 1. Св. 1378. Д. 1748. Л. 50; Ф. 503. Оп. 1. Д. 621. Л. 192—192 об.; Оп. 2. Д. 640. Л. 6—6 об.; Д. 672. Л. 2—50; Балагуров А.Я. Олонецкие горные заводы в дореформенный период. Петрозаводск, 1958. С. 73; Фесенко В.А. Луганский литейный завод (1795—1887). Автореф. дис... канд. ист. наук. Л., 1959. С. 13—14.
17. См.: Балагуров А.Я. Олонецкие горные заводы... С. 73.
18. См.: Исторический очерк деятельности Военного управления в России (1855—1880). М.; СПб., 1879. Т. 1. С. 199; Историческое обозрение военно-сухопутного управления. 1825—1850. СПб., 1850. С. 124.
19. ГАСО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 698. Л. 197.
20. Там же. Л. 191—192, 210—213.
21. ГАСО. Ф. 627. Оп. 1. Д. 402. Л. 142—143, 181.
22. РГИА. Ф. 37. Оп. 9. Д. 495. Л. 4—7, 61—68, 88.
23. Подсчитано по: РГИА. Ф. 37. Оп. 9. Д. 156. Л. 21, 53; Д. 690. Л. 3—4 об.; Сперанский В.Н. Военно-экономическая подготовка России и борьба с Наполеоном в 1812—1814 гг.: Дис... канд. ист. наук. Горький, 1967. С. 519; Фесенко В.А. Луганский литейный завод... С. 14.
24. РГВИА. Ф. 1. Св. 1474. Д. 1926. Л. 20.
25. РГИА. Ф. 37. Оп. 11. Д. 287. Л. 1—8.
26. Златоустовский филиал Государственного архива Челябинской области (далее ЗФ ГАЧО). Ф. 19. Оп. 33. Д. 75. Л. 103.
27. ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1021. Л. 191 об.; ЗФ ГАЧО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1052. Л. 235.
28. ЗФ ГАЧО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1729. Л. 119; Загорский Ф.Н. Очерки по истории металлорежущих станков до середины XIX в. М.; Л., 1960. С. 256—257.
29. Подсчитано по: ЗФ ГАЧО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 153. Л. 3; Д. 542. Л. 127—128.

30. ЗФ ГАЧО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1192. Л. 21.
31. РГВИА. Ф. 503. Оп. 5. Д. 299. Л. 1—4.
32. Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее АВИМАИВВС). Ф. 3. Оп. 5—9. Д. 153. Л. 52; Зайончковский П.А. Перевооружение русской армии в 60—70-х годах XIX в. // Ист. зап. 1961, №36. С. 65.
33. Исторический обзор военно-сухопутного управления 1825—1850. СПб., 1850. С. 103.
34. Центральный государственный архив Удмуртской республики (далее ЦГАУР). Ф. 4. Оп. 1. Д. 146. Л. 2—6.
35. Там же. Д. 94. Л. 466; Д. 169. Л. 2—38.
36. Там же. Д. 278. Л. 6—8.
37. Там же. Д. 279. Л. 1—13.
38. Там же. Д. 221. Л. 1—3.
39. Там же. Д. 306. Л. 1—10.
40. АВИМАИВВС. Ф. 3. Оп. 5-1. Д. 152. Л. 1; Д. 339. Л. 1—8, 11, 89.
41. ЦГАУР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 367. Л. 7, 21, 36; Д. 338. Л. 1, 4.
42. Там же. Д. 440. Л. 1—74.
43. Там же. Д. 437. Л. 1—51.
44. Там же. Д. 505. Л. 15.
45. Там же. Д. 365. Л. 1—85.
46. Там же. Д. 628. Л. 995.
47. Там же. Д. 682. Л. 2—36.
48. Там же. Д. 569. Л. 9—53; ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 127. Л. 3.
49. Подсчитано по: ЦГАУР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 296. Л. 55—58; Д. 205. Л. 216; Д. 505. Л. 60—61; РГВИА. Ф. 1/л. Оп. 1. Д. 6015. Л. 13; Ф. 504. Оп. 7; Д. 264. Л. 14 об.; АВИМАИВВС. Ф. 3. Оп. 11. Д. 74/95. Л. 556, 559; Александров А.А. Ижевский завод. Ижевск, 1957. С. 56.
50. См.: Ашурков В.Н. Русские оружейные заводы в 40—50-х годах XIX в. // Вопросы военной истории России: XVIII и первая половина XIX в. М., 1969. С. 206.
51. ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 301. Л. 49—49 об.
52. РГИА. Ф. 37. Оп. 9. Д. 692. Л. 3—4 об.
53. Там же. Д. 894. Л. 1—1 об.
54. Там же. Д. 884. Л. 19.
55. Там же. Ф. 44. Оп. 2. Д. 981. Л. 5, 32.
56. См.: Кривоногов В.Я. Из истории Камско-Воткинского завода // Из истории заводов и фабрик Урала: Сб. ст. Свердловск, 1960. Вып. 1. С. 56—57.
57. АВИМАИВВС. Ф. 3. Оп. 5—9. Д. 241. Л. 144—145; РГИА. Ф. 41. Оп. 2. Д. 859. Л. 17.
58. АВИМАИВВС. Ф. 3. Оп. 5—9. Д. 289. Л. 98 об.
59. РГВИА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 632. Л. 187—192.
60. См.: Федоров А.В. Русская армия в 50—70-х годах XIX в. Л., 1959. С. 146.
61. Подсчитано по: РГВИА. Ф. 504. Оп. 7. Д. 264. Л. 170—179.

62. РГВИА. Ф. 504. Оп. 7. Д. 264. Л. 170—179.
63. См.: Лушникова Н.М. Влияние топливной базы на технические усовершенствования в металлургической промышленности Урала // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1970. Сб. 10. С. 120.
64. См.: Путилова М.В. О состоянии топливной базы казенных заводов Екатеринбургского горного округа // Учен. зап. Перм. ун-та. 1966. № 158. С. 134.
65. См.: Она же. Развитие доменного производства на казенных горных заводах Урала в середине XIX в. // Генезис и развитие капиталистических отношений на Урале. Свердловск, 1980. С. 68.
66. РГИА. Ф. 44. Оп. 2. Д. 981. Л. 55—56.
67. См.: Путилова М.В. Развитие доменного производства... С. 68.
68. ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 277. Л. 7 об.—8.
69. Историко-статистический обзор промышленности России / Под ред. Д.А. Тихомирова. СПб., 1883. Т. 1. С. 86—87.
70. РГИА. Ф. 37. Оп. 9. Д. 742. Л. 8.
71. Там же. Д. 690. Л. 250—257.
72. Там же. Оп. 13. Д. 143. Л. 51—52 об.
73. Там же. Оп. 9. Д. 495. Л. 4—7.
74. Там же. Ф. 501. Оп. 1. Д. 1139. Л. 40.
75. Там же. Ф. 503. Оп. 1. Д. 636. Л. 159 об.
76. АВИМАИВВС. Ф. 3. Оп. 104. Д. 604. Л. 262 об.
77. РГВИА. Ф. 501. Оп. 1. Д. 603. Л. 668а.
78. ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 127. Л. 46 об.
79. Геллер М.Я. История Российской империи. В 3 т. М., 1997. Т. 3. С. 17.

WAR INDUSTRY IN THE URALS IN THE FIRST HALF OF THE XIX C. (TECHNICAL- ECONOMIC ASPECT of DEVELOPMENT)

The technical and economic condition of military plants in the Urals in the first half of the XIX c. is analysed in this article. First steps of industrial revolution in the given branch are considered, the impossibility of its end in conditions of domination of feudal- serfdom relations is shown. The military-economic reasons of unreadiness of Russia to the Crimean war are opened in the article, it is proved, that backlog of Russia in military area from the West-European countries has developed gradually, during all the first half of the XIX c.

V.A. Ljapin

Е. Г. Неклюдов

СЫСЕРТСКИЕ ЗАВОДЫ НАСЛЕДНИКОВ А.Ф. ТУРЧАНИНОВА В КОНЦЕ XVIII — СЕРЕДИНЕ XIX В.: МОДЕЛЬ «КОНФЛИКТНОГО ВЛАДЕНИЯ»

История горнозаводской промышленности Урала не обойдена вниманием исследователей, особенно усилившимся в связи с ее 300-летним юбилеем. Вместе с тем, недостаточно, на наш взгляд, изучен «личностный аспект» этой истории. Не будет преувеличением сказать, что во многом развитие частных заводов в XVIII — начале XX в. зависело от их владельцев. Особенно любопытны в этом плане «многовладельческие» хозяйства, появившиеся на Урале после запрещения 1762 г. «раздроблять» заводы при переходе их по наследству. Сысертский округ стал таковым, пожалуй, ранее всех остальных, причем получил сразу девятерых владельцев. История взаимоотношений между ними в конце XVIII — первой половине XIX в. стала, на наш взгляд, важнейшим фактором развития одного из крупнейших горнозаводских хозяйств Урала.

История частного владения основанных казной Сысерских заводов началась 1 января 1759 г., когда в соответствии с сенатским указом от 20 июля 1756 г. и именным указом Елизаветы Петровны от 29 июля 1758 г. титулярный советник Алексей Федорович Турчанинов вступил во владение ими. К тому времени он уже имел удачный опыт управления доставшимся ему от умершей первой жены Федосьи Михайловны Троицким медеплавильным заводом, соляными промыслами около Соликамска и открытой им «фабрикой» медной посуды. По утверждению специалистов, 30-летнее единоличное владение и управление Турчаниновым Сысертскими заводами стало временем их динамичного развития и расцвета. Проблемы, которые сопутствовали дальнейшей истории этого округа, начались сразу после того как 21 марта 1787 г. Алексей Федорович (13 ноября 1783 г. получивший дворянский диплом) скончался в своем петербургском доме [1].

К этому времени он являлся владельцем Сысертского, Полевского, Северского и Троицкого заводов, соляных промыслов, домов в разных городах, а также имений в Пермском, Владимирском, Костромском, Нижегородском, Пензенском, Тамбовском и Уфимском наместничествах («села и деревни с помещичьими домами»). Как сообщала вдова Филанцета Степановна (его вторая жена), Алексей Федорович не оставил завещания «как о детях, так и о имении своем». В такой ситуации раздел наследства должен был осуществиться в законном порядке между всеми его наследниками. Кроме вдовы ими были признаны три сына — коллежский асессор Алексей (тогда ему исполнился 21 год), старший адъютант штаба генерал-поручика П. С. Потемкина Петр (20 лет), корнет лейб-гвардии конного полка Александр (16) и пять дочерей — Екатерина (17), Наталья (14), Елизавета (13), Надежда (12) и Анна (7).

В сентябре 1787 г. мать от лица двух старших сыновей и дочери Екатерины, «сговоренной» замуж за адъютанта лейб-гвардии Семеновского полка Александра Федоровича Кокошкина, просила императрицу разрешить «учинить полюбовный раздел» с назначением ее и коллежского советника А. И. Шнезе (которого вдова называла «покойного мужа моего благодетелем») опекунами над пятерыми несовершеннолетними детьми. Прошение было удовлетворено и вскоре произведен раздел наследства. Оно делилось на 14 частей, 2 из которых, как полагалось по закону, получила мать, по 2 1/3 части достались каждому из сыновей и по 1 — дочерям. В каждую из частей входили и вотчинные имения, и заводы. Но, если первые действительно были разделены между наследниками по количеству крепостных душ, то заводы, как «нераздробимое владение», остались в общей собственности всех участников, каждый из которых считался владельцем отошедшей ему доли [2]. В дальнейшем именно это имение стало ареной борьбы родственников — совладельцев за право владения и управления заводами.

Уже на следующий год была предпринята первая попытка передела собственности. Инициатором выступила Ф. С. Турчанинова, просившая петербургскую опеку позволить ей скупить у своих малолетних детей части в заводах на том основании, что «они содержать и управлять оные не в состоянии». Правда, как выяснилось, деньги для уплаты за эти части мать собиралась «занять из принадлежащих тем же малолетним дочерям капитала». В результате опека, «предосудя самое намерение Турчаниновой, что она, забыв матернюю к детям любовь и обязанность опекунши пещись о пользе малолетних, хочет купить у них знатное имение на их же деньги», отказало ей в просьбе [3].

Вероятно, уже тогда вызревал будущий семейный конфликт, разгоравшийся по мере освобождения детей из-под опеки матери. Постепенно сложились две враждующие между собой партии: одна группировалась вокруг Филанцеты Степановны, другая — Натальи Алексеевны, в 1789 г. вышедшей замуж за обер-бергмейстера Николая Тимофеевича Колтовского. По доверенности жены Колтовский управлял ее имением до 1794 г., когда, по-видимому, умер или получил развод. В 1796 г. попечителем был выбран бригадир Русаков, а позже энергичной заводовладелице, ставшей фавориткой императора Павла, покровительствовал президент Коммерц-коллегии и первый министр юстиции знаменитый поэт Г. Р. Державин.

Тем не менее мать на первых порах действовала успешнее дочери. Она перекупила часть Петра Алексеевича, а Алексей Алексеевич доверил матери управлять его долей наследства. Так же как старший брат поступили дослужившийся до звания полковника Александр Алексеевич (а после его смерти в 1796 г. его наследники — вдова Александра Филадельфовна, дочь крепостного приказчика Сысертских заводов Дьячкова, с малолетним сыном Александром) и Анна Алексеевна (вышедшая замуж за генерал-майора, позже генерал-лейтенанта Николая Зубова), удвоившая свою долю участия, купив часть сестры Е. А. Кокошкиной.

Колтовская сумела перекупить лишь долю сестры Елизаветы Алексеевны, мужем которой стал полковой секретарь лейб-гвардии конного полка Алексей

Николаевич Титов. Надежда Алексеевна, вышедшая замуж за генерал-майора, шефа мушкетерского полка, а позже сенатора графа Марка Константиновича Ивелич (предположительно, черногорца по происхождению), занимала двойственную позицию, склоняясь то на сторону матери, то старшей сестры Натальи. В 1795 г. она получила от Александра Алексеевича закладную «на все его имение без изъятия». Просроченную закладную после внезапной смерти брата Ивелич попытались превратить в купчую. Однако, затянувшаяся тяжба была решена в конце концов в пользу наследников Турчанинова [4].

Таким образом, в результате первого передела собственности, закончившегося к началу XIX в., Филанцета Степановна сосредоточила в своих руках наибольший индивидуальный пай в 4 1/3 частей общего владения. Это (вместе с переданными в ее распоряжение 6 2/3 частями сыновей Алексея и Александра и дочери Анны Зубовой) давало ей все основания сохранить за собой управление заводами и после ликвидации опеки. В отличие от своих оппонентов она проживала в Сысерти или Екатеринбурге и, несмотря на безграмотность, через доверенных приказчиков (Ф. Дьячкова, И. Сукина, А. Шипова) осуществляла общее руководство имением.

Добиваясь удаления объединивших тогда свои усилия Колтовской и Ивелич от участия в управлении, мать еще в 1797 г. жаловалась на то, что они «не взносят следующих на действие заводов капиталов». Тогда Берг-коллегия, озабоченная заметным упадком заводов, предписала «не давать им ни денег, ни металлов». В то же время, судя по жалобам дочерей, мать выделяла часть доходов А. Ф. Турчаниновой и А. А. Зубовой «для поддержания на своей стороне». Чтобы урегулировать споры, 14 марта 1799 г. Берг-коллегия строго предписала всем наследникам «расчесться в полгода». Но назначенный Державиным для выполнения этого задания чиновник Веселков не сумел выполнить его в срок. Главной причиной задержки были «несогласия» владельцев. Чтобы доказать матери, что «контора ее обманывает, пользуясь ее безграмотностью», Наталья Алексеевна в 1804 и 1808 гг. специально приезжала из Петербурга на заводы. Только в 1808 г. Сенат утвердил представленные расчеты, из которых следовало, что Ф. С. Турчанинова «не только не сделала ни малейшего упущения, но еще приумножила выгоды наследников и чрез то принесла казне доходу более миллиона руб.» В результате «за попечение над заводами и в пример другим заводчикам» она была «вознаграждена особенною от начальства похвалою».

Недовольная таким исходом дела, Наталья Алексеевна в 1810 г. вновь подала очередное прошение «о введении ее в общее с матерью управление» и даже потребовала от пермского губернатора выслать 5 тыс. руб. из заводских денег «на проезд до Сибири», так как считала, что «за 2300 верст невозможно доказать злоупотребления». «Не получая доходов, — писала Колтовская, — я не только не могу поехать, но и содержать себя». Губернатор, конечно, отказал ей в присылке денег и сделал выговор за «несправедливые и затейные жалобы, наполненные колкими выражениями и обременяющие вышнее начальство». Насчет же допуска Колтовской к управлению он собрал отзывы других совладельцев.

Полковница А. Ф. Турчанинова «отозвалась, что она управление, положась на благоразумие матери мужа ее, оставляет за нею». Генеральша А. А. Зубова написала, что «единство управления считает она не только нужным, но и полезным, потому что разнообразие распоряжений... могут послужить более к расстройству заводов». Даже граф М. К. Ивелич, который побывал на заводах, «остался всем доволен, а потому полагал, что вдова Турчанинова... при управлении заводами обще с Колтовской может встречать разногласия и препятствия, а от того и от упущения времени последует не один невозвратный убыток, но и в Правительстве от разбирательств беспрестанные споры». В итоге в 1811 г. Сенат вновь оставил Сысертские заводы в управлении одной Филанцеты Степановны. Поскольку перед детьми она отвечала «собственным своим имуществом», то на него было наложено запрещение в продажах, закладах и пр. [5].

Видимо, Колтовская расценила это как заговор против нее и решила действовать не только, как прежде, забрасывая правительство жалобами (к чему склонила и сестру Н. А. Ивелич), но и другим, более действенным способом. Предприимчивая наследница попыталась увеличить свою долю в общем владении и преуспела в этом. Каким-то образом ей удалось «отсудить» переданные в управление матери 2 1/3 части брата Алексея, о котором позже отзывалась как о крупном должнике. В 1816 г. она к тому же перекупила и доставшийся ему по разделу уже давно не действующий первый турчаниновский Троицкий медеплавильный завод с «металлической фабрикой для дела посуды и вещей» под Соликамском [6]. В результате в ее руках оказалась равная с матерью часть наследства (4 1/3).

Возможно, именно поэтому в 1814 г. по требованию Колтовской Государственный Совет признал расчеты Веселкова «не полными и недостаточными», распорядился «учинить» новый расчет и допустил Наталью Алексеевну к управлению заводами «обще с матерью своей». Но, прибывший на заводы ее поверенный титулярный советник Сенчинский жаловался, что заводские приказчики «старались вооружить» вдову Турчанинову против него, советовали ей много с ним не говорить, потому что он якобы будет «прицепляться к каждому ее слову». «Не безызвестно, — писал поверенный, — что вдова по безграмотству, старости и слабости не только сочинять... бумаги... не может, но и едва ли может и понимать оные. Все бумаги сочиняют приказчики, защищая худые дела свои». Дело дошло до того, что он «страшился происков их как насчет расстройства заводского действия, так и на счет самой жизни его».

Следствием новых жалоб явился сенатский указ от 16 ноября 1816 г. «предать всех окружающих Турчанинову приказчиков уголовному суду», а поверенных Колтовской и Ивелич допустить к управлению и составлению новых расчетов совместно с Турчаниновой. На этот раз уже сторонники Филанцеты Степановны жаловались, что «вместо предписанного с обеих сторон по управлению заводов согласования поверенные Колтовской действовали и распоряжались одни..., а приказчики со стороны Турчаниновой хотя и были, но только смотрели за одними самовластными действиями поверенных». В результате, считали они, Колтовская «начала выбирать из общественных заводских капита-

лов многотысячные суммы..., от чего заводы в 1820-м и 1821 гг. снова были приведены в упадок».

Сама Ф. С. Турчанинова обвинила дочь в захвате 270 тыс. руб. — суммы, равной годовому обороту заводов и жаловалась, что в кассе почти не осталось денег. Горное правление сумело выделить Сысертским заводам в 1821 г. 85 тыс. руб. под залог металлов, хотя уже «в неоплатной ссуде» состояло на них 180 тыс. руб. Горный исправник, под присмотром которого находились задолжавшие заводы, опасался, что там «возможен не только ропот, но и само возмущение от горести и голода страждущих людей, довольно уже изнуренных от несвоевременной выдачи жалованья и плат за работы» [7].

Колтовская не признала обвинений матери и в качестве протеста отозвала все прежние доверенности на управление заводами. «Я почитаю главными виновницами всем неустройствам заводов дочь приказчика Филадельфа Дьячкова и сестру свою Зубову, — писала она в ноябре 1821 г. — ...Согласившись с приказчиками действовать против меня, Зубова действует против самое себя, поелику польза всех сестер зависит от одного предмета, от которого Зубова удаляется, предполагая найти награду в единственном наследстве, которое ей обещают приказчики и жертвует себя, мать и сестер приказчикам и дочери Филадельфа Дьячкова, променяв известное на неизвестное; а филадельфова дочь действует главною пружиной потому, что ее отец был главным приказчиком заводов еще при жизни родителя моего и после оной, и умер без отчету и приобрел ей значительное имение; она, боясь по отчетам оного лишиться пользы, с протчими приказчиками состоит в том, чтобы удалить отчеты... и стараться меня запереть в тюрьму..., дабы никто ей уже препятствовать не мог исполнить ее цель! А Зубова, как уже несколько лет в отсутствии разума находившаяся, и забрала с приказчиками деньги, кои конечно показаны на производство дел матери моей противу меня». «Я ни в какое распоряжение входить не буду до разрешения Государственного Совета», — настаивала Колтовская.

Поняв, что миром дело не решить, Д. А. Гурьев представил в Сенат докладную записку, в которой «объяснил причины, неминуемо требующие: а) взять заводы наследников Турчанинова в казенное управление, в) принудить их окончательно в них разделиться и с) предоставить требовать за прежнее управление заводских отчетов»[8].

Пока «неповоротливый» Сенат раздумывал над предложениями министра, в отношениях между владельцами обозначился новый виток конфронтации, поводом к которому послужила смерть 6 февраля 1822 г. Ф. С. Турчаниновой. К этому времени части совладельцев Сысертских заводов распределялись следующим образом: за умершей вдовой и Н. А. Колтовской числилось по 4 1/3 части, А. Ф. Турчанинова с сыном Александром имели 2 1/3, А. А. Зубова — 2 и Н. А. Ивелич — 1 часть. Через 10 дней после кончины вдовы проживавший вместе с ней внук Марк (сын умершего к этому времени оберкригс-комиссара, члена-корреспондента Казанского университета Петра Алексеевича Турчанинова) объявил «духовное завещание» Филанцеты Степановны.

В соответствии с ним, «благоприобретенные» вдовой от сына Петра 2 1/3 части в горных заводах и домах в Петербурге, Нижнем Новгороде, Перми

и Екатеринбурге (стоимостью 76969 руб.) переходили внуку Марку, а Куяшская вотчина в Екатеринбургском уезде утверждалась за дочерью Анной и ее наследниками. Доставшиеся Филанцете Степановне по наследству от мужа 2 доли «родового» имения («в селах и деревнях Нижегородской и Владимирской губерний, горных заводах в Пермской губернии и домах в Петербурге, Нижнем Новгороде, Перми и Екатеринбурге», кроме соляных промыслов в Соликамске, проданных с аукциона в 1818 г.) делились на три равные части и передавались сыну Алексею Алексеевичу, внукам Николаю и Марку Петровичам и внуку же Александру Александровичу Турчаниновым. Колтовская ничего не получала от матери, которая, как объяснял Марк Петрович, «имела на дочь Наталью претензии о развлечении ею общественного заводского капитала и о расстройстве заводов». Возмущенная такой «несправедливостью», Наталья Алексеевна «объявила спор» на завещание и предприняла шаги к устранению конкурентов. На том основании, что мать в последние годы «потеряла уже память... и не узнавала людей», Колтовская заключила, что завещание фальшивое. Вопреки закона, она считала себя «главной наследницей» и подала в Государственный Совет просьбу о скупке остальных частей общего имения [9].

При таком «замешательстве» управление заводами фактически приостановилось, прекратилось и снабжение их капиталами «со стороны содержателей». Горное правление доносило, что «если вскорости те заводы деньги не получат, то придется остановить их действие и распустить принадлежащих к ним людей в повольные работы». Но высшие власти не торопились: дело о Сысертских заводах рассматривалось в Государственном Совете и Комитете министров в течение двух с половиной лет.

Наконец, в ходе разбирательства, состоявшегося 30 марта 1823 г. в Департаменте экономии Государственного Совета под председательством адмирала Н. С. Мордвинова, было решено, что каждая из враждующих сторон должна определить по одному поверенному и в течение трех месяцев избрать «с общего согласия» третьего, в обязанности которого входило «разрешать могущие встретиться в управлении несогласия». В случае просрочки (что и произошло) над заводами устанавливалась частичная опека и третий поверенный определялся от нее.

Мнение Совета находилось уже в исполнении, когда на следующий год Комитет министров сделал новое заключение, определив, что «вражда между наследниками столь велика, что ничто не может их понудить к согласительному какому-нибудь положению». Предлагалось всех наследников устранить от участия в управлении и учредить попечительство «из лиц, собственно ими самими избранными, с предоставлением им числа голосов в соответствии с участием каждого в наследстве». Первой задачей попечительства должно было стать составление расчетов по заводским доходам. По мнению Н. С. Мордвинова, присоединившегося тогда к решению Комитета, эти расчеты «откроют возможность Колтовской приобрести заводы по праву главной в наследстве участницы, к чему она теперь не имеет никаких средств, кроме претензиев». «Сим скуплением, — полагал он, — все наследственные распри окончатся, и заводы войдут в единственную и целостную зависимость от одного владельца» [10].

2 сентября 1824 г. решение о попечительстве было утверждено, а 8 сентября Колтовская уже прибыла на заводы. Лично приехать Наталью Алексеевну побудило несколько причин. Ее беспокоило поведение племянника Марка Петровича, который не допустил заводского исправника «запечатать имущество и архив матери», что требовалось сделать по закону с неразделенным еще имуществом. «Сей малолетний человек, — писала она, — есть не что иное как невинная жертва турчаниновского приказчика Шипова, который его споил и приучил пить простое вино и держать на охоте в лесу по большей части времени. А выпущает его действовать, когда ему что нужно..., и тот, не имея никакого участия в заводах, ходит и убеждает людей быть на его стороне!» При подобных обстоятельствах, считала Колтовская, неизбежно начнется расхищение имения и в подтверждение этого ссылалась на то, что Марк уже «захватил 150 сундуков, серебро, якобы ему надаренное, часы и телескоп». Ей также стало известно о приезде на заводы другого племянника — отставного штаб-ротмистра Алексея Николаевича Зубова, который «неизвестно по какому праву вывез с заводов кабинет штуфов, стоивший около 25 тыс. руб. и серебра в разных вещах около трех пудов... и заложил оный кабинет в Екатеринбурге».

Кроме того она подозревала приказчиков Турчаниновой в убийстве своей племянницы (видимо, Александры), сестры Марка, которая, по словам Колтовской, «вместо матери моей бумаги подписывала» и знала обо всех «преступных действиях» приказчиков. «Поехав в город здоровой, — писала Колтовская, — та привезена была мертвою в завод... и тело предано земле без надлежащего освидетельствования». Она протестовала также против передачи части наследства брату Алексею, который, по ее утверждению, «промотав все свое имение,... мнит теперь заводы получить по наследству от матери моей..., когда письменно двумя формальными прошениями своими по смерти отца моего сознался, что управлять заводами по неспособности своей и за неимением капиталов не в состоянии».

Наталья Алексеевна прибыла на заводы не с пустыми руками. Она представила перекупленные ею три «обязательных письма» А. А. Зубовой на занятые той у генеральши К. И. Оде де Сион более 52 тыс. руб., которые Колтовская считала возможным «зачесть ей заплаченными за долю участия сестры в заводах». Она также заключила «запись» с племянником Николаем Петровичем Турчаниновым, «как со старшим сыном покойного ее брата, по коей он передал ей наследство, какое ему очистится по окончанию расчетов от покойной бабки его». Считая, что уже владеет 2/3 общего имения, Колтовская предприняла ряд решительных мер для захвата власти на заводах. Она, по словам Марка Турчанинова, «поставила к занимаемому мною дому в караул трех человек из мастеровых с тем, чтобы я из дома никуда не мог отлучиться», перенесла документы во флигель главного дома и даже «вынула печные вьюшки в доме, где должны были происходить расчеты», наконец, в отсутствии других владельцев потребовала «разбора бумаг» и «причиняла разные обиды» приставленному чиновнику. Растерявшийся племянник просил у Горного правления «вытребовать на заводы законных сонаследников». Генеральша Зубова, графиня Ивелич и полковница Турчанинова тогда жили в Петербурге, Алексей

Алексеевич Турчанинов в своем имении селе Сергиевском Пензенской губернии, а Александр Александрович Турчанинов в городе Горбатове Нижегородской губернии, и вовсе не спешили на заводы [11].

Но с очередным «переделом собственности» у Колтовской возникли затруднения. Оказывается, за векселя Зубовой она сама задолжала Оде де Сион 75,2 тыс. руб., дело о которых рассматривалось в Петербургском надворном суде одновременно с ее иском к сестре Анне, за которую «по слабости здоровья» ответствовал сын коллежский асессор А. Н. Зубов. О зачислении же в пользу Колтовской частей Н. П. Турчанинова до раздела наследства Филанцеты Степановны не могло быть и речи. Наталья Алексеевна по-прежнему считалась собственницей лишь третьей части общего имения. В такой ситуации поверенный Колтовской штаб-ротмистр лейб-гвардии гусарского полка П. Д. Соломирский (сын Колтовской от гражданского брака с Д. П. Татищевым) в начале 1825 г. подал прошение императору о том, что большинство голосов в учрежденном попечительстве (9 2/3 из 14) «всегда будет не на их стороне» и сонаследники «тем более будут угнетать свою соперницу, что на сие попечительство не велено принимать никакой жалобы». Поверенный просил остановить исполнение положения Комитета министров и оставить в силе мнение Государственного Совета об опеке, «как уже исполненного».

Хотя прошение Соломирского было внесено в Комитет министров самим А. А. Аракчеевым, там было принято решение «оставить просьбу без уважения». Министр финансов Е. Ф. Канкрин выступил даже с предложением «поспешить» с учреждением попечительства, ибо считал, что «в сем состоит единственный способ прекратить несогласия наследников и довести их до раздела». Однако против такого решения высказался на этот раз Н. С. Мордвинов. Он предложил вместо поверенных от сонаследников избрать одного опекуна, поскольку справедливо полагал, что попечительство «повлечет за собой подобную же ссору между их поверенными». Император при рассмотрении дела утвердил мнение Мордвинова и 24 ноября 1825 г. вышел указ Сената об уничтожении попечительства над имением наследников А. Ф. Турчанинова и возобновлении ранее учрежденной опеки [12].

Такое решение было на руку Колтовской, поскольку выбранный от Екатеринбургской опеки титулярный советник Попов был, видимо, ее креатурой. В результате в «тройственном» опекунском управлении Наталья Алексеевна могла контролировать два голоса и фактически распоряжаться заводами, что и произошло. В Сенат и Министерство финансов от сонаследников были направлены «доносы» о том, что Колтовская управляет заводами «односторонне», «перевела все общественные капиталы в одно свое распоряжение и, удержав из них в пользу свою немаловажные суммы, действовала против правительственных мер и лиц, делала беспорядки как в составлении расчетов, так и в управлении заводами».

Вследствие этого в Горном департаменте, как позже писали преемники Колтовской, было принято «секретное решение» отстранить ее от управления. Для этого 31 августа 1826 г. министр финансов «нарядил» особую Комиссию, которая, прибыв на Сысертские заводы, 1 мая 1827 г. «совершенно удалила Колтовскую» и, не смотря на ее письменные протесты, вступила в управление

заводами. Официальной целью Комиссии, которую возглавил коллежский советник Пальмов, провозглашалось содействие скорейшему окончанию расчетов для прекращения споров между совладельцами. По управлению Сысертскими заводами Комиссия должна была руководствоваться мнением Государственного Совета от 30 марта 1823 г., действуя вместе с поверенными от двух групп совладельцев и дворянской опеки. Но, огорченная неудачей Н. А. Колтовская в качестве протеста отозвала от управления своего поверенного, как это уже случалось прежде.

Тем не менее новое заводоуправление было организовано из двух поверенных (Гребнева и Волкова) и действовало под контролем Пальмова. Уже в сентябре 1828 г. Горный Совет при Министерстве финансов констатировал, что Сысерткие заводы «извлечены из расстроенного положения и находятся в хорошем состоянии». Взяв взаймы из сумм Екатеринбургских заводов около 154 тыс. руб., Комиссия за полтора года своей деятельности к декабрю 1828 г. сумела выплатить все казенные (около 700 тыс. руб.) и частные (более 60 тыс. руб.) долги, заводские люди были «совершенно удовлетворены за прошедшее время всем следовавшим» и сделан «запас всех потребностей на безостановочное действие заводов». Впрочем, такие очевидные и быстрые успехи были достигнуты не столько благодаря металлургическому производству, сколько начавшейся в округе разработке богатых золотых россыпей. Только в 1828 г. доход от этой новой отрасли хозяйства достиг 1146 тыс. руб., в то время как от продажи меди поступило 210 тыс., а железа — лишь 120 тыс. руб. Тогда было даже решено выплатить владельцам «дивиденды» на сумму в 400 тыс. руб. в соответствии с их долями владения [13].

Казалось развязка крайне запутанного дела близилась к концу. Но неожиданно возникли новые осложнения, связанные с наследством Ф. С. Турчаниновой, дело о котором уже 6 лет лежало в Сенате. К тому времени спор на «завещание» умершей вдовы кроме Н. А. Колтовской объявили Н. А. Ивелич, Н. П. Турчанинов и Алексей Алексеевич Турчанинов, которому не хватало средств расплатиться с многочисленными долгами. «Неизъемлемой» наследницей объявила себя и Настасья Петровна (сестра Марка и Николая), бывшая замужем за отставным штаб-ротмистром лейб-гвардии уланского полка Г. А. Раевским. Она считала возможным претендовать на часть наследства бабки, поскольку, как утверждала, «при выходе в замужество никакого приданого не получила». Просила о разделе имущества и опекунша над малолетними детьми умершего, видимо, в 1825 г. подпоручика Александра Александровича Турчанинива его вдова Ольга Леоновна (по второму браку подполковница Аничкова). Наконец, в 1827 г. предъявили свои претензии на наследство дети двух уже умерших дочерей Филанцеты Степановны — лейб-гвардии Преображенского полка капитан Александр, гвардии капитан Петр, поручик Николай, прапорщик Михаил и три их сестры Титовы, а также флигель-адъютант полковник Сергей, камергер и надворный советник Николай Кокошкины и сестра их генералмайорша Варвара Александровна Клейнмихель (первая жена ближайшего сотрудника А. А. Аракчеева, главноуправляющего Департамента военных поселений П. А. Клейнмихеля) [14].

Еще в 1824 г. Нижегородская палата гражданского суда начала раздел незаводских владений Ф. С. Турчаниновой в Нижегородской и Владимирской губерниях (около 1200 р. д.), опираясь при этом не на спорное завещание, а на законодательство. Наследниками были признаны только сыновья вдовы и их потомство. 17 октября 1828 г. в соответствии с этими принципами Сенат утвердил в качестве наследников Филанцеты Турчаниновой сына Алексея Алексеевича, внуков Николая и Марка Петровичей и находившихся под опекой бабки Александры Филадельфовны Турчаниновой и матери Ольги Леоновны Аничковой малолетних правнуков Леона, Николая и Алексея Александровичей Турчаниновых. Они «полюбовно» разделили вотчины между собой на 3 равные части.

Комиссия и поддержавшее ее Горное правление предложили по этой же схеме поделить и доходы от «заводских» частей наследства Филанцеты Степановны. Когда к концу 1829 г. завещание Ф. С. Турчаниновой было признано недействительным и ее наследниками, наконец, утверждены потомки только по мужской линии, выплаты владельцам получили законное основание. Но уже в 1830 г. они привели заводоуправление «в крайне стеснительное положение». Пришлось даже прибегнуть к новому казенному займу в 50 тыс., а в 1832 г. — в 80 тыс. руб. На запрос Комиссии, можно ли вновь выделить суммы наследникам, заводоуправление, составленное, наконец, с 1829 г. из трех поверенных (В. Порецкий, И. Волегов и А. Шмаков), ответило, что «ныне без навлечения в заводском производстве подрыву к назначению наследникам в раздел денег приступить невозможно». «Да и когда будет сей выдел заводских доходов, — заявляли управляющие, — покрыто неизвестностью» [15].

Не случайно, кажется, именно в это время Колтовская приняла трудное после стольких лет борьбы решение лично устраниться от дел. 29 апреля 1832 г. в Петербургской гражданской палате была совершена купчая на ее 4 1/3 части в Сысертских заводах. Вероятнее всего купчая явилась лишь формальным актом. Наталья Алексеевна желала сохранить с таким трудом доставшиеся ей части отцовского наследства за своей линией рода. Но поскольку она имела только внебрачных детей, которые по закону не могли претендовать на наследство, то и вынуждена была пойти на этот шаг. «Покупателем» стал ее сын ротмистр Павел Дмитриевич Соломирский. Тогда же принадлежавшее ей имение во Владимирской губернии с 1100 р. д. крестьян перешло другому сыну камер-юнкеру Владимиру Дмитриевичу Соломирскому, которому служивший брат доверил управление приобретенными заводами.

Графиня Ивелич, генеральша Зубова, Алексей Турчанинов и опекунша Аничкова подали, было, прошения в Сенат, оспаривая новое изменение в составе владельцев, но вскоре «прекратили сей спор миром с покупщиком Соломирским». В прекращении споров сыграла свою роль, видимо, позиция Павла Дмитриевича, которая в корне отличалась от прежних намерений его матери. Он остановил сложные расчеты между владельцами и попытался мирно договориться с ними. Как сообщало Горное правление, Соломирский «не желает продолжать споры, как она, Колтовская, искала, и обременять начальство в бесплодном для его заводов учете, а единственно клонит прекратить все распри

между наследниками». Усилия Павла Дмитриевича увенчались успехом. В 1833 г. Зубова продала (купчая совершена 17 июня) ему две свои части в заводах, а графиня Ивелич и М. П. Турчанинов (за себя и брата Николая, видимо, из-за болезни находившегося под его опекой) предоставили В. Д. Соломирскому право управлять их частями — первая в течение 10 лет (по «записи» от 23 мая), а второй — до утверждения миролюбивых сделок (по доверенности от 1 октября). В 1834 г. Алексей Алексеевич Турчанинов отказался от своих претензий и вскоре также «запродал» свою долю участия в заводах (1 4/9) П. Д. Соломирскому, до заключения купчей доверив управление его брату. В это же время инженер-подполковник Александр Андрианович Аничков (муж О. Л. Турчаниновой-Аничковой) от имени опекунов над малолетними детьми умершего Александра Александровича Турчанинова «полюбовно» прекратил все тяжбы с Соломирскими [16].

В результате сложилась новая комбинация во владении и управлении Сысертскими заводами. Прежнее тройственное управление теряло свой смысл. При новом раскладе сил власть должна была сосредоточиться в руках поверенного Соломирских коллежского регистратора И. Волегова, действовавшего теперь от имени большинства совладельцев. Отпадала надобность и в поверенном от опеки маркшейдере Штейфельде, ибо, по утверждению заводской конторы, «споров, кои возникали прежде между двумя другими поверенными и в разрешении коих состояла его обязанность, теперь существовать не может». В результате 27 марта 1834 г. по инициативе В. Д. Соломирского тройственное управление было прекращено.

Однако, тотчас же это решение опротестовала Екатеринбургская опека, нашедшая его «рановременным и неправильным». Необходимо, посчитали там, прежде получить санкцию от всех опек, Горного правления и здравствующей полковницы А. Ф. Турчаниновой, имевшей свою небольшую долю в наследстве давно скончавшегося мужа. Александра Филадельфовна, проживавшая в Горбатове, одна упорствовала в передаче Соломирским власти на заводах. Она считала, что наследники ненавидимой ей Колтовской стремятся «воспользоваться несправедливо частями покойной Филанцеты Турчаниновой и отнять таким образом части, следующие нам с малолетними детьми».

Возмущенный несговорчивостью престарелой вдовы, которая владела всего третью из одной части имения, а претендовала на собственного управляющего, В. Д. Соломирский предложил Горному правлению вообще «не допускать мелких владельцев до хозяйственных распоряжений», предоставив им право «быть только свидетелями всего практического действия». Но рассматривавший дело Е. Ф. Канкрин встал на сторону «владельцев малых частей». Так удачно начатое предприятие Соломирских давало сбой.

В апреле Горное правление предписало восстановить отмененное тройственное управление и, в частности, предписало Штейнфельду оставаться на заводах с прежними полномочиями. В июле Марк Турчанинов аннулировал данную ранее Соломирскому доверенность из-за того, что тот так и не заключил с ним «миролюбивых сделок», и уполномочил для управления заводами бывшего крепостного крестьянина Куяшской вотчины М. П. Юрлова. В результате

сложилось новое тройственное управление, но с иным представительством заводовладельцев. Ему и предстояло поправить шаткое положение Сысертских заводов, где тогда не оказалось ни денег, ни провианта, а рабочие уже несколько месяцев не получали заработной платы [17].

Владимир Дмитриевич, по официальным данным, в это время выехал в Петербург «для личного ходатайства у министра финансов о вспоможении заводам», но там «сделался болен». Вместо него в начале 1835 г. на заводы отправился «впредь до выздоровления» брата сам полковник лейб-гвардии гусарского полка Павел Дмитриевич Соломирский, получив доверенность на управление от своих совладельцев, совокупная доля которых в Сысертских заводах составляла 13 2/3 из 14 частей. Но он недолго оставался на заводах. В мае того же года пристав Литейной части Санкт-Петербурга сообщал, что камер-юнкер В. Д. Соломирский уже выбыл на заводы в Пермской губернии и потому не мог получить указ Сената, решивший еще одно давнее спорное дело, заведенное его матерью против племянника коллежского асессора («что ныне надворный советник») А. Н. Зубова. Дело о вывозе им еще в 1824 г. «вещей и малахитов» было прекращено не только потому, что Екатеринбургский уездный суд и 8 свидетелей опровергли обвинение. К этому времени обвинившая его тетка, проживавшая последние годы в Царском Селе, уже умерла (завещание Н. А. Колтовской было «засвидетельствовано по смерти» 15 января 1834 г.), а «преемники прав ее» Соломирские «учинили с матерью Зубова примирение» и просили Сенат закрыть дело. 17 мая 1835 г. Зубов, «как неизобличенный», был освобожден от ответственности [18].

Однако, данное решение оказалось не последним в веренице бесконечных споров наследников А. Ф. Турчанинова. Они возобновились после того, как в 1841—1842 г. закончилась опека и корнеты гусарского наследного гросс-герцога Саксен-Веймарского полка Николай и Алексей Александровичи Турчаниновы (их брат Леон умер в 1842 г.) вступили во владение своим имением (3 9/7 частей). В 1843 г. они подали прошение о перерасчете заводского бюджета с 1823 г. Сенат, не желая, видимо, возобновления приглушенных споров совладельцев (лишь в этом году здесь было прекращено дело о расчетах между совладельцами и утверждены купчие на части Н. А. Колтовской), ответил уклончиво, предоставив все недоразумения при составлении расчетов решать в уездном суде. Турчаниновы, однако, не унимались, доказывая, что в предыдущие годы «происходили разные выдачи денежных сумм на счет каждого участника не по числу владеемых им частей, а один против другого расходовал более или менее». «С 1832 г. по настоящее время, — писали они, — производятся платежи за преемника Колтовской статского советника Соломирского из общественных заводских капиталов огромными суммами, которые относятся долгом на счет Соломирского впредь до расчета между владельцами» [19].

Эти претензии имели веские основания. Дела Сысертских заводов вовсе не выглядели блестящими, а на «основном владельце» накопились огромные частные долги. В результате 17 февраля 1839 г. царем было учреждено Попечительство над имением и делами 38-летнего П. Д. Соломирского, владевшего уже большей частью паев (к прежним 6 1/3 прибавились утвержденные за ним

1 4/9 частей, по-видимому, уже умершего Алексея Алексеевича Турчанинова, в результате чего за Соломирским числилось 7 7/9 частей из 14). Попечительство (в середине 1840-х гг. оно состояло из гофмейстера князя С. Гагарина и действительного статского советника М. Корниолин-Пинского), взяв на себя управление частями Соломирского, должно было «обратить прежде всего внимание на устройство заводов и... принять меры к скорейшей уплате его личных долгов». На заводах установилось новое тройственное управление: один управляющий был назначен от Попечительства (отставной инженер-подполковник Ф. А. Хвощинский, которому доверила свою долю и графиня Ивелич), второй (А. М. Шипов) — от шихтмейстера Марка Петровича Турчанинова (Николай Петрович, видимо, уже умер или передал ему свою часть) и третий (М. П. Юрлов) — со стороны «бунтовавших» наследников Александра Александровича Турчанинова [20].

Естественно, тон в новом управлении задавал член от Попечительства. Опытный в горном деле Хвощинский добился того, что уже на следующий год заводы «не только имели достаточно капитала для своего действия, но даже из доходов с оных было отчислено 70 тыс. руб. для раздела между владельцами». Тогда же владельцы разделили и малахит, которым издавна славился Гумешевский рудник. С 1853 г. управляющим был определен инженер-капитан К. И. Кокшаров. Под руководством этих специалистов в 1840—1850-е гг. в округе была осуществлена серьезная модернизация производства, основаны два железоделательных завода (Верх-Сысертский в 1849-м и Ильинский в 1854 г.), усовершенствовано и значительно увеличено производство меди и железа. При этом, однако, Кокшаров не уделял «должной заботы» о рабочих (что вызвало жалобы с их стороны) и, по свидетельству Горного правления, «вошел в несоразмерные со средствами заводов предприятия, делал на счет заводов долги, маскировал настоящее положение заводов и выдавал владельцам значительные дивиденды». Так, с 1850 по 1860 г. владельцы получили 2225048 руб., в то время как долг на заводах возрос с 130593 до 1471981 руб. Оборотные средства приобретались в эти годы в основном за счет залогов металлов в Екатеринбургской конторе Коммерческого банка, открытой в 1847 г. для оказания краткосрочной финансовой помощи заводчикам.

Совладельцы Соломирского считали, что во всем было виновато Попечительство. Того же мнения придерживался и главный начальник уральских заводов генерал-лейтенант Ф. И. Фелькнер. «25-летняя деятельность Попечительства, — писал он в 1861 г., — ознаменовалась результатом диаметрально противоположным цели его назначения: заводы, удрученные бременем накопленных в этот период громадных казенных и частных долгов, дошли, наконец, до невозможности продолжать свою деятельность, а между тем масса личных долгов Соломирского уменьшилась весьма незначительно». Правда, долю ответственности Фелькнер возложил и на совладельцев, которые, по его словам, «находили быть может свой расчет в том, чтобы не разоблачать шаткое положение заводов» [21].

К этому времени общее имение для облегчения расчетов было поделено на 126 паев, из которых камергер и генерал-майор в отставке Павел Дмитриевич

Соломирский владел 70-ю, штаб-ротмистр Алексей Александрович Турчанинов (Николай Александрович в числе владельцев уже не значился) — 34-мя, отставной шихтмейстер Марк Петрович Турчанинов — 13-ю и отставной гвардии полковник граф Николай Маркович Ивелич (сын и наследник Н. А. Ивелич; 15 августа 1859 г. он получил право официально пользоваться в России графским титулом) — 9-ю. За имением числилось 509030 руб. казенных и 1235505 руб. частных долгов, особенно резко увеличившихся в 1859—1861 гг. в связи с трехкратным увеличением хлебных цен и снижением цен на металлы [22].

В 1861 г. заводоуправление не смогло вовремя расплатиться с банковской конторой по ссуде в 288363 руб. По просьбе Попечительства и поверенных император разрешил зачислить эту ссуду в качестве долга Государственному казначейству и рассрочить его на 4 года с обязательством владельцев более не просить «ни о дальнейшей рассрочке долга, ни о сложении оного». Тем не менее, к концу года в заводской кассе оставалось всего 24 коп. наличных денег. Видя безнадежность предпринятых «облегчительных» мер, главный начальник предложил единственное, на его взгляд, средство «для отвращения угрожающих гибельных последствий» — продать Сысертские заводы с публичных торгов.

Не терпящее задержки дело оперативно решалось посредством нового вида связи. 23 декабря 1861 г. министр финансов А. М. Княжевич телеграфировал о решении взять Сысертские заводы, «как пришедшие в упадок», до продажи в казенное управление. Назначенный управляющим инженер-подполковник Планер оценил в 3480740 руб. стоимость недвижимого имущества округа, в который входили тогда Сысертский, Верх-Сысертский, Ильинский, Северский железные и Полевской медный заводы (в самый удачный 1859 г. давшие 23 тыс. пуд. меди, более 914 тыс. пуд. чугуна и 457 тыс. пуд. железа на 1340 тыс. руб.) с земельной дачей в 251348 дес., включая 220 тыс. дес. леса, богатым Гумешевским медным рудником, Уткинской пристанью на Чусовой и 11777 р. д. (в том числе 6624 р. д. казенных мастеровых, 4886 р. д. непременных работников, 62 р. д. заводских и 205 р. д. крепостных крестьян).

Н. М. Ивелич и А. А. Турчанинов подали министру и главному начальнику несколько жалостливых просьб об отсрочке продажи заводов, обязуясь прислать деньги, которые они собирались изыскать, заложив заводы в банке. Не устранилось от участия в судьбе заводов и Попечительство, которое в лице тайного советника Корниолин-Пинского и генерал-адъютанта графа Ламберта также просило отменить продажу заводов, отложить выплату казенных податей до 1863 г. и даже назначить содержание обанкротившимся владельцам из заводских сумм. Правда, выход из ситуации они видели не в новом займе денег, а в передаче заводов в аренду частному лицу. Такие «лица» тут же обнаружились: в 20-летнюю аренду предлагали взять Сысертские заводы титулярный советник Пермикин и екатеринбургский купец 2-й гильдии Е. П. Трофимов. Все совладельцы согласились с этим предложением, но Фелькнер, а позже и император, отказали [23].

В мае 1862 г. по инициативе главного начальника в Екатеринбурге был созван Особый совет, составленный из специалистов, кредиторов и владельцев Сысертских заводов. Из последних на нем присутствовал П. Д. Соломирский,

поселившийся к этому времени на заводах, а вместо Марка Петровича, отказавшегося выехать из Сысерти, прибыл его младший сын подпоручик Петр Турчанинов. Вызвать графа Ивелич из Петербурга (жил в доме № 5 на Невском проспекте) и А. А. Турчанинова из Нижнего Новгорода «не было никакой возможности». Как сообщал Ф. И. Фелькнер, в ходе обсуждения присутствующие владельцы «хотели в ложном свете выставить административные мои действия, приписывая им характер неблагонамеренных, но у них недостало решимости принять на себя ответственность, которой закон подвергает виновных в клевете». Прежнее правительственное решение сохранилось в полной силе.

За два с половиной года казенного управления на восстановление Сысертских заводов государство потратило 507 тыс. руб., но, по мнению Корниолин-Пинского, положение их не улучшилось. Были обнаружены растраты казенных денег; производство железа сокращено до 350 тыс. пуд. Продать крупный округ в то время оказалось проблематично, а продолжать казенное управление — дорогостояще и малоэффективно. В итоге 9 июня 1864 г. император согласился на освобождение заводов от казенного управления и передачу их в распоряжение владельцев с рассрочкой долга на 26 лет. 8 сентября 1864 г. Планер передал управление заводами уполномоченным от владельцев [24]. Начинался новый период в истории частного владения Сысертским округом.

Предшествующий период, как видно, был временем, когда заводы действовали в условиях острейшего конфликта между владельцами. Смыслом его являлась борьба ближайших родственников (объединявшихся в переменные по составу группировки) за контроль над заводскими доходами с целью изъятия их для личных целей. Так, во всяком случае, можно расценить поведение большинства наследников А. Ф. и Ф. С. Турчаниновых, не исключая и П. Д. Соломирского. Но этот конфликт не замкнулся в границах рода владельцев. В него оказались втянутыми государственные органы разного уровня, фактически превратившиеся из арбитров в участников конфликта. Он достаточно глубоко проник и в горнозаводскую среду, приобретя, таким образом, общественно значимый характер.

Начавшись еще в конце XVIII в., конфликт достиг своей кульминации в 1820-е гг. и лишь с середины 1830-х гг. пошел на спад, сопровождаясь отдельными всплесками конфронтации до начала 1860-х. Его прямыми следствиями явились сложное и зачастую малоэффективное управление, недостаток оборотного капитала, приводивший к постоянному кредитованию у государства и частных лиц, хроническая социальная напряженность на заводах (выразившаяся в нескольких волнениях мастеровых и непременных работников), что не могло не отразиться на динамике самого производства. Не случайно, вероятно, совпадение этой динамики с хроникой конфликта (в 1790 г. в округе было выплавлено 95,8 тыс. пуд. железа; в 1807 — 84,3; в 1822 — 79,5; в 1837 — 80,8; в 1851 — 157,5 и в 1859 — 457,6) [25].

«Сысертские заводы, несмотря на богатые природные средства и на хорошее состояние заводских устройств, дозволявших вести заводское дело в обширных размерах, — констатировал в 1861 г. Ф. И. Фелькнер, — находятся в

крайне бедственном положении по неимению наличных денег, большому числу долгов и отсутствию кредита». Именно по этим причинам, вытекающим из общей ситуации с владением в течении фактически всей первой половины XIX в., один из самых перспективных горнозаводских округов Урала был взят в казенное управление (что означало полное устранение владельцев от управления) и предназначен к продаже с публичных торгов. Хотя этого в итоге не произошло, сам факт достаточно красноречиво свидетельствует о том, насколько существенной в развитии заводов оставалась в то время роль владельцев и отношений между ними.

Сложившаяся в Сысертском округе ситуация с владением была далеко не единичным (хотя, пожалуй, наиболее ярким и драматичным) случаем в истории уральской горнозаводской промышленности первой половины XIX в. Серьезные проблемы, связанные с распределением наследства или доходов, возникали между совладельцами Шурминских (наследники И. А. Мосолова), Белорецких (Пашковы), Чермозских (Лазаревы), Шайтанских (наследницы И. М. Ярцова), Кыштымских (наследницы Л. И. Расторгуева) и некоторых других округов. Разворачиваясь в специфических условиях и приобретая своеобразную окраску, эти конфликты в то же время имели много общего в причинах, развитии и последствиях, что позволяет отнести горнозаводские владения, сопровождавшиеся подобными конфликтами, к особому типу. Его «классическим» образцом может служить описанная выше история, в которой отразились некоторые новые черты облика уральских заводчиков первой половины XIX в., связанные с коллективным владением крупной частной собственностью.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГАСО. Ф. 24. Оп. 25. Д. 69. Л. 8 об.—9, 42 об.—44; Сысерть: В краю Бажовских сказов / Автор текста В. А. Шкерин. Екатеринбург, 2002. С. 14; Павленко Н. И. История металлургии в России XVIII в.: заводы и заводовладельцы. М., 1962. С. 266—269; Хоруженко О. И. Дворянские дипломы XVIII в. в России. М., 1999. С. 314.
2. ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1451. Л. 18—20 об.; Шимонек Е. К. К родословной рода Турчаниновых // Третьи Татищевские чтения. Екатеринбург, 2000. С. 278—280.
3. ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 318. Л. 37—40.
4. Там же. Оп. 32. Д. 179. Л. 56—65; Оп. 24. Д. 7734. Л. 44—55, 150; Оп. 25. Д. 550. Л. 54; Вересаев В. Спутники Пушкина. М., 1937. Т. 2. С. 213.
5. ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 318. Л. 37—40; Оп. 24. Д. 7734. Л. 245, 329—358.
6. Там же. Оп. 32. Д. 4459. Л 115; Оп. 25. Д. 550. Л. 515.
7. Там же. Оп. 2. Д. 318. Л. 1—14; Д. 334. Л. 1—2, 15; Оп. 32. Д. 179. Л. 40—49, 52—65.
8. Там же. Оп. 2. Д. 334. Л. 31—35, 43 об.—45, 56.
9. Там же. Оп. 25. Д. 581. Л. 1—2; Д. 550. Л. 662—665; Оп. 32. Д. 4459. Л. 115—118; Оп. 2. Д. 334. Л. 36—38; Д. 318. Л. 73—74; Д. 348. Л. 5—7.

10. Там же. Оп. 23. Д. 6138. Л. 78 об.—79; Оп. 32. Д. 4459. Л. 1—5; Оп. 25. Д. 550. Л. 158 об.; Д. 581. Л. 3—10.
11. Там же. Оп. 2. Д. 348. Л. 5—7, 22, 25—26 об.; Оп. 25. Д. 550. Л. 116; Д. 570. Л. 333.
12. Там же. Оп. 32. Д. 4459. Л. 40—80; Оп. 25. Д. 581. Л. 71; Коновалов Ю. В. Соломирские: происхождение семьи и фамилии // Человек и общество в информационном измерении. Екатеринбург, 2001. С. 176—179.
13. ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 348. Л. 28; Оп. 25. Д. 550. Л. 382—383; Оп. 32. Д. 179. Л. 40—49; Д. 179. Л. 40—49, 56—65; Д. 4459. Л. 92—94.
14. По сведениям Е. П. Пироговой и В. А. Шкерина (Сысерть: В краю Бажовских сказов. С. 33) у Е. А. Титовой (1773/74—1827) и А. Н. Титова (?—1827) было пятеро сыновей — Федор, Александр, Петр, Николай, Михаил и три дочери — Фелицата, Екатерина и Анна; ГАСО. Ф. 24. Оп. 25. Д. 550. Л. 625—626; Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской империи. 1802—1917. Биобиблиографический справочник. СПБ., 2001. С. 292.
15. ГАСО. Ф. 24. Оп. 25. Д. 550. Л. 662—665; Оп. 32. Д. 4459. Л. 202—211, 342, 370.
16. Там же. Оп. 32. Д. 371. Л. 82—85; Оп. 23. Д. 6315. Л. 4—6, 100; подробнее о П. Д. и В. Д. Соломирских см.: Самарина М. А., Тагильцева Н. Н. Последний владелец Сысертских заводов // Полевской край. Вып. 1. Екатеринбург, 1998. С. 126—128; Чуманов А. Н. и др. Малахитовая провинция. Культурно-исторические очерки. Екатеринбург, 2001. С. 100—104; Сысерть: В краю Бажовских сказов. С. 43—46.
17. ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 6315. Л. 5, 13—14, 23, 30, 38, 93, 100, 115—120.
18. Там же. Л. 160, 164, 174; Д. 5057. Л. 1, 3—4; Оп. 32. Д. 371. Л. 82.
19. Там же. Оп. 24. Д. 7734. Л. 323 об.—324; Оп. 32. Д. 179. Л. 27—35, 56—65, 218—223.
20. По сведениям А. Н. Кожевникова, покупка части А. А. Турчанинова была осуществлена П. Д. Соломирским лишь 13 июня 1847 г. у двоюродной сестры Филицаты Алексеевны Софоновой (Полевской край. Вып. 1. С. 70); ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 335. Л. 204; Ф. 24. Оп. 32. Д. 179. Л. 137—138; Д. 371. Л. 192—193; Д. 7734. Л. 375.
21. ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 335. Л. 108, 204—205; Ф. 24. Оп. 23. Д. 5893. Л. 11—12 об.; Рабочее движение в России в XIX в. Т. 1. С. 831; Чуманов А. Н. и др. Указ. соч. С. 194—195.
22. Бобринский А. Дворянские роды, внесенные в Гербовник Всероссийской империи. СПб., 1890. Ч. 2. С. 703; по сведениям В. А. Шкерина (Сысерть: В краю Бажовских сказов. С. 33), у Н. А. Ивелич (1776—1838, по нашим данным скончалась в 1850 г.) и М. К. Ивелич (1741—1825) было два сына — Константин (1799—1837) и Николай и две дочери — Екатерина (1795—1838), известная своим знакомством с А. С. Пушкиным, и Александра (Языкова). Старший сын погиб на Кавказе еще до смерти матери, а потому во владении частью Сысертских заводов ей наследовал младший сын Николай; ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 335. Л. 12—20, 594.
23. РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 646. Л. 3—5; ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 335. Л. 20—25, 61—62, 78, 101,108—109, 166, 172, 183, 630—639.
24. ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 335. Л. 205—213, 437—438, 446, 470, 479.

25. Яцунский В. К. Материалы по истории уральской металлургии в первой половине XIX в. // Исторический архив. IX. М., 1953. С. 302–304; Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. Энциклопедия. Екатеринбург, 2001. С. 418, 452; РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 646. Л. 3.

SYSERTSKIE PLANTS OF A.F.TURCHANINOV'S SUCCESSORS AT THE END OF THE XVIII — MIDDLE OF THE XIX C.: A MODEL OF «DISPUTED POSESSION»

The history of mutual relation between owners of Sysertskih plants, A.F.Turchaninov's successors, at the end of the XVIII — the first half of the XIX c. is analysed in the article. The conflict between owners for the control above plants incomes in which, besides close relatives, the state bodies of a different level were involved is in the centre of attention. The author reveals the basic stages, forms and consequences of the given conflict for a control system and dynamics of manufacture.

E.G. Nekljudov

С.В. Голикова

ДОМОХОЗЯЙСТВО В ОКРУЖНОЙ СИСТЕМЕ ГОРНОЗАВОДСКОГО УРАЛА

Редактор сборника с красноречивым названием «Конец рабочей истории?» Марсель ван дер Линден видит выход из сложившейся в этой отрасли знания кризисной ситуации в расширении исследовательского поля за счет понятия *домохозяйства*. Он отдает себе отчет в том, что эта «как бы обратная перспектива» традиционной тематики данного направления «может и не оказаться панацеей для важных проблем, связанных с анализом рабочей истории, тем не менее, она позволит заглянуть вглубь потаенных мотивов рабочего класса, которыми он руководствовался, решая, поддерживать или нет рабочее движение» [1]. Домохозяйство трактуется М. ван дер Линденом с точки зрения истории повседневности: «Даже когда историки признают, — пишет он, — что помимо общественной деятельности важное значение имела и семейная жизнь, они продолжают рассматривать семью сквозь призму «общественной жизни». Такой подход противоречит исторической логике, ибо ежедневная жизнь тех, кто участвует в социальных движениях и организациях, содержит в своем развитии нечто неизменно

большее, нежели простую рабочую активность. Чтобы понять подлинные причины коллективного сопротивления со стороны рабочих, необходимо использовать «частную сферу» в качестве подхода к изучению ряда проблем, в том числе и феномена рабочего протеста» [2]. Хотя заработная плата, жилищные условия, поземельные отношения и землепользование, приусадебное хозяйство рабочих, домашние работы и домашний уклад, структура и численность рабочей семьи давно вошли в тематику социальной истории и таких сопредельных с ней научных дисциплин, как этнология и традиционная культура, домохозяйство в его «целокупности», видимо, действительно является новым объектом изучения и тем привлекает исследователей. Так, Жану Катэру понятие «домохозяйства» позволило «все время держать в фокусе жизнь как мужчин, так и женщин, молодых и старых, а также разнообразные оплачиваемые и неоплачиваемые работы, необходимые для существования данной единицы» [3].

В отличии от историков, воспринимающих домохозяйство как «фокус повседневности» и пока еще находящихся на стадии разработки конкретной методики его изучения, экономическая наука считает домохозяйство фокусом «неформальной»/«эксполярной» экономики (например, теория «эксполярных типов» Теодора Шанина), характерной чертой которой является стремление функционировать не самостоятельно, а в симбиозе с другими хозяйственными структурами. Еще А.В. Чаянов предлагал сочетать крупное производство с мелким: например, содержать коров в крестьянском хозяйстве, а переработку продуктов животноводства перенести на молочный комбинат. После японского экономического чуда о «двойственной» (дуальной) экономике заговорили при анализе развитых промышленных стран. В России огромное значение имеет симбиоз между предприятием и семейными хозяйствами его работников. В отличие от стран Западной Европы здесь отсутствует четкость при формальном разграничении предприятия и домохозяйства. По мнению экономистов, «с досоветских времен» предприятие и его работник не ограничивались обменом трудом и заработной платой, а были связаны широким спектром социальных и натуральных взаимоотношений.

Приступая к анализу горнозаводского Урала, уместно вспомнить идею А.В. Чаянова о том, что в основе феодальной системы лежит симбиоз помещичьего и крестьянского хозяйства [4]. Округ — производственная единица металлургической промышленности края — был «аналогом феодальных сельскохозяйственных имений». В окружной системе, по мнению В.Г. Железкина, «своеобразным образом отразились три основные формы латифундиальной земельной собственности России: вотчинная, поместная и государственная», поскольку здесь постепенно сформировались частновладельческие, посессионные и казенные горные округа [5]. На симбиотический характер окружной системы еще в дореволюционное время обратил внимание историк В.Д. Белов, определивший округ как «поместно заводско-крестьянское хозяйство» (под крестьянством разумелись горнозаводские жители). Изоморфизм округа и вотчины (либо поместья) виделся В.Д. Белову в сходстве их организационно-хозяйственных форм. Он писал о двуединой цели уральских заводов, в которой на равных с развитием производства выступало «устроение быта рабочих», отмечая, что

«заводское управление следило за состоянием хозяйства рабочих... с целью не допускать хозяйство до разорения и приходить на помощь при начинающемся упадке. Помимо гуманных начал... к этому побуждал и личный интерес заводчиков. Они смотрели на рабочих, как на свою рабочую силу, исправное содержание которой, несомненно, отзывается на результатах производства». В «исторически сложившейся органической связи между населением и заводовладельцами, попечительных отношениях заводовладельцев» В.Д. Белов видел причину благосостояния заводов [6]. При возникновении уральского горнозаводского района правительство первоначально ориентировалось на опыт европейской промышленности с ее вольнонаемным трудом, денежными выплатами и сдельщиной. Однако в условиях отдаленной окраины строительство заводов столкнулось со многими трудностями. Для получения конечного продукта нужно было создать предприятие полного технологического цикла, обеспечить его рудой, лесом, рабочими руками. Государство пошло на наделение заводов крупными земельными владениями и приписку к ним крестьян.

В данной статье предпринята попытка описать домохозяйство горнозаводских жителей как особую организационно-хозяйственной форму «неформальной»/«эксполярной» экономики внутри окружной системы.

Ее рабочим коллективом являлась семья, которая была, как правило, немноголюдной. В 1717 г. на Невьянском и Шуралинском заводах Демидова в среднем во дворе проживало чуть более пяти человек, в 1719 г. средняя населенность двора мастеровых на Нижнем и Верхнем Каменских заводах составляла 6,4 человека. Жители Златоустовских заводов на рубеже XVIII—XIX вв. имели в среднем в простой семье от 4,5 до 5,4 человек, в сложной — от 6 до 6,5. В 1806 г. 83% семей Выйского завода включали в себя от 3 до 8 человек. Чуть более 5 человек насчитывала в 1845 г. семья жителей заводских поселков Алапаевского округа. В Висимо-Шайтанском заводе средний размер семей в 1851 г. не превышал 6, 7 человек [7]. Среди жителей Невьянского округа в 1855 г. семьи численностью в 3—6 человек были наиболее распространенными, а в целом состав семьи варьировался от 2 до 19 человек [8].

Статистических сведений, посвященных распределению потребительских и рабочих единиц домохозяйства, крайне мало, поэтому каждое свидетельство чрезвычайно важно. Так, врач Невьянского округа в 1855 г. собрал информацию о 3279 семьях и сгруппировал их «по числу работающих» и «числу неработающих». Баланс едоков-работников (далее е/р) оказался там весьма благоприятным. Это видно уже из соотношения «семейств», состоящих только из работающих или только из неработающих. Первых насчитывалось 301, вторых — 179. Семейных коллективов с преобладанием едоков (е/р — более единицы) было 1076, с одинаковым количеством тех и других (е/р равен единице) — 595, в которых работников было больше, чем едоков (с е/р — менее единицы) — 1429 [9]. В 1890 г. 75% семей Воткинского завода имели в своем составе одного работоспособного члена, 9,3% — двух, 1,1% — трех. Только 14,4% семей, по выражению И.А. Спасского, обходились «без рабочей силы». По его наблюдениям, «пропитывали свои семьи» «все полуспособные свыше 60 лет», и это обстоятельство свидетельствовало о «крайнем недостатке рабочих

рук в заводском населении». Преобладали «мелкие» семьи и было «поразительно большое число» (более 50%) вдовьих семей, в которых мужская рабочая сила отсутствовала [10].

Производство почти полностью забирало из домохозяйства мужскую рабочую силу. «Справляя заводскую работу натурою, то есть лично, — сообщал в середине XIX в. о мастеровых Кушвинского завода информатор РГО, — едва находят свободные часы (в дни праздничные) поправить что-либо около своего дома, запастись дровами, сеном для коровы и проч. [11]. Несмотря на подобную занятость, мужчины имели определенный круг домашних обязанностей: заготовка дров, корма скоту, работы на пашне и сенокосе, уборка двора, уход за лошадьми, починка домашних вещей, текущий ремонт дворовых построек. В будние дни после рабочей смены им удавалось сделать минимум домашних дел, поэтому большинство работ приходилось на воскресные или праздничные дни и летний отпуск. Проблема рабочих рук домохозяйства решалась за счет использования женского труда. «Жена, как хозяйка дома, — сообщалось в источнике середины XIX в., — имеет в делах домашних, относящихся собственно до хозяйства, свою долю власти. Главная забота жены состоит в том, чтобы готовить пищу, припасать, шить и мыть белье, как для мужа, так и для себя и всех домашних, ходить за скотом, работать в огороде, прясть нитки, ткать холст и пр.» [12]. В помощь хозяйке дома пытались максимально задействовать остальных членов семьи, прежде всего подростков и престарелых.

Центром домохозяйства и основой имущества горнозаводского населения являлся дом. Чаще всего жители строили его сами, иногда получая для этого ссуду, а лес из заводской дачи отпускался им бесплатно или по льготной цене. «Не имея недостатка в лесе», горнозаводское население «обстраивалось» «весьма хорошо» [13].

Доход семьи складывался из двух главных источников: заводской зарплаты и самообеспечения на основе льгот, предоставляемых заводом. Дополнительными источниками дохода являлись вольный найм членов домохозяйства и продажа ими на рынке промысловых изделий.

Зарплата рабочих состояла из двух частей: денежной и натуральной. Наличные деньги начислялись в зависимости от характера (квалификации) и объема выполненной работы. Натуральные выдачи должны были обеспечить семьям прожиточный минимум, поэтому независимо от квалификации рабочие получали единую норму хлебного провианта — на взрослого два, на работающего подростка полтора, на ребенка один пуд хлеба в месяц (на казенных и ряде частных заводов провиант выдавался бесплатно, на большинстве остальных — за неполную плату)[14]. Кроме выдачи хлебного провианта, обеспечения усадебной землей, выгонами и сенокосами, предоставления отпуска на сенокос и квартирных дров для отопления и даже самого жилья, заводоуправление предоставляло своим работникам пашенные участки. Обследование в начале XIX в. берг-инспектором П.Е. Томиловым большей части (76) заводов Урала показало, что 66% из них имели покосы, 63% — выгоны и 47% — пашни [15]. Среди горнозаводских жителей получили развития также различные ремесла. Подобная отраслевая структура домохозяйства сложилась уже в начальный период его

существования. По данным 1719 г., на Каменских заводах преобладали дворы, возделывавшие половину десятины. В 1721 г. у 80% жителей Алапаевских заводов также имелись пахотные угодья, однако животноводство в их хозяйстве занимало «несравненно более значительное место» [16].

По расчетам П.А. Вагиной, в последней четверти XVIII в. абсолютное большинство рабочих имело 1—2 лошади и коров, посевы же их были невелики (самое большее до трех десятин) и часто использовались как «подспорье в содержании скота» [17]. У жителей Южного Урала скота в среднем на двор приходилось больше: от 4 до 2 коров и от 1 до 8 лошадей и размеры пашни там были значительнее — 3—4 десятины на двор [18].

В начале XIX в., когда появились непременные работники, а горнозаводское население, осваивая территорию округа стало расселяться в так называемые «заводские» (или «подзаводские») деревни и в промысловые поселки, наметилась дифференциация домохозяйств различных категорий работников. Администрация Верх-Исетского округа в 1819—1820 гг. выяснила, что меньше всего скота было у жителей Канаткинских промыслов. Следующее место занимали хозяйства государственных и крепостных мастеровых, которые отдавали предпочтение разведению крупного рогатого скота и овцеводству. По сравнению с ними проживавшие на заводах непременные работники имели больше лошадей, рогатого скота и свиней. Деревенские жители (как непременные работники, так и крепостные крестьяне) по обеспеченности скотом почти на порядок превосходили заводских [19].

Имевшие местожительство в деревне непременные работники Верхне-Туринского завода также имели лошадей и крупного рогатого скота в два раза больше, чем жители завода. Последние кроме того в большей степени были ориентированы на развитие мясо-молочного животноводства. Зерновое хозяйство как жителей Верхнетуринского завода, так и его непременных работников тоже было приспособлено к нуждам этой его отрасли [20].

В 1830-е — 1850-е гг. в отраслевой структуре домохозяйства продолжало преобладать скотоводство. В 1848 г. у жителей Верх-Исетского, Кыштымского, Ревдинского, Бисертского и Уфалейского округов в среднем на двор приходилось 1,2—2,7 лошади, 1,3—3 коровы, 2—8 овец [21]. Мастеровые Алапаевских заводов в 1846 г. по количеству принадлежавшего им скота уступали непременным работникам, проживавшим в заводских поселках, а те, в свою очередь, — непременным из деревень [22]. Аналогичные показатели за 1851 г. почти совпадали у рабочих основных цехов Висимо-Шайтанского завода и приисковых, но они были значительно ниже, чем у углепоставщиков и поставщиков «припасов» [23].

Говоря о земледелии уральских рабочих следует акцентировать внимание не на хлебопашестве как таковом, а на его сочетании с огородничеством, которым население традиционно занималось в гораздо большей степени [24].

«Выгоды населения уральских заводов» заключались также в ремеслах: «слесарном, кузнечном, столярном и т.д., в торговом промысле» [25]. Основы промысловой деятельности в горнозаводских районах были заложены в XVIII в., хотя наибольшее развитие она получила в пореформенное время в связи с

закрытием заводов и с неполной занятостью их населения. До этого загруженность заводскими работами и удаленность от рынков сбыта позволяла только жителям некоторых заводов (иногда благодаря их близости к крупным городам) реализовать произведенную ими продукцию. В основном они специализировались на металло- и деревообработке, мыловарении, обработке кож, свечном и экипажном промыслах, приготовлении различной тары и посуды [26].

Типичный набор элементов домохозяйства горнозаводского населения приводится в высказывании В.Д. Белова: «Горнозаводской рабочий в казенных и посессионных заводах имел в достаточном количестве даровой хлеб, зарплату, усадебное хозяйство, дававшее ему овощь, и полевое хозяйство, снабжавшее его сеном» [27].

Администрация стремилась поддерживать домохозяйство горнозаводского населения в целом. «С этой целью, — сообщает В.Д. Белов, — некоторые заводские управления, помимо требования закона, вели особые журналы о состоянии хозяйства обращавшихся с просьбами о помощи рабочих; журналы эти давали заводскому начальству возможность приходить на помощь, как скоро в том встречалась надобность» [28]. (Б.Г. Литвак показал наличие подобных документов в вотчинном делопроизводстве [29].) Другим способом стимулирования домохозяйства было прямое вмешательство в хозяйственный быт рабочих. Так, залогом распространения овощеводства в Кушвинском округе стала деятельность его начальника Н.Р. Мамышева. «Назад тому лет сорок в Кушвинском заводе вообще огородов не было и говорили, что ничего в Кушве не родится», — писал в ответе на анкету РГО 1849 г. священник Михаил Суворов. Чтобы «возбудить в кушвинских женщинах охоту к огородничеству» администрация использовала методы «кнута и пряника»: «прилежных» хозяек награждала сарафанами, платками, а «нерадивых» посылала на казенную работу. Окружной начальник «лично обозревал домохозяйство; указывал способы и средства улучшать огороды, разводить овощь и употреблять оную с лучшею пользой». Эти меры «заставили женщин заняться огородничеством» и тогда, «оказалось, что в Кушве многое родится» [30]. Аналогичным образом в 1823 г. поступили власти Верхнетуринского завода, поощрив за успехи в овцеводстве 28 его жителей на общую сумму 64 рублей 60 копейки [31].

«По самому свойству горнозаводских работ, — рассуждал В.Д. Белов, — время между заводчиком и мастеровым делилось так удобно, что когда заводчику нужна была его работа, именно зимой, мастеровой как раз был свободен по своему хозяйству, и наоборот, когда по весенней воде караван с заводским произведением отправлен и заводчик с наступлением лета мог сократить свои работы, мастеровой как раз освобождался от своего сенокоса, а если была пашня, то и для уборки хлеба» [32]. Нарушение администрацией права на отпуск и «отягощение» мастеровых сельскохозяйственными работами, фигурирующие в требованиях рабочего протеста [33], показывает что отношения между производством и домохозяйством не были столь идиллическими. Конечно, заводу, как и отдельным работникам было выгодно разведение лошадей, поскольку их наличие давало возможность дополнительного заработка. «Конный работник, — сообщали в середине XIX в. о вспомогательных производствах

Кушвинского завода, — имеющий сверх двух казенных лошадей собственную лошадь, отрабатывает свои оброки вдвое успешнее, а потом бьет копейку на стороне, работая за других, и имеет время и средства удобрять землю и заниматься хлебопашеством. Есть лошади, есть и средства заработать лишних несколько рублей. Пробойной работник, при одной своей лошади зарабатывает в зиму до 50 рублей серебром, а с парою лошадей при малолетке или старике, зарабатывает вдвое больше». «Напротив, — заключал тот же автор, — пешему мастеровому лошадь в тягость. Во всем быте мастерового пешего заметна скудость». [34] Администрация старалась учесть существующие различия. «Во многих заводах, — отмечал В.Д. Белов, — начальство следило за состоянием крестьянского хозяйства, стараясь поддерживать в хозяйстве конных рабочих, конную силу и всю ее обстановку, а в хозяйстве мастеровых наличность рогатого скота» [35]. Связанные с перевозками специальности существовали также в основном производстве (например, соковозов, вывозивших шлак — «сок» из доменного цеха). Наличие тяглового скота зависело не столько от потребностей самого домохозяйства, связанных, как и у крестьян, с размерами обрабатываемой пашни, сколько от характера заводских работ и прежде всего от числа работоспособных работников мужского пола. Во вдовьих семьях лошадей в хозяйстве становилось меньше. Остальное поголовье зависело от состава семьи. По данным 1799 г. простые семьи в Саткинском заводе имели 1—2 коровы, сложные — уже 2—3 коровы. Следовательно, численность молочного скота стремились поддерживать на одном уровне (из расчета на человека). В 1801 г. на душу населения на Златоустовском заводе приходилось 0,6 коровы. Этот показатель оставался неизменным во всех видах семейных структур[36]. Аналогичным образом определялся размер огородного участка. В Висимо-Шайтанском заводе семьи из пяти человек возделывали в среднем 14, из шести — 17, из восьми — 22 грядки [37].

По законодательству XIX в. полному работнику предоставлялось две десятины покоса и, как показал Е.Г. Неклюдов, в большинстве округов население было обеспечено этими угодьями в достаточном количестве, хотя размеры предоставленных наделов варьировались в зависимости от природных условий и наличия соответствующих земель. Пашенные и сенокосные участки горнозаводское население расчищало «трудами и наймом из под кустарного леса» [38]. Поначалу освобождение от заводских работ на время сенокоса предоставлялось только работникам, которые содержали скот, затем — всем без исключения и было закреплено законодательно. Отпуск оплачивался и продолжался 20 дней [39].

Анализ функциональных взаимосвязей домохозяйства и заводского производства, по нашему мнению, существенно важен для понимания самой сути окружной системы. Менее всего их взаимодействие подчинялось принципу: конечный продукт одного — исходный продукт для другого. Связи между ними были принципиально иного плана. Принадлежавшие округу земли и леса являлись одновременно средствами производства как для заводского, так и для домашнего хозяйства. Администрация наделяла рабочих усадьбой, покосом, иногда пашней, предоставляла строевой лес и дрова. В семье горнозаводских

жителей происходило воспроизводство рабочей силы как для домохозяйства, так и для завода. Семейное хозяйство брало на себя заботу о лошадях, которые являлись тягловой силой и на заводских, и на домашних работах. Летом рабочим вынуждены были предоставлять оплачиваемый отпуск, считаясь с распорядком работ в домохозяйстве и останавливая ради этого (полностью или частично) заводское производство. Отраслевой структуре домохозяйства было невыгодно занятие хлебопашеством и большинство заводчиков вынуждено было взять на себя организацию снабжения горнозаводского населения главным продуктом питания — хлебом.

Администрация стремилась поддерживать домохозяйство также через систему социальной помощи, взяв на себя медицинские, образовательные и ряд других расходов. Согласно законодательству начала XIX в., при болезни рабочие казенных предприятий получали бесплатно медицинскую помощь, медикаменты и содержание в заводском госпитале, при чем в это время им продолжали выплачивать половину жалованья, а семьи обеспечивались провиантом на прежних условиях. С созданием горнозаводской медицины в том числе и на частных предприятиях) врачебная помощь стала доступна целой категории населения, что привело к возникновению в масштабах уральского промышленного района присущей современности эгалитарной системы здравоохранения [40]. Так, в среднегодовые данные врачебной статистики Невьянского округа за 1853—1855 гг. и Нижнетагильского за 1860-е гг. попал каждый десятый житель. На «благоустройство медицинской части» Нижнетагильских заводов в 1867—1868 гг. было потрачено 28497 рублей [41].

К 1861 г. край обладал также развитой системой горнозаводского образования, которая в целом решила задачу организации всеобуча для мальчиков и делала успешные шаги в просвещении девочек. В результате этого уровень грамотности жителей заводов был выше среднего по России [42].

В первой половине XIX в. особую славу на Урале приобрели приюты Нижнетагильского округа. «В приюте, — пишет Л.А. Дашкевич, — дети должны были находиться в дневное время, пока их родители заняты работой. Здесь они получали полное содержание за счет заводовладельцев: детей одевали в особое платье, несколько раз в день кормили, давали начальное образование». В течение 1849 г., помимо первого («Авроринского») приюта, подобные учреждения были открыты в селе Воскресенском и в деревне Никольской. Очень быстро они завоевали популярность у заводского населения. «Родители отдают детей в приюты с охотою, — писал управляющий Нижнетагильскими заводами в 1850 г., — число их изменяется ежедневно, смотря по времени года, иногда бывает в одном приюте детей до 150 человек в день, средним же числом каждодневно призревается в каждом приюте от 50 до 70 человек». Детям из окрестных деревень и поселков разрешалось здесь же ночевать и, соответственно, получать дополнительное питание. Общие расходы на содержание одного ребенка составляли 20—30 рублей ассигнациями в год [43].

Выходя в отставку по старости, болезни или увечью, казенные мастеровые сохраняли за собой все положенные им льготы и получали пенсии (а после смерти — их вдовы и дети) на основании общегосударственного «Устава о

гражданской службе». Так, в 1822 г. пенсионерами были 4,9% рабочих Богословских заводов. В 1850-е гг. размер пенсии отставных мастеровых Екатеринбургского горного ведомства равнялся 25—60% их жалования, что в денежном выражении составляло сумму от 2 руб. 14 коп. до 7 руб. 50 коп. в год [44]. Однако выплаты «по старости», не являлись показателями развития пенсионного обеспечения.

Наиболее полно «хозяйская забота» проявлялась в призрении семей, потерявших кормильца. Делопроизводственная документация 1830—1850-х гг. Верх-Исетского округа свидетельствует об отсутствии принципиальных различий в обеспечении семей государственных мастеровых, непременных работников и крепостных самих владельцев [45]. Согласно горному законодательству, вдовы рядовых мастеровых и рабочих людей казенных заводов получали от 6 до 24 руб. в год. Дети после смерти отца обеспечивались пенсией до достижения ими 15-летнего возраста. При этом ее границы ежегодно для девочек устанавливались в 6—12 рублей. Мальчики до 12 лет получали по 30 коп. ежемесячно плюс бесплатный провиант, а после поступления в школу — 75 коп. в месяц [46].

Порой траты на социальные нужды в частной промышленности намного превышали казенные. В Нижнетагильских заводах они составляли немалые для второй половины XVIII в. деньги 2320 руб. 9 коп. [47]. В 1818 г. пенсионная сумма (деньгами и провиантом) в Верх-Исетском горном округе Яковлевых составляла 25800 руб., что было значительно выше подобных затрат в любом из казенных округов. В 1843—1844 гг. среднегодовые расходы уже достигли 36 тыс. руб. деньгами, закупали также 83 тыс. пуд. провианта стоимостью 119 тыс. руб., что в общем составляло 155 тыс. руб. [48].

Длительное существование домохозяйства и заводского производства в рамках единой хозяйственной системы определялось объективными факторами: такими как узость рынка рабочей силы, рынка продовольствия, острота транспортной проблемы при заводских перевозках на Урале, традициями патернализма и т.п. Домохозяйство было функционально значимо для внутренней структуры округа: в нем происходило воспроизводство рабочей силы уральских заводов и частично — воспроизводство средств производства. С другой стороны заводское производство в значительной степени влияло на структуру и жизненный цикл домохозяйства горнозаводского населения. Баланс этих двух организационно-хозяйственных форм, возможно, объясняет устойчивость окружной системы, которая является предметом длительной историографической дискуссии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Линден ван дер М. Соединяя историю домашнего хозяйства с рабочей историей // Конец рабочей истории? Амстердам—Москва, 1996. С. 243.
2. Там же.
3. Там же.
4. Чаянов А.В. К вопросу теории некапиталистических систем хозяйства // Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство: Избранные труды. М., 1989. С. 131—136.

5. Железкин В.Г. Патернализм в государственной горнозаводской промышленности Урала в XIX в. // Металлургические заводы и крестьянство: проблемы социальной организации промышленности России и Швеции в раннеиндустриальный период. Екатеринбург, 1992. С. 97.
6. Белов В. Исторический очерк уральских заводов. СПб, 1896. С. 47, 75, 163.
7. Голикова С.В., Миненко Н.А., Побережников И.В. Горнозаводские центры и аграрная среда в России: взаимодействия и противоречия (XVIII — первая половина XIX века). М., 2000. С. 103, 106—107.
8. ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 575. Л. 39 об.—40.
9. Там же.
10. Спасский И.С. Состав населения Воткинского завода // Календарь и памятная книга Вятской губернии на 1896 год. Вятка, 1895. С. 59—60.
11. АГО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 17. Л. 5 об.
12. Мозель Х. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба, Пермская губерния. СПб, 1864. Ч. 2. С. 533; Описание Лысьвенского завода, составленное учителем Шалаевым // Ученые записки, издаваемые Казанским университетом. Кн. 4. Казань. 1858. С. 139.
13. Мозель Х. Материалы для географии... Ч. 2. С. 531.
14. Свод законов Российской империи. Ч. 3. Свод уставов казенного управления. Ч. 2. Свод устава горного. СПб., 1836. Ст. 27. С. 65.
15. Расчеты автора по данным: Описания заводов хребта Уральского, составленные пермским берг-инспектором П.Е. Томиловым (1807—1809 гг.) // Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XVIII—XIX вв. Свердловск, 1956. С. 146—298.
16. Черкасова А.С. О роли сельского хозяйства в промыслах населения горнозаводских центров Урала в XVIII в. // Из истории крестьянства и аграрных отношений на Урале. Свердловск, 1963. С. 33—34; Голикова С.В. Хозяйство уральских крестьян, занятых в заводских работах // Крестьяне на заводах (Урал и Западная Сибирь XVIII — первой половины XIX в.). Екатеринбург, 1996. С. 18.
17. Вагина П.А. К изучению проблемы материально-бытового положения и социального протеста заводского населения Урала в последней четверти XVIII в. // Историческая наука на Урале за 50 лет. 1917—1967. Вып. 1. История СССР. Свердловск, 1967. С. 53.
18. Вагина П.А. Материально-бытовое положение мастеровых и работных людей Южного Урала во второй половине XVIII века // Вопросы истории Урала. Вып. 4. Свердловск, 1963. С. 13—17.
19. Голикова С.В. Хозяйство уральских крестьян... С. 25—26.
20. Там же. С. 26—28.
21. Неклюдов Е.Г. Подсобное хозяйство горнозаводских рабочих Урала в предреформенный период // Социально-экономическое положение кадров горнозаводской промышленности в дореформенный период. Свердловск, 1989. С. 40—41.
22. Голикова С.В. Хозяйство уральских крестьян... С. 30—31.
23. Неклюдов Е.Г. Подсобное хозяйство... С. 50—52.
24. АГО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 11. Л. 2; Описание Лысьвенского завода... С. 146; Неклюдов Е.Г. Подсобное хозяйство... С. 42.
25. ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 312. Л. 9.

26. Описания заводов хребта Уральского...
27. Белов В. Исторический очерк уральских заводов. С. 70.
28. Там же.
29. Литвак Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX — начала XX в. М., 1979. С. 60—104.
30. АГО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 17. Л. 9—9 об.
31. Там же. Ф. 627. Оп. 1. Д. 336. Л. 15.
32. Белов В. Исторический очерк уральских заводов. С. 76.
33. См., например: Горловский М.А., Пятницкий А.Н. Из истории рабочего движения на Урале. Свердловск, 1954.
34. АГО. Ф. 29. Оп. 1. Д.27. Л. 5об.
35. Белов В. Исторический очерк уральских заводов. С. 70.
36. Нечаева М.Ю., Голикова С.В. Домохозяйства населения Златоустовского округа на рубеже XVIII—XIX вв. (по материалам подворных описей) // Металлургические заводы и крестьянство: проблемы социальной организации промышленности России и Швеции в раннеиндустриальный период. Екатеринбург, 1992. С. 154.
37. Неклюдов Е.Г. Подсобное хозяйство... С. 43.
38. Там же. С. 42—46.
39. РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 1190. Л. 5; Свод законов... Ст. 39. С. 67—68.
40. Голикова С.В. Попечение владельцев о горнозаводских рабочих Урала в сфере здравоохранения (1800—1861 гг.) // Предприниматели и рабочие: их взаимоотношения, вторая половина XIX — начало XX в. («Вторые Морозовские чтения»). Ногинск—Богородск, 1996.
41. ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 575. Л. 38 об.—39; Португалов В. Работа в рудниках или гигиена чернорабочих-рудокопов // Архив судебной медицины и общественной гигиены. Кн. 1. 1870. С. 75.
42. Гаврилов Д.В. Грамотность и образовательный уровень населения Урала в конце XIX в. (1885—1900 гг.) // Уральский исторический вестник. № 2: Культура провинциальной России. С. 91.
43. Дашкевич Л.А. Воспитательные дома и приюты на Урале в XVIII — первой половине XIX вв. (К вопросу о развитии благотворительности в крепостной России)
44. Павловский Н.Г. Правовой статус мастеровых и рабочих людей казенных заводов Урала в первой половине XIX века // Власть, право и народ на Урале в эпоху феодализма. Свердловск, 1991. С. 137; Кулагина Г.А. Пенсии рабочих уральских казенных заводов в 50-х гг. XIX века // Вопросы истории Урала. Вып. 39. Ч. 1. Свердловск, 1961. С. 106.
45. ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 1346, 1754, 1805, 1933, 1990, 2091, 2207, 2368, 2457, 2522, 2523, 2566, 2762, 2874, 3033, 3095, 3394, 3432.
46. Дашкевич Л.А. Социальная политика горного ведомства на Урале в первой половине XIX в. // Уральский исторический вестник. № 5—6. Модернизация: факторы, модели развития, последствия изменений. Екатеринбург, 2000. С. 308—309.
47. Голикова С.В. Документ 1786 г. и политика попечительства на частных уральских заводах в XVIII в. // Урал в прошлом и настоящем. Екатеринбург, 1998. С. 230.
48. ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 2818. Л. 2.

HOUSEHOLD IN THE DISTRICT SYSTEM OF THE MINING URALS

An attempt to describe household of gornozavodskih inhabitants as the special organizational — economic form «informal» / «expolar» economy inside the district system is undertaken in the article. The structure of a family as a working collective of household is considered. Conditions of its managing, the branch structure during the XVIII — the first half of the XIX cc. are analyzed. Forms of the social help to families of the plant population are investigated.

S.V. Golikova

Д.В.Гаврилов

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ГОРНОЗАВОДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ УРАЛА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в. (1890—1917)

Тема, ее историография, актуальность

Бурные драматические социально-экономические и военно-политические потрясения в России в начале XX века: жесточайший экономический кризис 1900-1903 гг., позорно проигранная русско-японская война 1904-1905 гг., революция 1905-1907 гг., затяжная промышленная депрессия 1904-1909 гг., непродолжительный промышленный подъем 1910-1914 гг., Первая мировая война 1914-1918 гг., окончательно подорвавшая устои российского абсолютистского режима и государственные структуры России и, наконец, две революции 1917 года — Февральская и Октябрьская, — затмили, отодвинули на второй план из памяти последующих поколений и трудов историков, на первый взгляд малозаметные, развивавшиеся постепенно, без большого шума, но очень важные для правильной оценки того времени, коренные, глубинные, базисные изменения в структуре горнозаводской промышленности Урала.

После резкого падения производства в уральской горнозаводской промышленности в годы экономического кризиса 1900-1903 гг. и длительной промышленной депрессии, в период нового экономического подъема 1910-1914 гг. производительность вновь пошла в гору и к началу Первой мировой войны по своим количественным показателям вновь достигла докризисного уровня, но за этими, не продвинувшимися вперед количественными показателями, кроются глубокие качественные изменения, крупные модернизационные сдвиги, которые

произошли в тот период в экономике и социально-экономической структуре, в материальной базе и техносфере региона, которые не принимаются во внимание или слабо учитываются историками.

Исследованию социально-экономического развития Урала в конце XIX — начале XX вв. посвящена большая и разнообразная литература, страдающая, однако, определенной односторонностью. Современники — представители горнозаводчиков (В.Д. Белов, С.П. Фармаковский и др.), рассматривая состояние горнозаводской промышленности региона и причины переживаемого Уралом в начале XX в. глубокого кризиса, в первую очередь всячески оправдывали деятельность горнозаводчиков, защищали их владельческие права на землю и недра, упрекали правительство за недостаточную, по их мнению, поддержку уральской горнозаводской промышленности [1]. В противовес им демократически и либерально настроенные деятели (Д.И. Менделеев, А.Н. Митинский, И.Х. Озеров и др.) указывали, прежде всего, на тормозящее влияние на развитие промышленности сохранявшихся на Урале пережитков крепостничества и монополию горнозаводчиков в горном деле, устаревшее горное законодательство, посессионные ограничения, нерешенность аграрного вопроса в горнозаводских округах, недостаточное развитие в регионе сети железных дорог [2].

В 1920 — начале 1930-х гг. внимание историков, исследовавших социально-экономическое развитие России в начале XX в. (И.Ф. Гиндин, Е.А. Грановский и др.), было направлено на изучение процессов проникновения в уральскую горнозаводскую промышленность банковского капитала, роль и место иностранного капитала, развитие акционерного учредительства, установление финансовым капиталом контроля над уральской горнозаводской промышленностью [3]. Примечательно, что И.Ф. Гиндин, рассматривая эти процессы, тогда пришел к выводу, что в 1912-1917 гг. на Урале произошло утверждение финансового капитала, в результате чего изменился состав горнозаводчиков, произошла замена старых полуфеодальных владельцев «передовыми финансово-капиталистическими группами» [4].

Крупные перемены в структуре уральской горнозаводской промышленности, вызванные перестройкой горнозаводских хозяйств, были отмечены тогда и уральскими историками. А.П. Таняев писал, что проникавший из центра в промышленность региона банковский капитал «поднял ...жизнеспособность и расширил в громадной степени возможности для быстрого подъема уральской металлургии», вследствие чего «уральские заводы, постепенно стали приобретать совершенно новый тип» [5].

В 1936 г. была опубликована книга С.П. Сигова «Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала» — первое комплексное исследование социально-экономического и технического развития уральской горнозаводской промышленности с XVIII в. до 1917 г. Освещая период начала XX в., автор пришел к выводу, что на Урале в этот период произошло «утверждение крупного капитала», а экономический кризис 1900-1903 гг. был временем крушения на Урале «старого горнозаводского уклада» [6].

В 1950-1960-х гг. встал вопрос о социально-экономической природе уральской горнозаводской промышленности во второй половине XIX — начале XX

вв. С.Г. Струмилин, изучавший технико-экономические аспекты развития черной металлургии, сделал радикальный вывод, что после отмены в 1861 г. крепостного права в уральской металлургии «из полуфеодальных форм выкристаллизовался сразу же стопроцентный капитализм» [7], но поскольку было широко известно, что после отмены крепостного права на Урале долго сохранялись многочисленные пережитки крепостничества, большинство историков не согласились с этим экстравагантным выводом известного ученого-экономиста.

В ряде исследований, проведенных В.И. Бовыкиным, П.Г. Рындзюнским, М.П. Вяткиным, Ф.С. Горовым, Ф.П. Быстрых, В.Я. Кривоноговым, П.И. - Хитровым и др., было убедительно доказано, что социально-экономическая структура уральской горнозаводской промышленности в пореформенный период в целом была капиталистической, остатки крепостничества в ней отмирали и вытеснялись, предприятия постепенно превращались в чисто капиталистические [8].

На рубеже 1960-1970-х гг. выдвинулось так называемое «новое направление», представители которого — И.Ф. Гиндин, К.Н. Тарновский, В.В. Адамов и др. — утверждали, что в пореформенной России капитализм был не систематизирующим, а лишь одним из укладов в многоукладной экономике страны; преувеличивали вес и значение докапиталистических укладов; считали, что на Урале существовал некий «крепостнический уклад», крепостнические пережитки не вытеснялись, а упрочивались, консервировались, происходило взаимное приспособление финансового капитала к полукрепостническому строю горнозаводских округов; что никакая техническая реконструкция уральских горных заводов была невозможна «в рамках окружной системы», которая сохранялась в неизменном виде и обуславливала «социально-экономическую и техническую отсталость Урала» [9]. Взгляды сторонников «нового направления», основанные не на изучении конкретно-исторической действительности, а на схоластических социологических схемах, уже тогда были подвергнуты аргументированной критике.

В 1980-1990-х гг. в исторической литературе утвердилось мнение, что падение крепостного права в 1861 г. привело к ломке старой, феодально-крепостнической структуры уральского горнозаводского хозяйства и старых феодально-крепостнических производственных отношений, сопровождалось капиталистической перестройкой феодальных горнозаводских вотчин. Ю.А. Буранов в монографии «Акционирование горнозаводской промышленности Урала» (1982), проанализировав состояние и механизмы капиталистической перестройки уральского горнозаводского хозяйства в 1861-1917 гг., основные этапы и сущность акционерного процесса на Урале, на большом фактическом материале обстоятельно раскрыл процесс подчинения уральских акционерных обществ финансовым капиталом, вытеснение старых владельцев из уральской горнозаводской промышленности, показал несостоятельность утверждений о «консервации пережиточных явлений», «переплетении» финансового капитала и феодальных владельцев [10].

Эта взвешенная точка зрения была отражена в коллективной монографии «История Урала в период капитализма», изданной в 1990 г. Институтом истории и археологии УрО РАН.

Однако, при существовании обширной литературы исторического и экономического характера, модернизационные процессы, происходившие в уральской горнозаводской промышленности в конце XIX — начале XX вв., проявившиеся в успехах машинной индустрии, в «обновлении» техносферы, внедрении новой техники и новых технологий, до сих пор остаются вне поля зрения историков. Единственным трудом, в широком плане освещающем состояние технического оснащения уральских металлургических заводов и рудников, до настоящего времени является отчет участников экспедиции под руководством Д.И. Менделеева, побывавших на Урале в 1899 г. (Уральская железная промышленность в 1899 г. Под ред. Д.И. Менделеева. СПб., 1900). Для более позднего периода, например, кануна Первой мировой войны или кануна Октября 1917 г., подобных обзоров нет.

Вследствие этого о техническом оснащении уральской горнозаводской промышленности конца XIX — начала XX вв. в литературе высказывались некомпетентные, а иногда и просто дремуче невежественные мнения. Очень негативно о техническом состоянии уральской горнозаводской промышленности того периода отзывались представители «нового направления». В.В. Адамов писал, что накануне Первой мировой войны «горнозаводская промышленность хотя и делает известный шаг в своем развитии, но не ликвидирует своей технической и общей отсталости. Характер окружной организации исключал возможность коммерчески выгодного приложения крупных капиталов... Вложения в уральскую промышленность оказались очень небольшими... «Перестройка» горнозаводских округов... сводилась обычно... к строительству одного-двух небольших новых объектов... Многие округа не располагали средствами для нового строительства и «перестройка» сводилась к ремонту старого обветшалого оборудования и приобретению нескольких новых машин» [11]. При реконструкции Верхисетского округа, осуществлявшейся акционерным обществом в 1908-1913 гг., по уверениям В.В. Адамова, «будучи ограниченной в средствах, все строительные работы и изготовление оборудования компания вела силами самого округа. Машины и механизмы, выходившие из полукустарных мастерских, были примитивны и неэкономичны. Они мало чем отличались от тех допотопных сооружений, которые стояли на старых заводах округа чуть ли не со времен Демидова и Саввы Яковлева» [12].

Поэтому полезно более полно и более точно и обстоятельно выяснить, каким оборудованием были оснащены уральские заводы в конце XIX — начале XX в., в т.ч. накануне и в годы Первой мировой войны и накануне Октября 1917 г., и установить, было ли на них, кроме примитивных и неэкономичных, допотопных машин и механизмов, современников живших еще в XVIII в. Никиты Демидова и Саввы Яковлева, какие-либо другие, более современные машины и механизмы, или же действительно уральская горнозаводская промышленность и накануне Первой мировой войны оставалась с технической базой XVIII века.

Модернизация, как общемировой, глобальный процесс перехода от традиционного, аграрного общества к современному, индустриальному, будучи комплексным явлением, охватывая все сферы жизни общества, проявляется, прежде

всего, в «обновлении» техносферы, во внедрении новой техники и новых технологий, развитии транспорта и коммуникаций.

Из крепостной эпохи уральская горнозаводская промышленность вышла с отсталым, морально устаревшим техническим оборудованием. Накануне падения крепостного права, в 1860 г., все 100 уральских доменных печей действовали на холодном дутье, весь приготовленный металл получался с помощью кричного и пудлингового способов, в энегетическом хозяйстве на долю водяных двигателей приходилось 92,4% общей мощности всех двигателей, на долю паровых двигателей — 7,6%. Доменные печи представляли собой массивные толстостенные пирамиды с открытым колошником, горном с «открытой грудью»,с холодным и слабым дутьем. Передел чугуна в железо велся в кричных горнах и пудлинговых печах. Железо проковывалось под молотами или прокатывалось на примитивных прокатных станах «домашнего приготовления». Энергетическое хозяйство составляли водяные колеса мощностью в 10-15 л.с. На рудниках безраздельно господствовал ручной труд, основными орудиями рудокопов были лопата, лом, кирка, тачка.

В первые пореформенные десятилетия, в 1860-1880-х гг., в технической вооруженности уральской металлургии произошли положительные сдвиги (сокращение кричного и пудлингового способов, введение на некоторых заводах горячего дутья, постройка мартеновских печей в 8-12 т и нескольких бессемеровских конверторов, более широкое распространение паровых машин, в том числе паровых машин с большей мощностью — до 100 л.с.), но эти сдвиги были невелики.

В 1890 г., перед последним десятилетием XIX в., на Урале действовали 105 доменных печей, из них 43 (41%) оставались с холодном дутьем, имелось 377 кричных горнов и 364 пудлинговых печей, 12 мартеновских печей и 4 бессемеровских конвертора. Из общей суммы приготовленного в 1890 г. уральскими заводами металла на кричное и пудлинговое железо приходилось 87,1%, на долю литого металла — мартеновской и бессемеровской стали — 12,9%. В энергетическом хозяйстве преобладали водяные двигатели: в 1890 г. на их долю приходилось 66,6% общей мощности всех двигателей, на долю паровых двигателей — 33,4% [13].

Экономический подъем 90-х гг. XIX в.

В 90-е гг. XIX в. Россия переживала мощный экономический подъем: в течение одного десятилетия промышленное производство в стране удвоилось, особенно интенсивно развивались отрасли тяжелой индустрии: металлургия, топливная промышленность, машиностроение; успешно развивалось сельское хозяйство; в два раза увеличилась протяженность железных дорог, резко возросло число пароходов на водных путях. При активной поддержке министров финансов И.А. Вышнеградского, Н.Х. Бунге и С.Ю. Витте, поддержанных императорами Александром III и Николаем II, развернулась капиталистическая индустриализация, которая должна была вывести Россию в разряд передовых промышленных держав.

Промышленный подъем 1890-х гг. захватил и Урал. После длительного упадка и застоя в пореформенный период, уральская горнозаводская промышленность в 90-х гг. XIX в. стала быстро наращивать свое производство. С 1890 по 1900 гг. на Урале выплавка чугуна выросла в 1,8 раза, производство стали — в 7,2, меди — в 1,5, добыча платины — в 1,8, каменного угля — в 1,5 раза. В 1900 г. уральские заводы выплавили 50,1 млн пудов чугуна — рекордное количество, только раз (в 1913-1914 гг.) превзойденное уральской металлургией за три последующих десятилетия [14].

На Урале вновь оживилось заводское строительство. В 1890-е гг. было построено 10 новых металлургических заводов, в т.ч. такие крупные, как Надеждинский, Аша-Балашевский и др. На заводах повсеместно развертывались новые стройки, внедрялись технические нововведения и усовершенствования, устанавливались машины и агрегаты нового поколения. Старые доменные печи — эти «толстые безобразные каменные пирамиды», как называли их современники — повсюду заменялись печами более совершенных конструкций с тонким кожухом или совсем без него. Холодное дутье энергично вытеснялось горячим с установкой мощных нагревательных устройств, в том числе аппаратов Каупера, сильных воздуходувных машин. Устарелые кричное и пудлинговое производства стали решительно вытесняться мартенованием: только за последние десять лет XIX в. на Урале было построено 30 новых мартеновских печей, количество мартеновских печей в регионе увеличилось с 12 до 43. За это же время число кричных горнов сократилось на 60, пудлинговых печей — на 52. В энергетическом хозяйстве заводов маломощные водяные колеса и водяные турбины — традиционные двигатели уральской металлургии XVIII-XIX вв., экзотическая краса и гордость старых уральских заводов, стали беспощадно заменяться коптящими и чадящими, но более производительными, надежными и экономичными паровыми машинами. Если в XVIII-XIX вв. на заводах Урала каменными были только печи и горны, а здания цехов строились преимущественно деревянными, то в 1890-е гг. появляются заводские здания индустриального типа, поражающие воображение современников гигантскими конструкциями из железа, стали и стекла [15].

В конце XIX в. на Урале выделилась группа технически передовых предприятий. Это были вновь построенные или недавно основательно реконструированные заводы.

Надеждинский чугуноплавильный, железоделательный и рельсовый завод Половцевых, построенный в 1894-1896 гг. под руководством горного инженера А.А. Ауэрбаха в глухой тайге на Северном Урале, в Богословском округе, был оснащен современной по тому времени техникой и по своему оборудованию, изготовленному фирмами Германии, Франции, Бельгии, не уступал заводам юга России и Западной Европы. Он сразу имел 4 доменные печи и 4 мартеновских. Его домны, самые большие на Урале (объемом более 100 куб.м), имели колошниковые механические подъемы, их завалка производилась по рельсовым путям с помощью самоопрокидывающихся вагонеток. При домнах были установлены две мощные воздуходувные машины, вдувавшие в минуту по 10 тыс. куб. фут воздуха, 4 аппарата Каупера. В прокатном цехе был установлен мощ-

ный обжимной стан-блюминг, приводимый в действие реверсивной машиной в 1800 л.с., выкатывавший сразу три рельса. В отличие от традиционных уральских заводов, этот завод не имел водяных двигателей, все машины и механизмы на нем приводились в движение паровыми машинами, для освещения завода была построена электростанция [16].

Ширококолейным путем завод был соединен с общероссийской железнодорожной сетью и водным путем — р. Сосьвой, на которой была сооружена Филькинская пристань — с реками Обь-Иртышского бассейна, с Западной Сибирью, мог отправлять рельсы по р. Иртышу и Оби до Кривощеково (ныне — г. Новосибирск). Построенная заводом узкоколейная Богословско-Сосьвинская железная дорога соединяла его с рудниками и лесными дачами. Завод имел полный металлургический цикл (выплавка чугуна — производство стали и проката — выпуск готовых изделий-рельсов). Уже в 1900 г. он произвел 2,5 млн пуд чугуна, 3,1 млн пуд стали, 2,8 млн пуд рельсов и балок и стал самым крупным металлургическим предприятием на Урале.

Чусовской железоделательный завод, построенный Камским акционерным обществом в 1883 г. на линии Уральской горнозаводской железной дороги, в отличие от старых уральских заводов не имел традиционного пруда — все механизмы приводились в действие исключительно паровыми машинами. В 90-е гг. в заводе были построены две доменные печи (1894, 1898) объемом в 114 куб.м и три мартеновские печи (1892, 1896, 1898) на 12, 15 и 18 т, генераторы которых работали на каменном угле. Производство пудлингового железа было прекращено. Число прокатных станов с двух было увеличено до шести, установлены мелкосортный и рельсопрокатный станы, введена прокатка рельс. Завод превратился в предприятие с законченным металлургическим циклом. Выжег угля стал производиться в 100 углевыжигательных печах системы Шварца [17].

В конце 90-х гг. были реконструированы металлургические заводы графа П.П. Шувалова. Ведущий завод округа — Лысьвенский — был специализирован на производство кровельного железа. В нем в 1898-1899 гг. под руководством инженеров А.И. Умова и С.Ю. Вериго построен большой мартеновский цех с двумя мартеновскими печами по 20 т. От традиционных построек уральских заводов он отличался уже тем, что был сооружен целиком из железа, стали и стекла. Это было легкое арочное здание с шириной пролета в 37,2 м, спроектированное инженером В.Г. Шуховым для выставочного павильона Нижегородской ярмарки 1896 г. Все механизмы в цехе — ковши для разливки стали, краны-бегуны для снимания изложниц и выбрасывания слитков из литейной канавы, подъемники для подачи материалов к печам, — приводились в движение электромоторами. На заводе была построена собственная электростанция. Мартеновский цех Лысьвенского завода был первым в России мартеновским цехом, полностью оборудованным одними электрическими двигателями [18].

Технически хорошо был оснащен Ашинский (Аша-Балашевский) чугуноплавильный завод братьев Н.П. и И.П. Балашевых, пущенный на Южном Урале в 1900 г. Две доменные печи были шотландской системы, усовершен-

ствованной конструкции с наружным кожухом из котельного железа, объемом в 151 куб.м , колошники закрывались аппаратом Толендера, воздух нагревался аппаратами Массика-Крука, руда и флюсы подавались на колошники механическими подъемниками. Завод не имел традиционного пруда, все его механизмы приводились в действие паровыми двигателями. Он был соединен ширококолейной веткой с линией Самаро-Златоустовской железной дороги и узкоколейной железной дорогой с блоком углевыжигательных печей системы Шварца, находившемся в 4-5 верстах от завода у пруда-накопителя дров, сплавляемых по р.Аше, Симу, Курьяку, Миньяру и Уку [19].

В Нижнесалдинском чугуноплавильном и железоделательном заводе Нижнетагильского округа Демидовых под руководством выдающегося металлурга, горного инженера В.Е. Грум-Гржимайло в 1897-1899 гг. был построен новый большой рельсопрокатный цех, в котором установлен мощный прокатный стан новейшей конструкции, приводившийся в действие купленной в Германии реверсивной паровой машиной мощностью в 6000 л. с. Для обжима стальных болванок функционировал блюминг, приводившийся в движение электромоторами, действовали 20 и 10-тонные электрические краны, электрическая пила для разрезания рельсов и балок. К реверсивной машине был поставлен самый большой в мире конденсатор системы Кертинга, расходовавший в час 1 млн литров напорной воды [20].

В 1896-1899 гг. был основательно перестроен Пермский пушечный (Мотовилихинский) завод. В нем были построены: новый сталелитейный цех с 4 мартеновскими печами, новый большой прессовый цех, электростанция, расширены помещения орудийных и снарядных цехов. Главное место в сталеплавильном производстве завода безраздельно заняла мартеновская сталь, удельный вес тигельной стали резко снизился, выплавка низкосортной сырцовой стали совсем прекращена. В прессовом цехе были установлены закупленные в Германии высокопроизводительные и высокоэкономичные гидравлические прессы Эргардта, которые в то время имелись только на нескольких крупных заводах в Западной Европе: за сутки они штамповали по 800-1000 снарядов при потере 6% металла, тогда как на обычных прессах за это же время изготовлялось только 40-120 снарядов при потере 70-85% металла. В цехах были установлены электрические мостовые краны, все металлообрабатывающие станки переведены на электрический привод, введено электрическое освещение.

На заводе впервые в мире была введена электросварка железных листов корпуса судов по методу работавшего на заводе горного инженера Н.Г. Славянова, изобретение которого было запатентовано в Германии, Франции, Великобритании, Бельгии, Австро-Венгрии и других странах. По методу Н.Г. Славянова на заводе производилось также электрическое уплотнение отливок. Завод был одним из немногих в стране, поковочное оборудование которого позволяло изготовлять крупногабаритные детали весом в 1000 и более пудов (гребные, коленчатые и прямые валы, шатуны и другие крупные детали для броненосцев и крейсеров военно-морского флота и т.п.). В конце XIX в. техническое оборудование Пермского пушечного (Мотовилихинского) завода не уступало лучшим артиллерийским заводам Западной Европы [21].

Значительной реконструкции подвергся Нижнетагильский чугуноплавильный и железоделательный завод Демидовых. В 1891-1892 гг. на его домнах были установлены воздухонагревательные аппараты Массика-Крука, построен цех рельсовых скреплений, оборудованный купленными заграницей машинами. В дополнение к уже имевшейся, построены две новые мартеновские печи (1891, 1894), генераторы которых действовали на каменном угле, в 1896-1897 гг. сооружен новый корпус мартеновского цеха. В 1896 г. в механической фабрике установлен 10-тонный мостовой электрический кран, во всем заводе введено электрическое освещение. В 1900 г. началось строительство большого корпуса листокатального цеха, скомпонованного из железных конструкций [22].

Реконструкции подверглись ведущие заводы Нижнетагильского округа: на Нижнесалдинском заводе, кроме пуска мощного прокатного стана дуо-800, снабженного паровой реверсивной машиной в 6000 л.с., были перестроены доменные печи, установлен воздухонагревательный аппарат Каупера, в результате чего производство чугуна увеличилось в полтора раза; в Висимо-Уткинском заводе в 1891 г. пущен новый большой прокатный цех, один из первых на Урале, сооруженный целиком из металлических конструкций, завод был соединен узкоколейной железной дорогой с Висимо-Шайтанским, Черноистоинским и Нижнетагильским заводами; в Верхнесалдинском заводе перестроены обе доменные печи, увеличены прокатные мощности, сооружены из металлических конструкций новые корпуса листоотделочного и листокатального цехов, в 1894 г. установлен среднесортный универсальный прокатный стан шведской фирмы «Цвейберг», под руководством В.Е.Грум-Гржимайло, управлявшего заводом в 1897-1902 гг., введено мартеновское производство [23].

В казенном Кушвинском заводе были перестроены доменные печи, изменен их профиль, увеличена высота, в 1896 г. установлены воздухонагревательные аппараты Каупера, построена электростанция.

В Алапаевском заводе наследников С. С. Яковлева было введено мартеновское производство, построены три мартеновские печи — одна в 15 и две в 25 т, кричное и пудлинговое производства остановлены. Завод всецело перешел на изготовление листового кровельного железа из мартеновского металла. В 1900 г. введена в строй новая доменная печь усовершенствованной конструкции объемом в 170 куб. м, все водяные колеса заменены турбинами и паровыми машинами, построена электростанция, сооружена узкоколейная железная дорога протяженностью в 92 версты, что позволило улучшить снабжение завода топливом и рудой.

В Архангело-Пашийском чугуноплавильном заводе Камского акционерного общества были переоборудованы все четыре доменные печи, в результате чего он стал одним из наиболее мощных чугуноплавильных заводов региона. В 1897 г. остановлено последнее водяное колесо, все операции стали выполнять только паровые двигатели. Завод перешел на печное углежжение, были установлены при заводе 152 углевыжигательные печи и 70 печей — на расстоянии 5-10 верст от завода, проложена узкоколейная железная дорога длиной в 7,5 верст [24].

В Добрянском железоделательном заводе Строгановых были построены два больших новых цеха — мартеновский и прокатный, а также электростанция.

Загрузка двух мартеновских печей в 20 т осуществлялась электромоторами, мощный прокатный стан «трио» также был оборудован электромоторами, приводился в действие паровой машиной системы Компаунд мощностью в 600 л.с.

В казенном Златоустовском заводе доменные печи были перестроены, в 1899 г. началось строительство большой домны улучшенной конструкции объемом в 143 куб. м, названной Ермоловской. Была увеличена емкость всех трех мартеновских печей, в прессо-молотовом цехе установлены гидравлические прессы для штамповки стальных снарядов бельгийской фирмы Кокериль [25].

В Катав-Ивановском чугуноплавильном, железоделательном и рельсопрокатном заводе князя Белосельского-Белозерского была увеличена высота доменных печей, установлены три аппарата Каупера, в дополнение к существующим двум бессемеровским конверторам пущена мартеновская печь, ликвидировано устаревшее пудлинговое производство, пущены мощные прокатные станы, закупленные в Бельгии.

В Симском чугуноплавильном и железоделательном заводе Балашовых была увеличена высота доменных печей, устроен колошниковый подъемник, проведена воздушная канатная дорога для доставки руды и угля к доменным печам, введено мартеновское производство, поставлены две мартеновские печи.

В Белорецком чугуноплавильном и железоделательном заводе Пашковых высота доменных печей была увеличена, а затем одна из старых домен разобрана до основания и вместо нее построена новая большая домна. Возведена еще одна, третья доменная печь современной конструкции без кожуха, в результате выплавка чугуна увеличилась более чем в два раза. Было введено мартеновское производство, установлены две мартеновские печи по 15 т (1894, 1893). В Тирлянском чугуноплавильном и железоделательном заводе этих же заводовладельцев доменная печь была перестроена и увеличена в объеме, в 1894 г. возведена вторая домна, все старые прокатные станы заменены новыми, более мощными, при них установлена паровая машина «Корлис» мощностью в 400 л.с., что позволило увеличить выпуск листового железа в 3-4 раза [26].

В Чермозском чугуноплавильном и железоделательном заводе княгини Абамелек-Лазаревой была задута новая доменная печь с тремя аппаратами Массика-Крука, ее производительность возросла в два раза, в 1900 г. пущен сооруженный из металлических конструкций мартеновский цех с печью в 20 т и вступил в строй новый большой листопрокатный цех с тремя станами. В Кизеловском чугуноплавильном заводе этой же заводовладелицы были перестроены доменные печи, в 1899 г. пущена четвертая доменная печь новой конструкции, снабженная электрическим колошниковым подъемником.

В Кутимском чугуноплавильном заводе Волжско-Вишерского акционерного общества, вступившем в строй в 1890 г., доменные печи были улучшенной конструкции, имели механические подъемники, в расстоянии 30-35 верст от завода построены в двух группах 64 углевыжигательные печи, проведена узкоколейная железная дорога длиной в 35 верст. В 1900 г. общество приступило к постройке нового Вельсовского завода, на котором были заложены две большие доменные печи объемом в 150 куб.м, начала строиться железная дорога к рудникам протяженностью в 15 верст [27].

Ижевский оружейный завод был одним из самых крупных и технически наиболее хорошо оснащенных оружейных заводов России. Реконструированный в конце 1870 — начале 1880-х гг. с помощью шведской фирмы Л. Нобеля, в 90-е гг., в связи с перевооружением российской армии новыми трехлинейными магазинными винтовками образца 1891 г. конструкции капитана С.И. Мосина, он был снова полностью реконструирован. Его производственные мощности были значительно увеличены, старое оборудование в значительной части демонтировано, поставлены более совершенные машины и металлообрабатывающие станки, выписанные из США. К началу XX в. завод обладал парком машин и станков численностью более 3 тыс. Было расширено сталелитейное производство, построена новая мартеновская печь, усилена энергетическая база, остановлены устаревшие кричное и пудлинговое производства. Завод был ведущим оружейным заводом страны, одним из основных производителей стрелкового оружия, поставщиком высококачественной стали и ружейных стволов для других оружейных заводов — Тульского и Сестрорецкого [28].

В техническом оснащении медеплавильной промышленности, которая в пореформенный период долго переживала застой и упадок, тоже наметились существенные сдвиги. В Богословском медеплавильном заводе под руководством горного инженера А.А. Ауэрбаха была построена и с 1887 г. действовала фабрика бессемерования купферштейна, завод стал получать этим методом до 2/3 всей производимой меди. В США первые медеплавильные конверторы были установлены только в 1890 г. В 1892 г. на заводе было введено самое прогрессивное в то время рафинирование черновой меди путем электролиза. В 1900 г. завод дал 34,5% общеуральской меди.

На Выйском заводе Нижнетагильского округа в 1895-1896 гг. были установлены, одними из первых в стране, две новые медеплавильные печи — ватержакеты, более производительные и экономичные, со стенками из кессонов, по которым циркулировала охлаждающая их вода. В 1897 г. на заводе построена новая регенеративная печь шведского типа для очистки меди, в 1899 г. поставлена новая воздуходувная машина с вентилятором «Акмэ», в 1900 г. сооружен электрический шлакоподъемник и введено электрическое освещение. В 1900 г. завод выплавил 54,7% меди, производимой на Урале [29].

Более или менее основательная реконструкция была осуществлена в 90-е гг. XIX в. и на ряде других металлургических заводов.

К началу XX в. на Урале сложилась группа из 20-30 крупных, технически более хорошо оснащенных заводов, по своему оборудованию не уступавших заводам Центральной России, а в ряде случаев и заводам Западной Европы. Эти заводы играли ведущую роль в уральской металлургической промышленности и производили большую долю ее продукции. В 1900 г. из 74 действовавших на Урале доменных заводов 18 крупных заводов, выплавлявших более 800 тыс. пуд чугуна в год (24,3% общего числа всех заводов), произвели 45,1% всего уральского чугуна, причем 11 самых крупных заводов, выплавлявшие более 1 млн пуд, произвели его 32,7%. При этом 14 мелких, захудалых заводов с отсталой техникой, выплавлявшие в год менее 400 тыс. пуд (18,9% общего числа всех заводов), выплавили его только 7%. Из 70 заводов, произ-

водивших готовое железо, 18 крупных, технически лучше оснащенных заводов (25,7 общего числа), изготовлявшие в год более 350 тыс. пуд, в 1900 г. произвели 54,4% железа, а 5 наиболее крупных заводов, производившие более 500 тыс. пуд — 22%, тогда как 17 мелких заводов с отсталой техникой (24,3%), изготовлявшие менее 100 тыс. пуд — только 4,1%. Из 23 заводов, выпускавших листовое и кровельное железо, в том же году 8 заводов, изготовлявшие более 300 тыс. пуд (34,8%), произвели 59% такого железа, а 4 наиболее крупных завода, изготовлявшие более 360 тыс. пуд — 34,1% всего уральского листового и кровельного железа. Из 33 заводов, выплавлявших сталь, в 1900 г. 22 крупных завода, имевшие мартеновское и бессемеровское производства, произвели 98,1% стали. Из 6 медеплавильных заводов 2, наиболее крупные и технически лучше оснащенные, в 1900 г. выплавили 89,2% общеуральской меди [30].

Вместе с концентрацией производства на крупных, технически хорошо оснащенных предприятиях, на них происходила и концентрация рабочих. В 1900 г., по данным Совета съездов горнопромышленников Урала, из числа рабочих, занятых на металлургических заводах в черте заводской ограды, т.е. собственно заводских рабочих, из 108 действовавших тогда заводов на 29 крупных предприятиях с числом рабочих 1000 и более чел., составлявших 26,8% общего числа всех заводов, было занято 60,1% рабочих, а на 52 мелких заводах, имевших менее 500 чел. (48,1% всех заводов) — только 16,9% рабочих [31].

Техническая революция захватила и другие отрасли горнозаводской промышленности. Выжиг древесного угля вместо архаичного кучного способа на многих заводах стал производиться в углевыжигательных печах, в 1899 г. в них было выжжено уже около 1/10 всего заготовленного древесного угля. На рудниках и угольных копях устанавливались паровые двигатели, электрические насосы и лебедки. Крупные железные рудники были оборудованы железнодорожными путями, руду с них стали отвозить в вагонах с помощью паровозов. В золотоплатиновую промышленность пришли драги. В солеварении черные варницы, топившиеся «по-курному», всегда закопченные и грязные, стали вытесняться «белыми» варницами — более производительными, более гигиеничными, с лучшими условиями труда [32].

Активизировалось железнодорожное строительство. В 1890-е гг. на Урале были построены три магистральные железные дороги: Златоуст-Челябинск (1892), Челябинск-Екатеринбург (1896), Пермь-Вятка-Котлас (1899). К концу XIX в. регион оказался прорезанным тремя широтными магистралями и одной меридиональной, соединившей рельсовым путем Северный и Средний Урал с Южным Уралом и Транссибирской железной дорогой. Это вывело Урал из прежней обособленности, связало его с общероссийской железнодорожной сетью, ликвидировало его былую замкнутость и оторванность от центра страны. В 90-е г. на уральских реках — Каме, Белой, Уфе, Вятке, ускоренными темпами развивалось пароходство. Прочно вошли в повседневную практику новые средства связи — телеграф, телефон, что тоже имело немаловажное значение для дальнейшего успешного развития промышленности.

Важнейшей характерной особенностью Урала — старейшего промышленного района страны, созданного еще в XVIII в., — было то, что в конце XIX в. в регионе, наряду с передовыми заводами и цехами, не уступавшими по своему техническому оборудованию южным и западноевропейским заводам, сохранилось большое количество заводов с очень отсталой техникой. На ряде заводов все еще действовали громоздкие доменные печи старинной конструкции с неуклюжими каменными корпусами, 1-2 фурмами, открытой грудью и открытым колошником. На Ревдинском чугуноплавильном и железоделательном заводе в 1899 г. действовала воздуходувная машина с деревянными цилиндрами и обшитыми кожей поршнями [33].

В 1900 г. на Урале из 120 действующих доменных печей 15 (12,5%, или 1/8 их общего числа) продолжали работать на холодном дутье, 13 заводов продолжали вырабатывать исключительно одно кричное железо. В Пермской губернии на 8 заводах не было паровых двигателей, в качестве двигательной силы использовались только одни водяные колеса. Так, все оборудование Молебского завода составляли 2 водяных колеса общей мощностью в 30 л.с., Шемахинского — 3 колеса мощностью в 38 л.с., Камбарского — 8 колес мощностью в 85 л.с. и т.д. [34]. Один из современников так описывал один из подобных заводов: «Артинский завод, — писал он, — типичный пережиток старины. Десять кричных горнов, из которых пять контуазской системы, а пять совершенно неизвестной, одна старая-престарая воздуходувная машина с вертикальными цилиндрами и десять молотов, вкривь и вкось медленно тюкающих от водяного колеса — вот все оборудование этого курьезного завода» [35]. Но эти маломощные захудалые заводы, с устаревшей и изношенной техникой, производили лишь ничтожную часть продукции отрасли.

Нередко на одном и том же заводе, рядом с недавно выстроенными цехами с новейшим оборудованием, находились цеха с очень отсталой техникой, в одном и том же цехе рядом с современным оборудованием продолжало действовать исключительно устаревшее оснащение. Так, на Нижнетагильском заводе, являвшемся сравнительно хорошо оборудованным технически, вместе с 3 мартеновскими печами действовали 6 архаичных кричных горнов, рядом с пневматическими подъемниками, печами Вестмана, доменными газоуловителями — мирно уживались остатки глубокой старины: воздуходувки, действовавшие от балансирной машины; деревянные краны; шаровые регуляторы для дутья [36].

Эта экзотическая пестрота и мозаичность — существование предприятий с отсталой, допотопной техникой рядом с предприятиями с современной по тому времени техникой — нередко приводили современников и поверхностных исследователей, использовавших отдельные примеры, к чересчур негативным и неверным выводам об общем техническом состоянии уральской промышленности.

К концу XIX в. произошли крупные изменения в структуре и финансово-экономической организации горнозаводских хозяйств.

Претерпел значительные изменения социальный состав уральских горнозаводчиков. Заводовладельцы-аристократы, владевшие заводами с XVIII в., в пореформенный период энергично вытеснялись заводчиками нового типа — дельцами-предпринимателями, банкирами, купцами и т.п., нажившими капиталы

разными путями. Горнозаводчиками стали: витебский дворянин, владелец винокуренных заводов и золотых приисков А.Ф. Поклевский-Козелл; крупный чиновник, государственный секретарь А.А. Половцев; сын железнодорожного дельца-миллионера С.П. фон Дервиз; золотопромышленник В.А. Ратьков-Рожнов; ярославские купцы Пастуховы, пермские купцы и пароходовладельцы братья Каменские, московские купцы-текстильщики В.А. Горбунов, С.И. Щеголяев, А.Ф. Моргунов; владельцы торгового дома М. Мейер и Е. Гинцбург и К°; купцы Н.Д. Шамов, П.С. Кондюрин и др. [37].

С развитием рыночных отношений шла перестройка производственной структуры уральской горнозаводской промышленности, сопровождавшаяся распадом, дроблением и слиянием горнозаводских округов, ликвидацией округов в связи с закрытием заводов, образованием новых округов. Вследствие этого окружная система претерпела значительную трансформацию. В 1884 г., в связи с закрытием Екатеринбургского монетного двора и Екатеринбургской механической фабрики, был упразднен казенный Екатеринбургский горный округ, долгое время игравший ведущую роль в уральском горнозаводском казенном хозяйстве. В 1893 г. распался и был ликвидирован Суксунский горный округ, распроданный за долги по частям: Уткинский завод купил граф С.А. Строганов; Суксунский, Тисовский и Молебский заводы — пермские купцы и пароходовладельцы братья Каменские; Камбарский завод — купец П.С. Кондюрин. Слились в одно хозяйство округа: Омутнинский и Кирсинский (1879), Сергинский и Уфалейский (1881), Нижнетагильский и Луньевский (1884), Холуницкий и Залазнинский (1887), Богословский и Сосьвинский (1894), Белорецкий и Кагинский (1897), Катав-Ивановский и Юрюзанский (1898), Авзянопетровский и Лемезинский (1898). Прекратили свою промышленную деятельность из-за истощения рудных месторождений и нерентабельности 14 горнозаводских округов: Кнауфский, Рождественский, Троицкий, Шильвинский, Всеволодо-Вильвенский, Канonикольский и др. Вновь построенные заводы явились основой для формирования нескольких новых горнозаводских округов (Волжско-Вишерского, Богословского, Зигазинского, Инзеровского и др.) [38].

Ускоренными темпами шел процесс акционирования горнозаводских округов. Испытывавшие финансовые трудности заводовладельцы вынуждены были создавать акционерные общества, капитал которых образовывался посредством выпуска и продажи акций. В 1900 г. в акционированном секторе уже находилось 10 горнозаводских округов с 23 металлургическими и металлообрабатывающими заводами, производившими 44% уральского чугуна, 26% железа и 60% стали [39]. Акционерные общества, как правило, были связаны с банковским капиталом, отечественным и иностранным. В 1890-е гг. в финансирование уральской горнозаводской промышленности включились крупнейшие петербургские банки: Азовско-Донской банк стал вкладывать средства в Богословское горнозаводское общество, Сибирский банк — в Невьянские заводы, Торгово-промышленный банк — в общество Сергинско-Уфалейских заводов и т.д.

Усилился приток в регион иностранного капитала. В 1893 г. возникло «Волжско-Вишерское общество» с французскими и американскими капиталами, занявшееся строительством металлургических заводов на Севере Урала, в бас-

сейне р.Вишеры. В 1898 г. бельгийским капиталом создано «Южно-Уральское анонимное металлургическое общество», арендовавшее у князя К.Э. Белосельского-Белозерского Катавские заводы. В 1900 г. английскими капиталистами создано «Общество Кыштымских заводов», приступившее к разработке месторождений медных руд и выплавке меди [40].

В конце XIX в. усилились концентрация и специализация производства, начался переход к крупным капиталистическим формам его организации — картелям и синдикатам. В середине 1890-х гг. два крупнейших производителя кровельного железа — Алапаевские и Верхисетские заводы, чтобы «устранить между собой бесплодную конкуренцию», заключили соглашение картельного типа о размерах цен на кровельное железо на уральском рынке. В конце 1890-х гг. велись переговоры об организации синдиката для совместного сбыта железа, не приведшие, однако, к какому-либо положительному результату [41].

В золотоплатиновой промышленности возникли «Уральское золотопромышленное общество» (1895) и «Зауральское горнопромышленное общество» (1897), сконцентрировавшие в своих руках значительную долю добычи уральского золота, и «Платинопромышленная компания» (1898), основанная иностранными капиталистами, которая сосредоточила у себя 3/4 добычи российской платины. Между крупнейшими заграничными торговцами платиной и действующими в России платинопромышленниками было заключено соглашение об установлении цен на платину на мировом рынке, имевшее характер международного картеля [42].

Значительных успехов в конце XIX в. достигла фабрично-заводская промышленность региона. Наиболее быстрыми темпами развивались химическое производство, предприятия по обработке металлов, животных продуктов и питательных веществ. В фабрично-заводской промышленности появились крупные предприятия с сотнями рабочих, оснащенные паровыми двигателями и машинной техникой: механический и литейный завод Ятеса в Екатеринбурге, судостроительный завод Любимова в Перми, суконные фабрики Злоказовых в Екатеринбурге и в с. Арамильском, Алафузовская суконная фабрика в с. Нижнетроицком в Уфимской губернии, содовый завод акционерного общества «Любимов, Сольвэ и К°» в с. Березники Соликамского уезда Пермской губернии, Бондюжский и Кокшанский химические заводы П.К.Ушкова в Елабужском уезде Вятской губернии и др. [43]

(Продолжение следует)

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Белов В.Д. Исторический очерк уральских горных заводов. СПб., 1896; Он же. Кризис уральских горных заводов. СПб., 1910; Фармаковский С.П. Кризис уральских горных заводов. СПб., 1908; Он же. Горнозаводские дела Урала. СПб., 1909.

[2] Менделеев Д.И. Уральская железная промышленность //Менделеев Д.И. Сочинения. М.-Л., 1949. Т.12; Митинский А.Н. Горнозаводский Урал. СПб., 1909; Озеров И.Х. Горные заводы Урала. М., 1910.

[3] Гиндин И.Ф. Банки и промышленность в России до 1917 года. М.-:Л., 1927; Грановский Е.А. Монополистический капитализм в России. Л., 1929.

[4] Гиндин И.Ф. Указ. соч. С.141.

[5] Таняев А.П. Уральский рабочий накануне и в годы империалистической войны / /Рабочий класс Урала в годы войны и революции. Свердловск, 1927. Т. 1. С.XIII, XV.

[6] Сигов С.П. Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. Свердловск, 1936. С.107.

[7] Струмилин С.Г. История черной металлургии в СССР. М., 1954. Т.1. С.434.

[8] Бовыкин В.И. Формирование финансового капитала в России: конец XIX в. — 1908 г. М., 1984; Он же. Россия накануне великих свершений: К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции, М., 1988; Рындзюнский П.Г. Утверждение капитализма в России, 1850-1880 гг. М., 1978; Вяткин М.П. Горнозаводский Урал в 1900-1917 гг. М.-Л., 1965; Горовой Ф.С. Падение крепостного права на горных заводах Урала. Пермь, 1961; Быстрых Ф.П. Большевистские организации Урала в революции 1905-1907 гг. Свердловск, 1959; Кривоногов В.Я. Наемный труд в горнозаводской промышленности Урала (1800-1860). Автореф. дисс.... докт. ист. наук. Л., 1965; Хитров П.И. Социально-экономическое положение рабочих и рабочее движение на Урале накануне Первой буржуазно-демократической революции в России (1900-1904 гг.) // Уч. зап. Пермского ун-та. 1960. Т. XII. Вып. 3.

[9] Гиндин И.Ф. Правительственная поддержка уральских магнатов во второй половине XIX-начале XX вв. // Исторические записки. М., 1968. Т.82; Тарновский К.Н. Проблема взаимодействия социально-экономических укладов империалистической России на современном этапе развития советской исторической науки // Вопросы истории капиталистической России: проблема многоукладности. Свердловск, 1972; Адамов В.В. Об оригинальном строе и некоторых особенностях развития горнозаводской промышленности Урала // Там же. С. 225-256.

[10] Буранов Ю.А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861-1917). М., 1982.

[11] Адамов В.В. Горнозаводская промышленность Урала в годы Первой мировой империалистической войны. Дисс. канд. ист. наук. Л., 1954. С.38, 39-40.

[12] Адамов В.В. Развитие промышленности Урала в 1908-1913 гг.// Борьба за победу Октябрьской социалистической революции на Урале. Свердловск, 1961. С.20.

[13] Гаврилов Д.В. Социально-экономическая структура горнозаводской промышленности Урала в период капитализма (1861-1917 гг.): методологические аспекты проблемы // Промышленность и рабочие Урала периода капитализма. Свердловск, 1991. С. 67, 70.

[14] Сборники статистических сведений о горнозаводской промышленности России за 1890 и 1900 гг. СПб., 1892-1903.

[15] Гаврилов Д.В. Научно-технический и социальный прогресс в горнозаводской промышленности Урала в период домонополистического капитализма // Взаимодействие технического и социально-экономического развития в период капитализма. Свердловск, 1989. С.11-13.

[16] Ауэрбах А.А. О постройке в Богословском округе Надеждинского завода // Известия общества горных инженеров. СПб., 1897. №4. С.27-31; №5. С.40-43.

17 Спехов И.И. Чусовой — город уральских металлургов. Пермь, 1958; Металл и люди: К 100-летию Чусовского металлургического завода. Пермь, 1979; Губайдуллин И.Н. Столетие Чусовского металлургического завода // Сталь. 1979. №7; Каменских А.А. Завод на р. Чусовой: исторический очерк ОАО «Чусовской металлургический завод»//Очерки истории черной металлургии Урала. Екатеринбург, 2000.

18 Умов А.И., Вериго С.Ю. Постройка и эксплуатация мартеновской фабрики в Лысьвенском заводе графа П.П. Шувалова. СПб., 1901. С.23-39.

19 Умов А.И. Балашевский завод Симского округа // Уральское горное обозрение, Екатеринбург, 1901. №1; Саров Д.И. Аша-Балашевский завод Симского округа // Еженедельник Уральского областного Совета народного хозяйства. Свердловск, 1926. №5-6.

20 Грум-Гржимайло В.Е. Установка конденсатора Кертинга к реверсивной прокатной машине в 6000 л.с. в Нижнесалдинском заводе на Урале // Горный журнал. 1903. Т. 4. С. 139.

21 Краткие сведения о Пермских пушечных заводах. Пермь, 1899; Слово о Мотовилихе: Годы. События. Люди. Пермь, 1974.

22 Васютинский В.Ф. Хранители «старого соболя». Свердловск, 1990; Нижнетагильский металлургический завод XVIII-XX вв. Екатеринбург, 1996.

23 Грум-Гржимайло В.Е. Мартеновская печь Верхнесалдинского завода Нижнетагильского округа // Сборник статей по мартеновскому делу, 1870-1895. СПб., 1898; Он же. Хочу быть полезным Родине. Екатеринбург, 1996; Мезенин Н.А. Металлург В.Е. Грум-Гржимайло. М., 1977; Танкиевская И.Н., Устьянцев С.В. Салдинские железоделательные заводы. Екатеринбург, 1993.

24 Белецкий. Алапаевский металлургический завод // Уральская советская энциклопедия. Свердловск-М., 1933. Т.1; Алапаевск. Свердловск, 1976.

25 Верзаков Н.В. Златоустовский имени Ленина: из истории Златоустовского ордена Трудового Красного знамени машиностроительного завода имени В.И. Ленина. Челябинск, 1971; Добрянке — 270. Добрянск, 1993

26 Щировский В. Белорецкий округ акционерного общества Белорецких железоделательных заводов. Екатеринбург, 1918; Белорецкий металлургический завод // Уральская советская энциклопедия. Т.1.

27 Металлургические заводы Урала XVII-XX вв.: Энциклопедия. Екатеринбург. 2001. С.99-100, 265-267, 285-287, 502-505.

28 Ижмаш, 1760-1985. Документы и материалы. Ижевск, 1984; Шумилов Е.Ф. Город на Иже. Ижевск, 1990.

29 Фирсов В.Я., Мартынова В.Н. Медь Урала. Екатеринбург, 1995. С. 84-86, 87-90, 92.

30 Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1900 г. СПб., 1903.

31 Гаврилов Д.В. Рабочие Урала в период домонополистического капитализма, 1851-1900 (Численность, состав, положение). М., 1985. С.50.

32 Гаврилов Д.В. Научно-технический и социальный прогресс в горнозаводской промышленности Урала в период домонополистического капитализма. С.14-15.

33 Уральская железная промышленность в 1899 г. /Под ред. Д.И. Менделеева. СПб., 1900. С.144-145, 154, 178.

[34] Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1900 г. СПб., 1903.

[35] Рагозин Е. Железо и уголь на Урале, СПб., 1903. С.77-73.

[36] Уральская железная промышленность в 1899 г. С.99.

[37] История Урала в период капитализма. М., 1990. С.115-117.

[38] Буранов Ю.А. Указ. соч. 1982. С.21-28.

[39] Там же. С.110-112.

[40] Гиндин И.Ф. Банки и промышленность России. М.,Л. 1927. С.141-142; Зив В.С. Иностранные капиталы в русской горнозаводской промышленности, Пг., 1917. С.27.

[41] Гаврилов Д.В. Социально-экономическая структура горнозаводской промышленности Урала в период капитализма (1861-1917 гг.); методологические аспекты проблемы. С. 65.

[42] Митинский А.Н. Указ. соч. С.220-221; Сигов С.П. Указ. соч. С.140.

[43] Список фабрик и заводов Европейской России. СПб., 1903.

PROCESSES OF MODERNIZATION IN THE MINING INDUSTRY IN THE URALS AT THE END OF THE XIX — THE BEGINNING OF THE XX CENTURY (1890-1917)

Historiographic problems of the social and economic history of the Urals of the end of the XIX — the beginning of the XX century are considered in the article. The main tendencies of development of the mining industry in the Urals are analysed during economic rise of 1890th in a context of the conception of modernization. The basic attention is given to the technological progress, changes in structure and the financial and economic organization mining economy.

D.V. Gavrilov

Е.Ю. Рукосуев

УРАЛЬСКИЕ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЕ ЗАВОДЫ И СТРОИТЕЛЬСТВО ТРАНССИБИРСКОЙ МАГИСТРАЛИ

27 сентября 1825 г. в Англии было открыто движение на первой в мире железной дороге общего пользования на линии Стоктон-Дарлингтон, длиной в 56 км, с которой начинается история железнодорожных сообщений на земле. По этой первой железной дороге Д.Стефенсон провел свой паровоз «Локомошен» со скоростью 24 км в час из порта Стоктон в г. Дарлингтон и обратно. Поезд состоял из 33 товарных вагонов, груженых мукой, углем и пассажирских экипажей с 450 почетными гостями, общий вес состава достигал 90 тонн [1].

В России первый паровоз и первая заводская железная дорога были построены на Нижне-Тагильском металлургическом заводе на Урале отцом и сыном Черепановыми Ефимом Алексеевичем и Мироном Ефимовичем в 1834 г. Ее длина достигала 854 м, вес каждого состава был 16 тонн и двигался он со скоростью до 20 км в час [2].

Торжественное открытие первой в России железной дороги общего пользования состоялось 30 октября 1837 г., она соединила Санкт-Петербург с Царским Селом. Дорога была построена однопутной с шириной колеи в 6 футов (1829 мм), длина ее была 27,5 км. Все строительные материалы, железные рельсы, стрелки, гвозди, паровозы и вагоны были закуплены в Англии и Бельгии. скорость движения первых составов была около 50 км в час [3]. С этого времени начинается строительство железных дорог в России. В 1843 — 1851 гг. была построена дорога Петербург — Москва длиной 722 км. В период строительства этой дороги был принципиально решен вопрос о постоянной стандартной ширине русской железнодорожной колеи. В 1843 г. Николай I утвердил предложение инженеров П.П.Мельникова и Г.Уистлера о введении на русских дорогах пятифутовой ширины (1524 мм) железнодорожной колеи в отличии от более узкой 4,85-футовой (1435 мм) колеи западноевропейских стран. Решение это мотивировалось технико-экономическими и военными соображениями [4].

К моменту постройки дороги в России еще не существовало ни одного завода, вырабатывающего рельсы, железнодорожные принадлежности и подвижной состав. Для строительства же магистрали было необходимо более 77000 тонн рельсов, 5000 тонн рельсовых скреплений и подкладок, более 2400 тонн гвоздей, болтов, костылей, десятки тонн разного рода чугунных труб, стрелок, поворотных кругов и др. железнодорожных материалов, все это было закуплено в Англии и привезено в Россию [5].

В это время была предпринята попытка изготовления рельсов в России. На Петербургском чугуноплавильном заводе в апреле 1844 г. было прокатано 536 тонн первых русских рельсов, из железа, приготовленного из уральского чугуна [6]. После завершения строительства линии Петербург — Москва Россию

охватывает железнодорожный бум, который заметно усилился после отмены крепостного права в 1861 г. Период промышленного подъема конца 60-х — начала 70-х гг. XIX в. привел к резкому увеличению протяженности железных дорог. К 1875 г. длина железнодорожной сети России выросла до 19000 км. Среднегодовой прирост железных дорог в этот период составлял 1,5 тыс. км, а в 1871 г. достиг наивысшего уровня в 2,9 тыс. км [7].

Центром железнодорожной России стала Москва, от которой лучами в разные стороны расходились железные дороги.

Для строительства железных дорог необходимо было большое количество металла. Главная металлургическая база России — уральская, дававшая до 72% металла страны, в первые послереформенные годы не удовлетворяла потребности страны в металле. Особо остро встал вопрос о железнодорожных поставках. В 1860-х гг. в правительственных кругах широко обсуждался вопрос о необходимости организации отечественного рельсового производства. Именно для обеспечения железнодорожного строительства начинается развитие Южного промышленного района в Донбасе.

Из 125 действующих заводов Урала в то время только 2 предприятия оказались в силах организовать незначительную прокатку железных рельсов для нужд государственного железнодорожного строительства. К ним относились Нижне-Салдинский завод наследников П.П.Демидова в Пермской губернии и Камско-Воткинский казенный завод в Вятской губернии. Администрация Демидовских заводов получила заказ на изготовление крупной партии рельс, одним из условий выполнения которого было получение около 40 га леса для обеспечения заводов древесным углем [8].

Вплоть до конца 1870-х гг. древесное топливо составляло почти 100% всего энергетического потенциала уральской металлургической промышленности [9]. Неоднократные попытки правительства с помощью системы льготных заказов и премий наладить производство рельсов на уральских металлургических заводах оказались неэффективными. В 1876 г. правительство решило не допускать впредь беспошлинный привоз рельсов из-за границы, все вновь создаваемые железнодорожные акционерные общества должны были включать в свои уставы пункт о приобретении не менее половины всех рельсов с русских заводов, были установлены премии заводам за каждый пуд (16 кг) выпускаемых рельсов в течении 12 лет: по 35 коп. в течении первых 8 лет, по 30 коп. — в 9-ом году, по 25 коп. — в 10-м году, и по 20 коп. в течении 11-го и 12-го годов [10]. Несмотря на такие льготы уральские заводовладельцы не стремились перейти на производство рельсов и других материалов необходимых при строительстве железных дорог. Дело в том, что железо выплавленное на древесном топливе получалось высокого качества, из него было выгодно делать высококачественные сорта металла, например, кровельное железо, которое пользовалось высоким спросом. В 1877 г. уральские заводы с трудом дали лишь 16% общероссийского производства рельсов. Большая часть рельсов и оборудования для железных дорог поставлялась из-за границы. Даже строительство Уральской горнозаводской железной дороги в 1874 — 1879 гг. осуществлялось за счет импортируемого оборудования. Даже подавляющая часть желез-

нодорожных скреплений, вплоть до винтов, болтов и костылей была ввезена из Англии.

Эта магистраль стала первой дорогой, которая перевалила через Уральский хребет и соединила города Пермь и Екатеринбург. Она прошла через такие крупные металлургические заводы, как Нижне-Тагильский, Невьянский, Верх-Исетский и др. С продолжением этой дороги в 80-х гг. XIX в. до Тюмени водные бассейны Волги и Оби оказались соединенными надежным транспортным путем, который мог действовать круглый год. Это привело к укреплению экономических связей между Центральной Россией и Сибирью, и способствовало подъему производства на уральских заводах, которые получили регулярные связи с рынком.

Протяженность всей Уральской горнозаводской железной дороги, которая потом была переименована в Пермскую, — 736 км, из них главная линия — 514 км, а ветви — 222 км. Больших усилий потребовала постройка полотна дороги, протяженность выемок в сплошном скальном грунте составила более 13 км, причем глубина их на главной линии достигала 10 м, а на Луньевской ветви даже 24 м. Для пересечения огромного количества больших и малых горных рек, ручьев и оврагов понадобилось построить 316 мостов, уложить 329 чугунных и каменных труб, на Луньевской ветви, в горах, был сооружен один из первых в Европе туннелей длиной около 130 м [11].

В 1889-1900 гг. была построена Самаро-Златоустовская дорога, имевшая исключительное значение для Южного Урала. Эта дорога связала Сызрань с Челябинском. В 1897 г., когда была построена линия Екатеринбург — Челябинск, сложилась единая сеть железных дорог Урала. Продукция уральских заводов получила выход на рынки европейской части России по железной дороге, но окружным и, следовательно, дорогим путем. Лишь после открытия Николаевской дороги (Вятка — Вологда — Петербург) Урал был соединен с внутренними рынками страны прямым железнодорожным путем. Но произошло это лишь в 1906 г., линия Пермь — Вятка была построена в 1896-1898 гг. Всего на Урале с 1871 по 1900 г. было построено 4038 км железнодорожных путей, из них 2113 км в 90-х гг. XIX в. [12].

Опыт, приобретенный при сооружении железных дорог на Урале пригодился во время строительства Транссибирской магистрали.

К постройке первого участка Транссибирской магистрали от Владивостока до станции Графская в Приамурье приступили в мае 1891 г. Летом 1892 г. развернулось строительство на западе, с противоположной стороны дороги, от станции Челябинск. К 1900 г. за 8 лет был проложен рельсовый путь в 5568 км. Транссибирская магистраль сооружалась из 12 основных и вспомогательных линий. Строительство Уссурийской линии (790 км) от Владивостока до Хабаровска было начато 19 мая 1891 г. и окончено в ноябре 1897 г. Западносибирскую линию (1460 км) от Челябинска до реки Обь строили с июля 1892 по октябрь 1896 гг. Следующий участок, Среднесибирскую линию (1886 км), от Оби и основанного здесь г. Новониколаевска (ныне Новосибирск) — до г.Иркутска строили с мая 1893 по 1899 г. Забайкальскую линию (1140 км) от озера Байкал до г. Сретенска строили с 1895 по 1900 г. Наиболее труднопро-

ходимым участком Транссибирской магистрали была Кругобайкальская линия (270 км). Она строилась с 1899 по 1904 г. по берегу озера Байкал. Трудности строительства этого участка дороги заставили строительный комитет организовать паромную переправу через Байкал, которая начала действовать с 1900 г. С началом навигации на Байкале в 1900 г. было впервые открыто прямое сообщение между европейской частью России и Дальним Востоком по маршруту: от Челябинска до Сретенска (4557 км) по железной дороге, с переездом через озеро Байкал (66 км) на специальном паровом пароме-ледоколе, который мог перевезти целый состав, от Сретенска до Хабаровска на пароходе по рекам Шилке и Амуру (2380 км), и, наконец, от Хабаровска до Владивостока по Уссурийской линии. Окончательно строительство Транссибирской магистрали было завершено в 1916 г. постройкой Амурской линии от Сретенска до Хабаровска [13].

Строительство Транссибирской магистрали оказало большое влияние на развитие уральских металлургических заводов. До середины 90-х гг. XIX в. только два завода на Урале производили стальные рельсы: Нижне-Салдинский и Катав-Ивановский. В 1890-е гг. на севере Урала был создан новый металлургический центр, давший в начале XX в. 20% черного металла Урала. В необжитой тайге был построен Надеждинский завод. Еще до начала строительства будущего завода, его владелец А.А.Половцов получил ссуду в 2,5 млн. рублей (по 50 коп. с каждого пуда еще не прокатанных рельсов). Он планировал поставлять по заказам правительства рельсы на строящуюся Транссибирскую магистраль, а затем вывозить по ней продукцию своих заводов на сибирские рынки. Этот план в конечном итоге А.А.Половцов успешно реализовал.

Надеждинский завод строился быстрыми темпами: его закладка была произведена 14 мая 1894 г., первая домна задута 16 августа 1896 г. В условиях сжатых сроков поставки рельсов, на строящемся заводе мартеновские печи и прокатные станы были введены в строй раньше, чем доменные печи. Поэтому, чтобы не платить значительную неустойку по контракту, не дожидаясь пуска своих доменных печей, А.А.Половцов купил в 1895 г. соседний Сосьвинский чугуноплавильный завод с лесным участком в 132 тыс. га. Благодаря этой покупке была вовремя прокатана первая партия рельсов в 8 тыс. тонн и 15 сентября 1896 г. сдана правительственному приемщику в Тюмени [14].

В 1904 г. на Надеждинском заводе было прокатано 34 тыс. тонн рельс, в 1905 — 38 тыс. тонн [15]. В 1910 г. завод получил крупный заказ на изготовление рельс для Амурской линии и второй колеи всей Транссибирской магистрали. Для выполнения этого заказа администрация оборудовала рельсопрокатный стан в 7000 лошадиных сил [16]. В 1909 — 1911 гг. на заводе ежегодно строилось по одной доменной печи (всего их было построено 7). Мартеновский цех увеличил производство стали за счет работ на жидком чугуне. Были перестроены мартеновский и прокатный цеха, вновь открыто листопрокатное производство. Надеждинский завод за эти годы стал крупнейшим в стране заводом полного металлургического цикла из работающих на древесном угле [17].

Увеличили производство железнодорожного оборудования и на Нижне-Салдинском заводе. Еще в 1875 г. здесь был пущен первый на Урале бессе-

меровский цех, построенный с помощью специалистов французского завода Терр-Нуар. Производительность этого цеха быстро достигла 12800 тонн стали в год и замерла на этой цифре. Причиной застоя было отсутствие крупных заказов на рельсы и лишь после начала строительства Транссибирской дороги выплавка бессемеровской стали увеличилась до 24000 тонн в год [18].

В 1901 г. вступил в действие новый прокатный цех (его строительство началось в 1896 г.). В этом цехе было установлено самое современное оборудование, в частности, прокатно-реверсивная машина мощностью в 6000 лошадиных сил. Стальные рельсы в этом цехе прокатывались за 7 проходов, на остальных уральских заводах за 9-10 [19]. На расположенных рядом с Нижне-Салдинским заводом других заводах Нижне-Тагильского округа наладили производство болтов, паровозных топок, медных листов, котлов и других материалов, продававшихся управлениям железных дорог и паровозостроительным заводам [20].

Усть-Катавский завод, помимо проката рельсов, начал строить различные типы вагонов для Транссибирской магистрали. Камско-Воткинский завод освоил выпуск паровозов: в 1897 г. им было построено 2 паровоза, в 1898 — 14, в 1899 — 35, в 1900 — 25 паровозов [21]. В 1903 — 1906 гг. на этом заводе, помимо рельсов и паровозов, наладили производство железнодорожных мостов и креплений. Завод, где паровозостроение составляло 40% всего производства, был отрезан от общероссийской сети дорог. Готовые паровозы доезжали до заводской пристани на реке Каме, там их грузили на пароходы, и по Каме и Волге везли до станций общей железнодорожной сети. Производственные мощности завода были рассчитаны на выпуск 50 паровозов в год. В среднем же в 1907 — 1911 гг. на заводе собирали по 28 паровозов [22].

Также, как и Камско-Воткинский, не имел железнодорожной связи и Надеждинский завод. Рельсы, прокатанные на этом заводе, грузили на баржи и по рекам Сосьве, Тавде, Тоболу и Иртышу доставляли до Тюмени или Омска, т.е. до станций железной дороги.

Кроме заводов, которые давно уже выполняли заказы на железнодорожное строительство, поставки оборудования стали осуществлять и другие предприятия Урала. Каменский и Златоустовский заводы поставляли водопроводные трубы для городов и станций, расположенных вдоль Транссибирской магистрали [23]. Причем Каменский завод на 87% был загружен этими заказами.

С 1910 г. на Алапаевском заводе было организовано производство стрелок, креплений, болтов и других материалов для железных дорог [24].

По официальным подсчетам, железные дороги в 1890-х гг. потребляли ежегодно до 800-1000 паровозов, 20-25 тыс. товарных вагонов, 1000-1300 пассажирских вагонов, 320-350 тыс. тонн рельсов и скреплений. По техническим нормам того времени на одну версту (1,1 км) новых строящихся путей требовалось рельсов и скреплений до 80 тонн, железнодорожных принадлежностей (труб, балок, стрелок и др.) — до 3,2 тонн. В целом, на каждую новую версту железной дороги требовалось железа и стали до 130 тонн [25]. Потребление железа и стали железнодорожным транспортом России в годы строительства Транссибирской магистрали было следующим:

Года	Общее производство стали и железа (тонн)	Потребление железнодорожным транспортом (тонн)	Процент железнодорожного потребления
1895	1.289.600	755.200	58,5
1896	1.478.400	896.000	60,0
1897	1.697.600	992.000	58,3
1898	2.052.800	1.104.000	53,8
1899	2.363.200	1.536.000	65,0

В 1896-1900 гг. объем проката рельсов всеми заводами России достиг 470 тыс. тонн, что превышало внутренние потребности страны [26].

В начале XX в. на Урале продолжалось железнодорожное строительство. В 1901-1910 гг. здесь было построено 687 км железных дорог, в 1911-1916 гг. — 3160 км. В эти годы были проложены дороги Тюмень — Омск (1909-1913), Синарская — Шадринск (1911-1913), Лысьва — Бердяуш (1913-1916) [27]. В 1910 г. возник проект постройки Обь — Урало — Беломорской железной дороги. Эта линия должна была идти от Архангельска, с переходом через реку Печору, до Надеждинского завода, протяженностью 1400 км, далее до реки Обь, протяжением 265 км. Такая дорога обеспечивала бы вывоз через Архангельск хлебных грузов и лесных материалов из Сибири в Европу. Кроме того, дорога должна была обслуживать перевозку руды и горючего, а также вывоз готовых изделий заводов восточного склона Урала и вызвать к жизни обширный край, превышающий по площади крупнейшие страны Центральной Европы. Революция 1917 г. помешала осуществлению этих планов, до сих пор эта дорога не построена, хотя необходимость в ее строительстве по прежнему велика.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Виргинский В.С. История техники железнодорожного транспорта. М., 1938. С.77-78.
2. Горный журнал. 1835. Т.2. №.5. С.445-448.
3. Соловьева А.М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX века. М., 1975. С. 40-42.
4. Каргин Д.И. Ширина железнодорожной колеи // Техника и экономика путей сообщений. 1920. №.2. С.85-86.
5. Соловьева А.М. Указ. соч. С.51-52.
6. Кеппен А.А. Материалы для истории рельсового производства в России. СПб., 1899. С.10-11.
7. Соловьева А.М. Указ. соч. С.118.
8. Кеппен А.А. Указ. соч. С.35.
9. Иосса Н.А. Настоящее положение чугуноплавильного производства в России. СПб., 1880. С.7.

10. Сигов С.П. Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. Свердловск, 1936. С.102.
11. Мильман Э.М. История первой железнодорожной магистрали Урала. Пермь, 1975. С.113.
12. Вяткин М.П. Горнозаводской Урал в 1900 — 1917 гг. М.-Л., 1965. С.17.
13. Соловьева А.М. Указ. соч. С.255.
14. Буранов Ю.А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861 — 1917). М., 1982. С.91-92.
15. РГИА. Ф.37. Оп.67. Д.462. Л.3 об.
16. Вяткин М.П. Указ. соч. С.318.
17. РГИА. Ф.23. Оп.19. Д.312. Л.15.
18. Танкиевская И.М., Устьянцев С.В. Салдинские железоделательные заводы. Екатеринбург, 1993. С.11.
19. Там же. С.14.
20. Вяткин М.П. Указ. соч. С.197.
21. Ильинский Д.П., Иваницкий В.П. Очерк истории русской паровозостроительной и вагоностроительной промышленности. М., 1929. С.79.
22. РГИА. Ф.1276. Оп.3. Д.227. Л.14.
23. ГАСО. Ф.24. Оп.20. Д.1312. Л.12-14.
24. Вяткин М.П. Указ. соч. С.299.
25. Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. Т.2. М., 1952. С.124-125.
26. Сборники статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1895 — 1900 годах. СПб., 1896 — 1903.
27. Сигов С.П. Указ. соч. С.149.

THE URALS METALLURGICAL PLANTS AND CONSTRUCTION OF THE TRANSSIBERIAN HIGHWAY

Changes in dynamics of production and assortment of let out production of the Urals metallurgical plants in connection with construction of the Transsiberian highway are analysed in the article. Influence of experience of construction of railways in the Urals on a construction of the Transsiberian highway is revealed.

E.J. Rukosuev

В.П. Микитюк

МЕЛКАЯ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ УРАЛА НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв. (на примере Никольского чугуноплавильного завода)

На рубеже XIX — XX вв. в уральской металлургической промышленности наблюдалась устойчивая тенденция к концентрации производства. В некоторых горнозаводских округах происходило наращивание производственных мощностей на основных предприятиях и свертывание производства на небольших заводах. Экономический кризис и последующая депрессия ускорили процесс концентрации производства, сопровождавшийся закрытием многих мелких предприятий.

Стремление владельцев к закрытию нерентабельных заводов осуществлялось на фоне спорадического возникновения новых предприятий. В отдельных случаях создавались сравнительно крупные заводы с современным оборудованием, строителями которых выступали представители крупного капитала, как российского, так и иностранного. В то же время нередко возникали мелкие и средние заводы, основателями которых, в основном, являлись представители торгового капитала или фабрично—заводской промышленности.

Уральский рынок регулярно ощущал нехватку металлургической продукции, так как значительная ее часть сбывалась за пределами региона. Это создавало благоприятные возможности для создания небольших металлургических заводов, ориентированных на местный рынок. Одновременно существовал целый комплекс препятствий для создания подобных предприятий.

Представители мелкого и среднего бизнеса, не имея значительных капиталов, были обречены на сооружение сравнительно мелких предприятий. Кроме того, в условиях, когда большая часть лесных и рудных богатств находилась в распоряжении казенных и частных горных округов, владельцы новых предприятий были вынуждены либо осваивать отдаленные территории с неразвитой инфраструктурой, либо существовать в пределах старых горных округов. Второй вариант предусматривал значительную зависимость от владельцев горных округов и крупные расходы на топливо и сырье.

В этих условиях представители мелкого и среднего капитала предпочитали создавать не столько чугуноплавильные и железоделательные заводы, сколько чугунолитейные. Процесс создания мелких и средних предприятий представителями торгового капитала начался уже в 60—е гг. XIX в. В 1864 г. в Ревдинском заводском поселке был построен чугунолитейный завод, принадлежавший местному жителю Д.И. Богомолову. На предприятии производились чугунные отливки, в основном, посуда и кухонные принадлежности. В 1867 г. в Ижевском заводском поселке возникли чугунолитейный завод и оружейная фабрика, основанные Н.И. Березиным и ориентированные на производство ковкого чугуна и чугунного литья.

В 1875 г. в Каслях возник чугунолитейный завод, основанный Г.Я. Кобелевым и ориентированный на выпуск чугунных отливок. В 1879 г. житель Шайтанского завода Л.А. Сосунов основал ваграночное заведение, занимавшееся производством чугунных изделий, в том числе запасных частей для различных машин, посуды, печных принадлежностей. В 1897 г. купец П.Ф. Кругликов построил чугунолитейный завод в с.Мезенском Екатеринбургского уезда, в том же году аналогичный завод был построен Г.И. Гуськовым в Каслинской волости Екатеринбургского уезда. Подобные примеры можно продолжать и дальше.

В отдельных случаях предприниматели не ограничивались сооружением чугунолитейных предприятий, а шли на риск строительства металлургических заводов, существование которых как правило оказывалось кратковременным. Наиболее часто подобные предприятия строились в Екатеринбургском уезде Пермской губернии и Златоустовском уезде Уфимской губернии. Одним из таких предприятий был Ивано—Павловский чугуноплавильный завод, построенный златоустовским купцом И.П. Беляковым в ноябре 1875 г. на р.Арше в Златоустовском уезде Уфимской губернии. Арендовав земельные и лесные участки, Беляков построил небольшую домну и в 1876 г. начал выплавку чугуна, произведя за год 59,5 тыс. пуд. штыкового чугуна. В 1877 г. на заводе было выплавлено 81,7 тыс. пуд. чугуна. Чугун сбывался преимущественно на местном рынке, часть продукции отправлялась на Нижегородскую ярмарку.

Для Белякова были очень важны отношения с казной, от которой в значительной степени зависело благополучие его детища. Первоначально эти отношения были вполне сносными, и Беляков даже получил десятилетнюю льготу в отношение налогов, что было очень ценно для предпринимателя, не обладавшего крупным капиталом. После истощения месторождений железной руды Белякову пришлось в 1883 — 1884 гг. закрыть чугуноплавильное производство и сделать ставку на производство железа, организованное еще в конце 1882 г. Имея 1 паровой кричный молот и 2 кричных горна, завод мог производить небольшое количество железа: в 1882 г. было получено 1,7 тыс. пуд. железа, в 1885 г. — 10,5 тыс. пуд. сортового и полосового железа.

Перепрофилирование завода, осуществленное без разрешения горных властей, вызвало со стороны последних резкую реакцию, чему способствовало негативное отношение к Ивано—Павловскому предприятию руководителей Кусинского казенного завода, обвинивших Белякова в нарушении закона, организации скупки краденного чугуна. Кроме того, управитель Кусинского завода Ч.В. Панцержанский жаловался, что Беляков, производя до 20 тыс. пуд. кричного железа в год, «... представляет конкуренцию отстоящего от него в 12 верстах Кусинского завода в отношении полезного для казны сбыта железа[1]». Наследники И.П. Белякова, лишившись поддержки госструктур, в июне 1888 г. остановили завод, который больше не возобновлял своей деятельности.

Несколько иные причины послужили поводом для закрытия Михайловского (Метлинского) чугуноплавильного завода. 27 февраля 1879 г. екатеринбургские купцы 2—й гильдии М.Г. Белиньков и А.Е. Тимофеев заявили Уральскому горному правлению о стремлении «... построить доменное производство, для

выделки железа и для ваграночного действия [2]» на р. Мещеряк близ с.Метлино. Со временем компаньоны нашли более удобное место для завода, расположенное близ того же с.Метлино, но на реке Бишляк.

Получив необходимое разрешение и освобождение на 10 лет от уплаты горной подати, компаньоны арендовали земельный участок и лесную дачу близ с. Метлино, а сын одного из компаньонов, В.М. Белиньков еще ранее, 1 марта 1878 г., арендовал на 12 лет Кунакбаевский железный рудник в Шадринском уезде Пермской губернии, на котором организовал добычу бурого железняка. 13 марта 1880 г. завод начал действовать, выплавив за год 121,8 тыс. пуд. чугуна.

В 1881 г. было произведено 148,6 тыс. пуд. чугуна, но уже в 1882 г. произошло падение производства: за год было выплавлено всего 89,4 тыс. пуд. чугуна. В 1882 г. домна была остановлена, из заводского оборудования продолжала функционировать лишь вагранка. Снижение производства было вызвано вполне прозаической причиной — нехваткой топлива. Наследники М.Г. Белинькова некоторое время продолжали эксплуатировать завод, делая ставку только на чугунолитейное производство, но и оно было свернуто в 1887 г. [3]

Новая попытка строительства металлургического завода была предпринята в конце XIX в. обывателем Кусинского завода М.А. Архиповым и златоустовским мещанином Г.М. Михайловым, арендовавших участок земли близ д.Каскиновой в Златоустовском уезда Уфимской губернии и начавших в 1897 г. на берегу р.Азямки, притоке р.Уфы, строительные работы, в ходе которых были сооружены воздуходувная машина и домна с холодным дутьем, которую современники называли «миниатюрной». Это предприятие получило название «Никольского».

С момента возникновения завод был обречен на сложную судьбу, поскольку оба компаньона не располагали солидными капиталами. Кроме того, основатели завода выбрали для своих начинаний крайне неудачное время, совпавшее с началом экономического кризиса. Имелись и другие препятствия. Один из современников писал по этому поводу: «При доступности топлива распространение подобных мелких металлургических предприятий на Урале представляется весьма желательным, но существующие условия пользования уральскими лесами, имеющими уже назначение для целей старых заводов, для довольствия населения и тому подобного, в значительной степени препятствует этому. Развитие мелкого доменного производства можно ожидать не ранее, как на Урале создастся вольный рынок топлива — древесного или минерального[4]».

В конце 1899 г. Никольский завод начал функционировать, проработав всего 17 суток и выплавив 1 тыс. пуд. чугуна. В 1900 г. доменная печь работала уже 169 суток и выплавила 22,2 тыс. пуд. чугуна. Заводовладельцы продолжали совершенствовать оборудование завода, в частности, в 1900 г. самодельные воздуходувные меха были заменены на вентилятор Шиле, для приведения в действие которого был установлен локомобиль в 8 л.с.

Обновление производственных мощностей привело к росту производства чугуна, но кризис быстро ликвидировал этот положительный эффект. В 1901 г. за 120 рабочих суток было выплавлено 17,5 тыс. пуд. чугуна, в 1902 г. за 150

рабочих суток было получено 20,8 тыс. пуд. Логика дальнейшего развития завода требовала новых капиталовложений, что заставило заводовладельцев, исчерпавших собственные ресурсы, начать поиск новых компаньонов. В декабре 1901 г. в число заводовладельцев вошел предприниматель А.Ф. Бейвель, который в апреле 1902 г. перепродал свой пай американцу М.С. Клейману. Появление новых совладельцев не принесло желаемого результата, поэтому 10 декабря 1902 г. компаньоны продали завод вышеупомянутому А.Ф. Бейвелю[5].

По–видимому, у нового владельца не было желания эксплуатировать завод, так как он остановил производство и в марте 1903 г. продал предприятие инженеру Г.П. Шелю, который в том же 1903 г. перепродал его за 7 тыс. руб. торговому дому «Братья Злоказовы». Многопрофильная торгово–промышленная фирма «Братья Злоказовы» была хорошо известна в деловом мире Урала. У ее основателей, Петра (ок.1833 — 1897), Николая (ок.1841 — 1904) и Федора (1842 — 1912) Злоказовых, имелся немалый опыт руководства различными предприятиями, в том числе винокуренными, стекольными, суконными, пивоваренными. Делая основной упор на развитие фабрично–заводских предприятий, Злоказовы порой проявляли интерес к горнозаводской промышленности.

24 сентября 1887 г. П.А. Злоказов от имени фирмы направил докладную записку начальнику горного департамента Н.А. Кулибину, в которой сообщал, что «. . . желал бы приобрести оба эти завода (Каменский и Нижне–Исетский — В.М.) покупкою на правах полной собственности со всеми принадлежащими к ним лесами, дачами и рудниками[6]». В этот момент горный департамент не был заинтересован в продаже заводов, а предполагал только сдать в аренду Нижне–Исетский железоделательный завод. Злоказовы согласились арендовать предприятие, решившись затратить на его модернизацию до 200 тыс. руб., но при этом выдвинули ряд условий, среди которых были: разрешение на строительство доменной печи, поставка дров из Березовской дачи и т.д.

Горный департамент, получив условия Злоказовых, погрузился в состояние длительного размышления. За это время на Нижне–Исетский завод стали претендовать купец М.А. Тимофеев и совладелец Сысертского горного округа Д.П. Соломирский, из которых Тимофеев выдвинул наиболее приемлемые для казны условия. Злоказовы, разочарованные проволочками, в конце концов отказались от своих претензий стать горнозаводчиками. Аналогичная участь постигла и их конкурентов, так как «... по докладу г. министру государственных имуществ прошения главного управления Сысертских заводов о продаже Нижне–Исетского завода его превосходительство признал несвоевременным обсуждать вопрос о передаче в частные руки упомянутого завода не дающего ныне убытка[7]».

Неудача с покупкой Каменского и Нижне–Исетского заводов не остановила Злоказовых, желавших войти в число уральских горнозаводчиков. С приобретением Никольского завода эта давнишняя мечта осуществилась. Покупка Никольского завода Злоказовыми выглядит, на первый взгляд, довольно странной, так как уральская металлургическая промышленность в этот период переживала последствия мощного экономического кризиса и испытывала проблемы

со сбытом готовой продукции. В то же время можно предположить, что опытные предприниматели просчитали ситуацию и не собирались выбрасывать деньги на ветер. Стоит отметить тот факт, что Злоказовы за время своей предпринимательской деятельности купили или построили не одно предприятие различного профиля, сумев при этом значительно увеличить объем выпускаемой продукции. Любопытно и то, что Злоказовы как правило начинали с мелких предприятий, постепенно превращая их в средние, реже в крупные заводы и фабрики.

Имея значительный опыт руководства предприятиями, Злоказовы сделали все необходимое для того, чтобы ликвидировать препятствия для развития Никольского завода. Они постарались обеспечить завод железной рудой, древесным и каменным углем. Для этого были арендованы 4 железных рудника, расположенные в 18 — 35 верстах от завода. Руда, добываемая на Арслановском и Аршинском рудниках, перевозилась непосредственно на завод с помощью гужевого транспорта. Руда с Первоначального и Екатерининского рудников поступала на железнодорожные станции «Чебаркуль» и «Миасс», а затем по железной дороге следовала до станции «Злоказово», находившейся в двух верстах от Никольского завода. Этот отрезок пути обслуживался гужевым транспортом.

Для нужд завода требовались различные виды топлива, в том числе дрова, древесный и каменный уголь. Дрова были необходимы для паровых котлов, локомобилей, томильных печей, а также для отопления квартир рабочих и служащих. Годовая потребность равнялась примерно 3500 куб. саж. Снабжение завода дровами Злоказовы организовали частично за счет закупки у башкирского населения и в казенных лесных дачах, частично за счет разработки арендованных лесосек.

Никольский завод испытывал большую потребность в древесном угле, которого для нормальной работы домны и другого оборудования сначала требовалось до 8 тыс. коробов, а потом потребность возросла до 24 тыс. коробов. Для решения этой проблемы Злоказовы построили в лесосеках 17 углевыжигательных печей, кроме того, 9 таких печей было сооружено близ завода. 26 печей ежемесячно производили до 2 тыс. коробов древесного угля, которых вполне хватало для нормальной работы завода. Уголь, полученный в лесосеках, а также дрова доставлялись на территорию завода путем сплава по р.Азямке.

Снабжение предприятия железной рудой, дровами и древесным углем заводовладельцы организовали достаточно быстро и эффективно, хотя и не без проблем. Сложнее пришлось с доставкой на завод каменного угля, антрацита и кокса, которые были необходимы для работы вагранки и производства ковкого чугуна. Каменный уголь, которого в первое время ежегодно требовалось около 6 тыс. пуд., а затем не менее 20 тыс. пуд., Злоказовы стали закупать на Анжеро—Судженских каменноугольных копях, а нужное количество антрацита и кокса пришлось приобретать в Донецком бассейне. В целом, Злоказовы сравнительно успешно решили все проблемы по доставке топлива и железной руды.

Не менее эффективно был решен кадровый вопрос: в условиях безработицы было сравнительно несложно найти нужное количество рабочих. Значитель-

ная часть вспомогательных рабочих была нанята в окрестных селениях, а рабочие для основных производств рекрутировались, как правило, из числа жителей Кусинского заводского поселка и других заводских поселков Златоустовского горного округа. В 1907 г. на основных работах трудились 80 человек, на вспомогательных было занято 100 рабочих.

В 1903 — 1905 гг. Злоказовы энергично занимались модернизацией предприятия, которой руководил управитель завода К.П. Крылов. В процессе обновления производственных мощностей была несколько изменена конструкция доменной печи. Это позволило при объеме печи в 68 кубических метров выйти на ежесуточную производительность от 1000 до 1200 пуд. чугуна. В этот же период при печи был построен воздухонагревательный аппарат системы «Джерсей», позднее при домне был сооружен воздуходувный вентилятор Энке. Кроме того, Злоказовы получили разрешение на сооружение литейноформовочной и вагранки с производительностью в 250 пуд. в сутки. Литейноформовочная и вагранка были сооружены уже в 1904 г., затем были построены машинное отделение, кузница, слесарный и столярный цехи. Энергетическое хозяйство первоначально состояло из вододействующего колеса в 15 л.с. и двух паровых машин общей мощностью в 30 л.с.

В 1906 г. завод возобновил свою деятельность и произвел 54 тыс. пуд. чугуна, из них 47,2 тыс. пуд. в штыках, 6,8 тыс. пуд. в припасах. В том же году было произведено 16,6 тыс. пуд. чугунных изделий. В 1907 г. предприятие работало очень стабильно. Домна за 360 суток действия использовала 7,3 тыс. коробов древесного угля, 68,1 тыс. пуд. флюсов, 251,6 тыс. пуд. бурого железняка и выплавила 103,9 тыс. пуд. чугуна. Увеличил свою производительность и литейных цех, в котором было произведено 38,7 тыс. пуд. чугунных изделий.

В первый период своей истории завод испытывал серьезное влияние экономической депрессии и страдал от отсутствия заказов, что влияло на объем производства, который был подвержен ежегодным колебаниям. Уже в 1908 г. объем производства значительно снизился: было выплавлено всего 49,5 тыс. пуд. чугуна и отлито 22,5 тыс. пуд. чугунных изделий. В 1909 г. завод увеличил производительность чугуна, которого было выплавлено 93,5 тыс. пуд. чугуна. В то же время литейный цех сработал хуже, произведя только 17,6 тыс. пуд. чугунных отливок.

К 1910 г. из основателей торгового дома «Братья Злоказовы» в живых остался только младший из братьев — Федор Алексеевич. Это привело к появлению в руководстве фирмы новых людей: место Петра Алексеевича занял его сын Владимир Петрович, место Николая Алексеевича — его дочь Мария Николаевна, которая, впрочем, значительного участия в деятельности фирмы не принимала, передоверив управленческие функции своему мужу А. В. Вадарскому. Отсутствие взаимопонимания между представителями разных поколений злоказовского клана привело к разделу семейной фирмы, что и было осуществлено в 1910 г. Все движимое и недвижимое имущество фирмы было поделено на три равные части, а затем по жребию распределено между основными наследниками. Никольский завод достался Федору Злоказову и его сыновьям Николаю и Сергею.

К этому времени основное заводское оборудование состояло из турбины в 20 л.с., двух паровых машины в 30 л.с., воздуходувного вентилятора Энке, воздухонагревательного прибора, домны и вагранки. На основных работах было занято 48 рабочих. 1910 г. для предприятия был достаточно сложным в большей степени из–за общей неблагоприятной конъюнктуры, в меньшей — из–за процесса раздела фирмы. Значительную часть года завод бездействовал, произведя всего 6,6 тыс. пуд. чугуна.

После того как делами завода стали заниматься Николай и Сергей Злоказовы, его положение заметно улучшилось. Непосредственное руководство заводом осуществлял Николай Федорович (1874, Кусинский завод — 1925, Тяньцзин, Китай), который, не имея специального образования, сумел на практике изучить металлургическое производство. Инженер–технолог Сергей Федорович Злоказов (1876, Кусинский завод — 1936, Буэнос–Айрес, Аргентина), окончивший Петербургский технологический институт и проживавший в Екатеринбурге, занимался поисками заказов и контактами с горными властями. Общее руководство фирмой осуществлял Федор Алексеевич Злоказов, имевший скудное домашнее образование и огромный практический опыт торгово–промышленной деятельности.

Начиная с 1911 г., Никольский завод стал постепенно увеличивать объем производства, что стало возможным благодаря улучшению рыночной конъюнктуры. В 1911 г. на Никольском заводе было выплавлено 104,4 тыс. пуд. чугуна и произведено 24,5 тыс. пуд. литья. Злоказовым удалось добиться не только повышения объема производства, но и улучшения качества выпускаемой продукции. В 1911 г. завод отправил свои изделия на Западно–Сибирскую выставку, которая проходила в Омске, и был награжден большой серебряной медалью за хорошее качество чугунного литья. Появление продукции Никольского завода на Омской выставке не было случайным, так как Злоказовы давно продвигали продукцию своих заводов на сибирский рынок. Участие в Омской выставке позволило им начать поиск потенциальных клиентов среди сибирских предпринимателей.

По странному совпадению в январе 1911 г. в газете «Новое Время» появилась статья журналиста М. Меньшикова «Край без хозяев», в которой утверждалось: «В то самое время, как русские заводы на Урале лопаются от бездействия, иностранцы крайне деятельно захватывают сибирский железный рынок. Во всех городах, начиная от Челябинска до Владивостока, приютились американцы со своими складами земледельческих и всевозможных машин. Наши заводчики дремлют, а американцы из-за океана разглядели успехи сибирской колонизации и спешат организовать необходимую промышленность»[8].

В этом более чем полемичном пассаже очень верно обозначен интерес, который двигал Злоказовыми — «успехи сибирской колонизации». Развитие сельского хозяйства в Сибири и увеличение спроса на сельско–хозяйственные машины сделали возможным сбыт части продукции Никольского завода, в основном запасных частей для различной техники. Правда, Злоказовых ждала острая конкуренция со стороны иностранных производителей.

К этому периоду Никольский завод уже имел сложившийся круг клиентов на Урале и в европейской части российской империи, большую часть из которых составляли казенные предприятия. Современники писали: «До войны Никольский завод две трети годовой производительности чугуна продавал Балтийскому, Невскому и Ижорскому заводам Морского ведомства, Самаро–Златоустовской железной дороге, Харьковскому паровозостроительному заводу и другим. Изготовлял отливки сельско–хозяйственных машин и впервые ввел на Урале производство ковкого чугуна для частного рынка»[9]. В этой цитате содержится довольно подробный перечень основных потребителей продукции Никольского завода, которым поставлялись чушковый литейный чугун, вагонные и паровозные принадлежности. Кроме того, завод поставлял на уральский, а затем и на сибирский рынок, запасные части к паровым и водяным двигателям, сельско–хозяйственным машинам, а также посуду и ковкий чугун. Для производства последнего была построена мартеновская печь емкостью 3,5 тонны с суточной производительностью в 600 пудов и 4 томительные печи.

Несмотря на увеличение спроса на продукцию Никольского завода, его деятельность находилась в сильной зависимости от рыночной конъюнктуры и была по–прежнему подвержена сильным колебаниям. В 1911 г. на заводе было произведено 104,4 тыс. пуд. чугуна и 24,5 тыс. пуд. чугунных изделий, в 1912 г. было получено только 32,3 тыс. пуд. чугуна и 26,5 тыс. пуд. литья. В 1913 г. вновь был отмечен рост продукции: произведено 117,7 тыс. пуд. чугуна и 31,2 тыс. пуд. литья. К 1913 годовое производство Никольского завода оценивалось в 150 тыс. руб.

Сильные колебания объема производства негативно отражались на заводе, но не вели к разорению, так как у заводовладельцев были возможности для его финансирования. После раздела фирмы в распоряжении Федора Алексеевича Злоказова и его сыновей кроме Никольского завода имелись Петровский стекольный завод, а также ряд винокуренных, спиртоочистительных и пивоваренных предприятий, разбросанных по территории Урала и Сибири. Кроме промышленных предприятий Ф.А. Злоказов оказался совладельцем значительной сети торговых заведений. В целом, все движимое и недвижимое имущество оценивалось приблизительно в 3 млн. руб., что позволяло Федору Злоказову выделять дополнительные средства на финансирование Никольского завода.

После смерти Федора Алексеевича, скончавшегося в 1912 г., руководство фирмой и Никольским заводом полностью перешло в руки его сыновей, которые проявили склонность к расширению металлургического производства, начав в Екатеринбурге строительство Исетского металлического завода. Одновременно Николай и Сергей Злоказовы принимали меры к наращиванию производственных мощностей Никольского завода.

С началом Первой мировой войны в истории Никольского завода наступил самый напряженный период его деятельности. В 1914 г. и в начале 1915 г. завод действовал относительно стабильно, работая в основном на старых заказчиков, причем спрос на его продукцию значительно повысился, особенно на изделия из ковкого чугуна. В целом, за 1914 г. было произведено 349,4 тыс. пуд. чугуна. Предприятие успешно выполнило крупные заказы Златоустовского

завода на ручки для ножниц для резки колючей проволоки и Сестрорецкого оружейного завода на некоторые оружейные части. Кроме того, Злоказовы продолжали поставлять литейный чугун Балтийскому заводу и Самаро–Златоустовской железной дороге. В то же время завод стал испытывать проблемы с рабочей силой, так как часть вспомогательных рабочих, занятых на рудничных работах, заготовке дров и древесного угля и их доставке, была мобилизована. Мобилизация коснулась и части квалифицированных рабочих.

В марте 1915 г. Никольский завод был привлечен к выполнению дополнительных военных заказов, в частности он стал поставлять ковкий чугун Петроградскому Арсеналу и Тульскому оружейному заводу. Эти поставки продолжались все военные годы. С подобными заказами завод справлялся сравнительно успешно, так как приходилось выполнять привычную работу, не требовавшую изменения технологии, установки нового оборудования, обучения рабочих. Сложности начались в конце 1915 г.

Военные специалисты, обследовавшие предприятие, пришли к выводу, что имеющегося оборудования достаточно для производства мин — и завод в октябре 1915 г. получил заказ на изготовление 50 тыс. чугунных мин к миномету Дюмезиля. Это количество мин калибра 58 мм должно было быть изготовлено к 1 ноября 1916 г. Забегая вперед можно сказать, что Никольский завод практически справился с выполнением заказа, поставив к ноябрю 1916 г. 48925 мин[10]. Правда, для исполнения заказа заводовладельцам пришлось приложить немало усилий и затратить много средств.

В короткое время Злоказовы сумели наладить производство мин. С этой целью они приняли меры к расширению производственных мощностей завода. Перед началом исполнения заказа на мины Злоказовы провели капитальный ремонт домны, которая вновь начала работать в декабре 1915 г. и вполне справлялась с задачей выплавки необходимого объема чугуна. Мартеновская и томительные печи также работали на полную мощность, обеспечивая предприятие нужным количеством ковкого чугуна. Если мощности доменного и мартеновского цехов вполне удовлетворяли текущие заводские потребности, то возможностей литейного цеха для приготовления нужного количества мин были откровенно недостаточно. Еще более плачевно дела обстояли в механическом цехе, который Злоказовым было необходимо значительно увеличивать.

Для расширения мощностей литейного цеха на заводе была построена вторая вагранка, что несколько сняло остроту проблемы. Первая вагранка была рассчитана на выплавку от 80 до 120 пуд. в час, вторая — от 100 до 150 пуд. Обе вагранки были ориентированы исключительно на исполнение заказа по минам. В механическом цехе, который существовал при Никольском заводе, было установлено 4 кузнечных горна и 18 различных станков, из которых 9 были токарными. Кроме того, в цехе имелись локомобиль в 26 л.с. и гидротурбина «Богатырь» мощностью в 12 л.с. Цех не использовался для обработки мин, а занимался изготовлением опок, ремонтом станков и паровых машин.

Для обработки мин Злоказовы устроили дополнительный механический цех, использовав для этого помещения Петропавловского винокуренного завода, который находился в 10 верстах от Никольского предприятия. Этот шаг был

вынужденным, поскольку времени для строительства здания для нового механического цеха при Никольском заводе у Злоказовых не было, поэтому они устроили его в помещениях Петропавловского завода, который был закрыт по случаю установления на время войны сухого закона. Мины доставлялись на Петропавловский завод с помощью гужевого транспорта, а в хорошую погоду на грузовых автомобилях. Количество оборудования в этом цехе постоянно росло. К 1917 г. в цехе действовал 71 станок, в том числе 65 токарных, 5 сверлильных и 1 фрезерный. Кроме того, в распоряжении цеха имелись 1 паровой котел, 2 паровые машины общей мощностью в 70 л.с., 2 динамо—машины постоянного тока по 175 ампер каждая, а также 6 электромоторов общей мощностью в 377 ампер.

Рядом с железнодорожной станцией «Злоказово» был построен деревообделочный цех, который занимался изготовлением ящиков для мин. В цехе имелось следующее оборудование: локомобиль в 25 л.с., 6 различных пил, 2 сверлильно—фрезерных и 2 токарных станка. Суточная производительность цеха колебалась от 400 до 500 штук ящиков. В этом же цехе производилась покраска готовых мин.

Благодаря строительству второй вагранки и нового механического цеха Никольский завод оказался в состоянии выполнить заказ на мины, правда, Злоказовым по мере расширения производственных мощностей приходилось сталкиваться с возрастающей нехваткой как квалифицированных, так и неквалифицированных кадров. Недостаток лесорубов, возчиков, а также токарей и литейщиков сильно тормозил работу завода. Отчасти эта проблема была снята за счет применения труда военнопленных и китайцев (только последних было задействовано около 500 человек). Попытка использования китайцев в качестве токарей и литейщиков оказалась абсолютно неэффективной, несмотря на определенный курс обучения. К тому же русская администрация и китайские рабочие далеко не всегда понимали друг друга, что приводило к различным конфликтам.

В частности, китайцы, прибывшие на Урал сравнительно неплохо экипированными и готовыми к русской зиме, забыли об одной мелочи — валенках, поэтому некоторое время сидели в казармах и не выходили на работу. Когда же администрация завода доставила необходимое количество валенок, то китайцы отказались их надевать, так как валенки были белого цвета, который в Китае означал цвет траура, смерти. В конце концов, большая часть китайских рабочих была переведена на другие заводы, и только пятая их часть осталась на Никольском и Петропавловском предприятиях. Гораздо проще дело обстояло с военнопленными, большая часть которых была солдатами австрийской армии, причем в значительной степени венграми, словаками и чехами. Если военнопленные—немцы не проявляли особого рвения в работе и пытались бежать, то славяне и венгры работали вполне добросовестно. Немцев, в конце концов, с завода убрали.

Оставшихся на заводе военнопленных и китайцев было явно недостаточно для пополнения кадров литейщиков и токарей, поэтому Злоказовы решились на использование женского труда. По воспоминаниям одного из сыновей Николая Злоказова на Петропавловском заводе «... был впервые широко применен в

металлической промышленности интеллигентный женский труд. Девушки из средних учебных заведений, после короткой подготовки становились токарями, успешно справлявшимися со всеми операциями по обработке мин. Из них был выбран также кадр браковщиков [11]». Военные специалисты, курировавшие Никольский завод, оценивали применение женского труда более сдержанно.

В результате использования труда военнопленных, китайцев и русских женщин кадровый голод был утолен, литейные и механические цехи получили возможность работать с максимальной нагрузкой. Принятые меры позволили начать производство мин, однако первые пробные стрельбы показали низкое качество выпускаемой продукции — мины в буквальном смысле разваливались на отдельные части непосредственно после выстрела. Потребовались дополнительные усилия, которые дали необходимый результат, и Никольский завод приступил к выполнению заказа на мины. К 1916 г. процесс производства мин был полностью отлажен и поставлен на поток.

Специалисты Главного артиллерийского управления (ГАУ) и Уральского горного правления рекомендовали предпринимателям, производящим мины, «... посетить заводы Сысертского горного округа и Никольский завод братьев Злоказовых, где означенное производство можно считать вполне налаженным, и получить руководящие указания в смысле приема работ для избежания затруднений в отливке и переделах » [12] .

В целом, заводовладельцы и рабочие Никольского завода сделали все от них зависящее для выполнения военных заказов. В значительной мере успех деятельности завода зависел от предпринимательских талантов Николая и Сергея Злоказовых, а также от знаний и организационных навыков инженерных кадров. Злоказовы сравнительно удачно справились со всеми стоящими перед ними проблемами, сумев обеспечить завод всем необходимым и наладить производство мин. Введение в строй новых производственных мощностей и строительство новых цехов далось Злоказовым с немалым трудом, так как введение сухого закона после начала войны нанесло сильный удар по злоказовской фирме.

Ряд их предприятий, в том числе Петровский, Петропавловский винокуренные, Ирбитские пивоваренный и спиртоочистительный заводы, с началом войны были закрыты, что лишило Злоказовых возможности использовать прибыль от деятельности этих заведений для финансирования Никольского и строящегося Исетского заводов. Тем не менее Злоказовы не только выполнили первый заказ на мины, но и получили второй заказ на изготовление 120 тыс. мин, который затем был сокращен до 100 тыс.

Стоит отметить, что первый заказ был выполнен не совсем точно в срок, но это произошло по независящим от Злоказовых причинам. В частности, ГАУ не сумело своевременно назначить на Никольский завод приемщика готовой продукции, поэтому мины некоторое время лежали невостребованными на складах. Еще одной причиной несвоевременности выполнения заказа явилось отсутствие на Пермском артиллерийском полигоне миномета и пороха, что привело к задержке испытаний.

Занимаясь изготовлением мин, завод продолжал выполнять и другие заказы. Например, по договоренности с Сызрано—Вяземской железной дорогой в

1916 г. было изготовлено 4500 подшипников из ковкого чугуна для товарных вагонов. В целом, в 1916 г. было выплавлено 284,6 тыс. пуд. чугуна, что было значительно ниже аналогичного показателя 1914 г. (349,4 тыс. пуд.). В то же время завод увеличил объем производства литья. Если в 1915 г. для нужд завода было произведено 31,8 тыс. пуд. литья, то в 1916 г. было изготовлено 76,6 тыс. пуд. различных отливок.

Получение нового заказа на 100 тысяч мин поставило перед Злоказовыми ряд новых организационных задач, с которыми они, в основном, справились. В то же время в 1916 г. положение завода по ряду параметров осложнилось. В частности, мартеновская печь в 1916 г. работала хуже, чем в предыдущие годы. В заводских документах отмечалось «Мартеновская печь сделала плавок: в 1915 году 343 и в 1916 году 256 плавок. Уменьшение плавок в минувшем году вследствие неимения у завода специальных чугунов для ковкого чугуна» [13].

Дополнительные сложности породило строительство Исетского металлического завода, который Злоказовы начали сооружать в Екатеринбурге на месте бывшей суконной фабрики. Часть строительных работ и заказ необходимого оборудования были осуществлены до начала Первой мировой войны, причем существенная доля оборудования была заказана в Англии, США и других странах. К началу войны большая часть заказанного оборудования еще не поступила в Екатеринбург, тем не менее ГАУ настояло на том, чтобы на недостроенном Исетском заводе было организовано производство снарядов. В силу этого, Злоказовым пришлось принимать экстренные меры к дооборудованию завода и к организации поставок всего необходимого для снарядного производства. В частности, близ станции «Злоказово» были построены две вагранки с производительностью 200 пуд. в час каждая. Обе вагранки полностью работали на Исетский завод, производя грузы к аккумуляторам.

Отвлечение сил и средств на сооружение Исетского завода отрицательно влияло на положение Никольского завода. В 1917 г. Никольский завод столкнулся с последствиями хозяйственной разрухи, в которую все больше втягивалась Россия. Особенно болезненной для завода была транспортная неразбериха, в частности, нехватка паровозов и вагонов. Уже в феврале 1917 г. завод столкнулся с нехваткой антрацита и кокса, поставки которых срывались из–за отсутствия у железной дороги необходимого количества вагонов.

Злоказовы, сообщая об этом председателю уральского комитета по всем видам топлива, писали: «... имеем честь сообщить, что ... положение на заводе создалось самое критическое, а именно: часть рабочих–специалистов, как–то: литейщиков, токарей и слесарей пришлось уже распустить, остальные рабочие этих категорий продолжают оставаться на заводе, веря в надежду на скорое получение нашим заводом кокса и антрацита»[14]. Аналогичное положение сложилось с поставками каменного угля с Судженских копей. В марте 1917 г. Злоказовы подали заявку на 10 вагонов каменного угля и не получили ни ответа, ни каменного угля. Это на первых порах не привело к остановке мартеновской печи, так как при заводе всегда имелся определенный запас, однако он быстро истощился.

Столь же сложная ситуация складывалась с поставками продовольствия. К 1 января 1917 г. на Никольском и Петропавловском заводах насчитывалось около 4,5 тыс. рабочих, служащих и членов их семей, для которых нужно было ежемесячно поставлять 100 пуд. разных круп, 400 пуд. соли, 450 пуд. сахара, 1200 пуд. мяса, 2000 пуд. ржаной муки и 6000 пуд. муки—крупчатки. С сахаром уже в декабре 1916 г. имелись перебои, что привело к снижению нормы выдачи. Если рабочие настаивали на выдаче 4 фунтов на человека, то в декабре 1916 г. по решению Златоустовского земства выдавалось по полфунта на человека, в январе 1917 г. — три четверти фунта.

Более или менее удовлетворительно решался вопрос с доставкой соли и крупы, а с поставкой муки—крупчатки дело обстояло плачевно. Все годы войны эта мука поставлялась со злоказовской крупчатной мельницы, которая находилась близ станции Есаульской Омской железной дороги. С дезорганизацией транспорта в поставках крупчатки стали наблюдаться большие перебои, что вызвало справедливое недовольство рабочих.

Летом и осенью проблемы с доставкой топлива и продовольствия обострились настолько, что работа завода в значительной степени была парализована. С приходом к власти большевиков ситуация осложнилась еще больше, так как пробольшевистки настроенные рабочие взяли в свои руки управление Исетским и Никольским заводами. Кроме того, началось преследование заводовладельцев, обвиненных в саботаже, причем Николай Федорович Злоказов 22 октября 1917 г. был арестован и заключен в тюрьму. Инициаторами этого ареста были рабочие Исетского завода. Спустя некоторое время Сергею Федоровичу Злоказову удалось получить часть причитающихся денег за произведенные мины и снаряды и передать их в кассу Исетского завода. Этого оказалось достаточным для освобождения Николая Федоровича, который был выпущен под подписку о невыезде.

Летом 1918 г. Никольский завод вновь оказался под контролем Злоказовых, но братья, не имея средств для дальнейшей эксплуатации предприятия, продали его Союзу кооперативных союзов. С этого момента начинается короткая заключительная глава биографии Никольского завода, который в годы гражданской войны большей частью простаивал. В начале 1920—х гг. было возобновлено чугунолитейное производство, в частности, по заказам различных металлургических предприятий изготавливались изделия из ковкого чугуна. Продолжалось это недолго, поскольку в результате решения об укрупнении металлургических предприятий Никольский завод был закрыт, часть его оборудования была демонтирована и перевезена в Кусинский завод.

Пример Никольского предприятия показывает, что в условиях курса на создание крупных металлургических заводов и концентрацию производства мелкие и средние металлургические предприятия могли успешно существовать при условии рациональной постановки заводского хозяйства и тщательного изучения потребностей рынка. Данный опыт не был оценен по достоинству, так как в советский период отечественной истории тенденция на сооружение гигантов черной и цветной металлургии получила еще более четкое оформление с одновременным закрытием мелких и средних предприятий, объявленных бесперспективными.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГАСО. Ф.24. Оп.19. Д.296. Л.1.
2. Там же. Оп.32. Д.1454. Л.1.
3. Кулибин С. Горнозаводская производительность России в 1887 г. СПб., 1890. С. 372–374.
4. Никольский завод // Уральское горное обозрение. Екатеринбург. 1900, 1 октября, № 39.
5. ГАСО. Ф.24. Оп.19. Д.547. Л.2.
6. Там же. Оп.16. Д.391. Л.5.
7. Там же. Л.80.
8. Уральский край. 9 января 1911.
9. ГАСО. Ф.24. Оп.14. Д.981. Л.1.
10. Там же.
11. Злоказов К.Н. Страницы о Злоказовых для моих племянников. Алапаевск, 1974. С.18–19. Из частной коллекции.
12. ГАСО. Ф.73. Оп.1. Д.80. Л.18.
13. ГАСО. Ф.24. Оп.14. Д.981. Л.2.
14. ГАСО. Ф.111. Оп. 2. Д.130. Л.3.

FINE METALLURGICAL INDUSTRY IN THE URALS ON THE BOUNDARY OF XIX-XX CENTURIES
(on example of Nikol'ski cast iron plant)

The problem of functioning of the fine metallurgical enterprises created on the boundary XIX-XX centuries in conditions of the tendency of concentration of production peculiar for the Urals metallurgical industry is considered in the article on example of Nikol'ski cast iron plant . Experience of representatives of the trading capital on creation of the mining enterprises is analysed.

V.P. Mikitjuk

А.В. Жук

МЕТАЛЛУРГИЧЕСКАЯ БАЗА ВОЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА НА УРАЛЕ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Важнейшим этапом в развитии металлургии на Урале как ведущей отрасли региона, в течение трёх столетий своего существования способствовавшей превращению его в «опорный край державы», «добытчика и кузнеца» и принесшей ему мировую славу, была Первая мировая война. Ведь практически со времени этой войны, справедливо получившей знаковые эпитеты «Мировая» и «Великая», успех в военных конфликтах мирового значения как никогда стал определяться потенциальной промышленной мощью враждующих государств, где решающее значение имели состояние и уровень развития оборонной промышленности, включавшей в себя и такую важнейшую отрасль как металлургия.

Военное производство на Урале, имевшее до начала Первой мировой войны более чем двухвековую историю, опиралось на солидную металлургическую базу, без которой невозможно было бы его существование и развитие: литье орудий, черновая заготовка для производства стальных, чугунных снарядов, холодного оружия и шанцевого инструмента производились либо на самих военных заводах (к началу военных действий с Германией на Урале имелось только восемь казенных военных предприятий (Пермский пушечный, Ижевский оружейный, Златоустовский, Кусинский, Саткинский, Артинский, Верхнетуринский и Баранчинский заводы), выпускавших около 15% всей военной продукции страны), либо поставлялись по специальным заказам другими металлургическими предприятиями региона.

Металлургические заводы Урала, входившие в состав 4 казенных и 19 частных и посессионных округов (см. таблицу 2), являлись предприятиями с полным техническим циклом выделки металла — от добычи руды до производства сортового железа и стали.

Топливно-сырьевые ресурсы металлургического производства региона заключались в наличии достаточно богатых месторождений полезных ископаемых (железных руд, залежей бурого каменного угля и т.п.) [1] и лесных массивов (в 1914 г. в Вятской, Пермской, Оренбургской и Уфимской их площадь составляла до 32 млн. десятин) [2].

По масштабам и высоким качествам — большому содержанию железа (до 67—70%), чистоте, легкоплавкости, наличию природных легирующих элементов (хром, марганец, никель и др.), отсутствию или небольшому количеству вредных примесей (фосфор, сера и т.п.) — уральские железные руды считались одними из лучших в мире [3]. К началу Первой мировой войны на крупных рудниках Урала (Ауэрбаховском, Бакальском, Высокогорском, Гороблагодатском и

Таблица 1.

*Производство меди и добыча полезных ископаемых на Урале с 1910 по 1913 гг., в тыс. пудов**

Продукт	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.
Электролитическая медь	612	829	1059	977
Медная руда	18413	29683	39509	41542
Железная руда	72100	95536	112685	97564
Марганцевая руда	95	187	202	1190
Хромистый железняк	831	1697	1553	1486
Каменный уголь	34814	33862	47503	60164
Магнезит	2276	3483	4162	нет сведений

* Составлено по: Труды XX Съезда горнопромышленников Урала с 27 февраля по 3-е марта 1915 г. в г.Екатеринбурге. Пг., 1915. С. 188.

Магнитогорском) ежегодно добывалось от 99,3 до 112,7 млн. пудов железной руды [4].

С расширением в начале XX в. применения хромитов в металлургии высококачественных сталей — феррохрома, существенно увеличилась добыча хромовой руды. Накануне Первой мировой войны на долю Урала приходилось около 1/5 её мировой добычи.

В предвоенные годы в регионе динамично развивалась добыча медной руды, перерабатываемой в медь, широко использовавшейся в производстве снарядов (пояски, снарядные стаканы) и патронов (гильзы). Производство меди на Урале было сосредоточено на Богословском, Кыштымском, Нижнетагильском, Верхисетском, Сысертском, Белорецком, а с 1912 г. — в Южно-Уральском горнопромышленном обществе [5]. В 1906—1912 гг. в производстве меди на Урале произошли существенные сдвиги, когда в Кыштымском горном округе был построен Карабашский медеплавильный завод и узкоколейная железная дорога, связавшая его с Кыштымским заводом, а также установлено новое оборудование на Нижнекыштымском электролитном заводе. Выплавка электролитической меди в Карабаше с 1907 по 1913 гг. увеличилась с 17,0 млн. пудов до 486,8 млн. и составила около 50% от производства всей электролитической меди на Урале [6].

В целом, основные показатели по производству уральскими предприятиями электролитической меди и добыче полезных ископаемых за четыре предвоенных года можно объединить в таблице 1.В предвоенные годы в регионе активизировалось железнодорожное строительство, имевшее огромное значение в плане усиления транспортных коммуникаций между военными и металлургическими предприятиями как Урала, так и всей страны в целом. В 1909 г. была

завершена постройка железнодорожной линии Пермь-Кунгур-Екатеринбург, соединившей через Вятку и Вологду Урал с центральной и северо-западной Россией. В течение 1908—1914 гг. в регионе было построено 1420 верст рельсовых путей, позволивших соединить ряд заводов с магистральными железнодорожными линиями. К началу Первой мировой войны близилась к завершению постройка еще девяти железнодорожных линий общей протяженностью 2198 верст. В целом, с 1908 по 1914 гг. сеть железнодорожных коммуникаций на Урале выросла в 2 раза [7]. Из законченных уже в первые годы войны железнодорожных линий большое значение имели Западно-Уральская (Лысьва—Бердяуш) и Северо-Восточно-Уральская (Екатеринбург—Тавда), обеспечившие выход ряда заводов к Бакальским рудам и неиспользованным лесным массивам Туринско-Тавдинского района. В этой связи существенное значение имело также строительство в 1913—1914 гг. железнодорожной магистрали Оренбург—Орск [8].

В 1912 г. правительством был утвержден план, по которому предполагалось затратить в течение ближайших 2—3-х лет свыше 10 млн. рублей на расширение металлургического и орудийного производства прежде всего на Пермском и Златоустовском заводах. В счет этой программы казенным заводам было выделено 3,9 млн. рублей [9].

По правительственному плану переоборудования предполагалось основное производство вооружения и снаряжения на Урале сосредоточить в Пермском, Златоустовском, Гороблагодатском округах и Ижевском оружейном заводе. План предусматривал и внутреннюю реорганизацию самих горных округов, занятых в военном и металлургических производствах. Так, в Златоустовском округе Златоустовский завод предполагалось полностью переключить на производство трехдюймовых и шестидюймовых артиллерийских снарядов, холодного оружия и шанцевого инструмента. Изготовление снарядов на Кусинском и Саткинском заводах планировалось прекратить и за счет этого увеличить на этих заводах выплавку металла. В 1913 г. было намечено выплавить около 6 млн. пудов чугуна и снарядной стали и произвести около 300 тыс. шт. стальных снарядов [10].

В Златоустовском горном округе реорганизация потребовала значительных изменений в организации топливного и рудного хозяйства. Была намечена централизация углевыжигательного процесса. Некоторые меры предполагались по усовершенствованию транспортного сообщения между предприятиями округа за счет модернизации магистральных железных дорог и постройки системы узкоколейных путей [11]. На Кушвинском заводе на ассигнованные правительством средства к 1914 г. была построена вторая мартеновская печь [12].

На военных предприятиях Урала накануне Первой мировой войны проводились мероприятия по улучшению организации снарядного производства, что сыграло существенную роль в мобилизации военной промышленности впоследствии. На Златоустовском заводе была отработана чёткая система запуска металла в штамповку или механическую обработку. Для обеспечения высоких тактико-технических характеристик снаряд изготовлялся из металла с заранее заданными прочностными свойствами, что обеспечивалось назначением опре-

Таблица 2.

*Выплавка чугуна на заводах Урала в 1910—1914 гг., в пудах**

Горные округа	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.	За 11 мес. 1914 г.
Казенные	6140426	6459628	8928203	9047561	7923636
Частновладельческие** и посессионные***	32300044	36886193	41419349	46892757	40149350
ИТОГО	38440470	43345821	50347552	55940318	48072986
Удельный вес в общероссийском производстве чугуна, в %	20,6	19,7	19,6	19,2	19,7

* Составлено по: Труды XX Съезда горнопромышленников Урала с 27 февраля по 3-марта 1915 г. в г. Екатеринбурге. Пг., 1915. С. 161; Вяткин М.П. Горнозаводской Урал в 1900—1917 гг. М., 1965. С. 245.

** Пермский, Златоустовский, Камско-Воткинский и Гороблагодатский горные округа.

*** Шайтанский, Сысертский, Верхисетский, Алапаевский, Омутнинский, Нижнетагильский, Чермозский, Строгановский, Лысьвенский, Сергинско-Уфалейский, Кыштымский, Ревдинский, Чусовской, Богословский, Симский, Белорецкий, Катавский, Инзерский и Невьянский горные округа.

делённой марки чугуна и стали. Металлургической марке стали присваивался условный номер плавки, который через клеймение сохранялся от штамповки до готового корпуса. Внедрение такой системы в снарядном производстве предотвращало случаи преждевременного разрыва корпуса в канале ствола орудий. Если на контрольных испытаниях на прочность при стрельбе возникала увеличенная деформация, не предусмотренная в технических условиях — все снаряды этой плавки браковались и изымались из производства. Такая система производства способствовала усилению качества поставляемых на склады снарядов и обеспечивала практически безотказную работу артиллерии на фронте [13].

Производство чугуна и некоторых сортов стали, применявшихся в военном производстве, в предвоенные годы, как видно из таблиц 2 и 3, было достаточно стабильным.

Объем производимой снарядной стали (основной сорт стали, требовавшийся для изготовления снарядов) зависел от текущих потребностей орудийного и снарядного производства, и, как показывают данные таблицы 3, удельный вес его среди остальных сортов стали был невелик, в увеличении которого накануне войны не видели острой необходимости.

Однако производственные мощности уральских металлургических предприятий с отработанными технологиями получения качественной стали, обеспеченные местной топливно-сырьевой базой, позволяли, в случае необходимости, значительно увеличить производство снарядной стали и обеспечить необходи-

Таблица 3.

Производство основных сортов стали и проволоки на уральских предприятиях в 1912—1914 гг., в пудах*

Продукция	1912 г.	1913 г.	За январь - июнь 1914 г.
Цементная сталь (в том числе и снарядная)	54545	26393	31134
Инструментальная сталь	85220	107048	54412
Рессорная и пружинная сталь	15009	11367	5641
Катанная проволока	869047	1067601	581641

* Составлено по: Труды XX Съезда горнопромышленников Урала с 27 февраля по 3 марта 1915 г. в г. Екатеринбурге. Пг., 1915. С. 165.

мым металлом не только уральские военные заводы, но и военные предприятия соседних регионов.

Выплавляемая на уральских металлургических заводах снарядная сталь обладала всеми важнейшими характеристиками, необходимыми для успешного производства из нее артиллерийских боеприпасов — прочностью, жароустойчивостью, ковкостью, устойчивостью к коррозии.

Как показывают данные таблиц 2 и 3, металлургические предприятия Урала накануне Первой мировой войны производили в год, в среднем, 47 млн. пудов чугуна, 37 тыс. пудов снарядной стали, 840 тыс. пудов проволоки, что, согласно штатам мирного времени, вполне удовлетворяло текущие потребности военного производства в регионе.

В пореформенный период, особенно в годы экономического подъема (90-е гг. XIX в. и 1910—1914 гг.), на металлургических заводах Урала была проведена серьезная реконструкция: доменные печи старых конструкций были постепенно заменены домнами усовершенствованных конструкций. При них были установлены мощные воздуходувные устройства, аппараты Каупера. Устаревшие способы передела чугуна — кричный и пудлинговый, — заменялись более совершенными и производительными бессемеровским и мартеновским, сварочное железо вытеснялось литой сталью. В энергетическом хозяйстве повсеместно стали применяться паровые двигатели, на крупных металлургических заводах ряд производств был электрифицирован [14]. Был намечен план усиления металлургического производства, строились железнодорожные коммуникации, производились освоение и разведка недр.

Однако, в целом, переоборудование военного и металлургического производств на уральских предприятиях к началу Первой мировой войны не было закончено. Любопытно замечание современника инженера Н. Гамберга по этому поводу, обратившего внимание на то, что «на уральских заводах, как типич-

ное явление, можно было встретить рядом с только что прибывшей от Зульцера или Клейна современным гигантом-машиной какую-нибудь старушку-турбину или просто водоналивное колесо с чудовищной зубчатой передачей, либо кустарного производства модную паровую машину, изготовленную в доброе старое время на своем заводе, — словом, двигатели, место которым в музее» [15]. В таком состоянии уральской промышленностью было встречено начало Первой мировой войны.

Таким образом, накануне Первой мировой войны Урал имел значительный потенциал для расширения военного производства. В регионе существовали развитые частные комплексы отраслей производств: металлургической, горной, горнодобывающей и фабрично-заводской промышленности, обеспеченные топливными и сырьевыми ресурсами. Однако, вплоть до Первой мировой войны этот потенциал оставался практически неиспользованным.

Но стратегическая *неуязвимость*, достаточная удаленность Урала как от восточных, так и от западных морских и сухопутных границ государств — потенциальных противников, развитая *металлургическая промышленность*, обеспеченная солидной *топливно-сырьевой базой*, наличие *железнодорожных коммуникаций* — все эти факторы, в целом, благоприятствовали развитию военной и металлургической отраслей производства именно в этом регионе страны.

Период с начала Первой мировой войны до середины 1915 г. стал важнейшим этапом мобилизации всей технической мощи казенных военных заводов Урала на усиление выпуска военной продукции. В этом контексте следует подробнее остановиться на мероприятиях по модернизации металлургического производства на казенных уральских предприятиях.

На Ижевском оружейном заводе, помимо реорганизации производства в 1913 — первой половине 1914 гг., имевшей свое продолжение и во второй половине 1914 г., с началом войны, согласно рапорту помощника начальника Ижевских оружейного и сталеделательного завода от 6 ноября 1914 г., было запланировано дополнительное переустройство предприятия на сумму 2196 тыс. рублей. Предполагалось построить 20-тонную мартеновскую печь, установить несколько дополнительный печей для ковки стволов [16]. На Пермском пушечном заводе к концу 1915 г. была построена и пущена в действие четвертая мартеновская печь, освоена электропереплавка инструментальной стали, установлен новый ковочный пресс весом свыше 3000 тонн [17]. В 1915 г. на Златоустовском заводе были построены новая 30-тонная мартеновская печь и чугунолитейный цех Ермоловской домны, пущена в действие центральная силовая станция [18].

Модернизационные мероприятия коснулись также работы рудников и лесных дач Златоустовского округа, снабжавших заводы сырьем и топливом. На Бакальском руднике к концу 1914 г. была расширена сеть железнодорожных коммуникаций, увеличен подвижной состав локомотивного депо, возведено несколько дополнительных жилых помещений для рабочих. В 1915 г. правительство ассигновало на переоборудование рудника 1 млн. руб., благодаря чему был освоен метод пневматического бурения горных пород. За 1915 г. было добыто около 9 млн пуд. руды, что не совсем удовлетворяло текущие потребности

заводов. С пуском новой пневматической установки, при условии полной электрификации рудника, к 1917 г. планировалось увеличить объём ежегодной добычи руды до 15 млн пуд. [19].

В Гороблагодатском горном округе, на Верхнетуринском и Баранчинском заводах в начале 1915 г. также наметился существенный рост металлургического производства. Производственный потенциал предприятий округа в 1915 г. был значительно усилен благодаря строительству на его территории лесоразделочного и углевыжигательного завода [20].

К концу 1915 г. сложилась система новых, «чрезвычайных» правительственных органов по управлению военной промышленностью на Урале в лице Особого Совещания по обороне государства и Уральского заводского совещания во главе с Уполномоченным Особого Совещания по обороне государства по Уральскому району, деятельность которых способствовала значительному усилению выпуска продукции оборонного значения.

В 1916 г. был намечен план дальнейшего расширения металлургического производства Пермского пушечного завода. С этой целью Министерство Торговли и Промышленности в мае 1916 г. обратилось в Особое совещание по обороне государства с просьбой об отпуске 7,65 млн руб. Эта сумма предназначалась для усиления мартеновского цеха и строительства электростанции в 15 тыс. киловатт. Работы по расширению производства начались в августе 1916 г. [21].

В 1916 г. ввиду недостатка в стране мартеновской стали Главным Артиллерийским Управлением активно обсуждался вопрос о применении бессемеровской стали для изготовления снарядных заготовок (поясков) с дополнительными нововведениями, улучшающими качество изделия. Применение такой стали в военном производстве значительно удешевляло и ускоряло процесс изготовления снарядов. В 1916—1917 гг. некоторые металлургические заводы региона хотя и в незначительном количестве, но все же наладили производство бессемеровской стали [22].

В металлургическом производстве на Урале повсеместно наметилась тенденция к замене древесного топлива минеральным: проекты подобной реорганизации производства разрабатывались практически на всех крупных казенных предприятиях региона. К концу войны усилилась тенденция к электрификации военного и металлургического производств по линии создания силовых установок, обслуживавших не один завод, а целую группу предприятий, входивших в состав заводского округа [23].

Однако, несмотря на значительные успехи в конце 1915—1916 гг., производительность казенных заводов в отношении выпуска оружия и боеприпасов в 1917 г. была ниже требуемой для выполнения всех полученных в 1916 г. «повышенных» и постоянно увеличиваемых нарядов и заказов. Нередки были случаи задержки поставок мартеновских слитков и снарядной стали металлургическими заводами военным предприятиям. Случались срывы взаимных поставок черновых заготовок и снарядной стали между военными предприятиями.

В 1916—1917 гг. активную деятельность по регулированию и активизации работы частных предприятий Урала, выпускавших продукцию оборонного значения, развернуло Уральское заводское совещание. 26 марта 1916 г. по иници-

ативе Совещания был созван съезд представителей металлургических заводов Урала и потребителей металла (практически в то время уже военных предприятий) с целью сбора данных о размещении заказов на снарядную сталь. С помощью съезда Уральское заводское совещание получило сведения о производстве и распределении около 10,8 млн пуд. снарядной стали на 1916 — начало 1917 гг. [24].

С целью выявления нарушений и выработки мер по дальнейшему повышению производительности частных предприятий Уральское заводское совещание создавало специальные комиссии для их обследования. На некоторые предприятия комиссии направлялись по несколько раз. В 1916—1917 гг. был проведен ряд обследований предприятий Ревдинского, Кизеловского, Алапаевского, Лысьвенского и других горных округов по вопросам выяснения причин задержки поставок некоторых видов военной продукции и снарядной стали [25].

В конце 1916 г. на Надеждинском заводе была построена 50-тонная мартеновская печь с мощностью выхода снарядной стали до 1 млн пуд. в год, начато строительство крупной мастерской по прокатке колючей проволоки [26].

В 1916 — начале 1917 гг. расширение металлургической базы военного производства на Урале шло повсеместно. На Аша-Балашовском заводе весной 1916 г. началось строительство доменной и мартеновской печей, Миньярский и Симский заводы провели частичную реконструкцию основных цехов, Пермский пушечный завод переоборудовал два цеха по ремонту паровозов, на Нижнесалдинском заводе шла достройка доменной и мартеновской печей, на Саткинском — силовая подстанция, электрометаллургическая фабрика и здание для механической мастерской, на Верхнекыштымском заводе была пущена мартеновская печь мощностью 3 тыс. пуд. металла в сутки, на Златоустовском была начата постройка прокатного цеха с применением оборудования Краматорского завода [27].

Существенные изменения в годы войны в управлении уральским металлургическим производством привели к укреплению горизонтальных экономических связей между заводами региона. Доставка чугуна с соседних заводов увеличилась в полтора раза, проката — в два раза, полупродукта — практически в восемь раз [28].

За годы Первой мировой войны в 2—3 раза вырос выпуск проката на металлургических предприятиях Симского, Белорецкого, Северного, Лысьвенского, Сысертского, Богословского, Шайтанского обществ, Алапаевского товарищества и заводах Демидовых. Во многом это было связано с переходом этих предприятий на производство военной продукции, стимулировавшее собственно металлургическое производство. На некоторых предприятиях производство снарядной стали составляло от 60 до 80% всего металлургического производства. Такие показатели говорят о высокой степени милитаризации вообще всей частной промышленности региона в 1914—1918 гг.

Удельный вес частных металлургических предприятий региона в производстве высококачественной снарядной стали, поставлявшейся не только на военные предприятия Урала, но и на военные заводы других регионов страны, в несколько раз превышал удельный вес казенных.

Таблица 4.

*Производство важнейших видов проката на Урале в годы Первой мировой войны**

Сорт проката	В млн. пуд.				В процентном соотношении			
	Год до войны	*1-й год войны*	*2-й год войны*	*3-й год войны*	*Год до войны*	*1-й год войны*	*2-й год войны*	*3-й год войны*
Сортовое железо	9,05	9,48	8,83	10,51	100	104,7	97,5	116,1
Снарядная сталь	1,3	2,74	9,01	16,26	100	211,1	693,4	1250,8
Проволока	1,01	1,37	2,17	3,25	100	134,9	213,9	321,7
Фасонно-профильное железо	0,57	0,19	0,23	0,04	100	33,9	40,8	8,0
Рельсы	7,25	7,41	2,69	1,78	100	103,0	37,1	24,5
Железнодорожные скрепления	1,72	1,46	1,28	0,85	100	85,3	74,9	49,3
Резервуарно-котельное железо	2,63	2,39	1,25	0,97	100	90,9	47,7	33,1
Кровельное железо	14,67	15,49	9,01	4,48	100	105,6	61,4	30,6

* Составлено по: Залесский С.А. Черная металлургия Урала в годы Первой мировой войны // Исторические записки. М., 1956. Т. 55. С. 152.

Таким образом, в годы Первой мировой войны металлургическая база военного производства на Урале была значительно расширена. С усилением спроса казенных военных предприятий на высококачественные сорта стали уральские частные металлургические заводы существенно увеличили производство снарядной стали и проволоки за счет сокращения выпуска мирной продукции, особенно рельсов и кровельного железа. В целом, основные показатели по металлургическому производству на Урале в годы Первой мировой войны представлены в таблицах 4 и 5.

Существенно возросла роль уральской металлургии в общероссийском производстве чугуна, стали и проката. Потеря в начале войны польских металлургических заводов привела к стратегическому возрастанию значения уральской металлургии. Ряд крупных петроградских военных заводов (Путиловский, Обуховский, Ижорский) и заводов Центрального промышленного района снабжались уральским металлом.

В 1914—1918 гг. уральские казенные и частные металлургические предприятия произвели более 220 млн. пудов мартеновского металла, свыше 28 млн. пудов снарядной стали и около 7 млн пуд. колючей проволоки [29].

Таблица 5.

*Выплавка мартеновского металла по заводам Урала в 1914—1917 гг. (в пудах)**

	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.
Всего по казенным	7569112	9415955	11617509	11318289
Всего по частным	49111585	53167593	45021464	33546610
Всего по частным и казенным	56680697	62583548	56638973	44864898
Всего по казенным за 4 года				39920864
Всего по частным за 4 года				180847252
Всего по частным и казенным за 4 года				220768117
Количество действующих печей на заводах к концу 1917 г.				

	Мартеновских:	*Пудлинговых:*	*Бессемеровских:*
по казенным заводам	20	6	-
по частным заводам	59	8	1
Всего по частным и казенным заводам	79	14	1

* Составлено по: Выплавка мартеновского металла по заводам Урала за 1914, 1915, 1916 и 1917 гг. // ГАСО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 221. Л. 171—176.

За годы войны казенные и частные уральские предприятия, так или иначе занятые в металлургическом производстве, значительно модернизировали свои производства, возвели дополнительные доменные печи, установили несколько сотен новых агрегатов (станков, прессов и т.п.), расширили старые и построили новые цеха. Военно-промышленный потенциал региона также был значительно усилен с постройкой новых снарядных заводов и других промышленных объектов, эвакуацией оборудования предприятий из прифронтовой полосы.

Во многом благодаря усилению металлургической базы военного производства на Урале в годы Первой мировой войны, оборонные предприятия региона дали 47% всей вырабатываемой в стране снарядной стали, 21% проволоки, 15% сортового железа, 31% артиллерийских скорострельных орудий, 67% крепостных гаубиц, 12,3% артиллерийских снарядов, 43% винтовок. К концу войны доля уральских предприятий в военном производстве России составила более 30% [30].

Мобилизационные мероприятия в отношении металлургической промышленности в годы Первой мировой войны способствовали созданию в регионе довольно мощной по тем временам военно-индустриальной базы России. Однако, созданный за годы войны на Урале военно-промышленный потенциал не был целиком использован на Восточном фронте в связи с революциями 1917 г., выходом России из войны и начавшейся демобилизацией военной промышленности.

В целом, Первая мировая война означала качественно новую ступень в индустриальном развитии региона: в техносфере уральской промышленности

произошли глубокие изменения, являвшиеся следствием, прежде всего, масштабного освоения в сравнительно сжатые сроки практически всей промышленностью Урала новых *высокотехнологичных, военных* производств. С тех пор военный фактор играл неотъемлемую роль в дальнейшей индустриализации края и способствовал превращению металлургии в становый хребет уральской экономики.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Доклад горного инженера Ф.И. Кандыкина XX-му Съезду горнопромышленников Урала 3-го марта 1915 г. // Уральский техник. 1915. № 11—12. С. 1—14; Ярков В.П. Значение Урала в будущем развитии русской горнозаводской промышленности // Там же. 1916. № 3. С. 2—11.
2. Древесное топливо: Труды Совещания 14—15 февраля 1915 г., созванного в г. Екатеринбурге Уральским Уполномоченным Председателя Особого Совещания по топливу. Екатеринбург, 1917. С. 14.
3. Гаврилов Д.В. Горная промышленность Урала // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998. С. 152.
4. Там же. С. 153.
5. Вяткин М.П. Горнозаводской Урал в 1900—1917 гг. М.; Л., 1965. С. 374.
6. Сигов С.П. Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. Свердловск, 1936. С. 247.
7. Рабочий класс Урала в годы войны и революций: В док. и материалах. Свердловск, 1927. С. 12—13.
8. Губернаторы Оренбургского края. Оренбург, 1999. С. 329.
9. Вяткин М.П. Указ. соч. С. 264—265.
10. Ляпин В.А. Златоустовский горный округ в период экономического подъема 1909—1913 гг. // Промышленность Урала в период капитализма: социально-экономические и экологические проблемы: Сб. науч. трудов. Екатеринбург, 1992. С. 163.
11. Там же. С. 163.
12. Поликарпов В.В. Государственное производство вооружения в России (1905 — февраль 1917 гг.): Дис. ... к.и.н. М., 1986. С. 157.
13. Чепуров А.А. На защите Отечества. Военное производство Златоустовского завода с 1811 по 1945 гг. Златоуст, 1993. С. 8—11.
14. Гаврилов Д.В. Технологические аспекты модернизации уральской металлургии XVIII—XX вв. // Урал индустриальный: Мат-лы докладов и сообщений региональной научно-практической конференции. Екатеринбург, 1997. С. 28—35.
15. Гамберг Н. О современной горнозаводской жизни на Урале // Уральский техник. 1914. № 9—10. С. 10.
16. ЦГАУР (Центральный государственный архив Удмуртской республики). Ф. 4. Оп. 1. Д. 4544. Л. 332—335 об.
17. Договор о строительстве новой шрапнельной фабрики по проекту В.А. Барри / / ГАПО (Государственный архив Пермской области). Ф. 276. Оп. 2. Д. 54. Л. 7—10 об.; Сведения о производительности Пермских пушечных заводов // Там же. Оп. 2. Д. 56. Л. 11—12 об.

18. Рапорт о технических о хозяйственных усовершенствованиях в Златоустовском горном округе в 1915 г. // ЗФ ГАЧО (Златоустовский филиал Государственного архива Челябинской области). Ф. И-20. Оп. 1. Д. 2752. Л. 41—46об.
19. Там же. Л. 46.
20. Сведения о влиянии военного времени на деятельность казенных заводов // ГАСО (Государственный архив Свердловской области). Ф. 24. Оп. 19. Д. 1575. Л. 15—17.
21. РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). Ф. 369. Оп. 16. Д. 243. Л. 4, 5, 27.
22. Отношение 1-го отдела Артиллерийского Комитета ГАУ начальнику Пермских пушечных заводов по вопросу о применении бессемеровской стали для изготовления снарядов // ГАПО. Ф. 276. Оп. 3. Д. 1. Л. 39—40 об.
23. Сигов С.П. Указ. соч. С. 255.
24. Адамов В.В. Из истории местных военно-экономических организаций царизма и буржуазии в годы Первой мировой войны (Уральское заводское совещание) // Ученые записки Уральского гос. университета. Свердловск, 1955. Вып. 16. С. 49.
25. Там же. С. 39—50; Залесский С.А. Мобилизация горнозаводской промышленности на Урале в годы Первой мировой войны // Исторические записки. М., 1959. № 65. С. 111—112.
26. Сигов С.П. Указ. соч. С. 267; Буранов Ю.А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861—1917). М., 1982. С. 201.
27. Абрамовский А.П. Первые шаги рабочего класса Урала по выполнению ленинского плана создания основ социалистической экономики // Развитие Челябинской области за годы Советской власти. Челябинск, 1974. С. 108; Сигов С.П. Указ. соч. С. 252—254.
28. Залесский С.А. Черная металлургия Урала в годы Первой мировой войны // Исторические записки. М., 1956. № 55. С. 150.
29. Выплавка мартеновского металла на уральских предприятиях с 1914 по 1917 гг. // ГАСО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 221. Л. 171—176; Залесский С.А. Черная металлургия Урала в годы Первой мировой войны... С. 155.
30. Выплавка мартеновского металла, чугуна и производство проволоки по заводам Урала за 1914, 1915, 1916 и 1917 гг. // ГАСО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 221. Л. 95—176 об; Залесский С.А. Мобилизация горнозаводской промышленности на Урале в годы Первой мировой войны.... С. 106; Он же. Черная металлургия Урала в годы Первой мировой войны... С. 144.

METALLURGICAL BASE OF THE MILITARY PRODUCTION IN THE URALS ON THE EVE AND WITHIN THE FIRST WORLD WAR

The article focuses on analysing the dynamics of the metallurgical production (having solely defense value) in the Urals mining district on the eve and within the First World War. The author comes to the conclusion, that this war considerably stimulated growth of metallurgical production at the Urals enterprises, that has allowed essentially to increase release as the metallurgical production having defensive value (shell steel, a wire, section steel etc.), and (as consequence) all military

production (the weapon, an ammunition and production of double purpose). Tt was in many respects caused by increase of a role of the military factor in industrial development of the region. Mobilization actions concerning an iron and steel industry within the First world war promoted creation in the region rather powerful on those times military — industrial base of Russia.

A.V. Zhuk

М.А. Фельдман

РАБОЧИЕ ЧЕРНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ УРАЛА В 1913-1940 гг.: ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ И СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

В первые десятилетия XX в. черная металлургия оставалась основной отраслью промышленности уральского региона. Характерной особенностью уральской металлургии являлось то, что большинство заводов не имело законченного цикла производства. Из 125 металлургических заводов на Урале в 1913 г. работали 96, но с полным циклом — только 18 [1]. Слаборазвитая и нерациональная специализация производства обусловила сохранение наряду с заводским, горного, лесного хозяйства, различных подсобных подразделений. Подобная структура металлургии отразилась и на формировании рабочих коллективов отрасли.

Какое место в составе рабочих горной и горнозаводской промышленности Урала занимали металлурги? Для выяснения этого вопроса рассмотрим данные таблицы 1.

Следует отметить, что методика подсчета рабочих в приведенном источнике — докладе Совета съездов горнопромышленников за 1913 г. — выдержана в духе реформы горнозаводской статистики 1910 г., и отраслевой принцип подсчета доведен до логического завершения. Появление в составе вспомогательных цехов заводов энергетических, железнодорожных, инструментальных подразделений превращало эту отрасль в сферу индустриального производства, мало уступающую основным цехам заводского хозяйства. Из 33 117 рабочих вспомогательных рабочих в «черте заводской ограды» в 1913 г. 8 420 трудились в железнодорожных цехах, 1 554 — на заводских электростанциях, 2 319 рабочих обслуживали паровые котлы, 46 — подъемные механизмы вне цехов [3]. Очевидно, что эта категория тружеников (12 424 человека) может быть отнесена к разряду индустриальных рабочих. Остальную часть вспомогательных заводских рабочих (20 738) статистика относит к числу «столярно-поторжных», обьединив в одно целое и столяров-модельщиков высокой квали-

Таблица 1

Численность и отраслевая структура рабочих горной и горнозаводской промышленности Урала в 1913 г. [2]

Отрасль	**Число предприятий**	**Число рабочих**	**Число рабочих в среднем на одно предприятие**
Металлургия (основное производство)	64	85 136	1 330
Машиностроение и металлообработка	85	32 318	380
В том числе: механические цеха	17	11 131	655
Вспомогательные цеха металлопромышленности	65	33 117	509
Добывающая (горная) в том числе:	73	97 873	1 341
угольные копи	6	14 621	2 437
рудники	12	23 625	1 969
добыча золота и платины	23	22 101	961
соляные промыслы	10	7672	767
добыча асбеста	5	17 658	3 532
По горной и горнозаводской промышленности	222	248 443	1119
Централизованные печи углежжения	нет данных	5640	нет данных
Всего по горной и горнозаводской промышл.		254 084	

фикации, и рабочих столярных цехов, и лиц, обслуживающих погрузочно-разгрузочные операции в заводском хозяйстве. К вспомогательному производству заводского хозяйства были близки централизованные печи углежжения с 5 640 занятых там рабочими. Бесспорно следующее: индустриализация 1900 — 1913 гг. коснулась и вспомогательного производстства заводов. Произошло некоторое сближение вспомогательных рабочих с рабочими основных цехов. Правда, в большей степени это утверждение касается вспомогательных рабочих, занятых в транспортных и энергетических цехах.

Представляется достаточно условным отделение от металлургов и включение в отдельную группу 8 886 рабочих чугунно- и медно-литейных цехов, как и профессиональных отрядов рабочих, связанных с метизным производством

Таблица 2

Концентрация рабочих на металлургических заводах Урала в 1914 г. [8]

Группы предприятий по числу рабочих:	Рабочих в %
до 250	5,3
250–500	15,6
500–1000	16,9
1–3 тыс.	47,3
св. 3 тыс.	14,9

(изготовлением болтов, гвоздей, проволоки и т.д) [4]. Конечно, речь идет о начальных шагах становления машиностроения и его персонала. Процесс превращения механических цехов в самостоятельные предприятия был еще впереди. Эти шаги в немалой степени были связаны с ростом военных заказов. В целом сохранение горнозаводских округов придавало делению металлургических и машиностроительных предприятий достаточно формальный характер. С таких позиций следует подходить к данным о численности рабочих-металлургов основного и вспомогательного производства на 1914 г. (124,5 тыс. в том числе, 80 тыс. в основных цехах и 44,5 тыс. во вспомогательных), имеющихся в литературе [5] .

Следует поддержать мнение В.В.Адамова о том, что сохранение технологии древесноугольной плавки чугуна обусловило необходимость использования до 100 тыс. лесных и куренных рабочих к 1914 г. [6] Характерно, что теоретический вывод В.В.Адамова, о наличии 35 тыс. вспомогательных рабочих в закрытых горнозаводских округах, также подтверждается архивным материалом: в упомянутом докладе Совета съездов горнопромышленников Урала отдельной строкой выделены 33 511 рабочих закрытых рудников и расходы на заработную плату данной социальной группы в 1913 г. (более 6 млн. руб.) [7] Наличие на Урале в 1900 г. 143 185, а в 1913 г. более 133 тыс. вспомогательных рабочих вне заводской ограды говорило о незначительных переменах в данной области, прежде всего о низком уровне механизации. Однако, удельный вес вспомогательных рабочих вне заводской черты сократился с 46,5 % до 34,4 % от общего числа горных и горнозаводских рабочих.

Общепринятым в литературе является утверждение о высокой концентрации рабочих в рассматриваемой отрасли. Рассмотрим данные опубликованные Е.И.Рябухиным.

Показателем «чрезвычайно высокой концентрации рабочих», Е.И. Рябухин считает тот факт, что 79,1 % металлургов работали на предприятиях с числом занятых более 500 рабочих. Подобная градация получила широкое распростра-

нение в литературе, опираясь на высказывание В.И.Ленина [9]. Однако, ее обоснование не выдерживает критики: в первые десятилетия XX века — 500 рабочих — численность трудового коллектива среднего по размерам цеха. На действительно крупные предприятия (с числом занятых более 3 тыс.) в металлургии Урала приходилось 14,9 % рабочих. Численность рабочих, приходящихся на один завод отрасли составляла 1 330 рабочих, что было выше общероссийского показателя -1 011 рабочих. Однако и этот показатель во многом достигался за счет немногочисленных крупных предприятий (Надеждинского — 6 800, Лысьвенского — 6 тыс, Златоустовского — 5 389 рабочих) . Более 60 % металлургических заводов региона представляли небольшие предприятия с числом рабочих менее 500 [10].

Внутри профессионального отряда металлургов прослеживались различия между положением рабочих весьма немногих крупных современных заводов (Надежденский, Чусовской, Лысьвенский,) и массы мелких устаревших заводов, не сумевших приспособиться к рыночным отношениям. Однако, существовал и целый ряд общих структурообразующих признаков: низкий уровень механизации производственных процессов, и, как следствие, преобладание тяжелого ручного труда, фрагментарный характер социальной защиты, ряд других. Среди металлургов преобладали рабочие переходного этапа от мануфактурной к фабрично-заводской эпохе. Удельный вес квалифицированных рабочих составлял в начале XX в. в мартеновских цехах около 1/3, в доменных — 1/4 всех рабочих. Немногим больше была и доля грамотных рабочих (37,4 %) [11].

Еще одной профессиональной группой являлись рабочие горнодобывающей промышленности. Заметим, что даже в казенных округах рудное хозяйство оставалось маломеханизированным [12], формирование отраслевых отрядов постоянных рабочих кадров не было завершено к 1914 г. Эту часть тружеников горной отрасли можно отнести к рабочим мануфактурной эпохи. Характерная деталь: как и в эпоху крепостного права горнопромышленники были обязаны заботиться и выплачивать в течение года жалование 33 511 рабочему закрытых рудников [13].

Особой социальной группой, составленной в основном из крестьян-сезонников являлись вспомогательные рабочие за пределами заводской черты , прежде всего, занятые в лесозаготовительном производстве. Наличие столь различных социальных групп подводит к выводу о том, что понятие «рабочий класс Урала» применительно к 1914 г. следует рассматривать как статистическую, но не как реальную социальную общность. В противном случае, надо каждый раз оговариваться: о каком же социальном слое рабочих идет речь.

Столь существенные отличия пролетариата Урала объяснялись незавершенностью процессов индустриализации и модернизации; преобладанием тяжелых физических работ в горной и горнозаводской промышленности края; наличием «избыточного массива» рабочих-мужчин, особенностями уральского социума в целом. Сам рабочий социум в общей массе населения был относительно невелик: рабочие цензовой промышленности (без учета занятых на вспомогательных работах за пределами предприятий) составляли, по нашим

подсчетам, 4 % самодеятельного населения Урала в 1913 г. Более того, в городах Урала обитали, как правило, рабочие немногочисленных коллективов предприятий легкой и пищевой отраслей. Рабочие крупной промышленности, преимущественно, размещались в заводских поселках, численность населения которых на 21 % превышала городское население [14].

Завершение мобилизационных процессов к концу 1921 г. привело к более позднему, чем в промышленности в целом, уходу с предприятий в 1922 г. рабочих-металлургов. Численность рабочих отрасли в сравнении с довоенным периодом сократилась более чем в 2 раза: с 85136 человек до 41 440 [15]. Вместе с тем, удельный вес металлургов в составе рабочих крупной промышленности региона несколько вырос, что обяснялось градообразующей ролью предприятий отрасли.

В наибольшей степени пострадали рабочие коллективы крупных предприятий. Если в начале XX в. на Урале находился 81 завод с числом рабочих, превышающих 1000 человек, то в 1922 г. — 27, в том числе 15 предприятий черной металлургии. Только Надеждинский и Лысьвенский заводы насчитывали более 2 тыс. рабочих [16]. В 1914 — 1920 гг., в составе рабочих Урала заметно уменьшился слой наиболее трудоспособных возрастов. Так, удельный вес всех рабочих-мужчин от 18 до 40 лет в 1917 г. составлял 65 %. Используя методы экстраполяции и корреляции, мы подсчитали, что такой показатель в 1920 г. снизился до 44,5 % [17].

«Генеральный план хозяйства Урала на период 1927-1941 гг. и перспективы первого пятилетия» — своеобразный итог плановой работы хозяйственных органов Урала в восстановительный период — намечал рост рабочих промышленности и транспорта Уральской области в 1926 -1940 гг. в 2,3 раза: с 145 тыс. до 330 тыс. чел. Значительную часть роста трудовых коллективов (44,3 %) должны были составить квалифицированные, а (23,8 %) — высококвалифицированные рабочие тех специальностей, чья подготовка требовала длительного профессионального обучения. Материалы Генерального плана фиксировали и характеристику квалификации металлургов на 1926 г. В горячих (основных) цехах квалифицированные рабочие составляли 30 -50 % металлургов, половину из которых представляли рабочие таких профессий, как сталевары, вальцовщики, вагранщики, формовщики и т.п. В «холодных цехах» — механических, котельных, штамповочных, жестяных- процент квалифицированных рабочих колебался от 30 до 70 %. Главной задачей провозглашалась замена «рабочего ремесленного типа» на технически грамотного труженика, способного к обслуживанию механизмов и машин [18].

Приведенный документ по-своему уникален, т.к. свидетельствует о планах уральского руководства в отношении рабочих металлургии региона на длительный период. Индустриализация, (точнее, ее новый этап, нацеливавший страну на освоение передовых технологий, появившихся в мире в первые десятилетия XX в.) понималась как только одно из звеньев преобразования страны. Другими, не менее важными звеньями, провозглашались перемены в социальной сфере, и, прежде всего, повышение культурно-технического уровня рабочего класса [19].

«Генеральный план» не содержал, однако, ответов на ряд вопросов, которые советскому руководству казались преодолимыми. Например, как совместить в рамках единой экономики преобразования раннеиндустриального этапа модернизации, (например, хотя бы частичную механизацию горнодобывающего и лесного секторов экономики) и мероприятия позднеиндустриальной модернизации ? Каким образом подобная нестыковка двух названных процессов скажется на формировании советского рабочего класса; на отношениях различных социальных слоев внутри рабочего класса?

Отметим, что в 1928 г. численность как рабочих цензовой промышленности в целом, так и черной металлургии Урала не достигла довоенного уровня. На это обстоятельство раннее не указывалось. Более того, общепринятым был как раз противоположный вывод [20]. Между тем, именно в этом заключалась первая из проблем модернизации Урала: повышенные (в сравнении с общесоюзными) темпы роста промышленности предполагались в регионе, где в отличие от СССР численность рабочих цензовой промышленности уступала показателям 1914 г. почти в полтора раза [21].

Материалы Всесоюзной переписи 1926 г. показывают, что рабочие- металлурги ведущих профессий (вальцовщики, литейщики) на 98 — 99 % являлись жителями городских поселений и почти на 99 % — русскими. Но и у всех рабочих черной металлургии аналогичные показатели отличались незначительно: соответственно 95 и 97 %. Наиболее многочисленной возрастной категорией у металлургов ведущих профессий была группа от 25 до 29 лет (1/5 — 1/6 всех рабочих профессии) [22].

Металлурги продолжали оставаться ведущим отрядом рабочих крупной промышленности Урала. Как известно, к концу 20-х гг. ведущая отрасль экономики Урала — металлургия — продолжала базироваться на древесноугольном топливе, добывавшемся преимущественно трудом крестьян-сезонников. Характерно, что уровень механизации лесозаготовок не превышал 1,7 %, а статистика 20-х гг. не причисляла занятых в данной отрасли к рабочим цензовой промышленности. Между тем, план первой пятилетки намечал колоссальный приток рабочих на лесозаготовки. Речь шла о дополнительном привлечении около 100 тыс. человек, с последующим увеличением к 1940 г. Однако социальные отношения периода нэпа позволяли делать выбор в процессе трудоустройства и слабый приток рабочих рук в лесопромышленный комплекс Урала в 20-е гг. стал постоянным явлением. Число постоянных рабочих в Уральской области не превышало 10 тыс., а сезонников — 37,5 тыс. человек [23]. Более благополучно обстояло дело в Башкирии, где 11,5 тыс. рабочих были заняты на лесозаготовках [24]. Фундаментальное противоречие уральской экономики — разрыв в уровне развития топливных и обрабатывающих отраслей — требовало форсированных темпов индустриализации отстающего сектора экономики, но пятилетним планом предполагалось лишь выборочная механизация лесозаготовок [25].

Несоответствие замысла индустриального рывка и его социально-экономического обоснования побудило советское руководство, повторяя опыт Первой мировой войны, искать выход в массовом использовании принудительного тру-

да. Основной сферой применения заключенных на Урале стало сооружение промышленных объектов, например, Богословского алюминиевого завода, а также работа на лесозаготовках (Свердловская область, Башкирия) и угольных шахтах (Пермская область) [26]. В годы третьей пятилетки численность спецпереселенцев и заключенных в регионе составляла в среднем примерно равную величину, т. е. по 200 — 250 тыс. чел. Это означало, в частности, что около 120 -150 тыс. заключенных использовались на работах в экономике Урала [27]. Заметим: говорить о значительном использовании принудительного труда в промышленности Урала можно применительно к лесной, горнорудной и угольной промышленности, и, как исключение — во вспомогательных и строительных отделах заводов (Уфимский моторный, Уралвагонзвод, Магнитка), что подтверждает дислокация расселения лиц, занятых принудительным трудом на Урале, опубликованная В.Н.Земсковым [28].

Общепринятым в литературе стал вывод о высоком удельном весе потомственных пролетариев в составе рабочих Урала [29]. Действительно, 64,7 % рабочих цензовой промышленности, согласно профсоюзной переписи 1929 г., являлись выходцами из рабочих семей. У рабочих-металлургов, имеющих землю, этот показатель составлял 80,7, а у неимеющих — 64,2 %. Однако обратим внимание на следующее обстоятельство: тот же источник говорит о наличии только 18,5 % рабочих цензовой промышленности, 20,7 % рабочих-металлургов старше 40 лет [30]. В 1926 г. по материалам Всесоюзной переписи в цензовой промышленности рабочих старше 40 лет насчитывалось 22,4 %, а в 1897 г.- 26 %. Таким образом, в послереволюционный период продолжалась тенденция к сокращению удельного веса рабочих, имеющих солидный жизненный опыт.

Возражения вызывает и мнение о более высоком удельном весе кадровых рабочих на Урале, чем в других промышленных районах [31]. Удельный вес рабочих, начавших впервые работу в промышленности до 1914 г., составлял по материалам переписи 1929 г. среди машиностроителей Ленинграда 40 %, в Московской губернии 37 %; у металлургов Урала 35,3 %, а в целом по рабочим четырех обследованных отраслей Урала — 31 %. Это означало, что социум рабочих черной металлургии Урала за 15 лет обновился на 2/3. 40,3 % рабочих отрасли приступили впервые к работе в 1922 — 1928 гг., 24,4 % в 1914 — 1921 гг. [32]. Как видно, материалы профсоюзной переписи 1929 г. не подтверждают выводы о более высоком удельном весе уральских кадровых рабочих, оговариваясь, что в данном случае, мы имеем в виду пролетариев с довоенным стажем.

Степень обновления рабочего класса Урала в зависимости от отрасли существенно отличалась: 44,3 % металлургов работали на одном предприятии более 5 лет, в то время как у горняков таких рабочих насчитывалось только 15,1 %. И наоборот — до года работали 15,2 % металлургов, но 42,5 % горняков [33]. Сопоставление приведенных данных с показателями текучести рабочих кадров позволяет сделать вывод о наличии в промышленности Урала двух групп отраслей, различающихся по степени обновления персонала: добы-

вающего сектора, где удельный вес кадровых рабочих, постоянно занятых на одном производстве был невелик, а текучесть за год более чем вдвое превышала среднесписочный состав рабочих. Иная картина существовала в металлопромышленности, где около половины пролетариев составляли кадровые рабочие, а обновление за месяц не превышало 6 -7 % [34]. В силу этого, говорить о наличии устойчивого контингента рабочих в цензовой промышленности Урала, можно только адресуя это утверждение к конкретным отраслям, отметив, что корпус кадровых рабочих и в металлургии, представлял меньшинство.

Общеизвестным является утверждение о том, что основным источником пополнения рабочего класса является крестьянство. В самом деле, 68 % вовлеченных в народное хозяйство СССР в 1928 — 1932 гг. составили крестьяне. На Урале удельный вес крестьян в составе нового пополнения рабочего класса по мнению В.В.Адамова равнялся в 1931-1932 гг. 70,8 — 72,3 %, но в этом случае речь идет о рабочих всего народного хозяйства [35]. Если судить по черной металлургии Урала, численность выходцев из рабочих снизилась незначительно: с 69,9 % на 1.1.1929 г. до 60,8 % на 1.01. 1933 г., а аналогичный показатель у бывших крестьян повысился с 26, 4% до 36,8 %. Это означало, что за 4 года в отрасли смогли закрепиться 13,5 тыс. крестьян, или меньше, чем их насчитывалось к началу 1929 г. (15,5 тыс.). Характерно, что число крестьян, приступивших к труду металлургов, было близко к числу учеников в отрасли (10 482) [36].

Разделяя мнение Е.Н.Чернокрыловой о том, что в годы первой пятилетки крестьяне в основном вливались в те отрасли цензовой промышленности, где требовался неквалифицированный труд (рудная, каменноугольная, нефтяная) [37]., заметим: причиной такого явления был не только низкий культурно-технический уровень новых пополнений, но и стремление кадровых рабочих сохранить за собой прежние места работы. Об этом, не без идеологического прикрытия, говорят многочисленные документы [38]. Приведенные факты свидетельствуют о сохранении и в советский период (хотя и в меньшей, чем прежде степени) традиционной черты истории горнозаводского населения Урала: отраслевого и профессионального разделения труда между потомственными мастеровыми и сезонниками.

Проблемы освоения новых производственных мощностей, сложной по меркам 30-х годов техники и технологии, различные формы недовольства рабочего класса и прежде всего текучесть кадров, обусловили определенную корректировку курса правящей партии. Принятые меры позволили уменьшить приливы и отливы рабочей силы в промышленности, относительно стабилизировать коллективы индустриальных рабочих. Результатом стала коренная реконструкция 20 старых металлургических заводов Урала, создание электрометаллургии, трубопрокатного производства, металлургии качественных сталей.

Столь различные и несовпадающие процессы не могли не вызвать изменения качественных характеристик рабочих черной металлургии. Численность рабочих черной металлургии Урала, как видно из таблицы 3 достигнув пика в 1937 г. — 95 154 человек — снизилась в 1940 г. до 78 088 рабочих.

Таблица 3

Численность рабочих черной металлургии Урала в 1913 -1940 гг. [39]

<table>
<tr><th>Отрасль</th><th>1913 г.</th><th>1922 г.</th><th>1928 г.</th><th>1932 г.</th><th>1937 г.</th><th>1940 г.</th></tr>
<tr><td>Черная металлургия</td><td rowspan="2">85 136</td><td>41 400</td><td>60 681</td><td>70 350</td><td>95 154</td><td>78 088</td></tr>
<tr><td>Выплавка цветных металлов</td><td>2279</td><td>5 753</td><td>15 926</td><td>35 254</td><td>54 466</td></tr>
</table>

Сокращение численности рабочих отрасли объясняется прежде всего переводом ряда предприятий, например, большей части мощностей и персонала Лысьвенского завода, в иное отраслевое подчинение, связанное и с изменением профиля производства, исходя из интересов обороны страны. К 1941 г. 70 % металлургов Урала были сконцентрированы на семи крупных заводах, в том числе 18,1% на Магнитке и 8,7 % на Серовском металлургическом заводе [40]. О внутриотраслевой структуре рабочих черной металлургии Урала можно судить по материалам таблицы 4.

Данные таблицы 4 позволяют во-первых, обратить внимание на наличие в отраслевом отряде рабочих Урала почти 15 тыс. металлургов (или 1/5 всех рабочих), связанных с передовым производством — выплавкой спецсталей и ферросплавов. Близкий к этому числу слой рабочих был занят на крупнейшем в СССР, современном комбинате — ММК. Все это создавало предпосылки для роста культурно-технического уровня рабочих. Во-вторых, в 1940 г., примерно 80 тыс. рабочих — металлургов Урала выплавляли в 3 раза больше чугуна, в 4,5 раза больше стали, чем аналогичное число металлургов в 1913 г. Удельный вес рабочих-металлургов Урала в общесоюзном отраслевом отряде рабочих был близок удельному весу Урала в производстве черных металлов в СССР. Таким образом, за годы первых пятилеток производительность труда металлургов Урала вышла на уровень общесоюзного отраслевого показателя. Вместе с тем, для обслуживания отрасли, как и до 1917 г., использовалась огромная армия вспомогательных рабочих. Труд 100 тыс. крестьян-сезонников на лесоразработках заменил еще больший (141 тыс. человек [42]) отряд заключенных и спецпереселенцев.

На величину затрат на содержание уральской металлургии влияли также высокий удельный вес служащих и вспомогательного персонала, достигавший 1/3 всех работников отрасли, а также чрезмерное количество рабочих во вспомогательных цехах заводов. Следует отметить сохранение текучести кадров — следствие бытовой неустроенности, а также мобилизации рабочих на руководящую работу, как правило, низового звена. Следствием, стал невысокий удельный вес кадровых рабочих. Так обследование 43 тыс. рабочих черной металлургии Урала в 1937 г. показало: только 13,2 % работали на предприятии более 10 лет; еще 22,8 % — от 3 до 10 лет. Даже по терминологии советского периода только 36 % рабочих-металлургов можно было отнести к кадровым рабочим.

Таблица 4.

Численность и внутриотраслевая структура рабочих черной металлургии Урала в 1940 г. [41].

Предприятие, трест	1940 г.	
	количествово, тыс.	% от НКЧМ
ММК	14,1	3,1
НТМЗ	1,1	0,2
Спецсталь	13,2	…
Главуралмет	30,2	6,7
Трубная	6,4	15,2
Огнеупорная	4,1	12,8
Коксохимическая	1,1	…
Метизная	5,1	26,6
Ферросплавная	1,5	…
Всего на Урале	78,1	17,5 %

30,2 % рабочих трудились на предприятиях от 1 до 3 лет; 33,8 % — менее 1 года. О переменах к 1941 г. можно судить по тому, что в ноябре 1940 г. по 9 металлургическим заводам Свердловской и Челябинской областей удельный вес группы со стажем работы более 3 лет равнялся 38,5 % [43].

Материалы переписи 1939 г. зафиксировали среди рабочих-металлургов Урала 30,9 % женщин. Диапазон участия женщин в производстве заметно отличался в зависимости от профессии. Так среди 4 410 сталеваров удельный вес женщин составлял 2,6 %; 6 810 прокатчиков — 13,7 %; 7 593 литейщиков — более трети [44].

Об образовательном уровне рабочих-металлургов можно судить по характеристикам коллектива ММК. В январе 1939 г. средний общеобразовательный уровень работников Магнитки равнялся 3 классам. 87, 8 % рабочих имели начальное образование и ниже, и лишь 1,3 % — 7 классов и выше. Более 10 % коллектива составляли неграмотные и малограмотные рабочие. Для сравнения отметим, что на одном из старейших заводов Урала — Верх-Исетском заводе — в 1939 г. даже в основных цехах только 2,6 % рабочих получили семилетнее образование [45]. Удельный вес грамотных рабочих в черной металлургии Урала поднялся с 92,3 % в 1938 г. до 96,9 % в 1940 г., фактически сравнявшись с общесоюзным показателем [46].

Большие сдвиги произошли в области технической учебы рабочих. Сочетание подготовки рабочих, как в рамках профтехшколы, так и непосредственно на производстве позволило существенно повысить уровень технического образования металлургов: пропустить через начальное звено системы тех учебы подавляющую часть рабочих, причем, в силу текучести значительная часть рабочих сдавала техминимум несколько раз. Кроме того, более половины металлургов к 1941 г. закончили курсы повышения квалификации, а порядка 2 % — высшее звено техучебы — курсы мастеров соц.труда (КМСТ). Результаты об-

следования рабочих-сдельщиков Главуралмета (декабрь 1939 г.) показали: 22 % не выполняли норм выработки; 61,7 % выполняли норму на 100 — 200 %, а 16,3 % — более чем на 200 %. С известной долей допущения и учитывая заниженность самих норм, эту градацию можно принять за соотношение высококвалифицированных, среднеквалифицированных и неквалифицированных рабочих-металлургов. Таким образом, к 1941 г. в черной металлургии Урала существовал массив квалифицированных рабочих, готовых к выполнению сложных заданий и способных к передаче своего мастерства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Запарий В.В. Черная металлургия Урала XVIII — XX века. Екатеринбург, 2001. С. 199.
2. Подсч. по : ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1608. Л. 72-73.
3. ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1608. Л. 73.
4. Там же.
5. Сигов С.П. Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. Свердловск, 1936. С. 215.
6. Адамов В.В. Численность и состав горнозаводских рабочих Урала в 1900 — 1917 гг. // Вопросы истории Урала .№ 8. Свердловск, 1969. С. 159.
7. ГАСО. Ф.24. Оп. 19. Д. 1608. Л. 72—73.
8. Рябухин Е.И. Большевистские организации Урала в борьбе за нелегальную партию пролетариата и упрочение ее связи с массами. (1907 — 1914 гг.) Саратов, 1968. С. 154 -155.
9. См. напр.: Иванова Н.И. Структура рабочего класса России.1910 — 1914. М.,1987. С. 77.
10. Рябухин Е.И. Ук. соч. С. 155-156; Фабрично-заводские предприятия Российкой империи. С. 38-52; Иванова Н.И. Структура рабочего класса России. 1910-1914. С. 85.
11. Гаврилов Д.В.Рабочие Урала в период домонополистического капитализма 1861-1900 гг. М., 1985. С. 120, 134.
12. Ляпин В.А. Златоустовский горный округ в период экономического подъема 1909—1913 гг. // Промышленность Урала в период капитализма: социально-экономические и экологические проблемы. Екатеринбург, 1992, С. 162.
13. ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1608. Л. 73.
14. Подсч. по: Гаврилов Д.В. Рабочие Урала в период домонополистического капитализма 1861- 1900 гг. С. 63.
15. Там же. С.11, 130; Труды ЦСУ СССР. Т. 8. М.,1925. Вып. 3. С. 98, 103, 106, 116, 118; 123,127; Т.8. М.,1926. Вып.5. С. 58-60, 63-66, 79-81, 89-101.
16. История Урала в период капитализма, М., 1990. С. 122; Положение труда на Урале в 1923 г. С. 14; 149 -151.
17. Подсчитано по: ГАСО. Ф. 95. Оп. 1. Д. 57. Л. 2-3.
18. Генеральный план хозяйства Урала на период 1927 — 1941 гг. и перспективы первого пятилетия. Свердловск, 1927. С. 59, 391-392.
19. Там же. С. 392-394.
20. История народного хозяйства Урала. 1917-1945. Ч. 1. Свердловск, 1988. С. 83.

21. Подсч. по: Уральское хозяйство в цифрах .1930 г. Вып.2. Свердловск,1930. С. 92 — 95.; Вып. 3. С. 5; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 9.Л. 6, 20; ГАСО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 656. Т. 1. Л. 109-111; Статистический ежегодник за 1928 г. Ижевск, 1929. С.71; Формирование и развитие советского рабочего класса Башкирской АССР. Ч. 1. Уфа, 1971. С. 120.
22. Подсч. по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 21. М.,1930. С. 178, 227; 451.
23. См.: Тарасевич В. Рабочая сила на лесозаготовках Урала. //Хозяйство Урала, 1928, № 7. С. 106-107.
24. Формирование и развитие советского рабочего класса Башкирской АССР. Ч. 1., Уфа. 1971. С. 118
25. Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. М., 1930. Т. 3. С. 187-188; Генеральный план хозяйства Урала на период 1927 — 1941 гг. и перспективы первого пятилетия. С. 321.
26. Земсков В.Н.Об учете спецконтингента НКВД во Всесоюзной переписи населения 1937 и 1939 г. // Социс,1991..№ 2. С. 75; Он же. Заключенные в 30-е гг .(демографический аспект) // Социс., 1996. № 7. С. 5.
27. Рабочая сила в лагерях и ИТЛ использовалась на 60-65%. -См.: Земсков В.Н Заключенные в 30-е гг. (демографический аспект) // Социс., 1996. № 7. С. 9.
28. Земсков В.Н. Кулацкая ссылка накануне и в годы Великой Отечественной войны. // Социс., 1992. № 2. С. 8-12.
29. См. например: Зуйков В.Н. Создание тяжелой индустрии на Урале.1926 — 1932 гг. С. 67.
30. Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Вып. 3. С. 25, 39.
31. См.: Зуйков В.Н. Создание тяжелой индустрии на Урале. 1926-1932 гг. М.,1971. С. 67.
32. Подсч. по: Рашин А. Г. Состав фабрично-заводского пролетариата СССР . М.,1930. С. 8
33. Уральское хозяйство в цифрах.1930. Вып.3. С. 26-27.
34. Там же. С. 18.
35. Адамов В.В. К истории формирования социалистического рабочего класса на Урале. // Вопросы истории Урала. Вып.4 .Свердловск, 1963. С. 86
36. Подсч. по: Уральское хозяйство в цифрах.1931-1932 . С.119 -122. Данные по Уральской области.
37. Чернокрылова Е.Н. Источники и формы пополнения рабочих Урала в период индустриализации (1926-1932 гг.). // Актуальные проблемы развития промышленности и рабочего класса Урала в переходный период. Свердловск, 1988. С. 38.
38. См.:Вопросы истории Удмуртии. Вып. 3. Ижевск. 1975. С. 25 -30; Бехтерева Л.Н. Опыт реконструкции психологии рабочих Ижевских заводов Удмуртии 1920-х гг. С. 175-176.
39. Подсч. по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1069. Л.17-20, 22 ; Оп. 15. Д. 916. Л. 34-35.
40. Подсч. по: ГАСО. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 611.Л. 14; Д. 651. Л. 17; ГАЧО.Ф. 804. Оп. 11. Д.4 Л. 3; Оп. 8.Д. 102. Л.15; ГАПО. Ф. 493. Оп.2. Д. 470. Л. 37; РГАЭ. Ф.8875. Оп. 46. Д. 96. Л. 4, 6 -11.

41. Панфилов С.П. Изменение численности и состава рабочих черной металлургии Урала (1941-1945). // Социалистическое строительство на Урале. Свердловск, 1978. С. 55.
42. Подсч. по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д.1069. Л.17 -20, 22.
43. ГАСО.Ф. 1150. Оп. 2. Д.239. Л.101-102.
44. Подсч. по: РГАЭ.Ф.1562. Оп.336. Д.306. Л.23 ; Д. 323. Л. 21; Д. 331. Л.2 2; Д.3 36. Л.18; Д.350.Л.40; Д.478. Л.3,19; Д.495. Л. 3,19; Д.503. Л.3,19; Д.506 . Л. 3; Д.508. .Л.3; Д. 522. Л. 3,19.
45. ЦДНИЧО. Ф.234 .Оп. 36. Д. 47. Л. 64; ГАСО. Ф. 841. Оп. 1. Д. 182. Л. 13.
46. Подсч. по: Статистический справочник ВЦСПС,1939. Вып. 1. С. 24, 32; 1940. Вып.2. С. 58, 66-67; Вып.3. С. 107.

WORKERS OF FERROUS METALLURGY IN THE URALS IN 1913-1940: DYNAMICS OF QUANTITY AND SOCIAL STRUCTURE

Questions of quantity and structure of workers of ferrous metallurgy in the Urals in 1913-1940 are opened in the article. The interrelation of processes of modernization and changes of quantitative and qualitative characteristics workers of this branch are considered. The conclusion about the slowed down growth of densities of qualified workers in structure of metallurgists is made.

M.A. Fel'dman

В.П. Тимошенко

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ РЕГИОНОВ УРАЛА: УРОКИ МОНОПОЛИИ (1920—1930-е гг.)

Внешнеторговый обмен при монополии внешней торговли стал основным каналом связей с мировым хозяйством, так как в наибольшей степени отвечал хозяйственно-политическим целям послереволюционного этапа. Тенденции в развитии региональной внешней торговли повторяют колебания изоляционистских настроений в верхах власти. Они также обозначают на первый взгляд неожиданную причину утверждения автаркии — интересы непосредственных производителей, охраняемые от внешних воздействий монополией торговли. Эти интересы неизбежно вступили в противоречие с обусловленными логикой экономического развития процессами широкой интеграции индустрии региона в мировое хозяйство и оказали влияние на определение внешнеэкономического курса государства.

Проводившийся на принципах «глухого протекционизма» обмен с мировым рынком неизбежно вел к закреплению за Уралом роли поставщика сырьевых товаров и полуфабрикатов в обмен на оборудование и технологию. Промышленность региона, обновлявшаяся таким образом, выпадала из мирового разделения труда и могла развиваться лишь с нарастающим отставанием от передовых стран. Желаемое достижение технико-экономической независимости от капиталистического окружения оборотной стороной имело консервацию отсталости, ибо невозможно в одиночку обеспечить прогресс по всем направлениям и отраслям хозяйствования.

Участие во внешней торговле в соответствии с установкой обеспечения технико-экономической самостоятельности определялось исключительно в зависимости от интересов и перспектив государственной промышленности. Иначе говоря, внешняя торговля стала средством достижения «замкнутого» состояния хозяйства, способного функционировать в условиях «осажденной крепости». Форсированный рост экспорта для оплаты ввозимого современного оборудования — характерная черта периода.

Индустриальный Урал в силу своего географического положения и хозяйственной специализации стал крупным поставщиком сырья и полуфабрикатов и потребителем импортного оборудования. Его роль и место во внешнеторговом обороте страны были значительными.

До первой мировой войны торговые связи региона с внешними рынками были сферой преимущественно частного предпринимательства. После Октября сложились очень непростые условия для внешней торговли, вызванные переплетением политических, социальных и финансово-хозяйственных проблем во взаимоотношениях с внешним миром.

Во-первых, идеологический императив серьезно ограничивал выбор форм торговли, способов накопления товарных фондов и, главное, установления долгосрочных и стабильных мировых связей. Это создавало первую и, пожалуй, наиболее трудно преодолимую проблему для восстановления довоенного уровня торговых отношений Урала с мировым рынком. Вернуться в мировую торговлю для республики было чрезвычайно важно. В.И. Ленин в выступлении на VIII съезде Советов так обосновал эту необходимость: «Восстановление торговых отношений предполагает возможность для нас открытия прямой широкой закупки необходимых для нас машин. И мы должны все усилия направить на то, чтобы осуществить это... Чтобы начать товарообмен более правильный, чтобы для нашего широкого плана восстановления народного хозяйства получить возможность закупить машины возможно скорее. Чем скорее мы это сделаем, тем больше у нас будет основ для экономической независимости от капиталистических стран» [1].

Во-вторых, в годы войны и революционных потрясений традиционные рынки сбыта уральской продукции были утрачены. Европейские потребители уральского сырья вынуждены были искать другие источники: вкладывать капиталы в разработку новых месторождений ископаемых, расширять производство сельскохозяйственной продукции в странах, не вовлеченных в конфликты. Естественно, что возвращение уральской продукции на мировой рынок было со-

пряжено с острой конкурентной борьбой. Осложнилась ситуация с торговлей асбестом. Аналогичное положение имело место и по другим товарным группам. Например, совсем упал спрос на уральские кустарные изделия, их место на мировом рынке заняла продукция из Китая. Рынок масла, которого с Урала вывозилось ежегодно на сумму 18 млн.руб., был заменен австралийским и новозеландским товаром и т.д.[2]

На Востоке, имевшем традиционную ориентацию на торговлю с Россией, уральский металл, металлические, текстильные и другие изделия вытеснялись американской и английской продукцией. Традиционные связи с китайскими, монгольскими и персидскими купцами, которые в силу разрухи и дезорганизации производства не могли закупать уральские товары, были тоже нарушены: их покупали в других странах. К тому же при помощи английского капитала в Индии, Китае и Турции в годы первой мировой войны сильно развилась текстильная промышленность.

В то же время индустриальный Урал, в течение многих лет не получавший нового оборудования из передовых стран, представлял собой привлекательный рынок для европейской промышленности. Советскому государству в этих условиях нужны были необходимые валютные ресурсы для налаживания поставок оборудования, без которого невозможно было осуществить быстрое восстановление хозяйства.

В-третьих, резко сократились производственные возможности участия во внешнеторговых связях. Экспорт зерна и продовольствия практически прекратился, сказался общий упадок сельского хозяйства в регионе, выразившийся к тому же в тяжелом продовольственном положении городов и промышленных центров. Разруха в промышленности, дезорганизация транспорта, подрыв денежного хозяйства и другие трудности не могли способствовать нормальной внешней торговле.

С началом восстановления производства эти трудности не снимались. Продукция уральского региона, производимая на сильно амортизированном оборудовании, была неконкурентноспособной на мировом рынке по причине низкого качества, высокой себестоимости, а зачастую и некондиционности товаров. Так, на масло из Приуралья так и не удалось восстановить довоенный спрос, хотя раньше этот продукт даже реэкспортировался Германией и Данией. В новых условиях, без поддержки иностранных партнеров, изнашиваемые маслобойки заменялись новыми очень медленно, и продукция изготавливалась с большими отклонениями от технологии. На организацию хранения и транспортировки не хватало средств. На мировом рынке это масло ценилось ниже датского, голландского, австралийского, новозеландского, шведского. В 1925 г. за пуд первого сорта уральского масла можно было выручить на мировом рынке 25 руб., тогда как за пуд датского — 35 руб.[3]. Экспорт в восстановительный период оставался убыточным даже по таким товарам, как продовольствие и сельскохозяйственное сырье, которые всегда пользовались спросом на мировом рынке.

С точки зрения внутренних производственных возможностей возвращение на мировой рынок было связано с колоссальными трудностями. Требовалось огромное напряжение сил, чтобы завоевать утраченные позиции на внешних

рынках и восстановить то положение, которое имело уральское хозяйство в довоенной внешней торговле. Руководство страны стремилось сделать это собственными силами, даже невзирая на нерентабельность экспорта, на трудность наращивания объемов экспортного производства. «За ввоз оборудования нужно платить,- говорил Н.И. Бухарин.- То же самое за ввоз сырья... Мы должны, опираясь на нашу сельскохозяйственную базу и используя ее продукцию, платя за импортное оборудование «сельскохозяйственной валютой» постепенно эмансипироваться от зависимости и по линии оборудования и становиться таким образом все более и более на собственные ноги...»[4]. При фактическом отказе от других форм участия в международном разделении труда на внешнюю торговлю ложилась вся тяжесть обеспечения материальных условий для восстановления разрушенного хозяйства и его последующей реконструкции.

Сугубо экономические трудности восстановления внешнеторговых связей обрастали политическими разногласиями между Советской Россией и капиталистическим окружением. Деловые круги и правительства капиталистических стран Европы настойчиво требовали признания долгов императорской России, тогда как новая власть исходила из резко очерченных классовых оценок проблемы. Уже это обстоятельство несколько отодвигало на второй план коммерческие мотивы контактов. Германский дипломат фон Кернер, участвовавший в работе нескольких экономических комиссий по связям с Советской Россией, отмечал: «Экономические переговоры с русскими до сих пор не привели к позитивным результатам... Социальные и революционные взгляды советских представителей преобладают над деловыми соображениями»[5].

Процесс восстановления довоенных внешнеторговых связей Урала шел медленно. Однако уральские товары все же возвращались на мировой рынок. Хозяйственные потребности и существовавшие в прошлом традиции способствовали налаживанию обмена. В торговых связях в первую очередь реализовалась цель увеличения количества продуктов, необходимых для оживления хозяйства, затем на первый план выдвинулись задачи восстановления промышленности, через каналы внешней торговли формировался процесс реконструкции народного хозяйства.

Однако довоенные масштабы внешнеторгового оборота достигнуты не были. Если ввоз оборудования превзошел прежние показатели, то импорт потребительских товаров и товаров непроизводственного назначения был снижен. В итоге наступило уменьшение стоимостного объема ввоза. Экспорт также значительно уменьшился и претерпел структурные изменения.

В 1923 г. экспорт уральской продукции составил 16% от довоенного. Среди товарных групп на первом месте стояли сырье для промышленности и химические фабрикаты — 52%, сельскохозяйственный вывоз составил 33,4% и пушной экспорт — 14,5%[6]. Стоимость уральского экспорта составила 12,5 млн. золотых рублей. Несмотря на все усилия государственных торговых обществ, преодолеть последствия разрухи хозяйства и политических конфликтов с внешним миром оказалось не так просто, как предполагали политические и хозяйственные руководители. И хотя имелись, начиная с 1923 г., благоприятные возможности для наращивания экспорта продовольствия, на

которое в Европе устойчиво рос спрос, состояние хозяйства, внутренний «кризис сбыта», недостаток средств у заготовителей не позволяли реализовать эти возможности.

Восстановление хозяйства Урала в силу обозначенных причин не совпало с восстановлением торговых связей с мировым рынком. В 1925/26 хозяйственном году, по подсчетам Уралвнешторга, возможности отвлечения продукции на экспорт (или экспортный потенциал) в стоимостной оценке составляли 65 млн. руб. Но использование потенциальных возможностей не вышло за 64% (по сельскохозяйственной продукции потенциал использовался на 48%, по промышленности — на 83%[7].

К 1928 г. была достигнута половина от довоенного объема экспорта Уральской области. При этом в его структуре не произошло изменений. Доля промышленной продукции была выше, чем до войны — 66%, на сельхозэкспорт приходилось 34%[8]. Этот показатель в исследуемый период (1917-1941 гг.) был наивысшим, а по сельскохозяйственным импортным поставкам из региона — самым высоким в советское время. В годы первой и второй пятилеток рост экспорта промышленного сырья шел параллельно с уменьшением объема вывозимой сельскохозяйственной продукции, что в итоге дало сокращение общих объемов вывоза.

Региональные внешнеторговые органы много делали для расширения объемов экспортно-импортных операций и возвращения на мировой рынок традиционной уральской продукции. Однако эта напряженная работа часто нивелировалась неразрешимыми противоречиями между двумя системами хозяйства, да и возможностей маневра в централизованной экономике оказалось не так уж много. Со времени становления региональных внешнеторговых структур проблема рынков, способов работы с учетом их специфики стояла в центре внимания и ей отводилось все возрастающее значение.

В январе 1922 г. началось восстановление связей с восточными рынками. По соглашению с Дальвнешторгом с Урала в Харбин направилась торговая экспедиция. «Дальневосточная экспедиция» сыграла большую роль в увеличении сбыта на Востоке уральских металлических изделий. Уже в 1923 г. было реализовано в Харбине для КВЖД 65 тыс. пудов сортового железа, изготовленного «Уралметом». И хотя довоенных объемов торговля не достигла, рост ее был довольно быстрым. Если в 1922 г. на Дальнем Востоке реализация уральских металлических изделий оценивалась в 30,7 тыс. руб., то к 1930 г. она достигла 1 млн. руб.[9]. «Бесспорно и непреложно,- отмечалось в отчете уполномоченного НКВТ по Уралу,- что наш уральский экспортный план должен быть рассчитан прежде всего на восстановление торговых связей с восточными рынками»[10]. Вслед за изделиями «Уралмета» на восточные рынки пошла продукция «Уралпромкредсоюза» — кустарные изделия, кунганы, азиатские чаши, капканы и т.д.[11].

Значение восточных рынков так же, как и в довоенное время, определялось тем, что значительная доля уральской экспортной продукции не могла иметь выхода на европейский рынок в силу невозможности конкурировать с изделиями стран с высокоразвитой технологией. На азиатских же рынках уральские

товары, с очень небольшой технической новизной, не встречали жесткой конкуренции, и сбыт их на обозримую перспективу обеспечивался существованием традиционного хозяйства.

Уралвнешторг ориентировался на максимальное расширение торговли с Персией, Афганистаном, Монголией, Манчжурией и другими восточными странами. Расширение этих связей предполагало более детальный учет специфики восточных рынков и приспособление уральских изделий к их вкусам и требованиям, особенно по группе металлических товаров.

В Монголии и Туве в течение 20-30-х гг. устойчиво рос спрос на чугунное литье, листовое железо, эмалированную посуду, железные поделки. Персидский рынок мог поглащать скобяные изделия, самовары, брезенты. Благоприятные условия на Востоке имел также сбыт асбестовых фабрикатов, сукна «Уралтекстиля», мешковины, шпагата, некоторых кожаных изделий. Имелся спрос на кустарную продукцию: невьянские сундуки, тагильские раскрашенные подносы, гранильные изделия, обувь, некоторые виды сельхозинвентаря и машин уральского производства[12]. Правда, увеличение экспорта этих товаров на Восток сдерживалось большим спросом на них на внутреннем рынке[13]. Поэтому торговля с Востоком развивалась медленно, и закреплению этого рынка мешало много внутренних хозяйственных трудностей. К тому же не сразу была осознана торгующими организациями специфика восточной торговли и необходимость серьезной борьбы за контроль на этом рынке.

Только в годы первой пятилетки началась серьезная работа по систематическому внедрению уральской продукции в восточных странах. Она диктовалась тем, что, во-первых, таким образом обеспечивалась реализация значительной части устаревшей продукции; во-вторых, для Урала большое значение имела возможность строить торговые операции на товарообменных (бартерных) условиях, извлекая некоторые виды восточного сырья, в первую очередь продукции животноводческого хозяйства.

Восточные приоритеты в торговле мотивировались и чисто политическими интересами. О них с предельной откровенностью писал в «Северной Азии» В. Виленский-Сибиряков: «Для Востока СССР состоит задача в индустриальном плане догнать своих соседей (Манчжурия, Япония), иначе в сложном переплетении дальневосточной политики и экономики он не сможет выполнить той роли, которую он должен был бы выполнить как форпост Советской власти в Восточной Азии»[14]. Борьба за торговые рынки на Востоке рассматривалась через призму политического влияния, особенно после возникновения МНР и усиления активности китайского революционного движения.

Возникновение внешнеторговых связей Урала шло в определенной степени по линии преемственности. В частности, большую роль в освоении внешних рынков и торговом обмене в 20-30-е гг. так же, как и в дореволюционное время, играли выставки и ярмарки.

С 1922 г. восстанавливается знаменитая Ирбитская ярмарка. Инициатором этого выступило уральское отделение Госторга, организовавшее пропаганду идеи восстановления ярмарки и взявшее на себя подготовку этого весьма непростого в первый год НЭПа дела. Сотрудники Уралгосторга сделали много публика-

ций в уральской и сибирской прессе, директор конторы Трахтенгерц предпринял с агитационной целью поездку в Сибирь, управление уполномоченного НКВТ выделило товары для обменных и заготовительных операций.

На ярмарке 1922 г. было представлено пушного и мехового сырья на сумму 2 млн. руб. с Европейско-Сибирского Севера, Дальнего Востока, Алтая[15]. К Ирбитской ярмарке проявили интерес смешанные акционерные общества «РАСО», «Амторг», «Аркос», «Русгерторг» и другие иностранные фирмы и предприниматели, в прошлом имевшие контакты с уральскими промысловиками. Первая Ирбитская ярмарка создала хорошие возможности для восстановления прежних внешнеторговых связей. Участники ее на месте заключали сделки, заинтересованным иностранными компаниями промысловикам и заготовительным организациям предоставлялись кредиты для расширения промысла пушнины. Кроме того, упорядочивался процесс регулирования цен — очень важная в условиях разоренного хозяйства акция.

С 1925 г. начала действовать Свердловская ярмарка, ориентированная на восточные рынки. На этой ярмарке совершались довольно крупные товарообменные операции. Товарооборот первой ярмарки составил 18,1 млн.руб. и т.д.[16]. На первых двух ярмарках иностранные участники исчислялись единицами. В последующих уже участвовали 60-70 торговых фирм Китая и Манчжурии, монгольские, персидские, турецкие фирмы и отдельные купцы[17].

Внешнеторговые органы Урала использовали возможности других ярмарок и выставок, привлекающих внимание иностранных партнеров. Так, внешнеэкономические связи региона с Востоком расширялись через участие в Нижегородской ярмарке, систематическое и широкое присутствие уральской продукции на Харбинской выставке и т.д.[18].

К сожалению, свертывание в конце 20-х гг. региональных внешнеторговых организаций положило конец этой эффективной и перспективной форме связей с мировым хозяйством. Непосредственные контакты и сделки были заменены соответствующими операциями через экспортно-импортные объединения.

Удаленность Урала от границ и основных выходов на внешний рынок, так же, как и в довоенное время, создавала серьезные проблемы с доставкой товаров. Потребность же во все возрастающих поступлениях валюты для оплаты закупки техники, оборудования, промышленного сырья диктовали необходимость максимального снижения транспортных расходов.

Уралвнешторг работал над выбором оптимальных транспортных схем для различных товарных групп экспорта с тем, чтобы, увеличив время доставки (если это допускалось контрактом), уменьшить тарифные ставки.

До революции вывоз продовольствия, скоропортящейся продукции и основной массы сырья осуществлялся через порты Балтийского и Черного морей и Тихого океана с доставкой к ним грузов железнодорожным транспортом. Небольшая часть товаров вывозилась Северным морским путем при помощи норвежского акционерного общества «Сибирская компания пароходства, промышленности и торговли», вложившего 2 млн. долларов в осуществление ежегодных экспортно-импортных операций. Перед первой мировой войной компания организовала шесть торговых экспедиций.

Проблема транспорта встала особенно остро к середине 20-х гг. С этого времени экспортный товаропоток на Запад движется по двум направлениям. Скоропортящиеся продукты и поставки через посредничество центра — железной дорогой и далее через Ленинградский и Новороссийский порты. Минеральное сырье (асбест, корунд, магнезит, руды, стройматериалы и т.д.), лес и лесопродукты предпочтительнее было отправлять посредством Карской экспедиции. Экспедиция с 1921 г. организовывалась ежегодно и предназначалась для транспортировки экспортных и импортных грузов на Урал, в Сибирь и Казахстан[19].

Государство, чтобы разгрузить перенапряженный железнодорожный транспорт, стимулировало интерес региональных внешнеторговых органов к Карской экспедиции. На уральские и сибирские товары, перевозимые северным путем, распространялись тарифные льготы, а импортные товары освобождались от пошлин[20]. Уральские внешнеторговые органы постепенно увеличивали грузопотоки на этом транспортном направлении. Если в 1923 г. Карская экспедиция обслуживала 15% экспортно-импортных перевозок, то к началу 30-х гг.- уже 50%. Но Карский путь мог быть использован более эффективно при соответствующих капиталовложениях в устройство водных путей Обь-Иртышского бассейна. Такие планы прорабатывались в связи с программой освоения лесных богатств Тобольского Севера, но в рамках исследуемого периода реализованы не были[21]. Привлечь иностранный концессионный капитал или кредиты для этой программы не удалось, а собственных сил у страны на сложное и дорогостоящее строительство речных портов, подъездов к ним и т.д. не хватало.

Торговые операции на восточных рынках обеспечивались в основном Транссибом и были крайне затруднены отсутствием разветвленной транспортной сети. Поэтому торговый оборот совершался в замедленном темпе, создавая дополнительные финансовые трудности: страна и в период восстановления, а тем более в период реконструкции задыхалась от недостатка капиталов.

В планово управляемом процессе внешнеторгового взаимодействия Урала в послереволюционную эпоху совершенно явно просматриваются черты преемственности и в рыночной ориентации, и в структуре товарообмена с предшествующей исторической эпохой. Комплекс хозяйственных и политических причин не позволил восстановить прежние масштабы внешнеторговой деятельности, но все же ценой невероятных усилий продукция уральской промышленности и сельского хозяйства возвращается на мировой рынок.

Несмотря на идеологические и политические императивы, действующие в этой сфере хозяйствования, экономическая целесообразность торговли с капиталистическим зарубежьем осознавалась и частично реализовывалась, правда, не всегда в интересах прогресса в развитии региона.

Курс на автаркию и вытекающее из него отставание от передовых стран закрепил восточную ориентацию торговых связей Урала. На западных рынках реализовывалось в основном промышленное и сельскохозяйственное сырье и, в качестве исключения, отдельные продукты обрабатывающей промышленности. На Восток направлялись товары, соответствующие внутрисоюзной хозяйственной специализации региона, но в силу своей низшей конкурентноспособности не находившие спроса в развитых странах.

Трудности извлечения из хозяйства Урала ресурсов для экспорта, вполне понятные и объяснимые в ситуации первой половины 20-х гг., поставили в качестве самостоятельной проблему развития экспортного хозяйства. При разделении функций производства продукции и ее реализации на мировом рынке постановка ее в такой форме вытекала из реальной практики заготовительной работы.

Медленное восстановление довоенных объемов уральского экспорта имело свои причины. Главным образом сказывалось уменьшение товарных поставок сельского хозяйства. Рост потребления сельскохозяйственной продукции на внутреннем рынке частично, во всяком случае на селе, был связан с недостатком промтоваров и нежеланием крестьян участвовать в неэквивалентном обмене. Поэтому удельный вес потребления внутреннего рынка по зерновым продуктам, техническим культурам, маслу, яйцам и другим продуктам изменился не в пользу экспорта. Сказывался также разрыв внутренних и внешнеторговых цен по целому ряду экспортных товаров.

Эти обстоятельства предопределили чрезмерность накладных расходов при производстве и заготовках экспортной продукции вплоть до нерентабельности этой отрасли. К тому же далеко не все, что находило сбыт на внутреннем рынке, могло реализовываться на внешнем. Здесь имели значение и качество, и себестоимость, и кондиционность. Именно поэтому уральские внешнеторговые органы проблему экспортного хозяйства решали как особо важную экономическую задачу[22]. «Экспортное дело,- отмечалось в записке Уралвнешторга в Облэкосо,- не может развиваться и укрепляться без довольно значительных капиталовложений, обеспечивающих высокие качества экспортной продукции, ее стандарт и приспособленный транспорт, в особенности это касается скоропортящихся продуктов»[23].

На уровне Уральского Облэкосо по этому вопросу было принято решение о выделении специальных капиталовложений в производство экспортной продукции. Если в условиях обычной внешней торговли на экспорт вывозится продукция, однотипная с идущей на внутреннее потребление, то в практике 20-х гг. произошло разделение на экспортную продукцию и продукцию для внутреннего оборота. Вероятно, при существовании разницы внутренних и внешних цен и при жесткой системе протекционизма относительно отечественной промышленности, это было неизбежное явление. Но оно имело весьма серьезные последствия для советского хозяйства. Основное производство в стране оказалось вне даже опосредованного влияния конкуренции мирового рынка, не создавались механизмы, способные обеспечить устойчивый технико-экономический прогресс в промышленности.

Плановые дополнительные капиталовложения в производство экспортной продукции выделялись на первых порах с расчетом на перспективу. Но это, конечно, не отменяло сложившейся практики сосредоточения всех сил и внимания экспортирующих организаций и управленческих структур на заботах сегодняшнего дня, возможности максимального изъятия на местах излишков (и не только излишков) сырьевых ресурсов и товаров, которые можно было реализовать на внешнем рынке.

Труднее всего обстояли дела с расширением сельскохозяйственного экспорта. Довоенные его объемы так и остались недосягаемой целью. Цифровые данные о

них «кочевали» из одного директивного документа в другой без видимой надежды на успех. Из сельскохозяйственного экспорта в 20-е гг. выпали основные статьи довоенных поставок: пшеница и хлебопродукты, продукция полеводства, бекон. Резко уменьшились поставки масла. Вывоз из региона зерна в течение 20-х гг. в структуре сельскохозяйственного экспорта занял неожиданно значительное место: его удельный вес составлял в 1923/24 г. 6%, в 1925-26 г. 7%, в 1928/29 г. 5%, в 1932 г. 4%. В целом по продовольственному экспорту процесс восстановления прежних объемов затормозился на уровне 17%[24].

Удельный вес всех видов сельскохозяйственной продукции (продовольствия и сырья) в уральском экспорте исследуемого периода тем не менее был очень высоким, хотя и имело место его постоянное уменьшение: в 1923/24 г.- 62%, в 1925/26 г.- 53, в 1928/29 г.- 41, в 1934 г.- 34[25]. В экспорте преобладали птица, мясопродукты, животное сырье (щетина, пух и перо, кишки, рога и копыта и т.д.). Экспорт по этим изделиям составлял 13% общесоюзного вывоза[26].

Неблагоприятное положение с экспортом масла мы уже отмечали. Экспорт этого товара не только не восстановился, но и неуклонно сокращался. С 1924 по 1934 гг. вывоз масла с Урала сократился по стоимостным показателям на 54%[27].

Сдвиги в промышленном экспорте были более заметны в силу большей активности в этой сфере иностранного капитала (акционерные общества, концессии). По товарным статьям, где обеспечивался быстрый оборот капиталов, к середине 20-х гг. прежние объемы экспорта были восстановлены и даже превзойдены — руды, асбест, продукты лесного промысла приносили львиную долю валютных поступлений.

Рост экспортных поставок сдерживался отсутствием эффективного механизма сочетания государственного и рыночного регулирования торговли. В течение 1922-1925 гг. государственные заготовительные организации в своем распоряжении имели только 1,5 млн.руб.[28]. Конечно же, в этих условиях многое зависело от кредитования заготовок со стороны иностранных потребителей. А с кредитами, как мы уже убедились, дела обстояли далеко не так просто.

До середины 20-х гг. внешняя торговля Урала, таким образом, испытывала определяющее воздействие рыночных отношений. Попытки мобилизации ресурсов для экспорта наталкивались на коммерческие ограничения. Сотрудник Уралвнешторга Ф. Антонов в одном из обзоров состояния внешней торговли Урала отмечал это обстоятельство: «В силу целого ряда причин — до настоящего времени внешняя торговля была той отраслью хозяйства, в которой плановая увязка достигалась в наименьшей степени. Строго централизованные и зависящие от быстро меняющейся конъюнктуры далеких рынков экспортные операции долгое время не могли уложиться в рамки местного учета и местной направляющей воли»[29].

XV конференция ВКП(б) стала своеобразной переломной фазой в развитии экспорта. «Несоответствие между уровнем развития внешней торговли и развитием внутреннего производства, — фиксировалось в резолюции «О хозяйственном положении и хозяйственной политике», — ставит во весь рост задачу максимального расширения экспорта»[30]. Местные органы отреагировали на

решения конференции смещением акцентов в работе: «Основной задачей является возможное усиление нашего экспорта. Чем больше мы вывезем за границу наших продуктов и сырья, тем больше мы ввезем оттуда оборудования и других товаров, скорее будет расти и улучшаться наше хозяйство и индустриализироваться наша страна»[31]. В мае 1926 г., вскоре после конференции, прошло совещание торговых секций облпланов, наметившее новый порядок организации экспортных заготовок. Он предполагал усиление планового начала: Госплан СССР рассылал разверстку для республик и областей в цифрах «первого приближения» и после их корректировки местными плановыми комиссиями совместно с Наркомторгом строил операционный план экспортных заготовок.

Планирование исходило из оценки экспортного потенциала региона. В понимании тех лет «экспортный потенциал» — сумма товарных ценностей, пригодных для экспорта, которую район может дать в данном году по состоянию своего производственного и транспортного хозяйства, за вычетом, во-первых, внутренней потребности района, а, во-вторых, той части этих товарных ценностей, которая постоянно идет на внеобластные рынки СССР, согласно определению установившегося спроса»[32]. Основной целью стало достижение таких объемов вывоза, которые не только давали возможность выполнить за границей расчетные обязательства, но и оставляли в распоряжении государства излишки валюты.

На Урале в связи с этим быстро определились приоритеты в расширении промышленного экспорта. Основное значение в вывозе сырьевых ресурсов из края по-прежнему имели естественные богатства Урала, в ряде случаев имеющие мировое значение. Извлечение их требовало сравнительно небольших затрат.

4 декабря 1926 г. бюро Уралобкома ВКП(б) рассмотрело вопрос «О состоянии экспорта уральских промтоваров»[33]. В намеченную программу по расширению экспорта промышленной продукции вошло три позиции:

1. Усиление в пределах наличных производственных возможностей добычи и экспортирования промтоваров обеспеченного заграничного сбыта, таких, как асбест, магнезит, корунд.

2. Выявление новых экспортных статей, расширение и постановка в промышленном масштабе проводимой ныне в полукустарной форме добычи и экспортирования минерального сырья: самоцветов, талька, слюды, гранита, титановых руд и т.д.

3. Обеспечение максимального снижения транспортных расходов, использование всех выгод Севморпути.

Постоянное давление партийных органов на экспортных заготовителей объяснялось насущными нуждами технической реконструкции промышленности Урала. Вывоз из региона товаров, пользующихся спросом за рубежом, все в большей степени приобретал значение первостепенной важности. Этим предопределилось и применение во второй половине 20-х гг. «чрезвычайных» мер в экспортных заготовках и готовность государства пойти на некоторые дополнительные расходы для расширения производства экспортного сырья. И, конечно же, выбор экспортных товаров, подлежащих форсированному вывозу, зависел от возможности максимально скорого их производства с минимумом издержек. В первую очередь это были опять же сырьевые статьи.

Разработка месторождений хотя и требовала затрат, но налицо была скорая их окупаемость при условии гарантированного сбыта. К тому же сырьевые товары встречали небольшую конкуренцию на мировом рынке, а некоторые их виды пользовались неограниченным спросом. Именно на этот вариант развития экспорта настойчиво ориентировали хозяйство партийные власти, и он в известных пределах реализовался.

Итак, усиление планового начала в развитии экспорта с Урала шло одновременно с выделением разряда особых экспортных производств. Эти производства получали дополнительную материальную поддержку — результаты их работы должны были покрыть эти издержки и заметно увеличить валютные фонды государства.

В целом капиталовложения в экспортные отрасли хозяйства Урала имели постоянную величину во второй половине 20-х гг., и наблюдался значительный их рост в начале 30-х гг.

За 1926-1930 гг. было вложено 31,5 млн. руб. (24,6 млн. руб. в промышленные отрасли и 6,9 млн. руб.- в сельскохозяйственные). Средства распределялись следующим образом: добыча и экспорт асбеста — 15,3 млн. руб., магнезита — 2, производство бекона — 1,1[34]. В начале 30-х гг. наступил некоторый подъем. Только в 1931 г. вложения составили 56 млн. руб. (44 млн. руб. в экспортные производства в промышленности и 12 млн. руб. в сельском хозяйстве). Финансировались все те же отрасли: производство асбеста — 27 млн. руб., магнезита — 10, минерального сырья — 1,5, маслоделие — 4,8, яично-птичное производство — 5,2, пушное хозяйство — 1,3 [35].

Львиная доля капиталовложений в расширение экспорта пришлась на тресты «Ураласбест», «Уралмет», «Уралхим» и др. Но затраты шли и по линии территориальных внешнеторговых заготовок. Причем, судя по выступлению предисполкома Ошвинцева на экспортном совещании в 1932 г., «НКВТ ставил вопрос о том, чтобы предоставить сколько угодно денег, лишь бы через три-четыре месяца был товар на экспорт»[36].

Все меры, начиная с середины 20-х гг., были призваны максимально увеличить вывоз за рубеж любых видов продукции, которую можно продать, даже в убыток. Главное — накопление валютных ресурсов на оплату расширяющегося ввоза оборудования для технической реконструкции хозяйства.

Планирование и дополнительное финансирование производства экспортной продукции дали результат намного ниже ожидаемого. Принятые меры, как намечалось, должны были позволить резко увеличить объемы вывоза, которые и вошли в план экспортных заготовок практически по всем отраслям уральского хозяйства.

По статьям промышленного экспорта предполагался прирост, в % к предыдущему году: 1928/29 — 146; 1929/30 — 232; 1930 — 226; 1931 — 190; 1932 — 191; по сельскохозяйственному экспорту: 1928/29 — 114; 1929/30 — 135; 1930 — 110; 1931 — 145; 1932 — 156 [37]. По товарным группам наибольший прирост планировался в производстве земледельческого экспорта и продукции пищевой промышленности, чуть меньше — в горной и химической.

Создается впечатление, что в плановых заданиях были зафиксированы возможности продажи в соответствии с конъюнктурой мирового рынка и полностью прогнозировано реальное состояние производства и добычи ресурсов, в которых, к тому же, остро ощущалась нужда и на внутреннем рынке. Экспортные планы, на наш взгляд, служили дополнительным основанием для применения чрезвычайных мер в экономике. Профессор Н.Д. Кондратьев в «Критических заметках о плане развития народного хозяйства» обращает внимание на легковесные основания экспортных наметок и замечает, что «осуществление намеченного плана импорта, а следовательно, и реконструкции промышленности предполагает соответствующее развитие и экспорта»[38].

Плановые наметки, исходящие из оценки экспортного потенциала, начиная с середины 20-х гг. реализовались максимум на 55-60%, а темпы роста экспорта составили минимальную величину. Проследим изменения в структуре экспортных поставок в течение исследуемого периода.

С начала 20-х гг. и до середины 30-х, на наш взгляд, динамика экспорта из региона по товарным группам не свидетельствовала в пользу позитивных сдвигов в региональном хозяйстве.

То обстоятельство, что возрастал удельный вес промышленной продукции, скорее убеждает в снижении индустриального потенциала региона: вывозились в подавляющей массе сырье и полуфабрикаты и изделия с очень небольшой технической новизной. Продукция уральского машиностроения, не соответствующая мировым стандартам, прорвется на внешние рынки спустя несколько десятилетий, когда сформируется обособленный рынок социалистических государств и их потенциальных союзников из стран «третьего» мира. Сокращение же до минимума предела сельскохозяйственного экспорта стало результатом несбалансированной аграрной экономической политики.

Экспорт зерна и других статей сельскохозяйственного экспорта, до войны игравших решающую роль в торговом обмене, неуклонно сокращался. Имел место небольшой всплеск в конце 20-х гг., но вызван он был применением чрезвычайных мер в проведении заготовок продукции. Рост поставок в стоимостном выражении по общей сумме подкреплялся сырьевыми ресурсами и обеспечивался идеологически мотивированной установкой на реализацию программы индустриализации страны и достижения технико-экономической независимости.

Увеличение индустриальной части экспорта, наблюдаемое до середины 20-х гг., было связано с восстановлением связей с Востоком и некоторым оживлением перерабатывающих сельскохозяйственное сырье производств.

Неблагополучие с развитием экспорта, фиксируемое на всех уровнях политической власти, а главное, несоответствие валютных поступлений плановым установкам в формировании индустриализации, обусловили частое применение чрезвычайных мер в заготовках. Если в начале 20-х гг. такие меры объяснялись катастрофическим положением хозяйства республики, то начиная со второй половины десятилетия они постепенно воспринимаются как минимально присущие системе хозяйствования. Организационно чрезвычайщина в экспортной деятельности оформилась в «варианте Микояна», предусматривавшем жесткую централизацию ресурсов и прав их реализации, уже рассмотренном нами. За-

готовки экспортных ресурсов приобрели характер «борьбы на переднем крае» и, конечно, не учитывали внутренние потребности и удовлетворение внеобластного спроса. В экспортные ресурсы попадало все, что могло быть реализовано на внешнем рынке.

Местные органы к концу 20-х гг. практически утратили самостоятельность в проведении экспортно-импортных операций и руководствовались четкой установкой Наркомторга: «Необходимо помнить, что экспорт является одним из наиболее узких мест нашего хозяйства, определяющим в значительной мере темп индустриализации, и от роста которого зависит возможность более усиленного импорта оборудования, потребного для выполнения принятого плана индустриализации»[39]. Для Урала эта установка имела особое значение. Из валютных накоплений государства значительная часть шла на обеспечение реконструкции хозяйства региона.

В выступлении председателя Уралоблисполкома М.К. Ошвинцева на экспортном совещании в начале 1932 г. предельно четко сформулировано сложившееся положение: «Я ставлю вопрос о том, чтобы в 1932 г. найти новые виды экспорта... Мы можем не только расширить экспорт сельхозпродукции, мы должны главным образом использовать наши сырьевые возможности, ископаемые... Мы по импорту потребляем в десять раз больше того, что покрываем по своему экспорту. Стало быть на нас работают другие области, и поэтому тем более необходимо об этом деле позаботиться и оправдать хотя бы пятую часть своего импорта»[40]. С этой целью осуществлялась широкая программа мер. На предприятиях создавались «ячейки содействия экспорту», в заготовительной работе усилились элементы чрезвычайщины. В документах директивных органов и местной власти экспортная проблема проходила с призывами и требованиями «мобилизовать все силы», «отдать все средства страны на выполнение ПЯТИЛЕТКИ», «решительно оживить внешнюю торговлю» и т.д.[41].

С 1930 г. в соответствии с решением Уральского областного экспортного совещания для выполнения планов экспортных заготовок на места направлялись партийные и хозяйственные работники. Инструкция по их деятельности предусматривала: 1) обеспечение реальных мер (а не констатацию и наблюдение); 2) работа оценивалась по результатам сдвигов в заготовках[42].

С начала 30-х гг. военно-коммунистические методы в обеспечении накоплений для индустриализации стали практикой экспортной деятельности в регионе.

В достижении технико-экономической независимости страны Урал сыграл не последнюю роль в смысле обеспечения внутренних потребностей промышленной продукцией и в смысле накопления валютных ресурсов для импорта оборудования и технической реконструкции промышленности. И хотя экспортные поставки по своей структуре не отражали содержания всего индустриального потенциала и его внутрисоюзной специализации, удельный вес Урала в экспорте страны был довольно высок и уступал лишь удельному весу Сибири и Дальнего Востока, в еще больших масштабах вывозивших природные богатства и сельхозпродукцию для обеспечения индустриализации.

До первой мировой войны удельный вес Урала (в границах Уральской области) в общероссийском экспорте составлял примерно 5%[43]. В 1922/23

г. в общесоюзном вывозе он составлял 10%; в 1926/27 г.- 4,1; в 1930 г.- 5,2; в 1934 г. — 6,9[44]. Удельный вес Сибири в союзном экспорте устойчиво составлял до 10-12%[45]. Эти цифры показывают увеличение удельного веса региона в сравнении с довоенным. Учитывая, что объем связей региона с внешним рынком не был восстановлен (процесс остановился на 50%), этот факт весьма примечателен. Регион в рамках страны в большей степени оказался включенным в мирохозяйственные связи: по данным Д.М. Бобылева, к 1927 г. размер экспорта России составлял 37%[46]. К середине 30-х гг. экспорт республики в стоимостном выражении достиг 750 млн. руб. или примерно 45% от довоенного[47].

Форсирование экспорта было связано с нарастающим действием негативных факторов во внешнеэкономических связях. Во-первых, достижение сиюминутного успеха в накоплении валюты отодвинуло на второй план систематическую и напряженную работу по закреплению позиций уральской продукции на мировом рынке. Во-вторых, своевременно не встала проблема качества, кондиционности и стандартности экспортной продукции — зачастую продавали по очень низким ценам, лишь бы получить валюту. В-третьих, внешнеторговые операции совершались вопреки коммерческим принципам, диктуемым конъюнктурой внутреннего рынка. В-четвертых, очень скоро товарное наполнение экспорта стало по качеству резко отличаться от продукции, идущей для внутреннего потребления.

Прикрытая от конкуренции европейской промышленности системой «глухого протекционизма», уральская промышленность в течение многих последующих десятилетий так и не сможет выйти на мировой рынок с продукцией соответствующего мировым стандартам качества. Импорт технологии из вынужденного в силу отставания в годы войны превратился в постоянно действующий фактор, так как в промышленности не сложился эффективный механизм технического прогресса.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 69.
2. Хозяйство Урала. 1925. № 4. С. 146.
3. Там же.
4. Бухарин Н. И. Избранные произведения. М., 1988. С. 406.
5. Цит. по: Шишкин В. А. Советское государство и страны Запада в 1912—1923 гг.//Очерки истории экономических отношений. Л., 1969. С. 45.
6. Подсчитано по: ГАСО. Ф. 241. Оп. 2. Д. 2686. Л. 58.
7. Антонов Д. Вопросы уральского экспорта и импорта // Хозяйство Урала. 1926. № 13—14. С. 27.
8. Веллер Р. Уральский экспорт // Хозяйство Урала. 1928. № 2. С.106.
9. ГАСО. Ф. 99. Оп. 1. 14. Там же. Д. 35. Л. 1494.
10. Там же. Ф. 255. Оп. 1. Д. 403. Л. 260.
11. Там же. Ф. 99. Оп. 1. Д. 30. Л. 140.

12. Там же. Ф. 255. Оп. 1. Д. 403. Л. 260.
13. Там же. Ф. 99. Оп. 1. Д. 71. Л. 60—65.
14. Уральский рабочий. 23 марта, 29 июля. 1927.
15. Северная Азия. 1926. № 4. С. 8.
16. ГАСО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 71 Л. 81—82.
17. Хозяйство Урала. 1928. № 5—6. С. 172.
18. Уральский рабочий. 24 июля. 1926; 25 марта. 1927; 7 янв. 1928; 23 февр., 2 апр. 1929.
19. ГАРФ. Ф. 288. Оп. 1. Д. 101. Л. 8; Уральский рабочий, 9 янв. 1925; 24 июля. 1926.
20. ГАСО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 92. Л. 190.
21. Там же.
22. ГАСО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 30. Л. 64.
23. Там же. Д. 34. Л. 15.
24. Бобылев Д. М. Экспортное хозяйство Урала как экономическая проблема. Свердловск, 1624.
25. ГАСО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 30. Л. 143.
26. Там же. Ф 255. Оп 1. Д. 405. Л. 3; Д. 742. Л. 130—131; Хозяйство Урала. 1927 №2—3 С 71—74
27. ГАСО. Ф 241 Оп 2. Д. 2826. Л. 42; Д. 2729. Л. 4; Ф. 99. Оп. 1. Д. 71. Л. 30; Ф. 255. Д.405. Л. 3 95—99; Д. 74. Л. 20.
28. ГАСО. Ф. 255. Оп. !. Д. 561. Л, 54. 55; Д. 746. Л. 130—132,
29. Хозяйство Урала. 1925. № 4. С. 146; Весь промышленный и торговый Урал. 1927. С. 141.
30. ГАСО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 71. Л. 86.
31. Антонов Д. Вопросы уральского экспорта и импорта //Хозяйство Урала. 1926. № 13—14. С. 26.
32. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3. М., 1970. С. 379.
33. Уральский рабочий. 3 марта. 1927.
34. ГАСО. Ф. 255. Оп. 1. Д. 746. Л. 143.
35. Бобылев Д Перспективы уральского экспорта//Хозяйство Урала. 1927. № 2—3. С. 65.
36. ГАСО. Ф. 255. Оп. 1. Д. 746. Л. 143.
37. Там же. Д. 824. Л. 2.
38. Там же. Д. 143. Л. 137.
39. Там же. Д. 742. Л. 130—131.
40. Кондратьев Н. Д. Проблемы экономической динамики. М.,1989. С 153.
41. ГАСО. Ф. 255. Оп. 1. Д. 403. Л. 54.
42. Там же. Д. 143. Л. 137.
43. Цит. по: Розенгольц А. П. СССР и капиталистический мир. М.- Л., 1934. С. 10.
44. Там же. С. 15, 18.

45. ГАСО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 30. Л. 136-41147; Хозяйство Урала. 1927. № 2—3. С. 60—61.
46. Подсчитано по: ГАСО. Ф. 255. Оп. 1. 403. Л. 1; Ф. 99. Оп. 1. Д. 35. Л. 1469; Д. 71. Л. 86; Ф. 241. Оп. 2. Д. 27,29. Л. 4; ГАРФ. Ф. 388. Оп. 1. Д. 265-а. Л. 14; Хозяйство Урала. 1928. № 2. С. 109; Лещинский И. Г. Республики и края в советском экспорте. М.; Л., 1935 С. 122—123, 316.
47. Сибирская советская энциклопедия. Т. 1. Новосибирск, 1934. С. 159.

HISTORICAL TRADITIONS OF FOREIGN ECONOMIC RELATIONS OF REGIONS of THE URALS: LESSONS OF MONOPOLY (1920-1930)

The foreign trade exchange at monopoly of foreign trade became the basic channel of communications with the world economy as to the greatest degree answered economic-political ends of the postrevolutionary period. Tendencies in development of regional foreign trade repeated fluctuations of isolation's moods in higher authorities and reflected the interests of direct manufacturers protected from external influences by monopoly of trade. These interests have inevitably conflicted with caused by logic of economic development by processes of wide integration of the industry of region in the world economy.

V.P. Timoshenko

Г.Е. Корнилов, О.В. Павлова

МИГРАЦИОННЫЕ СВЯЗИ УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ВСЕСОЮЗНОЙ ПЕРЕПИСИ 1926 ГОДА)

Миграция населения — это сложный по своей природе, формам проявления и последствиям процесс, подразумевающий перемещение людей (мигрантов) через границы тех или иных территорий с переменой места жительства навсегда или на более или менее длительное время. Она взаимосвязана со многими социально-экономическими явлениями и сама по себе представляет значительный интерес. Анализу миграционных процессов уделяли большое внимание в своих работах такие исследователи, как Л.Л. Рыбаковский (1), В.И. Переведенцев (2), Б.С. Хорев (3), Т.И Заславская (4) и др. Особый интерес представляют труды Ф. Лебедева (5), В.М Моисеенко (6) и Н.А Федоровой (7), посвященные анализу материалов переписи 1926 года. Проблемами изучения структуры населения на территории Уральской области в данный период занимались так же Г.Е. Корнилов (8), А.И. Кузьмин, А.Г. Оруджиева (9) и др.

Данная статья — попытка многостороннего анализа миграционных связей Уральской области по материалам переписи 1926 года. В ней были рассмотрены

проблемы внутрирегиональной и межрегиональной миграции (приток и отток населения), структура миграционных потоков (миграционные когорты), социально-демографические типы мигрантов, значение миграционных связей для области в целом (изменения структуры населения). В работе использованы методики исследования миграционных процессов, предложенные демографами.

Материалы всесоюзной переписи населения 1926 года (10) позволяют представить достаточно полную картину миграционных связей Уральской области в предшествующие годы. Подробно разработаны данные о территориальной структуре неместных уроженцев, что составляет исходную базу при изучении миграционных потоков внутри страны, миграционных связей как внутри Уральской области (между округами), так и вне ее (связь с другими регионами СССР). Так, таблица 4, «Население по продолжительности проживания, народности, положению в отраслях народного хозяйства», дает сведения о количестве неместных уроженцев, постоянно проживающих на территории Уральской области с указанием года прихода (11). Вся совокупность мигрантов разделена на 11 групп, среди которых выделены временно проживающие, проживающие до 1 года (год прихода на территорию области — 1926), 1 год (1925 г.), 2 года (1924 г.), 3 — 5 лет (1921 — 1923 гг.), 6 — 9 лет (1917-1920 гг.), 10 — 12 лет (1914 — 1916 гг.), 13 — 19 лет (1907 — 1913 гг.), 20 — 29 лет (1897 — 1906 гг.), 30 лет и более (до 1897 г.). Данная группировка позволила выявить миграционные когорты и установить, в какие годы на Урал шел наиболее активный приток населения. На основе материалов таблицы 4 были выявлены социально-демографические типы мигрантов (с указанием пола, возраста и семейного положения) в разное время прибывшие в городские и сельские местности. Таблица 5 переписи населения 1926 года, «Неместные уроженцы, проживающие в месте переписи постоянно, по месту рождения и месту проживания, подробно обозначенным» (12), содержит сведения, необходимые для установления внутренних и внешних миграционных связей Уралобласти, изучить половой состав мигрантов. Анализ статистического материала позволяет установить мощность потоков, их количественные и качественные характеристики, влияние их на социально-демографическую структуру населения.

По направлениям миграционные потоки можно разделить на две группы: межрегиональная и внутрирегиональная (внутриобластная) миграция. Рассмотрим их подробнее. Межрегиональная миграция по отношению к населению Уралобласти может рассматриваться как внешняя, т.к. отток и приток населения происходит с территорий не входящих в состав данного региона. Как отмечалось выше, материалы переписи населения 1926 года содержат сведения о количестве неместных уроженцев, проживающих на территории Уральской области. На основе этого материала была построена таблица (см. таблицу 1), позволившая проанализировать количественное соотношение мигрантов, прибывших в городские и сельские местности. Основной приток в Уральскую область шел на село (66,5%), что объяснялось рядом факторов.

Во-первых, преобладание сельского населения по стране в целом непременно приводило к увеличению численности мигрантов, связанных с аграрной сфе-

Таблица 1.

*Приток населения на территорию Уралобласти по материалам переписи 1926 года**

Округ	Город		Село		Всего	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Верхне-Камский	18746	4,0	33078	3,6	59299	4,3
Златоустовский	25272	7,6	19526	2,1	54798	3,9
Ирбитский	11843	2,5	54132	5,8	65975	4,7
Ишимский	9911	2,1	63861	6,9	73772	5,3
Коми-Пермяцкий	-	-	28877	3,1	28877	2,1
Кунгурский	13315	2,9	70749	7,6	78022	5,6
Курганский	15282	3,3	67779	7,3	83061	5,9
Пермский	89799	19,3	102850	10,6	192643	13,8
Сарапульский	17518	3,8	88540	9,5	106094	7,6
Свердловский	91839	19,7	50624	5,5	142463	10,2
Тагильский	64606	13,9	62719	6,8	127325	9,0
Тобольский	7325	1,6	19319	2,1	26644	1,9
Троицкий	1159	0,2	46403	5,0	57994	4,1
Тюменский	30663	6,6	75380	8,0	106043	7,6
Челябинский	32826	7,0	74221	7,9	107047	7,6
Шадринский	15338	3,3	75820	8,1	91158	6,5
Уралобласть	465910	100	927836	100	1393746	100

* Подсчитано по данным: ЦСУ СССР. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Уральская область. Отд. 3. Отд. оттиск табл. части. Т. 38. С.182 — 223.

рой. Во-вторых, наличие неосвоенных, достаточно благоприятных для земледелия территорий в Уралобласти приводило к постепенному перераспределению человеческих ресурсов между данной местностью и центральной частью СССР, где явно ощущался недостаток земли. В-третьих, в материалах переписи явно нашли отражение потоки мигрантов-беженцев голода, Первой мировой и Гражданской войн, т.к. в первую очередь страдали хозяйства крестьян, которые были вынуждены переселяться в поисках источника пропитания и оседали на Урале. Наибольшее количество неместных уроженцев пришлось на следующие округа: Пермский (13,8 % от общего количества населения округа), Свердловский (10,2 %), Тагильский (9 %), Челябинский (7,6 %), Тюменский (7,6 %) и Шадринский (6,5%), т.е. в основном на центральную часть, через которую проходила железная дорога. Однако соотношение потоков в города и сельские местности несколько меняет картину. Лидирующее положение по притоку в городские поселения занял Свердловский округ (19,7 % городского населения — неместные уроженцы), тогда как доля сельских мигрантов здесь мала (5,5 %). На втором месте Пермский округ (19,3 %), причем приток крестьянских хозяйств здесь был наибольшим по области (10,6 %). Далее по притоку в города следовали Тагильский (13,9 %), Златоустовский (7,6 %), Челябинский (7 %) и Тюменский (6,6 %) округа. По притоку в сельские местности, как

Таблица 2.

*Плотность размещения неместных уроженцев на территории Уралобласти, 1926 г. (человек на кв. км)**

Округ	Территория	Мигранты	**Население в целом**
Верхне-Камский	61255	0,97	2,93
Златоустовский	18078	3,03	11,33
Ирбитский	40217	1,64	6,55
Ишимский	41871	1,76	9,28
Коми-Пермяцкий	25264	1,14	5,76
Кунгурский	25968	3,00	17,66
Курганский	31608	2,63	13,98
Пермский	39333	4,90	16,71
Сарапульский	19808	5,36	26,57
Свердловский	35381	4,03	15,93
Тагильский	100228	1,27	3,83
Тобольский	1080479	0,02	0,19
Троицкий	39802	1,46	7,19
Тюменский	45194	2,35	10,31
Челябинский	29487	3,63	15,95
Шадринский	26790	3,40	25,24
Уралобласть	1660763	0,84	3,80

* Подсчитано по данным: ЦСУ СССР. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Уральская область. Отд. 3. Отд. оттиск табл. части. Т. 38. С.182 — 223.; Хозяйство Урала, 1926 год. С.2–3.

отмечалось ранее, впереди шел Пермский (10,6 %) округ. За ним шли Сарапульский (9,5 %), Шадринский (8,1 %), Тюменский (8%), Челябинский (7,9 %) и Кунгурский (7,6 %) округа. Таким образом, соотношение мигрантов в город и село в различных округах неодинаково, и округ, лидирующий в притоке городских мигрантов не обязательно первый в притоке сельских. Это объясняется различием как территориальных рамок района вселения (миграционной емкости), так и его хозяйственной специализацией (промышленная, аграрная), соотношением количества городских и сельских поселений. Крестьяне переселялись в основном на территории, благоприятные для сельского хозяйства, богатые земельными ресурсами (Пермский, Сарапульский, Кунгурский и другие округа). В городские поселения миграция шла с учетом развитости промышленности края (Свердловский, Пермский, Тагильский округа). Интересно, что Троицкий округ, ставший после 1926 года (год начала плановых переселений в Уралобласть) основным районом вселения, в предыдущие годы не пользовался большой популярностью (0,2 % в городах и 5% в сельских местностях) в среде мигрантов.

Известно, что разные районы имели различную миграционную ёмкость. Материалы переписи и данные статистического сборника «Уральское хозяйство в цифрах» (13) позволили сделать расчет плотности размещения неместных уроженцев в Уралобласти (см. таблицу 2).

В целом по Уральскому региону этот показатель сравнительно мал (0,8 чел/ кв. км), однако по отдельным округам он выше. Наибольшая плотность размещения мигрантов наблюдалась в Сарапульском (5 чел./кв. км, при общей плотности населения 26,57 чел./ кв. км), Пермском (4,9 чел./ кв. км и 16,71 чел./ кв. км) и Свердловском (4 чел./ кв. км и 15,93 чел./ кв. км) округах. Далее шли Челябинский (3,6 чел./ кв. км и 15,95 чел./ кв. км), Шадринский (3,4 чел./ кв. км и 25,24 чел./ кв. км), Златоустовский (3 чел./ кв. км и 11,33 чел./ кв. км) и Кунгурский (3 чел./ кв. км и 17,66 чел./ кв. км) округа. Плотность мигрантов в остальных округах значительно меньше. Различия в размере данного показателя существенны. Переселение в общей массе шло в более развитые округа с благоприятным климатом. Наличие огромных территорий не всегда оказывалось решающим фактором для миграции в определенный округ. Так, например, Тобольский округ, занимающий 65 % всей площади Уралобласти, мигрантов имел лишь 0,02 чел./ кв. км (при общей плотности населения 0,19 чел./ кв. км).

Откуда же шли наиболее крупные потоки мигрантов на территорию Уральского региона? Установить это позволяют материалы переписи. На основе анализа статистической информации были установлены регионы СССР, ставшие основными источниками пополнения населения Уралобласти. Среди них можно отметить наиболее активные по оттоку мигрантов территории: Вятская губерния дала 26 % всех неместных уроженцев, Башкирская АССР — 7 %, Сибирский край — 4,5%. Все они являлись наиболее близкими соседями, поэтому миграционные связи между ними оставались наиболее сильными. Далее шли более отдаленные территории — Средне-Волжский (19%) и Центрально-Промышленный (12%) районы и Белорусская ССР (5,3 %). Исходя из этого все округа Уральской области можно разделить на 4 основных группы по направлениям миграционных потоков (условно исключены другие районы, чья доля в миграции незначительна):

а) преобладание мигрантов из Вятской губернии (Ирбитский, Кунгурский, Сарапульский, Свердловский, Тагильский, Тобольский, Тюменский округа),

б) преобладание мигрантов из Средне-Волжского региона (Верхне-Камский, Ишимский, Пермский, Троицкий, Челябинский округа),

в) преобладание мигрантов из Центрально-Промышленного района (Курганский, Шадринский округа),

г) преобладание мигрантов из Башкирии (Златоустовский округ).

Таким образом, эти четыре потока переселенцев были наиболее мощными, они связавали отдельные части страны между собой. Однако картина миграционных связей была бы не полной, если не проследить обратную связь. Наряду с притоком населения в Уралобласть существовал и отток.

Наибольшее количество мигрантов, уходящих за пределы Уральского региона, дали те же округа, в которые активно шел приток переселенцев (см. таблицу 3).

Это можно объяснить значительной миграционной подвижностью населения данных территорий, и в какой-то степени обратным движением (например, беженцы и переселенцы второго поколения, осевшие в этих округах, но через

Таблица 3.

*Отток населения с территории Уралобласти по материалам переписи 1926 года**

Округ	Количество уроженцев Уралобласти, живущих вне ее пределов			
	Всего	% по Уралобласти	Мужчины, % по округу	Женщины, % по округу
Верхне-Камский	59299	4,5	34,9	65,1
Златоустовский	43720	3,3	45,5	54,5
Ирбитский	48227	3,7	25,9	74,1
Ишимский	39820	3,0	37,3	62,7
Коми-Пермяцкий	37390	2,9	23,1	76,9
Кунгурский	83222	6,4	29,2	70,8
Курганский	70930	5,4	32,5	67,5
Пермский	182355	14,0	32,5	67,5
Сарапульский	157008	12,0	33,3	66,7
Свердловский	112962	8,7	38,7	61,3
Тагильский	74993	5,8	36,3	63,7
Тобольский	37174	2,8	31,2	68,8
Троицкий	59007	4,5	42,0	58,0
Тюменский	60554	4,6	35,6	64,4
Челябинский	89676	6,9	34,1	65,9
Шадринский	119968	9,2	29,1	70,9
Уралобласть	1302284	100	34,0	66,0

* Подсчитано по данным: ЦСУ СССР. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Уральская область. Отд. 3. Отд. оттиск табл. части. Т. 38. С.182 — 223.

продолжительный промежуток времени решившие вернуться на родину). На первом месте по оттоку населения в другие регионы стоит Пермский округ (14 % всех мигрантов из Уральской области), далее — Сарапульский (12 %), Шадринский (9,2 %), Свердловский (8,7 %), Челябинский (6,9 %) и Кунгурский (6,4 %) округа. Интересно отметить, что доля женщин в потоке мигрантов была почти в два раза больше, чем мужчин.

В основном отток населения шел в следующие регионы: Сибирский край (47%), Казакская АССР (9,9 %), Дальний Восток (6 %), Вятская губерния (5,4%), Центрально-Промышленный (4,6 %) и Средне-Волжский (4,2 %) районы. Однако, для 16 округов Уралобласти выделить можно лишь три наиболее мощных обратных потоков мигрантов:

а) отток населения в Сибирь (Верхне-Камский, Ирбитский, Ишимский, Коми-Пермяцкий, Кунгурский, Курганский, Пермский, Сарапульский, Свердловский, Тагильский, Тюменский, Челябинский, Шадринский округа),

б) отток в Казакскую АССР (Троицкий округ),

в) отток в Башкирскую АССР (Златоустовский округ).

Отмечается тесная двусторонняя связь Башкирской АССР и Златоустовского округа, которая объясняется наличием общих границ, до 1919 года уезд входил в состав Уфимской губернии, а значит активным движением населения (родственные связи). Большое значение в изучении процесса миграции играет

такой показатель, как сальдо миграции, под которым понимается разность между числом прибывших на какую-либо территорию и числом выбывших из нее за определенный срок. Он позволяет определить те районы, в которые шло наиболее активное переселение (положительное сальдо) и те районы, которые теряли свое население (отрицательное сальдо). Соотнеся размеры притока и оттока населения на территорию Уральской области (1393,7 тыс. чел. и 1302,3 тыс. чел., см. табл. 1, 3), приходим к выводу о том, что население данной территории постепенно увеличивалось. Сальдо внешней миграции Уралобласти составило 91,5 тыс. человек.

Анализ внешних межрегиональных связей показывет, что Уралобласть была связана с другими регионами страны сильными миграционными потоками прямого (в область) и обратного (из области) направления. В прямом направлении наиболее активны Вятская губерния (26% мигрантов) и Средне-Волжский район (19 %). В обратном — Сибирский край (47% оттока мигрантов). Несоответствие районов оттока и притока переселенцев объясняется традиционно сложившейся структурой заселения малоосвоенных территорий РСФСР. Основной поток мигрантов двигался с запада на восток. Второе, не все округа Уралобласти имели активные миграционные связи, причем территориальный фактор (площадь округа) не играл решающей роли. Основное значение имели: близость железнодорожных путей, по которым в основном перемещались мигранты, развитость округа в промышленном отношении (приток в города), благоприятный климат и почвы (приток в сельские местности). Третье, наиболее активные связи с другими территориями СССР имели Пермский и Свердловский округа. На долю Пермского округа приходилось 13,8% мигрантов, прибывавших на Урал, доля оттока составляла 14%. В Свердловском округе эти показатели составляли 10,2 % и 8,7 % соответственно. В целом Уральская область имела положительное сальдо внешней миграции.

Не меньший интерес представляет вторая группа миграционных связей Уралобласти — внутрирегиональная, внутренняя миграция, т.е. связь между отдельными округами. Материалы переписи 1926 года позволяют проследить и этот вид связей. На основе расчетов количества мигрантов внутри области были установлены следующие факты (см. таблицу 4).

Положительное сальдо имели районы с наиболее благоприятным климатом. Среди них можно отметить — Тюменский (10405 тыс. чел.), Челябинский (7620 тыс. чел.) и Тагильский (7532 тыс. чел.) округа (указаны лишь те территории, которые имели наибольшее значение сальдо). Отрицательное сальдо, т.е. отток населения, наблюдался в Шадринском (- 11940 тыс. чел.), Сарапульском (-10558 тыс. чел.) и Троицком (-5473 тыс. чел.) округах.

В целом по области внутренняя миграция имела отрицательное сальдо (-1,4 тыс. чел., см табл. 4). Наряду с этим, общий объем внешней (межрегиональной) миграции в 7,7 раз превышал общий объем внутренней. Это говорит о том, что наиболее активными были связи Уральской области с другими регионами (дореволюционные массовые переселения, беженцы, военнопленные, плановые переселенцы и т.д.). К тому же, через территорию Урала шли мощные транзитные потоки мигрантов в прямом (восточном) и обратном (запад-

Таблица 4.

*Внутренняя миграция на территории Уралобласти по материалам переписи 1926 г. (чел.)**

Округ	Приток	Отток	Сальдо
Верхне-Камский	4192	7577	- 3385
Златоустовский	4413	6032	-1619
Ирбитский	8192	4349	3843
Ишимский	2257	1670	587
Коми-Пермяцкий	1054	2700	-1646
Кунгурский	7972	9903	- 1931
Курганский	8662	5932	2730
Пермский	23138	23449	- 311
Сарапульский	4982	15570	- 10588
Свердловский	29005	23285	5720
Тагильский	19653	12121	7532
Тобольский	953	3916	- 963
Троицкий	3641	9114	5473
Тюменский	16625	6220	10405
Челябинский	18396	10776	7620
Шадринский	8681	20621	- 11940
Уралобласть	161816	163235	- 1419

* Подсчитано по данным: ЦСУ СССР. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Уральская область. Отд. 3. Отд. оттиск табл. части. Т. 38. С.182 - 223.

ном) направлении, часть которых могла оседать на данной территории. Однако следует отметить, что хотя количественные характеристики размеров миграционных потоков между районами выхода и районами вселения чрезвычайно важны, они не раскрывают действительной интенсивности миграционных связей. Абсолютные значения миграционных потоков сами по себе лишь выражают мощность совершавшегося между районами движения населения. Поэтому в данном случае необходимо применить методику, предложенную Л.Л. Рыбаковским (14). Она позволяет элиминировать влияние численности населения как районов выхода (миграционные возможности), так и районов вселения (миграционной емкости) на показатели миграционных связей. Вычисленные подобным способом коэффициенты интенсивности межокружных миграционных связей (КИМС) и производные от них окружные показатели интенсивности миграции (I) позволяют сопоставить между собой не только различные районы выхода, не зависимо от численности проживавшего там населения, но и различные районы вселения. Округа с повышенной интенсивностью миграционных связей будут иметь индексы КИМС выше единицы и поокружные показатели, превышающие среднее значение. А те округа, где миграционные связи слабы, будут иметь показатели ниже единицы. Для определения КИМС достаточно иметь данные о количестве мигрирующего населения в зависимости от районов выхода и их

среднегодовую численность населения. КИМС, по формуле, предложенной Л.Л. Рыбаковским, равен частному от деления количества мигрантов, прибывших из i-го района выхода в j-ий район вселения, умноженного на суммарную численность населения всех районов выхода, на численность населения i-го района выхода, умноженного на общую численность всего прибывшего населения.

В результате проведенных вычислений были найдены коэффициенты миграционных связей для 16 округов Уральской области. Материалы переписи 1926 года не позволили установить целостной картины внутриобластной миграции населения, т.к. не все округа имели между собой связь (количество мигрантов не указано). В основном, в пределах Уралобласти переселения шли в близлежащие (соседние) округа, имевшие общие границы. Для облегчения анализа цифрового массива, КИМС были представлены в табличном виде (столбцы — районы выхода, строки — районы вселения). Такая таблица представляет собой квадратную матрицу. Данные каждой строки говорят о различии в интенсивности миграционных связей районов выхода с районами вселения. У любой пары округов имеется одна прямая и одна обратная связь. Анализ коэффициентов показал значительную амплитуду их колебаний.

Наиболее мощные миграционные потоки связывали Пермский и Верхне-Камский (КИМС = 5,8), Тюменский и Тобольский (4,5), Челябинский и Троицкий (4,2), Коми-Пермяцкий и Верхне-Камский (4,19), Златоустовский и Троицкий (4,13) округа. Причем обратные связи округов в большей части незначительны. Потоки средней интенсивности связали Курганский и Челябинский (3,2), Верхне-Камский и Коми-Пермяцкий (3,13), Пермский и Сарапульский (2,95), Сарапульский и Пермский (2,9), Троицкий и Златоустовский (2,8), Тагильский и Свердловский (2,68), Свердловский и Тагильский (2,67), Челябинский и Златоустовский (2,6) округа.

КИМС, исчисленные для всех пар районов выхода и вселения можно распределить на 5 групп (см таблицу 5).

К первой группе отнесем коэффициенты со значениями до 0,39 включительно. Эти связи не существенны. Во вторую группу включим значения от 0,40 до 0,79; в третью — от 0,80 до 1,25; в четвертую — от 1,26 до 2,50; в пятую — от 2,51 и выше. Назовем соответственно связи каждой группы заметными, средними, повышенными и высокими. Именно две последние группы и определяют общий уровень территориальной подвижности населения. Наибольшее количество КИМС относящихся к пятой группе (высокий коэффициент) имели Кунгурский, Пермский и Челябинский округа (по две). Наибольшее количества повышенных КИМС имели Пермский и Свердловский округа (по три). Таким образом, можно сделать вывод о том, что в миграционном отношении они являлись наиболее активными. Слабая миграционная активность наблюдалась в Тобольском (0 высоких, 0 повышенных и 0 средних связей) и Ишимском (0 высоких и 1 повышенная связь) округах. Наибольшее совокупное количество миграционных связей имели Пермский и Свердловский округа (по 12), далее следовали Тюменский (10), Тагильский и Шадринский

Таблица 5.

Распределение КИМС по округам Уральской области

Округ	1 группа	2 группа	3 группа	4 группа	5 группа
Верхне-Камский	2	-	-	1	1
Златоустовский	2	2	-	1	1
Ирбитский	2	1	1	2	-
Ишимский	-	-	2	1	-
Коми-Пермяцкий	1	1	-	-	1
Кунгурский	1	1	2	1	2
Курганский	2	2	2	1	1
Пермский	6	-	1	3	2
Сарапульский	4	-	-	2	1
Свердловский	3	3	2	3	1
Тагильский	-	2	5	1	1
Тобольский	-	2	-	-	-
Троицкий	2	-	0	1	1
Тюменский	-	5	2	2	1
Челябинский	3	-	3	-	2
Шадринский	1	5	1	1	1

(по 9) округа. Меньше всего связей имели Тобольский (2), Ишимский (3) и Коми-Пермяцкий (3) округа.

Анализ внутренних миграционных связей Уральской области показывает, что, во-первых, наряду с межрегиональной миграцией в Уралобласти имелись тесные внутриобластные связи между отдельными округами. Зачастую округа наиболее активные с точки зрения межрегионального обмена имели отрицательное сальдо (например, Пермский округ -311 чел). Во-вторых, наиболее активными оказались связи между соседними округами.

Данные о продолжительности проживания или времени последнего прибытия в данный район можно классифицировать по отдельным периодам, т.е. выделить миграционные когорты (методика В.М. Моисеенко). При этом необходимо отметить, что рассматриваемые когорты уменьшались из-за смертей мигрантов, или их дальнейшей миграции. Следовательно, величина когорт последних лет (особенно когорт с продолжительностью проживания до 1-2-х лет) характеризовали современную миграцию, в то время как более «ранние» когорты показывали «доживших», «прижившихся» немобильных мигрантов. С некоторыми допущениями их можно оценивать как результат миграции.

Материалы переписи 1926 года дают ценнейший материал, необходимый для анализа состава населения Уральской области в зависимости от продолжительности проживания. Вся совокупность неместных уроженцев разделена на 10 групп (до 1 года, 1 год, 2 года, 3-5 лет, 6-9 лет, 10-12 лет, 13-19 лет, 20-29 лет, 30 и более лет и не установлено). Эти сведения позволяют выявить периоды наибольшего или наименьшего миграционного притока в округа по отдельности и в область в целом. Эти данные были сгруппированы в таблицу, отра-

Таблица 6.

*Состав населения Уральской области по продолжительности проживания, 1926 г. (в % ко всему населению)**

Округ	Все население	В том числе				
		Постоянное население	В составе постоянного населения		Неместные уроженцы	
			Местные уроженцы	Неместные уроженцы (свыше 10 лет)	Прожившие в округе до 5 лет	Прожившие в округе 6 – 9 лет
Верхне-Камский	100	78,0	67,5	10,5	10,9	3,6
Златоустовский	100	80,6	71,9	8,8	14,9	2,2
Ирбитский	100	82,5	71,8	10,7	10,1	3,2
Ишимский	100	88,1	78,8	9,3	6,0	2,3
Коми-Пермяцкий	100	90,1	79,5	10,6	5,7	2,5
Кунгурский	100	89,4	81,2	8,2	6,0	1,8
Курганский	100	87,8	87,8	7,2	7,5	2,4
Пермский	100	81,0	67,5	13,6	10,4	2,8
Сарапульский	100	87,9	78,5	9,4	8,0	1,9
Свердловский	100	77,7	70,7	7,0	13,0	2,9
Тагильский	100	77,7	67,0	10,7	15,7	2,5
Тобольский	100	89,1	82,3	6,8	5,0	1,8
Троицкий	100	85,1	77,0	8,0	8,7	1,7
Тюменский	100	84,3	76,0	8,3	9,5	3,1
Челябинский	100	84,2	74,5	9,7	9,5	2,7
Шадринский	100	91,3	84,9	6,4	4,9	1,9
Уралобласть	100	84,6	75,6	9,0	9,0	2,4

* Подсчитано по данным: ЦСУ СССР. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Уральская область. Отд. 3. Отд. оттиск табл. части. Т. 38. С. 116 — 181.

жающую состав населения по продолжительности проживания в 1926 году (в % ко всему населению) (см. таблицу 6).

Здесь необходимо добавить, что автор основывался на точке зрения Л.Л. Рыбаковского, обосновавшего понятие «постоянное» (стабильное) население и определившего количественные границы этого явления. К постоянному населению он относит коренное население данной территории и мигрантов, проживших там не менее 10 лет. Остальное население — подвижное (переходная группа — лица, прожившие более 5 лет и текучая — те, кто прожил менее этого срока). Поэтому при анализе данных переписи 1926 года, неместные уроженцы группы 10 — 12 лет, 13 — 19 лет, 20 — 29 лет и 30 и более были отнесены к категории постоянного населения. В итоге были получены интересные результаты. В целом по Уральской области доля стабильного населения составила 84,6 %, из которых 75,6 % — местные уроженцы, 9 % — переселенцы, перешедшие в состояние постоянных жителей. Количество

мигрантов, вселившихся в 1917 — 1920 годах (6 — 9 лет назад) составило 2,4 %, а за последние 5 лет (1921 — 1926) — 9 %. Таким образом, к 1926 году, к моменту переписи , приток мигрантов в область существенно увеличился. Доля неместных уроженцев в различных округах неодинакова. Наибольший приток мигрантов можно отследить по соотношению постоянного и подвижного населения. Так, в Пермском округе постоянные жители составляли 81 % общего числа жителей. Лидирующее положение заняли Свердловский, Верхне-Камский и Тагильский округа — неместные уроженцы, подвижные мигранты занимали здесь 22 % (78 % постоянного населения). За ним следовали Ирбитский (82,5 %) и Златоустовский (80,6 %) округа. Меньше всего доля местных уроженцев в Тагильском (67 %), Пермском и Верхне-Камском (по 67,5 %), что говорит об активности миграционных связей этих округов с другими территориями и постоянном притоке в них нового населения. Более стационарно было население Курганского (87,8 %), Шадринского (84,9 %) и Тобольского (82,3 %) округов. За последние перед переписью 5 лет, наибольший приток наблюдался в Тагильский (15,7 %), Златоустовский (14,9 %), Свердловский (13 %), Верхне-Камский (10,9%), Пермский (10,4 %) и Ирбитский (10,1 %) округа.

Из сказанного выше можно сделать следующие выводы. Во-первых, в округах Уральской области в основном преобладали постоянные жители, местные уроженцы, что говорит о том, что население в общей массе стабильно (особенно в Шадринском округе, где доля коренного населения составила 91,3 %). В некоторые округа активный приток шел в более ранние периоды. Например, доля неместных уроженцев, проживших более 10 лет в Пермском округе, составила 13,6 %. Во-вторых, наибольшая доля постоянного населения — в Шадринском округе (91,3%), наименьшая — в Свердловском и Тагильском округах (77,7%). Наибольшая доля местных уроженцев — в Курганском округе (87,8%), наименьшая — Тагильском (67%). Наибольшая доля неместных уроженцев, поживающих свыше 10 лет, перешедших в состав стационарного населения — в Пермском округе (13,6%), наименьшая — в Шадринском (6,4%). Наибольшая доля неместных уроженцев, вселившихся 5-9 лет назад (1917 — 1920 гг.) — в Верхне-Камском округе (3,6%), наименьшая — в Троицком (1,7%). Наибольшая доля мигрантов вселившихся за последние 5 лет (1921 — 1926 гг.) — в Тагильском округе (15,7%), наименьшая — в Шадринском (4,9%).

На величину доли неместных уроженцев влияли многие факторы, главным образом уровень естественного прироста населения и интенсивность миграции, ее результативность в различные периоды. Так, в 1926 году во всех округах была высока доля когорт последних лет, т.е. вселившихся в 1921-1926 гг.(а это переселенцы голодных лет). Выше средне-областного уровня удельный вес этих когорт в регионах со сравнительно высокой долей неместных уроженцев. Другая черта миграционных когорт — заметное сокращение доли когорты с продолжительностью проживания 6-9 лет, т.е. вселившихся в 1917-1920 годах. Величина остальных когорт показывает в основном результаты массовых переселений в дореволюционное время.

Таблица 7.

*Плотность распределения когорт мигрантов в среднем за 1 год проживания на территории Уральской области, %**

Округ	До 1 г.	1 год	2 года	3-5 лет	6-9 лет	10-12 лет	13-19 лет	20-29 лет	30-39 лет
	1926	1925	1924	1921/23	1917/20	1914/16	1907/13	1897/06	До 1897
Верхне-Камский	1,4	11,0	5,3	6,5	3,4	2,3	1,5	1,0	1,3
Златоустовский	10,9	12,3	6,7	5,6	2,4	2,2	1,4	0,8	0,5
Ирбитский	9,0	7,3	3,0	6,3	3,3	1,6	2,0	1,2	1,3
Ишимский	5,6	8,1	4,0	3,9	3,2	2,7	2,7	0,8	1,6
Коми-Пермяцкий	3,4	5,0	2,75	5,3	3,35	1,9	1,9	1,5	2,1
Кунгурский	6,6	6,8	3,35	5,5	2,7	1,6	1,9	1,2	1,9
Курганский	8,7	8,4	4,3	5,8	3,5	2,3	1,4	1,1	1,4
Пермский	8,0	6,8	3,6	5,2	2,55	2,2	1,8	1,4	1,7
Сарапульский	8,8	8,2	3,7	5,5	2,35	1,5	1,6	1,2	1,9
Свердловский	10,0	12,2	5,8	7,1	3,1	2,0	1,2	0,7	0,8
Тагильский	17,0	9,9	4,35	5,5	2,1	2,0	1,8	0,9	0,8
Тобольский	3,4	7,4	3,35	5,7	3,2	2,3	1,8	1,3	1,6
Троицкий	8,5	8,9	5,4	6,0	2,2	1,6	1,5	1,6	1,1
Тюменский	8,3	7,7	3,9	6,6	3,6	2,4	1,9	1,0	0,4
Челябинский	7,6	7,8	4,3	6,1	3,0	2,3	1,7	1,3	1,2
Шадринский	6,6	6,7	3,5	5,2	3,4	1,8	1,5	1,3	1,8
Уралобласть	8,6	8,5	4,3	5,8	2,9	2,0	1,7	1,1	1,4

* Подсчитано по данным: ЦСУ СССР. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Уральская область. Отд. 3. Отд. оттиск табл. части. Т. 38. С. 116 — 181.

Поскольку интервалы группировки по продолжительности проживания неодинаковы, необходимо рассчитать плотность распределения, т.е. удельный вес когорты, приходящийся на 1 год продолжительности проживания в данном интервале (см. таблицу 7).

Полученные данные наглядно характеризуют уменьшение «доживших» мигрантов по мере увеличения продолжительности проживания между временем прибытия и датой переписи (по методике Моисеенко). Наиболее представительной по величине в составе «пришлого» населения является когорта с продолжительностью проживания до 2-х лет. Ее плотность во всех округах самая большая, хотя и не одинаковая. Так, например, в Златоустовском округе среднее значение количества мигрантов с продолжительностью проживания до 1 года составило 10,9%, 1 год — 12,3%, 2 года — 6,7% общего числа переселенцев. В Троицком округе эти данные составили соответственно — 8,5%, 8,9%, 5,4%; в Свердловском — 10%, 12,2%, 5,8%; в Тагильском — 17%, 9,9%, 4,35%. В целом по Уралобласти данная когорта мигрантов составила 21,4%. По сравнению с когортой с продолжительностью проживания до 2-х лет умень-

Таблица 8.

*Социально-демографические типы мигрантов и коренных жителей на территории Уральской области по материалам переписи 1926 года, %**

№	Демографические характеристики	**Неместные уроженцы**	Коренные жители
1.	Дети:		
	Муж. пол	7,1	21,2
	Жен. пол	7,7	21,7
2.	Молодежь:		
	Муж. пол, сост. в браке	6,4	6,2
	Муж. пол, не сост.	7,0	7,4
	Жен. пол, сост. в браке	14,0	6,5
	Жен. пол, не сост.	6,5	8,0
3.	Средний возраст:		
	Муж. пол, сост. в браке	13,5	10,8
	Муж. пол, не сост.	0,9	0,5
	Жен. пол, сост. в браке	20,1	7,7
	Жен. пол, не сост.	6,8	3,3
4.	Старший возраст:		
	Муж. пол, сост. в браке	1,9	2,5
	Муж. пол, не сост.	0,8	0,9
	Жен. пол, сост. в браке	2,6	1,1
	Жен. пол, не сост.	4,6	3,3

* Подсчитано по данным: ЦСУ СССР. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Уральская область. Отд. 3. Отд. оттиск табл. части. Т. 38. С. 116.

шается плотность распределения когорты 3-5 лет. Значительно меньше различия в плотности распределения когорт 6-9, 10-12 и 13-19 лет. Практически не различаются величины этого показателя у когорт 20-29 и 30 лет и более. Такая динамика характеризует сравнительно невысокий уровень подвижности, о чем свидетельствует низкая плотность распределения когорт с продолжительностью проживания более 10 лет и, по мнению Моисеенко, большое влияние оказывает на их величину смертность.

Большой интерес вызывают исследования социально-демографических типов мигрантов, проведенные по методике Т.И. Заславской. Эта методика позволяет установить, какие демографические характеристики преобладают у наиболее активной части мигрантов, а, следовательно, охарактеризовать степень их влияния на структуру населения определенного региона. Материалы переписи 1926 года дали возможность выделить в общем потоке мигрантов несколько групп по трем признакам: возраст (дети, молодежь, средний возраст, старший возраст), брачность (семейный, несемейный), пол (мужской, женский). К категории «дети» были отнесены лица возрастом 0-14 лет, «молодежь» — 15-29,

«средний возраст» — 30-59 лет, «старший возраст» — 60 и более. Данные признаки позволили выделить в среде мигрантов 14 групп (см. таблицу 8).

Соотношение их в миграционном потоке оказалось неравнозначно. Лидирующее положение среди мигрантов заняли женщины. На первом месте группа замужних женщин среднего возраста (20,1% всех мигрантов, доля незамужних — 6,8%). На втором месте — замужние женщины молодежной группы (14%, доля незамужних — 6,5%). И лишь третье место заняли женатые мужчины среднего возраста (13,5%, доля неженатых — 0,9%). Эти цифры говорят о том, количество мигрантов-женщин превышало количество мигрантов-мужчин больше, чем в 2 раза. Подобная ситуация несомненно отражалась на демографической структуре населения. Абсолютное большинство мигрантов — трудоспособных возрастов, состояло в браке. В связи с этим, количество детей-мигрантов довольно значительно (7,1% мальчиков, 7,7% девочек).

Каковы же различия в составе миграционных потоков в городские и сельские местности различных округов? В целом по Уральской области (см. таблицу 9) неместные уроженцы составляли 31,7% по отношению к местному населению. Мужчины составляли 37,7% миграционного потока. Больше половины мигрантов направлялись в села (65,2%) и лишь 34,8% — в города. Однако в отдельных округах ситуация была различной. Так, например, в Свердловском и Златоустовском округах приток переселенцев шел в основном в городские поселения (66,9% и 65,6% соответственно). Сельские мигранты преобладали в Шадринском (82,6%), Сарапульском (82,8%), Ирбитском (81,8%), Кунгурском (81,8%) округах. Это явно говорит о специализации районов и их промышленном развитии. Половой состав мигрантов так же был неодинаков, хотя перевеса мужской части не наблюдалось ни в одном округе. Наибольшее количество мужчин-переселенцев приходилось на территорию Златоустовского округа (49,9%). Далее шли Ишимский (45,2%), Тагильский (45,5%), Троицкий (45,4%) округа. Больше всего женщин мигрировало в Коми-Пермяцкий округ (84,6%). Доля мужчин здесь составляла 15,4%. Эти сведения фиксируют существенные различия в качественном составе миграционных потоков в городские и сельские местности. Наиболее активными в миграционном отношении были Тагильский, Верхне-Камский и Пермский округа. Неместные уроженцы здесь составляли до 50% по отношению к коренному населению.

В этой связи хотелось бы рассмотреть проблемы влияния миграционных процессов на естественное движение населения, его половозрастную структуру. Изменение возрастного состава населения оказывает прямое влияние на процессы воспроизводства, т.к. интенсивность рождений и смертей тесно связана с возрастом человека. Чем больше доля новоселов в населении округа, тем значительнее меняется его половозрастная структура. Это объясняется тем, что состав переселенцев по возрасту и полу отличается от соответствующего состава населения районов миграции. Анализ материалов переписи 1926 года показывает, что в населении Уральской области численность детей (0-14 лет) и пожилых (60 лет и более), с одной стороны, и лиц репродуктивного возраста (15-50 лет), с другой, примерно уравновешены (50,7% и 49,3%), тогда как

среди мигрантов удельный вес первых примерно в 3 раза был меньше, чем вторых (24,7% и 75,3%). Динамика половозрастной структуры округов в результате миграции определяется направлениями и интенсивностью миграционных потоков и зависит от того, насколько различаются по полу и возрасту структуры постоянных жителей и мигрантов. Анализ статистических данных переписи свидетельствует о том, что удельный вес женщин в миграционном приросте был значительно выше, чем в населении Уралобласти. Одновременно здесь повышенную долю занимали лица репродуктивного возраста (15-50 лет). Сказанное относится ко всем без исключения округам. По данным переписи1926 года доля мужчин в населении Уральской области составляла 49,6% (доля женщин — 50,4%), в то время как их удельный вес в миграционном потоке равнялся 37,7% (62,3%). Мужчин-мигрантов было в 1,3 раза меньше, чем мужчин-коренных жителей, а мигрантов-женщин — в 1,2 раза больше. Повышенная активность населения обуславливает не только наличие в стране районов, где доминируют женщины, но и территории с явным преобладанием мужчин. Однако в Уралобласти благодаря притоку мигрантов сформировалась достаточно гармоничная половая структура. Доля мужчин в ней составила 46,7%, что является довольно высоким показателем для того времени. Интенсивные миграционные процессы, совершаемые между районами страны, являются важным источником изменения возрастной структуры их жителей. По материалам переписи 1926 года на долю мигрантов репродуктивного возраста (15-49 лет) приходилось 75,2%. Из них доля лиц в возрасте 15-29 лет была в 1,2 раза выше доли этой возрастной группы в коренном населении Урала.

Влияние миграции на возрастную структуру населения той или иной территории представляет собой сложное и неоднозначное явление. Оно характеризуется как прямыми, так и косвенными формами воздействия. Это значит, что данное воздействие связано не только с въездом или выездом представителей различных возрастных групп (прямое влияние), но и с вызванными миграцией последствиями в области естественного воспроизводства населения мест выхода и вселения (косвенное влияние). Вызываемые миграцией сдвиги в половозрастной структуре населения ведут к изменению общих показателей естественного движения и, прежде всего, рождаемости. На территории Уральской области в связи с интенсивным прибытием населения, в результате «омоложения» его структуры и выравнивания соотношения полов происходил рост брачности и рождаемости. Одновременно миграционные процессы воздействовали и на уровень смертности населения (процесс адаптации мигрантов и т.д.).

Материалы переписи 1926 года показывают, что формирование населения Урала в первой четверти XX века происходило в значительной степени за счет переселенцев. Каждый третий житель Уральской области прибыл на эту территорию, из них две трети были переселенцами после 1917 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М., 1987.; Он же. Региональный анализ миграций. М.,1973.

2. Переведенцев В.И. Методы изучения миграции населения. М., 1975.
3. Хорев Б.С., Чапек В.Н. Проблемы изучения миграции населения. М., 1978.
4. Миграция сельского населения. / под ред. Т.И. Заславской. М., 1970.
5. Лебедев Ф. К демографической переписи 1926 года // Хозяйство Урала. 1926. №17. С. 136-141; Он же. Механическое движение населения городов Урала // Хозяйство Урала. 1928. № 8-9. С. 150-162; Он же. Население Урала // Хозяйство Урала. 1927. № 1. С. 136-142.
6. Моисеенко В.М. Территориальное движение населения: характеристика и проблемы управления. М., 1985. Он же. Миграция населения по данным Всесоюзной переписи 1926 года // Куда и зачем едут люди. М., 1979, С. 48-59. Он же. Миграция населения России в переписях России и СССР // Вопросы статистики. Т. 3. М., 1997. С. 30 — 37.
7. Федорова Н.А. Сельское население Среднего Поволжья накануне коллективизации. Казань, 1990.
8. Корнилов Г.Е. Демографическая структура сельского населения Урала (по данным Всесоюзной переписи населения 1926 и 1939 гг.) // Социально-демографическое развитие уральского села. Свердловск, 1988. С. 37-44; Он же. Демографическое развитие уральского села в 1920-80-е годы // Сельское хозяйство и крестьянство Урала: исторический опыт и современность. Свердловск, 1990, С. 92-94; Он же. Этническая структура населения Урала в первой половине XX века // Каменный пояс на пороге III тысячелетия. Екатеринбург, 1997. С. 129-135; и др.
9. Население Урала. XX век. История демографического развития / А.И. Кузьмин, А.Г. Оруджиева, Г.Е. Корнилов и др. Екатеринбург, 1996.
10. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Уральская область. Отд. 3. Отдельный оттиск табличной части. Т.38. М., 1930.
11. Там же. С. 116 — 129.
12. Там же. С. 182 — 223.
13. Уральское хозяйство в цифрах. Год первый. 1926. Свердловск, 1926. С. 2-3.
14. Рыбаковский Л.Л. Региональный анализ миграций. С. 61-73.

MIGRATORY CONNECTIONS OF THE URALS OBLAST (ON MATERIALS OF THE ALL-UNION CENSUS OF THE POPULATION OF 1926)

Migratory connections of the Ural oblast are investigated in the article on the basis of the analysis of materials of the first All-Union census of the the population of 1926. Application of techniques of conducting experts — demographers has allowed to study internal — between districts and external — between Urals and other regions of the USSR migratory streams, their intensity on the boundary of 1920th years, directions and structure of migrants. The basic attention is given the analysis of influence of migration on demographic structure of the population in the Urals.

G.E. Kornilov, O.V. Pavlova

Л.Н. Мазур

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА 1930-х гг. КАК ФАКТОР ЭВОЛЮЦИИ РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНИ (ПО МАТЕРИАЛАМ УРАЛА)

Аграрная политика советского государства традиционно относится к числу фундаментальных проблем отечественной истории. Существует достаточно обширная историография, в рамках которой оцениваются, с учетом господствовавшей парадигмы, цели и результаты политических решений в области аграрных отношений, их социальные, экономические, идеологические, технологические и прочие аспекты [1]. Роль политического фактора и его влияние на все стороны жизни общества очевидны, однако воздействие его может носить как прямой, так и опосредованный характер. Обычно в поле зрения исследователей попадает среда прямого воздействия управленческих решений: для аграрной политики — это сельское хозяйство (производительные силы и производственные отношения) и крестьянство, соответственно экономический и социальный аспект аграрной политики изучены наиболее полно. Вместе с тем реализация управленческих решений может давать и «попутный» отклик в других подсистемах общества, например, природно-экологической, культурно-бытовой и проч. К числу таких подсистем относится поселенческая сеть, выступающая в качестве пространственной формы организации жизни общества. Взаимодействие аграрной политики и системы сельского расселения носит противоречивый характер, порой усиливая, а нередко нарушая естественные процессы эволюции поселенческой сети.

Расселение формируется в результате исторического освоения территории и складывается под воздействием целого ряда факторов — природно-климатических, экономических, демографических и проч. Политика рассматривается как внешний фактор развития расселения и во многом предопределяет направленность эволюции поселенческой сети, ее конкретно-исторические варианты. Причем роль данного фактора существенно возрастает в условиях модернизационного перехода российского общества от традиционного к индустриальному, урбанизированному. Государство все активнее вмешивается в процессы развития поселенческой сети, способствуя ее трансформации.

Эволюция системы расселения основана на собственных закономерностях и имеет циклический характер. В зависимости от демографических и экономических условий Ж.А.Зайончковской [2] была предложена следующая типология расселения, отражающая основные этапы развития системы:

— аграрное расселение свойственно традиционному обществу и отличается тем, что сельская и городская поселенческая сеть, обладая определенной автономностью, развиваются параллельно. На аграрной стадии сельское расселение приобретает «равномерный» сплошной характер, стремясь к наиболее полному охвату всех пригодных для сельскохозяйственного производства территорий. Характерной чертой аграрного расселения является стабильный рост

показателей численности населенных пунктов и безусловное преобладание поселений сельскохозяйственного типа;

— индустриальное расселение формируется в ходе модернизационной перестройки, отличается концентрацией населения в городах и крупных населенных пунктах, сокращением численности мелких и средних сельских поселений, измельчанием поселенческой сети в результате развития миграционных процессов и изменения демографического поведения населения. В рамках данной стадии моделируется ситуация «сжатия» поселенческой сети, стягивания населения в зону влияния крупных городов, промышленных и транспортных узлов, приводя к обезлюдению сельской местности;

— интегрированное расселение — последующая стадия, отражающая циклический характер развития поселенческой системы, она характеризуется более тесным взаимодействием и взаимовлиянием городской и сельской местности, в результате чего происходит преобразование системы расселения в новое качество — создание агломераций. При формировании интегрированной системы расселения наблюдается эффект деконцентрации населения, перераспределение функций между городскими и сельскими населенными пунктами и, главное — это кардинальное изменение традиционного облика села и сельского образа жизни.

Переход от аграрной стадии расселения к индустриальной и затем к интегрированной в контексте теорий модернизации представляет собой одно из направлений преобразования общества в новое качество.

Начало процесса модернизации российского общества, по мнению ряда исследователей, относится к XVIII веку, наиболее активно он разворачивается во второй половине XIX — XX веке. [3] Особенностью модернизационной перестройки российского общества была неравномерность охвата различных сторон его жизни. Прежде всего, модернизация затронула экономические и социальные отношения, значительно позднее нашла отражение в культурно-бытовых, демографических, расселенческих процессах, обладающих большей внутренней инерцией. Если добавить к этому цивилизационные особенности, свойственные российскому социуму, которые в целом способствовали «растянутости» в пространстве и во времени модернизационных изменений, то вполне уместно отнести начало модернизации системы расселения ко второй половине XIX в., отмеченной значительным ростом городов, увеличением сельской миграции и активной деятельностью земств по благоустройству деревни.

Вместе с тем, вплоть до 1920-х гг. базовые характеристики системы расселения соответствуют критериям традиционного аграрного общества, ее активная перестройка, преобразование в новое качество, приходится на период 1930-х — 1980-х гг., охватывая постепенно все уровни и структурные элементы поселенческой сети. Неотъемлемым элементом модернизационного перехода стал политический фактор, реализованный в виде системы управленческих решений и непосредственно влиявший на направленность и интенсивность перестройки системы сельского расселения.

Изучая процессы модернизации сельской поселенческой сети, можно выделить следующие направления ее перестройки:

1 — изменение системных характеристик сельского расселения, в том числе сокращение численности сельских населенных пунктов, концентрация населения в наиболее крупных поселениях, расположенных в зоне влияния городов и вдоль транспортных линий. Эти процессы выступают как оборотная сторона урбанизации и наиболее активно протекают там, где идет промышленное строительство, создаются новые города и поселки городского типа. Важнейшей составной частью перестройки системы сельского расселения выступает появление новых типов населенных пунктов (совхозные поселки, поселки МТС, подсобных предприятий и т.д.) и, следовательно, происходит изменение структуры поселений по типу, хозяйственной направленности, людности. Меняется рисунок сельского расселения: из равномерного и сплошного оно вновь становится «пятнистым», отражая процессы концентрации населения;

2 — изменяется облик деревни в соответствии с городскими стандартами. Традиционная деревня, основанная на подворном принципе организации территории с максимальным использованием природно-климатических возможностей ландшафта, характерной усадебной застройкой, постепенно уступает место новой деревне. В сельских поселениях в массовом порядке проводится строительство многоквартирных домов, внедряется регулярная планировка, деление территории поселения на административную, жилую и производственную зоны. На смену крестьянскому дворохозяйству как основе сельского быта приходят новые формы организации приусадебного хозяйства. Меняется само восприятие феномена «деревня». Если в рамках традиционного общества деревня функционировала как особый хозяйственный комплекс. Согласно Веселовскому С.Б.: «Деревня означала не само поселение, а комплекс угодий, составлявший деревенское хозяйство». [4] В новых условиях «деревня» — это сельское поселение, имеющее административно установленную границу. При проведении учета сельских поселений в 1930 — 1980-е гг. сохраняются их традиционные обозначения: село, деревня, выселки, хутор, но они не имеют четких критериев и используются скорее по привычке. К 1960-х гг. эти обозначения постепенно вытесняются другим, более универсальным — поселок.

Рассматривая влияние аграрной политики советского государства на сельское расселение, можно выделить следующие этапы взаимодействия этих двух подсистем:

— конец 1920-х — 1930-е гг. — время проведения коллективизации, когда закладываются организационные основы новой колхозно-совхозной системы, заменившей традиционное крестьянское хозяйство;

— 1941 — 1945 гг. — военный период занимает особое место в истории страны, создавая нетипичные, аномальные ситуации — разрушение значительной части поселенческой сети в западных и центральных районах страны и деформация расселения в соответствии с военными нуждами в тыловых. После окончания войны повсеместно наблюдается стремление к реанимации существовавших до войны поселенческих структур;

— 1945 — 1950-е гг. — период многочисленных аграрных преобразований, основной чертой которых стало укрупнение хозяйств и расширение государственного аграрного сектора;
— 1960 — 1980-е гг. — для данного этапа характерны мероприятия по интенсификации сельскохозяйственного производства на принципах кооперирования и интеграции. В целом выделенный период можно охарактеризовать как попытку осуществить индустриализацию сельского хозяйства, это нашло свое отражение в организации агропромышленных комплексов. Кроме того, сельское расселение становится объектом государственного регулирования, для его преобразования разрабатывается система мероприятий, целью которых было приведение поселенческой сети в соответствие с условиями функционирования укрупненного сельскохозяйственного производства. Составной частью этих мероприятий стало сселение малых деревень.

1930-е гг. — один из наиболее сложных и противоречивых периодов в жизни нашей страны. Сталинская индустриализация подтолкнула процессы урбанизации, промышленного строительства. Перестройка системы расселения в 1930 — 1940-е гг. осуществлялась, прежде всего, в направлении, связанном с развитием городов. Более 2/3 существующих сегодня в России городов возникли в это время. Они рассматривались, прежде всего, как сосредоточие производительных сил и развивались по образу города-завода.

Не менее существенно меняется в это время сельская местность. Здесь важнейшим преобразующим фактором выступает программа коллективизации деревни, в результате чего аграрное производство меняется самым коренным образом. На место индивидуального производителя — крестьянина-общинника — приходит крупное производство, основанное на разделении труда, специализации и механизации сельскохозяйственных процессов. Предпосылки перестройки аграрного сектора закладываются еще в 1920-е гг. вместе с развитием кооперации и госхозов, в 1930-е гг. они получают свое логическое завершение. Ускоренное проведение коллективизации не могло не отразиться на состоянии деревни. Выкачивание средств из аграрной сферы надолго затормозило благоустройство сельской местности, развитие инфраструктуры, в т.ч. местной транспортной сети. Финансирование социальной сферы села по остаточно принципу способствовало сохранению низкого уровня жизни сельского населения и тяжелых условий труда и быта.

Для данного этапа свойственны два момента, которые, дополняя друг друга, способствовали «расширению» сельской поселенческой сети. Рост числа сельских поселений наблюдается вплоть до конца 1930-х гг. В 1926 г. в РСФСР насчитывалось 404808 сельских населенных пунктов, в 1939 г. — 406958. [5]

Во-первых, Россия в этот период продолжает оставаться аграрным обществом, где сельское хозяйство сохраняет позиции ведущей отрасли экономики. В условиях преобладания экстенсивных технологий существует постоянная потребность вовлечения в сельскохозяйственный оборот все новых территорий. Наиболее ярко эта тенденция проявилась в увеличении сельскохозяйственного

переселения, которое приобретает в 1920-е гг. организованный характер, и вплоть до 1950-х гг. выступает в качестве важнейшего канала перераспределения трудовых ресурсов между перенаселенным центром и окраинами.

Аграрное расселение в этот период еще не исчерпало себя, особенно на Урале, где значительная часть территорий оставалась неосвоенной. Так, по 3 округам Уралобласти — Свердловскому, Тагильскому, Ирбитскому — согласно Спискам населенных мест за 1928 г., удельный вес таких поселений как хутора, выселки составлял 13,2%, что свидетельствует о незавершенности процессов освоения территории. [6]

Во-вторых, расширение системы расселения было результатом той организационной перестройки, которую переживает аграрный сектор в 1930-е гг. Массовая коллективизация, организация совхозов, строительство МТС и создание подсобных хозяйств промышленных предприятий и организаций — все это объективно способствовало появлению новых сельскохозяйственный поселений, соответствующих условиям укрупненного аграрного производства.

К числу наиболее значимых аграрных мероприятий этого периода следует отнести организацию совхозов на неосвоенных землях, которая развернулась по всей стране в 1929 — 1934 гг. В соответствии с Декретом ВЦИК и СНК СССР «Об организации крупных зерновых советских хозяйств» от 1 августа 1928 г. в регионах было проведено обследование сельскохозяйственных угодий. Они выделялись для создания специализированных хозяйств, имеющих прочную техническую базу. Развитию совхозного движения уделялось особое внимание, т.к. они рассматривались как оплот социализма в деревне и имели большое пропагандистское значение

В 1931 г. в Башкирской АССР было обследовано более 220 тыс. га, по Уралобласти — 1072 тыс. га. [7] По состоянию на 31 декабря 1931 г. в Уралобласти было зарегистрировано 37 совхозов. [8] В 1934 г. на Урале уже насчитывается 164 советских хозяйства, а к 1940 г — 330, [9] в том числе в Свердловской области на 1.01.1940 г. отмечено 79 совхозов. Все они представляли собой достаточно крупные по размерам сельскохозяйственные предприятия с большим земельным фондом, что неизбежно отражалось на их пространственной организации. Средняя земельная площадь зерновых совхозов в этот период составляла около 80 тыс. га, животноводческих — 100 тыс. га, на каждое зерновое хозяйство в среднем приходилось 100 — 103 трактора, 50 комбайнов, 20 машин, на животноводческое — 7 — 13 тракторов. [10]

Как правило, совхозы состояли из нескольких отделений, удалённых друг от друга на значительные расстояния. На землях подразделений совхозов возводились жилые и производственные постройки. Так, в частности, возник пос. Студенческий (Свердловская область) — отделение Чернобровского совхоза, созданного в 1931 г. Основным видом жилья в совхозных поселениях были бараки и общежития. В перспективе предполагалось превратить их в благоустроенные населенные пункты городского типа, располагавшими капитальными производственными постройками, культурно-бытовыми учреждениями и жилыми зданиями. Однако этим планам нескоро суждено было воплотиться. Не хватало средств, рабочих рук, материалов, как следствие — строили наспех. Условия

жизни в совхозах того времени были тяжелыми, что вызывало большую текучесть кадров.

Вот как описывается в материалах краеведческой экспедиции «Летопись уральских деревень» создание одного из совхозных поселков, принадлежащих Ревдинскому совхозу — Старая Ледянка (Свердловская область). «Лошадей 20 пригнали с Дона, дали плуги, бороны, мужиков с Ишима. Провели митинг на Вороновской заимке, все это хозяйство отправили на место, где речка Ледянка. Там была каменная и деревянная избушки — и больше ничего. Начали устраиваться ... Собирали избушки по покосам. С одной стороны реки 8 избушек, с другой — 6. Они плохонькие, но получилась улица.... В 1932 г. осенью построили барак и дом, потом школу. Свои дома построили только две семьи. В 1938 г. построили еще 2 барака. Каждой семье давали по одной комнате, а семьи были большие, спали прямо на полу... Магазина не было. Кладовщик брал в конторе деньги, запрягал пару лошадей и ехал на Петровскую дачу, центральную усадьбу совхоза, там закупал продукты в магазине, а потом в поселке торговал.» [11] Аналогичная картина характерна и для других совхозных поселков, благоустройству которых в это время не уделялось практически никакого внимания.

Тем не менее, совхозные поселки имели существенное значение для перестройки поселенческой сети, т.к. здесь впервые реализовывалась модель сельского населенного пункта, отличного от традиционной деревни. Организация пространства и жилой среды в них осуществлялась по городским стандартам: вводилась регулярная поквартальная планировка, создавался административно-общественный центр, в поселенческой структуре появились новые, несвойственные сельской местности элементы: общественная баня, пекарня, клуб, столовая.

Новые поселения часто не имели названия и именовались как производственные единицы. В октябре 1930 г. с образованием Туймазинского совхоза в Башкирской АССР было начато строительство центральной усадьбы совхоза, которая так и называлась — поселок Туймазинского совхоза, лишь в 1981 г. он был переименован в пос. Дуслык. [12] В 1929 г. в Башкирии в связи с организацией Куюргазинского совхоза был построен поселок центральной усадьбы, официально зарегистрирован и назван он был только в 1986 г., получив имя Айсуак. [13]

К той же категории сельскохозяйственных поселений, что и совхозные поселки, можно отнести усадьбы машинно-тракторных станций и подсобных хозяйств промышленных предприятий. МТС создавались в период сплошной коллективизации из приближенного расчета: 1 станция на район. Число их быстро росло, как и тракторный парк. В 1933 г. в РСФСР насчитывалось 1857 МТС, а на Урале — 254, к 1937 г. их число выросло по РСФСР до 3937, по Уралу — до 501. [14]

В МТС возводились необходимые производственные и жилые постройки. Большое внимание уделялось выбору места под МТС. Оно должно было соответствовать определенным нормам (рельеф местности, водообеспеченность) и удобно располагаться по отношению к земельным массивам колхозов, находившихся в зоне обслуживания МТС. В ряде случаев МТС формировались в

Таблица 1

*Распределение сельских населенных мест по типам (по данным переписи 1939 г.)**

Тип поселения	РСФСР	Молотовская область	Удмуртская АССР	Башкирская АССР	Чкаловская область	Челябинская область	Свердловская область
Всего	406958	15160	5161	9147	4783	6504	5282
в том числе села	24555	370	177	217	577	640	353
поселки	38577	275	46	1822	1344	737	455
деревни	187956	10640	3216	4767	436	1689	2150
хутора	63961	2870	676	1078	756	1348	743
станицы	502	-	-	-	4	-	-
колонии	104	-	-	-	21	-	-
кишлаки	15	-	-	4	6	-	-
аулы	2605	-	-	9	185	29	-
улусы	1787						
юрты	9867		-	-	-	-	-
стойбища	3282	-	-	-	3	-	-
фермы, бригады колхозов	12332	141	337	280	402	234	91
поселки совхозов и МТС	8858	16	38	151	442	338	65
Поселки промышл. предприятий	5703	76	72	166	46	193	153
Поселки, водного и др. транспорта	21526	301	177	291	324	592	527
Рыболовные поселки	775	-	-	-	5	55	-
лесные поселки	17337	462	318	278	151	565	679
Оздоровительные и культурно-бытовые поселки	3185	8	20	19	29	64	67
Прочие	4031	1	84	65	52	70	19

* Составлено по: РГАЭ. Ф.1562.Оп.336.Д.133.Л.21; Д.132.Л.2.

районных центрах или наиболее крупных населенных пунктах, таких как с. Ачит, Белоярское, Таборы (Свердловская область) и др., но нередко их строительство сопровождалось созданием нового поселения.

Таким образом, создание сети совхозов и МТС было связано с формированием нового типа населенных пунктов (см. табл. 1), которых по данным

переписи 1939 г. в РСФСР насчитывалось 2,18% от общего числа сельских поселений, а на Урале — 1050 (2,3%). [15]

Колхозная система, сформировавшаяся в ходе коллективизации в начале 1930-х гг., в отличие от совхозов была ориентирована на традиционную систему расселения, более того создание колхозов осуществлялось с учетом сложившейся поселенческой сети, воспроизводя в значительной мере общинные принципы самоорганизации, в том числе и такие недостатки землепользования, как чересполосица и дальноземелье. В 1930-1940-е гг. подавляющее большинство колхозов включали одно сельское поселение, что способствовало сохранению и развитию сложившейся поселенческой сети.

Если в 1927 году в Уралобласти насчитывалось 469 колхозов, в 1929 г. — 3026, то к 1932 г. количество колхозов выросло до 8,9 тыс. [16] В качестве основной формы колхозного производства повсеместно утвердилась сельскохозяйственная артель. В 1933 г. на 1 колхоз в среднем по РСФСР приходилось 60 дворов и 401 га посевных площадей, на Урале, соответственно — 88 дворов и 793 га посевов. К 1937 году эти показатели несколько выросли и составили в РСФСР — 67 дворов и 466 посевных площадей, а на Урале на 1 колхоз приходилось 83 двора и 777 га. [17]

Колхозное производство вносит свои коррективы во внутрихозяйственное территориальное устройство, способствуя появлению новых разновидностей поселений, таких как полевые станы, летние фермы и лагеря и т.д., которые были необходимы для организации производственных процессов.

Идея создания бригадных полевых станов была выдвинута в колхозе «Первенство» Ульяновского района Средне-Волжского края осенью 1932 г. Значительная часть полевых угодий располагалась здесь на значительном расстоянии от поселений — от 7 до 10 км, на ежедневные переезды к месту работы во время уборки уходило по 3 часа. Общее собрание колхозников приняло следующее решение: на месте работы каждой бригады построить жилой дом, навес для молотьбы, сарай, амбар, столовую. К лету 1933 года уже во многих колхозах этот опыт был взят на вооружение. На полевых станах стали строить зернохранилища, амбары, бани, здесь появились детские сады и ясли, красные уголки. [18] Подобные поселения были свойственны колхозам с большим земельным фондом, разбросанным на значительных расстояниях от усадьбы. Активно они формируются и на Урале. Только по Свердловской области в 1939 г. выделено более 10 таких поселений в Пышминском, Белоярском и др. районах с количеством жителей от 3 до 14 человек. [19]

Помимо полевых станов стали появляться временные и постоянные поселения, связанные с животноводством — поселки при фермах, летние лагеря. Это было принципиально новым явлениям, т.к. крупное животноводство для общинной деревни не было свойственно. Фермы стали появляться в результате обобществления рабочего и продуктивного скота и не сразу получили организационное оформление. Первоначально, в связи с отсутствием необходимых помещений, коров, лошадей продолжали держать на крестьянском подворье. В октябре 1931 г. в 11 тысячах колхозов Урала насчитывалось всего 1748 ферм крупного рогатого скота, а к концу 1932 г. — 3257. [20] Для организации

содержания скота требовалось развернуть капитальное строительство ферм, подсобных помещений, нередко они в соответствии с санитарными требованиями выносились за пределы деревни, ближе к пастбищами и водным источникам. Недаром животноводство на долгие годы оставалось одной из наиболее сложных проблем, т.к. требовались значительные средства, новые технологии и организационные формы, чтобы сделать его минимально доходным. К 1939 г. на Урале насчитывалось 1485 поселений (см. табл.1), относящихся к категории колхозных ферм и бригад, удельный вес их составил 3,2%. [21]

Создание колхозно-совхозной системы придало определенный импульс развитию поселенческой сети, и одновременно заложило основы ее дальнейшей коренной перестройки в соответствии с потребностями крупного производства. Уже в 1935 — 1937 годах предпринимаются первые попытки укрупнения колхозов, хотя большинство хозяйств сохраняют относительно небольшие размеры.

Толчком к проведению подобной политики послужило постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 19 декабря 1935 г. «Об организационно-хозяйственном укреплении колхозов и подъеме сельского хозяйства в областях, краях и республиках Нечерноземной полосы». В нем прозвучали предложения по укрупнению мелких колхозов (до 10 дворов). Постановлениями СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31 января 1937 № 165 и № 166 было разрешено объединение колхозов в Ленинградской о Калининской областях. В Ленинградской области было укрупнено 1270 мелких хозяйств. [22] За период с 1935 по 1938 гг. по СССР численность колхозов в результате укрупнения уменьшилась на 6,4 тыс. [23] За последующие два года число сельхозартелей в СССР сократилась еще на 4,8 тыс. [24] Укрупнение сельскохозяйственного производства стало одним из базовых принципов аграрной политики. Оно способствовало повышению управляемости аграрным сектором, создавало иллюзию «движения вперед», позволяло осуществлять перераспределение средств колхозов.

Наиболее активно объединение колхозов проходило в Ярославской, Калининской, Костромской областях, для которых была характерна мелкоселенность, а значит, преобладали небольшие по размерам колхозы. Здесь сокращение численности колхозов составило от 25 до 50%. [25] В Свердловской области на территории Ачитского района еще до войны был создан в результате объединения колхоз «Заря» с земельной площадью 7135 га. Хозяйство рассматривалось властями как образцово-показательное. В центре колхозных земель был построен большой поселок Заря, где имелись библиотека, клуб, амбулатория, велось жилищное строительство. [26]

Важнейшим следствием укрупнения колхозов в предвоенные годы стала дифференциация сельских населенных пунктов в зависимости от их места в системе производства. Появляются центральные усадьбы, а также поселки бригад и отделений, имевшие более низкий статус. Административные, общественные, образовательные, медицинские и культурно-бытовые учреждения сосредотачиваются на центральных усадьбах, создавая тем самым наиболее благоприятные условия для их развития.

Одновременно с конца 1930-х гг., все более четко проявляется тенденция к концентрации населения в наиболее крупных населенных пунктах колхозов и

совхозов. Уже в 1938 г. было сселено 18131 хозяйство в Ленинградской, Смоленской, Калининской областях, [27] где хуторская система была наиболее развитой.

Майский пленум ЦК ВКП(б) 1939 г. предложил повсеместно ликвидировать хутора и переселить колхозников, проживающих там, в деревни, наделив их приусадебными участками по уставным нормам. В постановлении Пленума ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 21-24 мая 1939 г. «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» перед местными властями была поставлена задача провести сселение хуторов до 1 сентября 1940 г. [28] Всего по стране в этот период на хуторах и в малодворных поселениях проживало 801489 семей, по РСФСР — 351 тыс. дворов. [29]

По плану 1939 г. в РСФСР сселению подлежали 23 тыс. хуторских хозяйств, в том числе 8 тыс. дворов расселялись в новые поселки, а 15 тыс. — в уже существующие. На строительство и благоустройство новых поселений выделялось 45110 тыс. рублей. [30] Всего по СССР к 1941 г. было распланировано около 5500 новых колхозных поселков. [31] К 1941 г. в СССР фактически было сселено 282,1 тыс крестьянских хозяйств, переселенцы получали ссуду на 5 лет в размере 500 рублей на двор, стройматериалы. [32] В Свердловской области по данным за 1940 г. подлежало сселению 2599 хуторов, в т.ч. 1957 — колхозных, 363 — индивидуального землепользования. К концу года было фактически сселено 2148 хутора, т.е. 82,6%. [33]

Рассматривая предвоенный период, нельзя обойти вниманием еще одно направление аграрной политики — перевод на оседлость кочевых и полукочевых хозяйств, затронувшее обширные территории страны, в т.ч. Казахстан, Сибирь, Урал. Политика оседлости полукочевого населения начала проводиться одновременно с массовой коллективизацией. В частности в 1931 г. в Адамовском районе Средне-Волжского края [34] было создано 8 колхозов, где насчитывалось 874 хозяйств казахов. Для них было намечено строительство новых поселков. В силу того, что ряд русских деревень в то время пустовали (пос. Новоуменский, Лестеровский, Джанасай и др.), было решено ряд аулсоветов расположить в них. [35] Опустевшие деревни в этот период не были редкостью. Только за 1931 г. в промышленность ушло 438,2 тыс. крестьян Уралобласти. [36] К 1934 г. в 34 районах Уралобласти пустовало в сельской местности 12000 домов. [37]

В 1938 г. в Чкаловской области [38] было создано 36 казахских колхозов, в которых насчитывалось 2718 семей, проживающих в 106 населенных пунктах, в т.ч. в Ак-Булакском районе — 11 колхозов (23 аула), Домбаровском — 10 колхозов (41 населенный пункт), Адамовском — 15 колхозов (38 населенных пунктов). Одновременно ставится вопрос о сселении казахов в укрупненные поселения, из 102 населенных пунктов планировалось переселить казахов в 38. [39] Поселки застраивались на основе Временной инструкции по планировке колхозных селений, принятой Наркоземом СССР в 1938 г. [40], одноквартирными саманными домами на 2 комнаты с плоской азиатской кровлей. На создание новых поселений для полукочевых народов тратились солидные средства, материальные ресурсы, но традицию переломить было нелегко. Семьи казахов,

поселившиеся в новых поселках, нередко весной откочевывали на дальние расстояния [41]. Этому в определенной степени способствовало и то, что в построенных наспех поселениях нередко отсутствовало надежное водоснабжение, строительство велось со значительными недоделками, не учитывались традиции организации жилой среды кочевых народов, отсутствовали необходимые условия для привычной хозяйственной деятельности (пастбища, луга и т.д.).

Помимо казахов объектом политики оседлости стали цыгане. В архивных документах неоднократно встречаются упоминания о попытках привлечения кочующих цыган к сельскохозяйственному производству. Так, например, в 1933 г. в Красноуфимском районе Уралобласти создается цыганский колхоз «Красный Восток» [42]. В Челябинской области в Кунашакском районе в 1936 гг. появляется колхоз «Новая жизнь», объединивший 18 семей цыган. Разрабатывается план организации еще нескольких цыганских колхозов [43]. Однако, несмотря на все усилия властей, цыгане долго не задерживались на одном месте, продолжая кочевать.

В целом, переводу на оседлость по плану 1939 г. подлежали в РСФСР 2855 полукочевых хозяйств, все они расселялись во вновь построенные поселки [44].

Таким образом, 1930-е гг. занимают особое место в развитии системы сельского расселения: коллективизация и индустриализация резко меняют и экономическую, и социальную структуру советского общества, эти изменения находят свое непосредственное отражение в поселенческой сети. Здесь появляются новые типы сельских поселений, формируется новый образ деревни, соответствующий требованиям индустриального общества.

Сельское расселение к этому времени еще не исчерпало свои внутренние ресурсы, что проявилось в стабильном росте численности сельских населенных пунктов. Однако «естественные» процессы развития сельской местности испытывают на себе мощное давление политических решений: с одной стороны, они преждевременно ускоряют процессы концентрации и укрупнения поселенческой сети, а с другой, замедляют развитие социально-бытовой сферы деревни и ее инфраструктуры. В целом, коллективизацию можно рассматривать как фактор, нарушающий естественный ход эволюции системы расселения и разрушающий ее. В силу этого деструктивный подход к преобразованию сельской поселенческой сети начинает постепенно преобладать: для того, чтобы создать новую «социалистическую» деревню, нужно было уничтожить старую.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См., напр.: Берсенев В.В. Исторические особенности реформирования аграрных отношений в России. Екатеринбург, 1994; История крестьянства СССР. Т.3., М., 1986; История крестьянства СССР. Т.4. М., 1988; Зеленин И.Е. Совхозы СССР в годы довоенных пятилеток. 1928 — 1941. М., 1982.; Судьбы российского крестьянства. М., 1996; и др.
2. См. подробнее: Зайончковская Ж.А. Демографическая ситуация и расселение. М., 1991. С. 11-15.

3. Опыт российских модернизаций XVIII — XX века. М., 2000.С.50.
4. Веселовский С.Б. Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV — XVI вв.: историко-социологическое исследование о типах внегородских поселений. М.-Л., 1936. С.12
5. РГАЭ.Ф.1562.Оп.336.Д.133.Л.2
6. Список населенных пунктов Уральской области. Т.Х. Свердловский округ. Свердловск, 1928; Список населенных пунктов Уральской области. Т.XI. Тагильский округ. Свердловск, 1928; Список населенных пунктов Уральской области. Т.III. Ирбитский округ. Свердловск, 1928.
7. РГАЭ.Ф.7486.Оп.10.Д.6.Л.40.
8. ГАСО. Ф. 245.Оп.3.Д.425.Л.1.
9. Зеленин И.Е.Совхозы СССР в годы довоенных пятилеток. 1928 — 1941. М., 1982.С.72
10. Там же.С.22.
11. Летопись уральских деревень. Ревдинский район. Ревда, 1997. С.166.
12. ГАРФ.Ф.385.Оп.17.Д.4699.Л.1
13. ГАРФ.Ф.385.Оп.17.Д.4852.Л.1
14. История советского крестьянства.Т.2.М., 1986. С.336.
15. РГАЭ.Ф.1562.Оп.336.Д.133.Л.21.
16. История Урала. XX век. Кн.2. Екатеринбург, 1998. С.133; Урал в панораме XX века. С.218
17. История советского крестьянства.Т.2.М., 1986. С.315.
18. История советского крестьянства.Т.2.М., 1986. С.301.
19. ГАСО. Ф.88.Оп.1.Д.4811.
20. Урал в панораме XX века. С.219.
21. РГАЭ. Ф.1562.Оп.336.Д.133.Л.21; Д.132.Л.2.
22. РГАЭ.Ф.7486.Оп.7.Д.1057.Л.11.
23. РГАЭ.Ф.7486.Оп.7.Д.1057.Л.10,12
24. История советского крестьянства.Т.3.М., 1986. С.28.
25. РГАЭ.Ф.7486.Оп.7.Д.891.Л.234.
26. РГАЭ.Ф.7486.Оп.7.Д.1051.Л.44.
27. РГАЭ.Ф.5675.Оп.1.Д.211.Л.60.
28. КПСС в резолюциях и решениях пленумов и съездов. Изд.8. Т. 5. С.402.
29. История советского крестьянства.Т.3.М., 1986. С.28.
30. РГАЭ.Ф.5675.Оп.1.Д.211.Л.24,71.
31. История советского крестьянства.Т.3.М., 1986. С.28.
32. История советского крестьянства.Т.3.М., 1986. С.28.
33. ГАСО.Ф.88.Оп.1.Д.5238.Л.151-152.
34. В 1934 г. в результате административно-территориальной реорганизации из территории Средне-Волжского края была выделена Оренбургская область.

35. ГАОО.Ф.2443.Оп.1.Д.9.Л.2.; Д.7.9,23
36. Урал в панораме XX века. С.219.
37. РГАЭ.Ф.5675.Оп.1.Д.154.Л.23
38. В 1938 г. Оребургская область была переименована в Чкаловскую и сохраняла это название до 1959 г.
39. ГАОО.Ф.846.Оп.2.Д.77.Л.2
40. ГАОО.Ф.846.Оп.1.Д.430.Л.93-99.
41. ГАОО.Ф.2443.Оп.1.Д.1.Л.19
42. РГАЭ. Ф5675.Оп.1.Д.154.Л.2.
43. РГАЭ. Ф.5675.Оп.1.Д.156.Л.2;.Д.157.Л. 92.
44. РГАЭ.Ф.5675.Оп.1.Д.211.Л. 24,71.

AGRARIAN POLICY OF 1930th AS THE FACTOR OF EVOLUTION OF THE RUSSIAN VILLAGE (ON MATERIALS OF THE URALS)

Problems of development of rural settlement networks in the Urals in 1930th are in the centre of attention of the author of this article. In this period the major factor which has predetermined an orientation and character of changes in system of moving becomes an agrarian policy. On the one hand side agrarian transformations order to expansion rural settlement networks, to occurrence of the settlements which are essentially distinct from a traditional village, organized on an image and similarity of a city settlement. On the other hand side, the agrarian policy of 1930th was focused on pumping out of means from a countryside that was inevitably reflected in a level of accomplishment of rural settlements and a way of life of the population.

L.N. Mazur

Л.И. Бородкин, С. Эртц

ТРУД В ГУЛАГЕ: ДИНАМИКА И СТРУКТУРА РАБОЧЕЙ СИЛЫ В НОРИЛЬЛАГЕ

Характер принудительного труда миллионов заключенных в системе исправительно-трудовых лагерей ГУЛАГа до сих пор остается мало изученным. Существует, правда, ряд обзорных работ, освещающих этапы становления ГУЛАГа как системы, его административные структуры, а также трактующих юридические аспекты применения принудительного труда в советских лагерях [1]. Однако, конкретные способы организации и использования труда заключен-

ных, механизмы управления им (включая методы мотивации и наказания), сочетания труда заключенных и вольнонаемных работников практически еще не являлись предметами отдельного изучения. Можно сказать, что исследование этой сложной системы велось в основном с позиций институционального подхода, на макроуровне. Думается, что этот подход должен сочетаться с микроанализом данных об использовании принудительного труда на крупных экономических объектах ГУЛАГа.

В данной статье в качестве отдельного лагерного комплекса рассматривается Норильский исправительно-трудовой лагерь (Норильлаг), имевший четко выраженную экономическую функцию, с одной стороны, и сравнительно широкий производственный профиль, с другой. Отметим, что Норильлаг один из крупнейших объектов ГУЛАГа имел ряд особенностей и не являлся «усредненным», типичным лагерем. Проведение серии подобных исследований позволит создать более полную картину принудительного труда в 30х — 50х гг.

Существенно, что в 1990-х гг. исследователям стал доступен большой массив рассекреченных архивных материалов о различных аспектах становления и развития Норильлага. Наряду с ведомственной документацией ГУЛАГа, хранящейся преимущественно в фондах ГА РФ, мы используем также воспоминания бывших заключенных Норильлага. В центре нашего внимания — вопросы динамики и структуры рабочей силы одного из крупнейших экономических объектов ГУЛАГа.

1. Краткая история Норильлага, его роль в экономике ГУЛАГа и в промышленности цветных металлов СССР

Норильский исправительно-трудовой лагерь (Норильлаг) существовал с 1935 по 1956 гг. Его основной задачей было обеспечение рабочей силой разработок богатейших медно-никелевых руд Норильского района, строительства и обслуживания крупного горно-металлургического комбината, строительства «с нуля» города Норильска, а также освоения всего Норильского промышленного района. Административной структурой, в рамках которой должны были проводиться все эти работы, являлся комбинат. К моменту принятия решения о создании Норильлага вопрос о том, способен ли ГУЛАГ технически к самостоятельному осуществлению подобных сложных хозяйственных задач, практически был решен. В 1935 г. был пройден уже этап становления административной структуры системы лагерей и определения экономических функций последних. Соответственно, в Норильске применялась уже неоднократно испытанная до этого момента модель крупных лагерных комплексов, основанных на использовании труда десятков тысяч заключенных, собранных для обеспечения рабочей силой крупных строительных и производственных проектов. Эта модель масштабного и целенаправленного использования принудительного труда, сформировавшаяся в первой половине 1930-х гг., в последующие годы и вплоть до смерти Сталина не подвергалась существенным изменениям.

Специфика Норильского лагеря определялась во многом стратегическим значением связанного с ним производства. Никель в начале 30-х гг. (как и

ныне) в основном использовался для выплавки высококачественной нержавеющей стали — в том числе и броневой, в которой особенно нуждалась военная промышленность. Поскольку советская экономика в то время была еще далека от того, чтобы удовлетворять свои нужды в никеле на основе собственных ресурсов, советское руководство к середине 1930-х годов стало уделять особое внимание развитию никелевой промышленности в стране. На заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 13. мая 1935 г. было принято решение «в целях развития в максимально короткий срок советской никелевой промышленности» приступить к форсированному строительству двух никелевых заводов мощностью по 10.000 т. никеля в год с пуском их в эксплуатации в 1938 г. — одного из них в Орске (назван позже «Ютуралникель»), другого в Монча-Тундре («Североникель») [2]. Практически одновременно было решено построить в Норильске третий никелевый комбинат такой же мощности и также с предусматриваемым пуском в 1938 г. Однако, в отличие от двух остальных объектов, это строительство было с самого начала возложено на ГУЛАГ НКВД, что означало, что на нем в основном должна была быть использована рабочая сила заключенных [3]. Таким образом, Норильский комбинат был предусмотрен как один из трех крупных производителей никеля в СССР. Однако все три запланированных в 1935 г. крупных никелевых комбината достигли своей проектной мощности не в 1938 г., а (по различным причинам) гораздо позже. Свою роль здесь играли, особенно в случае Норильска, значительные проблемы и затяжки при разворачивании производственной деятельности [4], а также ход событий Второй мировой войны — так, например, комбинат «Североникель» в начале войны эвакуировался, а восстанавлен был только в 1943 г. [5]. В силу этих обстоятельств в годы войны Норильский комбинат из-за своего расположения в отдаленном тылу приобрел особо приоритетный статус, и большие усилия были приняты, чтобы развертывать там в 1942 г. только что начинавшийся выпуск никеля. Хотя намеченные показатели производительности были достигнуты с большим опозданием по сравнению с планом, Норильский комбинат уже в 1940-е годы занимал центральное место в никелевой промышленности страны и в дальнейшем стремительно расширял объемы своей продукции. Его доля в выпуске никеля в стране была весьма существенной, что отражается, например, в цифрах продукции никеля в СССР за 1954 г. — сразу после передачи Норильского комбината из МВД в зону ответственности гражданского ведомства «Главникелькобальта» Министерства цветной металлургии СССР, но еще перед ликвидацией Норильлага, которая произошла только в 1956 г. (см. Табл.1).

Но Норильский комбинат имел намного большее значение для советской никелевой промышленности, нежели уральский и мончегорский заводы: уже в середине 1930-х гг. стало известно, что норильские никелевые месторождения являются необычайно богатыми. По данным 1939 г., выявленные запасы никеля в рудах в тот момент составляли 1.436 тыс. т., что равнялось «48% всего запаса СССР и 22% мировых запасов (без СССР)» [6]. Это означало, что открытием норильских запасов никеля на долгий срок обеспечивалось снабжение

Таблица 1.

Объем производства никеля на комбинатах Минцветмет СССР в 1954 г.

Ютуралникель	14.057 т.
Североникель	16.806 т.
Уфалейский завод	4.409 т.
Норильский комбинат	15.950 т.
Итого:	**51.222** тн.

Источник: Российский Государственный Архив Экономики (далее: РГАЭ). Ф. 9022. Оп. 1. Д. 1703. ЛЛ. 1об, 112.

советской промышленности этим металлом. «Мировое значение» [7] придавалось также запасам других редких металлов, которые, как правило, содержатся в никелевых рудах, в т.ч. меди, кобальта, а также платиноидов. Последних, по данным на октябрь 1938 г., в рудах имелось «549,78 тонн, что ставит его [месторождение — прим. авт.] на первое место в СССР, придавая ему одновременно значение месторождения мирового масштаба» [8]. Соответственно, в дальнейшем развитии комбината добыча и переработка этих других цветных и редких металлов также приобретала большое значение, хотя в первый период существования Норильского комбината в качестве основного вида его продукции рассматривался именно никель.

Отметим также, что предпосылки для эксплуатации норильских медно-никелевых руд были, с одной стороны,изначально благоприятны, потому что там же находится крупное месторождение высококалорийного каменного угля, который мог оказаться полезным не только для комбината (в качестве энергетической базы, а также для обеспечения металлургических заводов коксом), но и для других потребителей. Однако, с другой стороны, норильские полезные ископаемые находятся в районе, отличающемся весьма сложными географическими условиями. При этом наиболее серьезные проблемы вызывает необычайно суровый климат [9]. Климатические условия усугубляются полярной ночью (солнце не появляется на протяжении больше двух месяцев), а также отдаленностью района от всех путей сообщения. До построения аэродрома в 1946 г. добраться до Норильска регулярным путем можно было только в период 4-месячной навигации вниз по Енисею до порта Дудинка, расположенного на расстоянии около 2000 км к северу от Красноярска и 100 км к западу от Норильска. Кроме того, можно было воспользоваться Северным морским путем, но тоже только в летнюю навигацию, которая для морских судов тогда длилась только около полутора месяцев [10]. Сложным препятствием для строительных работ, наконец, являлась вечная мерзлота, которая принуждала к разработке и применению специальных строительных технологий.

Таким образом, экономическое значение норильского промышленного района заключалось прежде всего в наличии там богатейших, стратегически важных запасов полезных ископаемых, открывающих долгосрочные перспективы для их эксплуатации — правда, при экстремальных климато-географических условиях. Понятно, что в силу этих причин Норильский ИТЛ, которому выпала задача обеспечения комбината большей частью рабочей силы на протяжении первых 20 лет его строительства и существования [11], с самого момента его создания принадлежал к приоритетным лагерям в системе ГУЛАГа НКВД/МВД. Эта приоритетность отражалась, например, в особом ведомственном подчинении Норильлага (в 1935 г. он был создан как один из немногих лагерей центрального подчинения начальнику ГУЛАГа, и только в 1941 г. был подчинен новому производственному главку НКВД: ГУЛГМП — Главному Управлению Лагерей Горно-Металлургических Предприятий), а также в ряде конкретных показателей, которыми Норильлаг отличался от других лагерей, как будет показано в дальнейшем.

2. Динамика и структура рабочей силы в Норильлаге

2.1. Динамика численности

Архивные фонды ГУЛАГа и ГУЛГМП содержат большие массивы статистического материала, который позволяет подробно восстановить структуру и динамику рабочей силы Норильлага [12]. Точнее, мы имеем статистические данные двух категорий: во-первых, это показатели учетно-распределительного отдела (УРО) ГУЛАГа. Здесь собраны регулярные отчеты об абсолютной численности заключенных во всех лагерях, в т.ч. и Норильского. Вторую категорию составляют отчеты самого Норильского комбината о наличии и использовании его контингентов рабочей силы — заключенных и вольнонаемных работников. Хотя эти отчеты имеются не для всего периода существования Норильлага (они охватывают 1936-38 и 1941-1949 гг.), их содержание имеет наибольшую ценность для раскрытия нашей темы, так что мы преимущественно будем пользоваться ими.

Рассмотрим вначале динамику численности заключенных Норильлага за весь период его существования (см. Рис.1, построенный по данным УРО).

Отметим прежде всего два аспекта динамики численности заключенных, работающих на рассматриваемом нами объекте. Во-первых, как следует из Рис.1, эта динамика подвержена сезонным колебаниям — увеличение числа заключенных происходило всегда в летний период, когда осуществлялся привоз новых заключенных [13], а в остальное время года имело место уменьшение контингента (за счет освобождения, смертности, перевода в другие места заключения и т.д.). Во-вторых, что более существенно, численность заключенных вплоть до конца 1950-го г. практически постоянно и стремительно возрастает. Есть только два года, 1937 и 1944 гг., в течение которых этот показатель не повышался, а слегка снизился, — что не помешало, впрочем, постепенному превращению Норильлага в один из крупнейших лагерных комплексов ГУЛАГа.

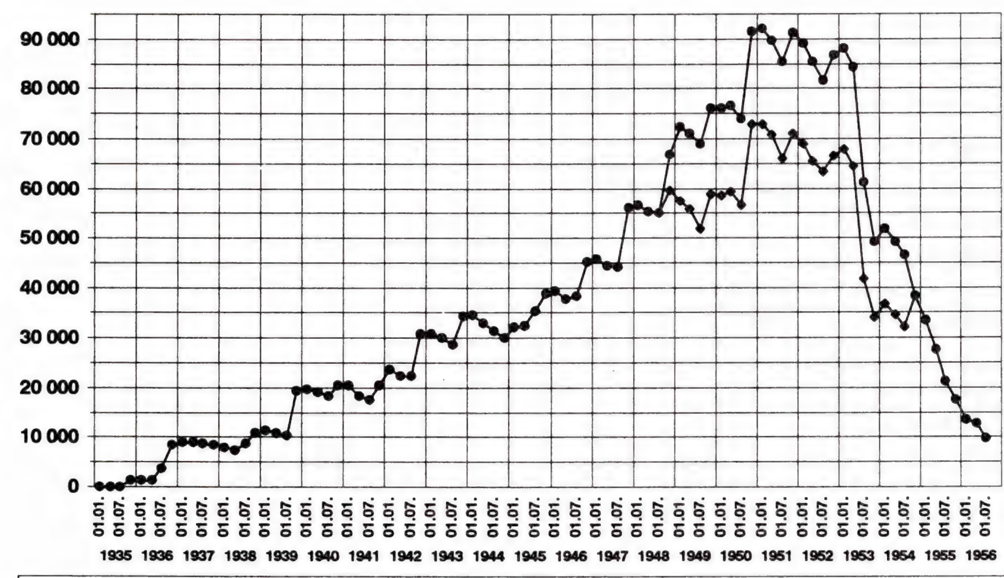

Рис. 1. Численность заключенных в Норильском и в Горном лагерях, 1935-1956 гг. (списочный состав на 1-ое число первого месяца каждого квартала)

Источники: ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 174. Л. 7. Д. 1155. ЛЛ. 20, 54об., 55. Д. 1160. Л. 4. Д. 2784. Л.18. Оп. 1д. Д. 358. ЛЛ. 1, 17, 29, 55. Д. 364. ЛЛ. 2, 19, 37, 54. Д. 370. ЛЛ. 24, 60. Д. 371. ЛЛ. 2, 29, 54, 70. Д. 379. ЛЛ. 15, 92об. Д. 390. ЛЛ. 2, 47, 85. 129. Д. 424. ЛЛ. 8, 58, 114, 165. Д. 442. Л. 1, 45, 88, 130. Д. 455. Л. 8. Д. 466. ЛЛ. 10, 57об., 103об., 146об. Д. 472. ЛЛ. 2об., 17об., 18об., 42об., 64об. Д. 479. ЛЛ. 3об., 27об., 51об., 75об. Д. 485. ЛЛ. 3об., 21об, 25об., 40 об., 58 об., 78. Д. 495. ЛЛ. 2об., 21об., 39об., 57об. Д. 500. ЛЛ. 2об., 31об., 46об., 58об. Д. 502. ЛЛ. 1, 4, 7, 10. Д. 506. ЛЛ. 15об., 47об., 48об., 73об., 74об., 110об. Д. 508. Л. 4. Д. 511. ЛЛ. 8об. 67об. 124об., 150об. Д. 513. ЛЛ. 3об., 39об., 70об.

Примечание:

* Хотя в нашу задачу не входило изучение рабочей силы Горного лагеря, рис.1 включает также динамику численности заключенных данного лагеря. Это объясняется тем, что, хотя заключенные Горного лагеря и Норильлага работали в различных лагерных структурах и отделениях, они, тем не менее, обслуживали один и тот же экономический объект. Поэтому, если не брать в расчет рабочую силу Горного лагеря, динамика трудового ресурса комбината в конце 40-х — начале 50-х гг. будет отражена не в полной мере.

Абсолютный пик числа узников был достигнут к началу 1951 г., когда Норильлаг содержал почти 73.000 заключенных в 24 лагерных отделениях, 23 отдельных и обыкновенных лагерных пунктах и 6 прочих подразделениях [14]. Кроме того, еще около 19.000 заключенных находились в это время в Горном лагере.

Следует отметить, что описанная динамика численности заключенных в Норильске имеет существенные отличия в сравнении с динамикой того же показателя по структуре ГУЛАГа в целом. Норильлаг отличался устойчивым ростом численности контингента, отчасти независимым от соответствующей «конъюнктуры» лагерной системы в общем. Можно констатировать, что Норильский лагерь — и тем самым комбинат — был обеспечен рабочей силой заключенных в первую очередь соответственно потребности в ней [15]. Этот фактор, видимо, преобладал над общими тенденциями и сдвигами в динамике контингента ГУЛАГа, подчеркивая особую значимость экономической функции Норильлага.

2.2. Смертность среди заключенных

При оценке статуса и особенностей Норильлага по сравнению с другими лагерями НКВД, важнейшую роль играет вопрос об условиях жизни и труда заключенных, напрямую связанный с экономической функцией лагеря, ибо в этом вопросе отражается отношение ответственных административных структур к одному из важнейших ресурсов, имевшихся в их распоряжении: к рабочей силе [16]. Одним из наиболее наглядных индикаторов состояния этого вопроса является уровень смертности среди заключенных. Для адекватной его оценки необходимо привлечь соответствующие сравнительные данные. Безусловно, такими в наших целях могут являться только данные по смертности заключенных ГУЛАГа в целом или его подсистем [17]. Рис.2 содержит динамику среднегодовых показателей смертности в Норильлаге, а также в лагерях с подобным производственным профилем, которые были объединены в уже упомянутом производственном главке НКВД (ГУЛГМП), и, наконец, во всех исправительно-трудовых лагерях ГУЛАГа. Источником этих данных является статистика заболеваемости и смертности заключенных, которую собирал санитарный отдел ГУЛАГа.

Как следует из сопоставления графиков динамики на рис.2, в Норильлаге смертность почти на всем рассматриваемом периоде значительно ниже, чем в среднем во всех исправительно-трудовых лагерях ГУЛАГа, а также чем в других лагерях «профильного» главка ГУЛГМП. Проблемы военного времени, когда, прежде всего в силу резкого ухудшения снабжения заключенных продуктами и падения уровня медицинских и и санитарных служб в лагерях, наблюдался катастрофический рост смертности заключенных ГУЛАГа, проявились в Норильлаге в сравнительно умеренной форме. В 1942-1943 гг., когда уровень смертности по всем лагерям составил, соответственно, 24,9% и 22,4% — что означает, что в течение года умирала почти четвертая часть всего лагерного населения (!) — этот показатель в Норильске был в несколько раз ниже (4,2% и 7,2%, соответственно).

Эти цифры имеют выраженный экономический аспект. Относительно низкая смертность заключенных свидетельствует об относительно хорошем их физическом состоянии, в поддержке которого администрация была заинтересована, в целях выполнения плановых заданий. Об этом говорит и практика регулирования использования труда заключенных в зависимости от состояния их здоровья.

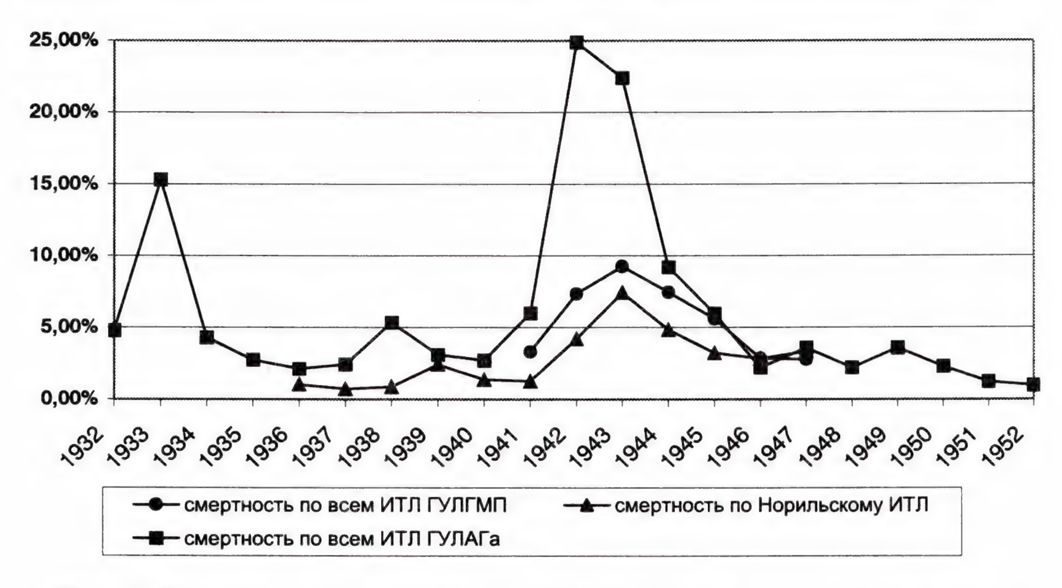

Рис. 2. Сопоставление динамики смертности среди заключенных по всем лагерям НКВД, по лагерям ГУЛГМП и по Норильлагу (% умерших от среднегодового состава)

Источники: ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 2740. ЛЛ. 34, 43, 49, 62, 85. Д. 2784. ЛЛ. 7—10, 26. Д. 2788. ЛЛ. 3, 6, 9, 11, 15, 17, 19, 24, 27, 30, 33, 34. Д. 2796. ЛЛ. 97, 102об.—103, 114об., 128, 141, 247. Д. 2804. ЛЛ. 2об.—3, 39. Д. 2817. ЛЛ. 2, 11, 21, 30, 39, 48. Д. 2821. ЛЛ. 31об., 118об. Д. 2822. ЛЛ. 61об.—62, 126об.—127. 2883. ЛЛ. 114, 116.

Примечания:

* За 1948 г. и последующие годы, данные по смертности для Норильлага еще не выявлены.

** Смертность в Норильлаге с середины 1945 г. уменьшалась не настолько быстро, как в среднем во всех лагерях, в силу того, что с этого момента в Норильлаге появились каторжане. Их доля среди всего контингента заключенных составляла: в среднем за 1945 год: 6%, за 1946 г.: 18%, за 1947 г.: 23%. Таким образом, эта доля в 1946-47 гг. была существенно выше, чем в других лагерях. Смертность среди каторжан в Норильлаге, которые, соответственно инструкциям МВД, содержались на усиленном режиме, получали уменьшенный паек и использовались преимущественно на тяжелых физических работах [18], значительно превышала смертность среди большинства остальных заключенных, которые находились в лагерных отделениях общего режима. Она составляла в 1945 г. 14,9%, в 1946 г. 7,8% и в 1947 г. 5,6%, тем самым приводя к повышению общего показателя смертности заключенных Норильлага. См. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 2804. Л. 42. Д. 2817. ЛЛ. 8об., 17, 27, 36, 45, 54. Д. 2821. ЛЛ. 31об., 118об. Д. 2822. ЛЛ. 61об.—62, 126об.—127.

*** Показатель смертности по лагерям ГУЛГМП включает, соответственно, и данные по Норильлагу.

Отметим в этой связи, что ввиду экстремальных климатических условий Заполярья, медицинский осмотр и отбор заключенных, подлежащих отправке в Норильск, производились не после прибытия в лагерь, а до того, в местах их отправления. При этом отправке не подлежали те узники, которые оценивались как неспособные к длительному пребыванию и труду за полярным кругом, в соответствии с инструкцией «для медицинского отбора и направления заключенных в Норильлаг из ОИТК и лагерей в 1941 году», утвержденной начальником Комбината и лагеря ст. лейт. ГБ А.А.Панюковым и составленной на основе приказа НКВД СССР № 0203 от 22 мая 1940 г. с учетом основных условий работы на Крайнем Севере. По инструкции направлению в Норильлаг подлежали «заключенные годные к тяжелому и средему физическому труду и заключенные специалисты из адм. техперсонала годные к легкому физическому труду», в возасте от 20 до 50 лет. Инструкция содержала список из 44 болезней, наличие которых препятствовало отправке з/к в Норильлаг. О процедуре медосмотра приотправке в Норильлаг имеются свидетельства в воспоминаниях бывших заключенных [19]. Из сравнительных данных о физическом состоянии заключенных Норильлага следует, что заключенные, способные только к легкому физическому труду, а также инвалиды, в Норильлаге находились действительно в незначительном количестве. При этом доля этих групп в общем контингенте заключенных ГУЛАГа всегда была достаточно велика — в 1942 г., например, она составляла около одной трети всего контингента [20].

Однако отбор здоровых заключенных не был единственной причиной относительно невысокого уровня смертности среди заключенных Норильлага. Определенную роль сыграли конкретные жизненные условия, в которых находились заключенные в течение всего (как правило, долгого) срока их пребывания в лагере. Об этом говорят многочисленные личные свидетельства бывших заключенных Норильлага, отмечающих, что эти условия (особенно это касается питания), в Норильлаге были, естественно, тяжелыми, но все-таки несколько лучше, чем в большинстве других исправительно-трудовых лагерей страны [21].

2.3. *Общая структура трудовых ресурсов Норильского комбината и их использование (в/н и з/к)*

Рассмотрим структуру рабочей силы Норильского комбината в конце 30х — начале 50х гг. Как и в случае других подобных объектов, Норильский комбинат и исправительно-трудовой лагерь представляли собой смешанную административную структуру. Начальник комбината одновременно являлся и начальником лагеря, и хотя лагерь в 1938 г. был выделен из тогдашнего строительства на самостоятельный баланс [22], он получил свой собственный бюджет только в 1950 г [23]. Фактически, в 1930-е и 1940-е гг., рассмотрением которых мы в этой части работы из-за отсутствия статистического материала для следующих лет будем ограничиваться, лагерь можно считать составной частью комбината. Мало того, что о деятельности Норильлага в отчетах комбината докладывается в том же порядке, как и о различных секторах производственной деятельности последнего (добыча руды, металлургия и т.п.);

рабочая сила заключенных лагеря там же фигурирует практически как собственный ресурс комбината.

Для заключенных каждого лагеря в системе ГУЛАГа существовала стандартная система учета узников по признаку их трудового использования, введенная в 1935 г [24]. Все работающие заключенные делились на две группы. Основной трудовой контингент, который выполнял производственные, строительные или прочие задачи данного лагеря, составлял группу «А». Помимо него, определенная группа заключенных всегда была занята работами, возникающими внутри лагеря или лагерной администрации. Этот, в основном административно-управленческий и обслуживающий персонал, причислялся к группе «Б». Неработающие заключенные также делились на две категории: группа «В» включала в себя тех, кто не работал по причине болезни, а все остальные неработающие, соответственно, объединялись в группу «Г». Данная группа представлялась самой неоднородной: часть этих заключенных только временно не работали по внешним обстоятельствам — из-за их нахождения на этапе или в карантине, из-за непредоставления работы со стороны лагеря, из-за внутрилагерной переброски рабочей силы и т.п., — но к ней также следовало причислять «отказников» и узников, содержащихся в изоляторах и карцерах.

Само собой разумеется, что с чисто экономической точки зрения пользу приносили только заключенные группы «А». Поэтому, если исходить из того, что как центральный аппарат ГУЛАГа, так и отдельные лагерные администрации в определенной мере действовали, руководствуясь экономической целесообразностью, необходимостью выполнения плановых заданий, можно допустить у них заинтересованность в максимизации группы «А», и, соответственно, стремление к минимизации всех остальных групп. Мы далеки от того, чтобы утверждать, что реально проводившаяся политика ГУЛАГа по трудовому использованию узников соответствовала такой рационально-экономической модели. Реалии обращения с заключенными — плохое снабжение и содержание, крайне изнурительный труд, а также нередко неумелое управление работами — широко известны. Поэтому не удивляет, что по ГУЛАГу в целом число больных, неработающих заключенных (группа «В») постоянно находилось на весьма высоком уровне, а доля группы «А», наоборот, редко достигала больше 70%-75% всего лагерного контингента. Однако такие данные сводного типа не отражают значительных различий в соотношении численности указанных групп при переходе на уровень различных подсистем ГУЛАГа. Так, из таблицы 2 следует, что в течение 1940-х гг. доля заключенных Норильлага, отнесенных к группе «А», составляла свыше 80%, а численность больных, неработающих заключенных — за исключением 1942-1943 гг., трудных военных лет — не превышала 10%. Относительно низкая численность группы «А» в 1936-37 гг. объясняется, как видно, не повышенной заболеваемостью, а сравнительно большой частью узников, которые работали в лагерных структурах (группа «Б»). Это наблюдение объясняется прежде всего низкой общей численностью заключенных в Норильске в те годы, а также начальной стадией, в которой тогда находилось строительство комбината.

Таблица 2

Трудовое использование заключенных Норильлага в 1936—1949 гг. (за весь год в %% чел./дней от общей суммы чел./дней всего контингента)

Группы	1936	1937	1938	1941	1942	1943	1944	1945	1946	1947	1948	1949
"А"	76,60	75,00	82,20	83,60	81,20	80,60	80,60	85,50	84,58	83,80	80,70	80,70
"Б"	12,80	14,90	10,20	7,20	7,00	7,00	7,50	6,30	8,01	7,90	8,40	8,90
"В"	4,30	6,70	3,80	6,80	8,50	11,30	11,20	7,50	6,78	7,40	9,10	8,40
"Г"	6,30	3,40	3,80	2,40	3,30	1,10	0,70	0,70	0,63	0,90	1,80	2,00

Источники: ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1д. Д. 854. ЛЛ. 55—57. Д. 968. Л. 83. Д. 969. ЛЛ. 10, 93. Д. 1118. ЛЛ. 83—85. Ф. 8361. Д. 11. Л. 31. Д. 40. Л. 79. Д. 56. Л. 69. Д. 71. Л. 55. Д. 95. Л. 19. Д. 101. Л. 35. Д. 125, Л. 152. Д. 155. Л. 135. Д. 174. Л. 97.

Примечание: * данные за 1939-1940 гг. не выявлены.

Среди перечисленных выше групп заключенных, нас в дальнейшем будет интересовать прежде всего группа «А», поскольку именно она включала заключенных, непосредственно использовавшихся в качестве рабочей силы на экономическом объекте, обслуживаемом Норильлагом. Более того, по характеру труда именно эту группу можно сопоставить с вольнонаемными работниками, которые тоже в немалом количестве были заняты на Норильском комбинате. Соотношение между ними и заключенными — работниками группы «А» в 1940-е гг. представлено на Рис.3.

Из динамики Рис.3 видно, что количество вольнонаемных (в/н) работников росло одновременно с ростом числа заключенных (з/к), работающих на объекте, причем темп роста числа в/н был выше: если в 1941 г. на комбинате работали 3.734 вольнонаемных и 16.532 заключенных, что соответствует отношению численности этих групп 1: 4,4, то к 1949 г. этот показатель уменьшился (в пользу вольнонаемных) до 1: 2,1 (20.930 в/н и 44.897 з/к). С одной стороны, из этого следует, что «вольный» труд на Норильском комбинате в течение 40-х гг. стал играть более важную роль. С другой стороны, относительность этого вывода становится очевидной при рассмотрении структуры контингента вольнонаемных работников в Норильске. Дело в том, что в самом начале строительства комбината число вольнонаемных было минимальным. В 1936 г. они во всех секторах (включая не только группу «А», но и управление, охрану, санитарную обслугу и т.п.) составляли 223 человек против 4552 заключенных, а в 1937 г. соответственно — 384 против 8658 [25]. Постепенный рост числа вольнонаемных в последующие годы в Норильске в основном происходил за счет освободившихся заключенных — причем разными путями.

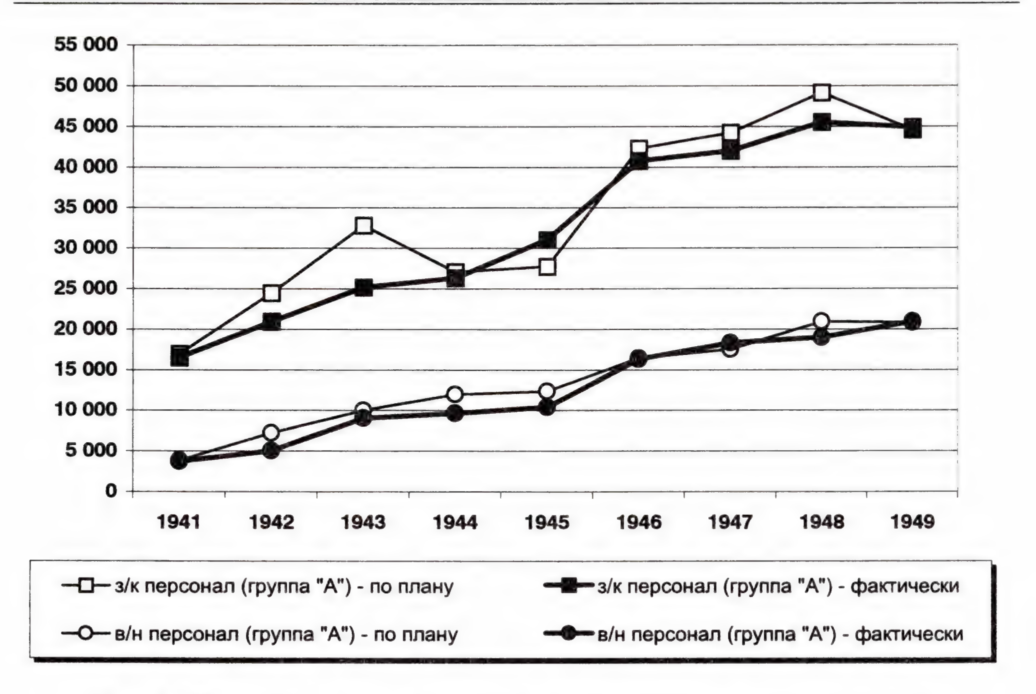

Рис.3. Трудовой фонд комбината — численность вольнонаемного и заключенного персонала, работающего по группе «А» (среднесписочный годовой состав)

Источники: ГАРФ. Ф. 8361. Оп. 1. Д. 10. Л. 11. Д. 11. ЛЛ. 11, 27, 32. Д. 40. Л. 26. Д. 56. Л. 44—45. Д. 71. Л. 30. Д. 95. Л. 109. Д. 101. Л. 124—125. Д. 125. Л. 158. Д. 143. Л. 54. Д. 155. Л. 145. Д. 174. Л. 102.

В 1940-е годы широко применялось прикрепление заключенных к комбинату даже после номинального отбытия их срока. В воспоминаниях бывших заключенных мы находим многократные описания такой практики: многих освободившихся заключенных, причем особенно политических, направили на «спецпоселение», так что они оказались на положении ссыльных. Им вручался паспорт или другой документ с указанием ограничения места жительства, а зачастую с запретом покинуть даже границы города Норильска [26].

Продлить пребывание в зоне Норильска могли и по-другому. Бывали, например, случаи, когда заключенному, незадолго до окончания его срока, практически без всяких разъяснений сообщалось о «втором сроке» [27].

Мотивом принятия подобных мер, безусловно, являлась высокая и постоянная потребность комбината в рабочей силе, особенно в годы войны, когда скорейшему налаживанию производства никеля придавалось огромное значение. На вольнонаемных работников комбината распространилась бронь, освобождающая их от призыва в Красную Армию [28]. Естественно, что и ходатайствам заключенных об их направлении на фронт, как правило, было отказано [29]. Наоборот, администрация Норильского комбината добилась того, что в качестве заключенных на

производстве оставались даже те лица, которые по постановлению Верховного Совета СССР подлежали досрочному освобождению с отправкой на фронт [30]. Более того, она активно выступала за то, чтобы в Норильске были закреплены также заключенные, которых следовало освободить и отправить в военкоматы по окончанию их срока или по решениям судебных органов. Этот вопрос — правда, уже к концу войны — решением ГОКО от 19 января 1945 г. также был решен в пользу комбината, причем эта категория работников была освобождена из-под стражи с закреплением в Норильском комбинате по вольному найму [31]. В первой половине 1946 г., абсолютное число бывших заключенных, закрепленных в Норильске в порядке специального постановления ГОКО, в среднем составляло еще свыше 12.000 человек. Судя по статистике, они, начиная со второй половины 1946 г., постепенно были переведены на статус обыкновенных вольнонаемных [32]. Остается, однако, неясным, означало ли это для них получение полных прав, в том числе права на выезд из Норильска.

Экономическое положение двух категорий вольнонаемных бывших з/к и приехавших в Норильск без предыдущего пребывания в лагере — различалось существенно. В отличие от второй категории, первая лишалась всех льгот и привилегий, установленных для работы в условиях Крайнего Севера и значительно улучшавших материальное положение тех, кто их получал. Так, во второй половине 1940-х гг. вольнонаемные, которые приезжали в Норильск и заключали трудовые договоры на три года, «... получали 100% северной надбавки и 10% за каждый месяц. Через два с половиной года им давали полугодовой оплачиваемый отпуск плюс месяц на дорогу и бесплатный билет туда, куда они хотят поехать. А кто подписал договор на следующие три года, имел те же условия, но еще мог получить путевку в санаторий на все время отпуска» [33]. Можно, наверное, согласиться с оценкой, что «освобожденные работяги» Норильского комбината, лишенные такого рода льгот, образовали в конце 40-х гг. слой «людей второго сорта» [34]. Комбинат же таким путем мог повышать показатели рентабельности на основе дешевой рабочей силы заключенных даже после их освобождения.

Таким образом, вольнонаемные Норильска имели в большинстве лагерное прошлое и в силу этого были обделенными в материальном положении. Структура вольнонаемной рабочей силы комбината в послевоенные годы наглядно представлена в докладе начальника Норильлага В.С. Зверева о состоянии и работе ИТЛ за 1950 год: «... на производственных объектах Комбината из числа 25000 вольнонаемных работают: бывших судимых 15000 человек, спецпереселенцев 3997 и ссыльных 1000 человек...» [35].

Следует отметить еще один источник пополнения рабочей силы Норильского комбината. В 1945 г. в Норильск прибыл большой «спецконтингент» (свыше 10.000 человек), состоявший из бывших советских военнопленных, а также из власовцев. Их поселили на правах ссыльных — они получали работу и даже северные льготы, но выезд из Норильска им не разрешался. Однако Особый отдел лагеря вскоре приступил к их «фильтрации», вследствие чего многие из «спецконтингента» были осуждены к большим срокам лишения свободы, в основном по статье 58—1б (измена Родине военнослужащим) [36].

2.4. Распределение з/к и в/н по различным сферам труда

Рассмотрим специфику использования труда заключенных и вольнонаемных на Норильском комбинате. В ежегодных бухгалтерских отчетах комбината имеются подробные данные по распределению персонала обеих групп. Опираясь на этот материал, можно получить более конкретное представление о том, в каких сферах труда работала основная масса работников обоих контингентов в 40-х гг. (см. Рис. 4 и 5).

Что касается заключенных, то, на первый взгляд, из диаграмм на Рис.4-5 следует, что из них до 1949 г. около половины, а то и больше, работали на строительстве [37], между тем как в этой сфере вольнонаемные работники трудились в сравнительно незначительном количестве [38]. Это соответствует распространенному представлению, что труд заключенных преимущественно использовался на трудоемких строительных объектах, и что сложные и крупные строительные проекты в период существования ГУЛАГа были реализованы практически исключительно за счет труда узников лагерей.

Но, с другой стороны, из диаграмм Рис. 4 и 5 также следует, что использование их труда отнюдь не ограничивалось строительными работами. Широко применялся принудительный труд и в производственной сфере, т.е. в шахтах и цехах комбината, а также на подсобных и вспомогательных работах. При этом в течение 40-х гг. практически одинаковым образом росла численность и з/к,

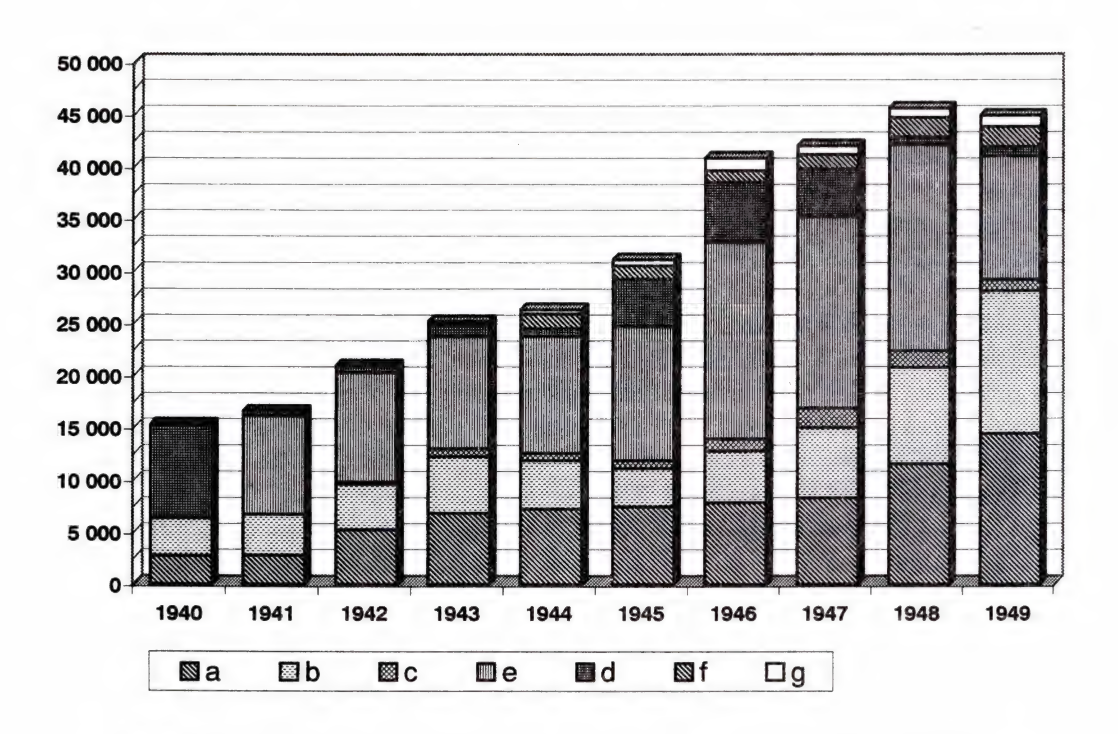

Рис. 4. Трудовое использование заключенных Норильлага по группе «А»

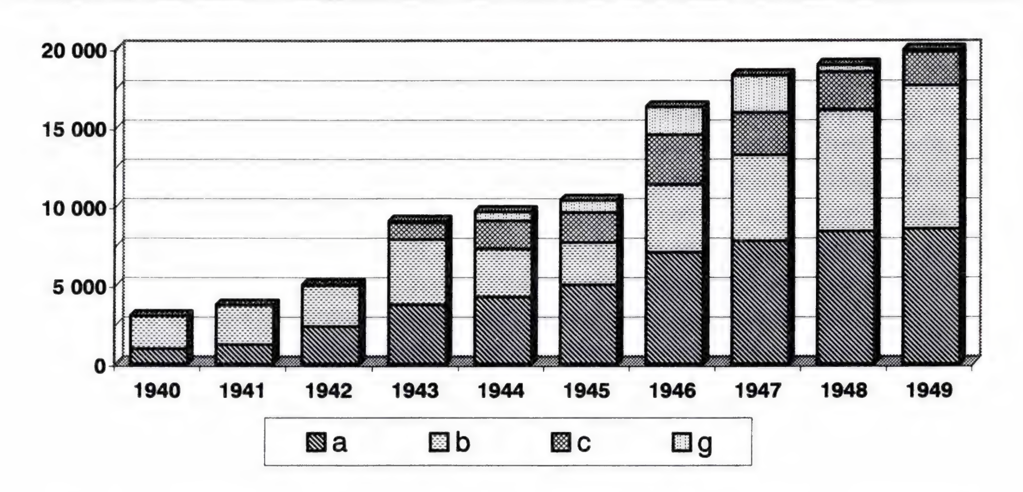

Рис. 5. Трудовое использование вольнонаемных работников Норильского комбината по группе «А»

Разъяснения:

a: Промышленно-производственный персонал

b: Непромышленный производственный персонал

c: Сельское хозяйство

d: Контрагентские работы всего

e: в т. ч.: предоставление рабочей силы своему собственному капитальному строительству (в отчетах за 1940 г. эта статья отсутствует, но предполагается, что и в этом году подавляюще большинство заключенных категории «d» так же работало в капитальном строительстве — *примеч. авт.*).

f: Торговая сеть, подсобные предприятия и пр.

g: Другие работы

Источники к Рис. 4 и 5: см. источники к Рис. 3.

цехах комбината, а также на подсобных и вспомогательных работах. При этом в течение 40-х гг. практически одинаковым образом росла численность и з/к, и в/н в категориях производственного персонала, как промышленного, так и непромышленного.

В этой связи следует отметить, что с начала до конца 40-х гг. Норильский комбинат претерпел значительные изменения в структуре своего производственного профиля. В то время как добыча угля и руды была начата уже в 30-х гг. и в дальнейшем последовательно расширялась, продукция основных отраслей комбината, связанных с производством никеля, платиноидов, меди и кобальта берет свое начало в 1941-42 гг., а больших объемов она достигла только к середине 40-х гг. (что касается никеля) или даже ко второй половине (черновая медь), а то и к концу 1940-х гг. (платиноиды, электролитная медь). Это развитие, естественно, было связано с постепенным вводом в эксплуатацию все новых цехов и заводов комбината, а также с расширением производственной

мощности существующих. Если сопоставить производственные группы обеих категорий работников, то становится ясно, что, несмотря на сдвиги в структуре производства Норильского комбината протяжении 40-х гг., доля использования труда заключенных существенным изменениям не подвергалась: хотя к 1946 г. доли з/к и в/н в производственном персонале комбината почти уравнялись, к концу 40-х гг., в связи с большим приростом числа заключенных в Норильлаге, их доля в производственном персонале опять приблизилась к 2/3.

Из имеющихся данных также следует, что не только по общей численности, но и в отдельности в двух самых значимых секторах экономической деятельности данного объекта — в капитальном строительстве и в производственной сфере — заключенные на протяжении всех 40-х гг. составляли большинство работников. Но помимо этих секторов, существовали еще другие, где вольнонаемные преобладали над заключенными. Таким исключением являлся, например, сельскохозяйственный сектор. С начала 40-х гг. для обеспечения комбината и лагеря продуктами, в составе комбината были организованы отдельные совхозы, главный из которых находился в поселке Курейка на Енисее, в 400 км на юг от Норильска. Там же был организован лагерный пункт Норильлага, но, тем не менее, количество вольнонаемных работников в сельском хозяйстве комбината всегда превышало число заключенных (к примеру: 1943 г.: 1.044 в/н — 752 з/к; 1946 г.: 3.180 — 1.176; 1949 г.: 2.126 — 1.102, соответственно [39]). Большей была также доля вольнонаемных, работавших в торговой сети комбината, в тех хозяйственных отделах, которые отвечали за обслуживание вольнонаемного состава и в прочих подсобных и вспомогательных структурах. Соотношение численности занятых в этой сфере за отдельные годы было следующим: 1944 г.: 2807 в/н — 1427 з/к; 1946 г. соответственно: 3873 — 1170; 1948 г.: 4289 — 1941 [40].

Однако в то время как в этих (вспомогательных) секторах существенную часть работников составляли все же заключенные, на строительных работах, наоборот, труд вольнонаемных находил применение лишь в крайне ограниченных пределах [41]. Таким образом, самые трудоемкие и изнурительные работы, очевидно, были предусмотрены исключительно для заключенных, тогда как все остальные виды работ могли быть выполнены и в/н, и з/к. Поэтому можно утверждать, что заключенные для Норильского комбината представляли собой поистине универсальный и, ввиду численного доминирования, основной трудовой ресурс: они использовались во всех секторах и строительства, и производства.

2.5. Профессиональная структура

Другой аспект использования рабочей силы на Норильском комбинате связан с распределением работников не только по сферам работы, но и по профессиональным группам, по их месту в производстве. В воспоминаниях бывших заключенных имеется много свидетельств о том, что в Норильлаге многие заключенные, имевшие подходящую профессиональную подготовку [42], использовались по их специальности на соответствующих должностях [43]. Причем из этих воспоминаний следует, что эта практика часто связывается с личностью А.П. Завенягина, знаменитого второго начальника комбината

(в честь которого тот позже был назван), занимавшего этот пост с апреля 1938 г. по март 1941 г [44]. Приводим в этом контексте цитату из приказа Берия 1940 г.: «...приказываю: (...) Полностью использовать всех специалистов из заключенных (на [Норильском —*прим. авт.*] комбинате из 1200 специалистов используется по специальности только 623), преимущественно на производстве, наиболее квалифицированных из них — в качестве технических руководителей» [45]. Таким образом, использование квалифицированных специалистов-заключенных на ответственных должностях в Норильске не являлось собственной инициативой Завенягина, но в условиях недостатка специалистов на срочном строительстве в сложных условиях соответствовало также политике ГУЛАГа и НКВД [46].

Однако, получив работу по специальности, заключенный не всегда мог быть уверенным в том, будет ли он на ней постоянно работать. С началом войны, к примеру, начальство лагеря стало снимать заключенных с должностей, близких к руководству — то ли из-за соображений безопасности [47], то ли из-за притока партийных функционеров в Норильск, избегавших таким образом призыва на фронт [48]. Правда, с 1943 г., когда на положение на фронтах резко улучшилось, многим заключенным (причем даже политическим) опять представилась возможность работать по их специальностям. Как бы то ни было, те заключенные, которым предоставлялась возможность получить более квалифицированную (и, как правило, более удобную) работу, всегда составляли лишь маленькую часть всего лагерного населения. Насколько она была маленькой — это можно узнать только из статистических материалов Норильлага. Весь наличный материал слишком велик, поэтому мы ограничимся данными по тем двум секторам, в которых работало наибольшее количество людей: промышленно-производственному сектору и капитальному строительству.

Данные табл. 3 и 4 не вызывают удивления: в среднем в обоих рассматриваемых секторах около 90%, а к концу периода даже около 95% всех заключенных работали в качестве простых рабочих. Возможность иметь более квалифицированную (и, как правило, более безопасную) работу, в частности, в качестве инженерно-технического персонала (ИТР) представлялась только очень ограниченному контингенту заключенных. Для них такая работа означала не только физически менее тяжелый труд, но и включала несколько улучшенный паек и прочие льготы [49]. Однако их доля в группе всех заключенных была несравнимо меньше доли ИТР среди вольнонаемного персонала: в капитальном строительстве, например, за весь период около 3—5% заключенных работали на инженерно-технических должностях, в то время как соответствующий показатель в группе вольнонаемных достигал в среднем за весь период 29%, а к 1949 г. даже 40%. В результате этого, несмотря на то, что абсолютная цифра вольнонаемных работников в капитальном строительстве в течение всего периода в несколько раз уступала числу заключенных, с 1944 г. вольнонаемных среди ИТР оказалось значительно больше, чем заключенных. Данные табл.3 показывают, что для промышленно-производственного персонала ситуация была практически такой же. Впрочем, анализ табл. 3 и 4 позволяет сделать такие же выводы и для других категорий служащих, МОП (младшего

Таблица 3

Распределение промышленно-производственного персонала Норильского комбината по месту в производстве

	1940 г.		1941 г.		1942 г.		1943 г.		1944 г.	
	в/н	з/к	в/н	з/к	в/н	з/к	в/н	з/к	в/н	з/к
Всего:	961	2.728	1.246	2.783	2.364	5.227	3.758	6.817	4.256	7.221
из них:										
Рабочих	639	2.375	895	2.498	1.545	4.798	2.329	6.106	3.096	6.436
ИТР*	198	199	221	186	376	275	591	392	714	462
Служащих	97	124	100	83	195	118	269	235	336	153
МОП**	19	30	18	15	248	36	544	65	89	64
Учеников	8	---	12	1	---	---	25	19	21	106

	1945 г.		1946 г.		1947 г.		1948 г.		1949 г.	
	в/н	з/к	в/н	з/к	в/н	з/к	в/н	з/к	в/н	з/к
Всего:	5.043	7.432	7.074	7.806	7.796	8.278	8.418	11.539	8.578	14.386
из них:										
Рабочих	3.964	6.779	5.554	7.096	6.022	7.615	5.612	10.532	5.406	13.305
ИТР*	747	453	1.102	481	1.310	442	1.441	512	1.786	496
Служащих	233	125	283	143	339	140	368	185	425	216
МОП**	55	73	71	73	65	62	74	71	53	81
Учеников	44	2	64	13	60	19	---	50	14	20

Источники: к таблице 3 см. «источники» к Рис. 3.

* ИТР — инженерно-технические работники

** МОП — младший обслуживающий персонал.

обслуживающего персонала), и, с некоторыми ограничениями, для учеников. И только для категории «рабочие» картина была диаметрально противоположной.

Некоторое преобладание заключенных среди ИТР в капитальном строительстве в начале 40-х гг. (см. табл. 4) дает основание обратиться к данным за еще более ранний период строительства комбината: в 1938 г., к примеру, на строительно-монтажных работах было занято 2.499 заключенных и только 109 вольнонаемных. При этом 198 заключенных (или 6,6% от общего их числа) работали в качестве ИТР, а из вольнонаемных на должностях ИТР находились 56 чел. (или 51,4% от их общего числа) [50]. Эти данные свидетельствуют о том, что назначение заключенных на посты инженеров и специалистов, особенно в начальном периоде работы строительства и комбината, было неизбежным по той простой причине, что число вольнонаемных работников было недостаточным. Когда эта ситуация стала меняться, вольнонаемные постепенно начали заменять заключенных на их постах. Это не обязательно говорит о процессе вытеснения — нередко заключенным, работавшим на постах специалистов, руководителей цехов или производственных участков, после их освобождения предлагалось оставаться на той же или на близкой по специальности должности уже по вольному найму — правда, без северных льгот, установленных для

Таблица 4

Распределение персонала капитального строительства Норильского комбината по месту в производстве

	1941 г.		**1942 г.**		**1943 г.**		**1944 г.**		**1945 г.**	
	в/н	з/к	в/н	з/к	в/н	з/к	в/н	з/к	в/н	з/к
Всего:	1.550	9.446	1.360	10.490	1.857	10.732	2.745	11.253	2.644	12.875
из них:										
Рабочих	809	8.722	665	9.701	1.067	9.863	1.728	10.401	1.728	12.009
ИТР	346	470	373	520	525	623	634	610	738	653
Служащих	327	222	250	240	223	222	281	213	153	192
МОП	---	---	70	29	42	24	102	29	25	21
Учеников	---	---	2	---	---	---	---	---	---	---

	1946 г.		1947 г.		1948 г.		1949 г.	
	в/н	з/к	в/н	з/к	в/н	з/к	в/н	з/к
Всего:	3.789	18.831	---	---	2.512	21.514	2.020	19.315
из них:								
Рабочих	2.477	17.735	---	---	1.297	20.574	946	18.485
ИТР	1.032	795	---	---	925	691	806	616
Служащих	248	281	---	---	239	234	206	206
МОП	32	20	---	---	51	15	62	8
Учеников	---	---	---	---	---	---	---	---

Источники к таблице 4: ГАРФ. Ф. 8361. Оп. 1. Д. 10. Л. 11; Д. 41. Л. 4; Д. 57. ЛЛ. 22—23; Д. 69. Л. 73; Д. 96. Л. 54—55; Д. 102. Л. 62; Д. 144;. Д. 174. ЛЛ. 107—108.

Примечание: * за 1947 г. нет данных.

обыкновенных вольных работников [51]. Такая политика закрепления бывших заключенных — специалистов с многолетним опытом работы на комбинате, безусловно, способствовала эффективной и бесперебойной его работе.

Однако не все решения по Норильскому комбинату принимались исключительно по мотивам экономической целесообразности. Так, в 1950 г. было принято постановление о снятии с работы и высылке из Норильска всех бывших политических заключенных, занимавших административные должности [52] — притом, что как раз доля политзаключенных среди этой группы была непропорционально высока.

Резюмируя результаты анализа распределения заключенных и вольнонаемных по их месту в производстве, мы можем утверждать, что абсолютное большинство заключенных Норильлага, как и следовала ожидать, использовались в качестве простых рабочих, чьи условия труда были очень тяжелыми. Работа в качестве специалистов, на ответственных должностях выпадала только малой части всех заключенных. Причем работа узников в качестве ИТР была больше распространена в начальный период существования комбината, когда количество вольнонаемных работников было недостаточным. Позже, в условиях наличия большего контингента вольнонаемных в Норильске, они стали преимущественно

назначаться на административные и технические должности, а доля заключенных, занимавших эти позиции, соответственно, стала сокращаться.

Анализ трудовой силы Норильлага включает и другие важные аспекты — условия труда, рабочее время, формы принуждения и поощрения труда заключенных и т.д. Эти аспекты — предмет следующего этапа нашей работы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См., напр.: Джекобсон М., Смирнов М.Б. Система мест заключения в РСФСР и СССР. 1917—1930 гг. // Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. Справочник. М., 1998. С. 10—24; Смирнов М.Б., Сигачаев С.П., Шкапов Д.В. Система мест заключения в СССР. 1929—1960 гг. Там же. С. 25—74; Хлевнюк О.В. Принудительный труд в экономике СССР, 1929—1941 гг. // Свободная мысль. 1992. № 13. С. 73—84; Кокурин А.И., Петров Н.В., Моруков Ю. ГУЛАГ: Структура и кадры // Свободная мысль. 1999. № 8. С. 109 — 128; Экономика ГУЛАГа и ее роль в развитии страны. 1930-е годы. Сб. документов. Сост. М.И.Хлусов. М., 1998; Рассказов Л.П., Упоров И.В. Использование и правовое регулирование труда осужденных в российской истории, Краснодар. 1998 г.
2. Российский Государственный архив социально-политической истории (далее: РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 963. Л. 15.
3. Постановление СНК СССР № 1275-198сс. от 23-го июня 1935 г.
4. См.: Эртц С. Указ. соч.
5. Позняков В.Я.: Североникель. Страницы истории комбината «Североникель», М., 1999. С. 84-93.
6. Государственный Архив Российской Федерации (далее: ГАРФ). Ф. 9414. Оп. 1. Д. 29. ЛЛ. 52—54. Следует отметить, что оценки запасов сырья по ходу разведывательных работ в последующие годы продолжали увеличиваться.
7. Там же. Л. 52.
8. РГАЭ. Ф. 9022. Оп. 3. Д. 1694. Л. 16. К 1946 г. оценка этого запаса увеличилась более чем в 7 раз и тогда уже равнялась 4.059,357 т. — см. РГАЭ. Ф. 9022. Оп. 3. Д. 1710. Л. 36.
9. Климату Норильского района свойственны долгая зима, низкая среднегодовая температура (−10,5°С); при этом самый холодный месяц — январь со средней температурой −30,6°С, самый теплый — июль (− +10,5°С). Морозы достигают −50°С, часто случаются пурга и ураганы. Данные сведения относятся к 1939 г. *Источник*: ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 29. Л. 54.
10. РГАЭ. Ф. 8704. Оп. 1. Д. 949. Л. 3 об.
11. Кроме Норильлага, в Норильске с 1948 по 1953 г. существовал еще один лагерный комплекс: Особый Лагерь МВД № 2 или «Горный Лагерь». Он был организован на базе пяти лагерных отделений Норильлага и входил в состав Особых лагерей МВД, созданных на базе приказа № 00219 МВД от 28. февраля 1948 г. Хотя заключенные Горного лагеря также работали для Норильского комбината и тем самым тоже представляли собой составную часть его трудового ресурса, этот лагерь имел свой собственный административный статус и свою характеристику, присущую всем Особым лагерям — например, более строгие условия режима и трудовое использование заключенных преимущественно на тяжелых

физических работах. Поэтому мы в данной работе не будем рассматривать специфику труда в Горном лагере.

12. ГАРФ. ФФ. 9414 (ГУЛАГ); 8361 (ГУЛГМП).
13. В основном, заключенные привозились в Норильск из Красноярска, где находилось транзитное лагерное отделение Норильлага, вниз по Енисею.
14. Данные на 1 октября 1951 г. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 461. Л. 53.
15. Некоторым исключением в этом плане являлись лишь 1942-43 гг., когда реальное обеспечение комбината рабочей силой заключенных значительно отставало от предусмотренных планами цифр — см. ниже, Рис. 4.
16. Очевидное возражение «если рабочая сила практически ничего не стоит, зачем о ней заботиться» в данном случае вряд ли можно считать оправданным; достаточно принять во внимание хотя бы трудности транспортировки заключенных в район Норильска и острую потребность оборонной промышленности в продукции комбината.
17. Сравнение уровня смертности в Норильлаге с показателем смертности по всей стране не было бы адекватным, так как заключенные представляли собой «демографически смещенную» группу населения. Так, мало представлены среди них были пожилые люди (группа с повышенным уровнем смертности).
18. См. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 77. ЛЛ. 55—56.
19. См. напр.: Торвин С.С. «Воспоминания» // Архив Московского Научно-информационного и просветительского центра «Мемориал» (далее: Московский Архив «Мемориал»). Ф. 2. Оп. 2. Д. 92. Л. 90.; Семакин Н. (Воспоминания; без названия). Там же. Ф. 2. Оп. 3. Д. 58. — Н.Семакин был осмотрен, но не отправлен в Норильск по медицинским причинам; Ассанов И. Жизнь и судьба Митрофана Петровича Рубеко. «Норильский Мемориал». Вып. 4. Октябрь 1998 г. Без места изд. С. 11.
20. См. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1д. Д. 370. Л. 90.
21. См., напр.: Рубинштейн С.И. «Из воспоминаний» // Книга памяти. Ред. Кириллов В.М. (изд. Нижнетагильским об-вом «Мемориал»). Екатеринбург, 1994. С. 188.; Керсновская Евфросиния. Сколько стоит человек, т. IV. М., 2001. С. 219.; Куц В. Поединок с судьбой. Издание II, дополненное. М., 1999, С. 149; Торвин С.С. Указ. соч. Л. 124.; Одолинская Н.Ф. «Советские каторжники» (воспоминания). Московский Архив «Мемориал». Ф. 2. Оп. 2. Д. 66. Л. 30.; Антипова А. Национальность: заключенный // «Норильский Мемориал». Выпуск 3. Октябрь 1996 г. Без места изд. С. 14.
22. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1д. Д. 1118. ЛЛ. 6, 20.
23. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 4. Д. 2693. Л. 177.
24. Директива № 664871 начальника ГУЛАГа от 11. марта 1935 г. См.: Кокурин А.И., Петров Н.В., Моруков Ю. ГУЛАГ: Структура и кадры // Свободная Мысль, 1999, № 9. С. 116—117.
25. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1д. Д. 854. ЛЛ. 78, 81. Д. 969. ЛЛ. 59—62.
26. См., напр.: Винтенс Ф.И. Воспоминания (без названия). Московский Архив «Мемориал». Ф. 2. Оп. 2. Д. 11. Л. 37, 41.; Старовойтов А.Е. Воспоминания (без названия). Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 115. Л. 43.; Керсновская Е. Указ. соч. С. 58, 220.; Нумеров Н.В. Золотая звезда ГУЛАГа. М., 1999. С. 403. Сетко-Сеткевич Э. Боже, спаси душу мою // Воспоминания Сибиряков. Варшава,

1990 г. (цитировано по: «Норильский Мемориал». Выпуск 3. Октябрь 1996 г. Без места изд. (перевод Биргер, Б.С.). С. 11).

27. Нумеров Н.В. Указ. соч. С. 402—403.

28. Керсновская Е. Указ. соч. С. 220.

29. Сагоян П.О. Воспоминания (без названия). Московский Архив «Мемориал». Ф. 2. Оп. 1. Д. 104. Л. 23.; Ассанов И. Указ. соч. С. 12.

30. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1188. 11 об. См. также: Земсков. Указ. соч. С. 24.

31. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1188. Ход этой дискуссии можно проследить на листах: 11, 13, 24, 37—39.

32. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1д. Д. 447. ЛЛ. 1об., 2, 14об., 15, 22об., 23, 38об., 39. Д. 457. Л. 2об., 3.

33. Сетко-Сеткевич Э. Указ. соч. С. 9.

34. Торвин С.С. Указ. соч. Л. 129.

35. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1д. Д. 151. Л. 33.

36. Там же. Л. 131. — Автор датирует появление «спецконтингента» августом 1946 г., в чем он, видимо, ошибается, поскольку архивные документы говорят о том, что эти люди доставлялись в Норильск, начиная с августа 1945 г. См. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1д. Д. 430. ЛЛ. 26об., 27, 30, 33об., 34. Д. 447. ЛЛ. 1об., 2, 14об., 15, 22об., 23, 38об., 39.

37. На диаграммах, как и в источниках, указан термин «контрагентские работы», которым в документации ГУЛАГа, как правило, обозначалось предоставление рабочей силы заключенных стройкам или заводам других, гражданских министерств. Однако, в Норильске других производств, кроме комбината НКВД, не было. Поэтому в данном случае речь идет лишь об использовании труда заключенных на собственном капитальном строительстве комбината, которое имело свою собственную отчетность.

38. В использованных для создания диаграмм отчетах по вольнонаемным, строители вообще не фигурируют как отдельная категория. Данные из специальных отчетов по капитальному строительству, где можно сравнить их долю с соответствующей долей заключенных-строителей, приводятся ниже — см. табл. 4.

39. ГАРФ. Ф. 8361. Оп. 1. Д. 56. Л. 44; Д. 101. ЛЛ. 124—125; Д. 174. Л. 102.

40. ГАРФ. Ф. 8361. Оп. 1. Д. 71. Л. 30; Д. 101. ЛЛ. 124—125; Д. 155. Л. 145. — Данные имеются только с 1944 г. Причем, вольнонаемные работники этой категории не причисляются к группе «А» (т.е. также не фигурируют на диаграммах Рис. 3-6), поскольку они работали на обслуживании собственного контингента, а не на производстве. Заключенные, работавшие в этой группе, наоборот учитывались как работники внелагерных структур, а потому и относились к группе «А». Зато туда, в свою очередь, не были включены те несколько тысяч заключенных, которые работали на «лагхозобслуге» т.е. на обслуживании заключенного контингента.

41. См. ниже: таблица 4.

42. В Норильске это, прежде всего, означало: инженеры и специалисты, окончившие геологические, горные, горно-металлургические, химические или прочие технические институты. Но, разумеется, что и другие специальности, как бухгалтеры, экономисты, врачи и пр. могли оказаться полезными.

43. См. напр.: Чебурекин П.В. Воспоминания (без названия). Московский Архив «Мемориал». Ф. 2. Оп.1. Д. 125. ЛЛ. 15—16. Винтенс Ф.И.: указ. соч. Л. 28.;

Торвин С.С.: указ. соч. Л. 124.; Старовойтов А.Е. Воспоминания (без названия). Московский Архив «Мемориал». Ф. 2. Оп. 1. Д. 115. Л. 40.; Нумеров: указ. соч. С. 402.

44. См. напр.: Равдель З.И.: Воспоминания (без названия). Московский Архив «Мемориал». Ф. 2. Оп. 1. Д. 100. ЛЛ. 133—135.; также: Соколов А.П.: Мне повезло: я по спецнаряду // Возвращение памяти. Историко-архивный альманах, Новосибирск. 1997. С. 266-273, здесь: С. 267. — автору этого произведения было предложена работа самим Завенягиным.

45. Приказ НКВД № 0424 от 27-го сентября 1940 г. «О мероприятиях по улучшению работы Норильского комбината».

46. Такая гипотеза подтверждается случаем вышеуказанного бывшего заключенного Соколова, который, будучи металлургом и находясь в другом лагере на положении рядового заключенного, написал заявление в ГУЛАГ с просьбой о получении работы по специальности, в результате чего он был отправлен в Норильск, где он стал работать в химической лаборатории комбината. См. Соколов А.П.: указ. соч. С. 266—267.

47. так предполагает Винтенс: указ. соч. Л. 35.

48. Так: Керсновская. Указ. Соч. С. 220.

49. Винтенс: указ. соч. Л. 33.

50. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1д. Д. 1118. ЛЛ. 67—68.

51. См. Винтенс: указ. соч. Л. 41. Торвин: указ. соч. ЛЛ. 129, 134. Старовойтов: указ. соч. Л. 43. Керсновская: указ. соч. ЛЛ. 220-221. Ассанов: указ. соч. С. 14.

52. Винтенс: указ. соч. ЛЛ. 41—42.

WORK IN GULAG: DYNAMICS AND STRUCTURE OF THE LABOUR FORCE IN THE NORILSK CAMP

The article is devoted to studying of features of use of forced labour in the USSR in 1930-1950-th on a material of a separate camp complex — the Norilsk corrective-labour camp with well defined economic function and rather wide industrial structure. It“s role in GULAG“s economy and in the industry of nonferrous metals of the USSR is determined. Reconstruction of dynamics of quantity, death rate, the general and professional structure of prisoners is carried out.

L.I. Borodkin, S. Ertts

Н.В. Суржикова

ТРУДОИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ВОЕННОПЛЕННЫХ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ (НА МАТЕРИАЛАХ СРЕДНЕГО УРАЛА)

После многолетней табуизации тема военного плена оказалась в 1990-е гг. в числе наиболее изучаемых и обсуждаемых проблем Второй мировой войны. При этом среди целого ряда ее аспектов особое место занял вопрос о трудовом использовании иностранных военнопленных в СССР. Целью данной статьи является анализ наиболее артикулируемых в исторической литературе посылок и подходов к его решению, базирующийся на материалах Среднего Урала. В 1942—1956 гг. через местные лагеря прошло свыше 250 тыс. бывших вражеских военнослужащих. В процентном соотношении к общесоюзным показателям это немного — чуть более 6 % общего числа всех узников УПВИ-ГУПВИ НКВД-МВД СССР [1]. Однако именно Средний Урал стал тем регионом, где возникли одни из первых тыловых лагерей для военнопленных на территории СССР. В то же время территория края стала местом отправки из Советского Союза последних эшелонов с репатриируемыми пленными на родину. На карте страны трудно найти другую такую область или республику, где вражеские пленные пребывали столь длительный период — с 1942 г. по 1956 г. Поэтому материалы о лагерях иностранных военнопленных в Свердловской области и судьбах их заключенных с известной долей условности можно назвать уникальными. Они позволяют проследить эволюцию политики Советского государства по отношению к оказавшимся в его власти вражеским военнослужащим и выявить механизмы ее реализации в отдельно взятом регионе.

Большинство исследователей полагают, что принудительное участие пленных в производственных процессах было вполне органично для существовавшей в СССР экономической системы — системы «подневольного социализма» или «государственного рабства» [2], сущностной характеристикой которой являлся административно-мобилизационный механизм организации труда.

Несколько миллионов бывших вражеских военнослужащих использовались в СССР в качестве рабочей силы более десяти лет, а значит, их трудом создавалась часть совокупного национального продукта. По данным В.П. Галицкого, с 1943 г. по 1950 г. иностранными военнопленными всех национальностей было выработано 1,077 млрд. человеко-дней [3]. Много это или мало?

В.Б. Конасов по этому поводу отмечает, что реальный вклад военнопленных в развитие народного хозяйства СССР был весьма существенным [4]. Автор известной в России и за рубежом книги «Архипелаг ГУПВИ. Плен и интернирование в Советском Союзе 1941—1956» С. Карнер, конкретизируя тезис своего российского коллеги, неоднократно подчеркивает, что в послевоенные годы в Стране Советов едва ли существовали экономические проекты без участия военнопленных [5], и, видимо, исходя из этого, смело оперирует

формулировками «не последняя роль военнопленных», «достигнуто в основном в результате работы военнопленных и интернированных», «основной источник рабочей силы» [6]. Исследователь М. Колеров вообще приходит к выводу, что после войны военнопленным и интернированным принадлежала роль основного трудового ресурса советской экономики, поскольку в 1945 г. доля лиц принудительного труда среди экономически активного населения СССР превышала 12 % [7]. Остается неясным, что в данном случае понимается под определением «основной трудовой ресурс», почему автор рассматривает 1945 г. как показательный для всего послевоенного периода, какова доля в названных 12 % иностранных военнопленных.

Выводы С. Карнера и М. Колерова требуют более строгой аргументации еще и потому, что практически никто из специалистов, занимающихся изучением проблемы, не оспаривает факта низкой производительности труда бывших вражеских военнослужащих. Более того, сам С. Карнер указывает, что «несмотря на немалые доходы, получаемые лагерями от заказчиков за работу содержавшихся в них военнопленных, баланс большинства лагерей ГУПВИ вплоть до самого их расформирования оставался отрицательным» [8]. В этом же русле рассуждает И.В. Безбородова, утверждая, что доход от использования труда военнопленных в СССР ни разу не достиг фактических расходов по их содержанию, и даже после перевода всех лагерей на самоокупаемость осенью 1945 г. они продолжали оставаться дотационными объектами в системе НКВД-МВД СССР [9]. Трудно представить, что пленные, зарабатывая меньше, чем требовалось для удовлетворения их самых скромных потребностей, могли выступать в качестве ударного звена при решении важнейших народнохозяйственных задач.

Существует несколько трактовок низкой производительности труда военнопленных. И.В. Безбородова усматривает корень проблемы в явной недостаточности норм продовольствия вражеских военнослужащих, оказавшихся во власти СССР. Она поясняет, что обеспечить нормальные условия содержания, а главное — питание, необходимое для лиц, занятых тяжелым физическим трудом, в стране, ведущей ожесточенные боевые действия, на территориях, разоренных и опустошенных врагом, было сложно, а иногда и невозможно. Совершенно иначе объясняет малопродуктивность труда пленных С. Карнер. Пленные не выполняли нормы выработки из-за того, что стремились сделать работу тщательно, в то время как от них в первую очередь требовалось количество, а не качество труда. Если прибавить к этому «советскую бесхозяйственность, личное обогащение и всеобщую взаимную зависимость, а также невозможность строгого контроля в отдаленных областях» [10], то, по мнению С. Карнера, лагеря УПВИ-ГУПВИ НКВД-МВД просто не могли не быть «глубоко убыточными». Такой порядок мыслей, по меньшей мере, не совсем убедителен. Подневольный труд никогда не являлся и по определению не мог являться высокопроизводительным. К слову, в годы Первой мировой войны работодатели также столкнулись с проблемой низких производственных показателей иностранных военнопленных [11].

Ряд историков акцентирует внимание на том, что предметом особого интереса «компетентных органов» была профессиональная принадлежность военноп-

ленных, которую СССР использовал в военных целях. Об этом, в частности, пишет М. Борхард [12]. С. Карнер также отмечает, что Советский Союз использовал значительный интеллектуальный и технический потенциал пленных. Уже в 1946 г. были отобраны 1600 высококвалифицированных специалистов (570 инженеров общего машиностроения, почти 260 инженеров строителей и архитекторов, около 220 инженеров-электриков, свыше 110 докторов физико-математических наук и техников и др.), от которых можно было ожидать изобретений, патентов научных открытий. В результате Советский Союз получил почти 100 научно-технических предложений, которые использовались в народном хозяйстве [13]. Действительно, и профессиональным исследователям, и широкой общественности известны факты привлечения иностранных специалистов к разработке новых технологий и видов вооружений [14]. Однако подавляющее большинство военнопленных использовалось на низкоквалифицированных работах не по специальности, поскольку тяжелый физический труд всегда был неотъемлемой чертой экономики НКВД, являясь мерой социального наказания. Кроме того, оценить степень значимости для советской экономики иностранных специалистов по количественным параметрам невозможно, здесь требуются прежде всего качественные характеристики.

Вслед за И.В. Безбородовой [15] сегодня большинство историков полагают, что вплоть до окончания войны труд военнопленных за пределами лагерей использовался редко, и вся их трудовая деятельность сводилась к внутрилагерным работам по самообслуживанию. Широкое использование труда узников УПВИ-ГУПВИ НКВД-МВД на стройках и предприятиях страны началось с 1946 г., когда в важнейшие отрасли народного хозяйства СССР было направлено свыше 1800 тыс. военнопленных [16]. Табл. 1 показывает, в каких отраслях в основном были использованы пленные.

Вопреки распространенному мнению, труд военнопленных в народном хозяйстве Среднего Урала широко применялся на контрагентских началах, — то есть путем предоставления рабочей силы подопечных ОПВИ НКВД предприятиям других наркоматов, — начиная уже с 1942 г. Лагеря военнопленных на Среднем Урале изначально создавались как производственные. Так, во исполнение Постановления ГКО № 1709 от 6 мая 1942 г. «Об использовании военнопленных на торфоразработках Наркомата электростанций» и одноименного Приказа НКВД СССР № 00929 от 8 мая 1942 г. на территории Свердловской области в кратчайшие сроки были созданы Монетно-Лосиновское (2000 чел.) и Басьяновское (1000 чел.) батальонные отделения с военнопленными, которые работали на предприятиях «Свердлторфтреста» [17]. Приказом НКВД СССР № 002597 от 28 ноября 1942 г. «О размещении и трудоиспользовании военнопленных» для использования пленных на предприятиях и лесоразработках Наркомата лесной промышленности СССР были организованы Тавдинский (3000 чел.) и Лобвинский лагеря. Одновременно для работы пленных на предприятиях Наркомата промышленности строительных материалов был развернут лагерь в Асбесте. С 1943 г. в соответствии с Приказом НКВД СССР № 00689 от 9/11 апреля 1943 г. «О расширении существующей сети и строительстве новых лагерей НКВД для военнопленных и спецконтингента» лагеря Свердловской области

Таблица 1

Распределение военнопленных по отраслям производства

	На 5 декабря 1944 г.	На 17 мая 1945 г.	На 1 июня 1946 г.	На 1 апреля 1947 г.	На 1 января 1948 г.	В среднем
Содержится военнопленных в лагерях, чел.	435 388	555300	1 851 210	1 629 872	1 605 654	
Распределение пленных по наркоматам (министерствам), в % к общему количеству						
Угольной промышленности	19,6	18,9	7,9	8,2	10,1	**13,0**
Внутренних дел	12,4	10,2	15,1	22,6	13,2	**14,7**
Строительства*	11,2	9,1	16,0	16,9	12,8	**13,2**
Обороны, вооружений, боеприпасов	7,1	11,0	12,2	9,8	5,1	**9,04**
Черной и цветной металлургии	8,2	6,4	4,6	3,2	2,0	**4,9**
Путей сообщения	2,3	3,7	5,2	4,2	1,6	**3,4**
Машиностроения**	2,06	3,3	3,7	4,5	2,06	**3,1**
Целлюлозно-бумажной промышленности	4,4	4,68	2,0	2,0	1,04	**2,8**
Промышленности строительных материалов	3,0	4,1	2,5	2,46	1,4	**2,7**
Жилищное гражданское строительство	0,8	6,7	1,8	2,6	1,1	**2,6**
Авиационной промышленности	3,92	3,4	1,9	1,9	1,3	**2,5**
Электростанций	1,24	1,7	3,3	3,2	2,0	**2,3**
Лесной промышленности	1,4	1,2	2,7	2,0	0,7	**1,6**

Источник: Военнопленные в СССР.1939–1956. Документы и материалы. М., 2000. С.592, 604, 662, 685, 711.

* До 1946 г. строительство находилось в ведении Наркомата строительства. В 1946 г. было организовано несколько министерств: Министерство строительства топливных предприятий, Министерство строительства предприятий тяжелой индустрии, Министерство строительства военных и военно-морских предприятий.

** За 1944–1945 гг. данные приводятся по Наркомату тяжелого машиностроения, затем — по Министерствам тяжелого машиностроения, транспортного машиностроения, сельхозмашиностроения, среднего машиностроения.

стали предоставлять пленных предприятиям Наркомата цветной металлургии. В целях обеспечения рабочей силой строительства Богословского алюминиевого завода в июле 1944 г. на территории Среднего Урала специально был создан лагерь на 5 тыс. военнопленных с номером 197 [18].

В последующие годы военнопленные, пребывавшие в лагерях Свердловской области, были закреплены за предприятиями и министерствами следующим образом:

— военнопленные Асбестовского лагеря № 84 — за трестом «Союзасбест» и Цементным заводом № 450 Министерства промышленности стройматериалов (МПСМ), трестом «Свердлес» Министерства лесной промышленности (МЛП);

— военнопленные Нижне-Тагильского лагеря № 153 — за трестом «Тагилстрой» МВД;

— военнопленные Краснотурьинского лагеря № 197 — за трестом «Базстрой» МВД;

— военнопленные Алапаевского лагеря № 200 — за трестом «Уралтяжстрой» Министерства тяжелого строительства (Минтяжстрой), заводом № 1 ГВИУ КА Министерства Вооруженных сил (МВС), строительством железнодорожной линии «Сосьва—Алапаевск» Министерства путей сообщения (МПС);

— военнопленные Уральского лагеря № 245 — за Верхнесалдинским металлургическим заводом, Высокогорским рудоуправлением и Рудником им. III Интернационала Министерства металлургической промышленности (ММП), трестом «Уралмашстрой» Минтяжстроя и заводом № 183 им. И.В. Сталина Министерства тяжелой промышленности (Минтяжпром);

—военнопленные Дегтярского лагеря № 313 — за трестом «Дегтярмедьруда», Северским металлургическим заводом, Среднеуральским медеплавильным заводом, Титано—магнизитовым рудником ММП, трестом «Трубстрой» Минтяжстроя;

— военнопленные Нижнеисетского лагеря № 314 — за трестом «Уралтяжстрой» Минтяжстроя, заводом «Новострой» и Шабровским тальковым рудником МПСМ, Уральским алюминиевым заводом ММП, Арамильской суконной фабрикой и заводом № 508 Министерства легкой промышленности, совхозом «Исток» УМВД по Свердловской области;

— военнопленные Новолялинского лагеря № 318 — за трестом «Свердлес» МЛП, Новолялинским целлюлозо-бумажным комбинатом, строительством Верхотурской ГЭС Министерства электростанций (МЭС);

— военнопленные Красноуральского лагеря № 376 — за трестом «Красноуральскмедьруда», Красноуральским медеплавильным заводом и Гороблагодатским рудоуправлением ММП, заводом № 72 Министерства сельхозмашин, строительством Нижнетуринской ГЭС МЭС;

— военнопленные Кировградского лагеря № 377 — за трестом «Кировградмедьруда» Кировградским медеплавильным заводом и прииском «Уралзолото» ММП, Цементным заводом МПСМ;

— военнопленные Карпинского лагеря № 504 — за трестами «Волчанскуголь», «Богословуглестрой» и «Богословжилстрой» Министерства угольной промышленности (МУП), трестом «Базстрой» МВД и трестом «Главуралмедь» ММП;

— военнопленные Артемовского лагеря № 523 — за трестом «Свердловскоблтоп», трестом «Егоршингрэсстрой» МЭС, трестом «Егоршиншахтстрой» МУП, трестом «Свердлес» МЛП, заводом № 576 МВС и Ирбитским мотозаводом;

— военнопленные лагеря № 531 — за трестом «Свердлес» МЛП, трестом «Свердлопромстрой» Минтяжпрома, строительством Среднеуральской ГРЭС МЭС, Среднеуральским медеплавильным заводом и Верхнепышминским медьэлектролитным заводом ММП;

— военнопленные Востокураллага, Ивдельлага и Севураллага — за лесными заводами НКВД-МВД [19].

Из приведенных данных следует, что в 1942—1949 гг. труд военнопленных лагерей Свердловской области, как и по всей стране, наиболее широко применялся в строительстве, добывающей и металлургической промышленности, на предприятиях топливно-энергетического комплекса и лесозаготовках, а также в экономике НКВД—МВД.

С окончанием массовой репатриации пленных к 1950 г. на территории Свердловской области был развернут лагерь № 476 для военных преступников — самый крупный из 11 особорежимных лагерей на территории СССР. Основную массу его заключенных составляли осужденные за преступления против мира и человечности военнопленные. Они трудились исключительно на стройках Среднего Урала, как того и требовали предписания МВД СССР о трудовом использовании военных преступников. За 1950—1955 гг. узники лагеря № 476 построили около 90 объектов промышленного и социально-бытового назначения. По имеющимся данным, на 25 апреля 1953 г. они выводились на 54 производственных объекта; на середину июля 1955 г. — 27 объектов: из отделения № 1 — на объекты Нижнеисетского стройуправления треста «Уралтяжтрубстрой»; из отделения № 2 — на строительные объекты треста «Свердлпрмстрой»; из отделения № 3 — на объекты Первоуральского стройуправления треста «Уралтяжтрубстрой»; из отделения № 4 — на объекты Ревдинского стройуправления треста «Уралтяжтрубстрой»; из отделения № 5 — на объекты Отдела капитального строительства Дегтярского рудоуправления; из отделения № 6 — на строительные объекты треста «Союзасбест»; из отделения № 7 — на строительство Ключевского завода ферросплавов треста «Уралтяжтрубстрой»; из отделения № 8 — на строительные объекты Хозяйственного отдела Управления МВД по Свердловской области [20].

Очевидно, что большинство пленных вражеских армий трудилось не в экономике НКВД-МВД, а предоставлялось в качестве рабочей силы другим наркоматам и министерствам. В этом — одно из главных отличий трудового использования иностранных военнопленных и заключенных ГУЛАГа. По замечанию В.Н. Земскова, к концу войны и непосредственно после нее количество советских заключенных, занятых на контрагентских работах, увеличивается. Однако ситуации в целом это не изменило. По имеющимся сведениям, из 2 258 957 чел, содержавшихся на 1 сентября 1948 г. в лагерях и колониях ГУЛАГа, на предприятиях и стройках других ведомств работало 499 994 чел., или 22 % заключенных, остальные использовались на объектах, подведомственных МВД СССР [21].

Было бы неверным полагать, что труд военнопленных лагерей Свердловской области использовался исключительно на вспомогательных и низкоквалифицированных работах. Для военнопленных — специалистов в разных областях науки и техники были созданы условия для творческой работы. При лагерях № 84, 245, 314 и 504 были организованы конструкторские бюро, группы изобретателей и рационализаторов. К работе по изобретательству было привлечено до 50 военнопленных с высшим и специальным образованием (профессо-

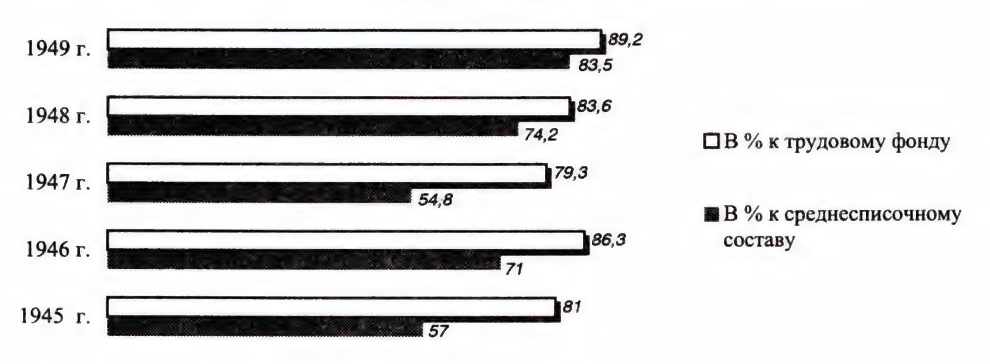
ра, доктора наук и инженеры) и большое количество рационализаторов из числа рядовых рабочих [22]. Военнопленными лагеря № 314 за весь период его существования было внесено 250 рационализаторских предложений. В лагере № 504 только за 1947 г. от военнопленных поступило 20 рационализаторских предложений, из которых 6 были внедрены в производство. Так, военнопленный Адольф изготовил пресс воздушного давления для производства шлакоблокового кирпича, с применением которого на заводе треста «Богословскуглестрой» производительность увеличилась в 6 раз [23].

Вывод военнопленных на производство напрямую зависел от их физического состояния, которое определяло количество трудовых ресурсов в лагерях ОПВИ НКВД-МВД по Свердловской области, подлежавших использованию на стройках и предприятиях региона. Год от года количество это увеличивалось — с 70,5 % общего числа военнопленных в 1945 г. до 93,5 % в 1949 г. [24]. Исключение составляет только 1947 г., когда после отмены всех дополнительных норм довольствия и снижения общей калорийности питания с 3000—3500 до 2500—2700 калорий в сутки [25] число трудоспособных пленных резко сократилось.

Вместе с ростом трудового фонда в лагерях постепенно увеличивался процент выводимых на работы хозорганов пленных — с 57,0 % всех узников лагерей Среднего Урала в 1945 г. до 83,5 % в 1949 г. [26].

Диаграмма 1

*Вывод военнопленных из лагерей Свердловской области на производство**

Источник: РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.108

* Данные за 1942—1944 гг. отсутствуют.

Однако, несмотря на постоянный рост вывода пленных на работы за пределами лагерей, они никогда не составляли сколько-нибудь заметной части экономически активного населения региона. В 1945 г. на производство выводилось военнопленных —38,8 тыс. чел., 1946 г. — 53,0 тыс. чел., 1947 г. — 32,9 тыс. чел., 1948 г. — 23,8 тыс. чел., 1949 г. — 12,9 тыс. чел. [27] По итогам единовременных мартовских учетов численности работающих в на-

родном хозяйстве Свердловской области в 1945 г. были заняты 869 802 чел, 1946 г. — 843 342 чел, 1947 г. — 955 786 чел, 1948 г. — 943 342 чел. [28] Исходя из этих цифр, удалось установить, что в 1945 г. удельный вес военнопленных среди занятых на государственных предприятиях и в учреждениях жителей Свердловской области не превышал 4,5 %, 1946 г. — 6,3 %, 1947 г. — 3,4 %, 1948 г. — 2,6 %, в среднем за эти годы — 4,2 % [29].

Вместе с тем, следует отметить, что на некоторых производствах удельный вес военнопленных в общем балансе рабочей силы был весьма значителен. Есть сведения, что в 1946 г. из 19,7 тыс. рабочих треста «Тагилстрой» военнопленные составляли 3,8 тыс. чел. или 19,3 %, из 7,1 тыс. рабочих треста «Уралтяжстрой» — 2,0 тыс. чел. (28,6 %), из 8,5 — рабочих треста «Базстрой» — 2,6 тыс. чел. (30,6 %) [30]. На 5 марта 1947 г. доля пленных в общем количестве рабочих авиационной промышленности СССР составляла более 30 %, строительстве топливных предприятий и предприятий тяжелой индустрии — соответственно 27,7 % и 20,1 %, целлюлозно-бумажной промышленности — 27,2 %, промышленности стройматериалов — свыше 24 %, черной и цветной металлургии — 5,9 % и 15,9 %, на электростанциях — 16,8 %, угольной промышленности — 10 % [31]. Эти цифры, несмотря на их внушительность, указывают на необходимость критического подхода к тезису о том, что военнопленные иностранных армий составляли основу трудовых ресурсов советской экономики.

Полные данные о количестве выводимых на работы хозорганов военных преступников лагеря № 476 в период 1949—1955 гг. отсутствуют. При этом есть сведения, что в 1951—1954 гг. за его пределами трудилось от 68,6 % до 81,5 % всех его узников. Казалось бы, с заметным улучшением материально-бытовых условий в лагерях военнопленных в послевоенный период и переводом части из них в категорию военных преступников показатели вывода на производство хозорганов должны были увеличиться за счет офицеров и генералов, которые теперь привлекались к труду на общих основаниях с рядовыми и унтер-офицерами, а также за счет сокращения ослабленного контингента. Но этого не произошло, и в 1951—1954 гг. показатели вывода военных преступников на контрагентские работы ни разу не достигли уровня 1949 г. Объясняется это спецификой контингента лагеря № 476. Во-первых, среди его заключенных было немало осужденных военнопленных старшего офицерского состава — в массе своей уже нетрудоспособных лиц преклонного возраста. Во-вторых, поскольку в лагере № 476 содержались «убежденные фашисты», часть из них систематически отказывалась выходить на работу, предпочитая проводить время в лагерном карцере. И, наконец, в-третьих, узники лагеря могли не выводиться на производство по «оперативным соображениям», находясь, к примеру, под следствием.

Анализ архивных материалов показывает, что в начальный период пребывания иностранных военнопленных в лагерях Среднего Урала производительность их труда была чрезвычайно низкой. По сообщению начальника Монетно-Лосиного лагерного отделения, заключенные которого трудились на добыче торфа, в течение июня-июля 1942 г. производственное задание было выполнено всего

на 30—40 %. В августе руководство лагеря докладывало, что «работа лагеря, как по использованию военнопленных на работах, так и по выполнению ими производственной программы, значительно улучшилась. Так, на Монетном торфопредприятии большинство работающих бригад военнопленных нормы выполняют и перевыполняют по всем видам работ свыше 100 % ежедневно» [32]. Между тем, сообщалось, что на Лосиновском торфопредприятии за весь летний сезон 1942 г. план добычи торфа «ни одного дня выполнен не был».

Документы архивов недвусмысленно указывают на то, что причиной низкой производительности труда военнопленных было отсутствие необходимых для нормальной жизнедеятельности условий в лагерях, прежде всего недостаточность питания. Со всей наглядностью это отразилось на показателях трудового использования военнопленных Басьяновского лаготделения. Начальник и комиссар лагеря сообщали, что если за июнь 1942 г. их подопечные выполнили производственный план на 73,9 %, то за первые десять дней августа эта цифра составила 63,7 %, снизившись на 10 %. После введения во второй половине августа новых, пониженных норм питания военнопленных процент выполнения производственной программы сокращается до 50 %, а в сентябре — до 32 %. На содержание военнопленных Басьяновского лагеря с момента его создания до 1 октября 1942 г. было потрачено 447 327 рублей, а заработали они за этот период всего 243 698 рублей или 54 % от суммы общелагерных расходов [33].

Лагеря военнопленных Свердловской области оставались нерентабельными и содержались за счет дотаций из государственного бюджета до третьего квартала 1945 г. К концу 1945 г. на самоокупаемость перешли лагеря № 313, 314, 376, 504 и 531, сдав при этом в доход государства 3 669 тыс. рублей [34]. Однако полной рентабельности всех лагерей военнопленных Свердловской области удалось добиться только во второй половине 1949 г. [35]. При плановом убытке в 13,5 % лагеря военнопленных, по подсчетам работников производственного отдела, оказались в 1945—1949 гг. самоокупаемыми на 102,5 % [36]. К сожалению, проверить, насколько эти подсчеты отражали действительное положение дел в разрезе отдельных лагерей, не представляется возможным, а только путем обобщения этих данных можно восстановить реальную картину. Имеющиеся же сведения по одному из лагерей Свердловской области — Нижнетагильскому лагерю № 153 — показывают, что после перехода на самоокупаемость с 1 октября 1945 г. по 1949 г. его заключенными было заработано 7 313 тыс. рублей, а на их содержание за это же время было затрачено 22 057 рублей. Таким образом, доходы от трудового использования военнопленных в три раза уступали расходам лагеря; в денежном выражении фактический убыток составил 14 744 тыс. рублей [37]. Представляется вполне вероятным, что аналогичная ситуация имела место и в других лагерях военнопленных, а потому есть основания не доверять приведенным в официальных отчетах цифрам.

В полной мере это относится и к показателям производительности труда пленных. По документам, представленным чиновниками областного ОПВИ в Москву, в 1949 г. она достигла 144,8 %, увеличившись по сравнению с 1945 г. на 38,4 % [38]. В то же время другие источники свидетельствуют, что воен-

Таблица 2

Рентабельность лагерей военнопленных Свердловской области (1945–1949 гг.)

Показатель	Год					Итого
	1945	1946	1947	1948	1949	
Всего содержится военнопленных, чел.	68 046	74 962	60 285	32 166	15 486	
Валовая сумма выработки, тыс. руб.	146 253	242 574	174 907	140 362	95 710	799 806
Плановая стоимость содержания военнопленного в месяц , руб.	200,0	250,0	456,0	456,0	456,0	364,0
Фактическая стоимость содержания военнопленного в месяц, руб.	172,0	232,0	358,0	353,0	422,0	307,0
Выработка на одного военнопленного в месяц, руб.	178,0	271,0	242,0	362,0	515,0	314,0
Плановая рентабельность лагерей, %	89,0	108,5	53,1	79,4	113,0	86,5
Фактическая рентабельность лагерей, %	103,5	116,9	67,6	102,5	122,0	102,0

Источник: РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.121.

нопленные работали со значительно меньшей отдачей, чем вольнонаемные советские рабочие на тех же производственных объектах. К примеру, занятые на предприятиях Красноуральского рудоуправления военнопленные в среднем выполняли установленную норму выработки: в 1944 г. — на 52,2 %, 1945 г. — 64,3 %, 1946 г. — 68,3 %. За эти же годы советские рабочие вырабатывали соответственно 130,0 % , 127,7 % и 120,3 % планового задания. Остается непонятным, почему производительность труда вольнонаемных рабочих треста «Красноуральскмедьруда» год от года снижалась, — в данном случае важно не это. Несмотря на отрицательную динамику производительности труда советских рабочих и положительную динамику производительности труда военнопленных, последним так и не удалось приблизиться к показателям выработки вольнонаемной категории трудящихся [39].

На другом предприятии — Среднеуральском медеплавильном заводе — средний процент выполнения нормы военнопленными составлял в 1947 г. — 102,0 %, в 1948 г. — 111,1 %; в то же время советские рабочие выполняли плановые задания соответственно на 124,7 % и 129,7 % [40]. Не исключено, что «своим» предоставляли более выгодные участки работ, чем военнопленным. Но было ли это правилом, неизвестно. Более вероятно, что советские рабочие трудились с большей самоотдачей, чем узники лагерей областного ОПВИ.

Проведенное исследование проблемы организации и эффективности трудового использования иностранных военнопленных лагерей Среднего Урала

позволяет сделать следующие выводы. Вопреки традиционному представлению об ограниченности использования труда военнопленных за пределами лагерей вплоть до 1945 г., вывод бывших солдат и офицеров вражеских армий на стройки и предприятия Свердловской области получил широкое распространение уже с 1942 г. Существенное значение при этом имело благоприятное расположение региона в глубоком тылу. Максимальное привлечение вражеских военнослужащих к труду, вероятно, было обусловлено еще и тем, что во время войны Средний Урал не только приобрел все характерные черты регионального военно-промышленного комплекса, но и стал «опорным краем державы», и его экономика постоянно требовала пополнения трудовых ресурсов, истощенных войной. Принципиальной особенностью является также и то, что труд военнопленных лагерей Свердловской области с безусловным преобладанием использовался в тяжелой индустрии, горнодобывающей и лесозаготовительной промышленности, а также строительстве.

Эффективность трудоиспользования пребывавших в неволе военнослужащих иностранных армий в свете имеющихся источников вызывает некоторые сомнения. Прежде всего, это связано с тем, что в обстановке военного и послевоенного времени удовлетворение их минимальных потребностей в питании, одежде, медицинской помощи и т.д. было сопряжено с огромными трудностями, а потому представляется весьма маловероятным, что труд ослабленных и истощенных пленных был высокопроизводительным. В то же время нельзя не отметить постепенного повышения, по крайней мере, с 1945 г. производительности труда узников областного ОПВИ.

Вообще же рассмотрение вопроса об эффективности трудового использования иностранных военнопленных на Среднем Урале явно требует своего продолжения. Дальнейшее продвижение в данном направлении затруднено как минимум двумя обстоятельствами. Во-первых, историку, ставящему перед собой задачу объективного анализа проблемы, требуется надежная источниковая база, которая бы позволила вычислить реальную производительность труда узников лагерей военнопленных Среднего Урала, а вместе с тем — установить, насколько заработанные ими суммы покрывали затраты на их же содержание. Доступные же на сегодняшний день архивные материалы, несмотря на наличие в них статистической информации, изначально малорепрезентативны. Во-вторых, даже владея всеми действительно значимыми экономическими параметрами трудоиспользования военнопленных, следует помнить об общем своеобразии ценообразования «экономики социализма».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Решение задач по приему и содержанию пленных в СССР было возложено на созданное в сентябре 1939 г. Управление по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР (УПВИ). На местах, где были созданы лагеря и лагерные подразделения для военнопленных также были созданы отделения (отделы) по делам военнопленных и интернированных (ОПВИ). В 1944 г. УПВИ было переименовано в Главное управление по делам военнопленных и интернированных

(ГУПВИ), а с 1953 г. его функции были переданы Тюремному управлению МВД СССР.

2. Палецких Н.П. Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. Челябинск, 1995. С.23, 27.
3. Галицкий В.П. Немецкие военнопленные в восстановлении народного хозяйства СССР // Вторая мировая война и преодоление тоталитаризма. М., 1997. С.69.
4. Конасов В.Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Вологда, 1996. С.153.
5. Карнер С. Архипелаг ГУПВИ. Плен и интернирование в Советском Союзе 1941–1956. М., 2002. С.157, 164.
6. Там же. С.160, 176, 179.
7. Колеров М. Военнопленные на стройках коммунизма // Родина. 1997. № 9. С.79–83.
8. Карнер С. Указ.соч. С.168.
9. Безбородова И.В. Организация трудоиспользования военнопленных, интернированных в лагерях НКВД-МВД СССР в годы Второй мировой войны // Проблемы военного плена: история и современность. Мат-лы Междунар. науч. конф. Вологда, 1996. С.51.
10. Карнер С. Указ.соч. С.171.
11. Фактически целиком из жалоб работодателей на низкую производительность труда пленных составлены источники: ГАСО. Ф.45. Оп.1. Д.272; ГАСО. Ф.123. Оп.1. Д.10. См. также: ГАСО. Ф.24. Оп.14. Д.964. Л.184.
12. Borchard M. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. Zur politischen Bedeutung der Kriegsgefangenenfrage 1949–1955. Wien, 2000.
13. Карнер С. Указ.соч. С.166.
14. См. об этом: Германские авиационные специалисты в Советской России. Судьба и работа. 1945–1954 (Московский регион: Подберезье, Савелово, Тушино, Химки) / Сост. Ю. Воронков, В. Зрелов, С. Кувшинов, Ю. Михельс. М., 1996; Швилкин Б. Духи от Гартмана. Над секретным атомным проектом в Сухуми работали известные немецкие физики и химики // Независимая газета. 1997. 4 февр.
15. Безбородова И.В. Указ.соч. С.51. См. также: Она же. Иностранные военнопленные и интернированные в СССР: из истории деятельности Управления по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР в послевоенный период (1944–1953 гг.) // Отечественная история. 1997. № 5. С.165–173. Безбородова И.В. Управление по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР (1939–1953 гг.): Дисс. ... к.и.н. М., 1997.
16. «Военнопленные ознакомились с методами социалистического строительства»: Докладная записка МВД СССР / Публикация Сидорова Н. // Источник. 1999. № 1. С.84.
17. Архив УФСБ РФ по СО. Ф.1. Оп.1. Д.133. Л.67–69, 92–93.
18. Военнопленные в СССР. М., 2000. С.111–112, 547, 562, 583–584.
19. РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.5. Л.21–42, 218–221, 280–282; Д.6. Л.88–96; Д.108. Л.1; Д.143. Л.1; Д.171. Л.1; Д.196. Л.1; Д.247. Л.1; Д.250. Л.1; Д.291. Л.1; Д.292. Л.1; Д.346. Л.1; Д.351. Л.1.

20. Отдел спецфондов ИЦ ГУВД СО. Ф.56. Оп.1. Д.33. Л.4–7; РГВА. Ф.1п. Оп.1т. Д.17. Л.7.
21. Земсков В.Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. № 7. С.7.
22. Смыкалин А.С. Колонии и тюрьмы в Советской России. Екатеринбург, 1997. С.159; Архив УФСБ РФ по СО. Ф.9. Оп.1. Д.66. Л.66–67.
23. РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.247. Л.93; Д.346. Л.112–113.
24. РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.101.
25. РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.193; Долголюк А.А. Продовольственное снабжение военнопленных в СССР // Проблемы военного плена... Ч.2. С.76.
26. РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.109.
27. Там же. Л.108.
28. ГАСО. Ф.1813. Оп.1. Д.833. Л.2,3, 141 (об); Д.843. Л.4, 334, 335; Д.934. Л.3 (об), 203; Д.1214. Л.12, 13, 56 (об).
29. РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.108; ГАСО. Ф.1813. Оп.1. Д.833. Л. 2, 3, 141 (об); Д.843. Л.4, 334, 335; Д.934. Л.3 (об), 203; Д.1214. Л.12, 13, 56 (об).
30. Отдел спецфондов ИЦ ГУВД СО. Ф.56. Оп.1. Д.33. Л.30–33; РГВА. Ф.1п. Оп.6т. Д.1. Л.139–140.
31. Военнопленные в СССР... С.680.
32. Архив УФСБ РФ по СО. Ф.1. Оп.1. Д.133. Л.92–93, 120.
33. Архив УФСБ РФ по СО. Ф.1. Оп.1. Д.134. Л.36, 37, 37 (об.).
34. РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 341. Л. 122.
35. Там же. Л.123.
36. Там же. Л.121.
37. РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.143. Л.46.
38. РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д.341. Л.113.
39. ГАСО. Ф.Р2201. Оп.1. Д.76. Л.3, 9–14, 19–22, 26–27, 34–37, 43,46, 48, 64–68, 78–79, 84–88, 102–105, 111, 114, 124, 126–127, 130, 140, 147, 150.
40. ГАСО. Ф.Р2415. Оп.1. Д.43. Л.4, 7, 26, 29; Ф.2201. Оп.1. Д.76. Л.3, 9–14, 19–22, 26–27, 34–37, 43,46, 48, 64–68, 78–79, 84–88, 102–105, 111, 114, 124, 126–127, 130, 140, 147, 150.

LABOUR USE of FOREIGN PRISONERS OF THE SECOND WORLD WAR: MYTHS AND THE REALITY (ON MATERIALS OF THE MIDDLE URALS)

The article is devoted to labour use of foreign prisoners of the Second world war in the Middle Urals. The author proves, that work of prisoers was applied in economy of this region since 1942. The basic spheres of its use, as well as in all country, were the construction, extractive, iron and steel industries, the enterprises of a fuel and energy complex and timber cutting, and also economy NKVD-MVD. Contrary to opinion occuring today, prisoners of the war never made bases of a manpower in the Middle Urals.

N.V. Surzhikova

Л.В. Сапоговская

ЗОЛОТО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОИЗВОДСТВО И ОБРАЩЕНИЕ[1]

Особая роль золота в экономической истории XX в.[1] и понимание наличия собственной золотодобычи, как *фактора национальных моделей экономик*, нацеливают на изучение современной истории производства и обращения золота[2]. Актуализация проблематики определяется также тем, что для реформируемой постсоветской России характерны драматичный поиск путей развития и своеобразная «ревизия» всех сфер мобильных ресурсов и резервов. Какова роль собственной золотодобычи в модернизационной динамике — потенциальная и реальная? Каковы важнейшие тенденции эволюции экономики золота в РФ? Какой вектор национальной политики в данной сфере выстроился в перспективу XXI века? Таковы основные вопросы, к которым автор хотел бы обратиться в предлагаемой статье.

В использовании архивных фондов по «истории золота» сохраняется иерархия их доступности для исследователей, определяемая «режимом секретности», рассматриваемый, совсем недавний, период фактически еще не стал достоянием архивов, поэтому основными типами использованных источников стали: законодательство, текущие материалы и аналитика действующих институтов, связанных с производством и обращением золота, материалы интервьюирования представителей соответствующих институтов[3], периодика и ресурсы интернета.

* * *

РФ стала «наследницей» экономики золота СССР, представлявшей собой сферу монопольного жесткого контроля и управляющего влияния государства. Состояние и перспективы развития золотопромышленности определялось системой фиксированных цен, ограниченностью внутреннего спроса, дефицитом оперативно-финансовой мобильности добывающих предприятий и низким «запасом рентабельности» добычи[4]. Накануне распада СССР золотопромышленность стала предметом пристального внимания правительства, что в т.ч. выразилось в передаче отрасли из компетенции Министерства цветной металлургии в *прямое* ведение Совета министров (постановление ЦК КПСС и Совета министров «О совершенствовании управления промышленностью по добыче драгоценных металлов и природных алмазов» от 14 апреля 1988 г.). Это решение было связано с необходимостью придания отрасли особого статуса в условиях истощения притока в страну «нефтедолларов» особой востребованности валютного металла

1 Исследование по теме «Национальная золотопромышленная политика XVIII- XX вв. или: Нужно ли России золота» проводится автором при поддержке Совета по грантам Президента РФ «Молодые доктора наук» и государственной поддержке ведущих научных школ (грант 01-15-99509).

для «захлебнувшейся «перестройки». Попытки упорядочить платежный баланс страны обращались в распродажу части «стратегического» золотого запаса; в иерархии средств обновления большое место занимал импорт западных технологий, с другой стороны, на золото приобреталось большое количество, работавших на *имидж* новой власти, западных потребительских товаров[5].

Энергетика преобразований новой структуры — «Главалмаззолота» Совмина СССР, подключившей к проблемам отрасли мобилизационный ресурс советской экономики, дала свои плоды — уровень годового производства 1989-1999 гг. превысил рекордную для 80-х гг. отметку 300 тонн (прирост на порядок 14-16%), был ненадолго восстановлен уровень объема золотого запаса страны середины 80-х гг. (около 850 тонн в 1984 и 1989 гг.). *Но* резкое сокращение общих объемов производства золота (добыча из недр, попутное и вторичное извлечение) последовало уже в 1991 г. — с 302 (1990 г.) до 168 тонн (См. Табл.1., Рис.1). Характер дальнейшей динамики — в 1992-1994 гг. добыча держалась на уровне 140-150 тт. тонн, к которому, после ряда спадов (критический — до 115 т. в 1998 г.) возвратилась в 2000 г. с последующим приращением в 2002 гг. (163 т.), свидетельствует о правомерности характеристики положения отрасли в течение 90-х гг. как «балансировании на грани кризиса»[6].

Состояние отрасли было обусловлено характером процессов реформирования экономики, задававшими общий контекст развития отрасли, ориентирами и реализационными механизмами собственно золотопромышленной политики. Развитию негативных процессов в немалой степени способствовала практически хроническая на протяжении 90-х гг. *институциональная неопределенность* золотопромышленной политики. Некоторое время отрасль оказалась просто вне системы управления, предприятия — фактически «бесхозными». Из-за противодействия союзных органов, нереализованным осталось постановление Совмина СССР (от 11 января 1991 г.) об образовании собственно российского (республиканского) Главного управления золотоплатиновой и алмазной промышленности, в последующий период организационных преобразований и суверенизаций это послужило одной из причин потерей отраслью управляемости.

Образованный при Министерстве экономики и финансов РФ, Комитет драгоценных металлов и драгоценных камней стал правопреемником «Главалмаззолота» Совмина СССР. Ожидавшихся действенных мер по упорядочению государственного регулирования, рационализации условий функционирования отрасли не последовало, поскольку комитет действовал преимущественно в рамках ограниченных функций прежнего Гохрана: «принял — оплатил, отпустил — получил»[8]. В феврале 1993 г. предприятия отрасли были переданы в ведение специального Комитета РФ, на который было возложено проведение *единой федеральной политики* в области добычи, производства, использования и экспорта драгоценных металлов[9]. Но, во-первых, на развитие деятельности Роскомдрагмета негативное влияние оказала «судьба» долго не принимавшегося базового закона — основания для «регулирования » были размытыми; во-вторых, этот теоретически высокополномочный орган просуществовал совсем недолго — уже в конце 1996 г. Роскомдрагмет был упразднен, а его функции

Таблица 1.

Динамика производства золота и состояния государственного золотого запаса в 1984-2002 гг.[7]

Год	Производство (тонн)	Государственный запас (тонн)
1984	253	850
1985	264	719,5
1986	271,3	587,4
1987	260	680,9
1988	277,6	785,3
1989	304	850,4
1990	302	784,6
1991	168,1	484,0
1992	150,2	290
1993	149,5	305
1994	142,6	317
1995	131,9	293
1996	123,3	380
1997	124,1	400
1998	114,9	405
1999	123,5	411
2000	142,7	377
2001	150,4	
2002	163,7	

— рассредоточены. Частично они перешли к Департаменту драгоценных металлов и драгоценных камней новообразованного Министерства промышленности РФ[10], частично к Гохрану Министерства финансов[11], в отрасли, таким образом, сложилось своеобразное «двоевластие». Но и на этом «чехарда» ответственных за экономику золота правительственных органов не завершилась — с совсем скорым (март 1997 г.) упразднением Министерства промышленности, его функции в данной сфере перешли к Министерству экономического развития, специальная Комиссия по драгоценным металлам и драгоценным камням была создана при Правительстве РФ.

Основами политики в сфере золота на первом этапе ее обновления в РФ стало *разгосударствление* — ограничение государственной монополии, основы основ развития отрасли в течение предшествующих десятилетий, и *приватизация*. Концепция и правовые основы регулирования отношений в сфере драгоценных металлов были определены в Указе Президента «О добыче и использовании драгоценных металлов и алмазов на территории РСФСР» (от 15 ноября 1991 г.), провозгласившем ориентиры либерализации золотодобывающей деятельности. Последовавшее в январе 1992 г. постановление правительства «О

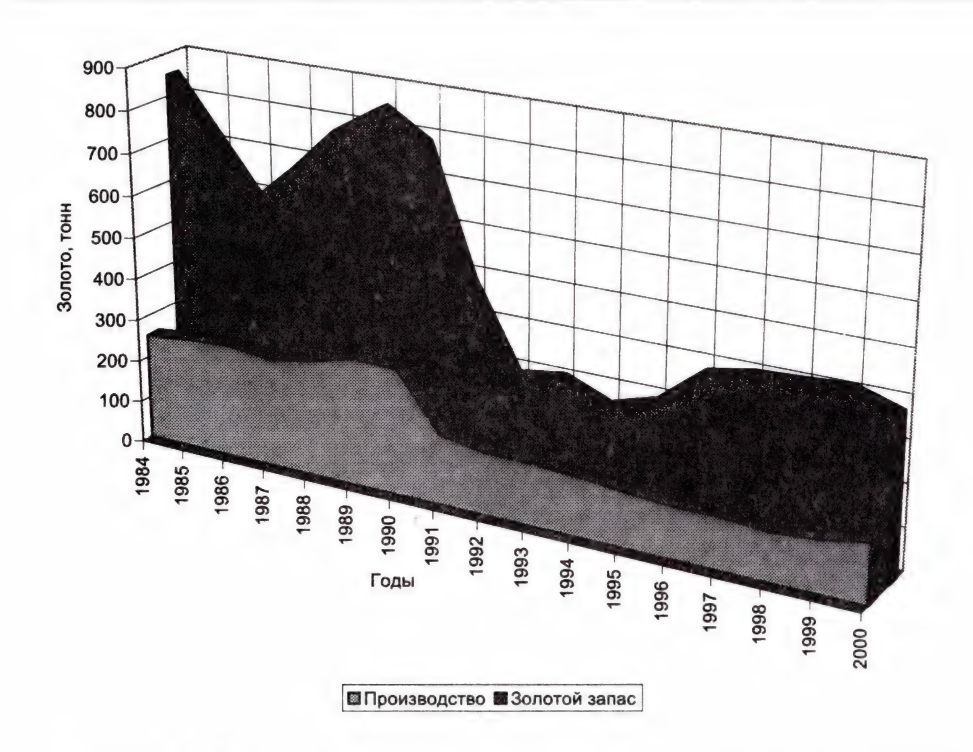

Рисунок 1. Динамика производства золота и состояния государственного золотого запаса в 1984-2000 гг.

добыче и использовании драгоценных металлов и алмазов на территории Российской Федерации и усилении государственного контроля над их производством и потреблением» подтверждало традиционную противоречивость внутреннего и внешнего статуса золота: с одной стороны, провозглашалась государственная монополия на драгметаллы и алмазы на внешнем рынке (ответственность за всяческие ее нарушения усиливалась); с другой, право на золотодобычу было предоставлено *всем* юридическим лицам РФ (процедура оформления была освобождена от ряда формальностей, фактически утвердилась т.наз. явочная система организации золотодобывающих предприятий[12]).

Приватизация в отрасли проходила стремительно — в геометрической прогрессии в первой половине 90-х гг. росло число предприятий. «Преждебывшие» крупные приватизировались по частям, как «грибы после дождя» организовывались старательские артели[13], развитие получила практика индивидуальной трудовой деятельности. Вместо 12-14 крупных региональных объединений (руководители которых буквально знали друг друга в лицо и консолидированно лоббировали интересы отрасли в правительственных инстанциях), функционировало около 800 мелких и мельчайших фирм. Фактически это стало «сломом» самого механизма, уклада деятельности отрасли, единого золотодобывающего производственного комплекса более не существовало. Тенденция укрупнения производственных единиц наметилась со второй половины 90-х гг., по данным

на 1998 г. в золотодобыче действовало уже 470 предприятий — 397 из них (84,5%) с объемом добычи менее 300 кг золота в год, около половины имела годовую добычу менее 100 кг[14].

Общая стратегия рыночной экономики в делах отрасли проявлялась в опытах либерализации цен на золото. Введение новой системы ценообразования имеет свою предысторию, и в столь политизированный период отечественной истории она соответствующе окрашена — низкие цены на закупаемое государством золото породили волну забастовок в отрасли, после пика которых (январь 1992 г.) Президент РФ и подписал давно готовившийся указ о новой «протокольной» системе цен. Цена ежемесячно *фиксировалась* (исчисляясь на основе цен лондонской золотой биржи *и* усредненного курса рубля к доллару) и вводилась в действие протокольным решением Минфина РФ. Постановлением правительства РФ от 30 апреля 1992 г. устанавливались единые расчетные цены за золото, сдаваемое в Гохран для всех регионов страны, сдатчиков и потребителей (независимо от формы собственности предприятий), единые отпускные — для нужд промышленности (ранее они были льготными) и для расчетов с прочими покупателями.

В январе 1992 г. в сориентированной на скорое обновление России были «отпущены цены», регулировать которые был призван «свободный рынок». Но в золотопромышленности, с ее фиксированной ценой и обязательной продажей золота государству-монополисту, этот механизм действовать не мог. Ценовые ножницы «состригали» всю прибыль производителей. В течение 1990-1994 гг. издержки золотодобычи выросли в 26 раз, цена на золото поднялась всего в 11 раз — в отрасли массово разорялись предприятия, директорат сохранившихся «ностальгировал» по дифференцированной расчетной политике советских времен[15]. Для поощрения золотодобычи, особым распоряжением правительства *временно* устанавливался частичный расчет за золото в свободно конвертируемой валюте (сначала 25%, а с декабря 1993 г. — 40%). Принятию таких неординарных мер поддержания золотодобычи способствовало становившееся все более удручающим состояние государственного фонда драгоценных металлов, провозглашенного в одном из первых Указов Президента «важнейшим условием» *суверенитета* страны[16]. Валютными льготами отрасли объясняется тот факт, что за 1991-1999 г. золотодобыча в стране сократилась на 25,6%[17] в то время как общий спад производства в стране достиг уровня 40-50% (уровень *де*индустриализации).

В 1990 г. золотой запас Российской Федерации составлял 784 тонны, к 1998 г. он снизился почти на половину — до 405. Вряд ли *и* в наше время, когда по закону о государственной тайне сведения о размерах золотого запаса «засекречиванию не подлежат»[18], можно *прокалькулировать* истраченные четыре сотни тонн запаса и около 1100 тонн добытого за этот период. Громкое Думское расследование по вопросам «движения ценностей госфонда в период 1989-1995 гг.» обнаружило противоречивость данных об объемах и направлениях «золотопотоков», зияющие информационные провалы, расходящиеся (и весьма значительно) базовые показатели[19]. На начало 90-х гг. приходился самый значительный объем внешней реализации золота, дававшего не только

возможность финансового маневра в трудной ситуации, но и проявившего свое значение в качестве конечной формы резерва в условиях экономического кризиса. В правительстве шла острая борьба по вопросу о том, где должен храниться золотой запас[20]. Так называемые «золотые обмены» (когда золото временно передавалось западному контролю и управлению, а правительство РФ получало компенсацию, основанную на цене менее рыночной[21]) и коммерческие операции были настолько масштабны, что в т.ч. с приливом на мировой рынок больших объемов золота из посткоммунистических стран связываются значительные колебания цен[22] (в 1990 г. цена одной тройской унции составляла около 382 долларов, в 1992 г. — 343, в 1997 г. — 330, в 1998 г. — 295, в 2000 — 277[23]). Поскольку бюджет РФ «трещал по всем швам», государство нуждалось в мобильных средствах, траты производились в значительных объемах и, как правило, экстренном порядке. Именно в период правления Б.Н. Ельцина страна начала, как никогда раньше, «проедать накопленное предыдущими поколениями национальное богатство»[24]. Оборот золота госрезервов был в это время *безостановочным*, глава Центробанка В. Геращенко в мае 1993 г., например, определив «примерный» его уровень в 100-150 тонн, заявил, что «назвать точную цифру невозможно, так как золотом государство расплачивается за западные кредиты, наиболее ценные товары»[25].

Спад золотодобычи наносил ущерб интересам страны, государство искало пути ее восстановления и развития. Первым официальным свидетельством собственно *рыночных* перспектив драгметаллов стал указ Президента РФ от 16 декабря 1993 г. «О развитии рынка драгоценных металлов и драгоценных камней». Именно им было снято табу с самого понятия «рынок драгметаллов». Центробанк по согласованию с Минфином получил право выдавать коммерческим банкам особые лицензии на право проведения операций с золотом, заявлялась необходимость создания специализированных бирж. К концу 1994 г. государство покупало 50% объема добычи, 20-30% реализовывалось через Центральный Банк, а также пролицензированные коммерческие банки, оставшуюся долю (20-30%) продуценты могли продавать самостоятельно (с условием последующего вложения вырученного в развитие производства). Действовала система квот обязательных продаж золота государству, Центробанк и Гохран в этот период активно «скупали» (за наши неконвертируемые рубли и с большими задержками) все крохи золота, добываемого из российских недр.

Допущение к реализации золота — «святая святых» монополиста-государства, «внешних» субъектов форсировалось кризисным финансовым положением власти. В 1994 г., в ходе разработки Роскомдрагметом, Минэкономики, Минфином и Банком России проекта Федеральной программы по драгметаллам на 1995-2000 г., выяснилось, что федеральный бюджет «*не в состоянии* обеспечить авансирование золотодобычи в полном объеме»[26]. Ассоциация российских банков, где в октябре 1995 г. была создана Секция по благородным металлам, занялась изучением проблемы, разработкой программы перехода от государственного финансирования отрасли к банковскому ее кредитованию на рыночных основах, что решало бы троякую задачу — сохранения отрасли, освобождения государства от бюджетной нагрузки, получения для банков новой

ниши деятельности. В течение 1996 г. уже более 110 коммерческих банков страны стали обладателями «золотых лицензий», а пяти банкам было в порядке эксперимента предоставлено право вывоза золота в слитках за границу для залоговых операций в целях привлечения кредитов[27].

Сформированный порядок был, безусловно, более адаптированным к новым условиям, но *квази*рыночная его природа стала для всех агентов своеобразной «золотой клеткой». Однажды купив золото у добывающих предприятий или госинститутов, коммерческие банки могли продавать их только друг другу или опять же госинститутам, фиксированные цены на золото делали для них нецелесообразным, экономически невыгодным финансирование добычи. ЦБ был ограничен в средствах и производителям мог оказать поддержку в весьма ограниченных пределах. Правительство же, монопольно владея всем добытым в стране золотом, было не в состоянии в полной мере и должном порядке рассчитаться за него с добывающими фирмами. Для золотодобывающих предприятий, заключали практики, — «механизма для реализации свободных % добычи как не было, так и нет»[28]. Фактически то был *замкнутый круг*, который делал золото малоликвидным. Основным средством реализации золота в стране оставались продажи за рубеж. Что касается «золотого маркетинга» этого периода, следует отметить, что новые «прокапиталистические» дилеры от российских правительств были «*менее способными* игроками на рынке золоте, чем их коммунистические предшественники», что признают и отечественные и западные аналитики[29]. Нарастание внешнего долга позволяло краткосрочным потребностям скорее, чем долгосрочным интересам, определять практику в данной сфере.

Позиция власти была в основе своей внутренне противоречивой — с одной стороны, активизировались *вне*государственные структуры, с другой, государство стремилось к тщательному контролю над обращением золота. Полярные стратегии развития сферы золота представляли два основных субъекта политики — Центральный банк и Гохран РФ. Первый ратовал за максимизацию рыночных механизмов, второй — не просто поддержание, но *усиление* контролирующего и регулирующего воздействия государства. Правительство оказалось не в состоянии консолидировать субъектов обновляемой экономики золота, что в полной мере проявилось в судьбе нового *базового* закона о драгоценных металлах, подготовка и согласование которого проходили «в муках», затянувшись на шесть с половиной лет. Отставание нормативно-правовой базы от реальных потребностей производства было одной из наиболее характерных черт золотопромышленной политики 90-х гг. Состояние правового обеспечения породило среди производителей горькую идиому о золоте как «глупом» металле, из которого «и сделать ничего нельзя, и сплошные судебные разбирательства».

Золотопромышленная политика «переводилась на рыночный язык» неумело, крайне сбивчиво и непоследовательно, что отчетливо проявилось во всех ее направлениях. Правительства 90-х гг. шли по пути введения паллиативных «*дополнительных*» мер. Именно так — «О дополнительных мерах по развитии рынка драгоценных металлов» называлось правительственное постановление от 25 ноября 1995 г., посвященное организации бирж. Центробанк и Гохран

получили *преимущественное* право покупки драгметаллов у предприятий, последние — право продавать *оставшуюся или невыкупленную* (!) часть золота. Постановление было «мертворожденным» поскольку, во-первых, непродуктивно разграничивало сферы обращения золота, во-вторых, директировало особый статус Центрального банка, по сути, формируя его «двойной пресс»[30] (на валютной и золотой биржах).

Иррациональные экономические условия внутреннего обращения золота сдерживали и без того стагнировавшее производство, возросший теневой оборот приобретал угрожающие масштабы[31]. В поисках путей выхода из кризиса, выдвигались различные проекты — шел напряженный диалог государственный структур и финансово-промышленных сил. Специально созданной полномочной правительственной комиссии не удавалось в системе действовавших нормативно-правовых актов, примирить интересы всех сторон, вязанных с оборотом драгметаллов. Практики говорили о саботаже чиновников, чиновники упрекали практиков в вопиющей экономической безграмотности. А в это время для того, чтобы быть реализованным в качестве залога, золото сначала обращалось на «реализацию самого себя». Действовала пресловутая схема «золото на золото» — для обеспечения закупки золотодобычи часть своих резервов Гохран продавал, чтобы рассчитаться с золотодобывающими фирмами. По данным на 1994 г. с этими целями было продано 40 т. золота, в 1996 г. глава Гохрана Е.М. Бычков сожалел о том, что ему не удалось («не успели») продать 60 тонн для расчетов с долгами золотодобытчикам[32].

Ассоциация российских банков выступила с заявлениями, в которых требовала: ускорить принятие документов, устанавливающих *договорные* цены на золото, установить квоты на экспорт золота для банков *не ниже авансированной ими добычи*, заменить нерыночные займы федеральной программой поддержки банковских инвестиций в отрасль. Некоторое время активно обсуждалась идея создания «Золотого клуба» (Гохран, ЦБ, пролицензированные банки), в рамках которого участники могли «договариваться» о ценах. Департамент финансов, бюджета и денежного обращения Аппарата Правительства, настаивал на жесткой государственной монополии по установлению цен. Деструктивно на развитие отрасли влияли разногласия между Минфином и Центральным банком, претендовавшим на ведущие позиции в управлении золотовалютными резервами.

Все программно-теоретические построения правительственных ведомств о подъеме отечественной золотодобычи «разбивались» о непреложный факт отсутствия необходимых финансовых средств. По данным Союза золотопромышленников России, в эти годы обязательства перед золотодобытчиками государство выполняло лишь формально, отрасль теряла до 40% прибыли в год. Предложенная министерством финансов вексельная схема финансирования поставок золота, предусматривавшая выпуск Гохраном нерыночных государственных облигаций, в условиях дефицита средств, в принципе не могла оживить ситуацию.

Постановлением правительства «О внесении изменений в порядок регулирования цен (тарифов) на драгоценные металлы» от 30 июня 1997 г., с целью

«привлечения в сферу производства ресурсов на внутреннем рынке» было *упразднено государственное регулирование цен* на драгметаллы. Расчетные цены предлагалось фиксировать исходя из данных Лондонского фиксинга — в долларах США, с пересчетом в рубли по курсу Центробанка на день, предшествующий оплате. Отпускные цены на золото, реализуемое потребителям из Гохрана, устанавливались и фиксировались по «взаимосогласованной договоренности применительно к ценам мирового рынка, с учетом спроса и предложения и компенсации Гохрану».

Но, сказав «А», надо было говорить и «Б». Очевидно, что в отсутствие экспортных операций привязка внутренней цены на золото к общемировым экономически нецелесообразна. Указом Президента РФ от 23 июля 1997 г. «О некоторых мерах по либерализации экспорта из Российской федерации аффинированного золота и серебра» либерализация операций с внутреннего рынка распространилась на внешний — банки получили право экспорта драгметаллов. Это решение получило развитие в постановлении «Об экспорте из РФ аффинированного золота и серебра, осуществляемого кредитными организациями» (февраль 1998 г.). И хотя оно, будучи облеченным в жесткие формы обязательных лицензирования, визирования контрактов, квотирования объемов, вызвало у банков недовольство, они начали приобщаться к новой сфере деятельности.

Ситуация в отрасли крайне обострилась именно к рубежу 1997-1998 гг. ЦБ, официально заявлявший, что для поддержки золотодобытчиков будет скупать *все предлагаемое* золото[33], в конце 1997 г. неожиданно и решительно прекратил заключать договоры купли-продажи (эта ситуация получила у специалистов образное название «золотой паузы»). Реакция банков на позицию правительства была мгновенной и многоплановой — они приняли решение не покупать золота у производителей, прекратили финансирование программ в этой сфере, снизили (на 10-15%) цены на продаваемые населению золотые слитки[34].

Последовал самый тяжелый, «черный» Новый год в новейшей истории отечественной золотопромышленности. На начало 1998 г. задолженность государства перед сдатчиками, по данным Союза золотопромышленников России, составляла около 1 млрд. (деноминированных) руб. В 1998 г. объем российской добычи снизился до минимального уровня — 115 тонн. Сложное положение золотодобывающих фирм было обусловлено грабительским порядков расчетов (золото государством покупалось примерно за 50% биржевой цены, вычитая аванс (и процент с него), то есть за грамм металла при мировой цене около 10 долларов на руки золотодобытчики получали 15 тыс. руб., с которых еще платились налоги; но и эти деньги предприятия получали не сразу, примерно через пять месяцев к новому сезону).

Необходимые решения явно запаздывали, отсчитывая сроки агонии отрасли, функционировавшей в крайне нерациональной правовой и налоговой среде (речь, по мнению практиков, шла уже только о том «насколько поздно» произойдет ее рациональная модернизация). В марте 1998 г., наконец, был принят столь долго обсуждавшийся базовый закон РФ «О драгоценных металлах и камнях».

Ликвидировав государственную монополию, но, оставив золото в категории валютных ценностей, закрепив принятые знаковые решения в важнейших сферах производства и обращения золота, закон фактически утвердил сложившуюся на момент принятия «расстановку сил», в т.ч. закрепилась ранее вынужденная, теперь осознанная *«отстраненность»* государства от проблем производства, внутреннего и внешнего обращения золота.

«Дальше идти в либерализацию рынка уже просто некуда», — констатировалось в резюмирующих документах Конгресса по рынку драгоценных металлов и камней[35]. *Но* рыночно ориентированные законы сами по себе не создают эффективного механизма. Обратимся к характеристике функционирования этого специфического рынка в рубежные годы XX-XXI вв., интересов и положения *основных* его субъектов — государства, коммерческих банков, недропользователей, а также аффинажных и перерабатывающих и заводов, ювелирного комплекса, потребляющих отраслей промышленности.

Государство потенциально оставило за собой роль *привилегированного* участника рынка, сохранило определенные механизмы изъятия рыночных отношений, восполняя своих директивных начал. В августе 2000 г. функции по проведению государственной политики в сфере золота были вновь перемещены, на сей раз из Министерства экономического развития в Министерство финансов[36]. В рамках последнего была определена организационная структура в лице трех подразделений — Управления по драгоценным металлам и драгоценным камням, Гохрана и Пробирной палаты. Управление по драгоценным металлам и драгоценным камням МФ, как явствует из уставных законоположений, обеспечивает проведение *единой государственной промышленной политики* при добыче, производстве и переработке драгоценных металлов предприятиями всех форм собственности; участвует в разработке федерального бюджета, осуществляет лицензирование по девяти видам деятельности в данной сфере. Что касается Гохрана, то с 1996 г., когда был утверждено изменение его статуса[37], он, во-первых, выполнял функции «кармана» действующего правительства, средства из которого используются на текущие нужды, так называемые «малые дела»; во-вторых, поддерживаемым запасом обеспечивал «мобилизационный ресурс государства», необходимый для обеспечения нужд оборонной промышленности; в-третьих, вел учет всех сделок купли-продажи золота у производителей. В соответствии с действующим законодательством, все операции с ценностями Госфонда России строго регламентированы, их отпуск осуществляется *только* по решению Президента и Правительства РФ. Участие Гохрана на рынке обеспечивалось *преимущественным* правом покупки золота для нужд правительства, экономическим рычагом этой его практики была более высокая закупочная цена.

В течение 90-х гг. XX в. Гохран закупал ежегодно около 22-27 тонн золота. Существенным является тот факт, что в последние два с лишним года с непосредственными производителями золота Гохран *не работает*, его постоянным и практически единственным партнером является «Росювелирторг» (пояснения начальника Управления отпуска, расчета и ценообразования Гохрана РФ В.Г. Гончарова, отметившего также, что в значительной мере это связано с сохранением задолженности производителей по прежним договорам в объеме около 500

млн. руб.[38]). Закупочная политика Гохрана в ближайшей ретроспективе представляется лишенной последовательности, что отражало перипетии правительственных курсов. В период 1998-1999 гг. он следовал политике минимизации закупок, 1998 и 2000 гг. были ознаменованы выдвижением действовавшими главами Гохрана амбициозных планов развертывания функций и наращивания объемов резервов, «декларацией намерений составить конкуренцию коммерческим банкам»[39]. В 2001 г., напротив, глава Гохрана В.В. Рудаков, ратуя за низведение валютного статуса золота, по-новому определял функции руководимого им ведомства[40].

По действовавшему законодательству ЦБ России с производителями также не работает, он может покупать золото *только* у коммерческих банков. До 1998 г. все покупаемое у производителей золото, коммерческие банки продавали ЦБ, альтернативным ему покупателем они просто не располагали. С разрешением экспорта золота коммерческим банкам объем приобретаемого ЦБ золота, резко пошел на убыль — со 100 тонн в 1997, с 54,7 до 26,7 т. в 1999-2000 г. и 12,5 тонн в 2001 г.[41]. Именно период 1997-1998 гг. стал поворотным в отношении правительственных кругов к структуре золотовалютных резервов, *перспективных* приоритетов в сторону последних, то есть валюты. При нестабильности мировых цен на золото, ЦБ предпочитал вкладывать деньги не в золото, но в валюту, доля золота в золотовалютных резервах в течение 90- гг. снизилась с 33,1% до 12,4%. Современную позицию ЦБ предельно конкретно сформулировала начальник его Отдела методологии управления операций с драгметаллами Л. Селюнина: «ЦБ закупает *все* золото, которое ему *предлагают* коммерческие банки»[42].

«Ядром» современного отечественного рынка золота, таким образом, являются коммерческие банки. Государство практически прекратило финансирование добычи золота и стало приобретать его только для пополнения специальных фондов Гохрана, а также в небольших объемах — для увеличения золотовалютных резервов Центрального банка. В последней трети 90-х гг. коммерческие банки закупают порядка 80% (около 100 тонн) добываемого из российских недр золота. В 2000 г. впервые уже в первом квартале коммерческими банками было приобретено практически все золото добычи года и инвестировано в виде кредитных ресурсов — более 200 млн. долларов (для сравнения по федеральной целевой программе «Производство золота и серебра в России на период до 2000 г.» предусматривалось общего объема инвестиций 5,73 млн. долларов)[43]. Если в 1998 г. объем коммерческого рынка составил около 50 тонн золота, 60 тонн купило государство, то в 2000 г. при объеме производства 144 тонны, 112 купили коммерческие банки (реально заключили договора на 140 тонн), 25 — Гохран, 7 — аффинажные заводы. В 2001 г. лицензии на операции с золотом имел 161 отечественный банк, договоры с недропользователями заключили 48 банков[44]. Львиная доля покупаемого коммерческим банками золота продается ими за границу. По данным Союза золотопромышленников в 2000 г. из России было экспортировано 76 тонн золота, в 2001 — около 100 т.

Решение о либерализации экспорта было направлено на поддержание «руками банков» отечественных производителей золота, соблюдение же государственных интересов при данной схеме реализации золота можно поставить под

сомнение, поскольку золото из страны «уходит», и государство лишается прибыли от этого вида ресурсов, перспектив его реализации в будущем[45]. Банки финансируют отрасль, *авансируя* добычу — перед началом сезона они заключают с предприятиями договоры на полную квоту добычи и выдают кредитные ресурсы (денежные и товарные). Такой «посезонный», «одноразовый» характер финансовых отношений между производителями и банками, безусловно, поддерживая отрасль, в *минимальной* степени связан с перспективами совершенствования технико-технологического облика предприятий.

Очевидно, что самым зависимым и страдающим элементом сформированной системы обращения золота является недропользователь. По оценке Петербургского экономического форума (IV, июнь 2000 г.), российская золотодобыча сегодня откатилась на уровень начала XX в. На перспективах развития отрасли, положении производителей отрицательно сказывались механизмы ценообразования, нерациональная система налогообложения. Три ступени взимания сборов, отчислений, платежей и налогов (от стоимости товарной продукции, с балансовой прибыли, с налогооблагаемой прибыли) составляют в среднем по отрасли от 21 до 29,5% стоимости добытого[46]. По расчетам специалистов, до 1996 г. *доля налогов в себестоимости* золота имела тенденцию к повышению, а с 1996 г. — практически не изменилась[47]. На состояние производства существенное влияние оказывают высокая стоимость кредитов, а также тот факт, что производители сегодня *не* могут напрямую работать со всеми участниками рынка.

В 90-е гг. в России возлагались большие надежды на привлечение в золотодобывающую промышленность зарубежных инвестиций. Так, Федеральной программой «Производства золота и серебра на период до 2000 г.» предусматривалось на ввод и реконструкцию золотодобывающих предприятий привлечь 1246 млн. долларов. Реально же, по данным Министерства экономического развития, из планируемых (и предварительно подготовленных) на 1996-1999 гг. иностранных инвестиций в объеме 842 млн. долларов, удалось привлечь 232 млн., т.е. 27,5%[48].

Наметившаяся к началу нового века тенденция выхода российской золотодобывающей промышленности из кризиса вряд ли обладает необходимым *запасом прочности*. Статистика свидетельствует, что основную долю прироста дают 2-3 крупнейшие компании[49], за вычетом доли которых наблюдается преимущественно понижательная тенденция остальной сферы производителей. Явен дефицит «крупных национальных корпораций», в рамках которых была бы возможна прогрессивная полная отработка золотого ресурса — эксплуатация не только богатейших, но самых различных по горно-геологическим, инфраструктурным условиям месторождений (на сегодня лишь около 20 недропользователей имеют возможность реализовать крупные проекты в области золотодобычи). Государственных (т.е. не частных и акционерных) золотодобывающих предприятий в отрасли по данным на 1999 г. было всего девять, это небольшие предприятия, которые суммарно дали всего 0,36% объема общей добычи[50]. Общий характер правовых и финансовых условий значительно сдерживают также тенденции формирования *качественной* структуры (соотношение рудной и россыпной добычи) отечественной золотодобычи — разработка рудных

месторождений более выгодна, стабильна и прогнозируема, но первоначальные затраты на их освоение на несколько порядков выше, чем на россыпные и требуют дефицитных «длинных» средств.

Достаточно очевидно и то, что отрасль в 90-е гг. поддерживалась и периодически восстанавливалась на разнице курса рубля и доллара, Председатель Союза золотопромышленников России В.И. Брайко, признал, что дефолт августа 1998 г. «буквально спас российских производителей золота»[51]. Практикующие специалисты, работающие на рынке золота, свидетельствуют о ее *«скрытом напряженном состоянии»*. Председатель Комитета по драгоценным металлам АРБ С.Г. Кашуба, пытаясь выразить настроения, господствующие в сфере производства, не далее как осенью 2001 г. констатировал: «как это ни прискорбно, в отрасли *ждут* (!) падения рубля»[52]. Помимо прочего последнее ярко свидетельствует о порочной *изолированности* отрасли, ее неэффективной «встроенности» в системy хозяйствования, модернизационные процессы.

Состоявшаяся в ноябре 2000 г. Третья Международная деловая конференция «Российский рынок драгоценных металлов и драгоценных камней» [53], отметила, что основным препятствием развития сферы золота является «отсутствие единой государственной политики»[54]. Один из документов Оргкомитета РДМК с красноречивым названием «Поможем президенту России навести порядок на рынке?» подтвердил готовность «оказать *на общественных началах* российским властным структурам ...немедленную и деятельную поддержку в части разработки концепции и политики государства». «Политики, как таковой, в сфере добычи и обращения золота на сегодня нет», — констатировал годом позже председатель Союза золотопромышленников России В.Н. Брайко, заостряя внимание на то, что по алмазо-брильянтовому комплексу программа была принята, а по золоту — «не состоялась»[55].

Принятый в 1998 г. базовый федеральный закон «О драгоценных металлах и драгоценных камнях»[56] в настоящее время *не отвечает* необходимым требованиям. Изначально компромиссный, он был нацелен на закрепление *поновленных* статусов экономических агентов, задействованных в этой сфере, но не был обращен в будущее, потому реально работающим не стал. Юристами же признано, что *ни один* из появившихся в последнее десятилетие законодательных актов не требует в целях его полной реализации принятия столь значительного количества нормативных правовых актов нижестоящего уровня[57].

Закономерен вопрос о причинах складывания такой ситуации программной и законодательной *не*обеспеченности сферы золота. В этой связи приходится констатировать, прежде всего, неопределенность самой позиции правительства. Все ее проявления восходят в конечном итоге к, по сути, оставшемуся «открытым» вопросу о *государственных приоритетах и национальных интересах России в сфере золота*. Именно здесь сфокусированы важнейшие принципиальные области проблем — как определяющих стратегию экономического развития страны, так и сугубо практических отраслевых. Первая связана, прежде всего, с определением механизмов внутреннего и внешнего обращения добываемого с учетом перспектив эволюции статуса золота, его «функционала». Вторая — с постановкой дела золотодобычи на уровень прогрессивно-эффективного

ресурсопользования, экономически «экологичного» — то есть, не наносящего вреда системе в целом) хозяйствования.

Состояние и современная эволюция международной валютной системы актуализировали сегодня рассмотрение проблем будущих перспектив экономического статуса золота[58], в т.ч. для России в плане банковских и денежных реформ[59]. Не вторгаясь в данной статье в сферу экономического анализа, отметим, что данная проблематика остается остро дискуссионной, но содержание дискуссий утверждает во мнении о явно *недостаточной реализации в России потенциала* собственной золотодобычи, *недопустимости утраты Россией преимуществ* в данной сфере. И речь в данном случае идет не о миражах экономической респектабельности — небрежение проблемой, при нынешнем состоянии дел в золотопромышленности, может привести к необратимому упущению коренных стратегических интересов страны.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. напр.: Weston R. Gold. A World Survey. L., 1983; Bordo M.D. The Gold Standard: Myth and Realities. San Francisco: Pasific Institute. 1984; Аникин А.В. Золото. Международный экономический аспект. 2-изд. М., 1988; Flanders M.J. International Monetary Economics: 1870-1960. Cambridge: Cambridge University Press. 1989; и др.
2. В данной статье автором рассматривается период 1991-2001 гг.
3. В течение 2001 г. были проведены интервью с директором Гохрана РФ В.В. Рудаковым, начальником Управления отпуска, расчета и ценообразования Гохрана РФ В.Г. Гончаровым, Председателем Комитета по драгоценным металлам Ассоциации Российских Банков С.Г. Кашубой, Председателем Союза золотопромышленников России В.Н. Брайко, руководителями ряда золотодобывающих и золотоперерабатывающих предприятий.
4. Сравнительные данные о запасе рентабельности золота по ведущим золотодобывающим странам см. напр.: Борисов С.М. Мировой рынок золота: тенденции и статистика // Финансы и кредит. 1997. №6. С. 47.
5. См. напр.: Allian. K. Gold and Political Market. N.Y. 1988. P. 111-114.
6. РДМК- 2000. М., 2001. С. 54.
7. См.: Данные Госкомстата РФ. www.info.gks.ru; Российский статистический ежегодник. 1999. С. 602-603. Гуссейнов Э. Как размывался золотой запас России // Финансовые известия. 1996. №51.
8. Лешков В.Г., БельченкоЕ.Л., Гузман Б.В. Золото российских недр. М., 2000. С. 133.
9. Постановление Совета министров РФ от 12. 02. 1993. №4.
10. Постановления Правительства РФ от 18 декабря 1996 г. №1511 «Об утверждении Положения о Министерстве промышленности РФ».
11. Постановления Правительства РФ от 21 ноября 1996 г. №1378 «О создании при Министерстве финансов РФ Государственного учреждения по формированию Государственного фонда драгоценных металлов и драгоценных камней РФ, хранению, отпуску и использованию драгоценных металлов и драгоценных камней (Гохрана России)».

12. Разъяснялось, что к добыче на *всех россыпных* месторождениях, а также рудных с запасами менее 100 тонн можно было приступать *без* согласования с государственными органами РФ, технико-экономических обоснований разведки и эксплуатации.
13. Для начала 90-х гг. характерно такое явление, как «расслоение артелей», часть их сохранила приверженность к договорным отношениям с госпредприятиями, часть развернула автономную деятельность.
14. См. напр.: Колмогоров Н.К. Золотодобывающая промышленность России. Проблемы и перспективы // Минеральные ресурсы России. 2000. №6. С. 118-119. Н.К. Колмогоров — глава Департамента драгоценных металлов Министерства экономики РФ.
15. Бизнес. 1994. №2. С. 11.
16. Указ Президента РФ «О добыче и использовании драгоценных металлов и алмазов на территории РСФСР» от 15 ноября 1991 г.
17. Российский статистический ежегодник. 1999. М., 2000. С. 324.
18. Закон РФ от 21 июля 1993 г. №5485-18.
19. См. напр.: Золото России. Материалы комиссии Государственной Думы // Российская федерация. 1996. №1; Гуссейнов Э. Как размывался золотой запас России // Финансовые известия. 1996. №51.
20. См. напр: Бычков Е.М. Золото в эпоху катаклизмов // Золото России. М., 2002. С. 485-487.
21. Правительство РФ сохраняло за собой право «выкупить» золото в течение указанного времени, но в указанные в договоре сроки Россия не смогла себе позволить возобновить право собственности, и этот запас объемом *не менее* 200 тонн золота был навсегда утерян.
22. См. напр.: Gold bulletin. World Gold Council. L., 1998.
23. См. данные: www. eh.net
24. К таким выводами пришел, на основании данных о динамике национального богатства России за 100 лет, академик Н.П. Федоренко. В период правления В.И. Ленина (1917-1922 гг.) национальное богатство страны, например, увеличилось на 20, 8%, при М.С. Горбачеве — на 28,2%, а при Б.Н. Ельцине — сократилось на 6,3% (Федоренко Н.П. Россия: уроки прошлого и лики будущего. М., 2001. С.48-51, 55).
25. Аргументы и факты. 1993. №19.
26. Родюшкин В.Т. Работа банков с драгметаллами: как это было // Ассоциация российских банков. 10 лет. М., 2001. С. 45.
27. Внешторгбанк, ОНЭКСИМбанк, банки «Империал», «Российский кредит» и Столичный банк сбережений.
28. Деловой мир. 1994. 23 апреля.
29. См. напр.: Danial R. Kempton, Richard M. Levine Soviet and Russian Relation with Foreign Corporation: The Case of Gold and Diamonds // www. goldsheetlinks.com
30. Золотая биржа: вчера, сегодня, завтра // www.rdmk.ru
31. См. напр.: Криминализация российского золота // Финансовый вестник. Власть. 1996. №11. С. 23-27.
32. Из интервью Е.М. Бычкова. Куда уходит золото России // Уральский рабочий. 1996.

33. Заявление в «Прайм-ТАСС» начальника Управления по работе с драгметаллами ЦБ РФ С. Кыштымова от 3 июня 1997 г.
34. См. напр.: Банковский вестник. 1997. 29 июля.
35. РДМК-2000. М., 2001. С. 38.
36. Постановление Правительства РФ от 23 августа 2000 г. №624 «Вопросы министерства финансов Российской федерации».
37. Постановление Правительства РФ от 21 ноября 1996 г.
38. Материалы интервьюирования.
39. См.: Российская газета. 1998. 27 февраля; Финансовые новости. 13. 10.2000; Цветная металлургия. 2000. Сентябрь; Интерфакс. 21.09. 2000; 22.11.2000 20:10 // lenta.ru
40. О роли министерства финансов РФ в регулировании рынка драгоценных металлов и драгоценных камней. Пресс-конференция // Драгоценные металлы. Драгоценные камни. 2001. №7 (91). С. 27.
41. ABCentre-Nonferous Metals Review, July 6, 2001.
42. Цветная металлургия. 2000 г. 13 октября.
43. www.rdmk.ru
44. Брайко В.Н. Отрасль драгоценных металлов в 2000 году. Достижения и утерянные возможности // РДМК — 2000. М., 2001. С. 106-107.
45. Непомнящий С. Драгоценные металлы как национальный ресурс (анализ эффективности налоговой политики) // Драгоценные металлы и драгоценные камни. 1997. №8. С. 24.
46. Минимальный и максимальный предел, по выборке данных в литературе. См. напр.: Егоров Е.Г. Алексеев П.Е. Экономика золото- и алмазопромышленных комплексов в условиях переходного периода. Новосибирск. 1997; Розенблюм И.С. Банин В.А. О мерах государственной поддержки добычи и производства драгоценных металлов в Магаданской области // Минеральные ресурсы России. 1998. №3 и др.
47. См. напр.: Боярко Г.Ю. Налогообложение в золотодобывающей отрасли // Драгоценные металлы. Драгоценные камни. 2000. №9 (93).
48. Кашуба С.Г. О финансировании проектов освоения рудных месторождений золота // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. 2000. №4. С. 50.
49. К их числу следует отнести компании с участием иностранных капиталов «Омолонская золоторудная компания» (месторождение Кубака Магаданской обл.), ОАО «Бурятзолото» (месторождения Зун-Холбы и Ирокинда), Артель Старателей «Полюс» (достроен бесхозно заброшенный в период развала СССР высокой строительной готовности рудный карьер и обогатительная фабрика на Олимпиадинском месторождении).
50. Колмогоров Н.К. Золотодобывающая промышленность — проблемы и перспективы \\ Горный журнал. 2000. №6. С. 118.
51. Босс. 2002. №6.
52. Материалы интервьюирования.
53. См. также: РДМК-99. Документы и материалы. М., 1999.
54. РДМК-2000. М., 2001. С. 55, 81.
55. Материалы интервьюирования.
56. 26.03. 1998. №41-ФЗ.

57. Кутепов А. Формирование нормативной правовой базы — залог поступательного развития рынка драгоценных металлов и драгоценных камней // dragmet.ru.
58. Р.А. Манделл Эволюция международной валютной системы // Проблемы теории и практики управления. 2000.№1-2 (www.ptpu.ru).
59. См. напр.: Рейнольдс А. Денежная реформа в России: аргументы» в пользу золота; Энджелл В.Д. Ориентированная на золото денежная политика для России; Львин Б. Валютный комитет и золотой стандарт. Доклад на V ежегодной конференции Института фон Мизеса // www.libertarium.ru.

GOLD OF THE RUSSIAN FEDERATION: PRODUCTION AND MANIPULATION

Development of manufacture and manipulation of gold in the Russian Federation in politically and economically complex period of 90th XX is analysed in the article. The author"s conclusions are drawn on instability contemplated on the boundary of XX-XXI centuries tendency of an output of the Russian gold mining from crisis, its inefficient functioning in the economic system, absence at the present stage of the state policy focused on realization of the state and national interests in sphere of gold.

L.V. Sapogovskaja

В.В. Запарий

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ЧЕРНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ УРАЛА В XX ВЕКЕ

В октябре 2001 г. металлургическая и историческая общественность нашей страны отметила 300-летний юбилей создания черной металлургии на Урале. Проблемы развития металлургии в крае за этот многовековой период неоднократно изучались историками. В небольшой статье мы попытались проанализировать основные публикации по истории развития отрасли в XX в.

После Октябрьской революции проснулся активный интерес к пролетариату и промышленности. Ярким примером является книга Ю.И.Гессена «История горнорабочих СССР», вышедшая в 1926 г. [1]. Двигателем промышленного развития, по мнению автора, было правительство и его законодательство, оказывающее решающее влияние на успехи горнозаводского дела.

Позже, уже в 30-е гг., серьезный вклад в изучение уральской металлургии внес труд С.П.Сигова. «Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала», опубликованный в Свердловске в 1936 г. [2]. Работа охватывает

историю горнозаводской промышленности с петровского времени до советского. В развитии металлургии автор отводит существенную роль географической среде и экстенсивному характеру развития черной металлургии Урала, что вряд ли верно. Основной объем работы посвящен истории горнозаводской промышленности в период XVIII и XIX вв.

Крупный вклад в историю изучения истории черной металлургии внес академик С.Г.Струмилин, опубликовавший ряд работ по этому вопросу. Первой была книга «Черная металлургия в России и СССР», которая вышла в 1935 г. [3]. Итоговой работой автора было издание монументального исследования, остающееся во многом непревзойденным и сейчас, «История черной металлургии СССР», опубликованного в 1954 г. [4].

Первая книга имеет подзаголовок «Технический прогресс за 300 лет». Это статистико-экономическое исследование. На протяжении периода до 40-х гг. XX в. изучены изменения в производительности труда. Отдельно рассмотрена динамика этого процесса в металлургическом производстве. Полученные результаты представляют огромный интерес и не утратили своего значения до сих пор.

Завершающий труд С.Г.Струмилина является выдающимся исследованием. Ничего подобного в исторической литературе не было ни по хронологическому охвату, ни по широте исследования архивных источников, ни по глубине их анализа. Автор рисует подробную картину развития отрасли в стране и на Урале, в частности. Однако данная работа не была завершена, остался опубликованным только первый том.

Что касается попытки сделать общий обзор истории отрасли в регионе, то она была предпринята в конце 50-х гг. А.А.Горшковым в статье «Основные этапы развития уральской черной металлургии за два с половиной века ее существования», где дана краткая характеристика развития отрасли [5]. Автор выделяет хронологические рамки некоторых периодов в истории металлургии. Однако в силу краткости данная работа только намечает основные вехи развития отрасли на Урале.

Другая работа была опубликована в 1960 г. Ее автор, А.С.Осинцев, рассматривает историю отрасли с технико-экономических позиций за первую половину XX в. [6] с марксистских позиций. Он пытается показать все сильные и слабые стороны развития отрасли на Урале. Если первые разделы этой работы хорошо документированы, то в завершающих разделах много политической патетики и признать ее строго научной вряд ли возможно.

В последующие годы, к сожалению, не было написано работ, посвященных непосредственно развитию отрасли на Урале за более или менее крупный период. Из имеющихся можно назвать монографию М.П.Вяткина «Горнозаводской Урал в 1900-1917 гг.» [7], опубликованную в 1965 г. Она является фундаментальным исследованием небольшого, но чрезвычайно интересного периода в истории металлургии края. Здесь подробно и всесторонне рассматривается ситуация, сложившаяся в горнозаводской промышленности Урала в конце X1X в., дается характеристика положения дел на казенных и частновладельческих заводах в годы экономического кризиса, показаны первые шаги по монополи-

зации металлургии. Выпукло представлены пути выхода металлургических заводов Урала из кризиса 1904 -1910 гг., синдицирование и итоги развития уральской металлургии в предвоенные годы и период первой мировой войны.

В книге В.С. Голубцова «Черная металлургия Урала в первые годы Советской власти (1917-1923 гг.)» [8], опубликованной в 1975 г., рассматривается следующий период в истории развития металлургического комплекса края. Отличительной особенностью работы является использование серьезной историографической и архивной базы. Украшением исследования, несомненно, служат биографические справки деятелей отрасли и большое количество фотографий. Приведен скрупулезный анализ государственных документов, регламентирующих развитие отрасли в столь сложный период существования нашего государства.

Фундаментальный труд, подготовленный МЧМ СССР, посвященный развитию отрасли в целом, вышел в 1967 г. и назывался «Черная металлургия СССР» 1917-1967 гг. [9]. Работа издана под редакцией министра черной металлургии И.П.Казанца. В монографии сделана попытка проанализировать весь путь черной металлургии страны в целом, и в том числе уральской металлургии, за 50 лет советской власти. В ней дана хорошая технико-экономическая проработка истории отрасли по подотраслям. К недостаткам относится чрезвычайно мажорный тон трудового рапорта родной партии. Однако нужно вспомнить, когда была написана данная работа. Несомненно, для своего времени это была определенная и существенная веха в изучении процессов развития отрасли [10].

Большой фактический материал собран и опубликован в работах руководителей отрасли [11], специалистов черной металлургии, таких как Ширяев П.А., Штанский В.А., Андрианова В.П. [12].

Важным этапом в исследовании истории отрасли на Урале являются вышедшие в начале 80-е гг. работы. Серьезный вклад в изучение важного этапа развития черной металлургии Урала внес Ю.А.Буранов в своей монографии, посвященной акционированию горнозаводской промышленности в конце XIX — начале XX вв. [13]

В монографиях А.А.Антуфьева и А.Ф.Вяткина рассмотрены основные проблемы развития промышленности Урала в годы Великой Отечественной войны, где рассмотрено развитие металлургического комплекса края, в том числе вопросы эвакуации и размещения эвакуированных предприятий на Урале, строительство и развитие предприятий в этот непростой в истории отрасли период. Впервые в научный оборот вводятся очень важные архивные и статистические данные [14].

К обобщающим общеэкономическим исследованиям следует отнести ряд фундаментальных работ, таких как «Историю социалистической экономики СССР», т.7 [15], где дана экономическая история развития промышленности, в том числе и металлургического комплекса всего Советского Союза. Следует назвать «Историю народного хозяйства Урала» (в 2 ч.; 1946 — 1985) [16]. В них дана характеристика развития отрасли в составе промышленности Урала до начала 1980-х гг. Эти вопросы затронуты и в книге «История Урала. XX век» [17]. Однако эти проблемы носят характер фона для исследования глобальных вопросов экономического развития страны и региона в целом.

Во второй половине XX в. было написано большое количество обобщающих исторических работ, где в той или иной степени рассматривается история черной металлургии Урала как составная часть истории экономики края. Определенный вклад в историографию вопроса внесли авторы вышедшей в 60-е гг. в Перми [18] «Истории Урала в двух томах» (Т. 2: Период социализма,1965 г.).

Особенно важную роль сыграло академическое издание «История Урала в период капитализма», выпущенное Институтом истории и археологии УрО АН СССР в 1990 г. [19].

Определенный материал, дающий историческую фактуру того времени собран в историко-партийной литературе того времени, к которой в первую очередь относятся очерки истории партийных организаций Урала [20]. По этой же проблематике в 70-80-е гг. было опубликовано ряд статей [21]. Непосредственными проблемами партийного руководства в черной металлургии, занимались В.В.Запарий и А.Д.Кириллов, написавшие диссертации по этой проблематике [22]. Этим проблемам посвящен ряд публикаций [23]. Отдельные проблемы партийного руководства отраслью отражены в диссертациях Рыжовой В.К., Перебейноса Е.В., Дедов В.Т. и др. [24]

Вопросам подготовки кадров в черной металлургии Урала посвящена работа Гвоздкова Л.И. «К вопросу о рабочем классе Урала в период развитого социализма (1966 — 1975 гг.)», где собран интересный статистический материал и сделан целый ряд интересных обобщений [25].

Важное место в историографии проблемы занимают публикации работников партийных, советских и хозяйственных организаций Урала того времени [26], в которых показаны, наряду с партийной работы формы и методы организационной работы, способствующие ускорению НТП в различных отраслях промышленности, в т.ч. и черной металлургии Урала. Работы содержат часто интересный хотя и разрозненный фактологический материал.

Среди экономической литературы, которая характерна рассмотрением отдельных, целиком специальных, экономических вопросов, следует выделить единственную работу универсального характера [27], где была сделана попытка обобщить опыт социально-экономического развития отрасли на Урале в 70-е гг. В работе авторы дают яркую картину положения и перспективы развития отрасли края на пути интенсификации. Богатый фактический материал убедительно показывает настоятельную необходимость усиления внимания центральных государственных органов к развитию черной металлургии на Урале. Книга Г.Н.Кожевникова [28] в некоторой степени дополняет указанную работу, рассматривая более предметно некоторые аспекты взаимодействия науки и производства в ведущих отраслях региона.

Большой интерес представляет коллективная работа уральских авторов из Магнитогорска [29], которая содержит глубокий социально-экономический анализ положения и перспектив развития крупнейшего в мире предприятия черной металлургии — ММК, уделяя основное внимание показу экономических аспектов производства. Авторы монографии показывают постоянное внимание директивных органов к развитию предприятия.

Ряд работ было написано специально по истории и современному для того времени положению на ряде крупнейших предприятий черной металлургии. Так ММК посвящена книга — Флагман отечественной индустрии, имеющую дополнительное название — История Магнитогорского металлургического комбината им. В.И.Ленина [30]. Истории НТМК посвящена книга В.Ф. Васютинского «Хранители «старого соболя»» [31].

С начала 80-х гг. собственно история черной металлургии Урала в целом не являлась предметом изучения историков и других специалистов. Они рассматривали только различные ее аспекты в связи с изучением промышленности в целом или каких-либо проявлений ее функционирования. Не исследованы вообще 80-90-е гг., по которым фактически отсутствует историческая литература, кроме ряда статей [32].

Следует подчеркнуть, что указанные работы написаны в основном до 1985 г. и несут на себе все характерные черты того периода. Для них характерно преувеличенное внимание к формальным признакам и показателям, содержится в большом количестве победные реляции о достижениях. За основу при этом принимался достигнутый уровень, а не мировые достижения. Именно поэтому при действительных сдвигах в развитии отрасли, наша техника отставала от передовой техники, развивавшейся еще более быстрыми темпами. Этот существенный момент необходимо всегда иметь в виду.

В начале 90-х гг. вышла работа Запария В.В. «Черная металлургия Урала в 1970 — 1980 гг.», где на основе анализа экономических материалов, рассматривает основные тенденции развития отрасли на Урале в 70-е гг. XX в. [33] Она представляет собой краткий исторический очерк развития одной из ведущих отраслей промышленности Урала на важном этапе ее развития. Автором делается попытка рассмотреть и проанализировать динамику развития отрасли и внедрение на предприятиях металлургии достижений научно-технического прогресса, а также тот вклад, который внесли уральские металлурги в развитию промышленности страны. Работа написана с привлечением богатого статистического материала, извлеченного из архивов МЧМ СССР, разнообразных архивохранилищ Свердловской и Челябинской областей. Используются материалы Института экономики УрО РАН.

С тех пор, до конца 90-х гг. собственно история черной металлургии Урала в целом не являлась предметом изучения историков. Они рассматривали только различные ее аспекты в связи с изучением промышленности в целом или каких-либо проявлений ее функционирования. Не исследованы разнообразные аспекты развития отрасли на Урале в 80 — 90-е гг., по которым фактически отсутствует историческая литература, кроме ряда отдельных статей [34].

Существует большое количество статей касающихся отдельных хронологических периодов развития уральской металлургии [35] или ее общим проблемам [36].

Период 80-х гг. в изучении истории металлургического комплекса Урала только обозначен в плане перспектив развития, исходя из постановлений партии и правительства, которые, как мы знаем, не были реализованы в связи с начавшейся перестройкой. Определенный срез экономического положения региона в

середине 90-х гг. представлен в коллективной работе «Социально-экономический потенциал региона: проблемы оценки, использования и управления», опубликованный в 1997 г. Институтом экономики УрО РАН [37].

В 1994 г. были опубликованы труды известного экономиста первой половины XX века Л.Б.Кафенгауза, где серьезно анализируется экономика России в начале века и первым его десятилетиям, в том числе черная металлургия страны [38].

В ряде экономических работ, появившихся в последнее время, рассмотрены узко экономические темы отрасли. Примером является монография А.В Воротнева и А.П. Дубнова «Транснациональные корпорации и черная металлургия России» [39], где рассматривается роль и функции транснациональных корпораций на рубеже нового века, а также делается прогноз возникновения в XX1 в. транснациональных корпораций новых поколений. Обосновывается роль крупных корпораций в экономике реформирующейся России на примере управления крупнейшими предприятиями черной металлургии, в том числе и Урала.

Важный экономический материал по развитию отрасли в регионе собран в монографии А.А.Мальцева и П.В.Михайловского «Внешнеэкономические связи Урала в новых условиях хозяйствования», опубликованная в 1999 г. Работа также посвящена динамике развития внешнеэкономических связей предприятий Уральского экономического района, в том числе и металлургического комплекса в 1990-е гг. В ней исследовано современное состояние ресурсно-сырьевого потенциала региона, влияющего на его экспортный потенциал. Проанализировано экономическое состояние крупнейших предприятий Урала в том числе и металлургических [40].

Серьезный интерес для изучения современной истории металлургической промышленности на Урале представляет работа Л.Н. Шевелева, где даются основные тенденции развития мировой черной металлургии в 1950-2000 гг. [41] Здесь содержится богатый статистический материал и рассматриваются основные особенности развития в разные периоды развития металлургии в мире, отдельных его регионах и ведущих странах в целом.

Богатый статистический материал содержится в справочной литературе как общего [42], так и специального назначения [43].

Особо следует назвать великолепное справочное издание по современному состоянии черной металлургии России, в том числе и металлургических предприятий Урала, где дается почти исчерпывающее состояние как отрасли в целом, так и основных предприятий как по стране в целом так и по уральским предприятиям [44]. Существует богатая литература по отдельным предприятиям их истории и сегодняшнем дне [45].

В последние годы большой объем информации публикуется через ИНТЕРНЕТ, E-mail, в виде докладов руководителей государства [46] и материалов министерства экономики [47], а также на сайтах предприятий отрасли или исследовательских институтов или агентств. Некоторая попытка историографического обобщения данной проблемы была сделана автором этих строк [48].

К 300-летию уральской металлургии историки Урала подготовили ряд изданий. Это энциклопедия «Металлургические заводы Урала XVIII–XX вв.»,

под редакцией академика В.В.Алексеева, подготовленная Институтом истории и археологии УрО РАН. Данное фундаментальное издание не имеет аналогов в мировой историографии, в нем освещается история всех существующих ныне и ранее когда-либо существовавших на территории региона металлургических заводов, их технико-технологическая, энергетическая и сырьевая база. Под редакцией профессора М.Я.Главацкого вышла энциклопедия «Металлурги Урала», которая содержит более 1000 статей биографического характера, посвященных уральским металлургам. Наконец, автором этих строк опубликована монография «Черная металлургия Урала. XVIII — XX вв.».

Проведенное историографическое исследование свидетельствует, что несмотря на определенные успехи в освоении темы сохраняется необходимость в дальнейшем изучении и обобщении исторического опыта ведущей отрасли индустрии края — черной металлургии на Урале.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гессен Ю.И. История горнорабочих СССР. Т.1, М., 1926.
2. Сигов С.П. Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. Свердловск, 1936.
3. Струмилин С.Г. Черная металлургия в России и СССР. М., 1935.
4. Струмилин С.Г. История черной металлургии СССР. Т.1. М., 1954.
5. Горшков А.А. Основные этапы в развити уральской черной металлургии за два с половиной века ее существования. // Из истории черной металлургии Урала. Труды Уральского политехнического института им.С.М.Кирова, Свердловск, 1957. Сб. № 40, С.7-49.
6. Осинцев А.С. Черная металлургия Урала. Свердловск, 1960.
7. Вяткин М.П. Горнозаводской Урал в 1900 — 1917 гг. М.-Л., 1965.
8. Голубцов В.С. Черная металлургия Урала в первые годы Советской власти (1917-1923 гг.). М., 1975.
9. Черная металлургия СССР. 1917 — 1967. М., 1967.
10. Там же.
11. Казанец И.П. Черная металлургия в девятой пятилетке. М., 1972.
12. Ширяев П.А., Андрианова В.П. Черная металлургия в десятой пятилетке. М.,1977., Ширяев П.А., Штанский В.А. Эффективность капиталовложений в черную металлургию.М.,1977, Технический прогресс в черной металлургии СССР \под ред.Л.Н.Лукича. М.,1974., Андреев В.Ф. Основные проблемы технического прогресса и экономики черной металлургии СССР/Технико-экономическое исследование/.М., 1976, Титаномагнетиты и металлургия Урала. Свердловск, 1982, Пути развития черной металлургии Урала. Свердловск, 1987. и др.
13. Буранов Ю.А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861-1917).М.,1982.
14. Антуфьев А.А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург: УрО РАН, 1982., Васильев А.Ф. Промышленность Урала в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 .М.,1982.
15. История социалистической экономики СССР. В.7-ми т. — Наука, 1980, т.7.- Экономика СССР на этапе развитого социализма (1960 — 1970-е годы).

16. История народного хозяйства Урала: В 2 ч. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1990.Ч. 2.
17. История Урала. XX век. Екатеринбург, 1998.
18. История Урала в 2 т. Т.1. Первобытный строй. Период феодализма. Период капитализма. Пермь, 1963, История Урала в 2 Т. Т.2. Период социализма. Пермь, 1965.
19. История Урала в период капитализма. /Под ред. Д.В.Гаврилова. М., Наука, 1990.
20. Очерки истории коммунистических организаций Урала.Т.2, 1917 — 1973, Свердловск, 1974, Очерки истории Челябинской партийной организации КПСС. 1917 — 1977, Челябинск, 1977.
21. Рыжова В.К. Партийное руководство развитием технического творчества в коллективах металлургов Урала в условиях научно-технического прогресса (1971 — 1975).// Партийные организации Урала и научно-технический прогресс. Сб. науч. тр. Свердловск, Изд. УрГУ, 1985., С.119-130, Запарий В.В. Борьба партийных организаций за интенсификацию производства в черной металлургии Урала в годы девятой пятилетки.// Там же, с.131-141, Кириллов А.Д. Совершенствование организационно-партийной работы и идеологического обеспечения научно-технического прогресса в черной металлургии Урала в десятой пятилетке.//Там же, с.142 — 155., Кружкова Т.И. Руководство партийных организаций Урала подготовкой образования (1976 — 1980).// Там же, с.140 — 152 и др..
22. Запарий В.В. Деятельность партийных организаций Урала по ускорению научно-технического прогресса в черной металлургии в годы девятой пятилетки (1971 — 1975 гг.) Дисс...канд.ист.наук. Свердловск, 1983, Кириллов А.Д. Деятельность партийных организаций Урал по ускорению темпов научно-технического прогресса в черной металлургии (1976 — 1980 гг.). Дисс...канд.исть.наук., Челябинск, 1984.
23. Запарий В.В. Деятельность партийных организаций Урала по ускорению научно-технического прогресса черной металлургии в годы девятой пятилетки (1971 — 1975 гг.). Свердловск: УНЦ АН СССР, 1983, Кириллов А.Д. Деятельность партийных организаций Урала по техническому перевооружению и развитию производства в черной металлургии//Основные направления интенсификации промышленного проитзводства ведущих отраслей Урала. Свердловск: УНЦ АН СССР , с. 83 — 85. и др.
24. Рыжова В.К. Деятельность партийных организаций Урала по развитию общественно-политической и трудовой активности производственных коллективов в черной металлургии (1971 — 1975). Дис...канд.ист.наук, Свердловск, 1883., Перебейнос Е.В. Деятельность партийных организаций Урала по совершенствованию экономического образования трудящихся на предприятиях черной металлургии в 1971 — 1975 гг. Дисс.....канд ист.наук. 1983, Дедов В.Т. Борьба КПСС за внедрение научно-технических достижений в промышленности черной металлургии (1971 — 1975). Дисс... канд.ист.наук, М., 1977 и др..
25. Гвоздкова Л.И. К вопросу о рабочем классе Урала в период развитого социализма (1966 — 1975 гг.).Свердловск.
26. Реконструкция — опыт, проблемы, поиски. Свердловск, 1973, Рябов Я.П. , Скулкин М.Р. Индустриальное развитие и эффективность производства. М., 1976, Реконструкции предприятий — партийную заботу и внимание. Свердловск, 1975, Ненашев М.Ф. Рациональная организация воспитательной работы.

М.,1976, Ельцын, Б.Н. Средний Урал — рубежи созидания. Свердловск, 1981 и др..

27. Сергеев М,А., Плахотин И.С. Чтобы рос стальной поток. Свердловск, 1983.
28. Кожевников Г.Н. Формула взаимодействия. Свердловск, 1984.
29. Яковлев Ю.В., Зубец В.М., Архипов В.М. Флагман советской металлургии в реконструкции. Челябинск, 1979 .
30. Галигузов И.Ф., Чурилин М.Е. Флагман отечественной индустрии. История Магнитогорского металлургического комбината им. В.И.Ленина. М., 1978.
31. Васютинский В.Ф. Хранители «старого соболя». История трудового коллектива Нижнетагилького металлургического комбината. Свердловск. 1990.
32. Запарий В.В. Черная металлургия Урала в годы Великой Отечественной войны. ///Урал индустриальный. Региональная научная конференция. Екатеринбург, 1997. С.44-46, Он же. Основные этапы истории черной металлургии Урала. // Урал индустриальный. Вторая региональная научная конференция. Екатеринбург, 1998. С.76-82, Он же. К вопросу о современном состоянии черной металлургиии Урала. //Урал индустриальный. Третья региональная научная конференция. Екатеринбург, 1999. С.104-110. и др.
33. Запарий В.В. Черная металлургия Урала в 1970 — 1980 гг. Екатеринбург, 1992.
34. Запарий В.В. Черная металлургия Урала в годы Великой Отечественной войны. //Урал индустриальный. Региональная научная конференция. Екатеринбург, 1997. С.44-46, Он же. Основные этапы истории черной металлургии Урала. //Урал индустриальный. Вторая региональная научная конференция. Екатеринбург, 1998. С.76-82, Он же. К вопросу о современном состоянии черной металлургии Урала. //Урал индустриальный. Третья региональная научная конференция. Екатеринбург, 1999. С.104-110. и др.
35. Залесский С.А. Черная металлургия Урала в годы первой мировой войны// Ист. записки. 1956.т.55.с.139-172., Гаврилов Д.В. Урал в геополитической стратегии Первой и Второй мировой войн.// Урал в стратегии Второй мировой войны. Екатеринбург, 2000, Запарий В.В. Современное состояние черной металлургии Урала.//Сталь,2000,№9,с.92 — 94.
36. Гаврилов Д.В. Технологические аспекты модернизации уральской металлургии ХУШ-ХХ вв.//Урал индустриальный: материалы докладов и сообщений региональной научно-правктической конференции. Екатеринбург,1998.
37. Социально-экономический потенциал региона: проблемы оценки использования и управления. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 1997.
38. Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства России (последняя треть Х1Х в. — 30-е годы ХХ в.). М., 1994.
39. Воротнев А.В., Дубнов А.П. Транснациональные корпорации и черная металлургия России. Екатеринбург, 2000.
40. Мальцев А.А., Михайловский П.В. Внешнеэкономические связи Урала новых условиях хозяйствования. Екатеринбург, УрГЭУ, 1999.
41. Шевелев Л.Н. Мировая черная металлургия 1950-2000 гг.(Реструктуризация, качество, приватизация). М.,1999.
42. Народное хозяйство СССР за 60 лет. Юбилейный статистический сборник. М., 1977., Народное хозяйство РСФСР за 60 лет. Статистический ежегодник. М., 1977. , Новая Россия. Стат. сб., М.1994. и др.
43. Черная металлургия (1938-1971 гг.) Статистический справочник.М.1972.

44. Российская металлургия. Часть 1. Черная металлургия. М., 1998.
45. Магнитка: полвека в строю. Магнитогорский металлургический комбинат имени В.И.Ленина. М., 1981.,Магнитка. Между прошлым и будущим(пятилетка реформ). 65 лет АО «ММК», М.,1996, НТМК — 60 лет. Отечество мое — металлургия. Н-Тагил, 2000
46. Путин В.В.О мерах по реструктуризации российской промышленности. Доклад. М.,2000.
47. Стратегия развития металлургической промышленности России до 2005 года. Документы Министерства экономики РФ М.,1999.
48. Запарий В.В. Историография черной металлургии на Урале (к 300-летию уральской металлургии) // Третьи Татищевские чтения. Тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 2000, С.153-159.

HISTORIOGRAPHIC PROBLEMS OF THE HISTORY OF FERROUS METALLURGY IN THE URALS IN THE XX CENTURY

Tendencies of development of historiography of the history of ferrous metallurgy in the Urals in XX century are analysed in the article. The characteristic of works of historians, economists, regional specialists on the given subjects is given. Perspective directions of the further researches are planned.

V.V. Zapari

ПУБЛИКАЦИИ

Н.П. Воскобойникова

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ XVII В. ФЕДОР МАТВЕЕВ СЫН ЩЕКОТКИН: МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ

Данная публикация посвящена изучению жизни и предпринимательской деятельности тяглеца Мясницкой полусотни г. Москвы и владельца соляных варниц в Соли Камской *Фёдора Матвеева* сына *Щепоткина*. Это был достаточно известный в свое время и в своих кругах человек, о нём неоднократно упоминает *Н. В. Устюгов* в монографии «Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в.» **[1]**.

При написании биографии *Ф. Щепоткина* нами были использованы различные архивные источники — например, подлинная жалованная грамота царя *Алексея Михайловича* ему 1674 г. (хранится в Архиве СПбФИРИ РАН), делопроизводственные книги из фонда Печатного приказа, записные книги по Великому Новгороду, коллекция «Приказные дела старых лет» из РГАДА и некоторые другие документы.

Как известно, по роду занятий посадское население Москвы делилось на торгово-промышленных, ремесленных и работных людей; *Ф. Щепоткин* относился к первой категории. Посадские люди были разделены на чёрные податные слободы и сотни, подчинённые Земскому приказу. В XVII в. в Москвы существовало 20 чёрных сотен, полусотен и слобод; в их числе была и Мясницкая полусотня, к которой и принадлежал герой настоящей статьи.

Многие московские торговые люди брали в разных городах страны на откуп кабаки, мельницы, перевозы и пр. По-видимому, с такого же рода операций начинал свою предпринимательскую деятельность и *Ф. Щепоткин*. В челобитной посадских людей г. Шуи, поданной царю *Алексею Михайловичу* в 1650/1651 г., об этом говорится следующее: «... бьют челом сироты твои шуяне посадские люди, земской старостишка *Ивашко Федоров* сын *Скомлевской* и во всех шуян посатцких людей место.

Жалоба, государь, нам, сиротам твоим, на москвитина, на полусотни Мясницкой на тяглеца на *Федора Матвеева* сына *Щепоткина* с товарыщи. В нынешнем, государь, во 159 (1650/1651) году тот *Федор* с товарыщи своими бьет челом тебе, государю, по нашу оброчную мельницу и на весь перевоз. А у нас, сирот твоих, таго перевозу половина в оброке, а другая в угодье ...». В заключение просители обращаются к монарху с такими словами: «Милосердый государь царь и великий князь *Алексей Михайлович* всеа Русии, пожалуй нас, сирот твоих, не вели, государь, ево, *Федорова*, ложного челобитья поверить и таго половина перевозу у нас отнять» **[2]**. Чем закончилось всё это дело,

остается неизвестным, т. к. никакой резолюции на процитированном выше документе нет.

Самое же первое известное нам упоминание о торговом человеке *Ф. Щепоткине* относится к середине XVII в. Так, 4 марта 1649 г. в Печатном приказе была зарегистрирована «Данная по челобитной Мясницкой полусотни тяглеца *Федьки Матвеева* сына *Щепоткина* на полулавочное место в Китай-городе по конец золотного ряду, идучи от лавок крашенинного ряду на левой стороне, что вымерено то место ис под вымолной лавки *Федьки Захарова*, мерою поперег на сажень» **[3]**. Таким образом, лавочное место *Ф. Щепоткина* было расположено в торговом центре средневековой Москвы.

Как и большинство крупных торговцев XVII в., *Ф. Щепоткин* вёл торговые операции в самых разных городах обширного Российского государства. Известно, что он торговал, например, в г. Архангельске, который в то время занимал первое место среди отпускных пунктов внешней торговли и торгов. В архангельской таможенной книге за 30 мая 1660 г. имеется следующая запись: «Приплыл у извозщика на карбасе москвитин *Федор Матвеев* сын *Щепоткин*, явил весчего товару у вологодских извощиков на судах 8285 пуд пеньки литовской обышной, 61 пуд 18 фунтов юфтей говяжьих красных под лутчими, да не весчих 445 лосин сибирских под лутчими, 10500 рогож решмы середних, да на покупку 189 рублев денег» **[4]**.

Следующий по времени документ относится к его торговле в Соликамске, где продавалась соль местного производства, в том числе и вываренная на соляных варницах самого *Ф. Щепоткина*. Известно также, что в 1667/1668 г. *Ф. Щепоткин* продал в Соликамске 19620 пудов соли на сумму в 1891 руб. 95 коп., т. е. по 9, 5 коп. за пуд; а в Нижний Новгород, который тогда также был крупным соляным рынком и перевалочно-распределительным пунктом, он отправил на продажу 15324 пуда соли, из которых продал там 7378, 5 пудов на сумму в 1291 руб. 40 коп., т. е. по 17, 5 коп. за пуд **[5]**. Об этой же операции есть запись в нижегородской таможенной книге 1667/1668 г.: «Москвитин *Федор Щепоткин* продал соли пермской 7378 пудов с полупудом, цена 1291 руб. 13 алт. 4 ден. Пошлин взято 129 руб. 4 алт. 4 ден.» **[6]**.

В соликамской таможенной книге 1667/1668 г. написано, что «у *Федора Щепоткина* отпущено в лодье 2554 сапцы, а в них 511 мехов. Пошлин довелось взять 26 руб. 14 алт. 9 ден. Да у Соли Камской продано 3270 сапец, цена соли 1891 руб. 31 алт. 4 ден. Пошлин взято 189 руб. 5 алт. 3 ден.» **[7]**.

Как следует из вышеприведенных фактов, *Ф. Щепоткин* торговал различными товарами; это ещё раз подтверждает имеющееся в историографии мнение об отсутствии специализации в русской торговле в XVII в.

Кроме этого, *Ф. Щепоткин* ещё владел лавками в разных городах, но за товаром сам он, разумеется, не сидел, а торговлю в них производили его приказчики («сидельцы»). Их имена неоднократно упоминаются в документах того времени. Так, например, сохранились торговые книги *Ф. Щепоткина* за 1661-1663 гг., в которых содержатся записи его приказчиков *Дмитрия Терентьева* сына *Алексеева*, *Сидора Борисова*, *Сидора Матвеева* и др. о закупке, перевозке и продаже пеньки, тканей, пушнины, сахара, сукон, меда, а также соли **[8]**.

Известно, что 26 апреля 1667 г. *Ф. Щепоткин* по своему челобитью получил «проезжую грамоту по городам», которая предписывала «ево пропускать в Казань для беглого его работника *Стеньки Дмитриева*» **[9]**. Но уже к июлю 1669 г. ударившийся было в бега приказчик сам вернулся к своему хозяину, о чём свидетельствует относящаяся к этому времени грамота к балахнинскому воеводе *Д. Плещееву* «... по челобитью князь *Михаила* княж *Яковлева* сына *Черкас*[с]*кого*, велено Полумясницкой сотни *Федьку Щепоткина* и сидельцев ево *Стеньку Дмитриева, Тишку Кириллова, Ларьку Трофимова* в кобальном ево иску и в недоплатных деньгах в семистах рублех выслать за поруками к Москве» **[10]**.

Так как ответчик в течение года в Москву не являлся, то 11 июля 1670 г. по тому же делу была отправлена грамота в Нижний Новгород «по челобитью князь *Михаила Яковлевича Черкас*[с]*кого*, велено по ыску, князь *Михайлове* по кабале, в недоплатных деньгах в семистех рублех *Федькиных* седельцов *Щепоткина Стеньку Дмитриева* с товарыщи за поруками выслать к ответу к Москве на срок августа к 1-му числу нынешняго 178-го (1670) году ...» **[11]**.

Ф. Щепоткин также заключал торговые сделки со многими лицами, в том числе и со *Строгановыми*. Так, 16 сентября 1670 г. соликамскому воеводе была направлена грамота «по челобитью Мясницкой полусотни тяглеца *Федьки Щепоткина*, велено ему на *Федоровых* людей *Строганова* на *Ондрюшку, Зотку* и на *Лучку Спиридонова* в ыску ево в цыренном железе по крепостям дать суд» **[12]**. По-видимому, к этому же делу относится и запись в городовой книге Великого Новгорода от 10 сентября того же года: «К соликамскому воеводе *Ивану Монастыреву* да к подьячему к *Сав*[в]*е*, велено ему на *Федоровых* людей *Строганова* на *Ондрюшку, Зотку* да на *Лучку Спиридонова* ему, *Федору*, у Соли Камской дать суд и сыски всякими сыскать накрепко, а по суду и по крепостям расправу учинить, до чего доведетца, по указу великого государя и по Уложенью». Как мы видим, вторая запись содержит более подробную информацию об обстоятельствах этого дела **[13]**.

К торгово-промышленной деятельности *Ф. Щепоткина* относятся записи и других грамот, большинство которых направлялось из Новгородского приказа воеводам подчинённых ему городов — Арзамаса, Балахны, Нижнего Новгорода, Чердыни и Старой Руссы.

Порой довольно трудно определить, по какому конкретно делу посылались эти грамоты, т. к. в записях Печатного приказа не передаётся их полный текст, а приводится только краткий пересказ содержания. Такого рода записи грамот, касающиеся *Ф. Щепоткина*, мы приводим ниже в их хронологической последовательности.

1657 г., ноября 30. — «В Арзамас к воеводе к *Ивану Лопаткину*, по челобитью Мясницкой полусотни тяглеца *Федьки Щепоткина*, велено арзамасца посадского человека *Серешку Сырейщикова* в ыску по записи поставить на Москве» **[14]**.

1662 г., ноября 20. — «В Старую Рус[с]у к воеводе к *Григорию Палицыну*, по челобитью *Федора Щепоткина*, велено с *Еремеем Ивашинцовым* землю разделить» **[15]**.

1663 г., января 12. — «В Пермь Великую к воеводе к *Михаилу Луговякищеву*, по челобитью москвитина, Мясницкой сотни тяглеца *Федора Щепоткина*, велено ему дать денег четыре тысячи рублев медных из усолских доходов» **[16]**.

1667 г., августа 30. — «В Нижний Новгород к столнику и воеводе ко князю *Василью Волконскому*, по челобитью князя *Михаила Яковлевича Черкасского*, велено Полумясницкой сотни тяглеца *Федьку Щепоткина* на подпоручика *Ларьку* в ыску ево в подрядной записи, что он подряжался под стрелецкий хлеб, выслать за поруками к Москве» **[17]**.

1668 г., июля 24. — «К Соли Камской к воеводе к *Борису Бухвостову*, по челобитью Соли Камской посадского человека *Федотки Кровцова*, велено ему с *Федькою Щепоткиным* в ыску ево по крепости указ учинить» **[18]**.

1669 г., октября 6. — «К Соли Камской к воеводе к *Ивану Монастыреву* да к дьяку *Лариону Пашину*, по челобитью москвитина *Федьки Щепоткина*, велено по судному делу и по крепостям в соляном анбаре, и в простое, и в убытках, и в тюремном сиденье с *Титком Хлепетихиным* дать суд и указ учинить по Уложенью ...» **[19]**.

1670 г., июня 5. — «В Нижний Новгород к столнику и к воеводе к *Василию Голохвастову* да к дьяку к *Степану Шарапову*, по челобитью вологжанина посадского человека *Якушки Лягушкина*, велено Полумясницкой сотни *Федьку Щепоткина* и седелцев ево *Стеньку* с товарыщи в ыску ево, *Якушкова*, в тысячу в двухстех в пятидесят рублех по записи за поруками из Нижнего для розделки послать к Москве» **[20]**.

1670 г., июля 9. — «К Соли Камской к воеводе к *Ивану Монастыреву*, по челобитью вологжанина посадского человека *Якушки Васильева* сына *Лягушкина*, велено у Соли Камской сыскать москвитина посадского человека Полумясницкой сотни *Федьку Щепоткина* и за поруками выслать ево к Москве в Земский приказ к ответу в ыску ево, *Якушкине*, в четырехстех в тритцати в пяти рублех восьми алтынех в полпяты деньгах» **[21]**.

Все вышеприведённые записи рисуют связи *Ф. Щепоткина* со многими городами и со значительным кругом лиц за период с 1657 по 1670 гг.

Московские торговые люди XVII в. довольно часто свои средства, заработанные в торговле, вкладывали в различные промышленные предприятия, в том числе и в солеваренной отрасли. Это в полной мере относится и к *Ф. Щепоткину*. Известно, что в 1664/1665 и 1665/1666 гг. он имел на посаде Соли Камской 2 соляные варницы **[22]**. Об этом мы узнаём из отписки в Москву соликамского воеводы *Б. Бухвостова*, в которой он отчитывался о сборе с посада и уезда Соли Камской данных, оброчных, стрелецких и полоняничных денег на 1666 г., и в том числе «с двух варниц москвитина, Полумясницкой сотни тяглеца *Федора Щепоткина*, за острогом, вверх по Усолке реке на левой стороне». С промыслов *Ф. Щепоткина* тогда было взято оброка и пошлин в сумме 6 руб. 6 алт. 4 ден. **[23]**. Однако позднее — в 1666/1667 и 1667/1668 гг. — на посаде Соли Камской у него осталась, по-видимому, только 1 варница **[24]**.

Дрова к варницам приходилось доставлять из разных мест. Об этом свидетельствует грамота из Новгородского приказа гостю *Аврааму Черкасову* «с товарыщи» от 31 января 1666 г., в которой написано: «По челобитью Мясницкой полусотни *Федора Щепоткина* да балахонца *Ивана Соколова*, велено дрова их на заставах пропускать и у них тех дров не отнимать» **[25]**.

24 ноября 1670 г. из Москвы была направлена грамота соликамскому воеводе об обложении оброком новоприбылых варниц и взыскании оброков за них за прошлые годы. В ней сказано, что в числе новых 11 варниц, появившихся в Соли Камской между 1664/1665 и 1668/1669 гг., была и варница *Ф. Щепоткина*. В ответ на эту грамоту гости, торговые люди гостиной сотни и соликамский земский староста «и во всех усолцев место» направили в Москву челобитную, в которой просили не накладывать на них новых оброков, т. к. «те новоприбылые варницы поставлены на наших, усольских, тяглых и на дан[н]ых землях, и сверх тягла с тех же данных земель платим мы, холопи и сироты твои, в твою, великого государя, казну по вся годы по окладу оброки болшие; да с тех же земель и с варниц платим мы, холопи и сироты твои, с выварошной своей соли в твою ж, великого государя, казну по вся ж годы пошлины болшие десятую денгу, и всякие твои, великого государя, денежные доходы, и стрелецкие и хлебные запасы, и ямскую гоньбу гоняем» **[26]**. В числе других челобитчиков под этим документом поставил свою подпись и *Ф. Щепоткин*.

Для варничного промысла ему были необходимы земли, которые он и брал на оброк. Об этом говорится в записи Печатного приказа грамоты от 16 октября 1672 г.: «К Соли Камской к воеводе к *Ивану Головкину* да к подьячему к *Миките Спискову*, по челобитью Мясницкой полусотни тяглеца *Федора Щепоткина*, велено в Усолском уезде на Бойдарове порозжую землю под лепу с того места *Луки Андреева* сына *Кондакова* отдать ему, *Федору*, в оброк» **[27]**.

Различные службы и повинности *Ф. Щепоткину* приходилось нести и как тяглецу Мясницкой полусотни в Москве, и как владельцу соляных варниц в Соликамске. Согласно Соборного Уложения 1649 г., чёрнослободцы были обязаны платить основные прямые налоги того времени — стрелецкие и ямские деньги. Кроме того, они ещё ежегодно уплачивали оброк за дворовое место и особый оброк за торговое помещение. Дополнительно к этому каждый год чёрнослободцы должны были выбирать из своей среды тяглецов для работы в разных приказах — в качестве оценщиков лесных материалов в Земском приказе, целовальников на Денежном дворе, у денежного приёма в приказе Большой казны, у приёма и выдачи соболиной казны в Сибирском приказе, у всяких покупок в приказе Большого дворца и т. д. Неоднократно приходилось бывать на этих службах и *Ф. Щепоткину*: 2 года — 7169 и 7170 — он прослужил целовальником у каменного строения и всяких подрядов на новом Гостином дворе и 5 лет целовальником в Сибирском приказе **[28]**.

Известно, что помимо постоянных налогов чёрнослободцам вместе с другим податным населением Москвы приходилось также уплачивать экстренные сборы — пятую, десятую и пятнадцатую деньгу. Пятина взыскивалась на основании оценки имущества и доходов налогоплательщиков.

Об обложении чёрнослободца Мясницкой полусотни *Ф. Щепоткина* по Москве известно из окладных книг приказа Большого прихода. Так, в окладной книге сбора пятой деньги сказано: «Прошлого 172-го (1663/1664) году за руками Мясницкой полусотни окладчиков *Васьки Ларионова* с товарыщи написано: *Федька Матвеев* обложен с тысяча з двухсот с пятидесяти с четырех рублев, опроче соляных заводов. Пятой деньги взято двесте пятьдесят рублев дватцать шесть алтын четыре деньги. Да в окладных же книгах збору десятой деньги прошлого 176-го (1667/1668) году за руками Мясницкие полусотни окладчиков *Митьки Михайлова* с товарыщи написано: *Федька Щепоткин* обложен. Живота ево, и торговых промыслов, и лавок на девятьсот на пятьдесят на семь рублев. Десятой деньги взято девяносто пять рублев дватцать три алтына две деньги» **[29]**.

По Соборному Уложению 1649 г. гости, торговые люди гостиной сотни и торговые люди, владевшие соляными промыслами на посадской или крестьянской тяглой земле, должны были нести тягло совместно с посадским или волостным миром. В состав тягла входили как денежные налоги, так и службы, отбывавшиеся посадскими людьми в пользу государства. Развёрстка повинностей между налогоплательщиками производилась самим посадским миром, который распределял их «по животам и промыслам», т. е. в зависимости от имущественного положения.

Посадские люди и сами также стремились привлекать иногородних торговых людей к своим сословным службам. Так, в 7176/7177 г. *Ф. Щепоткин* «помимо его воли» был выбран посадским населением Соли Камской в целовальники на соляную ладью в Зырянские Усолья, куда согласно государева указа могли выбираться только «лутчие», «прожиточные» люди.

О причинах и обстоятельствах выбора *Ф. Щепоткина*, как и балахонца *Ивана Иванова* сына *Соколова*, целовальниками на государевы Зырянские соляные промыслы свидетельствуют различные источники. Так, в книгах Новгородского приказа сохранилась запись о том, что в 7176 г. по челобитной соликамского земского старосты *Левки Лепихина* была направлена грамота соликамскому воеводе *Б. Бухвостову*, в которой сообщалось следующее: «которые торговые люди у Соли Камской дворами жить поселились и живут многие годы, и которые вновь житьем селятца и торгуют, и всякими промыслами промышляют, и усолскими тяглыми угодьи, буде, владеют, и тем людем велено с усолцы тягло тянуть и службы служить по указу великого государя и по Соборному Уложению» **[30]**.

Согласно этой грамоты, в 1668/1669 г. соликамский земский староста *Андрюшка Лаптев* с товарищами выбрали *Ф. Щепоткина* на службу несмотря на то, что «наперед де сего наша, великого государя, грамота из Земского приказу ему была дана же с прочетом, что ево ни в какие грацкия службы выбирать мимо московских служеб не велено. И Соли де Камской староста и посадцкия люди выбрали ево во градцкую службу мимо нашей, великого государя, грамоты» **[31]**. Известно, что отслужив эту лодейную службу, *Ф. Щепоткин* бил челом о том, что ему положено все налоги платить в Москве. В результате в Соль Камскую была направлена грамота о наказании старосты,

его товарищей и мирских людей за неправомерный выбор *Ф. Щепоткина* в службу.

13 июня 1669 г. соликамский воевода *Самсон Огибалов* в своей отписке сообщил, что усольцы выбрали к соляному промыслу на ладьи до Нижнего Новгорода соляных варничных промышленников *Ф. Щепоткина* и *И. Соколова* и принесли к нему «выбор» на них. На основании этого он привел этих солепромышленников к «вере» и отправил их «великого государя к Зырянскому соляному промыслу на лодьи в целовалники с стрелцы, потому что де они люди богатые, и многие у них есть у Соли Камской варнишные промыслы, и пашенные земли, и сенные покосы, и всякие угодья; а усолских де служб не служивали, жили все в ызбылых» **[32]**.

Далее в воеводской отписке перечислено и всё соликамское имущество *Ф. Щепоткина*: «За москвитиным за *Федькою Щепоткиным* у Соли Камской варнишных промыслов построено и у тяглых людей за кабальные долги взято: у *Федьки Коледы* — 3 варницы, 3 росолные трубы, двор, соляной анбар; у *Федьки ж Коледы* куплена тяглая деревня в Сёлах; у тяглого крестьянина у *Ивашка Шешукова* — двор с пашенными землями, да 2 пожни, сенных покосов на 130 копен». Здесь же объясняется, каким путём *Ф. Щепоткин* приобрёл в Соликамске варницы — «напоя усолца посадцкого лутчего человека *Федьку Коледу*, и насилством отнял у него соляной варнишный промысл со всякими заводы, и взял в неволю на него, *Федьку*, на те соляные промыслы крепость в 10000 рублех» **[33]**.

Известно, что тяглецу Мясницкой полусотни *Ф. Щепоткину* пришлось судиться с посадским миром Соли Камской, который пытался привлекать его к несению различных служб. Это судебное дело закончилось в пользу *Ф. Щепоткина* и балахонского посадского человека *И. Соколова* с братьями, о чём свидетельствуют следующие документы. В грамоте из Новгородского приказа соликамским воеводе *Ивану Монастыреву* и подьячему *Савве Тютчеву* от 19 сентября 1670 г. сказано: «По челобитью Мясницкой полусотни соцкого *Куземки Зыкова* и всех тое сотни тяглецов. Велено иму у Соли Камской с промыслов своих подати платить с усолцы с посадцкими людьми по Уложенью, а в службы *Федьку Щепоткина* выбирать не велено» **[34]**. Эта грамота была запечатана и отправлена по месту назначения 21 сентября того же года. Более подробно её текст изложен в книге Новгородского приказа за тот же 1670 г.: «По памяти из Земского приказу за приписью дьяка *Федора Протопопова* послана великого государя грамота к Соли Камской к воеводе и к подьячему за приписью дьяка *Ефима Юрьева*, велено Мясницкой полусотни тяглецу *Федьке Шепоткину* у Соли Камской с промыслов своих велеть подати платить с усолцы с посадцкими людьми, как о том в Уложенье написано, чтоб в тягле нихто изобижен и в ызбылых не был, а в службу ево у Соли выбирать не велеть, потому что он службы служит на Москве с чернослободцы в Полумясницкой сотне» **[35]**. А 28 сентября 1670 г. из того же Новгородского приказа была послана память в Земский приказ «против памяти ис того же приказу по челобитью *Федьки Щепоткина*. Указал великий государь Мясницкой полусотни тяглецу *Федьке Щепоткину* у Соли Камской с своих

промыслов и со всяких угодей тягло и оброк, стрелецкие деньги платить и сибирские ямские отпуски отпускать с усолцы, а служеб служить у Соли с усолцы не велено» **[36]**.

2 августа 1671 г. в своей челобитной соликамский земский староста *Мирон Простокишин* написал, что они выбрали *Ф. Щепоткина* и *И. Соколова* на службу в целовальники на соляные лодьи к Зырянскому промыслу по тому, что «*Федор* и *Иван* к промыслам своим з домами своими поселились жить у Соли Камской. И отслужа де они, *Федор* и *Иван*, тое лодейную службу, били челом великому государю на них, усолцов, ложно» **[37]**. В ответ в Соль Камскую была прислана грамота, подтвердившая запрет выбирать *Ф. Щепоткина* и *И. Соколова* в службы и окладывать их имущество пятой и десятой деньгой, так как они служат и платят налоги в Москве.

М. Простокишин сообщал также в Новгородский приказ, что оба эти солепромышленника «про усолские свои варнишные промыслы, и всякие тяглые заводы, и продажную и отпускную соль потаили, и с того живота великому государю десятой денги не платили». По его сведениям, *Ф. Щепоткин* заплатил в Москве 95 руб. только со своих московских лавок и промыслов, «а что де у него, *Федьки*, у Соли Камской варнишных всяких промыслов по поступной записе есть, что ему поступился за свой долг и за недожилые годы усолец посадский тяглый человек *Федька Коледа*, ценою на серебряные деньги 314 рублев», а также с продажной и отпускной соли налогов он не заплатил **[38]**.

27 сентября 1671 г. на челобитную *М. Простокишина* последовала следующая приказная резолюция думного дворянина *Артамона Сергеевича Матвеева*: «... *Ивана Соколова* и *Федора Щепоткина* поставить в Новгороцком приказе и против челобитья усолцов про их усолские промыслы допросить», а в Приказ Болшого прихода послать память о присылке сведений об их доходах **[39]**.

Согласно распоряжения *А. С. Матвеева*, находившийся в это время в Москве *И. Соколов* дал показания о своих соликамских доходах. *Ф. Щепоткина* же допросить не удалось, так как в столице его не оказалось, а «живет у Соли Камской у своих промыслов» **[40]**.

12 октября 1671 г. в Приказ Большого прихода была направлена память с запросом, а 29 ноября в Новгородском приказе получен ответ на неё, в котором перечислялись имущество и доходы промышленников в Соли Камской, с которых они были обязаны платить налоги. О «животах» *Ф. Щепоткина* в Соли Камской в этом документе сообщалось следующее: «... с варничных промыслов с трех варниц, с трех росолных труб, з двора, с соляного анбара, з деревни, с пашенных земель и с сенных покосов, по цене з десяти тысечь рублев; да с пермской с продажной соли, что у Соли Камской и в Нижнем продал, с трех тысячь з двухсот с семидесяти сопец, да с семи тысечь с трехсот с семидесяти с осми пуд с полупудом соли, по цене с трех тысяч со ста осмидесяти с трех рублев з дватцати с одного алтына с четырех денег ...» **[41]**.

По-видимому, обвинение *М. Простокишина* и всего посадского мира Соли Камской *Ф. Щепоткина* и *И. Соколова* в неуплате пятинных денег со всех своих доходов целиком подтвердилось. Вследствие этого в 7180 (1671/1672) г. указом великого государя было повелено «с усолских их промыслов пятою,

и десятою, и пятнатцатою деногй велено обложить усолским окладчиком, гостиной сотни *Якову Онофрееву* да *Федору Черкасову* с товарыщи, и о том к ним великого государя указ ис Приказа Болшого прихода к Соли Камской послан» **[42]**.

Прошло совсем немного времени, и из Новгородского приказа в Соликамск пришло уже совсем иное указание. Вызвано оно было, вероятнее всего, тем обстоятельством, что в приказ поступила челобитная соликамского земского старосты *Тимофея Емельянова* о том, что в предыдущие годы им была дана грамота, по которой «велено *Федору Щепоткину* с его усолских тяглых покупных и дан[н]ых мест, и с варнишных промыслов, и з дворов, и с пашен, и с сенных покосов с ними у Соли Камской всякие службы служить, и подати платить, и в ямскую гоньбу помогать». Между тем, по сведениям земского старосты, «... он де, *Федька*, на Москве с черносслободцы в Полумясницкой сотне и у Соли Камской с ними, усолцы, служеб с тех усолских промыслов не служит, живет у Соли Камской и всякими промыслы промышляет», имея здесь при этом «многие соляные промыслы, и земли, и дворы, и пашни, и сенные покосы, и всякие угодья». В заключение *Т. Емельянов* просил, чтобы *Ф. Щепоткину* и *И. Соколову* было указано, как и прежде, служить всякие службы «по государеву указу и Уложению» по выборам соликамской посадской общины **[43]**.

В ответ на эту просьбу 5 июня 1672 г. из Новгородского приказа была послана грамота соликамским воеводе *И. С. Головкину* и подьячему *Никите Спискову*, в которой предписывалось: «... ему, *Федору Щепоткину*, всякие службы служить с ними, с усолцы, по их выбору и подати платить по нашему, великих государей, указу и Соборному Уложению, чтоб в тягле и в службех нихто изобижен и в ызбылых не были...» **[44]**. Но уже через четыре месяца, 18 октября того же года, в Соликамске получили грамоту «по челобитью Мясницкой полусотни соцкого *Ивашка Денисова* и всех тое сотни тяглецов, велено *Федору Щепоткину* у Соли Камской с промыслов своих подати платить и в сибирские отпуски помогать с усолцы с посадскими людми, а в службы ево, *Федора*, и приказчиков ево у Соли Камской усолцом выбирать не велено, так, как и балахонцев у Соли Камской выбирать не велено» **[45]**.

Дело в том, что посадский мир Соли Камской при раскладке тягла завысил экономические возможности иногородних тяглецов, и в частности, *Ф. Щепоткина*. Последний опротестовал это решение окладчиков в Москве, о чём говорится в грамоте, направленной 12 мая 1674 г. из Новгородского приказа соликамскому воеводе *И. Головкину*: «... по челобитью москвитина Полумясницкой сотни *Федьки Щепоткина*, велено про оклад ево с соляной ево варницы, что положили земской староста и все посадские люди не против ево мочи, сыскать и отписать к Москве» **[46]**.

Возможно, что по результатам этого сыска *Ф. Щепоткин* и получил 1 июня 1674 г. царскую жалованную грамоту за свои заслуги, согласно которой принадлежавшие ему дома освобождались от постоя, а он сам — от выборных служб и от оклада по городам пятой, десятой и пятнадцатой деньгой.

Таким образом, длившийся в течение ряда лет спор между посадским миром Соли Камской и солепромышленником *Ф. Щепоткиным* об уплате им пятинных денег со своего имущества и доходов и о выборе его в различные службы по Соли Камской в итоге разрешился в пользу последнего. Как показано выше, *Ф. Щепоткин* старался скрыть свои доходы и уклониться от уплаты с них налогов; посадский же мир Соли Камской добивался платежа им денег и выполнения служб вместе с ним, мотивируя это тем, что он человек богатый и большую часть времени живёт у своих солеваренных промыслов.

Тяжба эта, по-видимому, закончилась в середине 1674 г., когда *Ф. Щепоткин* получил жалованную грамоту на своё имя. Грамота была запечатана в Печатном приказе 26 июня того же года и записана в приказной книге следующим образом: «Жалованная грамота москвитину торговому человеку, Мясницкой полусотни тяглецу *Федору Матвееву* сыну *Щепоткину* за ево службы, что был у продажной соли, за ево работу против гостиной сотни, стоялцов у него и у детей ево, которые с ним живут не в розделе, стоялцов на дворе ставить, и питья вынимать, и огня вынимать не велено» **[47]**. Полный текст этого документа публикуется в приложении к данной статье.

После смерти *Ф. Щепоткина* все принадлежавшее ему имущество, в том числе и соляные промыслы, перешли к его вдове *Евдокие* (*Авдотье*) *Никифоровне*, которая стала вести дела. Так, в переписной книге Соли Камской 1678 г. среди прочих на посаде записан и её двор: «Вдова Мясницкой полусотни тяглеца *Федоровская* жена *Щепоткина Евдокеица Никифорова* дочь. Живет у варнишного своего промыслу. А по досмотру, сверх росписи во дворе у нея: поляки *Стенька Дмитриев* сын *Леговской*, у него сын *Тимошка*; да *Ларька Трофимов* сын; да купленные калмыки: *Данилко Григорьев* 9 лет, *Микитка Иванов* 6 лет, *Петрушка Иванов* 8 лет» **[48]**.

В этой же переписной книге указано, что *Е. Щепоткиной* принадлежал ещё пустой двор у церкви Рождества Богородицы в Усть-Боровском погосте на р. Каме: «Двор пуст *Фарафанка Семенова* сына *Шешукова*. *Фарафанка* умре в прошлых годех. Дворовым пустым местом владеет Мясницкой полусотни *Федоровская* жена *Щепоткина*, вдова *Евдокейка Никифорова* дочь» **[49]**.

О деятельности *Е. Щепоткиной* ещё известно, что 24 августа 1693 г. она подала в Новгородский приказ челобитную, в которой просила разрешить ей брать «в подступку и в заклад» «тяглые земли и всякия угодья» в Соликамском и Чердынском уездах, а также «из приказной избы отдавать ей ис тягла и ис оброков порозжие земли и другие тяглые угодья» **[50]**.

Приведём текст этого документа полностью: «Великим государем царем и великим князем *Иоанну Алексеевичю*, *Петру Алексеевичю* всеа Великия и Малыя и Белыя Рос[с]ии самодержцем.

Бьет челом сирота ваша, москвитина, Мясницкой полусотни тяглеца чернослободца *Федоровская* жена *Щепоткина*, вдова *Дунька Никифорова* дочь. В прошлом, государи, во 198-м (1690) году августа в 24 день по вашему, великих государей, указу и по грамоте из Новогородцкого приказу за приписью дьяка *Василья Бобинина* усолским и чердынским посадцким людем и уездным крестьяном тяглых своих вотчин, земель, и лавок, и варнишных про-

мыслов, и дворовых мест, и всяких тяглых угодей, к гостем, и к гостиной сотне, и всякого чину к беломесцом продавать, и закладывать, и в поступку за долги отдавать не велено. Так и площадным подьячим на такие тяглые вотчины, на земли, и на варнишныя промыслы, и на всякие угодьи, от тяглых посадцких людей и уездных крестьян к гостем, и к гостиной сотни, и всякого чину к беломесцом закладных, и купчих, и поступных крепостей писать не велено ж.

А муж мой, *Федор Щепоткин*, был чернослободец, посадцкой тяглой человек, и всякие ваши, государские, службы с ними, черносchallenge слоботцы, служил, и тягло ваше, государское, платил. И я, сирота ваша, после мужа своего будучи у Соли Камской, с варнишного своего промыслишка, и з данных ваших, государских ж, и с тяглых своих покупных земель, и со всяких угодей вашего, великих государей, тягло и подати, и ваши, государские, оброки, и с соленой продажи пошлину плачю по вся годы без доимок.

Милосердые великие государи цари и великия князи *Иоанн Алексеевич*, *Петр Алексеевич* всеа Великия и Малыя и Белыя Рос[с]ии самодержцы, пожалуйте меня, сироту свою, велите, государи, впредь мне, сироте вашему, для варничного моего промыслишку у Соли Камской и в Чардыни в уездех тяглые земли, и лавки, и всякие тяглые угодья в подступку и под заклад имать. А где ваши, государские, обыщутся порозжие земли и всякие тяглые угодья, велите, государи, по моему челобитью отдавать мне, сироте, из приказной избы ис тягла и из оброков. И о том велите, государи, дать мне, сироте вашей, свою, великих государей, грамоту с прочетом.

Великие государи, смилуйтеся!».

К документу вместо *Е. Щепоткиной* по её распоряжению руку приложил (т. е., расписался) усолец *Никишка Игнатьев* сын *Заварин*.

Примечательно, что уже в тот же день — 24 августа 1693 г. — в Новгородском приказе на эту челобитную была наложена резолюция, предписывавшая полностью удовлетворить просьбу *Е. Щепоткиной*: «… По указу великих государей послать их, государеву, грамоту к Соли Камской к столнику и к воеводам с сего челобитья, велеть той вдове для своих промыслов земли покупать, и под заклад брать, и из оброку имать, и с тех земель их, государевы, подати платить и с мирскими людми всякие подати тянуть, по чему мирские люди обложат, для того, что она не беломесцова жена».

Известно, что после смерти *Е. Щепоткиной*, последовавшей в 1696 г., все нажитые *Ф. Щепоткиным* соляные промыслы и сельскохозяйственные угодья в Соли Камской были разделены между его зятьями — балахонским посадским человеком *Афанасием Ивановичем Соколовым* и соликамским посадским человеком *Иваном Ивановичем Суровцевым*. Каждый из них получил по половине от всего имущества *Ф. Щепоткина* **[51]**.

Таким образом, в данной статье на основании архивных документов удалось детально проследить жизненный путь торгового человека и солепромышленника *Ф. М. Щепоткина* от начального периода его деятельности почти до самой кончины и разрушения созданного им хозяйства и охарактеризовать осуществлявшуюся им на протяжении четверти века активную торгово-промышленную деятельность.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. ***Устюгов Н. В.*** Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. — М., 1957.
2. РГБ. ОР. Ф. 67. Кор. 4. Д. 11. Л. 1.
3. РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 63. Л. 9.
4. РГАДА. Ф. 141. Оп. 1660 г. Д. 129. Л. 627.
5. ***Устюгов Н. В.*** Указ. соч. С. 298.
6. РГАДА. Ф. 141. Оп. 1671 г. Д. 395. Л. 11.
7. РГАДА. Ф. 141. Оп. 1671 г. Д. 395. Л. 11.
8. АСПбФИРИ РАН. Колл. 226. Оп. 1. Д. 711. Лл. 1-32.
9. РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 141. Л. 88 об.
10. РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 155. Л. 34 об.
11. РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 162. Л. 369 об.
12. РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 163. Л. 73.
13. РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Кн. 82 (по Великому Новгороду). Л. 141 об.
14. РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 84. Л. 85 об.
15. РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 112. Л. 74.
16. РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 113. Л. 55.
17. РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 143. Л. 170.
18. РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 149. Л. 181 об.
19. РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 157. Л. 169.
20. РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 162. Лл. 375, 41.
21. РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 162. Л. 375.
22. ***Устюгов Н. В.*** Указ. соч. С. 76.
23. РГАДА. Ф. 141. Оп. 1660 г. Д. 177. Л. 346.
24. ***Устюгов Н. В.*** Указ. соч. С. 76.
25. РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 132. Л. 140.
26. РГАДА. Ф. 141. Оп. 1679 г. Д. 280. Л. 72.
27. РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 172. Л. 377.
28. АСПбФИРИ РАН. Колл. 226. Оп. 2. Д. 284. Л. 1.
29. РГАДА. Ф. 141. Оп. 1671 г. Д. 395. Л. 22.
30. РГАДА. Ф. 141. Оп. 1671 г. Д. 395. Л. 8.
31. АСПбФИРИ РАН. Колл. 226. Оп. 2. Д. 284. Л. 1.
32. РГАДА. Ф. 141. Оп. 1671 г. Д. 395. Л. 8.
33. РГАДА. Ф. 141. Оп. 1671 г. Д. 395. Л. 9.
34. РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 163. Л. 107.
35. РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Кн. 82 (по Великому Новгороду). Л. 141 об.
36. РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Кн. 82 (по Великому Новгороду). Л. 140.
37. РГАДА. Ф. 141. Оп. 1671 г. Д. 395. Л. 16.
38. РГАДА. Ф. 141. Оп. 1671 г. Д. 395. Л. 18.
39. РГАДА. Ф. 141. Оп. 1671 г. Д. 395. Л. 20.

40. РГАДА. Ф. 141. Оп. 1671 г. Д. 395. Л. 26.
41. РГАДА. Ф. 141. Оп. 1671 г. Д. 395. Л. 22.
42. РГАДА. Ф. 141. Оп. 1671 г. Д. 395. Л. 23.
43. РГАДА. Ф. 141. Оп. 1671 г. Д. 395. Л. 216.
44. РГАДА. Ф. 141. Оп. 1671 г. Д. 395. Л. 221.
45. РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 172. Л. 383.
46. РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 181. Л. 66.
47. РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 182. Л. 91.
48. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 442. Л. 15 об.
49. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 442. Л. 332.
50. РГАДА. Ф. 141. Оп. 1693 г. Д. 133. Лл. 1-3.
51. ***Устюгов Н. В.*** Указ. соч. С. 88.

* * *

1674 г., июня 1. — Жалованная грамота царя *Алексея Михайловича* московскому торговому человеку, тяглецу Мясницкой полусотни *Ф. М. Щепоткину* об освобождении от постоя, выборных служб и от оклада по городам пятой, десятой и пятнадцатой деньгой.

(л. 1) [1]Божиею милостию мы, великий государь царь и великий князь *Алексей Михайлович* всеа Великия и Малыя и Белыя Рос[с]ии самодержец,[1] пожаловали москвитина торгового человека, Мясницкой полусотни тяглеца *Федора Матвеева* сына *Щепоткина* за ево к нам, великому государю царю, службу и работу, что бил челом нам, великому государю царю и великому князю *Алексею Михайловичю* всеа Великия и Малыя и Белыя Рос[с]ии самодержцу, он, *Федор Щепоткин*.

А в челобитной ево написано: в прошлом де во 177-м (1668/1669) году выбрали ево, *Федора*, Соли Камской староста *Андрюшка Лаптев* с друзьями своими в неволю в нашу, великого государя, службу на соляную лодью в Зырянския усолья к приему и к отдаче до Нижнего Новаграда и с отчетными соляными с лодейными книгами к Москве, и в тюрьму де ево сажали и в кайдалах шесть недель мучили, и в Зырянския усолья в койдалах сослали. И он де, *Федор*, принял соли в [2]дондинскую[2] лодью двенатцать тысячь триста десять сапец, и в Нижнем Новегороде промышлен[н]ику гостиной сотни *Григорью Добрынину* сем[ь]десят две тысячи восмьсот шестьдесят шесть пуд отдал и росписку взял, и с теми де с лодейными с соляными книгами приехал к Москве и подал в приказе нашей, великого государя, Большия казны.

И в прошлом де во 175-м (1666/1667) году у иных лодей целовальников увесу у лодьи соли было восмь тысечь семьсот шестьдесят один пуд; да у них же денег на тое лодью изошло тысечя шестьсот один рубль один алтын пол-

---

[1-1] Эти слова, составляющие в документе 2 первые строки, написаны золотом и стилизованы под вязь.
[2-2] Так в документе.

торы деньги. А во 176-м (1667/1668) году увесу у лодьи соли у лодейных же целовальников было девять тысечь триста девяносто два пуда три четверти, а денег у них изошло на тое лодью тысечя шестьсот сорок пять рублев одиннатцать алтын полторы деньги. А у него де, *Федора*, увесу у лодьи было соли девятьсот девяносто четыре пуда.

И прибыли де нам, великому государю, в увесной соли учинил он, *Федор*, перед прошлыми годами и перед целовальники девять тысячь триста девяноста два пуда две четверти; да у него же де в росходу на лодью денег тысечя двести шестьдесят шесть рублев дватцать шесть алтын одна деньга. И в том он, *Федор*, нам, великому государю, учинил в денежном расходе перед иными целовальники, которые преж сего были, прибыль до Нижнего триста семьдесят восмь рублев осмьнатцать алтын полторы деньги.

Да он же де, *Федор*, служил нам, великому государю, у каменного Гостина двора и у шти товаров в Сибирском приказе семь лет безпеременно. А наперед де сего наша, великого государя, грамота из Земского приказу ему была дана же с прочетом, что ево ни в какие градцкие службы выбирать мимо московских служеб не велено; и Соли де Камской староста и посадския люди выбрали ево во градскую службу мимо нашей, великого государя, грамоты.

И нам, великому государю, пожаловати бы ево, *Федора*, нашим, великого государя, жалованьем, честью против гостиной сотни и против ево братьи торговых людей розных слобод, велети ему дать нашу, великого государя, жалованную грамоту, чтобы ему на Москве, и в городех, и у Соли Камской повольно было всякое питье держать про свою нужду, и постоев не ставить, и огневщиком на дворы его не въезжать, и караулов с него не спрашивать, и по городом, где у него есть промыслов, и за теми своими промыслы будет он, *Федор*, жить, и в тех городех ево, и детей ево, и работников ни в какие градцкия службы не выбирать, и пятою, и десятою, и пятнатцатою деньгою не окладывать, потому что де он служит службы ис[с]тари на Москве в Мясницкой полусотни с своею братьею, пятою и десятою деньгу платит по окладу с ними же в ряд.

И в Земском приказе против ево, *Федорова*, челобитья о службах ево выписано, в прошлых во 169-м (1660) и во 170-м (1662) годех сентября в 30 да февраля во 12-м числех в памяти за приписью дьяков наших *Томилы Истомина* да *Григорья Порошина* написано: служил нам, великому государю, Мясницкой полусотни тяглец *Федор Щепоткин* на новом Гостине дворе в целовальниках у каменнаго строенья и у всяких подрядов безпеременно и без подмоги два годы без выбору; да по нашему же, великого государя, указу и по выбору за руками Мясницкой полусотни соцкого и мирских людей служил он, *Федор*, нам, великому государю, у наших, великого государя, у шти товаров в Сибирском приказе в целовальниках без перемены и без подмоги пять лет.

Да в Земском же приказе в указной книге прошлого 178-го (1669) году написано: октября в 16 день в Земской приказ из приказу нашей, великого государя, Большия казны в памяти за приписью дьяка нашего *Степана Шарапова* написано: бил челом нам, великому государю, Мясницкой полусотни тяглец *Федор Щепоткин*, а в прошлом де во 176-м (1667/1668) году выб-

рали ево Соли Камской земской староста *Андрюшка Лаптев* з друзьями своими в неволю в нашу, великого государя, службу на соляную лодью в Зырянския усолья к приему и к отдачи до Нижнего с отчетными соляными книгами к Москве, и в тюрьму ево сажали и в кайдалах шесть недель мучили, и в Зырянския усолья в кайдалах сослали. И он де, *Федор*, принял в Зырянских усольех в дондинскую лодью двенатцать тысечь триста десять сапец, и отдал в Нижнем промышленнику гостиной сотни *Григорью Добрынину* семьдесят две тысячи восемьсот шестьдесят шесть пуд и роспиську взял, и с теми соляными лодейными книгами приехал к Москве и подал в приказе Большия казны, и по тем де книгам ево в приказе нашей, великого государя, Большия казны считают. А в прошлом де во 175-м (1666/1667) году у прежних целовальников увесу у одной лодьи было восмь тысечь семьсот шестьдесят один пуд, да у них же денег изошло на ту лодью тысечя шестьсот один рубль один алтын полторы деньги. А во 176-м (1667/1668) году увесу было у одной лодьи девять тысечь триста девяносто два пуда три четверти, а денег изошло на ту лодью тысечя шестьсот сорок рублев одиннатцать алтын полторы деньги. А у него де, *Федора*, у лодьи соли увесу учинилось девятьсот девяносто четыре пуда, и прибыли в нашей, великого государя, увесной соли учинил он, *Федор*, перед прошлыми годами и перед целовальники девять тысечь триста девяноста два пуда две четверти; да у него же, *Федора*, в росходе на лодью денег тысеча двести шестьдесят шесть рублев дватцеть шесть алтын одна деньга. И в том он, *Федор*, прибыли учинил нам, великому государю, в денежном росходе перед иными целовальники, которые преже сего были, до Нижнего триста семьдесят восмь рублев восмь алтын полторы деньги.

И мы, великий государь царь и великий князь *Алексей Михайлович* всеа Великия и Малыя и Белыя Рос[с]ии самодержец, пожаловали москвитина, Мясницкой полусотни тяглеца *Федора Щепоткина* за ево к нам, великому государю, многую службу и за работу против гостиной сотни; стояльцов у него, *Федора Щепоткина*, и у детей ево, которые с ним живут не в разделе, на дворе ставить на Москве и в городех, и вина, и пива, и всякого питья, и огня вынимать не велели, и по городам, где у него есть промыслы, и за теми своими промыслы будет он, *Федор*, жить, и в тех городех ево, и детей ево, и работников ни в какия градцкия службы не выбирать, и пятою, и десятою, и пятнатцатою деньгою не окладывать, потому что он наши службы служит ис[с]тари на Москве в Мясницкой полусотни с своею братьею и пятую и десятую деньгу платит по окладу с ними же в ряд; а велели ему всякое питье держать по указу про себя безъявочно и безвыимочно, а не на продажу.

И сю нашу, великого государя, жалованную грамоту за нашею, государскою, красною печатью дать ему, *Федору*, велели.

Писан в нашем царствующем граде Москве лета от сотворения мира 7182-го (1674) июня в 1 день.

АСПбФИРИ РАН. Колл. 226. Оп. 2. Д. 284. Л. 1. Подлинник.

Записи и пометы:

1. на л. 1 под текстом: «2 рубли с полтиною взято. В книгу записана» (XVII в.).
2. на л. 1 об.: «Царь и великий князь *Алексей Михайлович* всеа Великия и Малыя и Белыя Рос[с]ии самодержец» (XVII в.).
3. на л. 1 об.: «Смотрел *Мишка Спасеньев*» (XVII в.).

Грамота в лист (44, 3 х 57, 8 см), подложена чистым листом бумаги (48, 5 х 53, 5 см), покрыта тисненым шелком желтого цвета, скреплена с покрывалом и чистым листом в нижней части серебряной нитью в форме уголка. Бумага без филиграней. Заставка — цветной орнамент под короной, на полях вертикальный цветной орнамент, писанный золотом. У грамоты вислая государственная печать на витом шнуре.

В.А. Перевалов

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ О ГОРНОЗАВОДСКОМ ДЕЛЕ НА УРАЛЕ И В СИБИРИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в. (по материалам ГАСО)

В изучении многих ключевых вопросов истории Урала, уже рассматривавшихся историками, по-прежнему остаётся немало малоисследованных проблем и аспектов. Особенно это касается периода XVI-XVIII вв. (а отчасти и XIX в.), изучение которого затруднено малодоступностью источников для широкого круга исследователей. На наш взгляд, положение дел в этой области может поправить систематическое, по мере возможности, издание архивных документов. В настоящей работе публикуются новые материалы из Государственного архива Свердловской области (ф. 24 «Уральское горное правление»), проливающие свет на различные вопросы начального периода истории промышленного освоения Урала и Западной Сибири.

Эти архивные документы, хронологические рамки которых охватывают 1702-1722 гг., рассказывают о становлении горнозаводского дела в нашем крае и в целом в России, рисуют картину блестящих открытий уральских рудознатцев начала XVIII в. — братьев *С.* и *Ф. Бабиных*, *К. Сулеева*, *Н. И. Огнева*, *Ф. Инютина* и многих других, содержат новые интересные сведения о деятельности одного из первых частных заводовладельцев на Урале *Ф. И. Молодого*, чью биографию тщательно изучил крупнейший современный историк *А. А. Преображенский* [1].

Остановимся на характеристике издаваемых ниже исторических источников более подробно.

В ранее отчасти уже использовавшихся, но по прежнему представляющих, на наш взгляд, большой интерес материалах Кунгурской канцелярии горных дел [2] нами найдены новые данные по истории Кунгурского медеплавильного завода — одного из первенцев казённой промышленности Урала (док. № 1). Несомненный интерес представляет доношение в Берг-коллегию известного рудознатца и плавильного мастера *Н. Огнева* 1720 г. (док. № 2), в котором он через свою биографию излагает историю появления и скорого упадка этого предприятия, последовавшего во многом из-за нерадивости и даже помех со стороны местного коррумпированного чиновничества. Под впечатлением недавно изданной *Петром I* Берг-привилегии *Н. Огнев* также высказал в нём (в косвенной форме) своё, во многом утопичное в условиях бюрократизирующегося самодержавно-дворянского государства, мнение о путях развития горнометаллургической промышленности в стране, предложив пойти путём создания большого количества частных предприятий, основываясь при этом в генеральной перспективе на чисто капиталистических началах — главенстве и неприкосновенности частной собственности, создании рынка свободной рабочей силы, развитии элементов правового государства и др. Разумеется, эти предложения не соответствовали ни уровню социально-экономического развития российского общества того времени, ни его традициям, и не совпадали с планами государства, отдавшего приоритет созданию крупной казённой промышленности и подконтрольных ему частновладельческих «империй» горных магнатов, быстро вписавшихся в структуру феодально-бюрократического государства. Охарактеризованное выше доношение *Н. Огнева* хорошо дополняет его же «ведение» 1722 г. только что возглавившему уральскую промышленность генерал-майору *В. И. де Геннину* (док. № 9), в котором он рассказывает о своей деятельности на Мазуевском железоделательном заводе *Ф. Молодого* в 1709-1711 (или 1712) гг. и на казённом Кунгурском медеплавильном заводе в 1712-1716 гг. и предпринимавшихся им в то время попытках восстановить пришедший в упадок и возвращённый из казны прежним владельцам Мазуевский завод.

«Роспись медным и железным заводам, которые по присланным в Бергъ-коллегию ведомостям в Сибирской губернии написаны, и с которых надлежит збират[ь] на государя десятую долю» 1720 г. (док. № 3) даёт сведения о количестве и местоположении частных металлургических производств на Урале в первой четверти XVIII в., а также об их владельцах. Все они, за исключением Невьянского завода *Н. А. Демидова*, были небольшими и располагались в различных населённых пунктах Кунгурского уезда.

Впервые вводятся в оборот документы о находках рудоискателями «минералий» в окрестностях Кунгура, Невьянского, Уктусского и Алапаевского заводов, а также в Томском уезде (док. №№ 4-7).

Об итогах деятельности уральских рудознатцев в первой четверти XVIII в. можно судить по составленному в Кунгурской канцелярии горных дел весьма полному и достоверному реестру их открытий (док. № 8). Так, например, помимо известных первооткрывателей Гумешевского медного рудника *С. Бабина* и *К. Сулеева* [3], о находках медной руды в этом районе заявляли ещё *Фёдор Бабин*, «прискавший» её в 1718 г. на речке Полевой «за Чусовой рекой», и

крестьянин Арамильской слободы *Сила Вилесов* «с товарищы», предъявивший в 1720 г. «рудные знаки» также «из-за Чусовой с Полевой речки» и с реки Чусовой, «выше Косова Броду». Примерно в то же время были сделаны и другие любопытные открытия. Так, в 1719 г. знак медной руды с реки Пышмы объявил крестьянин Арамильской слободы *Аверкий Ситников*. В 1720 г. такой же «рудной знак и белой камень (использовавшийся при сооружении горновых печей. — *Прим. авт.*) от Пышмы реки» объявил *Василий Котугин* (*Кукарен*), с января 1710 г. работавший на Уктусском заводе подмастерьем у «угольного зжения» на курене угольного мастера *О. Хромого* (*Урана*) [4]. Очевидно, что это первые известные к настоящему времени упоминания о месторождении меди в верховьях реки Пышмы, где впоследствии возник Пышминско-Ключевской медный рудник, активно эксплуатировавшийся во второй половине XIX-XX вв. Добыча руда на нём была прекращена только в 1976 г. (именно на ней долгое время работал комбинат «Уралэлектромедь» — крупнейшее в Европе предприятие по электролитическому производству меди).

Все документы публикуются в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (М., 1990).

Автор выражает искреннюю признательность за помощь в подготовке настоящей работы заведующему отделом кинофотодокументов и личных фондов ГАСО О.Ю. Сарафанову.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII вв. — М., 1972. С. 257-286. См. также: Черноухов А. В. История медеплавильной промышленности России XVII-XIX вв. — Свердловск, 1988. — С. 39-40.

[2] Голендухин Л. Д. Уральские рудоискатели начала XVIII в. — Б. Русаев, Ф. Н. Мальцев, Н. Ф. Шаламов («Розыск по счетному делу» 1720 года) //В помощь краеведу. Вып. 3. — Свердловск, 1966. — С. 82-87.

[3] Меньщиков Б. В. Страницы истории Гумешевского рудника //Полевской край. — Екатеринбург, 1998. — С. 60.

[4] Перевалов В. А. Документы Уктусской судной избы начала XVIII в. из ГАСО //Вторые Татищевские чтения. — Екатеринбург, 1999. — С. 118-119.

* * *

(1) *1720 г., после 19 октября.* — **Выписка из дела, расследовавшегося в Канцелярии рудных дел и в Берг-коллегии, о найденных в 1712 г. в Кунгурском уезде медных рудах и меди, выплавлявшейся мастерами *И. Стариковым, Н. Огневым* и *Ф. Инютиным* на казённом Кунгурском медеплавильном заводе.**

(л. 112) *Копия о*[б] *изследовании руд. И такая ж послана наперед сего.*

В прошлом 1715-м году декабря в 28 де[нь] в пис[ь]ме в Рудную канцелярию из Москвы от господина *Плещеева* написано: в Москве де Сибирской губернии кунгурской камендант *Леонтей Шокуров* явил медную руду.

И при том пис[ь]ме прислал ведение, а в нем написано: августа де в 2 де[нь] [1]715 ж году кунгурской де камендант *Леонтей Шокуров* подал известие, в котором написано: в бытность де ево, как он был в Кунгуре камендантом, выплавлено при нем чистой меди в [1]712-м, и в [1]713-м, и в [1]714-м годех 165 пуд, и ту де медь прислал он к Москве. А та де руда в Кунгурском уезде по малым рекам по Бол[ь]шому и по Малому Быму, по Горевой, и по Бырме, и в ыных местах. А у того де промыслу рудазнатели и плавил[ь]щики тамошние жители. И явил он той же кунгурской руды, ис которой мед[ь] плавят.

А в Москве по свидетел[ь]ству надзирателя Манетного двора иноземца *Ивана Ланка* // (л. 112 об.) ис той руды выходит из фунта — 31 золотник [меди ? — ***Прим. авт.***] да 3 четверти золотника серебра, из другой из фунта — меди 15 золотников.

А по справке с Сибирскою канцеляриею, от него, каменданта *Шокурова*, такая медь в присылке была, и отдана за Сибирскую губернию заемных денег по 6 ру[блей] по 26 ал[тын] по 4 де[ньги] пуд, а другая продана в Котел[ь-]ной ряд по 6 ру[блей] пуд.

И при том в Канцелярию рудных дел прислал из руд медные пробы.

А генваря в 23 де[нь] 1717-г[о] году в Канцелярию рудных дел писал из Москвы он, господин *Плещеев*: царское де величество указал по имянному своему, великого государя, указу ехат[ь] ему на Кунгур, взяв с собою рудных плавил[ь]ных мастеров, и в тех местах, где сысканы медные руды, освидетел[ь-]ствовать подлинно ему самому, и учиня пробы, прислать в Санктъ-Питербурх в Канцелярию рудных дел. И для оного осмотру и освидетел[ь]ствования на Кунгур послал он по наказу стол[ь]ника князя *Семена Со[л]нцова-Засекина*. И оной де *Со[л]нцов-Засекин* прислал к нему с Кунгура о вышеозначенной руде сыск и меди 2 слитка, с которого с сыску // (л. 113) ведение и оной меди из обоих слитков по половине прислал при том пис[ь]ме.

А в присланном ведении написано: в прошлом [1]716-м году августа в 27 де[нь] по указу великого государя и по наказу ис Канцелярии ведомства полуполковника и от лейб-гвардии капитана-порутчика *Плещеева* для усмотрения и освидетел[ь]ствования медной руды посылан был на Кунгур князь *Семен Со[л]нцов-Засекин*.

И декабря 17-г[о] дня в пис[ь]ме оного *Со[л]нцова-Засекина* в Концелярию к нему, *Плещееву*, ис Казани написано: на Кунгуре де, взяв из оставшей худой руды 27 пуд, плавил на 2 печи, и вышло чистой [меди. — ***Прим. авт.***] 12 фунтов. А по ведомости де каменданта *Лариона Синявина* и рудазнатчиков, в том уезде медные руды никакие вновь нет. А в бытность де *Леонтья Шокурова* скол[ь]ко руды пуд было и выплавлено, о том известия ему не дали, а сказали, что те книги при нем, *Шокурове*. А после ево, *Шокурова*, ведал сын ево *Лев Шокуров*, и до прибытия ево, и с книгами, взят в Таболеск. // (л. 113 об.) Да по ведомости де кунгурских рудазнателей, сыскалос[ь] вновь многая руда, и накопана в готовность, Соли Камской в пригородке Орла *Строгоновых*, и взята до него в Кунгур, и в плавке

хороша. И впред[ь] де на Кунгур посылат[ь] не для чего, а явствует о том в сыску.

А в сыску ево написано:

Кунгурской де камендант *Синявин* в ызвестии к нему написал: по справке де на Кунгуре, в [1]712-м году декабря в 5 де[нь] по указу за приписанием бывшего губернатора князя *Гагарина* велено *Леонтью Шокурову* в Кунгурском уезде сыскиват[ь] всяких руд, какие приискат[ь] мочно, и зделат[ь] завод рудоплавил[ь]ной, где плавит[ь] мед[ь].

И в [1]712-м, и в [1]713-м, и в [1]714-м годех при бытности на Кунгуре ево, *Шокурова*, в которых местех, и на которых реках, и скол[ь]ко пуд медной руды сыскано и выплавлено, и серебро было л[ь], о том де записных книг приходных и росходных не сыскано. А те де рудные дела были ведомы в повыт[ь]е у под[ь]ячего *Давыда Веселкова*, и тот де под[ь]ячей умре в марте месяце [1]716-г[о] году.

// (л. 114) А в [1]715-м году по указу за рукою князя Гагарина ж велено плавил[ь]ных мастеров *Ивана Старикова*, *Никифора Огнева*, *Федора Инютина*, и прииск медной руды, и всякие рудные дела ведать *Льву Шокурову*, и выдано ему на наем и на всякое к тому делу денег 1100 ру[блей] с роспискою. И взяты они, *Лев Шокуров* и мастеры *Огнев* да *Инютин*, с Кунгура в Таболеск.

А под[ь]ячей *Семен Кадешников*, которой был у него, *Шокурова*, у записки рудных дел, сказал: промышляли де медную руду в Кунгурском уезде в урочищах на Гаревском, на Торкинском, на Бымовском, а скол[ь]ко медной руды и что выплавлено, того не упомнит для того, что де записные книги *Лев Шокуров* увес с собою в Таболеск.

А с августа месяца [1]716-г[о] году велено те заводы ведать *Лариону Синявину*.

А кунгурской де бывшей камендант *Леонтей Шокуров* в Москве в Канцеляри[и] ведомства господина *Плещеева* сказал: с Кунгура де с собою никаких книг и ведомостей о той руде и о меди он, *Шокуров*, не бирывал, а то де все осталос[ь] на Кунгуре в канцелярии в повыт[ь]е // (л. 114 об.) под[ь]ячего *Давыда Веселкова*, и тот под[ь]ячей *Веселков* умре.

И в нынешнем [1]720-м году марта в 4 де[нь] по его, великого государя, указу и по приговору Бергъ-коллегии велено капитану *Васил*[ь]*ю Татищеву*, которой послан в Сибирскую губернию на Кунгур и в протчия места для осмотру рудных мест и строения заводов, в Москве *Л*[ь]*ва Шокурова* сыскав, взять ему, капитану, с собою на Кунгур, и на Кунгуре принять у него, *Шокурова*, выплавлен[н]ую мед[ь] сорок пят[ь] пуд и протчее, тако ж и приходныя и росходныя книги, и по тем книгам в ден[ь]гах в 1100 ру[блях] и в протчем [с]щесть, и остаточныя ден[ь]ги принят[ь] же, и буде по [с]щету денег и протчего, что на нем начтено будет, даправить. А между тем велено ему, *Шакурову*, бергъмейстеру *Блиэру* показат[ь] рудныя места, которыя он тамо знает.

И по [с]щете и по показании рудных мест, будет, до него других дел касат[ь-]ца не будет, иево, *Шокурова*, с Кунгура отпустить. А что против вышеписанного учинено будет, в Бергъ-коллегию о всем писать.

// (л. 115) И о вышеписанном капитану *Татичеву*(!) дан наказ.

А октября в 19 де[нь] сего 1720-г[о] году в Бергъ-коллегию капитан *Татищев* да бергъмейстер *Блиэр* с Кунгура писали: по указу велено им ис[с]ледоват[ь] о рудах, которые посланы были в Москву к полуполковнику господину *Плещееву* с Кунгура от *Леонтья Шокурова*, в которых по пробе явилос[ь] мед[ь] и серебро. А ныне сын ево *Лев Шокуров* допросом показал, что отец ево к Москве к полуполковнику господину *Плещееву* посылал ли какую медъную руду или нет, того он не ведает, а он де не посылывал и таких мест не знает.

С подлинным чол *Алексей Соколов*.

ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 30. Лл. 112–115. Подлинник.

Записи и пометы:

1. по лл. 112-115 скрепа: «Се-кре-тар[ь]-*Михайло Селиверстов*» (XVIII в.).
2. по лл. 112-114 скрепа: «С подлинным чол-*Алексей-Соколов*» (XVIII в.).

(2) *1720 г., декабря 31.* — **Доношение в Берг-коллегию рудного мастера *Н. И. Огнева* с просьбой выплате ему задержанного денежного жалованья по окладу за 1717-1720 гг. и выдаче согласно Берг-привилегии разрешения на беспрепятственный поиск руд и устройство заводов «в Сибирской и других губерниях и провинциях».**

(л. 65) В Государьственную в Берхъ-коллегию

Доношение.

В прошлом [1]704-м году генваря в 23 день по имянному великого государя указу, которой дан из Рудного приказу, велено рудному промышлен[н]ику *Федору Молодому* в городех Сибирской губернии, в том числе и на Кунгуре, в уездах золотых, [1]серебряных[1], медных, [2]оловянных[2], свинцовых, железных и всяких руд искать, и промышлят[ь], и заводы заводить мастеровыми и работными люд[ь]ми, на своих проторях, из платежа десятаго пуда. И тог[о] ради, имея я, нижеименованны[й], для всегосударьственной пол[ь]зы о приску всяких руд всеусердное радетел[ь]ство, приехал с вышеозначенным *Федором Моло-*

[1-1] В документе написано – «серебраных», исправлено по смыслу.
[2-2] В документе написано – «олованных», исправлено по смыслу.

дым на Кунгур в прошлом [1]707-м году в генваре месяце для приску всяких руд и строения заводов товарищем.

А в прошлом [1]712-м году в ыюле месяце об[ъ]явил я, нижеименованны[й], с *Федоровым* пасынком *Молодова* с *Ыв*а*ном Стариковым* на Кунгуре в приказе медную руду дьяку *Васил*[ь]*ю Окоэмову*, которую сыскали мы в Кунгурском уезде по речке Гаревой в горе на своих проторях, и дали скаску, что из оной руды медь выплавит[ь] можем. И того ж [1]712-г[о] году по указу великого государя и по приказу бывшаго губернатора Сибири князя *Гагарина* велено оную руду промышлят[ь], и зделат[ь] вновь плавил[ь]ные горны, и медь плавит[ь] на великого государя. И по тому его, великого государя, указу оную руду промышляли, и зделав при Кунгуре городе плавил[ь]ные горны, ручными мехами дуть, и выплавили во оном [1]712-м году чистой меди для образца 30 пуд 27 фунтов. А государева денежного жалован[ь]я выдано мне со оным *Стариковым* на вышеоб[ъ]явленной [1]712-й год за наше усердное радетел[ь]ство, которое мы вновь показали, а имянно за приск оной руды и за плавку меди, всего по десяти рублев человеку. А вышеозначенному дьяку *Окоэмову* за оное наше показание выдано великого государя жалован[ь]я денег 100 рублев, да на Кунгуре камендянту *Леонтью Шокурову* денег 500 рублев, хлеба 200 четвертей, вина 100 ведр, сыну ево *Л*[ь]*ву Шокурову* денег 100 рублев, хлеба 50 четвертей, вина 30 ведр. А мне, нижеименованному, с вышепомянутым *Стариковым*, // (л. 65 об.) за оное наше радетел[ь]ство, за приск руды и за показание плавки меди, милостиваго награждение никакова к нам не показано. А по присланному великого государя указу ис Тобол[ь]ска на Кунгур в [1]713-м году велено нам оную руду промышлять, и вновь искат[ь], и медь плавить на великого государя, а денежного годоваго жалован[ь]я велено мне со оным *Стариковым* давать по 48 рублев человеку на год. А коликое число на вышеозначенном плавил[ь]ном заводе с [1]712-г[о] по сей [1]720-й год меди выплавлено, о том явно на Кунгуре в приказе. А государево денежное по окладу моему жалован[ь]е с [1]713-г[о] по [1]717-й год, того на 4 года, выдано мне сполна, а на [1]717-й, и на [1]718-й, и на [1]719-й годы выдано мне в зачет в Тобол[ь]ску по 15 рублев на год, а на сей [1]720-й год в Тобол[ь]ску ж выдано 10 рублев. А всего по окладу моему заслужен[н]ого денежного жалован[ь]я мне не выдано, от чего я, нижеименованной, одолжал и впал в самую нищету.

А ныне по указу царьского величества посланы из Берхъ-коллегии в Сибирскую губернию, и на Кунгур, и на Уктус[с]кие медные заводы для рудных промыслов, которые руды сысканы и об[ъ]явлены, капитан господин *Татищев* с рудными мастерами с ыноземцы. А сего [1]720-г[о] году об[ъ]явлен всенародно его царьского величества имянной указ печатными листами, что соизволяетца всем, и каждому даетца воля, какова б чина и достоинства ни был, во всех местах, как на собственных, так и на чюжих землях искать, копать, плавит[ь], варит[ь] и чистит[ь] всякия металлы, сиречь злато, сребро, медь, олово, свинец, железо, тако ж и минералов, яко селитра, сера, купорос, квасцы и всяких красок, потребные земли и камения, к чему каждой толико промышлен[н]иков принят[ь] может, колико тот завод и к тому надобное иждивение возстребует.

Того ради всепокорно прошу, дабы смотрением Государьственной Берхъ-коллегии повелено было в Сибирской и в других губерниях и правинцыах вышеоб[ъ]явленныя металлы и минералы // (л. 66) для всегосударьственной пол[ь]зы, как на собственных, так и на чюжих землях искать, копать, плавить, варит[ь] и чистить, и заводы заводит[ь] в пристойных местах охочими мастеровыми и работными люд[ь]ми из найма, на своих проторях, из платежа десятого пуда. А где какие металлы и минералы радетел[ь]ством моим в сыску обрящутца и заводы на своих проторях заведены будут, чтоб теми рудными местами и заводами владеть мне и наследником моим против привилеги[и], и чтоб [3]отняты[3] не были, и о вышеоб[ъ]явленном дать мне из Берхъ-коллегии его царьского величества указ против привилеги[и] с прочетом, чтоб в сыску всяких руд и в строении заводов, где какие металлы и минералы в сыску обрящутца, нихто [4]препятия[4], и остановки, и раззорения не чинили, а в проездах для сыску руд на заставах без задержания пропущали. А буде хто пожелает у оных рудных промыслов быть со мною в кунпани[и], или у горных и плавил[ь]ных дел в учениках, чтоб таких всякаго чина людей, кроме беглых салдат, принимат[ь] было невозбранно, а о тех желател[ь]ных охотниках в Берхъ-коллегию об[ъ]являт[ь] буду я впред[ь] доношением.

А за вышеозначенное мое усердное радетел[ь]ство, за прииск на Кунгуре медной руды и за произведение плавки меди, наградит[ь] милостию государевою. А прошлые [1]717-й, и на [1]718-й, и на [1]719-й, и на сей [1]720-й годы великого государя заслужен[н]ое по окладу моему денежное жалован[ь]е к прежным дачам, которое мне не додано, выдат[ь], чтоб всяк, смотря на милостивое Берхъ-коллегии смотрение, в рудные промыслы радетел[ь]но вступали.

О вышеоб[ъ]явленном доноситель рудной мастер *Никифор Огнев*. Декабря 31-г[о] дня 1720-г[о] году.

К сему доношению *Никифор Огнев* руку приложил.

ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 30. Лл. 65—66. Подлинник.

Записи и пометы:

1. на л. 65 резолюция: «1721-г[о] февраля в 8 де[нь]. Записат[ь] в протакол и выписат[ь]» (XVIII в.).

(3) *[1720 г.]* — **Роспись частных медных и железных «заводов», находившихся в Сибирской губернии, с продукции которых надлежало собирать десятую долю «на государя».**

(л. 52) Роспись медным и железным заводам, которые по присланным в Бергъ-коллегию ведомостям в Сибирской губернии написаны, и с которых надлежит збират[ь] на государя десятую долю.

3-3 В документе написано – «отнаты», исправлено по смыслу.

4-4 В документе написано – «препатия», исправлено по смыслу.

В Верхотурском уезде Фетьковския железныя заводы, которыми владеет туленин *Никита Демидов*.	По об[ъ]явлению ево, *Демидова*, на тех заводах делают железа в год тысяч по сту, и более, и менее. А в [1]719-м году зделано и в [1]720-м году вывезено 105976 пуд 3 фу[нта].

В Кунгурском уезде:

Близ села В[в]еденъского на речке Суксуне на мел[ь]нишной плотине молотовой анъбар кунгурца поса[д]цкого человека *Коз[ь]мы Сысоева*.

Да в разных местах на государевой земле железныя руды, а копают тое железную руду и промышляют кунгурския крестьяне, плавят железо и ис того железа делают уклад, при своих домех ручною работою,

а имянно:

Села Троецкого деревни Сухово Лугу крестьяня:
Яков Бусанов.
Федор Вагенов.

Меденского острожку *Алексей Инюков.*

// (л. 52 об.) Деревни Советной:
Филип[п] *Никитин.*
Федор Никитин.
Фрол Болдырев.
Михайло Ермолин.
Матвей Желтышев.

Деревни Опалихины:
Никита Связаев.
Харлам Понамарев.

Покровского острожку *Иван Коз*[ь]*мин.*

Села Спас[с]кого:
Гаврила Шавергев.
Тимофей Медведев.
Александр Щербаков.
Сав[в]*а Аристов.*
Лука Рогозин.
Иван Билчюгов.
Данила Медведев.
Дементей Перминов.
Осип Трапезников.

Иван Немтинов.
Михайла Кинеев.
Лазар[ь] *Дунин.*

Села Троецкого *Ларион Меншиков.*

// (л. 53) Деревни Куликовы:
Иван Незгоров.
Григорей Решетников.
Ефим Савостьянов.

Покровского острожку:
Кандратей Рос[с]*тегаев.*
Марка(!) *Старцов.*
Осип Веденков.
Ефим Коробкиных.
Матвей Топынканов.
Тихон Кобяков.

Села Троецкого *Федор Колинин.*

Села В[в]еденского *Андрей Уфимцов.*
Леонтей Коз[ь]*мин.*
Малафей Поначев.
Андрей Медведевых.
Анофрей Похлебухин.
Агапит Максимов.
Семен Стол[ь]*ников.*
Евдоким Мошнин.

Деревни Тызу *Федор Шеберин.*

ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 30. Лл. 52-53. Подлинник.

Записи и пометы (по лл. 52-53):

1. фрагмент скрепы: «Се-кре-[тарь-*Михайло Селиверстов*]» (XVIII в.).
2. фрагмент скрепы: «...-[*Иван*]-*Патру-шев*» (XVIII в.).

(4) *1721 г., февраль — июня 6.* — **Записная книга «всяким минералиям» Кунгурской канцелярии горных дел (в посёлке Уктусского завода).**

(л. 196) Книга записная всяким менералием 1721 году.

Февраля в ...[1] де[нь] казанец *Михайло Цывилицын* принес двурук слюды, одну зеленую, да черную.

По сей записке пробирного дела ученик *Василей Попов* по приказу господина берхъ-мейстера означенную двурук[2], зеленую да черную слюду принял и росписался.

Июня в 6 де[нь] присланы с Кунгура от капитана *Бер*[г]*лина* да бергъшрейбера *Патрушева* медные руды полфунта, да угол[ь]е каменное, которую руду и угол[ь]е приискали татарин *Баляк Русаев* с рудоискателем *Мал*[ь]*цовым*. А нашли де // (л. 196 об.) они руду в Кунгурском уезде вверх по речке Турке, выше Горевой речки, от деревни Байкеевой в пятнатцати верстах, в горе. А лежит де та гора, и знак руды идет срединою, на полден[ь], и лес над горою ел[ь]ник бол[ь]шей. А от Кунгура пят[ь]десят пят[ь] верст. А угол[ь]е каменное нашли от той же руды в десяти верстах по Турке же речке в полдневой рос[с]охе[3] возле воды. А то де угол[ь]е пошло в гору шириною в поларшина, а толшиною в полвершка.

Вышеписаннаю руду и уголья
пробовател[ь] *Фирс Запутряев* принел и росписался.

ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Ч. 1. Д. 4-а. Лл. 196 — 196 об. Подлинник.

(5) *1721 г., июня 1-20.* — **Записная книга образцов руды, заявленных рудознатцами в Алапаевской заводской конторе.**

(л. 194) 1721 году июня с 1-г[о] книга записная рудам, которые являны на Алапаевском заводе.

Июня в 13 де[нь] Арамашевской слободы крестьяне *Трифон Никитин сын Борисов, Тихон Коз*[ь]*мин сын Троицкой* явили руды, а имянно:

1. Нашли они близь той Арамашевской слободы, в 2 верстах, на[д] Режью над рекою в горе, повыше камени Мамина Носу.
2. Нашли они близ той же Арамашевской слободы, в 15 верстах, над тою же рекою Режею, ниже слободы на речке Карамаше, в горе, от деревни Никоновой в 1 версте, ниже той деревни.
1. Нашли они от оной же Арамашевской слободы в 20 верстах на речке Ивановке в горе.

---

[1] В документе оставлено свободное место.

[2] Рука — бок, сторона, говоря только о двух сторонах: правой и левой. — ***Даль В. И.*** Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3.: П-Р. — М., 1994. — Стб. 1734. *Очевидно, под этим словом подразумевается кусок, пластина слюды, которая, как известно, имеет две стороны* (***Прим. авт.***).

[3] Рассоха — место слияния двух речек, каждая из этих речек, а также участок земли, заключенный между ними; приток, ручей, впадающий в реку. — Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 22 (Раскидатися-Рященко). — М., 1997. — С. 61.

// (л. 194 об.) 4. Нашли на[д] тою ж речкою Режею в горе, под деревнею Кастрамшиною Невьянского присуду, от Арамашевской слободы в 25 верстах.

5. Нашел *Тихон Коз*[ь]*мин сын Троицкой* з [1]вагул[ь]скими[1] мужиками ясашными с *Максимом Савкиным*, с *Андреем Савкиным* на речке на Баранче в горе в великом лесу, от *Демидова* завода в 16 верстах.

6. Нашли оной *Борисов* с *Троицким* над речкою Бабровкою в горе, от слободы Арамашевской в 35 верстах, от деревни Лебеткиной в 2 верстах, а довел их той же деревни Лебеткиной крестьянин *Игнат Лебеткин*. А оная деревня Невьянской слободы.

// (л. 195) Июня в 15 де[нь] явилис[ь] на Алапаевских заводех в канцелярии новокрещеные ясачные деревни Тагил[ь]ской Верхотурского уезду *Максим Савкин*, *Андрей Савкин*, и принесли знаков руд, а имянно:

1. Принес им и отдал той же их деревни сосед *Довыд Потачков*, а где взял, того не сказал.
2. Найдена на речке Баранче, вверх от деревни Тагилки в 10 верстах, в горе.
3. Найдена на той же речке Баранче, от того места в 3 верстах вверх.
4. Того ж числа Арамашевской слободы крестьяне *Трифон Борисов* с товарыщем *Игнат*[ь]*ем Лебеткиным*, с *Матвеем Володимеровым* явили руду, а нашли на речке на Бобровке, от Арамашевской // (л. 195 об.) слободы в 25 верстах, в горе.

Оную руду *Карташов* взял и росписался [к] 4 нумеру(?).

Июня в 20 де[нь] прислана с Кунгура от бергъшрейбера *Патрушева* [руда], которую руду привез школ[ь]ник *Калачев*, с новообретенного места в Кунгурском уезде на Турке речке, от трех жил одной горы, пять фунтов, с подписанием. И оная руда отдана пробователю *Фирсу Запутряеву*.

Вышеозначенную руду пробователь *Фирс Запутряев* принел и росписался.

ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Ч. 1. Д. 4-а. Лл. 194 — 195 об. Подлинник.

Записи и пометы:

1. на л. 194 порядковый номер: «№ 017» (XVIII в.).
2. по лл. 194-195: «По сей-записке школ[ь]ник-*Афо-на-сей—Кар-та-шов* вышеписанъные руды принял и расписался» (XVIII в.).

[1-1] В документе написано – «багул[ь]скими», исправлено по смыслу.

(6) *1721 г., июня 30.* — **Доношение рудознатцев новокрещённого манси *Я. Саввина* и крестьян Арамашевской слободы Верхотурского у. *И. Трифанова, Т. Троицкого* и *М. Диевых* капитану артиллерии *В. Н. Татищеву* и бергмейстеру *И. Ф. Блюхеру* о находке ими медной руды на р. Вые и о препятствиях в поисках руд, чинимых им заводчиком *Н. А. Демидовым* и его людьми.**

(л. 410) Благородным господам артиллерии капитану *Василию Никитичю Татищеву* да бергъмейстеру *Ивану Ивановичю Блиэру*

Доношение.

В прошлых годех, назад тому лет з 19, обыскали мы, нижеимянованныи, медную руду, которую обьевляем при сем, Верхотурского уезду вверх по Тагилу, по речке [1]Вые[1] в горе, от деревни Тагил[ь]ской в 2 верстах, и оную руду об[ъ]являли мы на Верхотур[ь]е управителю *Алексею Калетину*, и оной *Калетин* тое руду промышлять не почал. И в прошлом 1714-м году оную ж руду об[ъ]явили мы, нижеимянованныи, *Никите Демидову*, и оной *Демидов* до [1]720-г[о] году не промышлял, а в [1]720-м году промышлят[ь] почал и промышляет доныне. А ныне нам, нижеимянованным, медную руду искат[ь] запрещает, а которые руды обыскали мы, нижеимянованныи, и в [2]других[2] местах, и оной *Демидов* руды обьявлят[ь] нам не велит, и по всем дорогам учинил заставы, и говорят: «Ежели, буде, станете руды об[ъ]являт[ь] на Уктус[с]ких заводах, то де мы вас бить станем кнутом и в домны помечем». А сего июня в 5 де[нь] соседи наши уехали из домов своих для прииску медной руды, и приехавши после их к ним в домы от *Демидова*, шурин ево *Иван Иванов* сын *Малых* детей их из домов выбросал и говорил: «Ежели де отцы ваши в домы свои будут, то я де их кнутом застегаю». А сего ж июня // (л. 410 об.) в 12 де[нь] пошли мы, нижеимянованныи, суда на Уктус для об[ъ]явления медных руд, и оной *Демидов* посылал за нами в погоню, и хотели нас взят[ь] и увести к [3]себе[3] на заводы, и мы, нижеимянованныи, ушли от них лесом. Да сего ж июня в 27 де[нь], как шли мы, нижеимянованныи, суда на Уктус с медною рудою, которую об[ъ]являем при сем, и будучи в Покровском селе, и того села жители нас задержали и пропустит[ь] не хотели, говорили: «Не доносите де на нашева хозяина и руд никаких не об[ъ]являйте». От него ж, *Демидова*, учинены заставы, куда мы ходили промышлят[ь] бобров на ясак в казну великого государя, а имянно по Тагилу и Черной рекам, и они нас бобров промышлят[ь] не пускают, и промышлен[н]ичьих собак прибили, и оттого пришли мы в конечную скудость, и ясаку платит[ь] стало нечем. А вышеписанную руду обыскали мы по той же [4]Вые[4] речке, от той руды, где *Демидов* промышляет, в одной версте, в горе ж, и после нас от него, *Демидо-*

[1-1] В документе написано – «Вое», исправлено по смыслу.
[2-2] В документе написано – «друх», исправлено по смыслу.
[3-3] В документе написано – «семе», исправлено по смыслу.
[4-4] В документе написано – «Вое», исправлено по смыслу.

ва, ту руду копат[ь] начели. А рас[с]тоянием от Демидовых заводов оная руда в 60 верстах.

Того ради всепокорно просим вашего благородия, дабы указом царского величества повелено было у нас, нижеимянованных, вышеоб[ъ]явленную руду принят[ь], и от оного *Демидова* и от людей ево указом царского величества нас оборонит[ь], чтоб нам в конечную скудость от него не при[й]тти.

О сем доносят Верхотурского уезду Тагил[ь]ской деревни // (л. 411) ясашной, а новокрещен[н]ой вогулетин *Яков Сав*[в]*ин*, да Арамашевской слободы крестьяне *Иван Трифанов*, *Тихон Троицкой*, *Матфей Диевых*. Июня в 30 де[нь] 1721-г[о] году.

К подлинному доношению вместо оных доносителей
под[ь]ячей *Трофим Ожиганов* руку приложил.

ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Ч. 1. Д. 4-а. Лл. 410-411. Список XVIII в.

Записи и пометы:

1. на л. 410 порядковый номер: «№ 060» (XVIII в.).

(7) *1721 г., сентября 11-21.* — **Записная книга «руднаго прииску» в Томском у. Сибирской губ., «кто какие рудные признаки об[ъ]явил, и которые против доношения об[ъ]явлены и осмотрены».**

(л. 62) Книга записная руднаго прииску, кто какие рудные признаки об[ъ]явил, и которые против [1]доношения[1] об[ъ]явлены и осмотрены, и то ниже сего писано [1]721 году.

// (л. 62 об.) [1]721 году сентября 11-г[о] дня доносител[ь] *Михайло Волков* об[ъ]явил против своего доношения вверх по Томе реке, от Верхотомскова острогу семь верст, красную горелую гору, а вышина той горе дватцат[ь] сажен. А признаки и слои в той горе разными виды, а слоями и признаками лежит на полдень. А толстота тем слоям по аршину, и по два, и по три аршина. И изо оной горы взято признак, на которых явствуют потписи. А при том месте прилегло сосновых лесов малое число. А удобных рек к заводу вблизости нет, разве в семи или в десяти верстах обрести мочно; тако ж против того и лесов.

Того ж вышеписаннаго числа оной доносител[ь] *Волков* об[ъ]явил против своего доношения, которая речка из вышепомянутой красной горы вышла. И против его показания смотрели ж, и никаких признак по той речке обрести не могли.

// (л. 63) Сентября в 20 день доносител[ь] *Михайло Волков* об[ъ]явил против своего доношения вьверх по Обе реке, по речке Ояшу, от Томскова города сто пятнатцать верст, а от деревни Жуковой семь верст, гору. И против его показания по той горе смотрели, и никаких признак на[й]тъти не могли. А лесов сосновых и березовых довол[ь]ное число, и речка Ояш к заводу угодна.

[1-1] В документе написано — «доношеняя», исправлено по смыслу.

// (л. 63 об.) Сентября 21 дня доносител[ь] *Михайло Волков* об[ъ]явил против своего доношения от Томскова города въверх по Обе реке, по речке Поросу, с полтораста верст от Томскова города, а с усть Поросу речки две версты, по край Поросу речки гору, которую гору ломал в [1]721 году *Федор Инютин*. А вышина той горе четыре сажени. А оная гора лежит промеж в[о]стоком и полуднем. И изо оной горы взято признак, на которых явствуют потписи. Да при той же горе лесов сосновых и березовых довол[ь]ное число, и на той речке Поросу мочно завесть водяныя заводы.

ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 31. Лл. 62 — 63 об. Подлинник.

(8) *[1721 г.]* **— Реестр медных и железных руд, найденных рудознатцами на Урале в 1702-1720 гг.**

(л. 190) Реэстр.

1. Руда на Шиловской горе, прииск *Федора Бабина*, *Ивана Шилова* в 1703-м году. А промышлять почали в 1713-м году, и тое руду и поныне промышляют. А за прииск той руды дано им в Тобол[ь]ску по 7 рублев, да по сукну на кавтаны. [Руда. — ***Прим. авт.***] Весом фунът.
2. Руда Гумешенная(!) за Чусовой рекой, прииск *Сергея Бабина*, *Коз[ь]мы Сулеева* в 1702-м году. И оная руда пробована, и по пъробе явилас[ь] добрая, а промыслу никакого не бывало. А за прииск той руды дано им по приказу думъного дьяка *Андрея Виниуса* денег 6 рублев. [Руда. — ***Прим. авт.***] [1]Весом[1] 66 золотников.
3. Руда за Чусовой рекой по Полевой речке, прииск *Федора Бабина* в 1718-м году. И промышлена в том же 1718-м году и в 1719-м годех. А выходило из нея меди 100[-тая] доля. За прииск той руды дано им по приказу камис[с]ара *Бурцова* на Укътус[с]ких заводех денег 5 рублев.
4. Руда на Половинном Истоке, прииск оных же // (л. 190 об.) *Бабиных* в 1702-м году. А промышляли в 1719-м году, и добыто той руды 100 пуд, а ис плавки выходило 10 дол[ь], и мешалас[ь] с кварцом. За прииск той руды дано им по приказу дьяка *Виниуса* денег 30 рублев.
5. Да в прошлом 1718-м году по указу великого государя, а за подписанием бывшего губерънотора князя *Гагарин*, выдано за те ж прииски на Уктус[с]ких заводах оным *Бабиным* денег 30 рублев.
6. 1719-г[о] году октября в 8 де[нь] принес и об[ъ]явил в Канцелярии медного дела мастер *Федор Бабин* знак медной руды. А сказывал: тот де рудной знак нашел по Кунгурской дороге от деревни Верхного Укътуса в четырех верстах в дуброве, на левой [2]стороне[2] дороги сажен 100. А та руда не пробована.

[1-1] В документе описка — «ведом», исправлено по смыслу.
[2-2] В документе описка — «стороны», исправлено по смыслу.

7. Да прииск знаку медной руды в Арамил[ь]ской слободе в Кълючевской деревъне, за ключем, *Сергея Бабина*. А сказывал, что де пробу ис того делывал, и по пробе де [руда. — ***Прим. авт.***] явилас[ь] добрая.

Да при бытности на Укътусе камис[с]ара *Бурцова* // (л. 191) приносили и об[ъ]явили всякого чина люди рудных [3]знаки[3], а имянно:

1719-г[о] году

1. Об[ъ]явил рудной знак Арамашевской слободы крестьянин *Матфей Володимеров*.
2. Об[ъ]явил рудной знак и опыт Укътус[с]ких заводов пушкар[ь] *Яков Оботкин*.
3. От Багарятского озера *Федора Молодова* рудной знак, и проба, и опыт.
4. Ево ж, *Федора Молодова*, камен[ь], и золы проба ж ево, *Молодова*, Щелкунской.
5. Об[ъ]явил рудной знак Укътус[с]кой роты драгун *Иван Зудилов Строганова* вотчины с верх Усъвы реки.
6. Об[ъ]явил рудной знак Арамил[ь]ской слободы крестьянин *Аверкий Ситъников* от Пышъмы реки.

// (л. 191 об.) 7. По доношению верхотурца *Конана Заварина* з 2[-х] мест, по Лобве да по Ляле рекам, рудные знаки. И на те места для промыслу посылан был *Сергей Щелкунов*. По пробе явилас[ь] 100[-тая] доля.

1720-г[о] году

1. 4 знака кунгурских руд: с Турки, з Горевой, с Осинской дороги, з Бардинской. Об[ъ]явил те руды *Федор Инютин*.
2. Знак Соли Камъской со Студеного, да *Строгановых* вотчин с Яйвы реки, с Романова. И оные знаки об[ъ]явил *Федор* же *Инютин*.
3. Об[ъ]явил рудной знак и белой камен[ь] от Пышмы реки *Василей Котугин*.
4. Рудной знак от фискала *Евъдокима Поздеева* из вотчины *Строганова*.
5. Рудной знак прииску Укътус[с]ких заводов жителя *Никиты Прохорова*, от ближнего Шарташа.

// (л. 192) 6. Рудной знак прииску арамил[ь]ского крестьянина *Силы Вилесова* с товарищы, из-за Чусовой с Полевой речки.

7. Он же, *Вилесов*, явил рудной знак из-за Чусовой выше Косова Броду.
8. Рудной знак прииску арамил[ь]ского крестьянина *Ивана Ситъникова*, с верх вершыны Бол[ь]шые Ол[ь]ховъки.
9. Об[ъ]явил рудной знак *Илья Мурзин*, а дал де ему шиловской крестьянин *Семен Морозов*.

[3–3] В документе написано — «знакъ», исправлено по смыслу.

10. Рудной знак приску беломес[т]ного *Софона Кучкова*, *Ивана Заева*, с верх Чусовыя реки по сю сторону Иткул[ь]ской дороги.
11. Рудные знаки и опыты и[с] Подволошной, приисъку *Селиных*.
12. Знак с Верхотур[ь]я, привозу дворянина *Федора Коченевского*, которой въверх по Лобве.

// (л. 192 об.) 13. Опыт приску и пробы *Сидора Чебыкина*, за Шиловским Истоком в 4 верстах, едучи к Калмытцкому Броду.

Железные руды:

1. Въверх по Исете реке решетъская, которая промышляетца ныне на завод, а выходит из нея чугуну трет[ь]яя и четвертая доля.
2. В[в]ерх по Укътусу реке против деревни Нижней.
3. За Шиловской деревней в[в]ерх по Укътусу.
4. За Луговой деревней в[в]ерх по Арамиле речке.
5. За деревней Шабровской за речкой Арамил[ь]ю.
6. За Каменкой речкой на Бобровской дороге, которая дорога на Чусовую реку.
7. У Багарятского озера у Теплого Бору.
8. А выходит изо оных руд чугуна трет[ь]яя и четвертая доля.

А кто вышеписанные руды приискал, и за приск что дано, того не ведомо.

ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Ч. 1. Д. 4-а. Лл. 190 — 192 об. Подлинник.

Записи и пометы:

1. на л. 190 порядковый номер: «№ 016» (XVIII в.).
2. по лл. 190 — 192 об. фрагмент скрепы: «Ками-с[с]ар-*Ти*-[*мофей Бурцов*]» (XVIII в.).

(9) *[1722 г., после 7 августа]*. — **«Ведение» рудного мастера *Н. И. Огнева* уральскому горному начальнику генерал-майору *В. И. де Геннину* о своей деятельности на Мазуевском железоделательном заводе *Ф. Молодого* и казённом Кунгурском медеплавильном заводе в 1709-1716 гг. и начале восстановления возвращённого ему и *Ф. Молодому* из казны Мазуевского завода.**

(л. 253) Превосходител[ь]нейшему господину от артил[л]ерии генералу-маэору *Вил*[и]*му Ивановичю*

Ведение.

1.

В прошлых 1702-м и [1]703-м годех приежжал суды в Кунгур *Федор Молодов* для продажи табака по указу и уведомился, что есть в Кунгурском уезде по Турке, по Быму, по Бырме рекам медная руда, а промыслу и заводов никаких нет. И того ради он, *Молодов*, возимел прилежную охоту о[б] устроении заводов, взяв оных медных руд и приехав в Москву, об[ъ]явил его императорскому величеству и просил, чтоб указом его императорского величества повелено было в Сибирской губернии всяких руд искать и заводы заводит[ь] на своих проторях, из платежа десятого пуда. И по тому прошению дан оному *Молодому* из Рудного приказу его императорского величества имянной указ, с которого в Кунгурской канцелярии явствует в записной книге копия. А урождением оной *Молодов* Казанской губернии города Синбирска таможенного под[ь]ячего сын.

2.

И по тому его императорского величества указу и по призыву оного *Молодова* приехал я, нижеименованны[й], из Москвы в Кунгур в [1]707-м году в генваре месяце для сыскания всяких руд и устроения заводов // (л. 253 об.) товарыщем, о чем оной *Молодов* в Санктъ-Питербур[хе][1] в Государственной Бергъ-коллегии в [1]720-м году в доношении своем показал. А в [1]709-м году построили мы обще в Кунгурском уезде на речке Мазуев[ке][2] на куплен[н]ом мел[ь]нишном месте плотину и молотовую, один молот, и водою из криц полное(?) железо тянули, а железо плавили ручными малыми печками и у крестьян которые пло[тины][3] покупали. А урождением я города Ярославля по[са-д]цкого[4] человека сын, а имя и прозвание мне *Никифор Огнев*. А в Москве имел купечество, сидел на Гостине дворе в лавке за п...цким[5] товаром, и по городам ездил от хозяина, гостиной сотни *Федора Мялицына*.

3.

В [1]711-м году по указу его императорского величества велено оному *Молодому* медные руды промышлять и плавить и заводы заводить на его императорское величество, и к приезду сибирскаго губернатора князя *Гагарина* выпла[влено][6] на вышепомянутом Мазуевском заводе десят[ь] [пуд][7] меди, а денежного жалован[ь]я велено ему, [*Молодому*][8], давать по 200 рублев на год. И по то[му его][9] императорского величества указу оной *Молод*[ой][10] на вы-

[1] Фрагмент текста утрачен, восстановлено по смыслу.
[2] Фрагмент текста утрачен, восстановлено по смыслу.
[3] Фрагмент текста утрачен, восстановлено по смыслу.
[4] Фрагмент текста утрачен, восстановлено по смыслу.
[5] Фрагмент текста утрачен.
[6] Фрагмент текста утрачен, восстановлено по смыслу.
[7] Утрата текста, восстановлено по смыслу.
[8] Утрата текста, восстановлено по смыслу.
[9] Утрата текста, восстановлено по смыслу.
[10] Фрагмент текста утрачен, восстановлено по смыслу.

шепомянутом Мазуевском общем нашем заводе для плавки меди плавил[ь]ные горны и железные инструменты строил и медну[ю] // (л. 254) руду промышлял в Кунгурском уезде по Бабке реке. А у копки руды и у строения рудоплавного завода в работе были по наряду от воеводы кунгурские крестьяна, а денежную казну на всякие [11]росходы[11] держали выборные целовал[ь]ники из мирских доходов, которые велено зачесть за доимку, о чем в Кунгурской канцелярии явствует указ. А мне оной *Молодов* от железного завода отказал и з завода сослал для того, что я оному *Молодому* о строении оного медного завода при своем запрещал.

4.

В [1]712-м году по его императорского величества указу приехав на Кунгур стол[ь]ник *Петр Коно*[пли]*н*[12] и оного *Молодова* заковав в кандалы, [со-]слал[13] за караулом в Тоболеск для того, что [по][14] челобит[ь]ю кунгурцов бутто оной *Молодов*, строя государев медной завод, теми ж работными люд[ь-]ми построил себе железной завод воровски, о чем в Кунгурской канцелярии в записной книге со оного указу явствует копия.

5.

Того ж [1]712-г[о] году в ыюле месяце усмотря я, что есть в рудоискании препятие, однако ж я, не взирая на оное, но исполняя желание его императорского величества, дабы Божие благосло// (л. 254 об.)вение в недрах земных от нерадетел[ь]ных людей утаено не было, по прилежной своей охоте медную руду в Кунгурской канцелярии об[ъ]явил, которая сыскана в Кунгурском уезде по речке Гаревой в горе. И оную руду по указу его императорского величества велено промышлять и зделать вновь плавил[ь]ные горны, чтоб медь плавить ручными мехами на его императорское величество, а денежного жалован[ь]я велено мне дават[ь] по 4 рубли на месяц, а на год по 48 рублев. А коликое число медной руды на оном руднике и в других местах в промыслу было и с [1]712-г[о] году по [1]715-й год меди выплавлено, о том явно в Кунгурской канцелярии.

6.

В [1]714-м году ноября 3 дня по имянному его императорского величества указу и по подписанию его императорского величества собственной руки на доношении велено мне с товарыщи трем человеком в Сибирской губернии всяких руд искать и промышлять на его императорское величество, и послать особливаго, а камендантом оного рудного дела не ведать, для того, что от камендантов в рудных делах были непорядки и помешател[ь]ство, о чем явно по розыскам лантрата *Бориса Эверлакова* каменданта // (л. 255) *Лариона Синявина*, которые розыски ныне в Тобол[ь]ску, а решения никакова и поныне не учинено.

7.

В [1]716-м году взят [я] с Кунгура в Тоболеск, и держан был в губернской канцелярии за караулом, и отдан на поруки, и был в Тобол[ь]ску по

[11–11] Приписано над строкой тем же почерком.

[12] Фрагмент текста утрачен.

[13] Фрагмент текста утрачен, восстановлено по смыслу.

[14] Утрата текста, восстановлено по смыслу.

[1]717-й год июля по 24 число. И послан ис Тобол[ь]ска на Каменские заводы, и был на оных заводах по [1]720-й год июня по 14 число. А по какому делу держан был я в Тобол[ь]ску и для чего на [15]Каменские[15] заводы сослан, о том я неведом, и по справке в Тобол[ь]ску в канцелярии никаких дел до меня не явилось.

8.

В [1]720-м году по имянному его императорского величества указу за подписанием его императорского величества собственной руки, которой прислан из Санктъ-Питербурха в Тоболеск от лейбъ-гвардии капитану господину *Шамордину*, взят я с Каменских заводов в Тоболеск и послан в Санктъ-Питербурх в Государьственную Бергъ-коллегию с товарыщи — с *Федором Молодым*, которой сослан был на Березов в ссылку и взят з Березова на Уктус[с]кие заводы, да с пробирным учеником *Галактионом Белаевым*(?), для того, что по доношению оного *Белаева*, что держан был он, *Белаев*, и я в Тобол[ь]ску за караулом безвинно, о чем от господина капитана *Шамордина* // (л. 255 об.) в Государьственную Бергъ-коллегию писано.

9.

По указу его императорского величества и по приговору Государьственной Бергъ-коллегии на доношении моем велено мне в Сибирской губернии всяких руд искать и заводы заводит[ь] на своих проторях, из платежа десятой доли, которой указ подан в Кунгуре в горной канцелярии от артил[л]ерии капитану господину *Татищеву*.

10.

Сего [1]722-г[о] году августа 7-г[о] дня по указу его императорского величества и по помете на доношении моем господина бергъ-советника *Михаэлиса* отдан мне в Кунгурском уезде вышепомянутой Мазуевской железной завод в промысел по привилегии, из платежа десятой доли, которой завод ныне я починиваю на собственные свои ден[ь]ги и желаю, чтоб оной завод в действие произвести, отчего б его императорского величества интересу пополнение было.

ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Ч. 1. Д. 23. Лл. 253 — 255 об. Подлинник.

Записи и пометы:

1. на л. 253 резолюция: «Взать к делу» (XVIII в.).
2. на л. 253 старая нумерация «213» (XVIII в.).
3. на л. 254 старая нумерация «214» (XVIII в.).
4. на л. 255 старая нумерация «215» (XVIII в.).
5. по лл. 253 — 255 об. скрепа: «К сему-ведению-*Никифор-Огнев*-руку-приложил» (XVIII в.).

[15-15] В подлиннике описка — «менские», исправлено по смыслу.

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ ВУЗА И ШКОЛЫ

И.В. Побережников

МОДЕЛИ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕОРИЙ РАЗВИТИЯ

Проблема единства и множественности в макроисторическом анализе

Проблема единства и множественности исторического процесса является ключевой для исследователей прошлого. Существуют различные теоретические трактовки данной проблемы.

1. Один из наиболее широко распространенных подходов основан на идее единства истории. Его сторонники полагают, что исторический процесс подчиняется единым, универсальным закономерностям и осуществляется по сходным механизмам, общим для всех территорий. Подобный подход получил развитие в рамках *эволюционистской парадигмы*. В основе данной парадигмы лежит представление о предсказуемом, кумулятивном процессе изменений обществ, движущихся от одной стадии к другой, обычно более совершенной, сложной, расширяющей возможности человека. Сторонники данного подхода обыкновенно делают акцент на внутренние, эндогенные механизмы развития. Общества, согласно представлениям сторонников данной парадигмы, различаются в зависимости от того, насколько далеко они продвинулись вдоль единой для всех линии развития (прогресса). Одни общества оказываются более развитыми, продвинутыми, другие — менее развитыми. При этом, согласно логике сторонников данного подхода, вторые по мере своего развития будут проходить те же стадии, которые уже были пройдены первыми обществами, и со временем различия, существующие между ними, будут стираться [1]. В русле эволюционистской парадигмы была разработана формационная теория. Классические теории модернизации также были созданы в том же теоретическом контексте.

Попытки расширить познавательные горизонты эволюционистской парадигмы привели к возникновению мультилинейных (в том числе билинейных) подходов. Сторонники последних преимущественное внимание также уделяли внутренним факторам развития, но указывали при этом на вариативность моделей, стадий и механизмов развития. Обсуждение возможности многолинеарного развития в значительной степени свелось к выделению «основной» и «побочных» траекторий эволюции.

2. Иной подход предлагается сторонниками цивилизационной парадигмы, которые преимущественно акцентируют внимание на формах динамики отдель-

ных цивилизаций или культур. В основе данной парадигмы лежит идея исторического плюрализма, множественности и своеобразия цивилизационных вариантов развития, в значительной степени изолированных друг от друга и живущих в соответствии с имманентными ритмами, не сводимыми к универсальным законам и механизмам. Сторонники данного подхода настаивают на структурной и содержательной уникальности больших пространственно-временных исторических массивов, на неразменности их внутреннего опыта. Созданные сторонниками данной парадигмы конструкции являлись по существу циклическими теориями исторического круговорота, согласно которым общество и его подсистемы двигались по замкнутому кругу, регулярно возвращаясь вспять, к исходному состоянию (классические цивилизационные теории Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби). В современных вариантах цивилизационного подхода делаются шаги в сторону его историзации, отказа от фатализма классических версий, признания сложной динамики цивилизаций, не сводимой к элементарному круговороту, признания огромной устойчивости цивилизаций во времени, способных многократно усиливаться, ослабляться, иногда стагнировать, выживать и возрождаться в своих компонентах [2].

3. Попыткой преодоления недостатков эволюционистского (европоцентристское предубеждение) и цивилизационного (принижение мирового единства динамики цивилизаций) подходов является схема развития цивилизаций, предложенная японским ученым Шунтаро Ито [3].

Он выступает как против жесткой линеарности эволюционного подхода, так и против изоляционизма цивилизационной модели. По мнению Ш. Ито, представление о изолированном развитии цивилизаций является мифом. Напротив, настаивает ученый, многие цивилизации развивались, оказывая влияние друг на друга. При этом внутренние ритмы динамики цивилизаций подвергались трансформациям под воздействием других цивилизаций.

Ш. Ито полагает, что различать особенности динамики цивилизаций необходимо. Но при этом он настаивает и на потребности в выявлении универсального опыта человечества. По мнению ученого, можно выделить «пять стадий всемирной трансформации», оказывавших воздействие на все человечество, на все цивилизации. Это «Антропная», «Аграрная», «Городская», «Осевая» и «Научная» революции, ознаменовавшие в свое время процессы становления человека современного типа, переход от присваивающего к производящему хозяйству, рождение городских протоцивилизаций, рождение философии и мировых религий, создание современной науки. Указанные революции, считает Ш. Ито, раньше или позже происходили во всех культурных регионах как первичные (независимое развитие) или как вторичные (результат внешних импульсов), но они не происходили одновременно по всему земному шару. Революции, произошедшие в регионах-пионерах, способствовали цивилизационным трансформациям в других областях земного шара, но при этом, отмечает Ш. Ито, основные цивилизации сохраняли присущую им индивидуальность, даже испытав воздействие со стороны других цивилизаций.

Таким образом, по мнению Ш. Ито, применительно к истории человечества возможно обсуждать тему универсальных механизмов и закономерностей.

При этом, однако, исследователь настаивает на существовании механизмов, обеспечивающих сохранение цивилизационных идентичностей.

4. В рамках следующего подхода единство и множественность истории обеспечивается за счет интерпретации процессов развития как взаимодействия исторических пространств. Последние рассматриваются во взаимодействии, создающем целостность истории. Взаимодействующие пространства подвергают друг друга трансформациям. При этом воздействия территорий, обладающих более мощным потенциалом, оказываются более существенными. В рамках данного подхода единство истории оказывается своеобразным, поскольку применительно к взаимодействующим территориям действуют разнонаправленные механизмы развития. Нередко сторонники данного подхода фиксирует обратную зависимость между динамиками развития взаимодействующих пространств. Тенденции восходящего развития в одних регионах вызывают тенденции нисходящего развития в других. В связи с этим данный подход иногда именуется матричным.

Данный подход получил отражение в теориях зависимости и в миросистемном анализе. Сторонники теорий зависимости акцентируют внимание на особенностях развития стран Третьего мира, испытывающих деформирующее воздействие со стороны индустриально развитых стран. В рамках миросистемного анализа взаимодействующие регионы помещается в контекст мировой капиталистической системы, которая формируется примерно с XVI в. [4].

Сторонники указанных теорий, в отличие от представителей эволюционного подхода, акцентируют внимание не на внутренних, а на внешних (экзогенных) факторах изменений, отдавая приоритет не национальным, а надстрановым и глобальным характеристикам экономической организации современного капитализма. Особенности развития национальных систем, по их мнению, в значительной степени обусловливаются внешним окружением соответствующих стран и позиционированием последних в мировом иерархически организованном пространстве. Открытием представителей теорий зависимости и миросистемного подхода стала возможность «параллельного» (весьма специфического, не укладывавшегося в рамки линейного стадиального прогресса модернизационного типа) развития или «неразвития» для стран мировой «периферии» (или «полупериферии»).

Концепция индустриализации

Под индустриализацией понимается процесс замещения ручной рабочей силы технологиями, основанными на неживых источниках энергии, для производства товаров. О темпах индустриализации обыкновенно судят по такому показателю, как удельный вес рабочей силы, занятой в сельском хозяйстве. Считается, что по мере уменьшения данного параметра происходит трансформация аграрного общества в индустриальное. Сокращение удельного веса аграрного производства в контексте индустриализации связывается с технологическими, экономическими и организационными сдвигами, сопровождающими промышленное развитие [5].

В качестве классической модели индустриализации обыкновенно рассматривается Великобритания, в которой в первой половине XIX в. уже сложился

рабочий класс, привычный к фабричным условиям, достаточно мобильный в пространственном и профессиональном измерениях. К началу XX в. индустриализация охватила страны «атлантической цивилизации» (Западная Европа и Северная Америка), а также затронула Россию и Японию. «Мирное завоевание» [6] новых пространств индустриальным способом производства, как полагают ученые, в большей степени обусловливалось диффузией индустриальных технологий и организационного опыта, а не самостоятельными эндогенными изобретениями.

Специалисты связывают индустриализацию с ростом разделения труда и усложнением профессиональной структуры; сдвигом от концентрации рабочей силы в аграрной экономике к концентрации в промышленности и, в конце концов, в сфере услуг. Эффективность профессиональной специализации усиливается по мере роста размеров экономических организаций. Технологический прогресс вызывает потребность в новых специальностях, требующих более высокой квалификации и замещающих прежние, менее квалифицированные. Кроме того, индустриализация вызывает появление новых товаров и услуг, которых не было ранее, что, в свою очередь, также сказывается на структуре занятости. Перечисленные изменения обыкновенно сопровождаются ростом солидарности и классового сознания рабочих.

С индустриализацией тесно связаны многочисленные изменения в демографическом поведении, которые в совокупности получили наименование «демографического перехода» (переход от высоких к низким показателям рождаемости и смертности вследствие улучшения питания, повышения уровня медицинского обслуживания, изменения установок демографического поведения). Принято считать, что индустриализация сопровождается также изменениями модели семьи. Традиционному обществу приписывается распространенность расширенной семьи, в то время как для промышленно развитого общества в качестве типичной рассматривается нуклеарная семья [7].

Индустриализация требует более высокого образовательного уровня рабочей силы, в целом развития системы образования и распространения грамотности. Именно уровень образования и квалификации становится одним из главных факторов трудоустройства и социальной мобильности. Расширяется роль средств массовой коммуникации как источника информации и средства изживания характерного для традиционного общества изоляционизма. Индустриализация вызывает к жизни массовую культуру, которая сменяет традиционные формы досуга. Происходит четкое распределение времени между «трудом» и «досугом», не характерное для традиционного общества. В условиях коммодификации (обретение товарной формы) и рационализации всех аспектов социальной жизни, ускорения темпов обыденной жизни само время становится дефицитным товаром. Происходит расширение участия в добровольных ассоциациях, укрепление светских установок поведения. Административно-политические структуры приобретают четко дифференцированный и специализированный характер.

В общем индустриализация выступает как модель фундаментальных изменений, но в конкретной реальности она может приобретать разнообразные формы в зависимости от степени комплексности и синхронности включенных в нее процессов, воздействия внутренних и внешних факторов.

Проблематика индустриализации получила существенно отличную трактовку в рамках различных теоретико-методологических проекций, призванных объяснять характер и направленность изменений. Рассмотрим модели индустриализации, получившие разработку в рамках теорий зависимости и миросистемного анализа.

Индустриализация в контексте теории зависимости

Если представители школы модернизации исследуют проблемы развития с точки зрения Запада, то сторонники перспективы зависимости (зависимого развития или слаборазвитости) рассматривает те же проблемы с позиций стран Третьего мира.

В общих чертах существо парадигмы зависимости сводится к следующему [8]. В основе ее лежит принципиальное положение о том, что слаборазвитость не является стадией на пути к капиталистическому обществу, но выступает в качестве следствия доминирования в мире развитых капиталистических стран. Сторонники перспективы зависимости подчеркивают, что слаборазвитость (underdevelopment) — созданная, рукотворная ситуация, а не первоначальная фаза эволюционного процесса. Таким образом, представители данной школы возлагают ответственность за экономическую и политическую слаборазвитость развивающихся стран на индустриально развитые общества. Подобная точка зрения основывается на признании того, что капиталистическая система подвергла мир преобразованию и установила в значительной степени доминирование над мировой экономикой. Один из крупнейших представителей школы зависимого развития Т. Дос Сантос определяет понятие *слаборазвитость* следующим образом: «Слаборазвитость является скорее не состоянием отсталости, предшествующим капиталистической стадии развития, а следствием и специфической формой капиталистического развития, известной как зависимый капитализм... зависимость является обусловленной ситуацией, в рамках которой экономики одной группы стран обусловливаются развитием и экспансией других стран. Отношения взаимозависимости между двумя или более экономиками или между такими экономиками и системой международной торговли приобретают характер отношений зависимости тогда, когда некоторые страны могут развиваться под влиянием внутренних импульсов, в то время как развитие других, находящихся в зависимом положении, становится отражением экспансии доминирующих стран, оказывающих положительные или отрицательные воздействия на их непосредственную динамику. В любом случае, ситуация зависимости превращает эти страны в отсталые и эксплуатируемые. Доминирующие страны обеспечиваются технологическим, коммерческим, финансовым и социополитическим господством над зависимыми странами — форма этого господства может исторически варьироваться — и могут поэтому эксплуатировать их и извлекать часть произведенного в них излишка. Зависимость, следовательно, базируется на международном разделении труда, которое создает возможности для индустриального развития в одних странах, ограничивая их при этом в других, рост которых обусловливается и подчиняется могущественными мировыми центрами»

[9]. Т. дос Сантос выделяет три стадии зависимости: 1. *Колониальная зависимость:* монополия колониальных властей на торговлю, землю и трудовые ресурсы; 2. *Финансово-индустриальная зависимость:* капиталистические общества вкладывает капиталы в добывающие отрасли и сельское хозяйство в слаборазвитых обществах с целью поддержать свое собственное индустриальное развитие; 3. *Новая зависимость:* Слаборазвитые общества превращаются в рынки для капиталистических обществ.

Для теории зависимости характерно жесткое противопоставление, получившее наименование *центр-периферийной теории*, стран ядра (развитых обществ или метрополий) слаборазвитым странам мировой периферии, которые являются экономическими сателлитами первых (А.Г. Франк). Суть центр-периферийной теории сводится к доминированию развитых капиталистических обществ центра над периферией (Третьим миром). По мнению представителя теории зависимости африканского экономиста и социолога Самира Амина, в основе противопоставления центра и периферии лежит международное разделение труда: в центре — мировая буржуазия, на периферии — мировой пролетариат; отношения между центром и периферией связаны с извлечением центром прибавочного продукта из стран периферии. Зависимые или слаборазвитые общества экономически завязаны на экспорт первичных продуктов, различного сырья и сельскохозяйственных товаров, рынки которых контролируются капиталистическими (перерабатывающими) экономиками. Любая развивающаяся отрасль также подчинена капиталистическому контролю.

Развитие, с точки зрения С. Амина, является прежде всего развитием внутреннего рынка, приоритетного по отношению к внешнему рынку. Слаборазвитость, по мнению С. Амина, напротив, означает приоритет внешнего рынка в сравнении с внутренним. При этом в рамках второго типа динамики допускается определенный прогресс в технике, но относительный и сопровождающийся ухудшением внутренних условий торговли.

С. Амин дифференцирует модели экономического развития центра и периферии, которые, по его мнению, существенно различаются. Первая модель создает условия для сбалансированного экономического развития. В рамках данной модели растущая капиталистическая промышленность предъявляет спрос на большее количество рабочих в сравнении с численностью разоренных ее ремесленников; кроме того, она поглощает рабочую силу из аграрного сектора. В рамках периферийной модели спрос промышленности на рабочую силу не в состоянии поглотить всю массу труда, образовавшуюся в процессе упадка кустарного производства. С. Амин рассматривает процесс разорения ремесленников вследствие конкуренции импортных потребительских изделий и разорение крестьянства как следствие создания латифундий в аграрном секторе в качестве закономерного результата экспансии на периферию капитализма центра. В итоге на периферии формируется капитализм особого типа, отличный от капитализма центра. Динамика развития периферии характеризуется вторичностью, несамостоятельностью, невозможностью перехода к самодостаточному экономическому росту.

Слаборазвитость рассматривается в качестве следствия подчиненного и зависимого положения периферийных пространств в системе международных

экономических отношений. Слаборазвитость, как полагает С. Амин, является неизбежным результатом «блокирования развития» вследствие того, что центр оказывается в большей степени способным экспортировать капитал, чем импортировать продукты, произведенные с его помощью.

В работах С. Амина в анализ капиталистического процесса накопления, протекающего в мировом масштабе, вводится исторический элемент. Автор попытался наметить основные этапы включения периферии в мировое капиталистическое хозяйство с точки зрения процессов, происходящих в рамках самой периферии. При этом в качестве главных факторов данного процесса С. Амин рассматривает внешние причины, связанные с колониализмом, а затем с внешнеэкономической стратегией центра.

Докапиталистической эпохе (до Великих географических открытий), как считает С. Амин, были присущи традиционные механизмы интеграции экономических пространств, среди которых ведущее место занимал фактор «отдаленной торговли», т.е. поставки экзотических, действительно неизвестных партнерам продуктов.

В качестве первой фазы капиталистического освоения периферии выделяется торговый обмен между центром и периферией, характерный для домонополистической стадии развития капитализма. При этом конкуренция со стороны центра блокирует в самом начале формирование капиталистических импульсов, исходящих от внешней торговли, на периферии. Истоки экспансии стран центра С. Амин видит в закономерностях капиталистического способа производства, которому присуще накопление, расширенное воспроизводство, выступающее в качестве основной побудительной причины к пространственному расширению.

Следующая фаза связана с передачей капитальных ресурсов от одного пространства к другому. При этом проникновение капитализма извне, а не его спонтанное возникновение на основе развития и расширения внутреннего рынка ведет к становлению не центрального, а именно периферийного капитализма.

Постепенно на периферии возникают очаги капиталистического производства, прежде всего в земледелии. Начинается переход от традиционной системы земледелия к более современной, устанавливающей зависимость между увеличением продукта в расчете на одного занятого и ростом индивидуальных трудовых затрат. Однако «аграрное перенаселение» как следствие ограниченности городского рынка блокирует прогресс в аграрном секторе, увековечивая использование трудоинтенсивных методов и сельскую нищету вследствие очень низких и даже снижающихся уровней заработной платы.

Как подчеркивает С. Амин, развитие капитализма в сельском хозяйстве периферии тормозится не традиционными производственными отношениями, не перенаселением, не низкой вооруженностью, не низкой производительностью труда, а включенностью в мировой капиталистический рынок, работой в расчете на экспорт, а не на внутренний спрос. В итоге возникает причудливый ансамбль новых социальных структур (крестьянин производит в рамках прежнего способа производства продукты, которые экспортируются в центр; докапиталистические способы производства интегрируются в систему, подчиненную целям господствующего капитала метрополии), дирижируемый буржуазией центра. Таким обра-

зом, в основу «развития слаборазвитости» на периферии кладется доминирование центра.

При этом С. Амир обращает внимание на постоянное изменение (и возможность таких изменений в будущем) ассортимента обмениваемых продуктов меняются (первоначально это сельскохозяйственные экзотические продукты, обмениваемых на готовые изделия потребительского назначения в период развития экономики простого товарного производства; с успехами импортзамещающей индустриализации и расширением внутреннего рынка вследствие «товаризации» аграрного сектора и добычи полезных ископаемых происходит переход к новой системе, в рамках которой сырье обменивается на предметы потребления и средства производства (энергия, сырье, полуфабрикаты, оборудование), необходимые для легкой промышленности и замены импорта; на следующей стадии наиболее передовые из развивающихся стран начинают экспортировать в более отсталые страны, а иногда даже в страны центра, готовые изделия потребительского назначения; в будущем С. Амин представляет возможной новую «международную специализацию», в рамках которой развивающиеся страны станут поставщиками классических промышленных изделий, включая металлургию, химию и т.п., где используется в основном простой труд).

Однако главным остается зависимый характер развития периферии, рост которой диктуется ритмами развития центра. Рост периферии возможен лишь в той мере, в какой производимый ею продукт интересует центр. С исчезновением интереса центра к данному продукту начинается деградация периферийной страны [10]. В своих работах С. Амин приходит к выводу, что любые формы участия стран периферии в системе международного капиталистического разделения труда неизбежно ведут к сохранению и поддержанию состояния слаборазвитости.

Таким образом, взаимоотношения центра (ядра) индустриально развитых стран и периферии носят асимметричный характер: в данном контексте слаборазвитость периферии выступает как результат развития центра. Для представителей теории зависимости развитие и слаборазвитость тесно связаны между собой. Капиталистическое развитие, по мнению сторонников данного подхода, создает дуализм на международном и национальных уровнях: отношения господства и подчинения, которые под воздействием ряда факторов увековечиваются. Находящиеся на более высокой ступени развития контролируют доступ к мировым ресурсам, товарным рынкам, рынкам сырья; обладают возможностью подрывать политические структуры и экономические планы менее развитых стран. Господствующие мировые элиты связаны между собой и с привилегированными элитами стран Третьего мира. Внутринациональная двойственность в границах самого Третьего мира создает небольшие оазисы богатства и власти в контексте периферийной бедности. Развитие фактически ничего не дает большинству населения периферии: со временем социально-экономическая поляризация периферийного общества лишь увеличивается. Практически в неизменном виде сохраняются традиционные феодальные структуры; паразитическая буржуазия оказывается не в состоянии выполнить историческую миссию высвобождения производительных сил; в связи с концентрацией власти в руках тонкого

«верхнего слоя», вступившего в союз с мощными международными покровителями возникают большие трудности с осуществлением необходимых структурных трансформаций. Эксплуататорская политика развитых стран (передача несоответствующих технологий, оказание помощи по ошибочно выбранным адресам, неравноправный характер торговли и т.д.) способствует закреплению слаборазвитости. Сторонники теории зависимости обращают внимание на негативные последствия «демонстрационного эффекта», приводящие к распространению в рядах элиты (а затем и в более широких слоях населения) беднейших стран мира потребительских ориентаций, присущих населению индустриально развитых стран, что в условиях периферии понижает и без того невысокий уровень производительного инвестирования и поощряет расточительность.

Оппоненты теории зависимости обращают внимание на ее тематическую ограниченность, на то, что она не в состоянии объяснить характера экономических отношений внутри ядра, между самими индустриально развитыми странами. Кроме того, критики отмечают неоднородность самой периферии и вариативную природу взаимоотношений ее членов со странами центром. За исключением Японии, все быстро развивающиеся индустриальные экономики «тихоокеанского кольца» (Малайзия, Сингапур, Тайвань, Ю.Корея) лишь несколько десятилетий тому назад находились на периферии, являясь частью Третьего мира, однако сейчас они бросают вызов экономическому превосходству старых индустриальных обществ, что в определенной степени подрывает тезис о консервации зависимости. Таким образом, данная теория игнорирует внутренние особенности различных развивающихся обществ при объяснении относительной недостаточности их развития.

Индустриализация в рамках миросистемного анализа

Среди основных школ, разрабатывающих проблематику развития, миросистемная перспектива И. Валлерстайна — единственная, в рамках которой единицей исследования выступают не страновые (национальные) модели, а мировое сообщество в целом. По мнению И. Валлерстайна, весь мир составляет единую (капиталистическую) систему-экономику, экономическая организация современного капитализма имеет глобальную, а не национальную основу, поэтому национальное государство не является существенной аналитической переменной, поскольку «внутренние» экономические процессы любого общества странового масштаба в значительной степени детерминируются его местом в иерархическом порядке мировой системы.

Суть капиталистической мировой экономики, по мнению И. Валлерстайна, может быть описана следующими 12 тезисами: «1) непрерывное накопление капитала как движущая сила мироэкономики; 2) осевое разделение труда, где отношение ядро—периферия основывается на некоторых формах неэквивалентного обмена, имеющего пространственный характер; 3) структурное существование полупериферийной зоны; 4) важное и постоянно сохраняющееся значение ненаемного труда наряду с наемным; 5) совпадение границ КМЭ с границами межгосударственной системы, состоящей из суверенных государств; 6) приуро-

чение возникновения КМЭ ко времени до XIX века, скорее всего даже к XVI веку; 7) взгляд, согласно которому КМЭ возникла вначале в одной части мира, в основном в Европе, и в дальнейшем распространилась по всему миру путем успешного «включения» новых территорий; 8) существование в миросистеме государств-гегемонов, периоды неоспоримой гегемонии которых были относительно кратки; 9) неизначальный характер государств, этнических групп, домохозяйств, которые постоянно создавались и воссоздавались; 10) фундаментальная важность расизма и сексизма (система гендерной эксплуатации в обществе) как организующих принципов системы; 11) появление антисистемных движений, которые и подрывают, и усиливают систему; 12) модель циклических ритмов и вековых тенденций, которые воплощают внутренние противоречия системы и приводят к системным кризисам» [11].

Итак, мировая система, по мнению И. Валлерстайна, дифференцируется на три группы стран в соответствии с мировым разделением труда: ядро развитых индустриальных обществ; периферийные страны, экономика которых преимущественно основывается на производствах первичного сектора; частично индустриализированные полупериферийные общества, являющиеся одновременно и эксплуататорами и эксплуатируемыми.

Исходя из того, что экономические процессы реализуются в рамках мировой капиталистической системы, И. Валлерстайн утверждает, что ни развитие, ни слаборазвитость какой-либо определенной территориальной единицы не могут быть адекватно проанализированы без рассмотрения ее динамики в контексте циклических ритмов и вековых трендов мировой экономики в целом.

Миросистемный анализ существенно отличается от других школ, занимающихся проблемами развития. Главное отличие характеризует масштаб исследования, не страновый, национальный, как в школах модернизации и зависимости, а мировой, глобальный. Исследовательский фокус миросистемной школы, несомненно, шире подходов других перспектив развития. Представители модернизационной школы широко применяют свои аналитические приемы ко всем странам, которые дают основания для разработки проблематики развития. Сторонники перспективы зависимости преимущественно сосредоточивают свое внимание на странах периферии. Ученые же, работающие в рамках миросистемной перспективы, интересуются как глобальными процессами в масштабах мировой системы, так и национальными динамиками развития стран ядра, полупериферии, периферии, обусловленными, как им кажется, структурой мир-экономики. Школы модернизации и зависимости в общем придерживаются детерминистского видения проблематики развития. Миросистемный подход отличается, скорее, индетерминистским взглядом на историческую динамику: его сторонники признают наличие циклических ритмов и вековых трендов, возможность восходящей и нисходящей мобильности в рамках мировой системы.

Миросистемный анализ применим для изучения процессов как в рамках мировой системы в целом, так и в составных частях последней — в ядре, полупериферии, периферии. Попытку исследования деиндустриализации и реиндустриализации в центре мировой системы в 1980-е гг. предпринял А. Соу. По мнению последнего очередная волна индустриализации в Восточной Азии в

конце 1970-х — начале 1980-х гг. стала возможной в определенной степени вследствие параллельной деиндустриализации в США.

Автор отмечает, что в начале 1980-х последовали массовые закрытия предприятий в городах Среднего Запада и Северо-востока США. Деиндустриализация, т.е. сокращение индустриальной занятости, явилась результатом массового перемещения американских предприятий в экспортные зоны, расположенные в странах периферии. Соу ссылается на исследование К. Харрис, в котором выделены следующие типы деиндустриализации: 1) *секторальная* (закрытие заводов в обрабатывающей промышленности, сопровождающееся, однако, ростом сектора услуг); 2) *региональная* (потеря рабочих мест в регионах Северо-востока, Северо-запада и Среднего Запада при одновременном создании новых рабочих мест главным образом на Юге, Западе и Юго-западе); 3) *структурная* (замещение высокооплачиваемых рабочих мест низкооплачиваемыми; 4) *закрытие предприятий транснациональных корпораций* (при большей выживаемости независимых фирм в сфере малого бизнеса).

В целом, деиндустриализация в США, по мнению А. Соу, проходила преимущественно в форме сокращения высокооплачиваемых рабочих мест на предприятиях обрабатывающей промышленности, являвшихся филиалами транснациональных корпораций, расположенных на Северо-востоке и Среднем Западе.

Объясняя причины деиндустриализации, А. Соу сопоставляет условия производства в США и на периферии. А. Соу отмечает, что транснациональные корпорации не были удовлетворены условиями производства в США. Вследствие давления со стороны профсоюзов корпорации должны были постоянно вступать в переговоры по поводу условий труда, расценок заработной платы, дополнительных льгот. Правительство устанавливало высокие налоги, платежи социального обеспечения, утверждало антимонопольные законы и инструкции относительно минимальной заработной платы и безопасности труда. Поскольку в эпоху компьютеров и эффективных транспортных средств географические расстояния не являлись помехой для мирового производства, транснациональные корпорации не пожелали мириться с ограничениями, налагаемыми профсоюзами и государством.

Условия производства в странах Третьего мира, напротив, отвечали интересам транснациональных корпораций (послушные рабочие, готовые к интенсивному длительному труду за низкую заработную плату; государства, сотрудничавшие с корпорациями, предоставлявшие им льготные условия, в том числе низкое налогообложение, дешевую арендную плату, свободный импорт и т.д.). У корпораций, таким образом, была возможность разделить производства на отдельные стадии и переместить их в страны Третьего мира, сохранив за собой контроль за выходом продукции и планированием.

Многие транснациональные корпорации посчитали для себя более выгодным вложить капитал в акции, чем предпринимать дорогостоящие структурные перестройки собственных предприятий. Приобретение других корпораций давало ТНК непосредственную огромную прибыль, в то время как технологическая реконструкция стареющих предприятий ТНК требовала больших вложений капитала с длительным сроком окупаемости.

В целом имела место тенденция перемещать капиталоемкие и трудоемкие отрасли в страны периферии, оставляя в странах ядра наукоемкие отрасли. Деиндустриализация замедлилась к середине 1980-х, сменившись процессом реиндустриализации.

В связи с этим А. Соу обращает внимание на расширение занятости в ряде восходящих передовых и, как это ни неожиданно, в нисходящих отраслях промышленности. В отличие от наукоемких высокотехнологичных отраслей промышленности (например, электроника) нисходящие отрасли характеризуются трудоемкостью и использованием устаревших технологий (например, швейная промышленность). Несмотря на существенные различия, в маленьких фирмах в указанных типах отраслей существует спрос на схожие по характеру рабочие места (непостоянный, низкоквалифицированный, низко оплачиваемый труд; обычно отсутствие компенсации за сверхурочный труд, социального страхования по безработице, соблюдения стандартных трудовых инструкций и т.д.). В этих отраслях широко используется труд рабочих-незаконных иммигрантов из Мексики и Центральной Америки, недавно прибывших, едва умеющих говорить по английски, в большинстве своем женщин.

Таким образом, согласно А. Соу, в 1980-е гг. деиндустриализация способствовала сокращению относительно квалифицированного, высокооплачиваемого, защищенного социальными гарантиями и профсоюзами труда в обрабатывающей промышленности США, в то время как реиндустриализация привела к расширению применения неквалифицированного, низко оплачиваемого, незащищенного труда одновременно в восходящих и нисходящих отраслях промышленности.

Причины последовавшей за деиндустриализацией реиндустриализации А. Соу объясняет особенностями спроса и предложения, сложившимися к середине 1980-х гг. в рамках мировой капиталистической системы.

Поскольку большинство рабочих прибывало в США из Мексики, исследователь обращает внимание на экономическое положение страны. Мексиканская экономика находилась в глубоком кризисе с конца 1970-х гг., испытывая острую проблему платежного баланса, трудности в выплате долгов, резкую девальвацию песо и необузданную инфляцию. Чтобы оплачивать проценты по внешним долгам, государство сокращало расходы на социальные программы и индустриальные проекты, ухудшая положение бедноты и обостряя и без того серьезную проблему безработицы. Тяжелые времена переживали мексиканские крестьяне, страдавшие от малоземелья и не получавшие никакой помощи от государства. Они были вынуждены оставлять родные деревни в поисках продовольствия и работы — в других селениях, в городе, за пределами Мексики. Таким образом, экономические проблемы Мексики обеспечивали предложение рабочей силы.

Массовая миграция мексиканцев в Соединенные Штаты была возможна, потому что экономика США предъявила спрос на дешевую рабочую силу. Чтобы сохранить ведущие экономические позиции, США должны были производить продукцию, конкурентноспособную на мировом рынке. Деиндустриализация (перемещение предприятий американской промышленности в страны Третьего мира) позволяла снижать издержки производства и делать американские товары конкурентоспособным. Однако возможности для осуществления

подобной стратегии в 1980-х гг. сокращались. Во многих преуспевающих странах Третьего мира (типа Гонконга) рабочая сила становилась все более дорогостоящей, а правительства этих стран стали ограничивать возможности для ТНК. В некоторых бедных странах (например, Филиппины) росли антиамериканские настроения, что повышало риски для иностранных инвестиций. В результате транснациональные корпорации были вынуждены пересмотреть свою политику.

Выход, по мнению А. Соу, был найден в заключении корпорациями субконтрактов с небольшими фирмами в США. При этом ТНК не обременяли себя обязательствами перед рабочими, не сталкивались с профсоюзами, могли свободно расставаться с рабочими, просто не возобновляя контракты. Таким образом, система субконтрактов была связана с меньшим политическим риском, отличалась гибкостью, адаптивностью. Спрос же на дешевую рабочую силу ТНК могли удовлетворить посредством вербовки незаконных иммигрантов.

А. Соу обращает внимание также на трансформацию политики американского правительства, которое также активно поддержало процессы реиндустриализации. Позиции администрации Рейгана по отношению к незаконной иммиграции отличались терпимостью. В середине 1980-х предоставлялась амнистия всем незарегистрированным рабочим, которые могли доказать незаконное пребывание в Соединенных Штатах сроком больше пяти лет. Кроме того, рейгановская администрация улучшила инвестиционный климат в стране путем смягчения экологического и трудового законодательства, понижения налогов, свертывания различных социальных программ, подрыва силы рабочего движения, увеличения оборонных расходов [12].

* * *

В целом представители различных теоретических направлений внесли существенный вклад в разработку проблематики развития и индустриализации. При этом очевидно, что рассмотренные теоретические проекции акцентировали внимание на различных аспектах социальной динамики. Для сторонников теорий зависимости и миросистемного анализа в качестве главных факторов развития выступают внешние, экзогенные параметры, в частности, мировой порядок, внешнее доминирование. Использование различных теоретических подходов при изучении исторического объекта (в данном случае индустриализации), как нам представляется, демонстрирует неполноту односторонних подходов и полезность смены аналитических ракурсов в процессе исторического исследования. Если применение модернизационной парадигмы подтверждает важность внутренних движущих сил индустриализации, то использование других перспектив (зависимости и миросистемного анализа) убеждает в необходимости учитывать и экзогенные факторы, без чего создаваемая исследователем картина не будет выглядеть убедительно и адекватно.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 135—185, 202—228; Vago S. Social Change. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1989. P. 29—36; Классен Х.Дж.М. Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000. С. 6—23; Карнейро Р.Л. Культурный процесс // Антология исследований культуры. СПб., 1997. Т. 1: Интерпретации культуры. С. 421—438; Уайт Л.А. Концепция эволюции в культурной антропологии // Там же. С. 536—558; Он же. История, эволюционизм и функционализм как три типа интерпретации культуры // Там же. С. 559—590; Rostow W.W. The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto. Cambridge, 1960.
2. См.: Ерасов Б.С. Цивилизации: Универсалии и самобытность. М., 2002; Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия. М., 1999. Штомпка П. Социология социальных изменений. С. 186—201; Время мира. Альманах. Вып. 2: Структуры истории. Новосибирск, 2001. С. 306—368, 397—423.
3. Ито Ш. Схема для сравнительного исследования цивилизаций // Время мира. С. 345—354.
4. См.: Кардозо Ф.Э., Фалетто Э. Зависимость и развитие Латинской Америки. Опыт социологической интерпретации. М., 2002; Пребиш Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? М., 1992; Амин С. Государство и развитие // Современная политическая теория / Автор-составитель Д. Хэлд. М., 2001. С. 429—461; Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001; Завалько Г.А. Возникновение, развитие и состояние миросистемного подхода // Общественные науки и современность. 1998. № 2. С. 140—151.
5. См.: Индустриализация: исторический опыт и современность. М., 1998; Kerr C. The Future of Industrial Societies. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1983; Lenski G., Lenski J. Human Societies: An Introduction to Macrosociology. N.Y.: McGraw-Hill, 1987. P. 233—245; Vago S. Social Change. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1989. P. 134—136.
6. См.: Pollard S. Peaceful Conquest: The Industrialization of Europe 1760–1970. Oxford: Oxford University Press, 1995.
7. See: Smelser N.J. Toward a Theory of Modernization // Social Change. Sources, Patterns, and Consequences. Ed. by Eva Etzioni-Halevy and Amitai Etzioni. N.Y., 1973.P. 268—284.
8. See: Dube S.C. Modernization and Development... P. 42—44; Hettne B. Current Issues in Development Theory. Stockholm, 1978; So A.Y. Social Change and Development: Modernization, Dependency, and World-System Theories. Newbury Park, 1990. P. 91—165; Никитченко А.Н. Транснационализация демократии (II). («Третья волна» демократизации в свете теорий мировой экономики) // ПОЛИС. 1999. № 2. С. 45—48; Шестопал А.В. Миражи Эльдорадо в XX веке. Критические очерки буржуазной социологии в Латинской Америке. М., 1974; Его же. Леворадикальная социология в Латинской Америке. Критика основных концепций. М., 1981; Его же. Политические модели и исторические судьбы (Опыт современной Бразилии) // ПОЛИС. 1995. № 4. С. 170—175; Посконина Л.С. Латинская Америка: пути и судьбы «мятежной социологии» // Рабочий класс и современный мир. 1983. № 2. С. 186—189; Ее же. Латинская

Америка: критика леворадикальных концепций. М., 1988; Окунева Л.С. Политическая мысль современной Бразилии: теории развития, модернизации, демократии. Феномен поставторитарного развития: опыт Бразилии и его значение для России. М., 1994. Кн. 1—2.

9. Santos T. Dos. The Crisis of Development Theory and the Problem of Dependence in Latin America // Siglo. 1969. Vol. 21; Cit. in: Dube S.C. Modernization and Development... P. 42—43.
10. См.: Славный Б.И. Немарксистская политэкономия о проблемах отсталости и зависимости в развивающемся мире. М., 1982. С. 165—195.
11. Цит. по: Завалько Г.А. Возникновение, развитие и состояние... С. 148.
12. So A.Y. Social Change and Development... P. 238—246.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ЗАБОЛОТНЫЙ Е.Б., КАМЫНИН В.Д., ШИШКИН И.Г. ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ИСТОРИИ РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАЧАЛА XX ВЕКА. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2003. 388 с.

К началу XXI в. историческая наука в нашей стране прошла большой и сложный путь. В последнее время основным вектором ее развития является переосмысление всей отечественной истории с позиций отказа от единственно «верной» методологии истории и применения различных методологических и концептуальных подходов к истории России. К сожалению, до сих пор в современной историографии отсутствовали крупные обобщающие труды, в которых бы содержался научный анализ того, что произошло с российской исторической наукой в последние 10-15 лет и подводился итог работы, проделанный историками по переосмыслению отечественной истории. Между тем, без анализа накопленного современными исследователями опыта трудно надеяться на дальнейший прорыв в этой области.

Книга уральских историографов Е.Б. Заболотного, В.Д. Камынина и И.Г. Шишкина «Очерки современной историографии истории России с древнейших времен до начала XX века» прямо относится к столь востребованному современной историографией жанру. Совершенно справедливо подчеркивает в своем предисловии к монографии академик РАН В.В. Алексеев, что указанная книга представляет собой вполне естественное продолжение традиций историографической школы, созданной в Уральском государственном университете проф. О.А. Васьковским. Основной особенностью этой научной школы является историографический анализ не только исторической проблематики, но и организации научных исследований в исторической науке в целом.

Авторы рецензируемой монографии уже несколько лет последовательно и плодотворно работают в области изучения современного этапа отечественной историографии. В частности, автору рецензии хорошо известна получившая положительные отклики в центральной печати книга Е.Б. Заболотного и В.Д. Камынина «Историческая наука России в преддверии третьего тысячелетия» (Тюмень, 1999). Она используется в качестве учебного пособия по курсу отечественной историографии в ряде университетов страны и в настоящее время готовится авторами к переизданию.

Согласно концепции авторов, современный период в изучении отечественной историографии, начало которого пришлось на вторую половину 1980-х гг., прошел в своем развитии три этапа: годы «перестройки», первая половина 1990-х гг. и вторая половина 1990-х гг. — начало XX1 в. Каждый из этапов характеризуется изменением методологических и концептуальных основ исторической науки,

совершенствованием методики исследования, развитием источниковой базы, появлением новых исследовательских проблем и изменением отношения к традиционным проблемам исторической науки, резким увеличением количества историографических источников, издаваемых в России по отечественной истории и др.

Основное внимание авторы сосредоточили на рассмотрении изучения в современной историографии исследовательских проблем по истории России. В основу ее периодизации они положили принцип выделения в истории дореволюционной России древнего, средневекового и нового периодов. Уже в этом проявляется желание авторов монографии отказаться от традиционного, кстати, имеющего место и в современной исторической литературе, формационного подхода к истории.

Понимая непосильность взятой на себя задачи — провести анализ современной историографии всех проблем истории России с древнейших времен до начала XX столетия, авторы сознательно ограничили себя исследованием изучения социально-политической проблематики. Эта проблематика, действительно, наиболее привлекает современных историков и по итогам ее изучения можно делать вполне репрезентативные выводы о современном состоянии исторической науки в России. К наиболее важным проблемам, на историографическом изучении которых сосредоточили свое внимание Е.Б. Заболотный, В.Д. Камынин и И.Г. Шишкин, относятся история Российской государственности, история правителей и проводимых ими реформ, социальная история России.

Несомненной заслугой авторов рецензируемой монографии является максимально возможный учет историографических источников по дореволюционной истории России, появившихся в последние 15 лет. Большой интерес для современного исследователя Российской истории может представлять научно-справочный аппарат, вынесенный авторами в обширные сноски, которыми сопровождается каждый раздел монографии.

Заслуживает особого внимания пристальный интерес уральских историографов к происходящим в исторической науке дискуссиям по самым разнообразным проблемам дореволюционной истории России. При этом они не только фиксируют процессы, происходящие в современном историографическом осмыслении отечественной истории, но и пытаются разобраться в аргументации, приводимой различными авторами, объяснить их наличие, как объективными обстоятельствами, как-то, введением в научный оборот новых источников, проникновением в отечественную историографию новых концепций, методов исторического исследования и др., так и действием ряда субъективных факторов.

Для рецензента очевидно, что авторы при характеристике черт, которые характеризуют изменения в исторической науке на каждом новом этапе ее развития, учитывают историографическую традицию, сложившуюся еще в период становления советской историографической науки и получившую обоснование в классических работах М.В. Нечкиной, В.Е. Иллерицкого, А.М. Сахарова и др.

Именно этим обстоятельством, как нам кажется, объясняется излишняя приверженность авторов характеризовать изменения, происходящие в современной историографии, действием политико-идеологических факторов. Особенно

отчетливо это проявляется в желании Е.Б. Заболотного, В.Д. Камынина и И.Г. Шишкина в попытках уложить основные мнения современных историков, изучающих историю России с древнейших времен до начала XX в., в «прокрустово ложе» трех основных теоретических конструкций: формационной, цивилизационной и модернизационной, с позиций которых, по мнению авторов, современные историки объясняют историю России. По нашему мнению, такой подход к оценке современной историографии носит несколько искусственный, заформализованный характер. Его, наверное, вполне можно применить к анализу современной историографии советского периода в отечественной истории, но распространять на всю современную историографию нельзя, ибо спектр мнений в ней гораздо более широкий.

Книга Е.Б. Заболотного, В.Д. Камынина и И.Г. Шишкина является пока наиболее значимым событием в осмыслении современной историографии дореволюционной истории России. Содержащиеся в ней результаты и выводы представляют значительный научный интерес и могут быть использованы при создании обобщающих историографических работ по отечественной истории. Собранный и проанализированный в монографии широкий корпус историографических источников по основным проблемам дореволюционной истории России заслуживает самого пристального внимания профессиональных ученых, а также всех, кто интересуется историей своей страны. Ее появление, несомненно, вызовет дискуссии в современной науке и тем самым даст толчок дальнейшему историографическому осмыслению истории России.

А.И. Комиссаренко

АБЛАЖЕЙ Н.Н. СИБИРСКОЕ ОБЛАСТНИЧЕСТВО В ЭМИГРАЦИИ. Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2003. 304 с.

Рецензируемая монография посвящена малоизученному этапу истории регионального общественно-политического движения — сибирского областничества, который пришелся на заключительный период гражданской войны на Дальнем Востоке (1919-1922 гг.) и первые десятилетия эмиграции (1920-1940-е гг.). В ней подробно анализируется политическая история российской эмиграции на примере деятельности различных группировок и организаций, разделявших идейную платформу областников. Ключевой задачей исследования является выявление основных аспектов идейно-политической эволюции областничества после окончания Гражданской войны, а также факторов, обеспечивших происшедшую эволюцию. Автор обстоятельно излагает перипетии острейшей идейной борьбы, разгоревшейся в эмиграции между сторонниками раздела России на ряд автономных (или даже самостоятельных) областей и привержен-

цами унитарного устройства государства, борьбы, самыми активными участниками которой были и областники.

Продуманной и оправданной представляется структура монографии, состоящей из предисловия, трех глав, заключения, а также трех указателей — биографического, географического и именного. Список ссылок и примечаний свидетельствует о доскональном владении автором историографической ситуацией. Н.Н. Аблажей сумела выявить в отечественных и зарубежных архивах значительный круг новых материалов и сформировать отвечающую требованиям количественной и качественной репрезентативности источнико-информационную основу своего труда. В книге представлен обширный комплекс источников, впервые вводимых в научный оборот, выявленных в фондах центральных, сибирских и дальневосточных архивов России, а также крупнейших зарубежных коллекций по истории российской эмиграции, таких как Гуверовский института Стэнфордского университета, Бахметьевский архива Колумбийского университета, архив Музея русской культуры в Сан-Франциско. Источниковую базу монографии составили также подшивки десятков наименований периодических изданий Дальнего Востока периода 1920-1922 гг. и эмигрантских газет 1920-1940-х гг., мемуары видных представителей сибирской диаспоры.

В первой главе монографии исследуется политическая деятельность областников после краха колчаковского режима и вплоть до окончания гражданской войны, их попытки реанимировать сибирское областническое движение в качестве активного участника политической жизни Приморья. На фоне политической истории белых режимов, сложившихся на востоке в заключительный период гражданской войны, анализируется участие областников в гайдовском перевороте, их попытки опереться на командование белых армий, участие в избирательных компаниях, подробно излагаются сюжеты, связанные с подготовкой и захватом власти во Владивостоке.

Деятельности областников в Китае и Японии в первое десятилетия эмиграции проанализирована во второй главе. Рассматривается судьба остатков российских воинских формирований, переживших эвакуацию и интернирование, а также неудачные попытки реанимировать белое движение под областническим флагом. Принципиально важны и интересны моменты работы, где автор описывает историю борьбы различных кругов эмиграции, в том числе организаций областнической направленности (прежде всего Совета уполномоченных организаций автономной Сибири — СУОАС) за обладание так называемым «русским золотом», оказавшимся в период гражданской войны за границей. Их важность определяется тем обстоятельством, что данная тема уже не раз становилась почвой для недобросовестных спекуляций.

В третьей главе рассматривается идеология и практика позднего областничества на фоне анализа политической жизни диаспоры 1930-х годов, как в Азии, так и в Европе, на которую оказывали влияния как собственно эмигрантские, так и мировые события. Помимо политической, широко представлена культурная деятельность сибирских землячеств в Европе, Азии и Америке. Автор показывает, что в среде российской эмиграции оказалось значительное количество представителей интеллектуальной элиты и активистов этнических обществ, выявляет черты

определенной культурной целостности и сибирской идентичности у части эмиграции, представленной выходцами с восточных территорий России.

Автору удалось успешно решить поставленные в монографии задачи. Исследуя трансформацию областничества, Н.Н. Аблажей приходит к обоснованному выводу, что оно претерпело в условиях эмиграции организационную и идейную эволюцию, развивая в новых условиях концепцию территориальной самостоятельности Сибири. Несмотря на то, что в монографии Н.Н. Аблажей российская диаспора исследуется, в основном, в политическом контексте, данная работа представляет собой также и удачную попытку социокультурного анализа феномена российской эмиграции. Самостоятельную научную ценность представляет опубликованный в качестве приложения к работе «Биографический указатель», дающий сведения о десятках видных деятелей «восточной» эмиграции. В книге присутствует целый ряд уникальных фотодокументов из отечественных и зарубежных архивов, представляющих собой самостоятельную ценность.

Следуя логике рецензируемой книги, вполне самостоятельным мог бы стать раздел по истории областничества в 1940-1950-е гг., содержательно дополняющий «Заключение» монографии. Вне внимания автора остался также сюжет, связанный со взаимоотношениями сибирских областников с представителями казахской, бурятской и татарской диаспор, хотя именно областническая риторика периода гражданской войны оказала заметное воздействие на становление националистической идеологии части национальных элит.

В целом монография Н.Н. Аблажей представляет собой значительный историографический интерес и является новым шагом в исследовании двух актуальных проблем — истории сибирского областничества и судеб российской эмиграции.

С.П. Постников

ЛАБУЗОВ В.А. ПРЕРВАННЫЙ ВЫБОР. ОРЕНБУРГСКАЯ ДЕРЕВНЯ В 20-х — НАЧАЛЕ 30-х ГОДОВ XX СТОЛЕТИЯ. М.: Издательство «Просвещение», 2003. 400 с.

Монография оренбургского историка В.А. Лабузова логически продолжает его исследования, посвящённые состоянию сельского хозяйства Оренбургской губернии в 20-ые годы XX века[1]. Она основана на достаточно обширной источниковой базе (30 фондов федеральных и местных архивов) и значительном круге научной литературы. Книга посвящена исследованию экономического положения крестьянской семьи (двора) и отдельных сельскохозяйственных отраслей в условиях новой экономической политики.

Нужно отметить, что данные проблемы уже становились предметом изучения уральских историков, но рассматривались, как правило, либо фрагментарно, либо в контексте общего состояния экономики региона [2]. В.А. Лабузов по-

пытался раскрыть проблему комплексно и, как свидетельствует текст книги, эта попытка оказалась в целом удачной. В своём исследовании автор учитывает достижения региональной историографии, он опирается на работы своих предшественников, но, в то же время, критически, хотя и уважительно, их анализирует в основном верно определяя сильные и слабые стороны исследований прошлых лет. Характерной чертой монографии стало широкое использование статистических данных. Исследователь вводит в научный оборот большой комплекс источников по сельскохозяйственной статистике. Наличие в историческом исследовании обширного количества статистического материала (в работе 81 таблица) стало основой доказательной базы исследования и позволило автору прийти к выводам, не всегда созвучным общепринятым в исторической науке точкам зрения: о времени фактического наступления нэповских начал в сельском хозяйстве губернии, о низких темпах роста отраслей сельского хозяйства региона и т.д.

Как известно, историческая наука, в т.ч. и региональная, не стоит на месте. Мы становимся свидетелями кардинального изменения представлений исследователей о различных периодах истории вообще и региональной в частности. В настоящее время осуществляется пересмотр позиций, характеризующих и 1920-ые годы, оценка которых в недалёком прошлом была излишне политизирована и отчасти субъективна. В.А. Лабузов стоит на позициях объективизма, отмечая, в том числе, и собственные недоработки и заблуждения (С.30). Подобная позиция не может не вызывать уважения.

Автор монографии весьма тщательно рисует экономико-социальный портрет оренбургской деревни, анализируя географическое положение, административно-территориальные изменения, численность крестьянского населения и исторически сложившуюся специализацию сельскохозяйственного производства (С.40-73). При этом анализу подвергаются не только традиционно изучаемые земледельческие, но и скотоводческо-земледельческие и скотоводческие хозяйства (С.62).

К числу наименее изученных региональной исторической наукой проблем следует отнести вопросы землепользования и землеустройства в первые годы существования Советской власти. Обращение исследователя к этим темам совершенно обоснованно и логично. Автор подробно рассматривает систему землепользования в различных районах Оренбургской губернии: крестьянском, бывшем казачьем и киргизско-переселенческом, отмечая их особенности и общие характерные черты. В.А. Лабузов признаёт, что «события октября 1917 года благоприятно сказались на размерах трудового землепользования» основной части сельского населения губернии (С.92), но подчёркивает, что не вся частновладельческая земля перешла к крестьянам, в ряде местностей губернии по-прежнему сохранялся земельный дефицит. Ряд страниц монографии посвящено процессам землеустройства. В.А. Лабузов совершенно прав, подчёркивая землеустроительную неустроенность основной массы крестьянского населения региона в начале 1920-х годов, приводящую, в свою очередь, к «постоянным переделам, чересполосице, дальноземелью, а кое-где и к нехватке земель, пригодных к эксплуатации» (С.98). Вместе с тем, исследователь, признавая необ-

ходимость землеустройства, достаточно критично относится и к практике его проведения, и конечным результатам землеустроительных работ, доказывая на весьма значительном архивном и статистическом материале, что последние проводились «с низким качеством» и в целом проблему внутриселённого землеустройства не решали (С.125). В.А. Лабузов довольно подробно описывает ситуацию, характеризующую земельные отношения среди крестьянского населения региона. Особый интерес вызывают проблемы землеустройства киргизского (казахского) населения губернии. Нужно признать, что подобный аспект до настоящего времени в региональной исторической литературе не рассматривался, поскольку сферой интереса историков было преимущественно (казачье) крестьянское земледельческое хозяйство [3]. Автор приходит к выводу о том, что «в ходе земледельческих работ» киргизское население потеряло около 20% земли, ранее включенных в сферу хозяйственной деятельности киргизских родов. Не менее интересно его заключение о том, что местные властные структуры так и не разобрались с особенностями хозяйственной специализации киргизских хозяйств, а их наделение по нормам, рассчитанным для земледельческих хозяйств приводило к исчезновению исторически сложившихся форм ведения хозяйства — кочевого скотоводства (С.131-132).

Исследователь фундаментально обосновывает вывод о низкой культуре земледелия крестьянского хозяйства Оренбургской губернии в описываемый период, отмечая, что одной из важнейших причин хозяйственной неустойчивости сельского населения стало пренебрежение элементарными правилами обработки земли и однообразие посевов (С.145, 146). Вместе с тем, В.А. Лабузов далёк от сознательного унижения хозяйственных способностей оренбургских крестьян, совершенно справедливо замечая, что существовал целый комплекс объективных причин, мешающих сельским производителям применять новейшие по тем временам технологии обработки почвы, оснащать своё хозяйство современным сельскохозяйственным оборудованием и техникой (С.157-158, 161-162). Учитывая объективные и субъективные причины, приводящие к низкому уровню культуры земледелия, автор книги совершенно обоснованно заключает, что «понадобился бы не один десяток лет, разумеется, при сохранении системы социально-экономических отношений в незыблемости, чтобы оренбургский крестьянин овладел культурой сельскохозяйственного производства» (С.197). Как известно, такой возможности ни оренбургскому крестьянству, ни крестьянству страны вообще, представлено не было.

Началом перехода к новой экономической политике стало изменение продовольственной политики: переход от продразвёрстки к продналогу. Автор монографии признаёт коренное изменение в налогообложении и соответствующее упорядочивание налогового бремени крестьянства, однако утверждает, что «тезис о заведомой выгодности продналога — один из стереотипов исторической науки давно нуждающийся в своей корректировке» (С.216). Произведённые подсчёты, позволили В.А. Лабузову сделать выводы о том, что продналог 1922/23 хозяйственного года в общем и целом был равен продразвёрстке 1919/20 годов (С.218-219), а сама система налогообложения была явно неудачной, сдерживающей поступательное развитие крестьянских хозяйств (С.261-265, 271). Нужно

отметить, что подобное заключение явно отличается от выводов, которых придерживается абсолютное большинство историков, занимающихся проблемами новой экономической политики и её проявлениями в сельском хозяйстве [4]. Также весьма критично автор исследования оценивает деятельность местных управленческих структур по сбору продналога, а затем и единого сельскохозяйственного налога (С.237, 243, 254), отмечая неподготовленность к сбору налога сельских, волостных и уездных Советов.

Весьма любопытен подход В.А. Лабузова к определению темпов развития сельского хозяйства Оренбургской губернии. Исследователь явно отходит от традиционных и принятых в исторической науке отправных периодов (1913, 1917, 1921 гг.) сопоставления результатов сельскохозяйственной деятельности. Он рассматривает процессы развития сельскохозяйственного производства в динамике, на протяжении значительного временного отрезка — первой трети XX века (с 1900 года) (С.314-318, 320-322). Нужно отметить, что подобный «отход» от заявленных хронологических рамок монографии в целом оправдан, поскольку позволяет сделать вывод о недостаточных темпах развития экономики села и незавершении восстановительных процессов к началу сплошной коллективизации.

Разумеется, что монография не лишена недостатков. Был бы уместен более полный и тщательный анализ взаимоотношений сельской общины с различными социальными слоями деревни, поскольку автор исследования сводит её роль только к двум, хотя и основным, функциям «фискальной и органа, утверждающего порядок на ограниченной территории» (С.95).

В.А. Лабузов относит начало раскулачивания к марту 1928 г. (С.103), тогда как общепринято соотносить этот период с 1930 годом [5].

Ряд фрагментов книги свидетельствует о неком «полемическом» запале исследования. В результате чего желаемое, без учёта времени и обстоятельств, выдаётся за действительное. Так, автор упрекает местные органы управления в отсутствии кадастровой оценки земель, подлежащих землеустройству, хотя несколькими абзацами выше утверждает о невозможности подобной оценки в 1920-ые годы. Наверное нет особой нужды сегодня упоминать и о том, что кадастровая оценка земель не проведена и по настоящее время. Спорен вывод исследователя о «регламентации жизни крестьян в начале нэпа» (С.159). Подобная ситуация может быть соотнесена с периодом 1927-1928 годов.

Тем не менее, материалы книги позволяют уточнить, а иногда и пересмотреть иные, порой слишком поспешные суждения и выводы региональной историографии. Монография В.А.Лабузова будет полезна всем, кто интересуется периодом новой экономической политики. Она не только знакомит с массивом новейшей литературы, но и фиксирует современный уровень разработки соответствующих проблем, даёт представление об основных подходах и выводах, обозначает ряд дискуссионных вопросов и неисследованных сюжетов. Исследование В.А.Лабузова вносит заметный вклад в развитие региональной аграрной истриографии.

Г.Е. Корнилов

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Лабузов В.А. Крестьянское хозяйство Оренбуржья в годы новой экономической политики. Оренбург, 1994. 36с. (в соавт.); Он же. Из истории Оренбургского края в период восстановления (1921-1927 гг.). Оренбург, 1998. 136с. (в соавт.); Он же. Оренбургская деревня на завершающем этапе гражданской войны (1920-1922 гг.). Оренбург, 2002. 135с. (в соавт.).
2. Бокарев Ю.П. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств 20-х годов как исторический источник. М., 1981; Бахтин М.И. Начало великого пути: Из истории социалистического преобразования деревни. 1917-1925гг. М., 1979; Генкина Э.Б. От капитализма к социализму. Основные проблемы переходного периода СССР. 1917-1937. Т.1. М., 1981; Дударь Е.И. Борьба за установление и упрочнение советской власти в Оренбуржье // Учёные записки Оренбургского пединститута. Оренбург, 1967; Ерхов Г.П. Коммунисты Оренбуржья в борьбе за укрепление союза рабочих и крестьян. Челябинск, 1967; История Оренбуржья / Под ред. Футорянского Л.И. Оренбург, 1996; и др.
3. Телицин В.Л. Сквозь тернии «военного коммунизма»: крестьянское хозяйство Урала в 1917-1921 гг. М., 1998; и др.
4. Никонов А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России // Наука и жизнь. 1996. №5. С.52; Отдельнова Л.В.,Ралдыгина Г.М. Оренбургская губернская партийная организация в годы восстановления народного хозяйства (1921-1925гг.). Оренбург, 1969. 62с.; Серпинский В.В. Нэп: практика налогообложения крестьянства // Вестн. Моск. ун-та. Сер.6. Экономика, 1993. №5. С.40 — 44.
5. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД (1918-1939 гг.): Документы и материалы в 4-х томах / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. М., 2000. С.16.

БУКИН С.С. ИСКРОВЦЫ. ИСТОРИЯ НОВОСИБИРСКОГО МЕХАНИЧЕСКОГО ЗАВОДА «ИСКРА». НОВОСИБИРСК: Издательство «Гуманитарные технологии», 2002. 124 с.

Эта книга, вышедшая из-под пера известного сибирского историка, заведующего сектором истории социально-экономического развития Сибири Института истории СО РАН, доктора исторических наук Сергея Семеновича Букина, имеет непосредственное отношение не только к истории Сибири, но и Урала. Нет, наверное, на Урале такого рудника, который не использовал бы и в годы войны, и в мирные послевоенные десятилетия продукции Новосибирского механического завода «Искра» — взрывчатых материалов и средств взрывания для производства горнотехнических работ. Завод «Искра» — ныне одно из крупнейших в стране предприятий пиротехнического профиля — рождался зимой 1941 г., в труднейших условиях начального периода Великой Отечественной войны, когда на восток страны перебазировались сотни промышленных объек-

тов, а многие из них создавались практически на голом месте — с небольшой группы специалистов и строителей, высадившейся на полустанке. Таковы были и обстоятельства возникновения завода № 386, который по решению Наркомата боеприпасов СССР строился близ Новосибирска, на станции Заводская, на месте опустевших артиллерийских складов.

Несомненно, самые яркие, драматичные страницы книги посвящены самому началу — становлению завода и самоотверженной работе искровцев на Победу. При освещении работы завода в течение четырех военных лет автору удается развернуть перед читателем масштабное историческое полотно — панорамный образ сорванной с мест, страдающей и борющейся страны, напрягающей последние силы в схватке с жестоким врагом. Именно на материале военных лет отчетливо видно, что завод — это, прежде всего, люди, сотни и тысячи человеческих судеб, сведенных военным лихолетьем в одном месте и объединенных общим делом. В этом отношении книга выходит далеко за рамки простой хроники становления предприятия и доносит до нас живой пульс истории. В книге есть и строки документов военных лет, и хроника ввода в строй производственных объектов, и цифры выпуска военной продукции, но подлинная история завода раскрывается, прежде всего, через судьбы живых людей — биографии первых руководителей стройки, прибывавших из Москвы, Украины и других мест талантливых инженеров — организаторов производства, запускавших первые технологические процессы, и простых, незнаменитых тружеников, возглавивших различные участки нового производства. Руководимая выведенным за армейский штат поволжским немцем стройбатовская часть из мобилизованных казахов, с трудом переносивших сибирские холода, обезличенные колонны заключенных, группы новосибирских комсомольцев, пришедших на завод по призыву Новосибирского горкома ВЛКСМ, оторванные от семей, набранные из голодной деревни мальчишки — в палитре этих выразительных документальных фактов автору удается показать социальную драму войны, органично соединить в узловом событии историю одного предприятия и историю громадной страны. Несколькими выразительными штрихами С.С. Букину удается без прикрас передать суровую атмосферу военных будней — с их лишениями, жестокостью, неимоверно высокой человеческой ценой, сопровождавшей каждый шаг, каждую небольшую трудовую победу. Картина эта порой весьма далека от устоявшихся представлений о преимуществах «планово-распределительной» экономики. Завод № 386 возводился практически вручную, почти без строительной техники, при постоянном дефиците строительных материалов и явном недостатке централизованного снабжения. Лишь техническая помощь предприятий Новосибирска, находчивость и требовательность руководства, адская работа снабженцев, вырывавших для завода оборудование, где только было можно, позволили предприятию в ноябре 1942 г. выдать первую партию продукции.

Нельзя не отметить и еще одной немаловажной особенности рецензируемой работы. С первых строк книги чувствуется глубоко личное, неравнодушное отношение ученого к предмету своего исследования. И это неслучайно, так как сам автор родился и вырос в заводском поселке Пашино (ныне один из районов Новосибирска), на тихой тенистой улице Новоуральская, и вся история завода

«Искра», давшего жизнь поселку, неразрывно связана с судьбами близких ему людей старшего поколения — членов его семьи, родственников, знакомых и соседей. Теплые строки посвящает автор своей маме, Екатерине Семеновне Вичужаниной (Букиной), которая, придя на завод по призыву горкома ВЛКСМ в самые трудные военные годы, работала секретарем формировавшейся здесь комсомольской организации. Это чувство причастности к истории «малой родины» составляет важную грань исследовательского подхода автора, дает ему возможность «вжиться» в историю, донести ее до читателя такой, какой она воспринималась самими участниками далеких и близких событий.

Второй раздел книги посвящен развитию завода «Искра» в мирные послевоенные десятилетия (с 1945 г. по настоящий день), когда предприятие достигло существенного прогресса в развитии производства и социальной сферы, усовершенствовании технологических процессов, формировании и воспитании кадров. Эта добротно выполненная часть исследования насыщена конкретным материалом — динамикой показателей выпуска продукции, характеристикой постоянно расширявшейся номенклатуры изделий, новых технологических процессов и агрегатов, осваиваемых заводом. Подробный материал о развитии производства и технологического оснащения завода «Искра» позволяет на примере этого предприятия наглядно, в проблемном ракурсе, представить важнейшие вехи социально-экономического развития страны — конверсию первых послевоенных лет, освоение новых методов планирования и экономического стимулирования производства, инициированных реформой 1965 г., техническое перевооружение на основе комплексной механизации и автоматизации производства в 1970-х гг., реализацию курса на повышение эффективности производства в 1980-е гг., сложный переход на рыночные условия хозяйствования в 1990-е гг., особенно больно ударивший по оборонным предприятиям.

Несмотря на то, что история предприятия раскрывается во втором разделе книги в основном в соответствии с традиционной для жанра «истории предприятий» структурой, автор и здесь остается верен избранному методу исследования — стремлению донести до читателя мысли и чувства живых людей, участвовавших в развитии производства, соединивших с ним свои судьбы. Портреты руководителей завода, инженеров и техников, передовых рабочих и целых рабочих династий, работников социальной и культурно-массовой сферы заметно оживляют, а порой и организуют материал книги, поскольку «взросление коллектива» предприятия проявлялось, прежде всего, в развитии деловых качеств и духовном росте составляющих его людей. В этом отношении С.С.Букину, несомненно, удалось реализовать весьма трудную для историка задачу — органично соединить в композиции исследования несколько «планов» истории — от обобщенного социального «портрета» коллектива завода до индивидуальных биографий работников, оставивших яркий след в истории предприятия.

Автору удается успешно раскрыть и еще одну важную проблему, которая в современной историографии далеко не всегда находит приемлемое, сбалансированное решение. Речь идет о трудовых починах и новаторских инициативах коллектива завода «Искра», о социалистическом соревновании, которое являлось

при советском строе важнейшим элементом системы морального и материального стимулирования труда. Законный скепсис по поводу этого феномена базируется, конечно же, на его трактовке как своеобразного идеологического «прикрытия» в целом неэффективной советской экономики. Однако, как бы то ни было, это была часть общего мировоззрения эпохи, то, чем люди действительно жили и руководствовались в своей трудовой деятельности. Сдержанно, без излишнего пафоса, С.С. Букин акцентирует внимание на главном, показывая, прежде всего, практический результат трудовых починов, реальный вклад лучших инженеров и рабочих завода в развитие производства, в выполнение напряженных государственных заданий. Но самое существенное, пожалуй, состояло в том, что атмосфера соревнования, постоянного творческого поиска действительно позволяла выявлять лучших работников и отмечать их трудовую деятельность, что играло значительную воспитательную роль на самом производстве, поддерживало преемственность между поколениями заводчан на основе лучших трудовых традиций и примеров добросовестного отношения к работе. История трудовых починов коллектива завода «Искра» у автора предстает не как перечень «маяков» и их рекордов, но как подлинно народная история, где каждая биография и каждый эпизод высвечивают характер и внутренний мир человека как частицы большого, слаженно работающего коллектива.

С большим интересом читаются страницы книги, которые описывают развитие социальной сферы завода «Искра» — по существу, всего рабочего поселка Пашино, для которого завод является градообразующим предприятием. В исторических трудах этой стороне развития общества обычно уделяется явно недостаточное внимание, а ее исторически конкретное содержание исчезает за колонками безликих цифр. Между тем, именно развитие социально-бытовой сферы лучше всего характеризует особенности повседневной жизни людей, доносит до нас атмосферу исторической эпохи, волновавшие людей заботы и чаяния. С.С. Букин на страницах своего исследования дает яркие, зримые картины становления социально-бытовой инфраструктуры заводского поселка, решения жилищной проблемы, появления первой общественной бани и первых магазинов, строительства зданий нового клуба и новой школы — всех тех событий, которые жителями поселка ощущалось в качестве важных жизненных перемен.

Исследование С.С. Букина во всех отношениях можно отнести к наиболее удачным примерам работ, всесторонне воссоздающих историю отдельных промышленных предприятий, — направления, в наше время далеко не редкого и еще не исчерпанного. Однако, значение рецензируемого исследования не ограничивается этой скромной задачей. В данной книге, на наш взгляд, автору удалось расширить предмет исследования до анализа большой и сложной эпохи в жизни нашего народа, отразив ее наиболее существенные черты в конкретной истории промышленного предприятия. Это достигается глубоким проникновением автора в предмет, тщательностью отбора материала, широким комплексным подходом к формированию источниковой базы исследования. Работа создавалась автором на богатом первичном материале из фондов Государственного архива Новосибирской области и текущего архива предприятия; использовались также

многочисленные материалы (включая фотографии, образцы продукции, предметы быта и др.) из фондов музея завода «Искра», рукописные воспоминания и рассказы ветеранов завода, интервью с руководителями, специалистами и рабочими и даже такой оригинальный источник, как местный фольклор.

Это позволило С.С. Букину соединить в книге строго документальный характер изложения и живой дух подлинной истории, запечатленный в мыслях и чувствах людей. Многие страницы книги доносят до читателя правдивый, зримый, поданный без прикрас и преувеличений облик послевоенных десятилетий. В сопоставлении с устоявшимися историческими трактовками авторский анализ неоднократно дает повод для новых, более глубоких размышлений о прошлом. В этом отношении книга С.С.Букина убедительно доказывает, что микроисторический подход может обладать в современных условиях не менее значительными исследовательскими возможностями, чем крупные обобщающие труды, поскольку в правильно осмысленной исторической детали всегда может обнаружиться зерно нового взгляда на эпоху и творивших ее людей.

К.И. Зубков

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА «ДРЕВНЯЯ РУСЬ» В ПАРИЖЕ

С 15 по 27 сентября 2003 г. в Париже прошла летняя школа «Древняя Русь», организованная Центром изучения России, СССР и пост-советских государств Школы Высших исследований в области социальных наук и Национального центра научных исследований (EHESS-CNRS, Париж) в сотрудничестве с Институтом всеобщей истории РАН. С французской стороны мероприятие было поддержано Центром славянских исследований, Высшей Нормальной Школой, Практической школой Высших исследований (секция исторических и филологических наук), Институтом славянских исследований, Домом наук о человеке. Научные руководители: Андре Берелович (Париж) и Владислав Назаров (Москва). Главная тема: «Рождение национальной монархии и формирование Российского государства (середина XIV — середина XVI вв.) в контексте европейской истории». В работе школы были предусмотрены четыре составляющих: лекции, практические занятия, дискуссии и защиты проектов слушателей школы. Слушатели школы набирались на конкурсной основе.

Значительная часть лекций была посвящена политическим, социальным, экономическим и культурологическим аспектам российской истории XIV –XVI вв. А.А. Горским в лекции «От «земли» к «великим княжениям»: тенденции политического и государственного развития в Восточной Европе. XIII — начало XV вв.» было предложено не замыкаться в рамках традиционных подходов в рассмотрении вопроса территориально-политического объединения Северо-Восточной Руси с позиции московской и литовской централизации, а задаться вопросом, почему стал возможен переход от старой системы к новой, другой,

политической структуре. Обращено внимание на то, что «примыслы» (присоединение земель) были свойственны не только Москве и Вильно, но и другим княжествам, рассмотрены способы присоединения и влияние Золотой Орды на процессы объединения Руси.

В лекции «Формирование централизованного государства и российское общество. XV в.» В.Д. Назаров убедительно доказал, что XV столетие — это особый период в российской истории, время, когда закладывались основы современного Российского государства и, в первую очередь, государственные традиции в области управления. Аргументация данной точки зрения была построена на анализе изменений, которые произошли в отношениях власти и церкви, власти и города, власти и знати на протяжении XV столетия, была показана эволюция самой власти и сделан вывод, что все структурные изменения произошли именно в XV в., осознание же перемен пришло к середине XVI в.

А.П. Павловым был предложен анализ реформ середины XVI в. сквозь призму изменений состава и структуры государева двора, эволюции сословно-чиновной структуры дворянства под влиянием процессов централизации. Лекция М. Пьерри (Великобритания) была посвящена разбору существующих в историографии точек зрения какой монархией была Россия XVI в. — «народной» или «национальной». Л. Штайндорф (Германия) прочел лекцию «Поминальная практика как фактор интеграции Московского государства», в которой на основе анализа синодиков и других документов Иосифо-Волоцкого и Соловецкого монастырей были определены составляющие интегративной функции практики поминовения. Лекция П.Гонно (Франция) «Русская монархия в нарративных источниках» была посвящена осмыслению в русском летописании важного сюжета о роли смерти князя в процессе династического освещения. В лекции «Был ли экономический рост в России (1480 -1560 гг.)» А. Березович (Франция) поставил под сомнение устоявшееся в историографии мнение об экономическом росте в конце XV — первой половине XVI вв., который обеспечил возможности для грандиозного строительства в Москве. По его мнению, накопление значительных средств было связано с увеличением сборов с крестьян и ресурсов монархии за счет присоединенных территорий.

Слушатели школы имели возможность получить значительный материал по западноевропейской истории для сравнительно-исторических параллелей по тематике школы, а также представление о том, над какими проблемами сейчас работают ведущие медиевисты Франции. В лекциях был освящен широкий спектр проблем, связанных с изысканиями в области теории государства (П. Бирнбом, Ж.-Ф. Жене), типологии и использования письменных источников в средневековой Европе (Ф.Менан), а также посвященных различным аспектам истории средневековой Франции. Так, в лекции К. Говард рассматривалась проблема становления системы правосудия и института королевской власти во Франции конца XII — XV вв. Также истории права была посвящена лекция Р. Дескимона «Роль публичного и частного права в развитии французской монархии». А. Буро дал глубокий анализ взаимоотношений монархии и христианства в Западной Европе в средние века. Лекция М. Арнокса «Экономический рост и возникновение пространственной структуры» представляла интерес

с точки зрения методов исследования экономического развития средневекового общества, когда отсутствуют количественные показатели, а также выявления исторических закономерностей. Была прочитана лекция М. Бурен «Антропонимика и общество в Западной Европе. VIII–XVIII вв.». Лекция Ж.-Ф. Шоба «Идентет и исключение среди испанского дворянства как фактор централизации» еще раз показала насколько дискуссионным для французской медиевистики остается термин «государство». М. Пьерри (Великобритания), Л. Штайндорфом (Германия), П. Гонно (Франция) и В. Кивельсон (США) были сделаны обзоры работ по истории средневековой России, появившихся в последние годы в странах, которые представляли лекторы.

Полезной составляющей школы были практические занятия, посвященные источниковедческому анализу отдельных источников. Слушателям школы было предложено участие в двух занятиях на выбор из следующего списка: «Орда и Москва глазами ордынского временщика (Послание Едигея к Василию I)» (А.А. Горский), «История Стародубского княжения в XV в. в 10 строках и еще в четырех актах (опыт извлечения попутной информации)» (В.Д. Назаров), «От самостоятельного княжения до удела служебного князя за три с половиной года (приемы анализа договоров суздальских Рюриковичей с московскими государями и правителями)» (В.Д. Назаров), «Русские писцовые книги и французский кадастр» (А. Березович), «Что скрыто за перечнем фамилий и имен (опыт анализа Дворовой тетради)» (А.П. Павлов).

Большой интерес у участников школы вызвали дискуссии на темы «Территориальная экспансия в Европе: типология, альтернативы, последствия» и «Россия в XVI в.: Европа, Азия или Евразия?». Дискуссии были организованы в форме своеобразных командных игр. Например, первая дискуссия предполагала дебаты между тремя группами, выступавшими с обоснованием правильности (или единственной возможности) выбора государствами одного из трех типов экспансии («московского», «литовского» и «золотоордынского»). Перед дебатами организаторы озвучили свое видение этих типов экспансии. По мнению А.А. Горского для Восточной Европы были характерны три типа экспансии: ордынская (когда одни завоеванные территории непосредственно входили в состав Золотой Орды, другие оказывались в зависимости с сохранением собственных правительств); крестоносная (обращение язычников в христианство и захват их территорий) и внутрирусская (присоединение одних русских земель другими на определенной правовой основе). При этом литовскую экспансию можно выделить лишь как подтип последней, так как она сходна с московской. Характеризуя московский тип экспансии, В.Д. Назаров отметил, что уже в XIV — XVI вв. проявились имперские амбиции Москвы, что объясняется усвоенным наследием Византии и Золотой Орды. П.Ю. Уваровым была охарактеризована бургундская модель экспансии. Участники дискуссии успешно справились с поставленной задачей, дебаты прошли оживленно.

Последней составляющей в работе школы были защиты проектов слушателей школы. Возможно, тексты проектов будут опубликованы в сборнике по итогам работы школы, поэтому ограничусь лишь перечислением тем и авторов. Российскими участниками школы были представлены следующие проекты:

«Ересь стригольников. Церковь и народная религия в России. Вторая половина XIV — первая половина XV вв.» (А. Алексеев, С-Петербург), «Крестьяне в социальной структуре средневековой Руси первой половины XVI в.» (В. Аракчеев, Псков), «Удельные дворы и их политическое значение в XV — XVI вв.» (К. Баранов, Москва), «Русская церковная элита в конце XV — начале XVI вв. (освященный собор)» (В. Вовина, С-Петербург), «Природа смеха и природа власти: шутовство Ивана Грозного и ирония Козимо Медичи (сравнительно-исторический аспект)» (С. Карагодина, Томск), «Между Востоком и Западом: складывание налоговой системы Русского государства в конце XV — первой половине XVI вв.» (С. Козлов, С-Петербург), «Российская монархия в свете политического кризиса 1530-40 х гг.» (М. Кром, С-Петербург), «Город и вече в XIII — XV вв.: Северо-Восточная Русь, русские земли Великого княжества Литовского, Новгород и Псков» (П. Лукин, Москва), «Инкорпорация восточных территорий в состав Московского государства (XIV — первая половина XVI вв.) (И. Манькова, Екатеринбург), «Память о Куликовской битве 1370 г. в идеологии Российского государства XV — XVI вв.» (А. Петров, Москва), «Закон» средневековом русском праве (XVI — XVII вв.)» (К. Петров, С-Петербург), «Наследие Золотой Орды в формировании Российского государства» (Б. Рахимзянов, Казань), «Формирование идеологии русской монархии в XVI в. и Степенная книга» (А. Сиренов, С-Петербург), «Формирование идентичности элиты русского общества в XV — XVI вв.: в поисках врага» (Н. Сайнаков, Томск), «Отношения правителя и знати в Северо-Восточной Руси в середине XIII — конца XV вв.: религиозно-этические аспекты» (П. Стефанович, Москва), «Исторические образы России: об одной тенденции французской русистики» (Н. Трубникова, Томск), «Зарождение казачества на Волге и Дону и его включение в социальную структуру Московского государства в XV — первой половине XVI вв.» (И. Тюменцев, Волгоград), «Ментальные основания древнерусского монархизма (середина XIII — середина XV вв.)» (О. Усенко, Тверь), «Аграрная микро-история на примере Волока-Ламского (XIV — XVI вв.) и Радонежа (XIV — XV вв.)» (С. Чернов, Москва), «Персональный состав нижегородского дворянства и управление Нижегородским краем в середине XV — середине XVI вв.» (П. Чеченков, Нижний Новгород).

Участниками из дальнего и ближнего зарубежья защищались проекты: «Пахомий Серб (Логофет) во взаимоотношениях с духовной и светской властью. Вторая половина XV в.» (С. Гугги, Пиза), «Западная политика Москвы и ее взаимоотношения с Великим княжеством Литовским» (И. Лальков, Минск), «Убийство правителей в Польском королевстве, Великом княжестве Литовском и Московской Руси в XVI — XVII вв.» (Х. Лашевич, Люблин), «Критический анализ представлений о царе в западных записках эпохи Ренессанса» (С. Мунд, Кембридж), «Агиография и героическая биография в создаваемых идентичностях» (А. Навротская, США), «Политическая аргументация в России XVI — XVII вв.» (С.Шнек, Париж), «Царство и империя: коронации Карлуса V и Ивана IV» (О. Новикова, Мадрид), «Связи между великим князем и боярством в представлениях Иосифа Волоцкого или были ли

ограничения московской автократии» (К. Солдат, Берлин), «Две концепции суверенной власти в польско — русских отношениях XVI в.» (Л. Рамотовски, Париж), «Преступления против государя и формы нелояльности в XV — XVI вв.» (А. Рустемейер, Кельн), «Светская деятельность митрополита (XIV — середина XVII вв.» (Е. Теро, Париж), «Антифлорентийская полемика и автокефалия московской церкви» (В. Зема, Киев-Люблин), «Общность несхожего: Российское государство и Великое княжество Литовское в XIV — середине XVI в.» (Е. Русина, Киев).

Хочется надеяться, что летние школы по российской истории в Париже станут традицией.

И.Л. Манькова

АЛЕКСЕЕВ Вениамин Васильевич — академик РАН, доктор исторических наук, профессор, директор Института истории и археологии УрО РАН

БОРОДКИН Леонид Иосифович — доктор исторических наук, профессор Исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

ВОСКОБОЙНИКОВА Наталья Петровна — кандидат исторических наук, специалист отдела научно-справочного аппарата Российского государственного архива древних актов (Москва)

ГАВРИЛОВ Дмитрий Васильевич — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН

ГОЛИКОВА Светлана Викторовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН

ГРИФФИТС Дэвид М. — профессор университета штата Северная Каролина (Чэпел Хилл, США)

ДЕХАРТ Брюс Дж. — адъюнкт-профессор государственного университета штата Северная Каролина (Пембрук, США)

ЗАПАРИЙ Владимир Васильевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории науки и техники и декан факультета гуманитарного образования Уральского государственного технического университета — Уральского политехнического института

КОРЕПАНОВ Николай Семенович — научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН

КОРНИЛОВ Геннадий Егорович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, заведующий кафедрой истории России Уральского государственного педагогического университета

ЛЯПИН Владимир Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Уральского государственного университета им. А.М. Горького

МАЗУР Людмила Николаевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Уральского государственного университета им. А.М. Горького

МАНИН Вячеслав Анатольевич — кандидат юридических наук, доцент Сургутского государственного университета

МИКИТЮК Владимир Петрович — научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН

ALEXEYEV VENIAMIN VASIL'EVICH, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Institute of History and Archaeology, the Russian Academy of Sciences, Urals' Branch

BORODKIN Leonid Iosifovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of Historical faculty of the M.V. Lomonosov State University of Moscow

VOSKOBOINIKOVA Natalia Petrovna — Candidate of Historical Sciences, Expert of the department of the scientific — help device of the Russian State Archives of Ancient Acts of Moscow

GAVRILOV Dmitry Vasil'evich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Recearch Associate of the Institute of History and Archaeology, the Russian Academy of Sciences, Urals Branch

GOLIKOVA Svetlana Viktorovna — Candidate of Historical sciences, Senior Recearch Associate of the Institute of History and Archaeology, the Russian Academy of Sciences, Urals Branch

GRIFFITS David M. — Professor of the University of the state Northern Carolina (Chapel Hill, USA)

DEHART Bryus Dj. — Adjunct-professor of the State University of the state Northern Carolina (Pambruk, USA)

ZAPARI Vladimir Vasil'evich — Doctor of Historical Sciences, Professor, the Chief of the chair of History of science and technics, Dean of faculty of Arts education of the Urals State Technical University — the Urals Polytechnical Institute

KOREPANOV Nikolay Semenovich — Researcher of the Institute of History and Archaeology, the Russian Academy of Sciences, Urals Branch

KORNILOV Gennady Egorovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Recearch Associate of the Institute of History and Archaeology, Russian Academy of Sciences, Chief of the Chair of History of Russia of the Urals State Pedagogical University

LJAPIN Vladimir Aleksandrovich — Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer of the department of History of Russia of the Urals State University

MAZUR Lyudmila Nikolaevna — Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer of the department of History of Russia of the Urals State University

MANIN Vyacheslav Anatol'evich — Candidate of Jurisprudence, Senior Lecturer of the Surgut State University

MIKITJUK Vladimir Petrovich — Recearcher of the Institute of History and Archaeology, Russian Academy of Sciences, Urals Branch

НЕКЛЮДОВ Евгений Георгиевич — кандидат исторических наук, доцент Нижне-Тагильской государственной педагогической академии, докторант Уральского государственного университета им. А.М. Горького

НЕФЕДОВ Сергей Александрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН

ПАВЛОВА Ольга Валентиновна — аспирантка кафедры истории России Уральского государственного педагогического университета

ПОБЕРЕЖНИКОВ Игорь Васильевич — кандидат исторических наук, заведующий отделом истории России XVI—XIX вв. Института истории и археологии УрО РАН

РУКОСУЕВ Евгений Юрьевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН

САПОГОВСКАЯ Лариса Владимировна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН

СУРЖИКОВА Наталья Викторовна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН

ТИМОШЕНКО Владимир Петрович — доктор исторических наук, профессор, директор Информационно-аналитического центра региональной политики Уральской Академии государственной службы

ТУЛИСОВ Евгений Станиславович — кандидат исторических наук, заведующий отделом Института истории и археологии УрО РАН

ФЕЛЬДМАН Михаил Аркадьевич — доктор исторических наук, профессор Уральского государственного университета им. А.М. Горького

ХАДСОН-МЛ., Хью Д. — профессор, заместитель декана колледжа искусств и наук при государственном университете штата Джорджия (Атланта, США)

ЭРТЦ Симон — аспирант-историк Свободного Университета в Берлине (Германия); в 2002—2003 гг. — стажер Исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

ЮРКИН Игорь Николаевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и культурологии Тульского государственного университета

NEKLJUDOV Eugeny Georgievich — Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer of the Nizhne-Tagil'sk State Pedagogical Academy

NEFEDOV Sergey Aleksandrovich — Candidate of Historical Sciences, Senior Recearch Associate of the Institute of History and Archeology, Russian Academy of Sciences, Urals Branch

PAVLOVA Olga Valentinovna — post-graduate student of the department of History of Russia of the Urals State Pedagogical University

POBEREZHNIKOV Igor Vasil'evich — Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Russian History of the XVIth-XIXth centuries, the Institute of History and Archaeology, the Russian Academy of Science, Urals Branch

RUKOSUEV Eugeny Jur'evich — Candidate of Historical Sciences, Senior Recearch Associate of the Institute of History and Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Urals Branch

SAPOGOVSKAJA Larisa Vladimirovna — Doctor of Historical Sciences, Chief Research Associate of the Institute of History and Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Urals Branch

SURZHIKOVA Natalia Viktorovna — Candidate of Historical Sciences, Recearcher of the Institute of History and Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Urals Branch

TIMOSHENKO Vladimir Petrovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Informational-analytical center at the Urals Academy of State Office.

TULISOV Evgeny Stanislavovich — Candidate of Historical Sciences, Head of Department, the Institute of History and Archaeology, the Russian Academy of Sciences, Urals Branch

FELDMAN Michael Arkad'evich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Urals State University

HUDSON, Jr., Hugh D. — Professor, Assistant to Dean of College of Arts and Sciences of the Georgia State University (Atlanta, USA)

ERTTS Simon — Post-graduate student — Historian of Free University in Berlin (Germany); in 2002-2003 — Probationer of the Historical Department of the M.V. Lomonosov State University of Moscow

JURKIN Igor Nikolaevich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief of the chair of History and Culturology of the Tula State University

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Публикации

В помощь преподавателю вуза и школы

Научная жизнь

Publications

For Teacher of High and Secondary School

Scientific life

Научное издание

УРАЛЬСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК № 9. ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ: РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Рекомендовано к изданию
Ученым советом
Института истории и археологии УрО РАН

Технический редактор *Н. Гощицкий*
Компьютерная верстка *А. Исаев*

ЛР № 071852 от 30.04.99 г.

Подписано в печать 5.12.03 г.
Формат 70x100/16. Бумага Офсетная.
Гарнитура «Academy». Печать офсетная.
Усл. п. л. 18,06. Тираж 400 экз. Заказ № 1594
Отпечатано в АО Полиграфист.

Издательство «Академкнига»
620034, Екатеринбург, ул. Толедова, 43а.